

АТЕИСТЫ
МАТЕРИАЛИСТЫ
ДИАЛЕКТИКИ
ДРЕВНЕГО
КИТАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ЯН ЧЖУ
ЛЕЦЗЫ
ЧЖУАНЦЗЫ

VI–IV вв. до н.э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АТЕИСТЫ МАТЕРИАЛИСТЫ ДИАЛЕКТИКИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,
ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ
Л.Д. ПОЗДНЕЕВОЙ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1967

Впервые на русском языке появляется перевод древнекитайских памятников «Лецзы» и «Чжуанцзы». Притчи, легенды, сказки, афоризмы древних мудрецов — не только философские произведения, но и своеобразные художественные миниатюры, меткие и остроумные.

Предисловие и комментарии Л. Д. Позднейвой помогут читателю понять подчас сложные ассоциации и образы даосских легенд, установить конкретный адрес содержащейся в них критики.

1-5-1

85-67

**АТЕИСТЫ, МАТЕРИАЛИСТЫ, ДИАЛЕКТИКИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ
ЯН ЧЖУ, ЛЕЦЗЫ, ЧЖУАНЦЗЫ
(VI—IV вв. до н. э.)**

*Утверждено к печати Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

Редакторы А. В. Зайцева, В. В. Кунин. Художник А. М. Либерман
Художественный редактор И. М. Русина. Технический редактор М. А. Полуян
Корректоры А. В. Попкова и Л. И. Романова

Сдано в набор 7/VII 1966 г. Подписано к печати 4/II 1967 г. Формат 60×90¹/₁₆ Бум. № 2
Печ. л. 25,25 Уч.-изд. л. 28,65 Тираж 4000 экз. Изд. № 1178 Зак. № 1012 Цена 1 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раннее развитие философской мысли в Китае — в I тысячелетии до н. э. — давно уже привлекало внимание ученых. Русские китаеведы А. Л. Леонтьев, Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, П. С. Попов и А. И. Иванов писали о древнекитайских мыслителях, переводили дошедшие до нас памятники. Глубоко интересовался ими Л. Н. Толстой¹.

Эти памятники и до настоящего времени остались предметом пристального изучения. Только за последние годы в Советском Союзе вышли исследования и переводы Н. И. Конрада, А. А. Петрова, Ян Хиншуна, В. М. Штейна, Ю. К. Щуцкого², а также переводы книг Ян Юнго и других современных китайских авторов³.

В данном издании читатель встретится с последователями даосской школы — Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы (конец VI—IV в. до н. э.), — философское наследие которых в памятниках «Лецзы» и «Чжуанцзы» впервые появляется в переводе на русский язык. Древние даосы облекали свои мысли в яркую, образную форму. Поэтому о «Чжуанцзы», например, В. М. Алексеев писал: «Обаяние этой книги притчей... в Китае настолько сильно, что... она никогда не теряла своей власти над китайским умом и до сего времени сохраняет в сознании китайца всю свежесть и все очарование гениального произведения, к которому вовсе не прикоснулся тлен времени...»⁴. Именно с «Чжуанцзы», с его притчи, начал Лу Синь свой «Очерк истории китайской повествовательной прозы» (1923)⁵. Оба памятника сохранили ранние черты, а поэтому предоставляют большие возможности для изучения того этапа нерасчлененного синкретического сознания, когда любые произведения еще «соединяли в своей образности и религиозные представления людей, и зародыши философского миропонимания, и зародыши гражданской истории, и зародыши этических систем, и зародыши естественных наук»⁶. Вполне понятно, что этим философским произведениям была свойственна та образность, которая позже стала особенностью художественной литературы.

Знакомство с «Лецзы» и «Чжуанцзы» значительно расширяет наши представления о генезисе не только философии, но и литературы как важнейших звеньев античной культуры Китая в целом.

* * *

Представленные в переводе памятники отличаются острополемическим характером. В них отражаются обычаи родовой демократии, пережитки которых в какой-то мере сохранились во многих рабовладельческих городах-государствах до объединения Китая в III в. до н. э. В них воспроизводится открытая идеологическая борьба в виде устных состязаний, споров между различными философскими школами, среди которых уже в то время на первый план как наиболее антагонистические выдвигаются даосская и конфуцианская. Родоначальник даосской школы Лаоцзы и его последователи принадлежали к малоимущим слоям общества: Ян Чжу — к земледельцам (имел «сад в три му», 115)⁷; Лецзы и Чжуанцзы — к ремесленникам (о Лецзы говорится: «...в резьбе и полировке вернулся к безыскусственности», 62; о Чжуанцзы: «живете... в самой закоулке нищей деревеньки, от нужды плетете сандалии», 311). Требование минимума материальной обеспеченности у Лаоцзы («...кормиться от небольшого поля, обрабатывать незаложенный огород...», 207), а также характеры некоторых персонажей в притчах философов (землепашец — у Ян Чжу; колесничий, ловец цикад — у Лецзы; повар, разбойник — у Чжуанцзы) говорят о симпатиях авторов к простым людям. Эти герои побеждают в спорах с царями и другими представителями «верхов». В своей борьбе против аристократии и ее идеологов даосы отстаивают интересы народа. Борьба эта развернулась с того времени, когда появилась основная предпосылка для перехода от раннего рабовладельческого строя в Китае к развитому — началась плавка железной руды (середина I тысячелетия до н. э.). Борьба шла по различным направлениям, но прежде всего против основной опоры, с помощью которой утверждалось господство аристократии, — против культа предков.

В «Лецзы» и «Чжуанцзы» сохранились беседы, по своему содержанию направленные против конкретного проявления культа предков — похоронной обрядности. Чжуанцзы, например, отвергает намерение учеников устроить ему погребение согласно ритуалу и утверждает, что сама природа похоронит его не менее торжественно: «Я считаю землю своим гробом, небо — саркофагом... планеты и звезды — мелким жемчугом, а [всю] тьму существ своими провожатыми». На опасения учеников (его-де «склюют вороны») Чжуанцзы отвечает иронией. Не все ли равно, кому пойдет его тело в пищу: «На земле... воронам и коршунам, под землей — муравьям... За что же муравьям такое предпочтение?!» (314). Человек смертен и, как все живое, обратится в прах — заявляет Чжуанцзы и в этой беседе на смертном ложе и ранее — у тела скончавшейся

жены (223). С таким же хладнокровием в сходных ситуациях теоретизируют его герои (165—166). Лецзы и Чжуанцзы в знаменитых сценах с черепом (45, 223—224) и другие мыслители-даосы, например Ян Чжу в диалоге со своим умирающим другом (102), предстают атеистами, причем атеистами воинствующими, ибо, утверждая свои взгляды, они отвергают воззрения противника.

Используя пословицу, Ян Чжу призывает «не облачать [покойника] в узорную парчу, не класть [ему] в рот жемчуга и нефрит, не приносить жертв, не ставить блестящих сосудов» (109).

У Чжуанцзы со всеми подробностями нарисована сценка ограбления могилы: вот снимают саван, прокалывают покойнику щеки шилом, осторожно разнимают челюсти, «чтобы не повредить жемчужин». Здесь же воспроизведена и народная песня с протестом против посмертных почестей: тот, кто был стяжателем при жизни, и мертвый зубами держится за богатство (278—279)⁸.

Кого же выводит Чжуанцзы грабителями? Тех, кто требует неукоснительного соблюдения похоронной обрядности, — конфуцианцев. Этот полемический прием придает его обвинению особую силу: под видом заботы о покойниках конфуцианцы пекутся лишь о собственной наживе.

Ян Чжу связывает возвышение аристократии с культом предков. На вопросы своего ученика (К чему слава... богатство... знатность...?) он дает такое разъяснение: «Благодаря [посмертной] славе возвышение распространяется... на весь род, а нажива — на всю общину» (106). Лецзы идет еще дальше. Свой рассказ о различных захоронениях он заключает таким образом: в каждой стране «высшие» считают именно этот обычай «управлением» (89).

Как видим, отрицая похоронную обрядность, древние атеисты сражались против «управления» (господства) аристократии и ее идеологов — конфуцианцев. Конкретные формы такого «управления» поддаются реконструкции с помощью фольклорных, археологических и немногих письменных источников. Основной ритуал — жертвы предкам (от ежедневных до ежегодных), с закланием животных и исполнением гимнов. При этом душам предков посылались вопросы: кому надлежит царствовать, начинать ли стране войну и т. п., а «души» давали на них ответ через знаки на обожженной лопатке быка, на панцире черепахи и других священных предметах. Считалось, что предки были в курсе всех земных дел и направляли их «чудесными знамениями». Эти «церемонии» и выдавались конфуцианством за основу всех устоев. Недаром сам Конфуций в число добродетелей «благородного мужа» включал трижды «трепет» — «...перед велением Небес... великих мужей... перед словом прежних царей» («Изречения», гл. 16, I, 359)⁹.

Лаоцзы, напротив, отрицал возможность общения с мертвыми. При истинном управлении, говорил он, «души предков не творят чудес. Души предков не только не творят чудес, но и не вредят людям»¹⁰. Вариант этого изречения — «от душ предков нет чудесных откликов» — дает Лецзы (53). Для настоящего человека,

утверждает и Чжуанцзы, «нет ни гнева небес... ни кары душ предков» (198). Отрицая способность душ предков творить доброе и недоброе, т. е. влиять на жизнь живых, древние даосы тем самым ставили под сомнение и законность власти аристократов, и «святость» их управления, и учение конфуцианцев — проповедников культа мертвых. Вместе с культом предков даосы отрицали и другие культы древних китайцев: принесение жертв Небу, Земле, а также рекам, горам, двум радугам и другим явлениям природы. Одной из лучших иллюстраций такой, по существу, атеистической позиции служит притча Лецзы о некоем цисце, который боялся, что «Небо обрушится, Земля развалится». В ней Лецзы объяснял небо как «скопление воздуха», а землю — как «скопление твердого [тела]» (49—50).

Атеизм древних даосов был не случайным. В нем отражались их взгляды на мир — гениальные догадки о едином материальном начале вселенной и каждого существа, о развитии всей «тьмы существ» от простейших и до самых сложных, включая человека, о жизни и смерти как о различных проявлениях единого процесса развития. Первичной субстанцией они считали эфир, воздух (*ци*) или «мельчайшие семена» (атомы?, *цзи*), которые положили начало всему сущему, всем организмам. Они рассматривали смерть как «возвращение» в тот же эфир, те же «семена», из которых все появилось. Лецзы говорил также о материальности души, состоящей из того же воздуха, только более легкого и теплого, чем тело (44—46). По Чжуанцзы материя дала даже «святость душам предков... святость богам» (163). Здесь Чжуанцзы сближается с Анаксименом (VI в. до н. э.), у которого боги возникли из материального первоначала — воздуха¹¹. Наиболее же дерзко отрицал бессмертие души Ян Чжу: «При жизни отличаются друг от друга умные и глупые, знатные и низкие, в смерти же одинаковы тем, что [все] смердят и разлагаются, гниют и исчезают» (108).

Лаоцзы впервые в китайской философии ввел понятие *дао*, означавшее у него «материальную субстанцию вещей» и «естественный закон объективного мира»¹², а также создал учение о материи и ее законах. Конструируя более полную, а главное, более конкретную космогонию, чем Лаоцзы с его первыми попытками абстракции (ср. «Дао дэ цзин», § 42, и «Лецзы», 43—44), Лецзы то перефразирует характеристики Лаоцзы, то цитирует его, развивая его категории (*ци* и др.)¹³.

Фрагменты из Лаоцзы, Лецзы и Ян Чжу целиком или частично повторяет Чжуанцзы (225), но, развивая категорию дао, он создает и свои образы. О процессе жизни человека он говорит: «Огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде...» (163); «[Если] ныне примем небо и землю за огромный плавильный котел, а [процесс] создания за великого литейщика, то куда бы не могли [мы] отправиться?..» (166).

Высмеивая конфуцианское учение о целенаправленной «воле Небес», Чжуанцзы намеренно подбирает нелепые формы, которые

может приять эфир после смерти человека («печень крысы», «плечо насекомого», а ранее — «моя левая рука превратилась бы в пехота... крестец превратился бы в колеса...», 165). Это же выражение стихийности процесса «плавки» и «переплавки» делает неправомерными попытки сближения положений древнего даосизма с буддийским догматом о переселении душ¹⁴. Все вышесказанное делает неправомерным перевод слов *цзао у*, *цзаоучжэ* — «создание вещей» или «то, что творит вещи», как «Создатель», «Бог»¹⁵, и опровергает представление о Чжуанцзы, как об идеалисте и мистике¹⁶. Система мышления ранней даосской школы предстает как направление стихийного материализма в древнекитайской философии.

Понятие материи у древних даосов, как и у древних греков, связано с представлением о ее движении. Об этом говорили Ян Хиншун и А. А. Петров в связи с идеей «естественности»¹⁷, как ее понимал Лаоцзы. «Естественность», как **самодвижение** материи, раскрывал и Лецзы: «...[вещи] сами рождаются, сами развиваются, сами формируются, сами окрашиваются, сами познают, сами усиливаются, сами истощаются, сами исчезают. Неверно говорить, будто кто-то <намеренно> порождает, развивает, формирует, окрашивает, [дает] познание, силу, [вызывает] истощение и исчезновение» (43—44). Чжуанцзы развивал тот же тезис: «Все [вещи] звучат сами по себе, разве кто-нибудь на них воздействует?!» (139). Следовательно, и для древнекитайских материалистов «материя немислима без движения». Раскрыть источник энергии мешала модернизация понятий *инь* и *ян*, которые, по Лаоцзы, «носят в себе все существа» («Дао дэ цзин», § 42) — объяснение их как «свет» и «тьма», «положительный и отрицательный принципы»¹⁸ и т. п. Однако, если обратиться к поэтической образности древнего фольклора¹⁹, то можно вскрыть синкретическое значение²⁰ данных терминов — *ян* = солнце + жар + зарождение + свет; *инь* = луна + холод + + смерть + темнота. К сужению понятий до последних значений при толковании памятников могло привести лишь забвение простого практического опыта земледельца — его представлений о смене холода и жара, зарождении и умирании, которые известны по сохранившимся пережиткам обычной для каждого народа зимней и весенне-летней обрядности.

В даосских памятниках те же слова иногда указывают просто на перемену погоды: «Таковы *инь* и *ян*, четыре времени года» (43); на болезнь: «...утром получил приказ, а к вечеру пил ледяную воду, — у меня поднялся жар... страдаю от *инь* и *ян*»²¹ (151). Они же применяются в космогонических рассуждениях: «В крайнем пределе²² холод [*инь*] замораживает, в крайнем пределе жар [*ян*] сжигает. Холод уходит в небо, жар движется на землю. Обе [силы], взаимно проникая друг друга, соединяются и [все] вещи рождаются», — так передаются слова Лаоцзы в записи, включенной в текст «Чжуанцзы» (241). Сходный фрагмент, в котором движение воздуха объясняется воздействием холода и жара, встречается и у Лецзы

(44). Таким образом, даосы связывают процесс зарождения и развития с разницей температур, а следовательно, с теплотой, как формой движения материи. Философы тогда, видимо, принимали за универсальное движение один его вид — теплоту, также как воздух отождествляли с материей в целом.

В признании движения материи уже заложены основы диалектики древних даосов. Тепло делилось в их представлении на две силы — холод и жар. Единство и борьба этих противоположностей (часто — переход одной в другую) и составляли для них основу развития.

У древних даосов обнаруживаются особенности мышления, близкие к тем, которые Ф. Энгельс установил в греческой философии: «Здесь диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте... Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания». Хотя последнее Ф. Энгельс отмечал как «недостаток греческой философии», но в этом же находил «и ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими противниками»²³. Для даосских мыслителей такими противниками являлись конфуцианцы.

Позднее, в средние века, борьба между этими школами принимает замаскированные формы, за которыми скрыто столкновение двух противоположных линий: в одной отрицается историческое существование и полностью или частично авторство даосских философов Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы, в другой — защищается их наследие. Эта последняя берет начало еще от положительных свидетельств первого историографа Китая — Сыма Цяня о «Чжуанцзы»²⁴ и первого библиографа — Лю Сяна²⁵ о «Лецзы». Причем уже Лю Сян отметил, что главы «Сила и Судьба» и «Ян Чжу» в этом памятнике принадлежат другому автору. О том, что этим автором был Ян Чжу, писали в дальнейшем Лю Цзунъюань (VIII—IX вв.), Сун Лянь (XIV в.)²⁶ и др. Опираясь на эту традицию, историческое существование Ян Чжу и Лецзы доказывали Ю. К. Щуцкий²⁷ и А. А. Петров²⁸.

Борьба двух линий в оценке древней философии приобретает все более сложный характер, поскольку переплетается с борьбой двух религий, вырастающих из тех же философских систем — даосской и конфуцианской.

Уже жертвы императора Конфуцию в его родовом храме (со 195 г. до н. э.), указ о принесении официальных жертв Конфуцию во всех школах страны (59 г. н. э.) говорят о превращении культа Конфуция — предка одного рода — в общегосударственный культ. С той поры в каждом городе в его честь и в честь его учеников возводились храмы, все «ученое сословие», особенно лица, находившиеся на официальной службе, обязывались участвовать в жертвоприношениях²⁹. Все поступившие в школу, выдержавшие экзамены, считались поклоняющимися Конфуцию, а жрецами его культа объявлялись все представители власти, от низших на местах до импера-

тора включительно. Так конфуцианство, ставшее религией, которую позднее называли еще «религией ученых»³⁰, сумело объединить в одних руках светскую и духовную власть. Создав новый культ Конфуция, эта религия восприняла и культ предков — достояние уже не только привилегированного сословия. Предоставив каждой семье отправление ряда служб (жертвы своим предкам перед домашним алтарем, обряды, связанные с рождением ребенка, свадьбой, смертью), конфуцианство облекло главу каждого рода духовной властью.

Вместе с собиранием и записью «священных книг» конфуцианцы добились введения «ученого звания» для освоивших «Пятикнижие» (136 г. до н. э.), а впоследствии — признания основой образованности в Китае знания конфуцианских канонов в толковании «отцов церкви». Конфуцианству в Китае, как и другим религиям в других странах, говоря словами Ф. Энгельса, досталась «монополия на интеллектуальное образование»³¹, которую оно сохраняло даже в XX в. Даже в эпоху расцвета буддизма (VII—VIII вв.) китайские императоры продолжали даровать Конфуцию все новое почетное титулование (например, в 741 г. «Царя, Возвестившего Просвещение»). Несмотря на то что завоевавшие Китай монголы были ламаистами, а маньчжуры — шаманистами, и первые (в 1307 г.) и вторые (в 1645, 1657 гг.) жаловали Конфуцию почетные титулы. Последний и наиболее известный гласил: «Премудрый Первоучитель». Такое долгое господство конфуцианской религии объясняется тем, что она надежно подчинила себе систему образования и административный аппарат.

В противовес государственной религии одна из ветвей даосизма с конца древности трансформируется в свою религию³², в средние века принявшую форму ереси. «Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей, поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»³³, — говорил об общественных и политических движениях средневековья Ф. Энгельс. Подобную же роль даосизма при всей сложности этого направления сумел увидеть русский синолог В. П. Васильев: «Мы думаем, — писал он, — что общая связь всех разнородных систем даосизма заключается в их протесте против конфуцианства, в принятии именно того, что не согласно с этим учением, в соединении под одно знамя всех недовольных»³⁴.

Последователи даосизма как постоянной оппозиции в Китае подвергались гонениям начиная еще с древности, когда Ян Чжу был объявлен еретиком³⁵ в инвективе конфуцианского «апостола» Мэнцзы (IV—III вв. до н. э.), а сторонник даосизма Сыма Цянь подвергся «позорному наказанию»³⁶. Сохранились свидетельства о расправах в средние века и в новое время: казни передовых поэтов Кун Жуна, Люй Аня и Цзи Кана в III в. за отрицание учения о «почтительном сыне»³⁷; преследование Ли Чжи (1602 г.) за отрицание «непогрешимости» Конфуция³⁸; массовые расправы с сож-

жением книг и опубликованием огромных списков «запрещенной литературы» с середины XVII в.— во времена «маньчжурской», а по существу конфуцианской, инквизиции.

В истории каждой страны известно немало фактов идеологической борьбы, в процессе которой реакция преследовала прогрессивных мыслителей и ученых. Не являлся исключением и Китай. Сами термины, применявшиеся в этих случаях,— «ересь», «отрицание непогрешимости»,— указывали на обычную религиозную форму борьбы конфуцианства с инакомыслящими. Следовательно, и в Китае «догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона»³⁹ с той поправкой, что роль «библейских текстов» в этой стране играли «конфуцианские каноны»⁴⁰.

Преследования принимали разнообразные формы. Чтобы обезвредить «опасные мысли», их пытались подвергнуть церковной обработке. Как в христианских странах появился «Аристотель с тонзурой»⁴¹, так и в Китае Лецзы и Чжуанцзы высочайшим указом в средние века (742 г.) оказались причисленными к «лику святых», а памятники, носящие их имена, возведенными в ранг «истинно канонических книг»⁴² даосской религии. Значение подобных исконно китайских средств борьбы с «инакомыслящими» выявил Лу Синь. Обнаружив сходство в приговорах, выносившихся передовым людям XX в. и далеким их предшественникам, он сумел найти точное определение этому явлению: «Еще древние додумались... до искусного приема обуздания: тех, кого можно, подавляли, а кого нельзя — возвышали. Но возвышение,— добавлял он,— это также средство подавления»⁴³.

Вскоре после указа 742 г. «Лецзы» начали толковать в идеалистическом духе. Ян Чжу попытался «переосмыслить» один из деятелей XI в.— Ван Аньши. Он, как показал А. Петров, «просто „превратил“ древнекитайского вольнодумца в „недоучившегося конфуцианца“». Однако и такие попытки уже в XII в. пресек главный средневековый конфуцианский «авторитет» — Чжу Си, объявив учение Ян Чжу ложным⁴⁴. В соответствии с этим «духом времени» Гао Сысунь (XI—XII вв.?) положил начало прямому походу против Лецзы⁴⁵: отрицанию факта его существования как исторического лица и отнесению памятника «Лецзы» к числу позднейших «подделок». Поскольку же в «Лецзы» были записаны мысли Ян Чжу, тем самым уничтожалось наследие и этого «еретика». Зачеркнуть «Чжуанцзы» не позволила его популярность, но его «признание» в XI в. сопровождалось изъятием самых острых антиконфуцианских глав⁴⁶.

В истории китайской философии XI—XII века явились переломным этапом, знаменовавшим усиленное наступление на материализм. «В этот период,— писал А. Петров,— складывается обширная идеалистическая школа сунской философии (так называемое неоконфуцианство)... Эта школа стремилась „обновить“ конфуцианство в соответствии с новыми социальными условиями, создать проч:

ное теоретическое обоснование феодального строя, выработать принципы конфуцианской „сртодоксии“...». Эта школа развивала «метафизику и этику конфуцианства», с одной стороны, «под влиянием даосизма и буддизма», а с другой — чтобы их «противопоставить буддизму»⁴⁷ и, добавим мы — даосизму. Именно такое отношение к наследию древних даосов прослеживается и в дальнейших попытках либо его уничтожить, опровергнув его «древность» как историческую достоверность, либо переосмыслить, чтобы включить какой-то частью в конфуцианство.

Применение старых приемов борьбы с наследием даосских вольнодумцев наблюдается и в некоторых работах XX в. Так, Ян Боцзюнь снова пытается объявить «Лецзы» фальсификацией⁴⁸ и издает его в переосмыслении комментариев и Гао Сысуня⁴⁹ и Лу Чжунсюаня. Лу Чжунсюань снова ведет борьбу с «Лецзы» в рамках самого текста. Он вставляет свои комментарии между фразами, как это обычно делается в китайских изданиях, изменив трактовку слова *тянь* — «природа» — естественный мир, на «Небо» — божество. Поскольку свойственное всей мировой философии разделение на два больших лагеря определялось в Китае различным пониманием именно этого термина, то замена его трактовки и переводила древних даосов из лагеря материалистического в идеалистический, вопреки содержанию самого памятника. Так, начиная с названия первой главы «Лецзы» вместо «Власть природы» (по комментарию Чжан Чжана, IV в.) появилось «Благостное знамение Небес»⁵⁰. За Ян Боцзюнем последовал и А. Грэм, произвольно перемещая «Лецзы» из древности в средневековье (IV в.)⁵¹. Приписывая древним атеистам идеализм и даосской и буддийской религий, приверженцы которых сумели использовать в своих целях неясные места ранних памятников, ни Ян Боцзюнь, ни А. Грэм не заметили эклектичности собственной трактовки: повторяя версию даосской ереси, они утверждали первородство даосизма (Будда — одно из перевоплощений Лаоцзы); повторяя буддийскую версию, утверждали первородство буддизма (Лаоцзы — одно из перевоплощений Будды); принимая и конфуцианскую версию, они отрицали обе предшествующие и при этом впадали еще в одно старое противоречие: ниспровергая «Лецзы» за «недостоверностью» самого Лецзы, уничтожали вместе с ним и другого автора — Ян Чжу, признанного достоверным самой конфуцианской традицией, ибо о нем говорил «непогрешимый» Мэнцзы.

То же наблюдается и в работах о «Чжуанцзы». Гуань Фын, например, уже на основании канонизации памятника относит мыслителя к субъективным идеалистам⁵². Гу Цзеган продолжает «очищать» «Чжуанцзы» от содержащейся в этом памятнике критики по адресу Конфуция⁵³, ссылаясь на знаменитую стеллу поэта Су Дунпо 1078 г., в которой утверждалось, что Чжуанцзы «втайне поддерживал Конфуция». В ней поэт сообщил, что «всегда сомневался в подлинности» глав 29 и 30 из-за «нападок на Конфуция», а глав 28 и 31 — из-за «низкого» слога и затем весьма легкомысленно

признавался, как он «смеялся, осознав», что конец главы 27 «Чжуанцзы» примыкает прямо к 32, так и не приведя более веских доказательств этого «открытия»⁵⁴. Согласился с таким поэтическим «откровением» и Р. Вильгельм⁵⁵, хотя уже Дж. Легге назвал Су Дунпо «первым, кто дискредитировал эти четыре главы»⁵⁶. Изъятие глав, герои которых упоминались еще в «Исторических записках» («Разбойник Чжи», «Рыболов»)⁵⁷, в корне противоречило показаниям Сыма Цяня. Кроме того, последователи точки зрения Су Дунпо «не заметили», что Разбойник Чжи остался в других главах «Чжуанцзы» (см., например, гл. 10). Столь же бесплодными оказались попытки примирения Чжуанцзы с его основным противником, разоблачением которого, за исключением немногих случайных фрагментов, пронизан весь памятник. Недаром В. М. Алексеев писал: «...бедный Конфуций со своими злосчастными церемониями выведен» в книге Чжуанцзы «как кающийся в своем недомыслии рутинер и педант»⁵⁸. Чжан Синьчэн критиковал субъективную конфуцианскую позицию многих последователей Су Дунпо⁵⁹, сомнения которых перешли с отдельных глав на целые разделы «Чжуанцзы». И все же Гуань Фын перевел только первые семь глав, отрицая аутентичность остальных⁶⁰. Над изучением «Лецзы» и «Чжуанцзы» все еще довлеет традиция, вызвавшая справедливое замечание польского синоведа В. Яблоньского: «...оценка китайской мысли должна быть связана с пересмотром проблемы преобладания в ней конфуцианского идеализма»⁶¹.

Еще не все изучающие историю идеологической борьбы в древнем и средневековом Китае видят, что в основе учения Конфуция лежало признание человека центром вселенной, а всего остального мира — посланным человеку как «награда» или «кара» Небес: что конфуцианство с рубежа новой эры превратилось в господствующую церковь, организационно оформившуюся в храмах Конфуция, государственном аппарате, инквизиции; что религия, развившаяся из учения некоторых древних даосов, — это ересь, выдвинувшая впервые требование равенства всех перед богами, а затем имущественного равенства, которое она противопоставила конфуцианству как религии привилегированных. О даосизме — знамени народных восстаний, например во II и XII вв., свидетельствовали не только исторические источники, но и самые популярные народные книги: «Троецарствие», «Речные заводи»⁶². При анализе же борьбы конфуцианства против даосизма как философского течения далеко не всем еще известны выводы, к которым пришел А. Петров. Раскрыв «тенденциозность» китайской литературной традиции, которая находит «объяснение в классовой феодальной сущности конфуцианской литературы», он заключал: «...философы, поставленные перед фактом существования в истории китайской мысли враждебного конфуцианству учения Ян Чжу, встали на путь его замалчивания и фальсификации...»⁶³. Выводы В. Яблоньского и А. Петрова — одно из оснований продолжить изучение этих памятников в свете теории марксизма-ленинизма, которое позволит поставить имена

древнекитайских атеистов, материалистов, диалектиков — Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы — в одном ряду с такими мыслителями, как Гераклит и Демокрит.

* * *

В исследуемых памятниках отразилось бурное развитие красноречия, истоки которого К. Маркс относил к низшей ступени варварства, когда **«воображение, этот великий дар, так много содействовавший развитию человечества, начало теперь создавать неписаную литературу мифов, легенд и преданий...»**⁶⁴. Применением же «письма для литературных произведений» заканчивалась высшая ступень варварства, начавшаяся «с плавки **железной руды...**»⁶⁵. Развитие речи — не только обиходной, но и художественной, — таким образом, значительно опережало развитие письма и оказывалось отделенным от него тысячелетиями.

Характеризуя творчество исторических лиц — Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы, — необходимо отметить, что иероглифы появились и употреблялись задолго до них (в магических целях гаданий — с XIV в. до н. э.; в кратких записях хроники — с конца VIII в. до н. э.), но к записи произведения как единого целого приступили после них (несомненные свидетельства для даосских памятников «Весна и Осень Люя», «Хань Фэйцзы» указывают на конец III в. до н. э.; для «Книги песен», «Книги преданий» и других памятников, вошедших в конфуцианский канон «Пятикнижие», — на II в. до н. э.). Эти данные показывают на протяжении скольких веков создавалась «книга», роль которой в обществе продолжала играть устная передача. Они же говорят о том, что во времена названных философов устная речь оставалась наиболее привычной и развитой формой творчества.

Памятники народного творчества стали записывать спустя много времени после возникновения самих произведений. Отсюда многослойность, переплетение разновременных элементов, классовый отбор, которые прослеживаются при анализе древних сводов китайских народных песен и преданий⁶⁶. «Лецзы» и «Чжуанцзы» сохраняют большую стройность и последовательность, ибо они зафиксированы не через тысячелетия, а через века после своего возникновения в устной форме; записаны они в интерпретации той же школы, в которой учение передавалось устно. Но все же запись творчества философов-ораторов нельзя отождествлять с творчеством письменным⁶⁷.

Первые записи были, видимо, отрывочными, велись без системы, с повторениями, в различных вариантах. Сначала лишь отдельные изречения, беседы заносились на бамбуковые планки (от 8 до 40 знаков на каждой), которые затем стали связываться в пачки. Такая «книга» представляла собой грудку исписанных дощечек, какие и теперь находят при раскопках; шнурки гнили и рвались, планки, а с ними и записи перемешивались. Следы этого обнаруживаются и в данных памятниках, например в повторениях

(см. «Лецзы», 53—54, 78, «Чжуанцзы», 146, 284). По той же причине в них, как в своеобразных архивах школы, оказались случайно и речи противника (см., например, «Чжуанцзы», стр. 312). В таком виде, возможно, и дошли эти памятники до своих первых редакторов. В том факте, что они сохранились в десятках тысяч знаков при довольно стройном идейном и стилистическом единстве, сказалась, видимо, роль устной традиции, очень сильной вплоть до XX в. И все же от «записей речей» нельзя ожидать настоящей точности, как и от записей фольклора до изобретения фонографа и магнитофона. В «Лецзы» и «Чжуанцзы» встречаются расхождения, похожие на варианты одной и той же песни, записанной от исполнителей в различных местностях. Таковы записи одних и тех же выражений⁶⁸, названий местности⁶⁹, имен⁷⁰. Подобные расхождения говорят как о различиях в диалектах и говорах, так и о том, что в древности определенные иероглифы не были закреплены даже за фамилиями и названиями местности; точность здесь возникла, видимо, лишь в средние века. Различие же в начертаниях объясняется тем, что в разных царствах (Ян Чжу был родом из Вэй, Лецзы — из Чжэн, Чжуанцзы — из Сун) создавались свои знаки, унификация которых была проведена лишь после объединения Китая. Расхождения наблюдаются и в записи общих мест (*loci communes*).

Особенности исследуемых памятников раскрываются еще ярче в сопоставлении с философскими памятниками раннего средневековья — сочинениями, основанными на едином замысле и авторской записи, например с трактатами III в. н. э. — «Опровергаю любовь к учению от природы», «О долголетию» Цзи Кана, «Опровергаю учение о долголетию» Сян Сю⁷¹. Объем каждого из них невелик (от восьмисот до тысячи с небольшим знаков), речь ведется от автора, мысль развивается последовательно, философские положения излагаются достаточно связно. Для древних же памятников, напротив, характерен большой объем (в самом кратком «Дао дэ цзине» — пять тысяч, в «Лецзы» — более тридцати, в «Чжуанцзы» — более шестидесяти тысяч знаков). В них говорят учителя и ученики, в монологах и диалогах которых воспроизводятся беседы различных лиц, их споры; выступают и другие герои — мифические, легендарные, исторические, сказочные. Одни эпизоды содержат краткое вступление и вывод, в других эти элементы отсутствуют. Фрагменты следуют один за другим без особого порядка. Их можно переставить без ущерба для содержания. Форма фрагмента (беседа, спор, монолог) уже была выработана, но необходимость начинать с общих положений еще не сознавалась, они могли следовать за частными. Так в «Лецзы» фрагмент, посвященный материи (44), идет после фрагмента о ее формах (43); в «Чжуанцзы» продолжаются споры с живым Хойцзы (280), после речи на его могиле (264); ведутся беседы с Лаоцзы (158) после его смерти (148). Стремление располагать материал в определенной последовательности возникло позже. Записям же древних памятни-

ков, несмотря на поднятые в них сложнейшие проблемы, свойственна фрагментарность. Более позднее разделение памятников на главы также случайно, название главы зачастую относится лишь к первому фрагменту. Такая композиция резко отличает произведения древности от трактатов раннего средневековья — начала эпохи книжной учености.

Признание этих памятников записью творчества ораторов⁷² вызвало необходимость применить к ним методику исследования преимущественно устного творчества, вследствие присущих им общих черт: непрерывного развития и шлифовки речей (фрагментов), обусловленных отсутствием авторского текста, окончательной его редакции; импровизации, которая основывается на определенных, устойчивых традициях школы, требующей ораторского, близкого к актерскому мастерства. Кроме немногих философских терминов (которые позже составят начало «высокого стиля» — основу книжной речи) безраздельное господство прямой речи (монолога и диалога), словарного состава, отвечающего потребностям устного изложения и восприятия на слух, уже говорит о стихии преимущественно живой речи. Анализ же данных памятников обнаруживает художественные средства и приемы, которые связывают древних ораторов-философов с общенародным устным творчеством. Не случайно их притчи, словно басни Эзопа, и поныне живут в фольклоре.

Для ораторов даосской школы характерны приемы сравнения и противопоставления, воспринятые из народной песни. Эти приемы придавали красочность и образность их выступлениям, обогащали язык. Они получили у даосов особое значение благодаря развитию диалектического мышления. Так, Лаоцзы, говоря о противоречиях, постоянно прибегал к антитезам: «Тяжелое — основа легкого, покой — главное в движении...» («Дао дэ цзин», § 26). Частое употребление антитез характерно и для Ян Чжу («умные и глупые, знатные и низкие», 108). В постоянном столкновении противоположных начал постепенно вырастает целая система образов, сознательно преувеличенных (гипербола) или преуменьшенных (лито-та). Резко контрастными чертами рисует Лецзы своих героев: обиженного — немощным (был «телом слишком слаб: ел по зернышку, ходил [лишь] при попутном ветре»); обидчика наделяет нечеловеческой силой («вытянутой шеей отражал [удар] меча, обнаженной грудью — стрелу», 95—96). У Чжуанцзы даже блюститель порядка вынужден признать красоту, отвагу, таланты Разбойника: «Сердце — точно бьющий фонтаном источник, мысль — будто смерч, силы хватит справиться с [любим] врагом...». Разбойник смеется над внешностью Конфуция: «...носишь шапку, разукрашенную ветками, словно дерево; опоясываешься шкурой дохлого быка»; высмеивает его проповеди: «...разглагольствуешь... шлепая губами и молотя языком», и главное, обличает его паразитизм: «...не пашешь, а ешь; не ткешь, а одеваешься» (294). Таковы явно фольклорные средства в изображении слабого и насильника, доброго молодца и проповедника-фарисея.

В записях речей древних ораторов нередко встречается прием многократности действия. Как и в эпической песне, этим достигается замедленность повествования, подчеркиваются узловые моменты рассказа. Так, Колдун трижды является к учителю Лецзы, на четвертый же раз, обращаясь в бегство, он признает свое бессилие (60—62, 171—172). Наставляя ученика, Лецзы перечисляет этапы своего обучения — три года, затем пять, семь и, наконец, девять лет, когда он стал равным учителю (53—54). Подобное перечисление — годы ученичества как показатель роста мастерства — вводится для стрелка, для колесничего (94). К приему многократности прибегает и Чжуанцзы: в споре о том, начинать ли войну, только четвертый оратор разрешает сомнения царя (272—273).

Нередко встречается и фольклорный прием троекратности. Раскрывая противоречия в конфуцианском учении, ученик Ян Чжу говорит о разногласиях между тремя братьями, у которых был один наставник (129); через три испытания у Лецзы проходит Кай — прыгает с башни, ныряет в омут, бросается в огонь (56—57); Беззубый у Чжуанцзы трижды вопрошает Наставника Юных (144). Троекратность, как и многократность, усложняет действие, характеры и в конечном счете помогает достичь монументальности повествования.

Прибегают философы и к приему ступенчатого расширения или сужения: доказательства по восходящей линии приводит ученик Ян Чжу (113), приемом ступенчатого сужения Чжуанцзы доказывает относительность любого пространства по сравнению с бесконечным (272). В «Лецзы» чаще встречаемся с многократностью, в «Чжуанцзы» — со ступенчатым сужением. Это можно объяснить не только индивидуальностью каждого оратора, но и развитием красноречия за время, отделяющее их друг от друга.

Появление общих или типических мест у ораторов объясняется, как и в народном творчестве, потребностью импровизации, хотя в ряде случаев это переходит в новый прием — цитирование. Такова притча о вырезанном из нефрита листе дерева («Лецзы», 120 «Хань Фэйцзы»⁷³ цз. 7, V, 121—122; «Хуайнаньцзы» цз. 20, VII, 348; «Лунь Хэн», гл. 15, VII, 178); рассказ о том, как Лецзы учился стрелять («Лецзы», 55, «Чжуанцзы», 244, «Весна и Осень Люя», цз. 9, VI, 90); о Ян Чжу как ученике Лаоцзы в «Лецзы» (63), «Чжуанцзы»⁷⁴ (284—285) и т. д. Об этом приеме говорит уже сам Чжуанцзы (282). Один из важных подобных примеров — общее место при характеристике противника: «Конфуций... соглашался [принимать] подарки и приглашения современных ему государей. Но [на него] свалили дерево в [царстве] Сун. [он] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу, был осажден между Чэнь и Цай, унижен Цзи, опозорен Яном Тигром, печалился и скорбел до самой смерти. Он — самый бестолковый и суетливый из людей!» (114)⁷⁵. В этом фрагменте Ян Чжу выразил и заискивание Конфуция перед царями, и враждебное отношение к нему народа, и насмешку над его мытарствами, и презритель-

ную жалость к неудачнику. Эта характеристика переходит и в речи других древних ораторов-даосов, то в виде одной-двух фраз, то почти целиком («Чжуанцзы», 206, 219, 307 и др.). С наибольшей же полнотой она слышится из уст Разбойника, который заключает эту тираду так: «Во всей Поднебесной для тебя не нашлось места» («Чжуанцзы», 296). Такие фрагменты, содержащие критику основателя другой школы, еще раз подтверждают общность идейной позиции всех трех философов.

Общие места не всегда произносились одними и теми же лицами. Изречения Лаоцзы (по «Дао дэ цзину»), в «Лецзы» (43) и «Чжуанцзы» (246) приписывались Желтому Предку⁷⁶. Одними словами начинал Лаоцзы свой ответ Ян Чжу и Конфуцию («Чжуанцзы», 171, 191). Монолог «О, мей учитель!» произносил и мифический Никого не Стесняющий (Сюй Ю) и сам Чжуанцзы (168, 197). Все это свидетельствует лишь о передаче слов одного персонажа другому, зачастую отделенному от первого столетиями. Но критики, не знакомые с этим фольклорным приемом, видели в этом «доказательство подделки» или, как они говорили, «вымысла»⁷⁷ даосских памятников. Фрагменты, отдельные выражения, общие с противником, принимают в устах Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы полемический оттенок; общие со своей школой, повторяясь целиком, с небольшой шлифовкой или частично, лишь одной-двумя фразами выражают согласие с определенными положениями. Остановимся на примерах, характерных для последнего случая.

Во фрагментах о Колдуне в «Лецзы» говорится про «девять глубин» и называются все девять (61); в «Чжуанцзы» из «девяяти названий» перечисляются лишь три (172). В двух фрагментах в «Лецзы» (58, 122) дается характеристика водопада, в «Чжуанцзы» (230) приводится первый из фрагментов с небольшими изменениями. Сопоставление общих мест показывает, что нередко снимались излишние перечисления или повторения, причем простое сокращение делало фрагмент художественно более зрелым. Это свидетельствует о возросшем мастерстве и позволяет сделать заключение о соотношении памятников во времени: сырые и пространственные варианты в «Лецзы» — более ранние, лаконичные и точечные в «Чжуанцзы» — более поздние.

Анализ общих мест позволяет провести и другие наблюдения, например над вариантами фрагмента «Лецзы и череп». В одном — Лецзы, увидев череп, обращается с речью о жизни и смерти к своему ученику (45). В другом — Лецзы обращается прямо к черепу, и тот, безмолвный, уже кажется собеседником философа. Этот вариант приобретает фантастический оттенок («Чжуанцзы», 225). Во фрагменте о происхождении жизни в «Лецзы» наряду с данными естествознания попадают и народные поверья. В «Чжуанцзы» суеверия снимаются и текст принимает более научный характер (45—46 и 225). Так, тот же прием шлифовки приводит к различным изменениям в оттенках сюжета, образа и философской мысли.

Невнимание некоторых исследователей к типическим местам мешало выявить общность даосов в очень важных вопросах. Так, А. Петров, констатируя отсутствие идеалистического индетерминизма у Ян Чжу, показывая, что «в форме судьбы» у него выступала «естественная необходимость»⁷⁸, не отметил, что главное в определении Ян Чжу («все, что само по себе таково, но неизвестно почему таково — от судьбы», 103) повторялось в притчах Лецзы и Чжуанцзы (59, 230).

Ян Чжу устанавливает ряд взаимообусловленных явлений; добро — слава — нажива — тяжба (129), а в них единство противоположностей, вернее — переход явления в свою противоположность. «Благие дела» — в основном «раздачи» (см. историю о том, как Тянь Чэнцзы завоевал популярность и сверг своего царя, 107), приносят «славу». «Слава» — возвышение и почет, ведет к «наживе» — наградам. Стремление к «наживе» сопровождается нарушением прав других людей — «тяжбой». Выигрывает «тяжбу» тот, кто обладает «славой» и «наживой». Потерпевший лишается жизни или свободы. Так, за благодеянием высших неизбежно следует казнь или порабощение — «добро» обращается во «зло» даже независимо от собственной воли. В данном случае Ян Чжу лишь развивает изречение Ласцзы: «Творящий добро — учитель недобрых, недобрые — опора творящего добро» («Дао дэ цзин», § 27, ср. § 38).

Еще пример: отношение Чжуанцзы к проблеме сна и сновидений. Неверное и даже мистическое толкование его позиции давалось на основе притчи о бабочке, в которой пропускался вывод («Это и называют превращением вещей, тогда как между [мною], Чжоу, и бабочкой непременно существует различие», 146)⁷⁹. По существу же решение вопроса давалось в предшествовавших притче отрывках. В одних Чжуанцзы перефразирует тезисы Лецзы («Во сне — воспринятое душой, наяву — воспринятое телом», 140), в других, как и Лецзы, с помощью антитезы доказывает зависимость сна от яви (ср. «Тот, кто видел во сне, что пьет вино, наяву плачет; тот, что во сне плакал, наяву едет на охоту», 145, и «Объевшемуся снится, что [он] отдает; изголодавшемуся — что получает», 70). Чжуанцзы здесь солидаризируется со своим предшественником; поэтому, чтобы понять этот сложный полемический раздел Чжуанцзы, необходимо обратиться к вопросу о сновидениях в «Лецзы» (70—72).

Свои положения Лецзы иллюстрирует серией притч о необычных людях в неведомых странах, показывая, как климатические условия вызывают и отклонения от нормы в снах. Зависимость снов от среды выступает и в другой серии притч с участием бытовых героев: старый раб после изнурительной работы по ночам видел себя во сне царем, хозяин же, напротив, «каждую ночь во сне... становился рабом»⁸⁰. В заключающих тему притчах Лецзы с большим юмором обличает суеверия: ряд его героев — от дровосека до царя, принимает оленя, убитого наяву, за увиденного в вещем сне.

Только судья, исходя из факта («Ныне есть доказательство — вот олень»), учит всех отделять сон от яви, как действительное от недействительного.

Приняв материалистическое объяснение смерти, Лецзы выработал подобное же решение проблемы сна, ибо по существу это части одной проблемы⁸¹. От него Чжуанцзы и воспринял объяснение сновидений как состояния души (внутреннего эфира), которое зависит от состояния эфира в теле и окружающей человека природе, от ощущений и мыслей наяву.

Изучение общих мест, напоминающих цитирование, следовательно, позволяет установить рост мастерства, развитие философской мысли от Лаоцзы через Ян Чжу и Лецзы к Чжуанцзы, а также выявить общий стиль, выработавшийся у них благодаря общей философской концепции. Мировоззренческий принцип становится, таким образом, и принципом стилистическим⁸².

Из теоретических трудов, обобщающих конкретное изучение ранней стадии развития мышления, известно, что уже тогда у многих народов мира наблюдались общие черты. Так, «...все явления природы, в том числе неодушевленной природы, первобытные люди познавали по *аналогии* со своей *сознательной* человеческой жизнью и деятельностью...»⁸³.

Аналогия как обращение к прошлому опыту для подтверждения того или иного положения обнаруживается в ранних образцах красноречия, сохранившихся в Китае от II тысячелетия до н. э.⁸⁴. Но и у философов даосской школы, развивавших логику диалектическую, хотя и не дошедших до формулировки ее категорий, большую роль продолжало еще играть *доказательство по аналогии*. Песни, пословицы, предания, благодаря зафиксированным в них событиям, поступкам и заветам героев, воплощали народную мудрость⁸⁵ и давали основание судить о настоящем и будущем. Они не только служили развитию таких логических приемов, как суждение, но и сами были решающим аргументом в этом суждении.

В аналогиях, которые продолжали развивать древние философы, нередко выступали герои мифов и легенд, животного эпоса, сказок, такие, например, как Кит (*Гунь*), Феникс (*Пэн*). В «Лецзы» эти гиганты, противопоставленные насекомым («комарам и москитам»), привлекаются для доказательства существования микро- и макромиров (86). У Чжуанцзы образ взмывающего в небеса Феникса, противопоставленный Цикаде и Горлице с их маленьким мирком, используется для вывода: «Малому знанию далеко до большого» (135—136). И в том и в другом случае для создания гиперболического контраста мыслителям послужила аналогия с мифическим образом. Подобно греческому искусству, для которого «греческая мифология составляла не только арсенал, но и его почву»⁸⁶, в арсенал древнекитайских мастеров слова входили образы и приемы из китайской мифологии, народного творчества. Эти художественные средства и обусловили странное на первый взгляд явление: мифические образы и герои помогали подтверж-

дать материалистические тезисы. Так, миф о богине Нюйва, починившей небо и землю, привлекается для отрицания других божеств — Неба и Земли. Знания о природе в «эволюционной» теории «Лецзы» переплетаются с мифологическими представлениями. Здесь среди примеров самозарождения попадают народные поверья («кровь человека превращается в блуждающие огоньки»), легенды о непорочном зачатии («царь Просо родился от огромного следа...»), отражаются тотемные верования, которые предками человека считали собаку, лошадь (45—46). Гениальные догадки в естествознании⁸⁷ подчас облекались древним философом в фантастическую форму образов из арсенала мифов, легенд, преданий.

Тот же источник образов и у Чжуанцзы, но у него, стремившегося поразить и убедить противника яркостью и неожиданностью аналогии, привлечение героев мифов становилось уже литературным приемом.

Один из примеров — диалог богов Реки и Северного Океана. Бог Реки, полный сознания собственной мощи во время разлива, решил, что «у него вся красота Поднебесной». Но стоило богу Реки доплыть до Океана, чтобы перед его необъятным пространством осознать «свое ничтожество». Однако бог Реки с изумлением слышит от Океана признание и его, Океана, ничтожества, ибо тот сопоставляет себя уже со вселенной (214—215). Похожий диалог ведут у Чжуанцзы Лягушка из колодца и Черепаха из Восточного моря (219). Философу важно доказать лишь относительность времени и пространства⁸⁸, осудить привычку «глядеть на небо через трубочку... целиться шилом в землю» (220) и противопоставить узости взгляда одного персонажа широту кругозора другого. Будут ли это боги или Лягушка с Черепахой, ему по существу все равно. Рядом с предками и богами у него выступают обезьяны, кони, птицы и другие персонажи животного эпоса.

Сказочный характер носят рассказы о чудесных землях, например о стране Всеобщего процветания (52, ср. 234), о горе Охотниц-прорицательниц (53, 137), о царстве Крайнего Севера (88—89). Смешивая быль с небывальщиной, Лецзы и Чжуанцзы добавляют новые черты к утопии Лаоцзы («Дао дэ цзин», § 80). К такой утопии следует отнести и представление даосов о «естественном» состоянии человека в прошлом. «Люди далекой древности... — говорил Ян Чжу, — развлекались, следуя своей природе... не гнались за посмертной славой, поэтому их не настигали и наказания» (107—108, см. также 64—65, 116; «Чжуанцзы», 296). Полузвериный облик предков («змеиные тела и человеческие лица... бычьи головы и тигриные морды», 64) и у Лецзы призван был доказать «естественность жизни» — близость человека к природе на заре развития общества.

У даосов, изучавших природу и ее законы, чаще всего встречались герои космогонических мифов. Героями конфуцианской школы с ее социально-этическим учением были мифические «основатели» общественных устоев, религиозных обрядов. Каждая из школ

отстаивала свое представление об «истории»: даосы — о постепенном развитии человека из животного царства; конфуцианцы — о «золотом веке», «идеальных государях» древности и «ухудшении» человеческого общества в дальнейшем как основе концепции борьбы царей «праведных» против «неправедных».

Переосмысливая старые образы в эпоху систематизации материала, продиктованной уже потребностью в выработке сознательного мирозерцания, каждая школа отбирала своих героев: положительными выступали у даосов — Желтый Предок, у моистов — герой мифа о потопе Молодой Дракон, у конфуцианцев — Высочайший, Ограждающий, царь Прекрасный⁸⁹ и другие. Каждый «предок» становился рупором какой-то школы и поэтому полемика между школами принимала форму спора одних предков с другими.

Присутствие во фрагменте определенного героя как выразителя взглядов философа становится в спорных случаях одним из критериев для определения школы, к которой принадлежал тот или иной оратор. Характерный пример: общность Ян Чжу с Лецзы и Чжуанцзы⁹⁰ доказывают приемы полемики в его речах, развенчание тех героев мифов и легенд, которые воплощали конфуцианские идеалы.

Ян Чжу говорит: «В древности Высочайший и Ограждающий притворно уступали Поднебесную... наслаждались почестями по сто лет» (107). Разоблачению тех же героев посвящает ряд фрагментов Чжуанцзы (285, 291—292, 296 и др.). Если у Ян Чжу Ограждающий — «самый злосчастный, какой только был на земле», а Чжоугун — «самый опасный и трусливый» (113, 114), то и Чжуанцзы осуждает этих персонажей устами Разбойника: «...их поведение было весьма постыдным» (297).

Этот критерий — общность героев помогает подойти к наиболее сложному вопросу, связанному с обвинением Мэнцзы против Ян Чжу, который якобы «не вырвал бы у себя и одного волоска, чтобы принести пользу Поднебесной» («Мэнцзы», гл. 7 (1), 1, 539). Многие комментаторы здесь, как и Мэнцзы, опускали веский контраргумент Ян Чжу: «Миру, конечно, не помочь одним волоском». Игнорировались и тот факт, что спор шел не с конфуцианцем, а с последователем Моцзы⁹¹, и весьма важное заключение, к которому пришел моист: со мной согласился бы Моцзы, а с Ян Чжу — Лаоцзы (113).

Хвала, которую Моцзы воздал Молодому Дракону (от трудов у него «стерлись волоски на икрах и пушок на голеньях...»), превратилась у даосов в осуждение подражателей Молодого Дракона: «...моисты... лишь состязались друг с другом, изнуряя себя в труде [до тех пор, пока] не стирались волоски на икрах и пушок на голеньях» (316, 317). Однако Мэнцзы возмутила не эта насмешка над любимым героем моистов, а другая — над конфуцианскими «праведниками» в речи Лаоцзы. «Высочайший и Ограждающий... [так трудились, что у них] стерлись волоски на голеньях и пушок на бед-

рах» («Чжуанцзы», 182). Этот двучленный фразеологический оборот представлен в двух вариантах — «на голенях» (182), «на икрах» (316), что говорит о записи речей различных лиц; он близок к пословице и, следовательно, должен был сложиться давно. В арсенал образов даосской школы он был введен еще Лаоцзы и лишь отточен Ян Чжу, который выделил из оборота слово «волосок» и придал выражению особую остроту и силу. Поэтому только его одного из даосов и обвинил Мэнцзы в своей знаменитой инвективе: «...если не пресечь учений Ян [Чжу] и Мо [цзы], не проявится учение Конфуция. Они своей речью обманут народ... и поведут зверей пожирать людей, и люди станут пожирать людей»⁹² («Мэнцзы», гл. III (2), 1, 269).

Данный пример острейшей полемики — хорошая иллюстрация переосмысления старых образов в середине I тысячелетия до н. э.: характеристика героя мифа о покорении потопа Молодого Дракона для даосов стала традиционной насмешкой над «царскими помощниками», а для конфуцианцев — инвективой по адресу «еретиков».

Изображение исторических лиц, образы которых также играют роль иллюстрации к теоретическим тезисам, отличается от изображения героев мифических большей сложностью и разнообразием, а их речь — многими оттенками — от брани и злой насмешки до сарказма и тонкой иронии.

Один из характерных примеров — фрагмент, в котором наряду с легендарным Разбойником Чжи выступают действующими лицами судья Цзи Под Ивой (ок. VII в. до н. э.) и Конфуций (VI—V вв.). Вряд ли Чжуанцзы не знал, что последних — исторических героев — разделяли века. Не заботясь о датах, он свел их вместе лишь в полемических целях, ибо позиции их были широко известны. Конфуций как хранитель «обычая»⁹³ упрекает судью за то, что тот не может справиться с Разбойником. Чтобы доказать истинность своих взглядов, Конфуций отправляется к Разбойнику сам, но возвращается наголову разбитым в споре. Выясняется, что ни моралист, ни судья не в силах справиться с Разбойником (293—297).

Несмотря на разногласия, Конфуций и судья выводятся друзьями — так раскрывает Чжуанцзы близость между государевыми помощниками, хотя судья оказывается более разумным. Видимо, он, сторонник писаного закона, для даосов более приемлем, чем защитник произвола аристократии. Судью же и Разбойника Чжуанцзы выводит родными братьями в духе своей любимой антитезы: «Когда рождается мудрец, псявляется и великий разбойник» (179). Герои и композиция фрагмента в целом подчинены философскому и художественному замыслу, который допускал вольное обращение с фактами.

Философы середины I тысячелетия до н. э. далеко ушли от первобытных людей, которые в своих песнях и преданиях видели «воспроизведение реальных лиц и событий... были убеждены, что

все это происходит или происходило на самом деле»⁹⁴. Но, поскольку мышление всех авторов оставалось в значительной мере синкретическим, напрасно мы стали бы искать у них осознания истории в прямом смысле этого слова. Ведь до появления первого историографа Китая — Сыма Цяня (середина II в.) оставалось еще более столетия после смерти Чжуанцзы (IV в. до н. э.). Во многом тщетными поэтому оказываются усилия комментаторов отождествить имена всех встречающихся в тексте царей⁹⁵, годы правления которых давали бы основание для датировки жизни любого действующего лица, в том числе и сказочного, например Рыболова⁹⁶ (304—305).

Эти унаследованные образы и создаваемые по их подобию новые представляли собой еще как бы ссылки на традиционные знания.

Однако эти приемы образного воспроизведения жизни значительно усложнились оттого, что теперь в них отражалась идеологическая борьба внутри классового рабовладельческого общества. Вся эта образность уже меняла свои свойства, поэтому пережитки мифологического мышления в ней нельзя отождествлять с религиозным мирозерцанием. Мифология играла теперь служебную роль в полемике между различными философскими направлениями.

От ссылок на народную мудрость философы переходили к краткому повествованию — притче и к ряду связанных между собой сюжетов. В речи усиливался художественный элемент, хотя сознательное отношение к нему пришло не сразу. Притчи подтверждали тот или иной тезис мыслителя — несли философскую нагрузку. Поэтому для расшифровки сюжета, как и образа, в каждом случае необходимо выявить подтверждаемое ими теоретическое положение, формулировка которого у древних ораторов зачастую отсутствует. Расшифровка притч требует иногда значительных усилий, ибо аналогия, привычная для древнего человека, для современного не служит доказательством. Один из героев Чжуанцзы, например, говорит: «[Ведь] Мао Цян и Цзи из Ли считает красавицами [лишь] человек, а рыба, завидя их, уходит в глубину, птица — улетает ввысь, олень — мчится без оглядки» (144). Вырывая это предложение из контекста, иногда приходят к выводу, что Чжуанцзы вообще отрицает красоту⁹⁷. Однако философ здесь утверждает лишь, что «знания» такой красоты нет ни у рыб, ни у птиц, ни у зверей, убегающих от человека, какой бы он ни был — красивый или уродливый. Такие «знания» человека, следовательно, являются «неистинными», субъективными, с их помощью нельзя познать единство объективного мира («в чем одинаковы [все] вещи»). Этой же мысли подчинены и другие аналогии — о выборе жилья, еды. Фрагмент этот особенно трудно понять из-за его полемичности: поскольку вопросы о том, кого считать красивым, где жить, чем питаться, определялись конфуцианским ритуалом, постольку и весь фрагмент направлялся против конфуцианцев — это их знания признавались «неистинными» (субъективными).

Тот же вопрос о противоречии между субъективными представлениями и объективной действительностью ставится у Лецзы в притче-споре во время пира между царем-конфуцианцем и мальчиком — сыном ремесленника.

«Как щедро Небо к народу! Для нас оно размножает злаки, плодит рыб и птиц!» — восклицает царь, считая, что весь мир создан божеством-Небом только ради человека.

Нет! — возражает царю мальчик. Сказав, что «небо и земля порождают тьму существ», не деля их на «благородных» и «подлых», что и человек становится жертвой хищников и даже насекомых, он заканчивает риторическим вопросом: «Так неужели же небо породило человека для того, чтобы комары и москиты сосали его кровь, а тигры и волки его пожирали?!» (130—131).

Уже сама постановка этих вопросов показывает, что Чжуанцзы и Лецзы признают человека частью объективного мира, к которому и обращаются в поисках знаний. Процесс познания наиболее полно раскрывается у Лецзы в притче о колесничем⁹⁸.

Сначала наставник по особому способу обучает пешей ходьбе, о важности которой говорит: «Когда ты ходил, то овладел умением ногами, а откликался на него сердцем [умом]». То же, утверждает он, нужно и в управлении колесницей. Как для ног — ощущение дороги, для рук теперь важно чувство единства (совпадения, гармонии) с углами губ [коней]. Главное здесь — понимание объекта, с которым необходимо согласовать волю человека. О том же единстве возницы (субъекта) с конями (объектом) — о последовательном ряде ощущений и выработке быстрой мыслительной реакции на эти ощущения, — говорится в притче еще раз. Лишь после такого освоения объекта наступает высшая стадия мастерства, когда колесничему будет по силам любой маневр на любой местности — для него не останется преград (94—95).

Чжуанцзы раскрывает тот же процесс познания устами повара-мясника: «Когда... стал впервые разделывать быка, то видел лишь тушу... Теперь же... не воспринимаю органами чувств, а действую лишь разумом. Следуя за естественными волокнами, режу сочленения, прохожу в полости, никогда не рублю то, что слишком твердо, — центральные жилы и связки, а тем паче большие кости...» Особая сложность этой притчи⁹⁹ заключается в том, что философ, мастерски нарисовавший трудовой процесс — искусство мясника поразит даже современного читателя, — удивляет неожиданным выводом другого собеседника — царя: «Отлично! Услышав рассказ повара, я понял, как достичь долголетия» (147). Из этих слов создается впечатление, будто заклание быка и разделка туши, т. е. смерть, ассоциируются в притче с проблемой противоположной — сохранения жизни. На самом же деле притчу иллюстрируют предваряющие ее строки: «Наша жизнь ограничена, а знания неограниченны» — прямое утверждение возможности познания абсолютной истины при относительности знаний отдельного человека¹⁰⁰. Конкретные знания, о которых говорится в этой

притче, Чжуанцзы подразделяет на ненужные и даже опасные («о славе», о «наказаниях» — т. е. об управлении страной) и главные (об анатомии животного как части природы). Так утверждается преимущество в знаниях повара-мясника над царем.

Расшифровку подобных аналогий облегчает частое повторение той же темы у Чжуанцзы и его предшественников. Сходная притча встречается у Ян Чжу — о пастушке, ведущем стадо в сотню голов: «...[оно пойдет] на восток, [когда он] захочет на восток, [пойдет] на запад, [когда он] захочет на запад». Такой мальчишка-пастух своим мастерством превосходит и Высочайшего и Ограждающего, которые вдвоем не справились бы и с одним бараном (115). Мысль Ян Чжу ясна: пастушок сумел бы и управлять страной лучше мудрецов (ср. у Чжуанцзы образ отрока-табунщика, который учит управлению Желтого Предка, 262—263).

Сходный прием находим и у Лецзы в эпизоде с мальчишками, спорящими о солнце, — когда оно ближе к земле, а когда дальше от нее. Первый говорил о наблюдениях зрительных, заключая свою речь риторическим вопросом: «Разве предмет не кажется маленьким издали и большим вблизи?!». Второй же говорил о тепловых ощущениях и также заключал: «Разве предмет не кажется горячим вблизи и холодным издали?!». Конфуций не смог разрешить их спора, и оба мальчика над ним посмеялись: «Кто же считает тебя многознающим?!» (89—90).

Пользуясь лишь средствами живой речи, при полном отсутствии научной терминологии, Лецзы излагает законы перспективы и теплоизлучения с полемической целью вывести Конфуция невеждой перед мальчишками, так же как царя — перед поваром, мудрецов — перед пастушком. Число подобных примеров можно умножить. В каждом отдельном случае даосы высказывали свое убеждение в необходимости познать внешний — объективный мир, полемически противопоставляя его конфуцианскому, ограниченному лишь делами управления кругозору. Конфуцианцам, неизменно отрицавшим возможность познания объективной действительности, даосы противопоставляли свое утверждение примата естественных знаний¹⁰¹.

По этой причине они обращались к сравнениям и аналогиям, позволявшим ввести материал, обычно не находивший себе места в речах ораторов: картины природы (водопад в Люйляне, горы, образующие ветер), описание животных (сравнение животных на воле с приносимыми в жертву). Даосы проявляли интерес к чертам быта и общественных отношений, которые устранялись из повествований конфуцианских. Вместо картин социального благополучия они рисовали произвол царей и аристократов, страдания бедняков и подвиги разбойников, ограбление могилы и казнь на площади, калек и увечных, исполненных человеческого достоинства; создавали пародии на «благородных мужей» (Конфуций и чучело собаки, 205—206). По этой же причине даосы и выдвигали на первый план героев, которые постоянно имели дело с природой

и узнавали ее в учении, в труде; непосредственно соприкасаясь с той или иной частью природы — быком, конем или овцами, рекой или водопадом. Образы простых людей — умельцев, как и отдельные замечания, вроде «слепому не познать красоты орнамента, а глухому — звуков колокола» (137, вар. 168), говорят о признании даосами необходимости человеческой практики, а также восприятия действительности через ощущения. Именно таково значение этих аналогий, хотя у древних мыслителей, естественно, не найти подобных формулировок. Ключ к расшифровке содержания каждой притчи, кроме определения полемического философского тезиса, дает также система положительных и отрицательных образов и их роль в спорах с другими школами. Причем с усложнением философского содержания усложняется, обогащается и система образов.

Для древних философов-даосов человек, владеющий ремеслом или земледелием, осваивает лишь какую-то часть действительности (пастух знает овец, укротитель — повадки тигра). Такие герои олицетворяют начальную форму познания мира. Рассказ о более высокой ступени познания встречается уже у Лецзы в притче о знатоке коней. Здесь начальная форма познания противопоставлена высшей как конкретно-чувственное восприятие рациональному обобщению. Настоящий знаток коней «овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее». Он не отличает каурой кобылы от вороного жеребца, ибо видит «мельчайшие семена <атомы> природы». Конь, выбранный им, окажется «поистине единственным во всей Поднебесной» (125). У этого героя особое имя — Высящийся Во Вселенной, близкое к таким прозваниям, как Подобный Лесу у Лецзы (47—48), Высокий Платан — у Чжуанцзы (145) и др.

Характерная для этих героев черта — уподобление природе, позволяющая выделить их в особую группу, раскрывается в речи Безымянного: «Я готовился к общению с тем, что творит вещи, как с себе подобным...» («Чжуанцзы», 170); в притче о поисках Черной Жемчужины (метафорически — материя, *дао*), отыскать которую сумел лишь Подобный Небытию (189). Такие аллегорические прозвания означали: их носители настолько познали природу, что стали ей подобны. Они вместе с самим Лаоцзы и другими основателями даосизма и представляли «настоящих людей», достигших познания высшей ступени — рационального. Философское содержание таких образов у Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы говорит о развитии дедуктивного метода в древнекитайской философии и признании ими вслед за Лаоцзы превосходства дедукции над индукцией.

«Уподобление природе» характерно и для эстетических взглядов даосов. Во фрагментах о музыкантах и певцах утверждается, что подражание природе, основанное на познании ее законов, оказывает обратное воздействие на природу и человека в том числе («Лецзы», 91—93, «Чжуанцзы», 204—205). Подражание при-

роде даосы видят и в самом строении музыкального инструмента. «Свирель человека», — говорит Чжуанцзы, создается «дырочками на бамбуке», как «свирель земли (ветер. — Л. П.) образуется всеми ее отверстиями» (139). Другой пример — рама для колоколов. Плотник оттого создал замечательный инструмент, что сумел обнаружить его прообраз уже в дереве в лесу: «...в лучшем по форме и сущности [дереве] передо мной предстала воочию рама...» (231).

«Уподобление природе» — свойствам материи — обусловило также появление у даосов, разумеется в зародыше, «теории отражения»¹⁰². Уже у Лецзы встречается положение: «...покой подобен зеркалу»¹⁰³, которое дополняется у Чжуанцзы: «Люди смотрят на [свое] отражение не в текучей воде, а в стоячей...»; и еще: «Настоящий человек пользуется своим сердцем [разумом], словно зеркалом» (83, 157, 172). Этот тезис дается и в развернутом виде: «...[когда] вода в покое, [в ней] виден [каждый волосок] бороды, бровей. [Ее] уровень точен, и большой мастер берет [его] за образец. [Если] в покое вода ясна, то тем более [ясен] разум. Сердце мудрого в покое — это зеркало неба и земли, зеркало [всей] тьмы вещей» (197). Покой, необходимый для познания объективных явлений мира, таким образом, отождествляется с *зеркальной поверхностью* воды. Подражание покою зеркальных вод вызвало и особый символ высшей мудрости — гиперболизацию состояния покоя. Поэтому «настоящий человек» уже своей характеристикой («телом подобен засохшей ветке, сердцем — угасшему пеплу», 256, вар. 86, 139, 265) как бы абстрагировался от всего человеческого. Эти иконописные черты и помогли ввести таких героев в пантеон при образовании даосской религии. Так возник любопытный парадокс: вопреки их атеистическим взглядам, были обожествлены Лаоцзы, Гуань Инь, Гуан Чэньцзы¹⁰⁴.

Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы также приравнивались к основоположникам учения, а поэтому также уподоблялись самой действительности. Но они переходили к высшей стадии познания от низшей, которой владели, как их герои-умельцы. Во фрагментах об учении философов рассказывается о их слабостях и промахах, за которые они получали выговоры, например Ян Чжу — от Лаоцзы (63, 284—285), Лецзы — от Темнеющего Ока (55, 62—63, 119, 309) и др. Это говорит о признании возможности перехода от низшей стадии познания к высшей, а кроме того, делает этих философов живыми людьми в противоположность их наставникам.

В системе образов у Чжуанцзы появляются еще персонажи, близкие по приему изображения к аллегорическим фигурам: воплощения явлений природы — Тень и Полутень (146), Свет (251), географических понятий — Северный и Южный Океан (173). От них Чжуанцзы переходит к таким героям-олицетворениям, как Хаос, Знание, Недеяние, Небытие. У Хаоса нет никаких отверстий, и внесение в него этих признаков формы человека означает его уничтожение — «он умер» (173). Небытие — темное, пустое. Целый день смотри на него — не увидишь, слушай его — не услышишь,

хватать его — не ухватишь. Небытие, как и Недеяние, ничем себя не проявляет (251, 246—247). Знание странствует в поисках по всей вселенной. Его путь — это процесс бесконечного разрешения сомнений (270). Такие герои являются, видимо, переходными к философским абстракциям, к мышлению в понятиях. Однако вместе с очеловеченными явлениями природы и другими аллегориями они воспринимаются как персонажи сказочные.

Важную роль у даосов играют люди с физическими недостатками. Уже у Лецзы появляется Горбун — мудрый ловец цикад (59). У Чжуанцзы же — целая серия уродов (Беспалый, Ван Кляча, Человек с зобом, похожим на кувшин, и др.), нарисованных иногда с анатомической точностью (например, урод Шу, 155). Таких героев Чжуанцзы делит на калек «от природы», и «от [руки] человека» (148), обращая основное внимание на последних. Несмотря на увечье, они оказываются мастерами своего дела (Горбун, урод Шу), а поэтому относятся к группе положительных героев, способных к начальной форме познания. Других же можно отнести к числу героев, которым доступна высшая ступень познания: Беспалый, поняв ограниченность Конфуция, уходит от него к Лаоцзы (158); Носильщик формулирует основной даосский тезис, согласно которому рождение вещи в одной форме означает ее смерть в другой: в его уста Чжуанцзы вкладывает и одно из своих замечательных определений стихийности процесса развития (165—166).

Создание целой галереи подобных образов — все новых иллюстраций того положения, что человек, неполноценный внешне, вполне способен к труду физическому и умственному, полемически направлено против тезиса конфуцианцев об обязательной прекрасной внешности¹⁰⁵ положительного героя.

Истоки такой концепции гармонически развитого человека — раннего эстетического идеала¹⁰⁶ — следует, видимо, искать в условиях жизни того времени, когда от каждого взрослого — охотника и воина — требовались сила, выносливость, ловкость, несовместимые с каким-либо физическим недостатком. Однако с разделением общества на классы такой идеал закрепился лишь за аристократом — «благородным мужем» (*цзюньцзы*). Поэтому-то Чжуанцзы отвергал его и прямо («Внешняя красота уничтожила сущность», 213) и косвенно, высмеивая знаки отличия придворных, называя их таким же приобретением, «как для преступника — веревки на руках и тиски, сжимающие пальцы, а для тигров и барсов — мешки и загоны» (196). В этом смысле трактуется поговорка «Красота тигра и барса — приманка для охотников» в речи Лаоцзы, обращенной к Ян Чжу. Намекает на нее и герой Чжуанцзы: «Не представляет ли ныне царство Лу шкуру царя?» — приманку для соперников (171, 234).

Однако не только полемикой с конфуцианским идеалом объясняется появление образов калек, обладающих мастерством, духовным богатством, внутренним благородством. К росту числа увечных в обществе приводили в те времена «наказания за пре-

ступления»¹⁰⁷ как особая форма порабощения. Об этом говорит уже пословица «обувь [обычная] все дешевеет, обувь для безногих все дорожает», зафиксированная в речах Яньцзы¹⁰⁸. Один раз пословица появляется в контексте, связанном с «частыми наказаниями», второй раз — с ростовщичеством (зерно дают в долг меркой поменьше, а принимают — меркой побольше).

Конкретных героев выводят и Лецзы и Чжуанцзы. Это Бедняк — «осудив [его] в рабство за кражу, конфисковали и то имущество, что было у него прежде»; Ван Кляча, которому «отрубили ногу за преступление»; Беспалый, «изувеченный в наказание» (51, 156, 158). За что они наказаны — не всегда ясно. Из упоминания о тех, кто «бродит перед натянутым луком... в центре [мишени]...» (157—158), явствует, что это могли быть и бунтари и воины, которым легко попасть в плен; из фразы: «Продать его целым было труднее, легче — безногим» (267) — видно, что это мог быть украденный свободный. Из характеристики «надзиратели невеселы, [когда] нет дел для розыска и допросов» (263, 416) можно заключить, что осуждение в рабство обратилось в потребность. Судя же по инвективе Лаоцзы, вся страна в те времена превратилась в огромную плаху, на которой и казнили и увечили людей: «И тут пустили в ход топоры и пилы, стали казнить... приговаривать с долотом и шилом... Ныне же обезглавленные лежат друг на друге, закованные в шейные и ножные колодки толкаются друг о друга, приговоренные ожидают своей очереди у плахи...» (183). Нельзя сказать, что даосы осуждали рабство вообще: в рассказе о хозяйстве Гэнсан Чу, например, владение рабами выглядит как естественное право человека (253). Но даосы резко отрицательно относились к порабощению сограждан, к тяжбам в погоне за наживой, т. е. к развитым формам рабовладения. Поэтому в образах увечных у них заложен большой социальный пафос.

Симпатии даосов к беднякам отнюдь не случайны. Не только биографические сведения, но даже высказывания противника даосов Мэнцзы свидетельствуют, что они принадлежали к неприлегированным слоям общества. «Простолюдины предались безрассудным речам!» — негодовал он, выступая против Ян Чжу и Мо Ди («Мэнцзы», гл. III (2), 1, 269).

Ян Чжу славил физическую силу землепашца, его любовь к труду, с презрением говорил об изнеженной аристократии; объявлял самыми важными привычки и запросы именно труженика («В Поднебесной выше всего то, в чем находит покой человек полей, то, чем наслаждается человек полей», 117). Правда, само по себе обладание «богатым домом, прекрасными одеждами, лучшими яствами и красивыми женщинами» он недостатком не считал. Но стремление к обогащению он объявил пороком: «...не насытный характер [точит, как] моль...» (117). Именно в жажде наживы, по его мнению, заложена опасность и для внутреннего мира человека и для всего общества.

Ян Чжу утверждал необходимость простой человечности — по поговорке «При жизни друг друга жалеть» («...дать отдохнуть усталому, накормить голодного, обогреть замерзшего...», 108—109); но все эти черты учения Ян Чжу со временем забылись, чему способствовало и замалчивание их противниками. Конфуцианцы, с помощью выдернутого из контекста слова «волосок» представили Ян Чжу «крайним эгоистом», чтобы вот уже третье тысячелетие предавать его «анафеме». Провозглашенная Мэнцзы, утвержденная Чжу Си, эта оценка Ян Чжу была подхвачена и буржуазными синологами, начиная с А. Форке¹⁰⁹. Забвение положительных сторон учения Ян Чжу в известной мере можно объяснить также действительным своеобразием его наследия: он наиболее резко отрицал бессмертие души (108), обличал всех государственных деятелей и близких к его времени и прежних (109, 111, 113—114), исключал саму возможность каких-либо преданий о древности (115). Эти особенности Ян Чжу — мыслителя и оратора, отрицавшего все и вся, привели к последующей гиперболизации черт нигилизма в его образе.

Больше всего бытовых подробностей в памятниках сохранилось о жизни Лецзы, его тяжелой доле. Он «прожил на болотах [царства] Чжэн сорок лет...» (43). На тех же болотах обитал и его ученик со своими учениками (80—81). Эти места, судя по «Чжуанцзы», представляли собой убежище для недовольных и страдающих (235). Особенно подчеркивался тот факт, что Лецзы ничем не выделялся: аристократы «не выделяли его [из] толпы» (43). Если, по Ян Чжу, главную роль в жизни играли земледельцы, то в школе Лецзы говорили о ремесленниках как об основной массе населения (80—81).

На сороковой год жизни для Лецзы наступила катастрофа, которой при стихийных бедствиях подвержены наименее обеспеченные слои: «В голодный год [он] собрался уйти в зятя¹¹⁰, <переселиться> в [царство] Вэй» (43). По подчиненному положению Лецзы в дальнейшем в собственной семье («готовил пищу для своей жены» <«отбросив стыд»> — добавляет комментатор Сян Сю, 62) можно заключить, что он как зять-бедняк должен был отработать какой-то срок за свадебный подарок — по существу род калыма. Видимо, не случайно в утопии Лецзы «мужчины и женщины вместе гуляют без сватов и свадебных подарков» (88).

О том, как бедствовал Лецзы уже вместе с семьей, говорит еще один эпизод: он, изголодавшийся, несмотря на мольбы жены, принципиально отвергает помощь царя. «Царь шлет в подарок просо, а сам меня не видел, знает обо мне лишь с чужих слов, — объясняет Лецзы жене. — Так с чужих слов он обвинит меня и в преступлении. Вот почему я не принял [дара]». Какое это могло быть «преступление», видно из заключающей фрагмент фразы: «А народ и вправду восстал и прикончил [царя] Цзыяна» (120). О бунтарстве Лецзы свидетельствует и его прозвище — Защита

Разбойников («Юйкоу»), — многозначительно противопоставленное чину Конфуция — Карающий Разбойников («Сыкоу»). Поскольку же у Чжуанцзы Разбойник одерживает решительную победу в споре с Конфуцием при помощи тезисов Ян Чжу, то «разбойничья» линия оказывается общей для всех трех философов.

Вклад в историю философии Лецзы — его гениальные догадки, разработка диалектики — относился большей частью к естествознанию, которому немало внимания отдал и Чжуанцзы. Конфуцианская традиция, вычеркнувшая Лецзы из истории, а запись его мыслей — из числа источников, заставила обращаться за тем же материалом к более поздним философам. Искусственно созданная лакуна в развитии китайской мысли и вызывала столь большое удивление новаторством Ван Чуна (I в. н. э.)¹¹¹. В действительности же, например, полемическое использование мифа о Нюйва у Лецзы (84—85) подготовило почву для нигилистического отношения Ван Чуна к тому же мифу¹¹². Ван Чун, пользуясь научными доказательствами, развивал проблемы, разработанные Лецзы, уже на качественно новом этапе критики религиозно-мифологического мировоззрения.

Лецзы достигает подлинного совершенства в своем познании природы, как бы сливаясь с ней: «он вернулся домой, оседлав ветер»¹¹³. Вот как он это сам объясняет: «[Я]... следуя за ветром, начал передвигаться на восток и на запад. Подобный листу с дерева или сухой шелухе, [я] в конце концов не сознавал, ветер ли оседлал меня или я — ветер» (54). Вместо «оседлать» в варианте Чжуанцзы — «взойти на колесницу», термин, который соединяет рассказ о полете Лецзы с народной сказкой о летающей колеснице, созданной в заморских царствах Крылатых людей и Удивительных рук¹¹⁴.

Эта способность Лецзы послужила одному из синологов и для отрицания существования философа¹¹⁵ и для попытки приписать ему некую «абсолютную свободу»¹¹⁶. Причины подобных оценок, нередких в схоластической и буржуазной науке, замечательно вскрыл М. Горький: «Историками первобытной культуры совершенно замалчивались вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всею суммой социальной жизни древних людей. Признаки эти дошли до нас в форме сказок и мифов... Уже с глубокой древности люди мечтали о возможности летать по воздуху, — об этом говорят нам легенды о Фазтоне, Дедале и сыне его — Икаре, а также сказка о „ковре-самолете“...»¹¹⁷. Гиперболизация познания природы, характерная для школы Лецзы, продолжала жить как сказка, как воплощение мечты древнего человека — овладеть всеми стихиями, подобно Лецзы, «оседлавшему ветер». Это и стало главной чертой в индивидуальном образе философа.

Чжуанцзы по традиции считается «писцом из Циюаня», но в самом памятнике о его службе ничего не говорится. Либо она была очень недолгой, либо, что более вероятно, Сыма Цянь «по-

жаловал» Чжуанцзы чин писца, чтобы иметь право занести его на скрижали истории. Ибо в официальной летописи Китая биографии удаивались, как правило, только лица, находившиеся на службе, при дворе. Поэтому Лецзы и остался без такой биографии¹¹⁸.

Известно, что Чжуанцзы постоянно бедствовал, был вынужден просить займы (278); мимо царя Вэй он однажды проходил «в заплатанной одежде из грубого холста, в сандалиях, подвязанных веревкой» (236); один из собеседников издевался над его «длинной иссохшей шеей, пожелтевшим лицом», над работой — плетением сандалий (311).

Чжуанцзы представлен в памятнике, носящем его имя, почти исключительно как мыслитель. Частые споры его с софистом Хойцзы раскрывают характерную для Чжуанцзы черту — постоянный полемический задор. Но у него же, философа-художника, встречаются и поэтические описания большой силы, например при характеристике ветра как явления природы (139). Еще одна важная черта характера Чжуанцзы — независимость, решительный отказ от службы у царей. Недаром столь часто проводит он аналогии между придворными и приносимыми в жертву животными. Таковы притчи о кабане, быке, черепахе (228—229, 313, 220—221). Чжуанцзы против почестей, которые приравнивает к закланию, против принесения в жертву животных и людей.

О презрении к царствующим особам говорят и беседы Чжуанцзы с царями. Убеждая их в необходимости отказаться от войн, он уподобляет правителя «драчливому петуху»; войну — «битве на рожках улитки» (304, 272—273). Едкие насмешки он отпускает по адресу государевых помощников: их-де надежда на царские милости столь же реальна, как и на жемчужину под челюстью у Черного Дракона, а «царь — пострашнее Черного Дракона (313). Отвратительное раболепство придворных Чжуанцзы обличает в беседе с хвастливым Послом, которого сравнивает с «целителями недугов», включая того, кто «вылизал геморрой». Сделав вывод: «Чем ниже способ лечения, тем выше награда», Чжуанцзы задает риторический вопрос: «Как же ты лечил его геморрой, что заслужил столько колесниц?!» (311). По силе презрения к власти имущим Чжуанцзы можно сопоставить со знаменитым Диогеном, ответившим Александру Македонскому: «Не заслоняй мне солнце!»¹¹⁹.

Известно много утверждений о том, что по богатству и сложности образов Чжуанцзы нет в Китае равных. Это представление объясняется тем, что ему приписывали чуть ли не все, созданное в «Лецзы», неправомерно зачеркивая при этом таких его предшественников, как Лецзы и Ян Чжу. По существу же целый ряд приемов (например, прозвище героя по черте его характера, 104; сцепление нескольких притч внутри одного фрагмента, 70—72, 128—129) впервые ввели Ян Чжу и Лецзы, а Чжуанцзы воспринимал и развивал, обогащая в свою очередь даосскую сокровищницу художественного слова. Хотя притча о бабочке, уви-

денной им во сне, как уже говорилось, послужила для доказательства «мистицизма» Чжуанцзы, но она же стала иллюстрацией манеры художника: игра его фантазии с легкостью превращала философа в бабочку, а бабочку — в философа (146). Эта в значительной мере преувеличенная черта философа — создателя вымысла¹²⁰ — и осталась в народной памяти, как наиболее характерная для Чжуанцзы.

Для таких сложившихся в традиции образов Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы были какие-то основания в творчестве каждого философа. Однако такой образ, художественный, а не реальный, явился следствием гиперболизации одной-двух черт характера, что вместе с домыслами противников привело к искажению взглядов даосов — превратило в идеалистов и мистиков тех, в чьем творчестве, уже при литературоведческом анализе, становится очевидным развитие стихийного материализма и наивной диалектики на протяжении нескольких веков.

Предпринятая нами попытка реконструировать основные моменты в учении и жизни данных мыслителей, основываясь исключительно на материале самих памятников, тщательно избегая позднейших наслоений и домыслов, показывает, что философская мысль и ораторское искусство Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы, иначе говоря, творческая индивидуальность каждого из них, намного сложнее и богаче их традиционного понимания.

* * *

Воззрения древних даосских философов, их художественные приемы находят свое продолжение у первых индивидуальных поэтов¹²¹ — Сун Юя (III в.) в оде «Ветер»; Цзя И (III—II вв.) в «Оде к сове», Сыма Сянжу (II в.), воспевавшего бескрайние просторы страны, ее природу. Те же эстетические категории и художественные достижения развивали поэты и прозаики в средние века и в новое время. «Острова бессмертных», зачин философского характера — «Нет конца земле и небу... нет конца круговращенью»¹²² — встречаются в стихотворениях Цао Чжи (II—III вв.); «Я хотел бы... устремиться за легким ветром, с ним подняться бы в выси...»¹²³ — читаем у Тао Юаньмина (IV—V вв.); в лирике у Ли Бо (VIII в.) находим «странствия в беспредельном» из «Чжуанцзы»¹²⁴ (135), «столетье»¹²⁵ от Ян Чжу (107); мотивы, даже отдельные выражения из Лецзы (131), обнаруживаются у Юань Чжэня¹²⁶; из Ян Чжу (116) — у Хань Юя (VIII—IX вв.)¹²⁷; у новеллиста Пу Сунлина (XVII—XVIII вв.) встречается метафора «укоротить ноги журавлю...» (174), пересадка сердец в манере древнего лекаря (90—91), герой, у которого «под безобразной внешностью... скрывалась прекрасная душа»¹²⁸. Среди повестей безымянных авторов XVII в. известны такие, как «Чжуанцзы постигает великое дао», «Юй Боя, скорбя о друге, разби-

вает лютню»¹²⁹. Характерный для «Лецзы» и «Чжуанцзы» образ положительного героя рисует в своем романе У Цзинцзы¹³⁰ (XVIII в.). У Ли Жучжэня¹³¹ в его романе-сатире на китайское общество XVIII—XIX вв. завязкой служит рассказ о чрезвычайном происшествии в царстве богини, его продолжение — на островах бессмертных, в дальнейшем действие развивается в ходе путешествия по странам Великанов и Пигмеев, которые упоминались Лецзы (68—69, 85—86). Так отдельные мотивы и образы в произведениях передовых для своего времени писателей позволяют увидеть истоки их мировоззрения в направлении, проложенном древними даосскими мыслителями.

Первый признак принадлежности к этому направлению — антиконфуцианскую позицию — нелегко обнаружить. В средние века и в новое время в китайской литературе не найти такого объявления открытой войны конфуцианству как «морали людоедов», с которого начала новейшая литература (Лу Синь, 1918 г.). Замалчивались даже те разделы жизнеописаний, в которых Сыма Цянь подчеркнул у Чжуанцзы критику Конфуция, вывел последнего учеником Лаоцзы¹³². Обвинение Сыма Цяня, которого конфуцианцы упрекали в том, что он «сначала» поведал об учении Лаоцзы, а затем о конфуцианских канонах¹³³, прозвучало грозным предостережением. После казней в III в. н. э. выступления против ортодоксии в Китае (как в соответствующих условиях против христианства в Европе) принимали все более скрытые формы. Они проявлялись лишь в намеке, иносказании, звучали в частных вопросах — высказывалось сомнение в каком-либо из догматов церкви («таинстве» похорон, «непогрешимости» Конфуция и др.), в различном толковании того или иного события, о котором в «священных книгах» встречались противоречивые сведения¹³⁴, и т. д.

Второй признак близости писателей последующих эпох к этому направлению — характерное для даосов внимание к низам общества. Эта черта проявлялась еще у Сыма Цяня в сборе материалов «о народных восстаниях, о повстанческих вождях...», в осуждении «деспотам и сильным мира сего»¹³⁵, а в дальнейшем — в городских повестях, романах о героях народных движений. Далекий прообраз этих героев — Разбойник у Чжуанцзы. Теория восстаний — начиная с даосских утопий раннего средневековья («О долголетию» Цзи Кана, «Персиковый источник» Тао Юаньмина) — вырастала из утопии Лаоцзы («Дао дэ цзин», § 80), из притч Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы о чудесных странах, где «нет ни начальников, ни старших» (52), «нет ни подачек, ни милостей, а у всех всего достаточно; не собирают, не накапливают, а недостатка не терпят» (53, 234); где живут «без царей и слуг...» (88). Эта народная мечта о счастливом царстве всеобщего благоденствия и идеальном монархе, равном своим подданным, на протяжении многих столетий использовалась в программе даосской ереси, которая обогащалась союзом с ересями буддийскими.

Третьим признаком остается утверждение примата естественных наук. Эта традиция продолжалась в очерках по астрономии и музыке, жизнеописаниях врача и математика у Сыма Цяня¹³⁶. И хотя в средние века естествознание приняло форму алхимии и астрологии, но и тогда накапливался эмпирический материал для развития медицины, фармакологии, химии, астрономии. В то время преобладающее место в даосизме заняла религия, но и на этом основании было бы неверно объявлять весь даосизм идеалистическим учением и не замечать его материалистических элементов. Об этих элементах свидетельствовали трактаты Цзи Кана¹³⁷, возрождение античной теории об искусстве как «подражании природе» у Лю Цзунъюаня¹³⁸, появление пейзажной поэзии и живописи как следствие внимания к внутреннему миру человека, а также к природе в целом, например у Ван Вэя¹³⁹ (VIII в.).

Признание ведущей роли естественных наук определило и интерес к технике, результатом которого было, например, изобретение книгопечатания. Начало ему в V в. положили даосы, к которым в VII в. присоединились буддисты¹⁴⁰. Конфуцианцы же встретили это важное изобретение с обычным своим презрением ко всему, исходящему от даосизма, буддизма и от «низкой» (т. е. светской) литературы, печатные издания которой появились в IX в.¹⁴¹. И даже когда правительство объявило свою монополию на издание «священных сводов», некоторые «ортодоксы», например Су Дунпо, оплакивали те времена, когда все тексты переписывались от руки, считая, что «книг становится все больше, а... молодежь — все невежественнее»; Чжу Си пытался даже изъять печатную литературу из школьных библиотек под предлогом борьбы «за чистоту» классического образования¹⁴².

Четвертый признак, отличающий развитие даосской системы мышления, тесно связанный с третьим, но обладающий большим самостоятельным значением, — изучение окружающего Китай мира. В противовес конфуцианцам, отрицавшим все не китайское и даже необходимость изучения жизни других народов и их языков¹⁴³, Сыма Цянь создал такой образец описания многих стран, который восприняли даже придворные летописцы. Он, кроме того, использовал географические открытия для критики религиозно-мифологического мирозерцания¹⁴⁴. Эту роль взяла на себя в дальнейшем художественная литература, начиная от новеллы-сказки, например о кораблекрушении Ван Се на пути в Аравию (VIII—IX вв.), до романа о плавании к берегам Африки конкистадора Чжэн Хэ в начале XV в. В романе о паломниках в Индию¹⁴⁵ — в фантастической форме высмеивались все три религии Китая — конфуцианство, даосизм и буддизм. Символом религии, воздвигающей преграды человеческой мысли, здесь выступал золотой обруч, сжимающий голову главному герою. Избавление от этого обруча — повиновения богам, — как иносказательно раскрылось в романе, позволит человеку обрести власть над природой.

Такие произведения расширяли кругозор китайцев, географиче-

ские их познания, а вместе с тем срывали ореол «святости» с представителей любой религии.

Пятый и последний из основных признаков — отказ от покорности власти имущим, от официальной службы вообще во имя углубленного изучения природы и человека как ее части. Это стремление Лецзы и Чжуанцзы развивают Тао Юаньмин, Ли Бо и некоторые другие. Писатели и поэты переходят в дальнейшем к воспроизведению внутреннего мира человека, утверждению внесловной его ценности, а также к протесту против деспотизма семьи — китайского домостроя, к утверждению права на любовь и брак «без сватов и свадебных подарков» («Лецзы», 88). Вызовом конфуцианским устоям была сама жизнь древнего вольнодумца — Сыма Сянжу, — зафиксированная Сыма Цянем¹⁴⁶. Романтическая женитьба поэта, гордый облик его жены — Чжо Вэньцзюнь, стали воплощением даосских идеалов, послужив на протяжении веков призывом к «бунту» китайских женщин и вечным доводом обвинения в приговорах вольнодумцам.

Все это подтверждает, что в средние века в Китае в замаскированной форме продолжалась вошедшая в традицию борьба двух идеологических и философских направлений. Господствующая религия — конфуцианство — глушила проявление живой мысли схоластическими хитросплетениями вокруг высказываний «авторитетов», т. е. «писаниями о писаниях». В направлении же даосском, в той или иной степени оппозиционном, развивались и материалистические тенденции. Несмотря на свой далеко не всегда последовательный характер, на уступки теологии, это учение способствовало развитию естественных наук, его материалистические элементы, распространяясь через ереси и фольклор, оплодотворяли и творчество ряда передовых писателей. В эпохи же открытых схваток светского мировоззрения с религиозным вольнодумцы вновь открывали собственную античность — наследие даосских классиков, наполняя его новым содержанием. Такие периоды штурма диктатуры церкви, подъема антифеодалных настроений и свободомыслия в Китае, как и в других странах, можно назвать эпохами Возрождения (IX—XII вв.) и Просвещения (XVI—XVIII вв.).

Деятели раннего Возрождения выступали за освобождение человеческой мысли от феодального произвола, срывали с религии покров «святости». Некоторые из них в выступлениях против конфуцианства возвышались даже до признания суверенитета народа¹⁴⁷; другие, выступая против буддизма, доходили до требования секуляризации церковного имущества¹⁴⁸. В творчестве передовых поэтов — Бо Цзюйи и других — занял значительное место человек с его запросами, в их стихах звучало сочувствие к бедняку, к простому трудовому люду. Вдохновленный идеей борьбы за право человека на личное чувство создал замечательный образ возлюбленной поэта Юань Чжэнь. Его «Повесть об Ин-ин» с посвященной ей лирикой, как «Фьяметту» Боккаччо в Италии, можно было бы назвать первым опытом психологического повествования в Китае.

Ряд ярких новелл был написан целой плеядой таких же, как Юань Чжэнь, вольнодумцев. Сюжеты этих произведений, созданные в них женские образы разрабатывались позже в драматургии и в эпической прозе, и века спустя вдохновляя художников.

Продолжили эту борьбу деятели также рано начавшегося Просвещения. Его характеризует новый, более решительный штурм конфуцианской церкви, обличение ее догм, особенно в области феодального схоластического обучения. В формулировках ранних просветителей — Ли Чжи (Чжо-у) и его единомышленников — встречается положение о «чистоте и искренности детского сердца», сходное с локковской «чистой доской», и признание ощущений — «слуха и зрения» — источником знаний¹⁴⁹. Другие отличительные черты мировоззрения китайских просветителей: понимание просвещения как средства исправления социальных зол; признание решающей роли среды в воспитании; учение «о среднем человеке» (близком к «естественному» у Ян Чжу)¹⁵⁰; о материальном «интересе»¹⁵¹ как движущей силе общества вместе с отрицанием сословных привилегий¹⁵² и требованием женского равноправия¹⁵³. Этот круг идей разрабатывал уже Ли Чжи, отражавший интересы народа, смело отрицавший «непогрешимость» Конфуция¹⁵⁴. Эти же идеи служили основанием и для художественных обличений в таких сатирических романах, как «Цзинь, Пин, Мэй»¹⁵⁵ (аноним XVI в.), «Неофициальная история конфуцианства» У Цзинцзы, «Цветы в зеркале» Ли Жучжэня.

Несмотря на то что эпохи общественного подъема прерывались периодами торжества внутренней реакции (неоконфуцианства) и иноземных вторжений (монгольского завоевания в XIII—XIV вв., маньчжурского — с середины XVII в. по 1911 г.), эта идеологическая борьба за светское мирозерцание, как и движение широких масс крестьян и горожан, с которым она нередко переплеталась, вела китайское общество к прогрессу.

Преемственность в борьбе, которую вели китайские вольнодумцы в различные эпохи, очевидна не только оттого, что им противостоял тот же враг — конфуцианцы, но и оттого, что опорой всем им служили труды древних китайских атеистов, материалистов, диалектиков. В эпохи Возрождения и Просвещения, разумеется, каждый раз создавался новый образ китайской античности, но все же борьба против косной, консервативной религии, поддержанной всей силой закона и государства, опиралась в основном на светлое, жизнерадостное мироощущение, на веру в грядущую победу человека и науки, заложенные в памятниках древнекитайских вольнодумцев.

ЯН ЧЖУ
ЛЕЦЗЫ

Глава 1

ВЛАСТЬ ПРИРОДЫ¹

Учитель² Лецзы³ прожил на болотах [царства]⁴ Чжэн⁵ сорок лет, пребывая в неизвестности. Царь, сановники, благородные мужи не выделяли его [из] толпы. В голодный год [он] собрался уйти в зятя <переселиться>⁶ в [царство] Вэй⁷.

Ученик его спросил:

— Преведорожденный⁸ уходит, не назначив срока возвращения? Что преподаст [мне] Преведорожденный? Дозвольте [мне], ученику⁹, задать вопрос: не слышал ли Преведорожденный речей учителя Лесного с Чаши-горы¹⁰?

Учитель Лецзы улыбнулся и ответил:

— Какие же из речей учителя с Чаши-горы? Хотя попробую тебе поведать, что я слышал, когда учитель [Лесной] говорил Дяде Темнеющее Око¹¹. Вот его слова:

«Существуют рожденный и нерожденный, изменяющийся и неизменяющийся¹². Нерожденный способен породить рожденного, неизменяющийся способен изменить изменяющегося. Рожденный не может не родиться, изменяющийся не может не изменяться. Поэтому всегда рождаются и всегда изменяются. Всегда рождающиеся, всегда изменяющиеся все время рождаются, все время изменяются. Таковы жар и холод¹³, четыре времени года.

Нерожденный как будто единственный, неизменяющийся [движется] то туда, то обратно. Время его бесконечно, путь¹⁴ единственного как будто беспределен».

В преданиях о Желтом Предке¹⁵ говорится:

«Пустота — бессмертна, назову ее глубочайшим началом.

Вход в глубочайшее начало назову корнем неба и земли.

[Глубочайшее начало] бесконечно, как существование, и действует без усилий».

Поэтому-то порождающий вещи¹⁶ не рождается, изменяющий вещи не изменяется. [Вещи] сами¹⁷ рождаются, сами развиваются, сами формируются, сами окрашиваются, сами познают, сами усиливаются, сами истощаются, сами исчезают. Неверно говорить,

будто кто-то <намеренно> порождает, развивает, формирует, окрашивает, [дает] познание, силу, [вызывает] истощение и исчезновение.

Учитель Лецзы сказал:

— В старину мудрые люди считали жар и холод общей основой вселенной¹⁸. Откуда же появилась вселенная, если обладающий формой возникает из бесформенного?

Оттого и говорили:

— Существует первонепостоянство, существует первоначало, существует первообразование, существует первоэлемент¹⁹. При первонепостоянстве еще нет воздуха²⁰, первоначало — начало воздуха, первообразование — начало формы, первоэлемент — начало свойств [вещей]. Все вместе — воздух, форма, свойства — еще не отделились друг от друга, поэтому и называются хаосом. Хаос — смешение тьмы вещей, еще не отделившихся друг от друга. «Смотрю на него, но не вижу, слушаю его, но не слышу», следуя за ним, «но его не обретаю»²¹. Поэтому и называется [перво]непостоянство, что [перво]непостоянство не имеет наружных очертаний. [Перво]непостоянство развивается и превращается в одно²², одно развивается и превращается в семь, семь развивается и превращается в девять²³, девять — предел развития, снова изменяется и становится одним. Одно — начало развития формы. Чистое и легкое поднимается и образует небо, мутное и тяжелое опускается и образует землю. Столкновение и соединение [легкого и тяжелого] воздуха образует человека. Оттого что во вселенной содержатся семена²⁴, порождается и развивается [вся] тьма вещей.

Учитель Лецзы сказал:

— Небо и земля не всетворящи, мудрецы не всемогущи, тьма вещей не удовлетворяет все нужды. Дело неба порождать и покрывать сверху, дело земли — формировать и поддерживать снизу, дело мудрых — обучать и просвещать, [каждой из] вещей присуще [ее] дело. Однако и у неба есть недостатки²⁵ там, где у земли — преимущества; и вещи постигают то, в чем мудрецы терпят неудачу. Отчего? Оттого что порождающее и покрывающее [небо] не способно формировать и поддерживать, формирующая и поддерживающая [земля] не способна обучать и просвещать, обучающие и просвещающие [мудрецы] не способны действовать вопреки тому, что присуще [вещам, а вещи] — не способны выйти за пределы того определенного, что им присуще. Поэтому путь природы — либо жар, либо холод, учение мудрых — либо милосердие, либо справедливость, у тьмы вещей — либо мягкость, либо твердость. Все они следуют за присущим [им] и не способны выйти за его пределы.

Поэтому есть обладающий жизнью, есть и то, что порождает обладающего жизнью²⁶; есть обладающий формой, есть и то, что

«создает обладающего формой; есть обладающий звуком, есть и то, что дает звук обладающему звуком; есть обладающий цветом, есть и то, что дает цвет обладающему цветом; есть обладающий вкусом, есть и то, что дает вкус обладающему вкусом. То, что порождается рожденным,— смерть; но то, что порождает рожденного, никогда не кончается; то, что формируется в форму,— это сущность, а то, что формирует форму, никогда [формой] не обладает; произведенный звучащим звук слышен, а то, что порождает звучащее, никогда не звучит; порожденная цветом окраска ясно видна, а то, что порождает цвет, никогда не заметно; порожденный вкусом вкус ощущается, а то, что порождает вкусовое ощущение, никогда не обнаруживается: все это дело надеяния²⁷. [Недеяние] способно быть жаром и холодом, способно быть мягким и твердым, коротким и длинным, круглым и квадратным, живым и мертвым, горячим и холодным, способно плавать и тонуть, способно быть первым и вторым тоном гаммы, способно появляться и исчезать, быть пурпурным и желтым, сладким и горьким, вонючим и ароматным. [Недеяние] не имеет знаний, не имеет способностей, но нет того, чего бы оно не знало, нет того, чего бы оно не могло.

Учитель Лецзы, направляясь в Вэй, решил закусить у дороги. Его спутники заметили столетний череп²⁸ и, отогнув полынь, показали учителю.

Посмотрев [на череп, Лецзы] сказал своему ученику Бо Фыну²⁹:
— Только мы с ним понимаем, что нет ни рождения, ни смерти. Как неверно печалиться [о смерти]! Как неверно радоваться [жизни]!

Есть мельчайшие семена, подобные [икре] лягушки³⁰, [яйцу] перепелки. Попадая в воду, [они] соединяются в перепончатую ткань; на грани с сушей приобретают покров лягушки, раковину [моллюска]; на горах и холмах становятся подорожником. Подорожник, обретя удобрение от гнилого, становится [растением] воронья нога. Корни вороньей ноги превращаются в земляных и древесных червей, а листья — в бабочек; бабочки также изменяются и становятся насекомыми³¹. [Когда насекомые] рождаются у соляного поля <очага>, то будто сбрасывают кожу и называются [насекомыми] цюйдо³². Цюйдо через тысячу дней превращается в птицу, ее имя — ганьюйгу. Слюна ганьюйгу становится сыми, сыми превращается в [насекомое] илу в пищевом уксусе. Илу пищевого уксуса порождает [насекомое] хуанхуан пищевого уксуса. От хуанхуан пищевого уксуса рождается [насекомое] цзюю, от цзюю [насекомое] моужуй, от моужуй вошь на тыквах.

Баранья печень превращается в дигао, кровь коня превращается в блуждающие огоньки, и кровь человека превращается в блуждающие огоньки³³. Сокол становится ястребом, ястреб —

кукушкой, кукушка много времени спустя снова становится соколом. Ласточка превращается в устрицу, крот — в перепела, сгнившая тыква — в рыбу, переросший порей — в петушиный гребешок, старая овца — в обезьяну, рыба икра — в червяка.

[Животное] Даньюань само себя оплодотворяет и рождает, это называется *лэй*. Водоплавающая птица родит от взгляда; называется птица — рыболов. [Есть породы] только самок — называются гигантские черепахи; [есть породы] только самцов — называются осы. В [стране] Дум³⁴ мужчина не [соединяется], а чувствует, женщина без мужа, а зачинает. Царь Просо³⁵ родился от огромного следа, Найденный на Реке Инь³⁶ родился в дупле шелковицы.

Из согретой сырости рождается папоротник, из вина [насекомое] *ицзи*. [Растение] *янси*, соединяясь со старым бамбуком, не дававшим ростков, порождает темную собаку, темная собака — барса, барс — лошадь, лошадь — человека. Человек состарившись уходит в мельчайшие семена. [Вся] тьма вещей выходит из мельчайших семян и в них возвращается³⁷.

В преданиях о Желтом Предке говорится:

— Движение формы [тела] порождает не форму, а тень³⁸; движение звука — не звук, а эхо; движение [действие] небытия порождает не небытие, а бытие. Форма [тело] — это то, чему непременно придет конец. Придет ли конец небу и земле [вселенной]? Всему [ли] настанет конец вместе с нами? Не знаем, наступит ли полный конец. Наступит ли конец пути, который, собственно, не имеет начала? Истощится ли [путь], который, собственно, не имеет бытия <во времени>? Обладавший жизнью становится снова неживым; обладавший формой становится снова бесформенным; неживое, собственно, не то, что не жило; бесформенное, собственно, не то, что не обладало формой. Живому, по закону природы³⁹, непременно придет конец; как конечное не может не прийти к концу, так и живое не может не жить. Те, кто хочет жить постоянно, без конца, не знают границ естественных законов⁴⁰. Жизненная сила⁴¹ — это часть, [полученная] от неба; скелет [тело] — это часть от земли; чистое относится к небу и рассеивается, мутное относится к земле и соединяется [с ней]. Жизненная сила покидает форму, и каждая из них возвращается к своему подлинному [состоянию]. Вот почему [душа умершего] называется *гуй*. *Гуй* означает возвращение, возвращение в свой подлинный дом.

Желтый Предок сказал:

— Как [могу] я еще существовать, [когда] душа проходит в свою дверь, а тело возвращается к своему корню? Человек от начала и до конца четырежды переживает великие изменения: младенчество в детстве, возмужание в юности, одряхление в старости,

исчезновение в смерти. В младенчестве только воздух [энергия] приводит желания к единству и достигается высшая гармония. Вещи не наносят вреда [человеку, к полноте его] свойств⁴² нечего добавить. Во время возмужания в юности воздух [энергия] в крови⁴³ переливается через край, [человека] переполняют страсти и заботы, [он] подвергается нападению вещей, и поэтому свойства [его] ослабевают. Во время одряхления в старости страсти и заботы смягчаются, тело готовится к отдыху, вещи [с ним] не соперничают. Хотя [свойства его] и не обладают той полнотой, что во младенчестве, но [они] более спокойны, чем в юности. Исчезая в смерти, [человек] идет к покою, возвращается к своему началу.

Странствуя по Горе Великой⁴⁴, Конфуций⁴⁵ заметил Юна Открывшего Сроки⁴⁶, который бродил по пустынным окрестностям Чэн⁴⁷. Одетый в оленью шкуру, подпоясанный веревкой, [он] играл на цине⁴⁸ и пел.

— Чему радуетесь [вы], Прездерожденный? — спросил Конфуций.

— Я радуюсь многому, — ответил тот. — Природа рождает тьму существ, самое же ценное из них — человек. И мне удалось стать человеком. Такова первая радость. Мужчины и женщины отличаются друг от друга, мужчин уважают, женщин презирают, поэтому мужчина ценится выше. И мне удалось родиться мужчиной. Такова вторая радость. Человеку случается не прожить дня или месяца, [он умирает] не освободясь даже от пеленок. А я дожил уже до девяноста лет. Такова третья радость. Быть бедным — правило мужа; смерть — конец человека. Зачем же горевать, если я обрету конец, оставаясь верным правилу?

— Прекрасно! — сказал Конфуций. — Как умеете [вы] утешать самого себя!

Подобный Лесу⁴⁹ достиг почти ста лет. В конце весны, [еще] одетый в шубу, он шел и пел, подбирая колоски, оставшиеся на заброшенной полосе. Его заметил на равнине Конфуций, который направлялся в Вэй, и, обернувшись к ученикам, сказал:

— С тем старцем следует поговорить. Попробуйте подойти и его расспросить.

Попросив разрешения, Цыгун⁵⁰ отправился навстречу. [Встав] в конце межи лицом к старцу, [Цыгун] со вздохом спросил:

— [Вы] распеваете, подбирая колоски. Неужели Прездерожденного не мучает раскаяние?

Подобный Лесу не остановился и не перестал петь. Но Цыгун [продолжал] спрашивать без конца, пока тот не поднял голову и не сказал:

— В чем же мне раскаиваться?

— С какой радости Пржеджерожденный поет, подбирая колоски? [Быть может],

«В юности не трудился,
В зрелости не боролся,
В старости [остался] без жены и сыновей,
А смертный час уж близится!»⁵¹.

— То, что меня радует, у всех людей, напротив, вызывает печаль,— с улыбкой ответил Подобный Лесу.— «В юности не трудился, в зрелости не боролся»⁵² — поэтому-то и сумел прожить столько лет. «В старости [остался] без жены и сыновей, а смертный час уж близится!» — этому я и радуюсь.

— Как можете вы радоваться смерти? — спросил Цзыгун.— [Ведь] смерти люди боятся, а долголетию радуются.

— Смерть и жизнь подобны возвращению и отправлению⁵³. Откуда мне знать, что, умерев в этом [случае], не родишься в другом [случае]? Ведь я знаю [только], что они [жизнь и смерть] не походят друг на друга. Откуда мне знать, не заблуждается ли тот, кто добивается жизни? Откуда мне также знать, не будет ли моя нынешняя смерть лучше, чем прошедшая жизнь? — Таков был ответ Подобного Лесу.

Цзыгун выслушал его, но не понял. Вернулся и сообщил [обо всем] учителю.

— Я знал, что с ним следует поговорить,— сказал учитель.— Так и оказалось. Он обрел [мудрость], но не до конца.

Цзыгун устал учиться и сказал Конфуцию:

— Хочу отдохнуть.

— В жизни нет отдыха,— ответил Конфуций.

— Значит [мне], Сы, негде отдохнуть?

— Есть где. Взгляни вот туда и узнай, где найдешь отдых. И простор и высота! И могильный курган! И заклание скота! И жертвенный треножник!

— Как величественна смерть! — воскликнул Цзыгун.— Для благородного мужа — отдых, для ничтожного человека — падение ниц.

— Ты познал ее, Сы! Всем людям понятна радость жизни, но не всем — горечь жизни; всем понятна усталость старости, но не всем — отдых в старости; всем понятен страх перед смертью, но не всем — покой смерти⁵⁴.

Яньцзы сказал:

— Как прекрасна была смерть для древних! Для достойных⁵⁵ она — отдых, для недостойных — падение ниц. Смерть — конец свойств. Древние называли мертвого вернувшимся. Если мертвого называть вернувшимся, то живого — странствующим. Если странствующий забывает о возвращении, [он] становится бездомным.

Когда один становится бездомным, его порицают все. Когда же [все] в Поднебесной становятся бездомными, разве найдется мудрый, чтобы их порицать!

Что за человек тот, кто уйдет из родных мест, покинет всю свою родню⁵⁶, бросит свой дом, свое достояние, уйдет бродить на все четыре стороны и не вернется? Все непременно назовут его безрассудным, безумным. А что за человек тот, кто ценит [свое] тело и жизнь, хвастается своими способностями и мастерством, создает себе имя и славу, кичится перед живущими и забывает о [своем] конце? Все непременно назовут его умным, дальновидным мужем. Оба они ошибаются, однако все похвалят второго и осудят первого. Только мудрый человек ведает, кого одобрить, а кого осудить.

Некто спросил учителя Лецзы:

— Почему ты ценишь пустоту?

— В пустоте нет ценного, — ответил Лецзы и продолжал: [Дело] не в названии. Нет ничего лучше покоя, нет ничего лучше пустоты. В покое, в пустоте, обретаешь свое жилище, [в стремлении] взять, отдать теряешь свое жилище. Когда дела пошли плохо, [прежнего] не вернешь игрой в «милосердие» и «справедливость»⁵⁷.

Вскармливающий Медведя⁵⁸ сказал:

— Движение и вращение не имеют конца. Но кто ощутит тончайшие изменения неба и земли [вселенной]? Ведь из-за утраты вещей там — изобилие здесь, из-за полноты здесь — недостаток там. Утраты и изобилие, полнота и недостаток следуют то за жизнью, то за смертью. Кто ощутит то неуловимое мгновение, когда смыкаются друг с другом приход и уход? Воздух <эфир> у каждого нарастает не сразу, форма [тело] у каждого утрачивается не сразу. Не ощущаешь, [когда] они созревают, [когда] они утрачиваются. Так же с каждым днем, от рождения и до старости меняются внешний вид человека, цвет, разум, поведение. Кожа [у него] изменяется, ногти, волосы то вырастают, то отпадают. Ведь они со времени младенчества не останавливаются [в росте], не остаются неизменными. Но этот миг [перехода] ощутить нельзя, понимают его много позже.

Некий цисец⁵⁹ не мог ни есть ни спать: опасался, что небо обрушится, земля развалится и ему негде будет жить. Опасения эти опечалили другого человека, который отправился к нему и стал объяснять:

— Зачем опасаться, что обрушится небо? Ведь небо — скопление воздуха⁶⁰, нет места без воздуха. Ты зеваешь, дышишь и действуешь все дни в этом небе.

— [Если] небо действительно скопление воздуха, то разве не должны упасть солнце, луна, планеты и звезды? — спросил цисец.

— Солнце, луна, планеты и звезды — это [та часть] скопления воздуха, которая блесит. Пускай бы даже упали, никому бы не причинили вреда.

— А если земля развалится?

— Зачем опасаться, что земля развалится? Ведь земля — это скопление твердого [тела], которое заполняет [все] четыре пустоты. Нет места без твердого [тела]. Ты стоишь, ходишь и все дни действуешь на земле.

Успокоенный цисец очень обрадовался, а объяснявший ему, также успокоенный, очень обрадовался.

Услышал об этом учитель Высокий Тростник⁶¹, усмехнулся и сказал:

— Радуга простая и двойная, облака и туман, ветер и дождь, времена года — эти скопления воздуха образуют небо. Горы и холмы, реки и моря, металлы и камни, огонь и дерево — эти скопления формы [тел] образуют землю. Разве познавший, что [небо] — скопление воздуха, познавший, что [земля] — скопление твердых [тел], скажет, что [они] не разрушатся? Ведь в пространстве небо и земля — вещи очень мелкие, [хотя] самое крупное в них <в небе и земле> бесконечно, неисчерпаемо. Это очевидно. Трудно [их] измерить, трудно изучить. Это очевидно. Опасность их разрушения [относится] действительно к слишком далекому будущему, но слова о том, что они [никогда] не разрушатся, также неверны. Поскольку небо и земля не могут не разрушиться, [они обязательно] разрушатся. Разве не будет опасности, когда придет время их разрушения?

Услышал об этом учитель Лецзы, усмехнулся и сказал:

— Говорящие, что небо и земля разрушатся, ошибаются; говорящие, что небо и земля не разрушатся, также ошибаются. Разрушатся или нет, я не могу знать. Хотя одни [утверждают] первое, а другие — второе, но ведь живые не знают, что такое мертвые, а мертвые не знают, что такое живые; приходящие не знают ушедших, а ушедшие — приходящих. Что нам тревожиться, разрушатся [небо и земля] или нет!

Ограждающий⁶² спросил своих помощников:

— Могу ли обрести путь и им владеть?

— Собственным телом не владеешь⁶³, как же можешь обрести путь и им владеть! — ответили ему.

— Если я не владею собственным телом, [то] кто им владеет?

— Это скопление формы во вселенной. Жизнью [своей] ты не владеешь, ибо она — соединение [частей] неба и земли. Своими свойствами и жизнью ты не владеешь, ибо это случайное скопление во вселенной; своими сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они — скопление сброшенной [как у змеи] кожи во вселенной. Поэтому [ты] идешь, не зная куда, стоишь, не зная на чем,

ешь, не зная почему. Во вселенной сильнее всего воздух и [сила] тепла. Как же можешь [ты] обрести их и ими владеть?

В царстве Ци⁶⁴ жил Богач из рода Владеющих, а в царстве Сун⁶⁵ — Бедняк из рода Откликающихся. Бедняк пришел из Сун в Ци выпросить секрет [богатства]. Богач сказал:

— Я овладел [искусством] похищения. С тех пор как начал похищать, за первый год сумел прокормиться, за второй год добился достатка, за третий год — полного изобилия. И с тех пор раздаю милости в селениях области.

Бедняк очень обрадовался, [но] понял он лишь слово «похищение», а не способ кражи. И тут [он] принялся перелезать через ограды, взламывать ворота и тащить все, что попадалось под руку, что бросалось в глаза. В скором времени, осудив [его] в рабство⁶⁶ за кражу, конфисковали то имущество, что было у него прежде.

Подумав, что Богач его обманул, Бедняк отправился его упрекать.

— Как же ты грабил? — спросил Богач из рода Владеющих.

И Бедняк из рода Откликающихся рассказал, как было дело.

— Ох! — воскликнул Богач. — Как ошибся ты в способе воровства! Но теперь я тебе [о нем] поведаю.

Я узнал, что небо дает времена года, а земля — прирост. Я и стал грабить у неба погоду, а у земли — прирост; влагу у туч и дождя, недра у гор и равнин, чтобы посеять для себя семена, вырастить себе зерно, возвести себе ограду и построить себе дом. У суши я отбирал диких зверей и птиц, из воды крал рыб и черепах. Разве это мне принадлежало? Все это было [мною] награблено. Ведь семена и зерна, земля и деревья, звери и птицы, рыбы и черепахи порождены природой. Я грабил природу и остался невредим. Но разве природой дарованы золото и нефрит, жемчуг и драгоценности, хлеб и шелк, имущество и товары? Они собраны человеком! Как же упрекать осудивших [тебя], если ты украл?

Решив в смятении, что Богач снова его обманул, [Бедняк] отправился к Прездорожденному из Восточного Предместья⁶⁷ и спросил у него [совета].

Прездорожденный из Восточного Предместья ответил:

— Разве не похищено уже само твое тело? Ведь, чтобы создать тебе жизнь и тело, обокрали соединение [сил] жара и холода. Тем более не обойтись без похищения внешних вещей! Небо, земля и тьма вещей воистину неотделимы друг от друга. Тот, кто думает, что ими владеет, — заблуждается. Грабеж рода Владеющих — это общий путь, поэтому [Богач] и остался невредим; твой грабеж — это личное желание, поэтому [ты] и навлек на себя кару. Захват общего и частного такой же грабеж, как и утрата общего и частного. Общее в общем и частное в частном — таково свойство природы [неба и земли]. Разве познавший свойства природы сочтет кого-то вором, а кого-то не вором?!

ЖЕЛТЫЙ ПРЕДОК

Десять и [еще] пять лет стоял на престоле Желтый Предок и радовался, что Поднебесная его поддерживала. [Он] наслаждался жизнью, [всем, что] радовало слух и зрение, обоняние и вкус [до тех пор, пока] от беспокойства кожа у него не высохла и не потемнела, пять чувств не притупились и не омрачились.

[Проществовал он] еще десять и пять лет и опечалился, что в Поднебесной нет порядка. Истощая слух и зрение, прилагая всю силу ума, распоряжался [он] народом [до тех пор, пока] от беспокойства кожа у него не высохла и не потемнела, пять чувств не притупились и не омрачились.

— Ах! — вздохнул тогда Желтый Предок. — Как погряз я в пороке! Наслаждался сам, и одолела такая напасть. Стал управлять тьмой существ, [и снова] одолела такая напасть!

Тут [он] бросил все дела, оставил дворец, отослал свиту, убрал колокола, ограничил [число] яств на кухне, отошел [от дел] и стал жить в праздности в подворье для приезжающих при дворце. Очищал [свое] сердце, подчинял [себе] тело. [После того как] три луны не вникал в дела правления, заснул днем и увидел сон, будто бродит по стране Всеобщее процветание¹. А страна Всеобщее процветание [лежит] на запад от Яньчжоу, на север от Тайчжоу², а в скольких миллионах *ли* от Срединных царств³ — неведомо. До нее не добраться ни на лодке, ни на колеснице, ни пешком; странствовать [по ней можно] лишь мыслью.

В этой стране нет ни начальников, ни старших, каждый сам по себе; у народа нет ни алчности, ни страстей, все естественно. [Там] не ведают радости, когда [кто-то] рождается, не ведают горя, когда [кто-то] умирает, поэтому не гибнут юными, преждевременно; не ведают [что значит] любить себя, чуждаться других, поэтому нет ни любви, ни ненависти; не ведают ни измены, ни покорности, поэтому нет ни выгод, ни убытков. Ни к кому у них нет ни любви, ни ненависти, никто ничего не боится, не опасается; входят в реку — не тонут; входят в огонь — не обжигаются; от ударов [у них] нет ни ран, ни боли; от укусов [они] не [чувствуют] зуда. Ступают по воздуху, точно по тверди, спят в пустоте, точно в постели. Облака и туман не мешают им смотреть, грохот грома не мешает слушать; красота и безобразие не смущают их сердца. Они не споткнутся ни в горах, ни в долинах, передвигаясь лишь мыслью.

Проснулся Желтый Предок, прозревший и довольный, призвал Небесного Старца, Пастыря Силача, Мыслителя с Горы Великой⁴ и им сказал:

— Я провел в праздности три луны, очистил сердце, подчинил тело, надеялся обрести учение о том, как заботиться о себе и уп-

равлять другими, но ничего не придумал, устал и заснул. И вот увидел такой сон. Ныне я понял, что настоящее учение нельзя найти чувством. Я его познал [разумом], я его обрел, но не могу о нем вам рассказать⁵.

{Прошло} еще двадцать и восемь лет. В Поднебесной воцарился полный порядок, почти такой же, как в стране Всеобщее процветание. А [когда] Желтый Предок поднялся [ввысь] <умер>, народ оплакивал его не переставая, более двухсот лет.

Гора Охотниц-прорицательниц⁶ находится на острове на Океанской реке. Там живут чудесные люди. Вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Сердце {у них} — словно глубокий родник, тело — словно у девственницы. [Не ведомы им] ни ласка, ни любовь, служат им престарелые старцы и мудрые люди. Не ведая ни страха, ни гнева, служат им искренно и верно; нет ни подачек, ни милостей, а у всех всего достаточно; не собирают, не накапливают, а недостатка не терпят. [Там] постоянно сменяют друг друга жар и холод, светят солнце и луна, следуют друг за другом четыре времени года, равномерно дует ветер и идет дождь, рожают и выкармливают своевременно, урожай зерна всегда в изобилии, а почва не гибнет, не портится. Люди не знают ни зла, ни ранней смерти, у тварей нет ни пороков, ни свирепости, от душ предков нет чудесных откликов⁷.

Учителем Лецзы был Старый Шан, а другом — Дядя Высокий. [Лецзы] усвоил учение обоих и вернулся домой, оседлав ветер⁸.

Об этом услышал ученик Инь, последовал за Лецзы и несколько лун не уходил домой. [Он] просил [учителя рассказать] на досуге о его искусстве, но десять раз [учитель] не говорил, и десять раз [Инь] возвращался [ни с чем]. Ученик Инь возроптал и попросил разрешения попроситься. Лецзы [и тут] ничего не сказал. Инь ушел на несколько лун, но мысль [об учении] его не оставляла, и [он] снова вернулся.

— Почему ты столько раз приходишь и уходишь? — спросил его Лецзы.

— Прежде [я], Чжанцзай, обращался к тебе с просьбой, — ответил Инь. — Ты же мне ничего не сказал, и [я] на тебя обиделся. Ныне забыл. [обида] и поэтому снова пришел.

— Прежде я считал тебя проницательным, ныне же ты оказался столь невежественным. Оставайся! Я поведаю тебе о том, что открыл [мне] учитель, — сказал Лецзы. — С тех пор как стал я служить учителю и другу, прошло три года⁹, и [я] изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился взгляда учителя. Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об истинном и ложном, устами по-новому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда

удостоился улыбки учителя. Прошло семь лет и, давая волю своему сердцу, [уже] не думал ни об истинном, ни о ложном; давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и как бы ни принуждал [я] свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не ведал, что для других истинно, что ложно, что полезно и что вредно; уже не ведал, что учитель — мой наставник, а тот человек — мой друг. Перестал [различать] внутреннее от внешнего. И тогда все [мои чувства] как бы слились в одно целое: зрение уподобилось слуху, слух — обонянию, обоняние — вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось, кости и мускулы сплавились воедино. [Я] перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, и, следуя за ветром, начал передвигаться на восток и на запад. Подобный листу с дерева или сухой шелухе, [я] в конце концов не сознавал, ветер ли оседлал меня или я — ветер. Ты же ныне поселился у ворот учителя. Еще не прошел круглый срок, а ты роптал и обижался дважды и трижды. Ни одной доли твоего тела не может воспринять ветер, ни одного твоего сустава не может поддержать земля. Как же смеешь [ты] надеяться ступать по воздуху и оседлать ветер?

Ученик Инь устыдился, присмирел и долго не решался задавать вопросы.

Лецзы спросил Стража Границы¹⁰:

— Настоящий человек идет под водой и не захлебывается, ступает по огню и не обжигается, идет над тьмой вещей и не трепещет. Дозвольте спросить, как этого добиться?

— Этого добиваются не знаниями и не ловкостью, не смелостью и не решительностью, а сохранением чистоты эфира, — ответил Страж Границы. — Я тебе [об этом] поведаю. Все, что обладает формой и наружным видом, звучанием и цветом, — это вещи. [Различие] только в свойствах. Как же могут одни вещи отдаляться от других? Разве этого достаточно для превосходства [одних над другими]? Обретает истину тот, кто сумел понять и охватить до конца [процесс] создания вещей из бесформенного, [понять, что процесс] прекращается с прекращением изменений. Держась меры бесстрастия, скрываясь в не имеющем начала времени, тот, <кто обрел истину>, будет странствовать там, где начинается и кончается тьма вещей. Он добивается единства своей природы, [чистоты] своего эфира, полноты свойств, чтобы проникать в [процесс] создания вещей. Природа у того, кто так поступает, хранит свою целостность, в жизненной энергии нет недостатка. Разве проникнут в его [сердце] печали?!

Ведь пьяный при падении с повозки, даже очень резком, не разобьется до смерти. Кости и сочленения [у него] такие же, как

и у [других] людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. [Думы о] жизни и смерти, удивление и страх не нашли места в его груди, поэтому, сталкиваясь с предметом, [он] не сжимался от страха. Если человек обретает [подобную] целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы! Мудрый человек сливается с природой, поэтому ничто не может ему повредить¹¹.

Ле, Защита Разбойников, стрелял [на глазах] у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался [неподвижным], подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы,— сказал Темнеющее Око.— А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню *жэней*?¹²

И тут Темнеющее Око взошел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню *жэней*, отступил назад [до тех пор, пока его] ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь потом [с головы] до пят.

— У настоящего человека,— сказал Темнеющее Око,— душевное состояние не меняется, глядит ли [он] вверх в синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам¹³, странствует ли ко [всем] восьми полюсам¹⁴. Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом!¹⁵

У Фаня был сын по имени Процветающий, который умело создал себе славу. Перед ним преклонялось все царство. Войдя в милость цзиньского царя, [Процветающий] не служил, а место занимал направо¹⁶ от трех старших сановников. Того, кто удостоился благосклонного взгляда [Процветающего], в царстве Цзинь¹⁷ жаловали титулом; того, кто заслужил бранное слово [Процветающего], из царства Цзинь изгоняли. Посещение дома Процветающего приравнивалось к приему у царя.

Процветающий приказывал своим удалцам завязывать драки: умные обижали глупых, сильные подавляли слабых. [Он] не беспокоился, даже если оставались раненые и избитые. Дни и ночи проходили в таких забавах, которые чуть ли не вошли в обычай во всем царстве.

[Однажды] первые удалцы Фаня — Хэшэн и Цзыбо — отправились за город и заночевали в хижине старика землепашца Кая с Шан-горы. В полночь Хэшэн и Цзыбо заговорили друг с другом о славе и могуществе Процветающего: он-де властен погубить жи-

вого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного — богачом.

Кай с Шан-горы, давно уже страдавший от голода и холода, притаился у северного окна и подслушал их беседу. Затем [он] занял зерна, сложил в корзину, взвалил ее на спину и отправился к воротам Процветающего.

В свите Процветающего состояли родовитые люди. Одеты в белый шелк, они разъезжали в колесницах или не спеша прохаживались, посматривая [на всех] свысока.

Заметив Кая с Шан-горы, старого и слабого, с загорелым черна лицом, в платье и шапке отнюдь не изысканных, все они отнеслись к нему презрительно и принялись издеваться над ним, как только могли: насмехались, обманывали его, били, толкали, перебрасывали от одного к другому. Но Кай с Шан-горы не сердился, прихлебатели устали, и выдумки их исчерпались.

Тогда вместе с Каем все они взошли на высокую башню, и один из них пошутил:

— Тот, кто решится броситься вниз, получит в награду сотню золотом.

Другие наперебой стали соглашаться, а Кай, приняв все за правду, поспешил броситься первым, точно парящая птица, опустился [он] на землю, не повредив ни костей, ни мускулов.

Свита Фаня приняла это за случайность и не очень-то удивилась. А затем [кто-то], указывая на омут в излучине реки, снова сказал:

— Там — драгоценная жемчужина. Нырни — найдешь ее.

Кай снова послушался и нырнул. Вынырнул же действительно с жемчужиной.

Тут все призадумались, а Процветающий велел впредь кормить [Кая] вместе с другими мясом и одевать его в шелк.

Но вот в сокровищнице Фаня вспыхнул сильный пожар. Процветающий сказал:

— Сумеешь войти в огонь, спасти шелк — весь отдам тебе в награду, сколько ни вытащишь!

Кай, не колеблясь, направился [к сокровищнице], исчезал в пламени и снова появлялся, но огонь его не обжигал и сажа к нему не приставала.

Все в доме Фаня решили, что он владеет секретом, и стали просить у него прощения:

— Мы не ведали, что ты владеешь чудом, и обманывали тебя. Мы не ведали, что ты — святой, и оскорбляли тебя. Считай нас дураками, считай нас глухими, считай нас слепыми! Но дозвошь нам спросить: в чем заключается твой секрет?

— У меня нет секрета, — ответил Кай с Шан-горы. — Откуда это — сердце мое не ведает. И все же об одном я попытаюсь вам рассказать.

Недавно двое из вас ночевали в моей хижине, и я слышал [как они] восхваляли Процветающего: [он]-де властен умертвить

живого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного — богачом. И я отправился [к нему], несмотря на дальний путь, ибо поистине у меня не осталось других желаний. Когда пришел сюда, [я] верил каждому вашему слову. Не думая ни об опасности, ни о том, что станет [с моим телом], боялся лишь быть недостаточно преданным, недостаточно исполнительным. Только об одном были мои помыслы, и ничто не могло меня остановить. Вот и все.

Только сейчас, когда я узнал, что вы меня обманывали, во мне поднялись сомнения и тревоги, [я] стал прислушиваться и приглядываться к [вашей] похвальбе. Вспомнил о прошедшем: посчастливилось не сгореть, не утонуть — и от горя, от страха [меня] бросило в жар, охватила дрожь. Разве смогу еще раз приблизиться к воде и пламени?

С той поры удальцы Фаня не осмеливались обижать нищих и коновалов на дорогах. Встретив их, кланялись, сойдя с колесницы.

Узнав об этом, Цзай Во¹⁸ сообщил Конфуцию. Конфуций же сказал:

— Разве ты не знаешь, что человек, полный веры, способен воздействовать на вещи, растрогать небо и землю, богов и души предков, пересечь [вселенную] с востока на запад, с севера на юг, от зенита до надира. Не только пропасть, омут или пламя — ничто его не остановит. Кай с Шан-горы поверил в ложь, и ничто ему не помешало. Тем паче, когда обе стороны искренни. Запомни сие, юноша!

У чжоуского царя Сюаньвана начальником над пастухами был раб Жердочка Для Птиц¹⁹. Он умел обращаться с дикими зверями и птицами и, собирая их, кормил во дворе и в саду. Он укрощал и приручал любого хищника, даже тигра и волка, орла или скопу <рыболова>. В его присутствии самцы и самки спаривались и размножались, образуя целые стада. Разнообразные виды [зверей] паслись рядом, не царапая и не кусая друг друга.

Обеспокоенный тем, как бы секрет искусства раба не умер вместе с ним, царь приказал ему обучать Садовода с Мао-горы.

Он же сказал [Садоводу]:

— [Я], Жердочка, — презренный раб. Какое искусство могу тебе передать? Но боюсь, как бы государь не обвинил [меня] в том, что [я] утаил от тебя [секрет], и скажу вкратце, как обращаться с тиграми.

Радоваться, когда потекают, и сердиться, когда перечат, — в природе каждого, в ком течет кровь. Но разве радость и гнев проявляются случайно?! Гнев [зверя] вызывают, когда идут против [его] воли. Во время кормежки не решаюсь давать тигру живого зверя: убивая его, [тигр] придет в ярость; не решаюсь давать целую тушу: разрывая ее, придет в ярость. Своевременно кормлю голодного и постигаю, [что] приводит его в ярость. Тигр и человек

[принадлежат] к различным видам. Человек потакает тигру, и тигр к нему ласкается; перечит — и тигр его убивает. Но разве решусь я перечить тигру, чтобы привести его в гнев! Не решусь также и потакать ему, чтобы вызвать у него радость. Ведь от радости вернется непременно к гневу, а от гнева вернется снова к радости; ни тем, ни другим способом не достигну цели.

Ныне, [когда] у меня нет мысли ни потакать им, ни перечить, птицы и звери принимают меня за своего. [Действую] по закону природы — предоставлять каждого самому себе, поэтому [они] бродят по моему саду, не вспоминая о высотах [горных] лесов и просторах болот; засыпают на моем дворе, не стремясь в глубину гор и в тишину долин.

Янь Юань²⁰ рассказал Конфуцию:

— Когда я переправлялся через пучину Глубина кубка, Перевозчик²¹ правил лодкой, как бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?» «Да, — ответил он, — можно обучить того, кто умеет плавать; у прекрасного пловца [к этому] особые способности, а если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза». Я спрашивал еще, но [он] более не отвечал. Дозвольте задать вопрос: «Что это означает?».

— Гм! — сказал Конфуций. — Я давно уже забавлялся с тобой тем, что [лежит] на поверхности, но никогда не доходил до сущности. [Теперь] все же скажу.

«Можно обучить того, кто умеет плавать» — [означает, что он] легко общается с водой; «У прекрасного пловца [к этому] особые способности» — забывает про воду; «А если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза» — для него пучина подобна суше, а опрокинутая лодка — скользящей назад повозке. Пусть перед ним опрокидывается и скользит тьма вещей, это даже не привлечет его внимания; куда бы ни направился, все станет делать играючи.

Мастер игры²² [со ставкой] на черепицу станет волноваться при игре на [серебряную] застежку и потеряет рассудок при игре на золото. Искусство одно и то же, но стоит появиться ценному, и внимание перейдет на внешнее. Внимание же к внешнему всегда притупляет [внимание к] внутреннему.

Конфуций любовался в Люйляне [водопадом]²³: струи спадают с высоты в тридцать *жэней*, пена бурлит на тридцать *ли*. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи — морские или речные. Заметив там пловца, [Конфуций] подумал, что тот с горя ищет смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы его вытащить. [Но тот] через несколько сот шагов вышел [из воды] с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться у дамбы.

Конфуций последовал [за ним] и ему сказал:

— Водопад в Люйляне высотой в тридцать *жэней*, пена бурлит на тридцать *ли*. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи — морские или речные. Заметив, как ты в него вошел, я подумал, что с горя ищешь смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы тебя вытащить. [Когда] ты вышел с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться, я принял тебя за душу утопленника, но взгляделся: ты — человек. Дозволь задать вопрос: владеешь ли секретом, [как следует людям] ходить по воде?

— Нет, — ответил пловец. — У меня нет секрета. От рождения — это у меня привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба. Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следую за течением воды, не навязывая [ей] ничего от себя. Вот мой секрет.

— Что означает: «от рождения — это привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба»? — спросил Конфуций.

— Я родился среди холмов и удовлетворен [жизнью] среди холмов — такова привычка; вырос на воде и удовлетворен [жизнью] на воде — таков характер; это происходит само собой и я не знаю почему — такова судьба ²⁴.

Направляясь в Чу, Конфуций вышел из леса и заметил Горбуна ²⁵, который ловил цикад, будто [просто] их подбирал.

— Как ты искусен! — воскликнул Конфуций. — Обладаешь ли секретом?

— Да! У меня есть секрет, — ответил ловец цикад. — В пятую-шестую луну кладу на коконы [цикад] шарики. [Из тех, на которые] положу два [шарика] и [шарики] не упадут, теряю немногих; [из тех, на которые] положу три [шарика] и не упадут, теряю одну из [каждых] десяти; [тех же, на которые] положу пять шариков и не упадут, [ловлю всех просто], будто подбираю. Я стою, словно старый пенёк, руки держу, точно сухие ветви. Как бы ни велика была вселенная, какая бы тьма тварей в ней ни существовала, мне ведомы лишь крылатые цикады. Почему бы мне их не ловить, [если] ничто [другое] не заставит меня шевельнуться, ни на что в мире я не сменяю крылышки цикады!

Конфуций обернулся к своим ученикам и воскликнул:

— Вот каковы речи того Горбуна! Воля [у него] не рассеивается, а сгущается в душе.

А Горбун в ответ:

— Вы, длиннополые ученики! Откуда вам знать то, о чем спрашиваете? Заботитесь о собственном поведении да потом еще утруждаете [себя] такими речами!

Один приморский житель любил чаек. Каждое утро отправлялся в море и плыл за чайками. Чайки же слетались к нему сотнями.

Его отец сказал:

— Я слышал, что все чайки следуют за тобой. Поймай-ка мне [нескольких] на забаву.

На другое утро, [когда Любитель чаек] отправился в море, чайки кружились [над ним], но не спускались.

Поэтому и говорится: «Высшая речь — без речей, высшее деяние — недеяние»²⁶. То знание, которое доступно всем, — неглубоко.

Чжао Сянцзы²⁷ с сотней тысяч человек отправился на огневую охоту в Срединные горы. С помощью высокой травы подожгли лес, и пламя охватило [его] на сотни *ли*. [И тут] из каменного утеса вышел человек, [который] поднимался и опускался вместе с дымом и пеплом. Все сказали, что это душа покойника. Пройдя через огонь, будто его и не было, тот человек вышел не спеша.

Чжао Сянцзы удивился, удержал его и незаметно осмотрел. Фигурой, цветом, семью отверстиями [в голове] — человек; по дыханию, голосу — человек. И [Чжао Сянцзы] спросил:

— С помощью какого секрета живешь в камне? С помощью какого секрета проходишь через огонь?

— Что называешь камнем? Что называешь огнем? — спросил его тот.

— То, откуда [ты] недавно вышел, — камень; то, через что недавно прошел, — огонь.

— Не ведаю, — ответил тот.

Услышал об этом вэйский царь Прекрасный²⁸ и спросил Цзыся²⁹:

— Что это был за человек?

— [Я], Шан, слышал от учителя, что [человек, который обрел] гармонию, во всем подобен [другим] вещам. Ничто не может его ни поранить, ни остановить. Он же может все — и проходить через металл и камень, и ступать по воде и пламени.

— А почему ты этого не делаешь? — спросил царь Прекрасный.

— [Я], Шан, еще не способен открыть свое сердце и очистить [его] от знаний. Хотя и пытаюсь говорить об этом, когда есть досуг.

— Почему не делает этого учитель?

— Учитель способен на это, — ответил Цзыся, — но способен и не делать этого.

[Ответ] очень понравился царю Прекрасному.

Некий Колдун³⁰, по имени Цзи Сянь, переселился из Ци в Чжэн. Точно бог, узнавал [он], кто родится, а кто умрет, кто будет жить, а кто погибнет, кого ждет счастье, а кого — беда, кого — долголетие, а кого — ранняя смерть, и назначал [каждому] срок: год, луну, декаду, день. Завидев его, чжэнцы уступали дорогу.

Лецзы встретился с Колдуном и подпал под его чары. Вернувшись же, обо всем рассказал учителю с Чаши-горы:

— Ваше учение я считал высшим, а теперь познал более совершенное.

— Я не открывал тебе внешнего, пока ты не постиг сущности,— сказал учитель.— Как же тебе судить об учении? Если рядом с курами не будет петуха, откуда возьмутся цыплята? Думая, что постиг учение и [можешь] состязаться с современниками, [ты] возгордился, поэтому он и прочел все на твоём лице. Приди-ка вместе [с ним] сюда, пусть на меня посмотрит.

Назавтра Лецзы явился к учителю вместе с Колдуном. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Увы! Твой учитель [скоро] умрет, не проживет и десяти дней. Я видел странное — пепел, залитый водой.

Лецзы вошел к учителю, зарыдал так, что слезами оросил одежду, и передал ему [слова Колдуна].

— В тот раз я показался ему поверхностью земли, без побегов, без движения. Ему, видимо, почудилась какая-то преграда в источнике моей жизненной энергии. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы снова явился с Колдуном.

[Когда они] вышли, Колдун сказал Лецзы:

— Счастье, что твой учитель встретился со мной. [Ему] лучше. В пепле появилась жизнь. Я заметил, что энергия проникает через преграду.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все].

— На этот раз я показался ему в виде неба и земли, [куда] нет доступа [таким понятиям, как] «имя» [или] «сущность». Но источник энергии исходил из пяток. Вот [ему] и почудилось, что «энергия проникает через преграду», что мне лучше. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы снова явился с Колдуном к учителю. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Твой учитель в тревоге. Трудно читать на его лице. Успокой [его, и я] снова его навещу.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все]. Учитель же молвил:

— На этот раз он узрел во мне великую пустоту без малейшего предзнаменования [чего-либо] и принял ее за признак равновесия жизненных сил. Существует всего девять глубин: глубина водоворота и стоячей воды, проточной воды и бьющего источника, родника, текущего с горы, и источника, вытекающего из ямы, реки, вернувшейся в русло после прорыва [дамбы], реки, растекающейся по болоту, и нескольких ручьев, вытекающих из одного источника. Приди-ка [с ним] снова сюда.

На другой день Лецзы вместе с Колдуном снова явился к учителю. Не успел [Колдун] занять [свое] место, как в растерянности пошел прочь.

— Догони его, — велел учитель.

Лецзы побежал, не смог его догнать, вернулся и доложил учителю:

— Не догнал. [Он куда-то] исчез! Потерялся!

— Я показался ему зародышем, каким был еще до появления на свет. Я предстал перед ним пустым, слабым, покорным. [Он] не понял, кто [я], какой [я], видел то увядание, то стремительное течение. Вот и сбежал.

Тут Лецзы решил, что еще и не начинал учиться, вернулся [домой] и три года не показывался. Готовил пищу для своей жены, свиней кормил, будто людей. В резьбе и полировке вернулся к безыскусственности³¹. В [других] делах не принимал участия. Лишь телесно, словно ком земли, возвышался он среди мирской суеты, замкнутый, целостный и поэтому [познал] истину до конца.

Лецзы направился в Ци, [но] с полдороги вернулся и встретил Дядю Темнеющее Око.

— Почему возвратился? — спросил Темнеющее Око.

— Я испугался!

— Чего же испугался?

— Я ел в десяти харчевнях, и в пяти [мне] подавали раньше всех.

— Пусть так. Но чего же тебе пугаться?

— Чистота внутри еще не освободилась, а из тела [она] просачивается [в виде] луча. Внешним воздействовать на сердца людей, чтобы они пренебрегали уважаемыми и старыми, [значит] готовить себе беду. Ведь хозяин харчевни не имеет лишних доходов, продает лишь кашу да похлебку. Если так поступает тот, у кого прибыль скудная, а власть ничтожная, что же сделает властитель тьмы колесниц, который отдает все силы государству и все знания управлению? Поэтому-то я и испугался, что тот [царь] захочет поручить мне дела и [станет] ждать от меня заслуг³².

— Прекрасное наблюдение! — воскликнул Темнеющее Око. — [Но если] ты останешься у себя, люди станут [искать] у тебя защиты.

Вскоре Темнеющее Око пришел [к Лецзы] и у дверей увидел множество туфель. Обернувшись лицом к северу <как подчиненный>, Темнеющее Око оперся подбородком о посох, нахмурился и, постояв немного, молча вышел. Принимавший гостей доложил об этом Лецзы. Лецзы босой с туфлями в руках побежал [за Темнеющим Оком] и, догнав у ворот, спросил:

— Поскольку [вы], Прездорожденный, пришли, не дадите ли мне совет?

— [Все] кончено! Я же предупреждал, что люди станут [искать] у тебя защиты. Это действительно так! Способный привлечь других, чтобы [стекались] к тебе, ты оказался не способным помешать другим искать у тебя защиты. К чему это?

[Стоит] результату разойтись с предвидением, и непременно получится огорчение. [Оно] бессмысленно и поколеблет [тебя] само-

го. Никто из твоих последователей [этого] тебе не скажет. Вся их мелкая болтовня — яд для человека. Без пробуждения, без сознания разве [помогут] созреванию друг друга?

Ян Чжу³³ на юге достиг [местности] Пэй, [и когда] Лаоцзы³⁴, странствуя на запад, пришел в Цинь, встретил его на подступах — в Лян.

Посредине дороги Лаоцзы подъял взор к небу и вздохнул:

— Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя.

Ян Чжу промолчал. [Когда же] вошли в харчевню, [Ян Чжу] подал [Лаоцзы] воду для умывания и полоскания рта, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверями, подпслз к нему на коленях и заговорил:

— Недавно учитель подъял взор к небу, вздохнул и сказал: «Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя». [Мне], ученику, хотелось попросить объяснения, но не осмелился, ибо учитель сказал и продолжал путь без отдыха. Ныне же у учителя есть свободное время. Дозвольте [мне] задать вопрос: в чем моя вина?

— У тебя самодовольный взгляд, у тебя хвастливый взгляд. С кем сумеешь жить вместе? [Ведь и] «чистейшая белизна кажется запятнанной, совершенное достоинство кажется недостаточным!»³⁵ — ответил Лаоцзы.

— Почтительно слушаюсь! — сказал Ян Чжу со всем уважением, изменившись в лице.

Прежде Ян Чжу в харчевне приветствовали жильцы, хозяин приносил [ему] циновку, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали [место] на циновке, гревшиеся давали [место] у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за [место] на циновке.

Проходя через Сун³⁶, на востоке Ян Чжу зашел на постоянный двор. У хозяина двора были две наложницы: красивая и безобразная. Безобразную [хозяин] ценил, а красивой пренебрегал. На вопрос Янцзы, какая тому причина, этот человек ответил:

— Красавица сама [собою] любит себя, и я не понимаю, в чем ее красота. Безобразная сама себя принижает, и я не понимаю, в чем ее уродство.

— Помните это, ученики, — сказал Янцзы. — Действуйте достойно, но гоните от себя самодовольство, и [вас] полюбят всюду, куда бы ни пришли.

В Поднебесной есть путь к постоянным победам и путь к постоянным поражениям. Путь к постоянным победам называется слабостью, путь к постоянным поражениям называется силой. Оба этих пути легко познать, однако люди их не знают. Поэтому

в древности и говорили: «сильный [старается] опередить тех, кто слабее его; слабый — тех, кто сильнее его»³⁷. Идущему впереди тех, кто слабее его, грозит опасность от равного ему; идущему впереди тех, кто сильнее его, не грозит опасность. Так побеждают собственное тело, будто раба, так служат Поднебесной, будто рабы. Это и называется: победой без побед, службой без служения.

Вскармливающий Медведя сказал:

— Хочешь быть твердым³⁸, сохраняй [твердость] с помощью мягкости; хочешь быть сильным, береги [силу] с помощью слабости. [Кто] собирает мягкое, станет твердым; [кто] собирает слабое, станет сильным; наблюдай за тем, что собирается, чтобы узнать, что придет: счастье или беда. Сильный побеждает тех, кто слабее его, а от [руки] равного себе — гибнет. Слабый побеждает тех, кто сильнее его, его сила — неизмерима. Лаоцзы сказал:

«Войско могущественное погибнет.
Дерево крепкое сломается.
Мягкое и слабое — спутники жизни.
Твердое и сильное — спутники смерти»³⁹.

Подобные по уму могут быть различны обликом; подобные обликом могут быть различны по уму. Мудрый сближается с подобным [себе] по уму, но отдаляется от подобного [себе] обликом; дюжинный сближается с подобным [себе] обликом, но отдаляется от подобного [себе] по уму. С подобными [себе] обликом [мы] сближаемся и их любим; от отличающихся от нас обликом [мы] отдаляемся и их боимся. [Того, кто] обладает ростом в семь *чи*, руками, отличными от ног, волосами на голове и зубами во рту, бежит, наклонясь вперед, — называем человеком; но человек может обладать сердцем зверя. Однако, несмотря на звериное сердце, видим в нем подобного себе. [Того, кто] обладает крыльями по бокам, рогами на голове, способен обнажать клыки и выпускать когти, летать в воздухе или бегать на четырех ногах, называем птицей или зверем. А у птицы или зверя может быть сердце человека. Однако, несмотря на человеческое сердце, [мы] видим в них чуждых себе обликом.

У Готовящего Жертвенное Мясо и Нюйва⁴⁰, у Священного Земледельца⁴¹ и Великих Вождей⁴² были змеиные тела и человеческие лица или бычьи головы и тигриные морды. [Они] обладали не обликом человека, а свойством великих мудрецов. Ся Разрывающий на Части⁴³ и Инь Бесчеловечный⁴⁴, Луский Хуань⁴⁵ и Чуский Му⁴⁶ внешне, семью отверстиями [в голове] были подобны человеку, но сердцем обладали звериным. Дюжинный человек, держась лишь облика в поисках истины, ее [истины] не найдет. Желтый Предок, сражаясь с Предком Огня⁴⁷ на поле при Баньцюань, повел в авангарде медведей и медведиц, волков и барсов, пантер и тигров, а знаменосцами сделал орлов и фазанов, кречетов и коршу-

нов. Таково подчинение птиц и зверей силой. Высочайший⁴⁸ поручил Кую⁴⁹ ведать музыкой. Ударяя одной каменной пластинкой о другую, [тот] повел всех зверей танцевать; [сыграл] на свирели девять тактов песни «[Великое] цветение»⁵⁰, и пара фениксов явилась совершить обряд. Таково привлечение птиц и зверей музыкой. Разве этим сердца у птиц и зверей отличаются от человеческих? К тем, кто по облику и по голосу отличается от человека, [мы] не знаем, как подойти. Мудрый же все знает, всех понимает, поэтому умеет их привлечь и ими распоряжаться. Ведь у птиц и зверей знания естественные, подобные человеческим. Не заимствуя знаний у человека, все они стремятся сохранить свою жизнь. Самец и самка спариваются, мать и детеныш любят друг друга. [Они] избегают [местности] ровной, держатся неприступной, уходят от холода, стремятся к теплу, останавливаются, [собираясь] в стадо; передвигаются рядами, юные помещаются в середине, сильные — по краям. [Когда есть] вода, ведут [к ней] друг друга, [когда есть] пища, призывают друг друга. В древности [они] жили вместе с людьми⁵¹ и передвигались вместе с людьми, а во времена вождей и царей стали пугаться и бросаться врассыпную. В последнее же время [они] таятся, прячутся и спасаются бегством, чтобы избежать беды. Ныне на востоке в стране рода Посредников люди понимают язык шести [видов] животных и [с ними] говорят. Эти знания [они], наверно, приобрели случайно. В древнейшие же времена священные мудрецы различали по виду и по характеру мириады тварей и понимали язык каждого из видов; созывали их и собирались вместе с ними, учили их и принимали, как людей. Поэтому сначала встречались с душами предков и духами, оборотнями, горными и лесными, затем общались с народами всех восьми сторон и, наконец, собирали птиц и зверей, насекомых и пресмыкающихся. [Они] говорили: «У существ, обладающих кровью и жизненной энергией, нет большого различия в сердце и знаниях». Священные мудрецы это знали и поэтому, обучая и наставляя, никого не упускали.

В царстве Сун жил Обезьяний Царь⁵², который любил обезьян и кормил их целую стаю. [Он] умел разгадывать их желания, обезьяны также его понимали. Чтобы угодить обезьянам, [он] меньше кормил свою семью.

Но вдруг [он] обеднел, и пришлось [ему] уменьшить корм обезьянам. Боясь, что вся стая выйдет из повиновения, сначала их обманул:

— Хватит ли, если стану давать вам утром по три каштана, а вечером по четыре?

Тут все обезьяны поднялись в гнев.

— Хватит ли, если стану давать вам утром по четыре каштана, а вечером по три? — сразу же переспросил он.

И все обезьяны, обрадованные, легли на землю.

Так же точно заманивают в клетку тварь более глупую. Мудрец с помощью своих знаний заманивает толпу дураков так же, как перехитрил обезьян с помощью своих знаний Обезьяний Царь. Оставив название и сущность неизменными, [он] сумел вызвать у обезьян то гнев, то радость.

Цзи Синцзы⁵³ тренировал бойцового петуха для чжоуского царя Сюаньвана. Через десять дней [царь] спросил:

— Готов ли петух к бою?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Еще бросается на [каждую] тень, откликается на [каждый] звук.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Почти [готов]. Не встревожится, пусть даже услышит [другого] петуха. Взгляни на него — будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух — повернется и сбежит.

Хой Ан⁵⁴ посетил сунского царя Канвана⁵⁵. Канван затопал ногами и, гневно хрипя, закричал:

— Чему гость может меня научить? Я не люблю проповедников милосердия и справедливости. Мне нравятся храбрецы и силачи.

— Не заинтересует ли великого государя учение, которым обладаю [я], ваш слуга? — ответил Ан. — Даже сильного оно может заставить промахнуться в ударе, даже храброго — колоть [кинжалом] и не поранить.

— Прекрасно! Об этом мне нравится слушать.

— Но ведь колоть и не поранить, ударить и промахнуться — это позорно. У вашего же слуги есть такое учение, от которого и храбрый не посмеет колоть, и сильный не посмеет ударить. Но не сметь — не означает не хотеть. У вашего же слуги есть учение, от которого у человека совсем исчезает подобное желание. Исчезнет подобное желание, не появится и мысли о выгоде. У вашего же слуги есть учение, от которого все мужья и жены в Поднебесной полюбят выгоду. Это умнее, чем храбрость и сила, выше [всех] четырех рангов. Не заинтересует ли это великого государя?

Это то, чего я хотел бы добиться, — ответил сунский царь.

Таково [учение] Куна и Мо. Конфуций и Мо Ди стали царями, не имея земли, стали начальниками, не имея подчиненных. Желая им покоя и выгоды, каждый муж и каждая жена в Поднебесной поднимались на цыпочки и вытягивали шею. [И если] ныне великий государь властелин тьмы колесниц — действительно

имеет подобное желание, то все в пределах четырех границ обретут свою выгоду. И он превзойдет умом Конфуция и Моцзы.

Царю нечего было ответить. Хой Ан же поспешил уйти.

Царь сказал [стоявшим] слева и справа:

— [Вот это] красноречие! Гость сумел меня убедить!

Глава 3

ЧЖОУСКИЙ ЦАРЬ МУ

При чжоуском царе Му¹ из страны на крайнем Западе явился человек, владевший [силой] превращений. Входил в огонь и воду, проходил через металл и камень, переворачивал горы, менял течение рек, передвигал обнесенные стенами города. Поднимался в пустоту и не падал, проходил сквозь твердое, не встречая препятствий, тысячам и десяткам тысяч его превращений не было конца. Он изменял и форму вещей и мысли людей.

Царь Му почитал его, словно духа, служил ему, словно царю, уступил ему царские покои, угощал его мясом вскормленных для жертв быков, баранов, свиней; чтобы развлекать его, отбирал лучших девушек-певиц. Однако тот человек не мог жить в царских покоях, находя их низкими и безобразными; не мог есть яств царской кухни, находя их сырыми и зловонными; не мог приблизиться к царским наложницам, находя их некрасивыми и воючими.

Тогда царь Му стал воздвигать для него строение, [призвав на помощь] все искусство [своих] мастеров по глине и дереву, по окраске красным и белым. [Все] пять сокровищниц опустели, пока башня была закончена. Высотой в тысячу *жэней*, она возвышалась над вершиной Южной горы и называлась Взымающей к Небу башней. Для башни выбрали красивейших из дев в [царствах] Чжэн и Вэй², умастили [их] ароматными маслами, подрисовали [им] брови — усики бабочки, убрали прическу шпильками, продели [в уши] серьги, одели их в тончайший холст, отороченный блестящим шелком из Ци, набелили им лица, подчеркнули брови, украсили нефритовыми подвесками, различными душистыми травами. Заполнив башню, [красавицы] сыграли песни «Принимаем облака», «Шесть драгоценных нефритов», девять тактов мелодии [«Великое] Цветение», «Утреннюю росу»³, чтобы развеселить человека, владевшего [силой] превращений.

Каждую луну [царь] подносил [ему] драгоценные одежды, каждое утро — тонкие яства. Тот же до всего снисходил как бы нехотя.

Прожив недолго [в башне, тот человек] пригласил царя прогуляться. Держась за его рукав, царь взлетел с ним *ввысь* на самое Среднее небо и очутился в его дворце. Дворец был построен из золота и серебра, усыпан жемчугом и нефритом. Возвышался [он]

и над облаками и над дождем, а на чем покоился — неведомо. Издали он казался пушистым облаком. Все здесь для зрения и слуха, обоняния и вкуса было иным, чем в мире людей. Царь, считая, что оказался поистине в обители предков — Чистейшей Столице Пурпурной Звезды, [наслаждался] широтой мелодии небесной музыки. Наклонив голову, царь увидел внизу свой дворец и террасы, похожие на комья земли и кучи хвороста. Царю казалось, что прожил [он] здесь десятки лет, не вспоминая о своей стране. [Но вот] человек, владевший [силой] превращений, снова пригласил царя прогуляться, и [они] пришли туда, где наверху не видно было ни солнца, ни луны, а внизу — ни рек, ни морей. Свет и тени ослепили царя, и [он] не мог ничего разглядеть; звуки и эхо оглушили царя, и [он] не мог ничего расслышать. Все его кости и внутренние органы затрепетали, [он] не мог сосредоточиться, мысли [у него] омрачились, жизненная сила истощилась, и [он] стал уговаривать того человека вернуться обратно. Тот [его] толкнул, и царь камнем свалился в пустоту.

Очнулся [он] на том же месте, что и прежде; в свите были те же люди, что и прежде; вино перед ним еще не остыло, кушанья еще не высохли.

— Откуда [я] прибыл? — спросил царь.

— Государь [сидел] задумавшись; — ответили слева и справа.

Тут царь Му впал в беспамятство. Пришел в себя [лишь] через три месяца и снова спросил человека, владевшего [силой] превращений. Тот ответил:

— Разве мы с государем двигались? [Нет!] Мы странствовали мысленно. А разве место, где [мы] жили, не иное, чем дворец государя? Разве места, где странствовали, не отличались от заповедника государя? Привыкнув к постоянному, сомневаешься в возможности забыться на время? При высшем же изменении в один миг можно исчерпать все возможные формы.

В большой радости царь перестал заботиться о государственных делах, наслаждаться своими наложницами и всеми мыслями предавался далеким странствиям.

[Он] приказал запрячь в две колесницы восемь своих добрых коней. В переднюю колесницу запрягли справа Рыжего Черногривого, слева — Зеленое Ухо, правой пристяжной — Рыжего Быстрого, слева — Белую Жертву. Колесничим был Отец Цзао, помощником — Тай Бин <иероглифы неразборчивы.— Л. П.>. В упряжку второй колесницы запрягли справа Огромного Буланого, слева — Превосходящего Колесо (?), правой пристяжной — Быстрого Вороного, левой — Сына Гор. Ведущим был Бо Яо, колесничим — Шэнь Бо, помощником — Бэнь Жун.

Промчались тысячу *ли* и прибыли в страну Огромных Охотников⁴. Огромные Охотники подвезли царю и [его] людям на двух колесницах кровь белого лебедя для питья, молоко коровы и кобылицы для мытья ног. Напившись, поехали дальше и заночевали на склоне [горы] Союз Старших Братьев⁵ к югу от Красных Вод⁶.

На другой день поднялись на вершину [горы] Союз Старших Братьев, чтобы полюбоваться на дворец Желтого Предка, и насыпали холм, чтобы оставить память грядущим поколениям. Затем отправились погостить к Матери Западных Царей⁷ и пировали над Озером Белого Нефрита⁸.

Мать Западных Царей пела царю, а он вторил ей, но слова были печальны. Наблюдая, как закатилось солнце, прошедшее за день десятки тысяч *ли*, царь со вздохом сказал:

— Увы! Я — человек, который не обладал полнотой основных свойств, но увлекался наслаждениями. Потомки осудят меня.

Разве царь Му священен? [Ведь он] сумел исчерпать наслаждения в своей жизни и все же умер, [прожив] до ста лет. В мире считали, что [он] поднялся [ввысь] <умер>.

Старый Чэнцзы⁹ учился [искусству] превращений у Преждерожденного Инь Вэня¹⁰, но за три года [тот] ничего не сказал. Старый Чэнцзы просил прощения и разрешения удалиться. Преждерожденный Инь Вэнь приветствовал его, ввел в дом, загородился справа и слева и стал ему говорить:

— Когда-то Лаоцзы, отправляясь на Запад, обернулся и сказал мне: «Все, кто обладает жизненной энергией, все, кто обладает внешней формой <телом>, смертны. То, что создается, развивается [с помощью] жара и холода, называется жизнью, называется смертью. То, что малым числом достигает многих изменений, то, что легко меняется вслед за [своей] формой, называется превращением, называется преходящим. Процесс создания вещей сокровенен, плоды его бесчисленны, поэтому [процесс] неисчерпаем и бесконечен. Искусство же [в каждой отдельной] форме ясно видно, его успехи невелики, поэтому [оно] исчезает, едва возникнув. Изучать превращения может лишь тот, кто познал, что изменения и превращения не отличаются от [процесса] жизни и смерти. Мы с тобой такие же превращения, так следует ли их изучать?».

Возвратившись домой, Старый Чэнцзы размышлял над словами Преждерожденного Инь Вэня три луны, а затем уже сумел, как хотел, распоряжаться бытием и небытием, менять четыре времени года, вызывать гром зимой, а снег — летом, заставлять летающих бегать, а бегающих — летать. Но за всю жизнь [никому] не открыл своего искусства, и люди [его] не передавали друг другу.

Учитель Лецзы сказал:

— Учение того, кто умело владеет превращениями, применяется тайно, успехи [у него] такие же, как и у [других] людей. Вряд ли добродетели Пяти предков¹¹ и успехи Трех царей¹² были обусловлены силой их ума и мужества, возможно, что [они] проявились благодаря превращениям. Но кто это определит?

Есть восемь свидетельств о бодрствовании; есть шесть толкований снов¹³. Что такое восемь свидетельств [бодрствования]? Первое — событие, второе — действие, третье — приобретение, четвертое — утрата, пятое — печаль, шестое — радость, седьмое — рождение, восьмое — смерть. Эти восемь воспринимаются телом. Что такое шесть толкований [снов]? Первое — обычный сон, второе — страшный сон, третье — сон, вызванный мыслями наяву, четвертое — сказанным наяву, пятое — сон, вызванный радостью наяву, шестое — страхом наяву. Эти шесть воспринимаются душой. Тот, кто не знает причин изменений в ощущениях, приходит в смятение из-за этого явления; тот, кто знает причину изменений в ощущениях, понимает это явление. Знающего причину¹⁴ ничто не может испугать. Тело в своей полноте или пустоте, в уменьшении или в росте связано со всем на небе и земле соответственно своему классу <роду, виду> тварей. Поэтому, когда [в теле] сильна энергия холода, во сне переправляются через водное пространство и пугаются; когда сильна энергия жара, во сне проходят через бушующее пламя и обжигаются. Когда сильны обе энергии — и холода и жара, то снится рождение или убийство. Объевшемуся снится, что [он] отдает, изголодавшемуся — что получает. По той же причине тому, кто страдает от легкости и пустоты, снится, что [он] взлетает; тому, кто страдает от тяжести и плотности, снится, что [он] тонет. Тому, кто засыпает на поясе, приснится змея; тому, у кого летящая птица заденет волосы, приснится полет. Перед темнотой снится огонь; перед болезнью — еда, после вина — печаль, после песен и плясок — плач.

Учитель Лецзы сказал:

— Воспринятое душой — сон; воспринятое телом — явь¹⁵. Поэтому то, о чем думаем днем, ночью видим во сне; это то, с чем встречаются и душа и тело. Поэтому у человека с душой сосредоточенной сны сами собой исчезают. Тот, кто верит в явь, молчит; тот, кто верит в сны, не понимает, что это уходят и возвращаются вещи. Разве пустые слова, что настоящий человек древности наяву забывал о себе, а спал, не видя снов?!¹⁶

На самом юге крайнего Запада есть страна. С какими странами она граничит — неизвестно. Называется она царством Дремучие Дебри¹⁷. Силы жара и холода там не соединяются, поэтому холод не отличают от жары. Ее не освещают ни лучи солнца, ни свет луны, поэтому день там не отличают от ночи. Люди там не едят, не носят одежды, много спят, просыпаясь один раз в пятьдесят дней. Они считают действительным то, что делают во сне, и недействительным — то, что видят наяву.

Страна, отстоящая на равные расстояния от четырех морей, называется Срединным царством. Она простирается на юг и на север от [Желтой] реки¹⁸, на восток и запад от горы Преемства¹⁹ более чем на десять тысяч *ли*. Силы жара и холода в ней сменяются равномерно, поэтому за холодом приходит жара. Тьма и свет разделяются поровну, поэтому день сменяет ночь. Здесь мириады

тварей растут и размножаются. Среди людей есть умные, есть глупые. Многообразны таланты и способности. Чтобы наблюдать за ними, есть правители и слуги, чтобы поддерживать [их] — обычаи и законы. Что они делают, о чем говорят, нельзя и сосчитать. Они то бодрствуют, то спят; считают действительным то, что делают наяву, недействительным то, что видят во сне.

На самом севере крайнего Востока есть царство Горного Племена. Там земля и воздух всегда жаркие, землю освещает слишком много лучей солнца и луны, лучшие [сорта] зерна не рождаются. Там люди едят траву, корни, плоды деревьев, не умеют варить пищу на огне. У них характер твердый, вспыльчивый. Опираясь друг на друга, сильные подавляют слабых, почитают победителей и не уважают справедливости. [Они] много ездят верхом и редко отдыхают, всегда бодрствуют и никогда не спят.

Инь в царстве Чжоу²⁰ управлял огромным хозяйством. Подчиненные ему рабы спешили, не отдыхали от зари до темноты. Старого раба, у которого уже не осталось сил, Инь заставлял без меры трудиться. Утром [раб] со стоном шел на работу, ночью усталый крепко засыпал. [Когда] жизненная энергия рассеивалась, [он] каждую ночь видел себя во сне царем, стоящим над народом, правящим делами всего царства. Он наслаждался, как хотел, проводя время с наложницами, в прогулках, пирах и зрелищах, испытывая несравненную радость. Пробуждаясь же, снова оказывался рабом.

Люди утешали его в тяжком труде, раб же им говорил:

— Человек живет сто лет²¹. Это [время] делится на день и ночь. Днем я слуга-пленник и страдаю горько, а ночью становлюсь царем и радуюсь несравненно. Что же мне роптать?

У [хозяина же] Иня сердце было занято хлопотами. В заботах о дарованном предками наследии [он] утомлялся и телом и сердцем, вечером усталый засыпал. И каждую ночь во сне он становился рабом, которого подгоняли, поручая любую работу, всячески ругали и били. Во сне он бредил, стонал, но отдых приходил лишь наутро.

Страдая от этого, Инь попросил совета у друга. Друг сказал:

— [Вы] намного превосходите других своим положением, вполне достаточным для славы. Имущества же и богатства [у вас] излишек. Во сне становиться рабом, возвращаться от покоя к мучению — таково постоянство [судьбы]. Разве можно обладать тем, что желаешь, и во сне и наяву?

Выслушав совет друга, [Инь] уменьшил [бремя] своих рабов, сократил дела, о которых заботился, и [тогда] почувствовал облегчение.

Чжэнец-Дровосек, собирая топливо в отдаленном месте, повстречал испуганного оленя, ударил его и убил. Боясь, что кто-нибудь заметит оленя, дровосек поспешил спрятать его во рву и прикрыть хворостом. Но от радости он вдруг забыл, где спрятал добычу, и решил, что все это случилось во сне.

По дороге [дровосек] пел о том, что с ним случилось. Песню подслушал прохожий и благодаря этому нашел оленя. Придя домой, он сказал своей жене:

— Дровосек во сне добыл оленя, но не знал, где он находится. Теперь же я его нашел. Дровосек воистину видел вещий сон.

Жена возразила:

— Не приснилось ли тебе, что дровосек добыл оленя? Откуда взялся дровосек? Поистине ты добыл оленя, значит твой сон и был вещим.

Муж ответил:

— Зачем разбираться, кому приснилось: ему или мне? Я же добыл оленя!

Дровосек вернулся домой, но не мог примириться с потерей оленя. Той же ночью в вещем сне увидел он место, где спрятал оленя, и человека, который нашел оленя. На следующее утро дровосек отыскал приснившегося ему человека, а затем пошел в суд спорить из-за оленя. Его послали к Наставнику мужей.

Наставник мужей сказал:

— Если [ты] сначала действительно добыл оленя, то напрасно называешь это сном. [Если же] на самом деле добыл оленя во сне, то напрасно называешь это действительным. [Если] Прохожий действительно взял твоего оленя, то спорит с тобой из-за оленя. [Если же] его жена [правильно] говорит, что он узнал о чужом олене во сне, тогда никто не добыл оленя. [Однако] вот доказательство — олень. Прошу разделить его на две части и пусть услышит об этом царь Чжэн.

Царь Чжэн сказал:

— Увы! Не видел ли и [сам] судья во сне, что разделил чужого оленя?

[Царь] спросил совета у помощника. Помощник же сказал:

— [Ваш] слуга не может разобраться, сон это был или не сон. Отличить сон от яви [могли] лишь Желтый Предок и Конфуций. Кто же их различит, [если] ныне нет ни Желтого Предка, ни Конфуция. Значит, можно довериться решению Наставника мужей.

Хуацзы²² из Янли в [царстве] Сун в среднем возрасте потерял память. Взяв [что-то] утром, забывал к вечеру; отдав вечером, забывал к утру; на дороге забывал, что [надо] идти, в доме забывал, что [надо] сидеть; сегодня не помнил о [том, что было] вчера; завтра не помнил о [том, что было] сегодня. Вся семья о нем печалилась. Позвали гадалею, [он] гадал на панцире черепахи, но не дал ответа. Позвали шамана, [он] прочел заклинания, но не прогнал несчастья. Позвали врача, [он] лечил, но [болезнь] не прошла.

Конфуцианец из [царства] Лу сам вызвался излечить [больного]. Жена и сыновья Хуацзы предложили за снадобье половину всего имущества. Конфуцианец же сказал:

— Эту [болезнь], конечно, не разгадать по линиям на панцире черепахи, не изгнать заклинаниями, не излечить лекарствами и наколами камня²³. Я попытаюсь вернуть его к мыслям, к заботам. Может быть, и вылечу.

Тут конфуцианец раздел Хуацзы донага, и [тот] стал искать одежду; оставил его голодным, и [тот] стал искать пищу; запер его в темноте, и [тот] стал искать света. Конфуцианец обрадовался и сказал сыновьям Хуацзы:

— Болезнь поддается излечению. Но мое искусство передается из поколения в поколение тайно, чужие в него не посвящаются. Попробуйте загородить [нас] справа и слева и оставить нас в комнате наедине на семь дней.

Ему подчинились, и никто не узнал, что он делал. И застарелая болезнь прошла за одно утро.

Хуацзы очнулся и страшно разгневался. Выгнал жену, наказал сыновей и с копьем погнался за конфуцианцем. Сунцы схватили его и спросили, почему он [так поступает]. Хуацзы же ответил:

— Прежде, утратив память, я был безгранично свободен, не ощущая даже, существуют ли небо и земля. А ныне внезапно [все] осознал, и в тысячах спутанных нитей [мне] вспомнились жизни и смерти, приобретения и утраты, радости и печали, любовь и ненависть за прошедшие десятки лет. Я страшусь, что с такой же силой поразят мое сердце грядущие жизни и смерти, приобретения и утраты, радости и печали, любовь и ненависть. Сумею ли снова хоть на миг обрести забвение!

Услышав об этом, Цзыгун удивился и рассказал Конфуцию.

— Этого тебе не постичь,— ответил Конфуций, обернулся к Янь Юаню и велел ему это запомнить.

Сын циньца из рода Пан в детстве был очень умным, но, возмужав, потерял рассудок²⁴: пение принимал за плач, белое — за черное, аромат — за зловоние, сладкое — за горькое, плохой поступок — за хороший. Он понимал наоборот все, о чем бы ни думал: небо и землю, четыре страны света, воду и огонь, жару и холод.

[Некий] Ян посоветовал его отцу:

— Почему бы тебе не навестить благородных мужей в Лу? ²⁵ Среди них много искусных и талантливых! Возможно, и сумеют его вылечить?

Отец безумного направился в Лу, но, проходя через Чэнь, встретился с Лаоцзы и рассказал ему о признаках болезни [сына].

— Почему ты думаешь, что твой сын безумен? — спросил его Лаоцзы. — Ныне все в Поднебесной заблуждается в том, что истинно, а что ложно, что выгодно, а что убыточно. Одной болезнью страдают многие, поэтому никто [ее] не замечает. К тому же, безумия одного человека недостаточно, чтобы перевернуть всю семью; безумия одной семьи недостаточно, чтобы перевернуть всю

общину; безумия одной общины недостаточно, чтобы перевернуть все царство; безумия одного царства недостаточно, чтобы перевернуть всю Поднебесную. Даже если весь мир станет безумным, кто сумеет его перевернуть? Вот если бы умы у всех в Поднебесной стали такими же, как у твоего сына, тогда ты, напротив, стал бы безумным. Кто сумел бы тогда управлять радостью и печалью, звуком и цветом, дурным вкусом и тонким, истинным и ложным? Ведь и мои слова могут быть безумны, а уж речи благородных мужей из Лу — самые безумные. Как могут [они] исцелить другого от безумия? Лучше тебе поскорее возвратиться домой, чем расходовать провиант на дорогу.

[Некий] янец²⁶ родился в Янь²⁷, но вырос в Чу²⁸, состарившись же, отправился обратно в свою страну.

Проходя [с ним] по царству Цзинь, попутчик захотел его обмануть. Указав на стену, молвил: «Это стена царства Янь», — и янец побледнел от печали. Указав на алтарь Земли, молвил: «Это алтарь твоей общины», — и янец принялся вздыхать и стенать. Указав на хижину, молвил: «Это жилище твоих предков», — и слезы из глаз янца потекли ручьем. Указав на могильные холмы, молвил: «Это могилы твоих предков», — и янец безудержно зарыдал.

[Тут] попутчик расхохотался и сказал:

— Я тебя одурачил. Ведь это — царство Цзинь.

Янец чуть не сгорел от стыда. Когда же пришел в Янь и увидел настоящие яньские стены и алтарь Земли, настоящие хижины и могилы предков, горе уже не охватывало его с такой силой.

Глава 4

КОНФУЦИЙ

Конфуций жил в праздности¹. [Когда] Цзыгун вошел, [чтобы] ему прислуживать, вид [у него] был печальный. Цзыгун не посмел спросить [почему], вышел и сообщил Янь Юаню. Янь Юань запел, аккомпанируя себе на цине. Услышав, Конфуций все же [его] позвал. Он вошел, и [Конфуций] его спросил:

— Чему радуешься в одиночестве?

— Чему учитель печалится в одиночестве? — спросил Янь Юань в ответ.

— Сначала поведай о своих мыслях, — сказал Конфуций.

— Прежде я слышал от учителя: «[Кто] радуется Небу и знает [его] веление, не печалится». Поэтому [я], Хой, и радуюсь.

Конфуций изменился в лице и через некоторое время заговорил:

— Это [я] сказал? Ты понял неверно. Эту мою прежнюю речь прошу исправить нынешней речью. Ты услышал лишь, что не печалится тот, кто радуется Небу и знает [его] веление; но еще не слышал, сколь велика печаль того, кто радуется Небу и знает [его] веление. Ныне же поведаю тебе все по правде. Совершенствоваться самому, не думая о том, прославишься или останешься в бедности, сознавая, что [хотя] ни прошедшее, ни будущее не зависят от тебя, но ничто не смутит твоих мыслей,— вот что ты называешь «не печалится тот, кто радуется Небу и знает [его] веление». Прежде я улучшал песни и предания, исправлял обряды и музыку², чтобы с их помощью навести порядок в Поднебесной и оставить [его] будущим поколениям. [Стремился] совершенствоваться не только сам, навести порядок не только в царстве Лу. Однако в Лу и государь и слуги с каждым днем все больше нарушали порядок; милосердие и справедливость все ослабевали; чувства и характеры ожесточались. [Если] это учение не годилось для своего времени, для одного царства, как же [пригодится оно] для будущего, для всей Поднебесной?! Я начал понимать, что песни, предания, обряды и музыка не спасут от смуты; но еще не нашел средства, как это исправить. Такова печаль того, кто радуется Небу и знает [его] веление. Хотя я это и обрел, но ведь [подобные] радость и знания не та радость и знания, о которых говорили древние. Не иметь радости, не иметь знаний — вот истинная радость, истинные знания! Поэтому нет ничего, чему бы не радовался, нет ничего, чего бы не знал, нет ничего, чему бы не печалился, нет ничего, чего бы не совершил. К чему отбрасывать песни и предания, обряды и музыку? К чему их исправлять?

Янь Юань обратился лицом к северу, поклонился и сказал: — [Я], Хой, также это постиг.

Вышел и поведал обо всем Цзыгуну. Цзыгун же пришел в смятение, [словно] растерялся. Вернулся домой и целых семь дней размышлял с такой страстью, что не мог ни спать, ни есть, остались от него лишь [кожа да] кости. Янь Юань не раз пытался его вразумить, пока наконец [Цзыгун] не вернулся к воротам учителя и до конца дней своих не прекращал петь песни, аккомпанируя себе на струнах, и рассказывать предания.

Чэньский полководец приехал послом в Лу и тайно встретился с Шусунем³.

— В нашем царстве есть мудрец,— сказал Шусунь.

— Не Конфуций ли? — спросил [гость].

— Да, он.

— Откуда известно о его мудрости?

— Я слышал от Янь Юаня о том, что Конфуций способен использовать форму [тело], отбросив сердце.

— Знаешь ли, что в нашем царстве также есть мудрец? — спросил полководец из Чэнь.

— Кого называешь мудрецом?

— [Одного] из учеников Лаоцзы — Кан Цанцзы⁴. [Он] обрел учение Лаоцзы и способен видеть ушами, а слышать глазами.

Услышав об этом, луский царь очень удивился [и] послал к Кан Цанцзы вельможу с щедрыми дарами. Кан Цанцзы принял приглашение и приехал. Царь Лу униженно попросил разрешения задать вопрос. Кан Цанцзы же ответил:

— Тот, кто передал обо мне, напутал. Я способен видеть и слышать без глаз и ушей, но не способен заменять зрение слухом, а слух — зрением.

— Это еще более удивительно, — сказал царь Лу. — Каково же это учение? Я хочу наконец о нем услышать!

— Мое тело едино с моей мыслью, мысль едина с эфиром, эфир един с жизненной энергией, жизненная энергия едина с небытием. Меня раздражает даже мельчайшее бытие [существо], даже самый тихий отклик. Пусть [они] далеки — за пределами восьми стран света, или близки — у [моих] бровей и ресниц, я о них обязательно буду знать. Не знаю, ощущение ли это, [воспринятое] мною через [все] семь отверстий⁵ и четыре конечности, или познание, [воспринятое] через сердце, желудок, [все] шесть внутренних органов. Это естественное знание, и только.

Царю Лу это очень понравилось, и на другой день [он] рассказал обо всем Конфуцию. Конфуций улыбнулся, но ничего не ответил.

Жрец из Шан, ведающий закланием жертвенного скота, встретился с Конфуцием и воскликнул:

— Ах! Цю — мудрец!

— Как смею [я], Цю, быть мудрецом! — ответил Конфуций. — [Я], Цю, лишь многое изучил и многое узнал.

— Три царя — вот мудрецы! — воскликнул жрец из Шан.

— Три царя прекрасно умели доверять знающим и мужественным. Но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

— Пять предков — вот мудрецы!

— Пять предков прекрасно умели доверять милосердным и справедливым. Но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

— Трое владык⁶ — вот мудрецы!

— Трое владык прекрасно умели доверять тем, кто соответствовал своему времени, но [были ли они] мудрецами, [я], Цю, не знаю.

— Но кто же тогда мудрец? — в ужасе спросил жрец из Шан.

Конфуций изменился в лице и через некоторое время ответил:

— Есть мудрец⁷ среди людей Запада. Не управляет, а нег смуты, не говорит, а [все] сами собой [ему] доверяют, не творит, а [все] само собой делается. Необъятен [настолько], что народ даже не может назвать [его] имя. [Я], Цю, сомневаюсь, — мудрец ли он. Воистину ли мудрец? Воистину ли не мудрец? Не ведаю.

Жрец из Шан помолчал, подумал и воскликнул:
— Конфуций меня обманул!

— Каков в сравнении с тобой Янь Юань? ⁸— спросил Цзыся у Конфуция.

— Хой превосходит [меня], Цю, в милосердии.

— Каков в сравнении с тобою Цзыгун?

— Сы превосходит [меня], Цю, в красноречии.

— Каков в сравнении с тобою Цзылу? ⁹.

— Ю превосходит [меня], Цю, в мужестве.

— Каков в сравнении с тобою Цзычжан? ¹⁰.

— Ши превосходит [меня], Цю, в непреклонности.

— Но почему же эти четверо служат [тебе], учитель?— спросил Цзыся, поднявшись с циновки.

— Сядь! Я поведаю тебе,— сказал Конфуций.— Хой способен быть милосердным, но не способен перечить; Сы способен быть красноречивым, но не способен запинаться; Ю способен быть мужественным, но не способен быть трусливым; Ши способен быть непреклонным, но не способен быть уступчивым. Я не согласился бы обменять свои [достоинства] на те, которыми обладают все четыре ученика вместе. Вот почему они неизменно служат мне.

Учитель Лецзы, после того как обучился у Лесного с Чаши-горы и подружился с Темнеющим Оком, поселился в Южном Предместье. Приверженцы его поселились [тут же. Их] каждый день считать не успевали, и сам Лецзы не знал, сколько [их], хотя каждое утро [он] вел с ними диспуты, и об этом стало повсюду известно. Учитель Лецзы двадцать лет прожил рядом с Учителем Южного Предместья ¹¹, отделенный от него лишь оградой. Однако друг друга [они] не посещали и не приглашали, встречаясь же на улице, как будто друг друга не замечали. Ученики и слуги у ворот считали, что между учителем Лецзы и Учителем Южного Предместья существует вражда.

[Некий] чусец спросил учителя Лецзы:

— Почему [вы], Пржеждорожденный, и Учитель Южного Предместья чуждаетесь друг друга?

— Зачем к нему ходить?— ответил учитель Лецзы.— Лицо Учителя Южного Предместья [отличается] полнотой, а сердце — пустотой, уши у него не слышат, глаза не видят, уста молчат, сердце не знает, тело не движется. И все же попытаюсь вместе с тобой отправиться [на него] посмотреть.

[С ними] пошли сорок учеников. [Они] увидели, что [лицо] Учителя Южного Предместья действительно похоже на маску чудовища, с ним нельзя общаться. Повернулись к учителю Лецзы и увидели, что жизненная энергия у него отделилась от тела и он вышел из толпы.

Вдруг Учитель Южного Предместья указал на ученика Лецзы в последнем ряду и заговорил с ним радостно, как будто [перед ним] совершеннейший и сильнейший. Ученики Лецзы удивились, и на обратном пути лица всех выражали сомнение.

— Зачем так удивляться? — сказал Лецзы. — Добившийся желаемого молчит, исчерпавший знания также молчит. Речь с помощью молчания — также речь, знание с помощью незнания — также знание. Отсутствие слов и молчание, отсутствие знаний и незнание — это ведь также речь, это ведь также знания. [Значит], нет ничего, о чем бы не говорил, нет ничего, о чем бы не знал: [значит] также, что не о чем говорить, нечего знать. Только и всего.

Учитель Лецзы стал учиться ¹².

Прошло три года, и [я] изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился [я] взгляда Старого Шана. Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об истинном и ложном, устам по-новому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда [я] удостоился улыбки Старого Шана. Прошло семь лет, и, давая волю своему сердцу, [я уже] не думал ни об истинном, ни о ложном, давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и как бы ни принуждал [я] свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не ведал, что для других истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно. Перестал [отличать] внутреннее от внешнего. И тогда все [чувства] как бы слились в одно: зрение уподобилось слуху, слух — обонянию, обоняние — вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось, кости и мускулы сплавились воедино. [Я] перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, о чем думает сердце, что таится в речах. Только и всего. Тогда-то в законах природы [для меня] не осталось ничего скрытого.

Вначале Лецзы любил странствовать ¹³.

— [Ты], Защита Разбойников, любишь странствия. Что же в них хорошего? — спросил Учитель с Чаши-горы.

— Радость странствий в том, — ответил Лецзы, — что наслаждаешься отсутствием старого. Другие в странствиях наблюдают за тем, что видят. Я в странствиях наблюдаю за тем, что изменяется. Есть странствия и странствия! Еще никто не сумел определить различия в этих странствиях!

— [Ты], Защита Разбойников, странствуешь, конечно, как и другие, а говоришь, что иначе, чем другие. Во всем, на что смотришь, всегда видишь изменения, наслаждаешься отсутствием старого в других вещах, а не ведаешь, что в тебе самом также от-

сутствует старое. Странствуя во внешнем [мире], не ведаешь, как наблюдать за внутренним [миром]. Кто странствует во внешнем, ищет полноты в [других] вещах; кто наблюдает за внутренним, находит удовлетворение в самом себе. Находить удовлетворение в самом себе — вот истинное в странствиях, искать полноты в [других] вещах — вот неистинное в странствиях.

И тогда Лецзы понял, что не постигает [смысла] странствий, и до конца жизни больше не уходил.

— Истинное в странствиях! — сказал учитель с Чаши-горы. — При истинных странствиях не ведают, куда направляются; при истинном наблюдении не ведают, на что смотрят. Все вещи странствуют, все твари наблюдают — вот то, что я называю странствием, вот то, что я называю наблюдением. Поэтому и говорю: истинное — в странствиях! Истинное — в странствиях!

Дядя Дракона сказал Вэнь Чжи¹⁴:

— Тебе доступно тонкое искусство. Я болен. Можешь ли меня вылечить?

— Повинуюсь приказу, — ответил Вэнь Чжи. — Но сначала расскажи о признаках твоей болезни.

— Хвалу в своей общине не считаю славой, хулу в царстве не считаю позором; приобретаю, не радуюсь, теряю, не печалюсь. Смотрю на жизнь, как и на смерть; смотрю на богатство, как и на бедность; смотрю на человека, как и на свинью; смотрю на себя, как и на другого; живу в своем доме, будто на постоянном дворе; наблюдаю за своей общиной, будто за царствами Жун и Мань¹⁵. [Меня] не прельстить чином и наградой, не испугать наказанием и выкупом, не изменить ни процветанием, ни упадком, ни выгодой, ни убытком, не поколебать ни печалью, ни радостью. Из-за этой тьмы болезней не могу служить государю, общаться с родными, с друзьями, распоряжаться женой и сыновьями, повелевать слугами и рабами. Что это за болезнь? Какое средство может от нее излечить?

Вэнь Чжи велел больному встать спиной к свету и стал его рассматривать.

— Ах! — воскликнул он. — Я вижу твое сердце. [Его] место, целый *цунь*, пусто, почти [как у] мудреца! В твоем сердце открыты шесть отверстий, седьмое же закупорено. Возможно, поэтому [ты] и считаешь мудрость болезнью? Но этого моим ничтожным искусством не излечить!

Не имеющее начала, но постоянно рождающее — это путь. Когда рожденный живым не гибнет [преждевременно], хотя и смертен, — это постоянство; когда рожденный живым гибнет [преждевременно] — это несчастье. То, что обладающий началом неизменно умирает, — это закон пути. Когда смертный умирает

по своей вине, хотя [срок его жизни] еще не закончился, — это постоянство; когда смертный живет — это счастье. Поэтому жизнь, не обладающая назначением, называется путем, и конец [жизни], обретенный с помощью пути, называется постоянством; смерть, обладающая назначением, также называется путем, и смерть [преждевременная], обретенная с помощью пути, также называется постоянством.

Когда умер Цзи Лян, Ян Чжу пел ¹⁶, глядя на ворота его дома; когда умер Суй У, Ян Чжу рыдал, глядя его тело. Когда же родится раб, толпа поет; когда умирает раб, толпа плачет.

Перед тем как ослепнуть, глаза разглядят даже кончик волоска.

Перед тем как оглохнуть, уши расслышат даже полет мошки.

Перед тем как притупится ощущение [вкуса], язык отличит [воду из реки] Цзы от [воды из реки] Минь.

Перед тем как утратить обоняние, нос отличит запах обожженного дерева от [запаха] гниющего.

Перед тем как телу окостенеть, [человек] бежит быстро.

Перед тем как утратить рассудок, сердце легко отличает правду от лжи.

Причина в том, что, не достигнув предела, вещи не переходят в свою противоположность ¹⁷.

В полях и болотах Чжэн много мудрых, в Восточном же квартале много талантливых ¹⁸. Среди рабов на полях и болотах был и Бо Фынцзы. Проходя через Восточный квартал, он встретился с Дэн Си ¹⁹.

Дэн Си посмотрел на своих учеников, усмехнулся и сказал:

— Не высмеять ли тех, кто идет [нам] навстречу?

— Хотелось бы послушать, — ответили ученики.

И Дэн Си сказал Бо Фынцзы:

— Постиг ли ты обязанности кормящего? Те, кого кормит человек, кто не способен прокормиться сам, относятся к роду собак и свиней. Кормить этих тварей и распоряжаться ими — в этом сила человека. А в том, что твои ученики едят и насыщаются, одеваются и отдыхают, заслуга держащих власть. Если же собирать старых и малых, [словно] стадо, возводить загоны, [как для] скота [или] живности, то чем же [эти люди] будут отличаться от собак и свиней?

Бо Фынцзы промолчал, но один из его учеников вышел вперед и ответил:

— Разве старший муж не слышал о том, как много умельцев в Ци и Лу? Есть мастера по глине и дереву, по металлу и коже; есть прекрасные создатели песен и музыкальных инструментов <вариант: певцы и музыканты>, писцы и математики; есть прекрасные военачальники, воины и служители храма предков. Пред-

ставлены все таланты. Но [они] не могут распоряжаться друг другом, давать друг другу поручения. Тот же, кто распоряжается ими, не обладает знаниями; тот, кто дает им поручения, не имеет талантов. Он-то и выполняет поручения тех, кто знает и умеет. Нами-то и даются поручения держащим власть. Чем же тебе гордиться?

Дэн Си нечего было ответить. Он посмотрел на своих учеников и отступил.

Гунъи Бо²⁰ прославился своей силой среди правителей. Танци Гун рассказал о нем чжоускому царю Сюаньвану. Царь приготовил дары, чтобы его пригласить, и Гунъи Бо явился.

При виде его немощной фигуры в сердце Сюаньвана закралось подозрение.

— Какова твоя сила? — спросил он с сомнением.

— Силы [моей], вашего слуги, хватит [лишь], чтобы сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады.

— У моих богатырей хватит силы, чтобы разорвать шкуру носорога да утащить за хвосты девять буйволов! — в гневе воскликнул государь, — а я еще огорчен их слабостью. Как же ты мог прославиться силой на всю Поднебесную, если способен лишь сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады?

— Хорошо! — глубоко вздохнув, сказал Гунъи Бо и отошел от циновки. — На вопрос царя [я], ваш слуга, осмелюсь ответить правду. Учил [меня], вашего слугу, Наставник с Шан-горы. Равного ему по силе не найдется во всей Поднебесной. Но никто из [шести] родичей об этом не знал, ибо он никогда к силе не прибегал. [Я], ваш слуга, услужил ему, рискуя жизнью, и тогда он поведал [мне], вашему слуге:

«Все хотят узреть невиданное —
Смотри на то, на что другие не глядят;
[Все] хотят овладеть недоступным —
Займись тем, чем никто не занимается».

Поэтому тот, кто учится видеть, начинает с повозки с хворостом; тот, кто учится слышать — с удара в колокол. Ведь то, что легко внутри [тебя], не трудно и вне [тебя]. [Если] не встретятся внешние трудности, то и слава не выйдет за пределы [твоей семьи].

Ныне слава обо [мне], вашем слуге, дошла до правителей, значит, [я], ваш слуга, нарушил завет учителя и проявил свои способности. Правда, слава [моя], вашего слуги, не в том, чтобы своей силой злоупотреблять, а в том, как пользоваться своей силой. Разве это не лучше, чем злоупотреблять своей силой?

Царевич Моу²¹ из Срединных гор был талантливейшим из царских сыновей в Вэй²². [Он] не заботился о государственных делах, любил странствовать вместе с талантливыми. [Ему] нравился Гун-

сунь Лун²³ из Чжао²⁴, и за это над ним смеялись такие, как Ведающий музыкой Цзыюй.

— Почему ты смеешься над тем, что [мне], Моу, нравится Гунсунь Лун? — спросил царский сын Моу.

— Да ведь что за человек Гунсунь Лун? — ответил Ведающий музыкой. — В поступках не имеет наставника, в учении не имеет друга. Красноречив, но не остроумен; разбрасывается, но не принадлежит ни к одной школе; любит необычайное, говорит безрассудно, хочет ввести в заблуждение сердца, всех переспорить. Занимается этим вместе с Хань Танем²⁵ и другими.

— Зачем ты рассуждаешь об ошибках Гунсунь Луна? Хотелось бы услышать доказательства этих ошибок! — изменившись в лице, сказал Моу.

— Я смеюсь над тем, как Лун обманул Кун Чуаня²⁶, — продолжал Ведающий музыкой. — [Он] сказал, что у хорошего стрелка острие последующей стрелы попадает в оперение предыдущей, одна стрела другую настигает, одна стрела другую направляет. Первая стрела наметит цель, следующая уже лежит на тетиве, и они летят непрерывно, как одна линия. Кун Чуань удивился, а Лун добавил, что [так бывает] еще не у самого замечательного стрелка. [Вот, например], ученик Невежды²⁷ по имени Хун Чао²⁸, рассердившись на жену, [стал] ее пугать. Натянул лук, зовущийся Вороньим²⁹, взял стрелу из циского бамбука с опереньем из Вэй и выстрелил ей в глаз, прямо в зрачок, а [она] даже не моргнула. Стрела же, упав на землю, не подняла пыли. Разве такова речь умного человека?

— Речи умного глупому не понять, — ответил царевич Моу. — В чем ты сомневаешься? [Если] острие последующей попадает в оперение предшествующей, [значит] стрельба равномерная. [Если] стрела попала прямо в зрачок, а [человек] не моргнул, [значит] сила стрелы была исчерпана.

— Ты — ученик Луна, как же тебе не приукрашивать его недостатки? — возразил Ведающий музыкой. — Скажу еще о самом важном. Обманывая вэйского царя, Лун говорил: «[Если] есть желание, то нет мысли»; «свойства беспредельны»; «вещи неисчерпаемы»; «тень не движется»; «волос выдерживает [нагрузку] в тысячу *цзиней*»; «белый конь — не конь»; «у сироты теленка никогда не было матери». Нельзя и перечислить [тех случаев, когда] он извращает категории предметов и человеческих отношений.

— Не поняв истины этих слов, — ответил царевич Моу, — ты нашел их ошибочными. А ошибаешься ты. Ведь [если] «нет желания», то мысль [ему] тождественна; [если] «свойства беспредельны», то «без свойств все предельно»; «тот, кто исчерпал вещи, навсегда [ими] обладает»; «тень не движется» — значит, [она] изменяется; «волос выдерживает [нагрузку] в тысячу *цзиней*» — высшее равновесие; «белый конь — не конь» — ибо свойство здесь отделяется от формы [тела]; «у сироты теленка никогда не было матери»³⁰ — отрицается [возможность существования] теленка-сироты.

— Все это песни Гунсунь Луна,— сказал Ведающий музыкой. Ты последовал бы за ним, даже если бы он исторгал звук через другое отверстие.

Царевич Моу замолчал надолго, а затем объявил о своем уходе и сказал:

— Дозволь через несколько дней снова прийти и с тобой побеседовать.

Высочайший правил Поднебесной пятьдесят лет и не знал, порядок в ней или беспорядок, не ведал, желает ли народ его поддерживать или не желает. Посмотрел направо, налево и спросил [приближенных], но приближенные не знали; спросил за воротами дворца, и за воротами не знали; спросил на полях, и на полях не знали.

Тогда Высочайший пошел переодетый бродить по дорогам и услышал песенку, которую пели мальчики:

«Создали нас, массу народа,
Не для того ли, чтобы каждый
исчерпал [свою природу]?
Ничего не знаем, не ведаем,
За обычаем предков следуем».

— Кто научил вас такой песне? — спросил обрадованный Высочайший.

— Мы слышали [ее] от старшего мужа,— сказали мальчики, [Высочайший] спросил старшего мужа, а тот ответил: «Это древняя песня»³¹.

Высочайший вернулся во дворец, призвал Ограждающего и уступил ему Поднебесную. Ограждающий, не отказываясь, ее принял³².

Страж Границы сказал:

— Тому, кто не замыкается в себе, вещи и их форма открываются сами. Движение такого [человека] подобно [течению] воды, его покой подобен зеркалу³³, его ответ подобен эху, поэтому его путь подобен пути [других] вещей. Сами вещи идут против пути, [но] путь не идет против вещей. Умеющий уподобиться пути уже не станет применять ни слуха, ни зрения, ни силы, ни разума. Нельзя уподобиться пути с помощью зрения, слуха, осязания, ума. Ищешь его впереди, а он [путь] вдруг [оказывается] позади. Используешь его, и [он] наполняет все шесть пространств, отбрасываешь его и не ведаешь, где он. Он не удаляется, [когда] кто-то может его обрести сознательно, он и не приближается, [когда] кто-то может его обрести бессознательно. Обретает его лишь тот, кто хранит молчание; лишь тот, чьи свойства совершенны. Знание без страсти, способности без действия — вот истинное знание, вот истинные способности. Развивая незнание, разве будешь подвер-

жен страстям? Развивая неспособность, разве будешь готов к деяниям? Собираение же драгоценных камней или пыли, пусть даже и без деяний, не есть естественный закон.

Глава 5

ВОПРОСЫ ИСПЫТУЮЩЕГО

Инь Испытующий задал вопрос Кожаному Щиту [из рода Великих]¹:

— Были ли вещи в самом начале древности?

— [Если бы] в самом начале древности не было вещей, откуда бы ныне появились вещи? Не смогут ли и потомки сказать, что ныне [в наше время] не было вещей? — спросил в ответ Кожаный Щит.

— Тогда у вещей нет прошлого и будущего?

— Конец и начало вещей издревле не имеют границ. Начало может стать концом, а конец может стать началом. Как узнать их круговорот? Однако [было ли что-нибудь] кроме вещей, [было ли что-нибудь] до событий, — я не знаю.

— В таком случае, есть ли конец [всем] восьми сторонам света, зениту и надиру?

— Не ведаю, — ответил Кожаный Щит, но Испытующий спросил настойчивее:

— [Если] нет конца, тогда [они] бесконечны; [если] есть [конец], тогда конечны. Как мне это знать? Ведь кроме бесконечного [существует] и отсутствие бесконечного; внутри неограниченного [существует] и отсутствие неограниченного. В бесконечном снова конечное, в неограниченном снова ограниченное. Так я познаю бесконечное, неограниченное, но не познаю конечного, ограниченного.

— Что находится за пределами четырех морей?

— То же, что и в Срединных царствах.

— Чем это докажешь?

— Я ходил на Восток до Ина², [там] народ такой же. Спросил [и узнал, что] на востоке от Ина [все] похоже на Ин. Ходил на Запад до Бинь³, [там] народ такой же. Спросил [и узнал, что] на западе от Бинь [все] похоже на Бинь. Так стало мне ведомо, что ни четыре моря⁴, ни четыре пустыни, ни четыре полюса от них <других земель> не отличаются. В каждом большем содержится меньшее — без конца и предела. Как в небе и земле содержится тьма вещей, так же и небо с землей в чем-то содержатся. То, в чем содержится тьма вещей, несомненно, бесконечно; то, в чем содержатся небо и земля, несомненно, беспредельно. Как мне знать, нет ли за пределами неба и земли еще больших небес и земель? Это мне также неведомо. Однако небо и земля — те же вещи, у вещей же бывают недостатки⁵. Поэтому в старину [женщина] из рода

Нюйва⁶ отобрала камни всех пяти цветов, чтобы заделать изъян в небе; отрубила лапы у гигантской черепахи, чтобы подпереть четыре края <полюса>. Впоследствии же [человек] из рода Ведающих Разливами⁷ стал бороться с Вечно Недовольным⁸ за власть предков, в гневе ударился о гору Щербатую⁹ и сломал Небесный столп¹⁰, порвал земную сеть. Поэтому небо наклонилось на северо-запад, за ним последовали и солнце с луной, планеты со звездами; у земли же не хватило [куска на] юго-востоке, поэтому [туда полились] воды сотен рек.

— Есть ли вещи огромные и малые, длинные и короткие, одинаковые и различные? — снова спросил Испытующий.

— К востоку от Бохая, в скольких миллиардах *ли* — неведомо, есть огромная пропасть, пучина, поистине бездонная. У нее не было дна, и называлась она Гуйсюй¹¹. В нее стекали все воды — со всех восьми сторон света, девяти пустынь и Небесной реки¹², а она [пучина] все не увеличивалась и не уменьшалась. Там пять Гор. Первая называлась Колесница Преемства¹³, вторая — Круглая Вершина, третья — Квадратная Чаша, четвертая — Обитель Красавиц, Пятая — Приют Презревших Блага. Окружность каждой горы сверху донизу — тридцать тысяч *ли*, плато на вершине — девять тысяч *ли*, расстояние между горами — семьдесят тысяч *ли*, а [горы] считались соседями. Там все башни и террасы — из золота и нефрита, все птицы и звери — из белого шелка, деревья — из жемчуга и белых кораллов растут кущами, у цветов и плодов чудесный аромат и вкус. Кто их отведывал — не старился, не умирал. Жили там все бессмертные, мудрые. Сколько их там за день и за ночь друг к другу летало, нельзя и сосчитать. Основание же пяти Гор ничем не укреплялось. [Они] двигались вверх и вниз, туда и сюда по волнам вместе с приливом, не останавливаясь даже на время. От этого бессмертные и мудрые заболели и стали жаловаться богу. Боясь, как бы [острова] не уплыли на крайний запад и не исчезла обитель мудрых, бог приказал Обезьяне-силачу¹⁴ отправлять пятнадцать гигантских черепах, чтобы держали на головах горы; [приготовить] три смены, каждая по шестьдесят тысяч лет. Тогда только пять гор встали неколебимо. Но тут великан из царства Драконовых Дядей¹⁵ поднял ногу и полного шага не сделал, как очутился у пяти Гор. На один крючок поймал сразу шесть черепах, взвалил всех вместе на спину и пошел. Унес в свою страну и обжег их панцири для гадания. И тогда две горы — Колесница Преемства и Круглая Вершина — уплыли на северный край [полюс] и погрузились в океан. Тьмы бессмертных и мудрых остались без пристанища. В большом гневе бог уменьшил царство Драконовых Дядей, чтоб страдали от тесноты; уменьшил и народ Драконовых Дядей, сделал людей короче. Во времена же Готовящего Жертвенное Мясо и Священного Земледельца жители этой страны еще были ростом в несколько десятков *чжанов*¹⁶.

В четырехстах тысячах *ли* на восток от Срединных царств находится страна Пигмеев¹⁷. Люди там ростом в один *чи* и пять *цу*-

ней¹⁸. На северо-восточном крае [полюсе] живут люди, что зовутся Сутягами¹⁹, ростом в девять *цуней*. На юге области Терновник²⁰ растет дерево Душ Обители Мрака²¹. Пятьсот лет [для него] длится весна, пятьсот лет — осень. В далекой древности было дерево Отец. Восемь тысяч лет [для него] длилась весна, восемь тысяч лет — осень. На перегное растет Чудесный гриб, утром рождается, вечером умирает. Весенними и летними лунами появляются москиты и комары, рождаются от дождя, умирают, завидев солнце. На севере Севера, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина — океан. Это — Небесный водоем. [В нем] водится рыба в несколько тысяч *ли* ширины, соответственной и длины. Имя ей — Кит²². Водится там птица, имя ей Феникс. Распростертые крылья — точно нависшие тучи, соответственное им и туловище. Разве в мире знают об этих существах? Великий Молодой Дракон ходил [туда] и их увидел. Бо И²³ узнал и дал им имя. Ицзянь²⁴ услышал и их описал.

На речных берегах рождаются мелкие насекомые, имя им — мошки. Летают стаями, гнездятся на ресницах у комара, друг с другом не сталкиваясь. Прилетают на ночлег и улетают, [а] комар не чувствует. [Видящий] Паутину Издали²⁵ и Цзыюй, протерев глаза и подняв брови, всматривались в них днем, но формы их не разглядели. Чи Юй и Наставник Куан²⁶, прочистив уши и наклонив голову, вслушивались ночью, но голоса их не расслышали. Только [когда] Желтый Предок и Юн Чэнцзы²⁷ поселились на Пещере-горе и вместе соблюдали пост три луны, [когда] сердце у них застыло, а тело высохло, постепенно [с помощью] жизненной энергии <души, разума> разглядели их — огромные, подобные курганам Сосны-горы²⁸, постепенно [с помощью] жизненной энергии расслышали их голоса — грохочущие подобно грому.

В царствах У и Чу растет огромное дерево, имя ему Помелон. Дерево лазоревое, рождается зимой, плоды красные, на вкус кислые. Едят кожуру и сок и излечиваются от удушья. В Цицжоу оно понравилось, перевезли [его] на север от [реки] Хуай, но [там оно] превратилось в одичавший мандарин. Черный певчий дрозд не перелетает через [реку] Цзи. Барсук, перебравшись через [реку] Вэнь, умирает²⁹. Таково [значение] местности и эфира. Хотя сущность [их] одинакова, форма и эфир у них различны и друг друга [они] не заменяют. Жизнь у всех полная, доля достаточная. Откуда мне знать, велики они или малы? Откуда мне знать, длинны они или коротки? Откуда мне знать, тождественны они или различны?

Две горы — Тайхан и Ванъу, окружностью до семисот *ли*, высотой до десяти тысяч *жэнь* поднимались к югу от Цицжоу, к северу от Хэяна. У подножья этих гор жил девяностолетний Простак с Северной горы³⁰. Надоело [ему] обходить гору, преграждающую [путь, куда бы он ни] направлялся, [откуда бы ни] возвращался. Собрал [он] свою семью на совет:

— Не сумеем ли мы с вами, поднатужившись, сравнять [с землей эту] преграду? Проложить дорогу от юга Юйчжоу до южного берега Хань?

Все согласились, [только] жена усомнилась:

— Тебе не по силам и малый холм срыть, что уж говорить о Тайхане и Ваньчу! Да и куда денешь [столько] земли и камней?

— Будем сбрасывать [их] в залив Бохай, севернее мели,— ответили все.

И вот [Простак] повел своих сыновей и внуков, трое понесли [корзины] на коромыслах. [Стали они] дробить камни, рыть землю и относить корзинами в Бохай.

Сын соседки, вдовы из рода Столичных, у которого едва выпали молочные зубы, вприпрыжку прибежал им помогать.

Зима сменилась летом, а отнесли они [землю только] один раз.

Умник с Излучины Реки стал смеяться над [Простаком] и его отговаривать:

— Вот глупец! Тебе, дряхлому старику, не уменьшить гору и на волосок. Как же справишься с [такой массой] земли и камней?

Простак с Северной Горы вздохнул и ответил:

— Тебе, твердолобому, ничего не понять! Разума у тебя меньше, чем у малого сына вдовы. Что за печаль, если не справлюсь? Пусть я умру — останутся сыновья, потом внуки, у внуков — снова сыновья, у их сыновей — свои сыновья и снова внуки. Сыновьям и внукам не будет конца. А горы-то не вырастут!

Умнику с Излучины Реки нечего было ответить.

Услышал [Простака] дух — Хозяин змей, испугался, что [тот] не отступится, и доложил обо всем Владыке. Растрогала Владыку добросовестность [Простака], и приказал [он] двум сыновьям из рода Больших Муравьев перенести на спине обе горы, одну — на восток от Шо, другую — на юг от Юн. И с той поры от юга Цзи-чжоу до южного берега Хань не стало горных преград.

Отец Цветущего³¹, не соразмерив сил, захотел догнать солнце. Догнал было на краю Угловой долины³², захотел пить. Отправился пить из Хуанхэ и Вэйхэ. Хуанхэ и Вэйхэ не утолили его жажду, он кинулся было на север пить из Большого болота, да, не дойдя, бросил свой посох и умер в дороге от жажды. [Всюду], куда бы ни просачивалась его кровь и проникала его плоть, вырастали деревья Дэнской рощи и Дэнская роща разрослась на тысячи *ли*.

Великий Молодой Дракон сказал:

— [Все] во вселенной, внутри четырех морей, освещается солнцем и луной, управляется планетами и звездами, приводится в порядок четвертью временами года, а наиболее важное — двенадцатилетним циклом. Вещи, чудесно порожденные духами, различны

по форме, одни рано умирают, другие долго живут. Только мудрец способен постичь их закон.

Кожаный Щит [из рода] Великих сказал:

— Но бывает, что и не порождаются чудесно духами, формируются и без [сил] жара и холода, освещаются и без солнца и луны, умирают рано и без убийства или казни, живут долго и без тщательного ухода. Без [всех] пяти зерновых питаются, без шелка одеваются, без лодки и повозки передвигаются. Их закон — естественность, [его] не постичь и мудрецу.

[Когда] Молодой Дракон покорял воду и землю, [он] потерял дорогу, заблудился и по ошибке попал в некое царство на северном берегу Северного моря, а в скольких миллионах *ли* от Срединных царств — неведомо. Называют это царство Крайний Север³³, а где протянулись его границы — неведомо. Там не бывает ни ветра, ни дождя, ни инея, ни росы, там не рождаются птицы и звери, насекомые и рыбы, травы и деревья. Со всех четырех сторон — равнина, окруженная горами. В середине царства — гора, называют ее Кувшин-гора, формой походит на сосуд для вина. На вершине отверстие, формой походит на кольцо и называют его Избыток влаги. Из отверстия ключом бьет вода и называют ее Священный фонтан. Аромат [воды] прекраснее, чем орхидеи и [душистого] перца, вкус — слаще, чем у вина. Источник, разделяясь на четыре ручья, стекает к подножью горы и орошает всю страну. Там, куда [он] устремляется, земля и воздух смягчаются, прекращаются страшные болезни, люди становятся уступчивыми и согласными, никто не спорит и не борется, сердца [у всех] нежные, кости слабые, [люди] не заносчивые и не завистливые. Взрослые и дети живут вместе, без царей и слуг. Мужчины и женщины гуляют вместе, без сватов и свадебных подарков. Живут у воды, не пашут, не сеют. Земля и воздух [там] теплые и приятные, [люди] не ткут и не одеваются, [живут] до ста лет, у них нет ранних смертей, нет и болезней. У этого народа — большое потомство, не сосчитать. Радуются и веселятся, нет ни дряхлых, ни старых, ни печали, ни горя. Любимый обычай — петь песни. Взявшись за руки, поют по очереди, целый день без перерыва. [Когда] проголодаются и устанут, пьют из Священного фонтана. Сила и воля приходят в равновесие. [Выпьют] слишком много — опьянеют и только через десять дней отрезвеют.купаются в Священном фонтане, и кожа становится блестящей и свежей, аромат не выдыхается целых десять дней.

Странствуя на Севере, чжоуский царь Му побывал в этом царстве и на три года забыл о возвращении. Когда же вернулся в дом Чжоу, все тосковал об этом царстве. Расстроенный, точно потерянный, не пил вина, не ел мяса, не призывал красавиц, и только через несколько лун пришел в себя.

Гуань Чжун³⁴ уговаривал циского царя Хуаньгуна во время путешествия в Ляокоу посетить заодно и то царство. [Он] чуть не добился успеха, как подал совет Си Пэн:

— Как можно слушаться Отца Чжуна? Ведь [он] выжил из ума! Оставить обширные пространства Ци, массу народа, красоты гор и рек, пышность растений, красоту обрядов и ритуалов, изящество одежды и головных уборов, сад, полный чаровниц и красавиц, двор, заполненный верными и честными! Крикнет в гнев [царь], и [явятся] миллионы воинов и рабов; поглядит, взмахнет рукой, и приказу повинуются правители всех царств. Чего же искать там? Отправиться в страну варваров, бросив алтарь Земли и Проса в царстве Ци?

Хуаньгун раздумал [ехать], а слова Си Пэна передал Гуань Чжуну.

— Этого, конечно, добился не Пэн. Ведь и [я], ваш слуга, боялся, что того царства не найти. [Иначе] разве стоило бы тосковать о богатствах Ци? Разве стоили бы внимания речи Си Пэна? — сказал Гуань Чжун.

Люди южных стран бреют головы, [ходят] обнаженными. Люди северных стран носят на голове повязки и одеваются в меха. Люди Срединных царств носят шапки и халаты. Все, что производится на [всех] девяти видах почвы, в земледелии или торговле, охоте или рыболовстве, как меха для зимы и холст для лета, лодка для воды и повозка для суши, добыто без [лишних] слов, создано [в соответствии] со свойствами [каждой вещи].

К востоку от [царства] Юэ³⁵ лежит страна Дерева Чжэ <Кан>³⁶. Родится там первенец, его съедают маленьким, называя это «жертвоприношением младшему брату». Умрет у них дед, отнесут на спине бабу и бросят, говоря: «С женой покойника нельзя жить вместе». К югу от [царства] Чу лежит страна людей Огня. Почтительным сыном у них считается тот, кто погребает лишь кости своих родных, когда мясо после смерти сгниет и [его] выбросят. К западу от [царства] Цинь³⁷ лежит страна Ицюй. Почтительным сыном у них считается тот, кто после смерти родных собирает хворост и их сжигает. Дым от костра поднимается вверх, и это называют «подняться ввысь». Вышие у них считают это управлением, низшие — обычаем, и это не вызывает удивления.

Конфуций, странствуя на Востоке, заметил двух спорящих мальчиков³⁸ и спросил, о чем они спорят:

— Я считаю, что солнце ближе к людям, когда только восходит, и дальше [от них], когда достигает зенита,— сказал первый мальчик.— А он считает, что солнце дальше, когда только восходит, и ближе, когда достигает зенита.— И добавил:

— Когда солнце восходит, оно велико, словно балдахин над колесницей, а в зените [мало], словно тарелка. Разве предмет не кажется маленьким издали и большим вблизи?!

— Когда солнце восходит, [оно] прохладное, а в зените — жжет, словно кипяток, — сказал второй мальчик. — Разве предмет не кажется горячим вблизи и холодным издали?!

Конфуций не мог решить [вопроса], и оба мальчика посмеялись над ним:

— Кто же считает тебя многознающим?!

Равновесие ³⁹ — высший закон Поднебесной — относится к вещам, обладающим формой. [Когда] к волосу подвешены [вещи], равные по весу, и волос рвется, [значит], равновесия нет. При равновесии и разрывающие [силы] не разорвут. Люди считают это неверным, но, конечно, есть и понимающие, что это верно.

Чжань Хэ ⁴⁰, [удивший рыбу] с леской из одной шелковой нити кокона, с крючком из ости колоса, с удочкой из цзинского бамбука, с приманкой из разрезанного зерна, вытащил рыбу [величиной] с целую повозку. [Даже] в пучине сто *жэнь* глубиной, в стремительном потоке леска не рвалась, крючок не выпрямлялся, удочка не сгибалась.

Услышал об этом чуский царь, удивился, призвал [его] к себе и спросил, какая тому причина.

— [Я], ваш слуга, слышал от Пржеджерожденного старшего мужа рассказ о том, как Пу Цзюйцзы ⁴¹ стрелял привязной стрелой. Лук был слабый, привязная стрела — тонкая. [Он] пускал ее при попутном ветре, сразу в пару черных журавлей на краю темной тучи. Предавался [этому] всем сердцем, равномерно действовал руками. [Я], ваш слуга, подражая ему, учился удить рыбу. За пять лет постиг его искусство. Когда [я], ваш слуга, с удочкой приближаюсь к реке, в сердце нет никаких забот, [оно] полно только одной мыслью — о рыбе. Закидываю леску, погружаю крючок, в руке же нет веса [ни легкого, ни тяжелого], ничто не способно [меня] отвлечь. Рыба смотрит на приманку, как на затонувшую пылинку, на пену и глотает ее без колебаний. Вот так [я] способен тяжелое одолеть легким, силу — слабостью. Если бы так же мог править царством великий государь, то Поднебесную поистине можно было бы привести в движение одной рукой. Разве это было бы [трудным] делом?

— Прекрасно! — сказал чуский царь.

Гун Ху из Лу и Ци Ин из Чжао заболели и, [придя] вместе к Бянь Цяо ⁴², просили их исцелить. Бянь Цяо стал их лечить и, когда оба они выздоровели, сказал:

— Прежняя болезнь вторглась в [ваши] внутренности извне, поэтому от лекарств и уколов камнем, прошла. Ныне же [оста-

лась] болезнь, которая родилась вместе с вами и выросла вместе с [вашим] телом. Как вы думаете, не побороться ли с нею теперь?

— Хотели бы сначала услышать о ее признаках, — сказали больные.

— Воля у тебя сильная, а жизненная энергия слабая, — сказал врач, [обращаясь] к Гун Ху. — Поэтому [ты] силен в замыслах, но слаб в [их] выполнении. У Ци Ина же, — продолжал Бянь Цяо, — воля слабая, а жизненная энергия сильная, поэтому [он] мало размышляет и вредит себе произволом. Если переставить ваши сердца ⁴³, то — к счастью для обоих — установится равновесие.

Тут Бянь Цяо напоил обоих вином с отравой и одурманил, [будто] до смерти, на три дня. Разрезал [у каждого] грудь, вынул сердца, переменил их [местами] и приложил чудесного снадобья.

Придя в сознание, оба [почувствовали себя здоровыми], как прежде, попрощались и отправились [по домам].

И вот Гун Ху пошел в дом к Ци Ину, жена которого отказалась его признать. Ци Ин же пошел в дом Гун Ху, жена которого также отказалась его признать. Семьи стали друг с другом судиться и попросили Бянь Цяо разобрать их тяжбу. Бянь Цяо объяснил как было дело, и тяжба была прекращена.

Ху Ба ⁴⁴ играл на *цине*, и птицы танцевали, а рыбы — прыгали. Услышав об этом, чжэнский наставник Вэнь ⁴⁵ бросил семью и пошел странствовать, следуя за наставником Сяном ⁴⁶. Вэнь трогал струны, настраивал инструмент, но за три года не окончил ни одной песни.

— Ты можешь вернуться [домой], — сказал ему наставник Сян.

— [Дайте] еще немного времени и посмотрите, что будет. Дело не в том, что [я], Вэнь, неспособен настраивать инструмент, неспособен сложить песню, — вздыхая, отложив *цин*, сказал Вэнь. — То, о чем [я], Вэнь, думаю — не струны, к чему стремлюсь — не звуки. Пока не обрету [желаемого] внутри себя, в сердце, не откликнется вовне, в инструменте. Поэтому не смею шевельнуть рукой и тронуть струны.

Вскоре [он] снова увиделся с наставником Сяном.

— Как у тебя с *цинем*? — спросил наставник Сян.

— Постиг, — ответил Вэнь, — прошу [меня] испытать.

Была весна, а [он] ударил по [осенней] второй струне, вызвал полутон восьмой луны. И тут повеял прохладный ветерок, созрели злаки, плоды на деревьях. Когда наступила осень ⁴⁷, [он] ударил по [весенней] третьей струне, вызвал полутон второй луны. И тут возвратился теплый ветер, расцвели травы и деревья. Когда наступило лето, [он] ударил по [зимней] пятой струне, вызвал полутон одиннадцатой луны. И тут стал падать снег с инеем, замерзли реки и пруды. Когда наступила зима, [он] ударил по летней [четвер-

той] струне, вызвал полутон пятой луны. И тут запылали лучи солнца, растаял снег. Под конец же тронул первую вместе с четырьмя остальными. И тут поднялся счастливый ветер, поплыли радостные облака, выпала сладкая роса, забили источники изобилия.

Поглаживая себя по груди и притопывая ногами, наставник Сян сказал:

— Как тонко ты играешь! Ничего не смогли бы добавить ни наставник Куан своей чистой третьей [весенней] струной, ни Цзоу Янь⁴⁸ своей игрой на свирели. Один взял бы свой *цин*, другой — свою свирель, и оба последовали бы за тобой.

Се Тань учился петь у Цинь Цина⁴⁹, еще не перенял до конца мастерства Цина, как объявил, что его исчерпал, и распрощался, чтобы направиться домой. Цинь Цин [его] не удерживал, но на дороге в предместье устроил проводы. [Здесь], отбивая такт, [он] запел с такой печалью, что затрепетали деревья, задержались плывущие облака.

Тут Се Тань стал просить прощения и разрешения остаться. Всю жизнь [он] больше не осмеливался заговорить о [своем] уходе.

Обернувшись к своему другу, Цинь Цин сказал:

— Некогда Э⁵⁰ из [царства] Хань шла на Восток, и в Ци [у нее] не хватило еды. Проходя через Ворота Согласия⁵¹, [она] спела за угощение. Когда же ушла, звуки [ее] голоса, не умолкая, кружились три дня в стропилах и балках. [Все] справа и слева думали, что она еще не ушла.

[Когда она] проходила мимо постоянного двора, постояльцы ее оскорбили. Тут Хань Э протяжно и жалобно зарыдала, и [на расстоянии] в *ли* стар и млад, стоя друг против друга, загрустили, опечалились и горько заплакали. Три дня [они] не принимали пищи, а затем вдруг погнались за Хань Э. Возвращаясь, Э снова запела длинную песню, и на расстоянии *ли* стар и млад, забыв о прежней печали, принялись без удержу прыгать, хлопать в ладоши и танцевать. Потом же проводили ее, щедро одарив. Вот почему у Ворот Согласия жители и по сей день прекрасно поют и плачут, — [они] подражают песням, оставленным Э.

Боя прекрасно играл на *цине*, а Чжун Цзыци⁵² был замечательным слушателем. Заиграл Боя, думая о восхождении на высокую гору, и Чжун Цзыци воскликнул:

— Как прекрасно! Возвышенно, словно гора Великая!

[Заиграл Боя], думая о течении вод, и Чжун Цзыци воскликнул:

— Как прекрасно! Безбрежно, словно речная гладь!

Так улавливал Чжун Цзыци любой замысел Боя.

Блуждая по северному склону горы Великой, они внезапно попали под проливной дождь и укрылись под нависшим утесом. Сердце [Боя] охватила печаль, [он] взялся за *цин* и заиграл. Начал с песни о долгом ливне, затем сочинил мелодию горного

обвала. Чжун Цзыци с первого же такта постигал его мысль. Огложив *цин*, Боя со вздохом сказал:

— Прекрасно! Прекрасно! Ты слышишь мои мысли, словно мое сердце. Разве в моих песнях что-либо от тебя укроется?

Объездив запад во время зимней охоты, чжоуский царь Му перевалил через [гору] Союз Старших Братьев и, не доезжая до горы Янь, повернул обратно. Не успел [он] въехать в Срединное царство, как на дороге [ему] встретился мудрый ремесленник по имени мастер Сутулый⁵³.

— К чему ты способен? — приняв его, спросил царь.

— Прикажите только испытать [меня], своего слугу, — ответил мастер. — Но хочу, чтобы государь сначала посмотрел на то, что ваш слуга уже сделал.

— Приноси с собой завтра, мы с тобой вместе посмотрим, — велел Муван.

На другой день мастер Сутулый явился к государю. Приняв его, Муван спросил:

— Кто это пришел вместе с тобой?

— Артист, созданный вашим слугой, — ответил мастер.

С удивлением смотрел Муван на артиста: [он] шагал, поднимал и опускал голову, следуя за мастером. Искусник коснулся его щеки и [артист] запел согласно мотиву; взял за руку — и он стал танцевать согласно ритму; повинаясь любому желанию, превращался и изменялся на тысячу ладов. Государь же принял его за настоящего человека. Рядом с государем стояли и любовались [на представление] Шэнь Цзи и весь гарем.

Под конец артист подмигнул окружающим царя женщинам и поманил их к себе. В страшном гневе государь пожелал казнить мастера Сутулого на месте. Мастер же в ужасе разрезал, разобрал артиста, показал царю и объяснил, что сделан [он] из кожи, дерева, клея, лака и [раскрашен] белым, черным, красным и синим. Государь тщательно все осмотрел, и все оказалось искусственным: внутри — печень, желчь, сердце, легкие, селезенка, почки, кишки и желудок; снаружи — мускулы, кости, суставы, сочленения, кожа, зубы и волосы, — все было представлено полностью.

[Когда] мастер собрал все снова, как прежде, государь попробовал вынуть [у куклы] сердце⁵⁴ — и уста замолкли; вынул печень — и глаза ослепли; вынул почки — и ноги стали неподвижными. Муван вздохнул, восхищенный, и воскликнул:

— Оказывается, человек своим искусством может добиться тех же успехов, что и природа! — Он приказал поместить [куклу] на вторую колесницу и вместе с нею вернулся.

Ведь Гуншу Бань⁵⁵ свою осадную лестницу и Мо Ди своего летающего коршуна⁵⁶ называли высшим пределом мастерства. [Когда же] их ученики Дунмын Цзя⁵⁷ и Цинь Гули⁵⁸ слышали

об искусстве мастера Сутулого и сообщили о нем обоим философам, те до конца жизни не посмели больше заговаривать о мастерстве и держались лишь циркуля и отвеса.

Гань Ин⁵⁹ в старину был замечательным стрелком. Лишь натянет лук — и звери ложатся, а птицы падают. У Гань Ина обучался Стремительный Вэй и превзошел в мастерстве своего наставника. К Стремительному Вэю и пришел учиться Цзи Чан.

— Сначала научись не моргать, — сказал ему Стремительный Вэй, — а затем поговорим и о стрельбе.

Цзи Чан вернулся домой, лег под ткацкий станок своей жены и стал глядеть, как снует челнок. Через два года он не моргал, даже если [его] кололи в уголок глаза кончиком шила.

[Цзи Чан] доложил об этом Стремительному Вэю, тот сказал:

— [Этого] еще недостаточно. Теперь еще научись смотреть, а потом можно [и стрелять. Научись] видеть малое, точно большое, туманное, точно ясное, а затем доложишь.

Чан повесил к окну вошь на конском волосе и стал на нее глядеть, обернувшись лицом к югу. Через десять дней [вошь] стала расти [в его глазах], а через три года уподобилась тележному колесу, все же остальные предметы [казались ему] величиной с холм или гору. Взял [он] лук из яньского рога, стрелу из цзинского бамбука, выстрелил и пронзил сердце вши, не порвав волоса.

Доложил об этом Стремительному Вэю. Стремительный Вэй ударил себя в грудь, затопал ногами и воскликнул:

— Ты овладел [искусством]!

Тогда Цзи Чан понял, что во всей Поднебесной для него остался лишь один соперник, и задумал убить Стремительного Вэя.

Они встретились на пустыре и стали друг в друга стрелять. Стрелы их на полдороге сталкивались наконечниками и падали на землю, не поднимая пыли. Но вот у Стремительного Вэя иссякли стрелы, а у Цзи Чана осталась еще одна. Он спустил ее, но Стремительный Вэй точно отразил стрелу колючкой кустарника.

И тут оба мастера заплакали, отбросили луки, поклонились друг другу до земли и просили друг друга считаться отцом и сыном. Каждый надкусил себе руку [и кровью] поклялся никому более не передавать своего мастерства.

Учителя Отца Цзао звали Великим Бобом⁶⁰. Когда Отец Цзао пришел к нему учиться управлять колесницей, то по обычаю держался очень скромно. Великий Боб же ничего ему не объяснял целых три года. Отец Цзао относился [к учителю] все почтительнее, и [тот], наконец, с ним заговорил:

— В старинной песне поется:

«Сын хорошего лучника⁶¹
Сначала должен плести корзины.
Сын хорошего литейщика
Сначала должен шить шубы».

Ты сначала смотри, как я бегаю. Станешь бегать, как я, тогда сможешь взяться за шесть пар вожжей, управлять шестеркой коней.

— Буду лишь повиноваться приказу, — ответил Отец Цзао.

Тут Великий Боб сделал дорогу: на расстоянии шага [один от другого] установил столбы, на которых умещалась лишь ступня. По ним он стал ходить, бегать туда и обратно, не скользя и не падая.

Отец Цзао стал этому учиться и за три дня овладел его искусством.

— Как ты понятлив! Как быстро все усвоил! — вздохнув, сказал Великий Боб. — Так поступает Колесничий. Когда ты ходил, то овладел умением ногами, а откликался на него сердцем <умом>. Это и распространи на управление колесницей. Держи в порядке вожжи там, где [они] соединены с удилами, натягивай их или ослабляй в согласии с углами губ [коней]. Правильно соразмеряй мысль в своей груди, чувствуй ритм руками. Внутренне овладеешь волей, а внешне [научишься] угадывать желание коней. Тогда-то и сумеешь посылать [коней] вперед или отводить назад, словно по натянутому шнуру, делать повороты или кружиться, словно по углу меру и циркулю, и силы коней хватит с избытком на любой, самый дальний путь. Вот это истинное мастерство. Овладев мастерством [управления] удилами, приводи в соответствие поводья; овладев мастерством [управления] поводьями, приводи в соответствие и руки; [когда руки] овладеют мастерством, приводи в соответствие и мысли. И тогда можешь уже не следить глазами и не подхлестывать кнутом. Будешь стоять прямо с легким сердцем, и шесть пар вожжей не перепутаются, и [топот] двадцати четырех копыт будет равномерным, движения же совершенно точными при езде вперед, назад, кругом и при поворотах. А затем уж твоя колесница проедет всюду, где только поместятся колеса, всюду, где только хватит места для конских копыт. И тогда [езда в любой местности] станет [для тебя] одинаковой, не заметишь ни отвесных гор, ни узких ущелий, ни топи, ни равнины. На этом кончается мое искусство, и ты им овладел!

Вэй Черное Яйцо⁶² из-за тайной ненависти убил Цю Ясного и сын Ясного — Верный, задумал [ему] отомстить. Духом Верный был очень силен, но телом слишком слаб: ел по зернышку, ходил [лишь] при попутном ветре. Даже в гневе не мог поднять оружие, чтобы отомстить. [Но], стыдясь прибегнуть к чужой помощи, [он] поклялся расправиться с Черным Яйцом своей рукой.

Черное же Яйцо превосходил всех дерзостью и отвагой, силой противостоял сотне мужей, [крепостью] суставов и костей, мускулов и кожи даже не походил на человека: вытянутой шеей отражал [удар] мяча, обнаженной грудью — стрелу. Лезвие и острие гнулись и ломались, а на теле [у него] не оставалось ни царапины, ни шрама. Зная свою силу, [он] смотрел на Верного, как на цыпленка.

— Что ты думаешь делать? — спросил у Верного его друг, Советчик Шэнь⁶³. — Ты так оскорблен, а он так пренебрегает тобой.

— Хочу, чтобы ты мне посоветовал, — проливая слезы, ответил Верный.

— Слышал я, что предок Великого Совершенного из царства Вэй добыл драгоценный меч иньского царя. С таким мечом один отрок способен отразить три армии. Не попросить ли у него [этот меч]? — сказал Советчик.

Верный отправился в Вэй и увиделся с Великим Совершенным. Поклонился ему, точно раб-возница, попросил принять в дар жену и детей, а затем обратился со своей просьбой.

— У меня три меча⁶⁴, выбирай любой, — ответил ему Великий Совершенный. — Но ни одним нельзя убить человека. Сначала расскажу тебе о них. Первый называется Таящий свет. Смотришь на него — и [его] не видишь, взмахнешь им — и не знаешь, коснулся он чего-либо или нет; прозрачен и не имеет граней, рассекает [тело], а тело ничего не ощущает. Второй называется Принимающий тень. Если всматриваться в него с северной стороны при смене предрассветного мрака утренней зарей или в сумерках — на грани дня и ночи, то что-то увидишь, но формы не разберешь. [Когда] он кого-то коснется, издает будто украдкой тихий звон, но тело не ощущает боли. Третий называется Закаленный ночью. При свете дня видна его тень, блеска не видно; ночью он блестит, но не видна форма. Коснувшись тела, рассекает его с треском, но рана сразу же заживает, остается лишь боль, к лезвию кровь не пристаёт. Эти три сокровища передавались [в нашем роду] уже тринадцать поколений, но в деле не бывали. Спрятаны в ларце, и даже печати [с них] не снимали.

— И все-таки я должен попросить [у вас] последний, — сказал Верный.

Тут Великий Совершенный вернул ему жену и детей, постился с ним вместе семь дней и на грани вечерней зари и ночной темноты, опустившись на колени, вручил ему меч Закаленный ночью. Верный принял его, дважды поклонился и возвратился домой.

И тогда Верный отправился с мечом к Черному Яйцу. Тот, как раз опьянев, лежал навзничь под окном. [Верный] трижды разрубил его от шеи до поясницы, но Черное Яйцо не проснулся. Думая, что он мертв, Верный поспешил уйти, но у ворот встретил сына Черного Яйца и трижды его рубанул, рассекая, будто воздух. Сын Черного Яйца расхохотался и спросил:

— Что ты так глупо трижды меня поманил?

Тут Верный понял, что [таким] мечом не убить человека, и, тяжело вздыхая, пошел домой.

Проснувшись, Черное Яйцо рассердился на свою жену:

— Оставила меня, пьяного, непокрытым. Вот у меня и заболело горло, заломило поясницу!

Сын же его сказал:

— Недавно приходил Верный, встретился со мной в воротах, трижды меня поманил, и у меня также заболело все тело, а конечности онемели. Он нас сокрушил!

Му, царь Чжоу, пошел походом на Западных воинов. Западные воины поднесли ему кинжал из железа и холст, отмываемый в огне⁶⁵. Кинжал длиной в один *чи* и восемь *цунь*, лезвие красное, закаленной стали, режет нефрит, точно глину. Холст, отмываемый в огне, для стирки бросают в огонь. Холст принимает цвет огня, а грязь [на нем] — цвет холста. Вынув из огня, его встряхивают, [и он] становится белым, как снег.

Хуанцзы⁶⁶ считал, что таких предметов нет, а рассказы о них — это вздор. Сяо Шу⁶⁷ же сказал:

— Как самонадеян Хуанцзы! Как смел в ложных доводах!

Глава 6

СИЛА И СУДЬБА¹

— Разве твоим заслугам сравниться с моими! — похвасталась Сила перед Судьбой².

— Какие же у тебя заслуги перед вещами, и в чем могут сравниться с моими? — спросила Судьба.

— Я, Сила, способствую долголетию или недолговечности, успеху или неудаче, знатному или низкому положению, богатству или бедности.

— Пын Цзу³ по уму не превзошел Высочайшего и Ограждающего, а прожил восемьсот лет; Янь Юань имел талант недюжинный, а прожил сорок вссемь лет; Конфуций в добродетели не уступал правителям, а терпел бедствия в [царствах] Чэнь и Цай; иньский царь Бесчеловечный в своих поступках отнюдь не превзошел трех милосердных⁴, а занимал царский трон; Цзи Чжа⁵ остался без титула в [царстве] У; Тянь Хэн⁶ захватил [царство] Ци; Старший дядя Ровный и Младший дядя Равный⁷ умерли от голода на горе Первого Солнца; Цзиши⁸ был богаче, чем Цзи Под Ивой⁹. Если все это зависело от тебя, то почему у одних жизнь долгая, у других — короткая; мудрые терпели неудачи, а мятеж-

ники преуспевали, талантливые занимали низкое положение, а глупцы — высокое, добрые беднели, а злые богатели?

— Судя по твоим словам, у меня действительно нет заслуг перед вещами. [Но] не оттого ли таковы вещи, что ты ими управляешь?

— Разве [я] кем-то управляю, хотя и называюсь судьбой? [Разве] я отвергаю прямых <правых>, а покровительствую кривым <неправым>? [Они] долговечны сами по себе или недолговечны сами по себе; неудачливы сами по себе или удачливы сами по себе; знатны сами по себе или незнатны сами по себе; богаты сами по себе или небогаты сами по себе. Разве могу я об этом знать? Разве могу я об этом знать?

Обитатель Северного дсма¹⁰ спросил Живущего у Западных ворот:

— Не думаешь ли ты, что превосходишь меня в добродетели? Ведь мы с тобой одного поколения, а люди помогают тебе; одного рода, а люди уважают тебя; одинаковой внешности, а люди любят тебя; говорим те же речи, а люди слушают тебя; поступаем одинаково, а люди доверяют тебе; служим одинаково, а люди возвышают тебя; одинаково занимаемся земледелием, а люди обогащают тебя; вместе торгуем, а выгода достается тебе. Я ношу грубую куртку, ем необрушенное просо, живу в хижине, крытой полынью, хожу пешком. Ты же носишь узорчатую парчу, ешь чистое просо и мясо, живешь [в доме] под многими стропилами, едешь в запряженном четверкой [экипаже]. В [своем] доме на пиру пренебрегаешь мною; при [царском] дворе открыто бросаешь на меня надменный взгляд. Уже много лет, как [мы] друг друга не приглашаем и на прогулки вместе не выезжаем.

— Я и сам не знаю, в чем дело,— ответил Живущий у Западных ворот. — Что бы ты ни предпринял, терпишь неудачу; что бы я ни предпринял, добиваюсь успеха. Не говорит ли это о счастливой и несчастливой судьбе? И [с твоей стороны] равнять себя со мной — это бесстыдство!

Обитателю Северного дома нечего было ответить, и он пошел к себе, как потерянный. По дороге встретился с Прездерожденным из Восточного Предместья, и Прездерожденный его спросил:

— Куда ты ходил и откуда возвращаешься? Почему идешь, согнувшись, и выглядишь таким пристыженным?

Обитатель Северного дома обо всем ему поведал.

— Пойдем со мной к нему снова, и я избавлю тебя от стыда.

— Скажи мне, зачем ты так жестоко оскорбил Обитателя Северного дома?— спросил Прездерожденный Живущего у Западных ворот.

— Обитатель Северного дома сказал, что одинаков со мной поколением и родом, возрастом и внешностью, речами и поступками, но отличается от меня, знатного и богатого, низким поло-

жением и бедностью. Я сказал ему, что сам не знаю, в чем дело. Что бы ты ни предпринял, терпишь неудачу, что бы я ни предпринял, добиваюсь успеха. Не говорит ли это о счастливой и несчастливой судьбе? И [с его стороны] равнять себя со мной — это бесстыдство!

— Когда ты толкуешь о различии в судьбе, то думаешь лишь о различии в таланте и добродетели. Я же говорю о различии в другом [отношении]. Ведь Обитатель Северного дома одарен добродетелью, но обделен судьбой; ты же одарен судьбой, но обделен добродетелью. Твои удачи добыты не умом, неудачи обитателя Северного дома — это не ошибки глупости. Все это [зависит] от природы, а не от человека. Твоя же гордость тем, что [ты] щедро одарен судьбой, как и стыд Обитателя Северного дома оттого, что [он] щедро одарен добродетелью, означает, что оба вы не знаете естественного закона.

— Остановись, Прегдерожденный! — воскликнул Живущий у Западных ворот. — Я больше не осмелюсь [так] говорить!

Вернувшись домой, Обитатель Северного дома стал носить свою грубую куртку, словно она такая же теплая, как [мех] лисицы или енота; есть бобы, будто у них вкус чистого зерна; располагаться в своей хижине, крытой полынью, словно под сенью большого дома; ездить в своей плетеной повозке, точно на украшенной резьбой колеснице. И до конца дней своих оставался удовлетворенным, не ведая, кого прославляют, а кого позорят.

Услышав об этом, Прегдерожденный из Восточного Предместья сказал:

— Обитатель Северного дома долго спал, но при первом же слове сумел очнуться и излечиться от скорби.

Гуань Чжун и Баошу Я¹¹ были близкими друзьями и жили вместе в Ци. Гуань Чжун служил царевичу Цзю¹², а Баошу Я служил царевичу Сяобо¹³.

У царя Ци было много жен. Сыновья главной жены и наложниц в его роде считались равными, и люди царства боялись междоусобицы. Гуань Чжун и Шао Ху¹⁴ вместе с царевичем Цзю, которому служили, бежали в Лу; Баошу вместе с царевичем Сяобо, которому служил, бежал в [царство] Цзюй¹⁵. Когда же царский внук Учжи¹⁶ поднял мятеж и в Ци не стало царя, оба царевича вступили в борьбу [за власть].

Сражаясь с Сяобо на дороге в Цзюй, Гуань Чжун попал ему стрелой в застежку на поясе.

Взойдя на трон, Сяобо стал угрожать Лу, [и там] убили царевича Цзю. Шао Ху из-за этого покончил с собой, а Гуань Чжун был заключен в тюрьму.

Баошу Я сказал Хуаньгуну:

— Гуань Чжун способен управлять царством.

— [Он] мой враг. Хочу его казнить, — ответил Хуаньгун.

— Я слышал, что мудрые государи не питают личной вражды. Да притом человек, способный управлять самим собой, конечно, способен владычествовать и над другими. Если хотите стать гегемоном¹⁷, не сможете [этого сделать] без Чжуна. Необходимо его освободить.

Царь призвал Гуань Чжуна, и лусцы вернули его в Ци.

Баошу Я встретил [Гуань Чжуна] в предместье, освободил его от оков. Хуаньгун [принял] его по всем правилам этикета и поставил даже выше, чем [роды] Гао и Го¹⁸. Баошу Я стал ниже его. Гуань Чжуну поручили управлять царством и даровали титул — Отец Чжун. Вскоре же Хуаньгун стал гегемоном.

Как-то Гуань Чжун со вздохом сказал:

— В молодости я терпел неудачи, бедствовал и торговал вместе с Баошу. При дележе больше брал себе, но Баошу, зная о моей бедности, не считал меня жадным. Я задумал для Баошу одно дело, но потерпел большую неудачу. Однако Баошу не счел меня глупцом, ибо знал, что времена бывают хорошие и плохие. Я трижды служил и трижды был изгнан государем, но Баошу не подумал, что я негоден, зная, что мне еще не встретилась удача. Я трижды сражался и трижды бежал, но Баошу не назвал меня трусом, ибо знал, что у меня мать-старуха. Когда царевич Цзю потерпел поражение, Шао Ху последовал за ним и в смерти, я же, покрытый позором, спрятался в тюрьме¹⁹. Но Баошу не счел меня бесстыдным, зная, что меня не смущают мелочи, что стыжусь я лишь того, что имя мое не прославилось в Поднебесной. Родили меня отец и мать, а знает меня [лишь] Баошу.

Вот каковы Гуань и Бао[шу], прославленные в мире [своей] прекрасной дружбой! [Вот каков] Сяобо, прославленный умением привлекать к себе способных! Однако в действительности [у них] не было прекрасной дружбы, в действительности [у Сяобо] не было умения привлекать к себе способных. То, что в действительности [у них] не было прекрасной дружбы, не означает, что бывает еще более крепкая дружба; то, что в действительности [у Сяобо] не было умения привлекать к себе способных, не означает, что бывает еще большее умение привлекать к себе способных. Это не значит, что Шао Ху был способен покончить с собой, [он] не мог не покончить с собой; это не значит, что Баошу был способен рекомендовать талантливых, [он] не мог не рекомендовать талантливых; это не значит, что Сяобо был способен привлечь к себе врага, [он] не мог не привлечь к себе [врага].

Когда Гуань Чжун заболел²⁰, Сяобо задал ему вопрос:

— Можно ли говорить не таясь? [Ведь] болезнь у [Вас], Отец Чжун, серьезная. Кому доверить царство, если станет хуже?

— Кому бы хотел государь? — спросил Гуань Чжун.

— Можно ли Баошу?

— Нельзя! Он — муж прекрасный, чистый и честный. Но всех остальных он меряет по себе, а не [себя] по другим. Раз услышит о чьей-либо ошибке, всю жизнь не забудет. Если доверить ему

управление царством, так наверху — запутает правителя, а внизу — станет перечить народу. Пройдет немного времени, и он совершит проступок против государя.

— Кому же можно? — спросил Сяобо.

— Не станет меня, так можно [доверить] Си Пэну. Он такой человек, что высшие [о нем] забудут, а низшие [ему] не изменят. Сам сожалеет, что не похож на Желтого Предка, но печалится о тех, кто хуже его. Тот, кто уделяет людям от [своей] добродетели, называется мудрецом; тот, кто уделяет людям от [своих] богатств, называется умным. Тот, кто снисходит до людей мудростью, никогда не завоевывает людей; тот, кто спускается к людям умом, всегда завоевывает людей. В царстве он не все услышит, в семье он не все увидит. Не станет меня, так можно Си Пэну.

Однако это не значит, что Гуань Чжун унизил Баошу, [Гуань Чжун] не мог [его] не унижить; это не значит, что [Гуань Чжун] благоволил к Си Пэну, [Гуань Чжун] не мог [к нему] не благоволить. В конце, возможно, унижают того, к кому вначале благоволили; того, к кому вначале благоволили, в конце, возможно, станут унижать. Смена благоволения и унижения зависит не от нас.

Применяя учение о двух возможностях, Дэн Си²¹ допускал бесчисленные предположения. Когда Цзычань²² вершил дела, [Дэн Си] создал законы на бамбуковых планках, и в царстве Чжэн их стали применять. [Дэн Си] неоднократно упрекал Цзычаня за [плохое] управление. Цзычань же покорялся ему. [Однако] Цзычань схватил Дэн Си, опозорил его и неожиданно казнил. Но это не значит, что Цзычань был способен применить законы на бамбуковых планках, [он] не мог их не применить; это не значит, что Дэн Си был способен покорить Цзычаня, [Дэн Си] не мог [его] не покорить; это не значит, что Цзычань был способен казнить Дэн Си, [он] не мог не казнить Дэн Си.

Родиться, когда есть возможность²³ жить, это счастье от природы; умереть, когда есть возможность умереть, это счастье от природы. Не родиться, когда есть возможность жить, это наказание от природы; не умереть, когда есть возможность умереть, это наказание от природы. Бывает, что обретают жизнь, когда есть возможность жить, обретают смерть, когда есть возможность умереть; [но] бывает, что живут, когда нет возможности жить, или умирают, когда нет возможности умереть.

Однако рождение и жизнь, одряхление и смерть [зависят] не от [других] вещей, не от самих себя, а от судьбы, познать их нет возможности. Поэтому и говорится:

— Далекий, беспредельный путь природы сам по себе образуется; бесстрастный неделимый путь природы сам по себе движется. Ни небо, ни земля не способны [его] нарушить; ни мудрый, ни знающий не способны [ему] противиться; ни души предков, ни

бесы не способны [его] обмануть. Естественность — это то, что [всех] их уничтожает, их создает, их покоит; ко [всем] к ним [естественность] бесстрастна, их ведет, их встречает.

Цзи Лян, друг Ян Чжу, заболел, и на седьмой день [болезнь] усилилась. Сыновья, оплакивая, окружили его. Позвали лекаря.

— Какие неразумные у меня сыновья, — сказал Цзи Лян [своему другу] Ян Чжу. — Не споешь ли ты вместо меня им в поучение?

Ян Чжу запел:

«Что и природа не знает,
Откуда узнать человеку?
Небо ничем не поможет,
Зла не свершит человек.
То, что лишь мы с тобою
Двое на свете знаем,
Разве узнает лекарь,
Разве узнает колдун?!»²⁴.

[Но] сыновья Цзи Ляна ничего не поняли и пригласили в конце концов трех лекарей. Первого звали Обманщик, второго — Поддакивающий Каждому, третьего — Игрок²⁵. Осмотрели больного, и сказал Цзи Ляну Обманщик:

— В твоём [теле] неравномерны холод и жар, неуравновешены пустое и полное. Болезнь твою вызвали не Небо и не души предков. [Она] происходит и от голода, и от пресыщения, и от вожделе-ния, и от наслаждения, и от забот душевных, и от беззаботности. Но, несмотря на это, [я] постепенно [ее] одолею.

— Лекарь, каких много, — заключил Цзи Лян и поспешно его прогнал.

Поддакивающий Каждому сказал:

— У тебя с самого начала, ещё во чреве [матери], не хватало жизненной энергии, материнского же молока получал в избытке. Причина болезни возникала постепенно, не за одно утро и не за один вечер, и вылечить тебя нельзя.

— Лекарь хороший, — заключил Цзи Лян и [велел] его накормить.

Игрок сказал:

— Болезнь твоя не от Неба, не от человека и не от душ предков. От природы родилась и с телом оформилась. Мы ведаем о ней настолько, насколько ею управляет естественный закон. Чем же помогут тебе лекарства и уколы камнем?

— Лекарь проникательный, — заключил Цзи Лян и, щедро наградив его, отпустил.

А болезнь Цзи Ляна вдруг сама собой прошла.

Жизнь сохраняется не потому, что ее ценят, здоровье улучшается не потому, что его берегут; жизнь безвременно теряют не

оттого, что ее презирают, здоровье ухудшают не оттого, что им пренебрегают. Поэтому ценящий жизнь, возможно, не будет жить; презирающий жизнь, возможно, не умрет; берегущий здоровье, возможно, его не улучшит; пренебрегающий здоровьем, возможно, его не ухудшит. Кажется, что все это [происходит] вопреки [желанию]. Нет, не вопреки. Это означает, что живут сами по себе, умирают сами по себе, [здоровье] улучшается само по себе, ухудшается само по себе. Бывает, что ценят жизнь и живут или презирают жизнь и умирают; бывает, что берегут здоровье и улучшают его или пренебрегают здоровьем и ухудшают его. Кажется, что все это соответствует [желанию]. Нет, не соответствует. Это также означает, что живут сами по себе, умирают сами по себе, [здоровье] улучшается само по себе, ухудшается само по себе.

Вскармливающий Медведя сказал царю Прекрасному:

— Высок сам по себе — [это] не значит, что к нему добавили; мал сам по себе — [это] не значит, что [от него] отняли. Разве это зависит от расчетов?

Лаоцзы²⁶ сказал Стражу Границы:

— В ненависти природы кто найдет причину?

[Здесь] речь о том, что лучше [человеку] не подлаживаться под волю Неба, [лучше] не строить предположений о выгоде и вреде.

Ян Бу²⁷ сказал:

— Здесь [два] человека, в которых я сомневаюсь. По годам они — старший и младший брат, по речам — старший и младший брат, по таланту — старший и младший брат, по виду — старший и младший брат. А [вот] по долговечности [они] — отец с сыном, по благородству и низости — отец с сыном, по славе — отец с сыном, по любви и ненависти — отец с сыном.

Ян Чжу ответил:

— У древних было слово, которое я запомнил и тебе поведаю. Все, что само по себе таково, но неизвестно, почему таково, — от судьбы²⁸. Разве кто-нибудь способен знать причину всего того, что [происходит] сейчас и в темноте, и в тумане, и в беспорядке, и в согласии, и следуя за деянием, и следуя за недеянием, приходя в один день, уходя в другой? Все это — от судьбы. Верящий в судьбу отрицает долговечность и недолговечность; верящий в естественный закон отрицает истину и ложь; верящий в разум отрицает покорность и непокорность; верящий в природу отрицает безопасность и опасность. В таком случае скажем, что все они отрицают то, во что верят, все они отрицают то, во что не верят. Вот истина!

Вот правда! К чему уходить? К чему приходить? К чему печалиться? К чему радоваться? К чему действовать? К чему не действовать?

В предании о Желтом Предке говорится: «Настоящий человек сидит, словно мертвый, движется, словно связанный; не знает, почему сидит, не знает, и почему не сидит; не знает, почему движется, не знает, почему не движется. Чувства его и внешность не меняются под взглядами толпы; чувства его и внешность не меняются и при отсутствии взглядов толпы. Один он отправляется и один возвращается, один входит, один выходит, и кто сумеет ему помешать?»

Четыре человека — Плут, Обидчивый, Медлительный и Вспыльчивый²⁹ — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не узнали друг друга. Каждый считал свои знания самыми глубокими.

Четыре человека — Говорун, Простак, Неотесанный и Подлиза — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не поведали друг другу своих секретов. Каждый считал свое мастерство самым тонким.

Четыре человека — Коварный, Искренний, Заика и Хулитель — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не поняли друг друга. Каждый считал, что [своим] талантом достигнет успеха.

Четыре человека — Лицемер, Доучный, Отчаянный и Робкий — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не порицали друг друга. Каждый считал свои поступки безупречными.

Четыре человека — Сговорчивый, Самовластный, Захватчик и Одиночка — бродили вместе по свету. Каждый из них следовал своим склонностям, и до конца дней своих [они] не взглянули друг на друга. Каждый из них считал себя отвечающим своему времени.

Так действует толпа. По внешности различные, все [они] объединяются путем и подчиняются судьбе.

Почти успех — подобен успеху, но [он] и не начало успеха; почти неудача — подобна неудаче, но [это] и не начало неудачи. Заблуждение рождается подобием. Границы подобия — неразличимы, но тот, для кого подобие различимо, не станет страшиться беды извне, не станет радоваться и внутреннему счастью. В [какое] время действовать, в [какое] время бездействовать — и умному не познать.

Верящий в судьбу <фаталист> не делает различия между «я» и «не-я». Тот, кто делает различие между «я» и «не-я», хуже

того, кто, закрыв глаза и заткнув уши, становится спиной к откосу горы, лицом к городскому рву и все же не падает. Поэтому и говорится: «смерть и жизнь зависят от судьбы, бедность и неудачи зависят от времени». Тот, кто ропщет на недолговечность, не понимает судьбы; тот, кто ропщет на бедность и неудачи, не понимает времени; тот, кто не знает страха смерти, не скорбит в бедности, понимает судьбу и довольствуется [своим] временем. Многознающий, оценивая доходы и убытки, отделяет кажущееся от реального, определяя людские настроения, половину обретает, половину теряет; малознающий, не оценивая доходов и убытков, не отделяя кажущееся от реального, не определяя людских настроений, также половину обретает и половину теряет. Разве есть различие между [теми, кто] оценивает, рассчитывает, определяет, и [теми, кто] не оценивает, не рассчитывает, не определяет?! Только тот, кто, ничего не меряя, все измеряет, обретает целостность и не имеет утрат. Но не оттого, что знает целостность, не оттого, что знает утраты. Целостность сама по себе, потери сами по себе, утраты сами по себе.

Циский царь Цзин <Лян> гун³⁰ прогуливался на горе Быка. Приближаясь с севера к стене столицы, [он] стал проливать слезы и восклицать:

— А! Как прекрасно [мое] царство! [Как] пышны растения! Как хороши капли росы! Неужели [придется] покинуть это царство и умереть? Если бы древние не умирали, и мне [не пришлось бы] куда-то уходить отсюда.

Вторя ему, зарыдали Цзюй с Лян-горы³¹ и Хронист Кун:

— Благодаря милостям государя [мы], ваши слуги, можем питаться грубым зерном и плохим мясом; можем ездить на кляче и в плетеной повозке. И если [мы] не хотим умирать, то что же говорить о нашем государе?

Только Яньцзы в стороне рассмеялся.

Царь утер слезы и, обернувшись к Яньцзы, сказал:

— Ныне на прогулке я опечалился. Вторя мне, зарыдали Кун и Цзюй. Почему только ты один засмеялся?

— Глядя на этих двух, [я], ваш слуга, и засмеялся украдкой,— ответил Яньцзы. — Ведь если бы добродетельные навсегда сохраняли трон, его занимали бы Тайгун³² и Хуаньгун³³, если бы отважные навсегда сохраняли трон, его занимали бы Достойнейший³⁴ и Чудотворный³⁵. Другие цари занимали бы его, а наш государь в плаще и шапке из соломы стоял бы посередине поля, заботился бы только [об урожае]. Где взял бы [он] досуг раздумывать над смертью? Как смог бы мой государь обрести этот трон? [Лишь] благодаря тому, что [те цари], сменяясь, занимали трон и покидали его, перешел [он] и к [вам], государь. И плакать из-за этого — недостойно. Увидел [я] недостойного государя, увидел его слуг-льстецов.

Цзингун раскаялся и поднял штрафной кубок, а обоим слугам назначил штраф — по два кубка.

Близ Восточных ворот Вэй жил [некий] У. [Когда] у него умер сын, он не горевал. Домоправитель спросил его:

— Почему [вы] не горюете ныне о смерти сына? Ведь [вы], господин, любили сына, как никто другой в Поднебесной!

— Зачем же мне горевать? — ответил У, [что жил] близ Восточных ворот. — Прежде у меня не было сына. Когда не было сына — не горевал. Ныне сын умер, и его нет так же, как не было прежде.

Земледелец поспевает за временем года, торговец думает о прибыли, ремесленник добивается мастерства, воин стремится к власти — к этому вынуждают их обстоятельства. Однако у земледельца бывают разливы и засухи, у торговца — доходы и убытки, у ремесленника — удачи и неудачи, у воина — поражения и победы. Таково проявление судьбы³⁶.

Глава 7

ЯН ЧЖУ

Ян Чжу¹, странствуя в Лу, остановился у Мэна², и Мэн задал [ему] вопрос:

— [Родился] человеком, к чему еще [стремиться]? К чему слава?

— Слава ради богатства, — ответил Ян Чжу.

— [Если] стал богат, к чему же еще [стремиться]?

— К знатности.

— [Если] стал знатным, к чему же еще [стремиться]?

— К смерти.

— Умер, к чему же еще [стремиться]?

— К [благоденствию] сынов и внуков.

— Разве слава приносит благоденствие сынам и внукам?

— Благодаря [посмертной] славе, возвышение распространяется отнюдь не только на сынов и внуков, — на весь род, а нажива — на всю общину. [Поэтому] ради славы изнуряют тело, иссушают сердце.

— Каждый, стремящийся к славе, должен быть бескорыстным. А [разве] бескорыстные не бедны? Каждый, стремящийся к славе, должен быть уступчивым. А [разве] уступчивые знатны?

— [Когда] Гуань Чжун помогал управлять в Ци, царь вел распутную жизнь, и Гуань Чжун вел распутную жизнь; царь расто-

чительствовал, и Гуань Чжун расточительствовал. В стремлениях Гуань Чжун был един [с царем], в речах Гуань Чжун следовал [за царем]. Учение [Гуань Чжуна] осуществилось, и [царь] стал гегемоном. После же смерти [осталось] лишь [имя] Гуань. Когда же Тянь помогал управлять в Ци, царь был надменным, а Тянь — скромным, царь обирал [народ], а Тянь раздавал [народу]. Весь народ повернулся к Тяню, и поэтому [он] завладел царством Ци. И поныне [властью в] царстве наслаждаются [его] сыны и внуки.

— [Значит], если слава истинная, то беден? Если слава ложная, то богат?

— [Владеющие] истиной не обладают славой, [владеющие] славой не обладают истиной. Прославленные — ложные <не истинные>, и только. В древности Высочайший и Ограждающий притворно уступали Поднебесную Никого не Стесняющему и Умеющему Свернуться³. Не теряя Поднебесной, [они] наслаждались почестями по сто лет. Старший Ровный и Младший Ровный искренне уступили царствование и в конце концов потеряли свое царство Одинокый Бамбук, умерли от голода на горе Первого Солнца. Вот таким-то образом и проявляется различие между истинным и ложным.

Ян Чжу сказал:

— Сто лет жизни — большой срок⁴. Но прожить сто лет не удается даже одному из тысячи. Предположим, что окажется такой. [Но] младенчество на руках матери и старческая дряхлость отнимут чуть ли не половину [времени]; забвение ночью во сне и потерянные даже в бодрствовании дни отнимут еще чуть ли не половину [оставшегося времени]; страдания и болезни, горе и мучения, утраты и потери, печаль и страх отнимут еще чуть ли не половину. За оставшиеся десять с небольшим лет найдется ли хоть мгновение, когда бы [человек] был весел, доволен, беззаботен? Зачем же тогда живет человек? Для наслаждений? Для красоты и яств? Для музыки и любви? Но красотой и пиршествами опять-таки нельзя [наслаждаться] постоянно — пресыщаешься. Музыка и любви нельзя жаждать постоянно. А тут опять запрещают наказаниями и убеждают наградами; [зовут] вперед во имя славы и [толкают] назад с помощью закона. Спешим состязаться за миг пустой славы, домогаясь славы с избытком после смерти. Сгибаясь, внимательно слушаем и смотрим, сожалея об истинности или ложности собственных желаний. Напрасно упускаем [возможность] высших наслаждений в эти годы. [Если] неспособны даже на миг беспечности, то чем же отличаемся от пленника в тяжких оковах?

Люди далекой древности знали, что в жизнь постепенно приходят, знали, что смерть постепенно уносит. Поэтому действовали, следуя [велению своего] сердца, и не шли против своих естественных желаний. Не избегали наслаждений при жизни, поэтому их

и не манила слава. Развлекались, следуя своей природе, не шли против тьмы желаний, не гнались за посмертной славой, поэтому их не настигали и наказания. Не рассчитывали, сколько проживут лет и будет ли слава сначала или потом.

Ян Чжу сказал:

— В жизни все вещи друг от друга отличаются, а в смерти все одинаковы.⁵ При жизни отличаются друг от друга умные и глупые, знатные и низкие; в смерти же одинаковы тем, что [все] смердят и разлагаются, гниют и исчезают. И все же это не значит, что от способностей [человека] зависит быть умным или глупым, знатным или низким; это не значит, что от способностей [человека] зависят смрад и разложение, гниение и исчезновение. Следовательно, это не значит, что жизнь зависит от живых, а смерть — от мертвых; ум — от умных, а глупость — от глупых, знатность — от знатных, а низкое [состояние] — от низких. Но [это значит], что тьма вещей равна в жизни, равна и в смерти, равна в мудрости, равна и в глупости, равна в знатности, равна и в низком [состоянии]. Умирает и десятилетний, умирает и столетний. Умирает и милосердный и мудрый, умирает и злодей и дурак. При жизни — Высочайший и Ограждающий, после смерти — сгнившие кости. При жизни были Разрывающий на Части и Бесчеловечный, после смерти — сгнившие кости. Кто определит различие между ними, ведь сгнившие кости одинаковы?! Следует наслаждаться при жизни, к чему хлопотать о том, что будет после смерти!

Ян Чжу сказал:

— Старший Ровный не чуждался желаний. Сверх меры гордясь [своей] чистотой, довел себя до голодной смерти. Цзи под Ивой не был бесчувственным, но из-за чрезмерной гордости своим целомудрием не продолжил рода. Вот как повредили добрым чистота и целомудрие⁶.

Ян Чжу сказал:

— Юань Сянь⁷ обеднел в Лу, Цзыгун разбогател в Вэй. Юань Сянь от бедности меньше прожил; Цзыгун богатством навлек на себя беду. В таком случае нельзя ни беднеть, ни богатеть? Что же можно? Скажу: можно радоваться жизни, можно не утруждать себя заботами. Ибо тот, кто умеет наслаждаться жизнью, не беднеет; тот, кто умеет не утруждать себя заботами, не богатеет.

Ян Чжу сказал:

— «При жизни друг друга жалеть, по смерти друг друга покидать»⁸ — в этой древней пословице — истина. «Друг друга жалеть» — [эти слова] говорят не только о чувстве, но и готовности

дать отдохнуть усталому, накормить голодного, обогреть замерзшего, найти выход для зашедшего в тупик. «Друг друга покидать» — [эти слова] говорят не о том, чтобы не оплакивать покойника, а о том, чтобы не облачать в узорную парчу, не класть [ему] в рот жемчуг и нефрит, не приносить жертв, не ставить блестящих сосудов.

Янь Пинчжун⁹ спросил у Гуань Чжунуна о том, как заботиться о своей жизни.

Гуань Чжунун ответил:

— Не мешать [себе], не останавливать [себя]. Жить свободно, и только.

— А подробнее?

— Позволить ушам слушать то, что хочется; позволить глазам смотреть на то, на что хочется; позволить носу обонять то, что хочется; позволить устам говорить то, что хочется; позволить телу покоиться так, как хочется; позволить сердцу мыслить так, как хочется. Ведь ушам хочется слушать музыку, и мешать им означает притуплять слух; глазам хочется смотреть на красоту и краски, и мешать им — означает притуплять зрение; носу хочется вдыхать [аромат] перца и орхидеи, и мешать ему — означает притуплять обоняние; устам хочется говорить об истинном и ложном, и мешать им — означает притуплять ум; телу хочется найти покой в прекрасном и приятном, и мешать ему — значит лишать его хорошего самочувствия; мысли хочется свободы, и мешать ей, значит не давать ей идти вперед. Все эти препятствия — жестокие деспоты. Устранишь этих жестоких деспотов — и [проживешь] радостно вплоть до смерти — и день, и луну, и год, и десять лет. Это я и называю заботиться о своей жизни. Свяжешь себя этими жестокими деспотами, станешь неотступно обуздывать себя и [жить] в скорби и заботах во имя долголетия, так [проживи] пусть даже сто лет, тысячу лет, тьму лет, — это не то, что я называю заботиться о своей жизни. Я объяснил тебе, как заботиться о жизни, — заключил Гуань Чжунун, — [а ты скажи], как провожать мертвых?

— Что же объяснять? Похоронным обрядом [я] пренебрегаю.

— Я хотел бы тебя выслушать.

— Когда умру, разве [обряд] от меня зависит <меня касается>? Тело можно сжечь, можно утопить, можно зарыть, можно оставить под открытым небом, можно укрыть хворостом и бросить в канаву, можно облачить в расшитые шелковые одежды и поместить в каменный саркофаг. Как случится.

— Мы оба до конца [познали] учение о жизни и смерти, — сказал Гуань Чжунун, обернувшись к Баошу и Хуанцзы¹⁰.

Цзычань стал помогать управлять [царством] Чжэн, и за три года [его] единовластного управления добрые покорились его ре-

формам, недобрые устрашились его запретов. Наступил порядок в царстве Чжэн, и все правители стали его опасаться.

У [Цзычаня] был старший брат по имени Гунсунь Зореван и младший брат по имени Гунсунь Полуночник¹¹. Зореван любил вино, а Полуночник — женщин.

В доме Зоревана вина готовили до тысячи котлов, закваски — целые горы, дух от барды бил в нос за сотни шагов от ворот. Предаваясь пьянству, он не ведал, [царит ли] мир или [угрожает] беда; [не ведал] ни сожаления о порядках среди людей, ни недовольства ими, [не тревожился] ни о доходах и расходах в собственном доме; ни о сближении или отчуждении между [всеми] девятью коленами своего рода; [не ощущал] ни радости жизни, ни печали смерти; не знал даже, когда рядом с ним случались наводнение, пожар или сражение.

У Полуночника же на женской половине тянулись рядами десятки покоев для избранниц, самых юных прелестниц. Когда он увлекался красавицей, то прятался от родных, порывал с друзьями и скрывался в женских покоях, добавляя к ночам и дни. [Он] был недоволен, даже если покидал [их] раз в три месяца. Когда в общине подрастала миловидная девушка, [он] добивался ее непременно — либо заманивая подарками, либо увозя с помощью свахи.

Печалась за братьев денно и нощно, Цзычань тайно отправился к Дэн Си посоветоваться.

— [Я], Цяо, слышал, что [умение] управлять самим собой влияет на семью, что [умение] управлять семьей влияет на царство,— сказал Цзычань. Это изречение начинается с близких и кончается далекими. [Я же], Цяо, царство привел в порядок, а в семье [у меня] беспорядки. Это противоречит учению. Как спасти братьев? Не поможешь ли ты?

— Я давно уже удивлялся тебе,— ответил Дэн Си. — Но не смел заговорить первым. Почему ты не управишься с братьями немедленно? Не расскажешь им притчу о важности жизни, не призовешь [их] к почитанию обрядов и долга?

Как только нашелся досуг, Цзычань навестил своих братьев и, воспользовавшись советом Дэн Си, сказал им:

— Именно благодаря разуму человек ценнее птиц и зверей. Разумом же управляют обряды и долг. Тот, кто безупречен в обрядах и долге, добивается славы и постов. Возбуждать же свои чувства и искать наслаждений в пороке и разврате — опасно для жизни. Внемлите [моим], Цяо, словам, с утра раскайтесь, а уже вечером станете кормиться жалованьем.

— Неужели [мы] ждали, пока ты об этом заговоришь? Мы давно уже поняли и давно сделали свой выбор,— ответили Зореван и Полуночник. — Жизнь — такая редкая удача, а смерть так легко достижима. Кто же это придумал — проводить с таким трудом доставшуюся жизнь, в ожидании столь легко приходящей смерти? Стремиться почитать обычаи и долг ради хвастовства?

Насиловать свои чувства и природу, чтобы заманить славу? Это для нас хуже смерти! Желая исчерпать до дна все наслаждения своей единственной жизни, испытать все радости этих лет, тревожимся лишь о том, чтобы переполненный желудок не помешал вволю пить; чтобы утрата силы не помешала предаваться вволю плотским удовольствиям. Не печалит [нас] ни дурная слава, ни опасность для жизни.

Но как жалок, как презрен ты, который превзошел всех в умении управлять царством! Вознамерился смутить наши мысли поучительной речью? Завлечь наши сердца славой и жалованьем? Мы также хотим с тобой поспорить!

Ведь тот, кто умеет управлять внешним [миром], вряд ли наведет порядок среди людей, [сам же он] обречен на муки. Вряд ли из-за того, кто умеет управлять [своим] внутренним [миром], наступит смута, жизнь же [его] будет беззаботной. Законы, с помощью которых ты управляешь внешним [миром], отвечая или не отвечая желаниям людей, могут на время распространиться в одном царстве. Если бы наш способ управлять внутренним [миром] распространился на всю Поднебесную, то учению о государе и слугах пришел бы конец. Мы давно хотели объяснить тебе этот способ, а ты, напротив, вдруг стал учить нас своему.

Цзычань встревожился и ничего не сумел им ответить, а на другой день обо всем рассказал Дэн Си.

— Кто назвал тебя умным?— спросил Дэн Си.— Ты даже не знаешь о том, что живешь рядом с настоящими людьми. Порядок в царстве Чжэн — [дело] случая, а не твоя заслуга.

Вэйский Дуаньму Шу¹² был современником Цзыгуна. Благодаря богатству предков в его семье скопилась тьма золота. [Он] не занимался делами, а предавался свободно тому, что ему нравилось. Он делал все, что только хочется делать живому человеку; развлекался всем, чем только развлекается человеческая мысль. Здания и ограды, башни и террасы, сады и заповедники, пруды и водоемы, вина и яства, колесницы и одежды, песни и музыка, красавицы и слуги — все у него походило на государево в царствах Ци и Чу. Все, что только было ему по сердцу, — приятное слуху, приятное взору, приятное устам, даже из далеких стран, чужеземных краев, не произраставшее в Ци¹³, доставалось ему [с такой легкостью], точно из-за [его собственной] ограды. На прогулках он проникал повсюду — по малым тропинкам и далеким дорогам, даже через горы и реки, отвесные скалы и пропасти [с такой легкостью], как другой делает несколько шагов. Гости и удалыцы ежедневно сотнями прибывали в его поместье. В кухне под котлами непрерывно горел огонь, в залах и крытых галереях непрерывно слышались песни и музыка. Оставшиеся от пиршества яства раздавали родичам, оставшиеся после них — раздавали всей общине, оставшиеся — раздавали по всему царству.

Прожив так шестьдесят лет, он стал дряхлеть и телом и душой, оставил все дела и принялся раздаривать все, что было в казне и амбарах: драгоценности и сокровища, колесницы и одежды, жен и наложниц. За год все иссякло, не осталось имущества ни сынам, ни внукам. Когда он заболел, не нашлось ни лекарств, ни камня для уколов. Когда он умер, не на что было вырыть ему могилу. Люди со всего царства, получавшие от него дары, сложились, похоронили его и вернули имущество сынам и внукам.

Услышав об этом, Цинь Гули сказал:

— Дуаньму Шу — безумец, опозорил своих предков!

Услышав об этом, ученик Дуаньгань¹⁴ сказал:

— Дуаньму Шу — человек великодушный, добродетелью превзошел своих предков. Хотя его действия, его поступки всех удивляли, но [он] поистине овладел законом природы. Большая же часть благородных в царстве Вэй соблюдала учение об обрядах, поэтому [они] и не удостоились расположения этого человека.

Мэнсунь Ян спросил Ян Чжу:

— Предположим, здесь человек, который ценит жизнь и бережет тело. Может ли [он] достичь бессмертия?

— По закону природы нет бессмертия.

— Может ли достичь долгой жизни?

— По закону природы нет долгой жизни. Жизнь не сохранишь тем, что ее ценишь, здоровье не сохранишь тем, что его бережешь. Да и к чему долгая жизнь? Наслаждение и отвращение во [всех] пяти чувствах ныне те же, что и встарь; опасность и безопасность четырех конечностей ныне те же, что и встарь; горе и радость в делах ныне те же, что и встарь; смена порядка и беспорядка в управлении ныне та же, что и встарь. Все это видели, все это слышали, все это снова и снова испытali. Так много, что надоест и за сто лет. Насколько же тяжелее будет жить долго!

— В таком случае ранняя смерть лучше долгой жизни? — спросил Мэнсунь Ян. — А чтобы обрести желаемое, следует кинуться на острие, на лезвие, броситься в кипяток или в огонь?

— Нет, — сказал Ян Чжу. — Поскольку живешь, то в ожидании смерти живи легко, исполняя до конца свои желания. Придет смерть — легко перенеси и ее, пусть она исполнит [свое] до конца, предоставь свободу угасанию. Ко всему относись легко, все терпи. К чему спешить или медлить за столь краткий срок!

Ян Чжу сказал:

— Высокосовершенный¹⁵ никому не помогал и волоском. Отказался от царства и в уединении пахал землю. Великий же Молодой Дракон не принес самому себе пользы, и тело его наполовину иссохло. Древний человек не согласился бы утратить воло-

сок, чтобы принести пользу Поднебесной; если же всю Поднебесную подносили ему одному, [он] не брал. [Если бы] никто не жертвовал волоском, [если бы] никто не приносил пользу Поднебесной, в Поднебесной воцарился бы мир.

Циньцзы спросил Ян Чжу:

— Выдернул бы ты у себя один волосок, если бы это могло помочь миру?

— Миру, конечно, не помочь одним волоском.

— А если бы можно было? Выдернул бы?

Ян Чжу промолчал.

Циньцзы вышел и передал обо всем Мэнсунь Яну.

Мэнсунь Ян сказал:

— Ты не проникся мыслью учителя. Разрешить тебе [это] объяснить. Согласился бы ты поранить себе кожу, чтобы получить тьму золота?

— Согласился бы.

— Согласился бы ты лишиться сустава, чтобы обрести царство?

Циньцзы промолчал.

— Рассудим. Ведь волосок меньше кожи; кожа меньше сустава. Однако ведь, по волоску собираясь, и образуется кожа, и кожа, собираясь, образует сустав. Разве можно пренебречь даже волоском, если он — одна из тьмы частей тела?

— Мне нечего тебе ответить, — сказал Циньцзы. — Но если спросить о твоей речи Лаоцзы и Стража Границы, [они] признали бы справедливыми твои слова; если спросить о моей речи великого Молодого Дракона и Мо Ди, они признали бы справедливыми мои слова.

Мэнсунь Ян, обратившись к своим ученикам, заговорил о другом.

Ян Чжу сказал:

— Все прекрасное¹⁶ в Поднебесной приписывают Ограждающему и Молодому Дракону, Чжоу [гуну]¹⁷ и Конфуцию. Все порочное в Поднебесной приписывают Разрывающему на Части и Бесчеловечному. Ограждающий же, когда пахал землю на юге от Реки, занимался гончарным делом на Болоте Грома, не давал отдыха своим рукам и ногам даже на время, не насыщал яствами ни [своих] уст, ни желудка. [Он] прожил тридцать лет, не любимый ни отцом, ни матерью, не дружный ни с младшими братьями, ни с сестрами; женился, не объявив [родителям]. Когда принял трон, уступленный Высочайшим, лет [ему] было много, разумом [он] ослабел и, так как Шан Цзюнь¹⁸ был бесталанным, уступил трон Молодому Дракону, скорбя и печалься до самой смерти. Он — самый злосчастный, какой только был на земле!

Кит¹⁹ покорял воду и землю, трудился много, но безуспешно

и был изгнан пожизненно на Крыло-гору. Молодой Дракон наследовал [его] дело, служил [своему] врагу. Трудился лишь на заброшенной земле, [когда] родился сын — не дал ему имени; проходил мимо ворот — [домой] не заходил. Половина тела [у него] иссохла, руки и ноги покрылись мозолями. Получив переданный Ограждающим трон, прекрасную корону и передник, скорбел и печалился в своей бедной хижине до самой смерти. Он — самый большой горемыка и труженик, какой только был на земле!

Когда умер Воинственный, [его сын] Чэнван был юным и слабым. Вместо Сына Неба правил Чжоугун. Шаогуну²⁰ это не понравилось. На все четыре стороны распространилась клевета. [Чжоугун] прожил на востоке три года. Казнил своего старшего брата, изгнал младшего брата и только этим сохранил свою жизнь. Скорбел и печалился до самой смерти. Он — самый опасный и трусливый, какой только был на земле!

Конфуций постигал учение предков и царей, соглашался [принимать] подарки и приглашения современных ему государей. Но [на него] свалили дерево в [царстве] Сун²¹, [он] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу, был осажден между Чэнь и Цай²², унижен Цзи, опозорен Яном Тигром²³, печалился и скорбел до самой смерти. Он — самый бестолковый и суетливый из людей!

В жизни этих четырех мудрецов не было ни одного веселого дня, а после смерти [они] достигли славы на множество поколений! Славы, по существу, [они] не обрели. Пусть их хвалят, [они] о том не ведают; пусть их награждают, [они] о том не ведают. Ведь [теперь] они ничем не отличаются от пня или комка [земли]!

Благодаря собранным поколениями богатствам Разрывающий на Части встал на престол — лицом к югу. Ума [у него] было достаточно, чтобы отстранить всех нижестоящих; власти хватило, чтобы привести в трепет [всех] среди морей. [Он] вволю услаждал свой слух и взор; исполнял все свои желания, радовался и веселился до самой смерти. Он — самый большой гуляка и бездельник, какой только был среди людей!

Бесчеловечный также благодаря собранным поколениями богатствам встал на престол — лицом к югу. Его власть не знала невозможного, перед его волей не оставалось непокорных. Во дворце, занимавшем целый *цин* земли, [он] безудержно предавался своим страстям, проводя ночи напролет в плотских наслаждениях. Не утруждая себя ни обрядами, ни долгом, радовался и веселился, пока не был убит. Он — самый буйный и необузданный, какой только был среди людей!

Эти два злодея при жизни вволю насладились, а после смерти приобрели славу безумцев и деспотов. [Дурная] слава, по существу, их миновала. Пусть их позорят, [сами они] о том не ведают, пусть приписывают им зло, [сами они] о том не ведают. Ведь [теперь] они ничем не отличаются от пня или комка [земли].

Хотя тем четверем мудрецам и приписывают все прекрасное,

[они] промучились до конца и [все] одинаково умерли. Хотя тем двум злодеям и приписывают все порочное, они радовались до конца и так же одинаково умерли.

Посетив Лянского царя, Ян Чжу сказал:

— Управлять царством [легко], как повернуть ладонь [кверху]!

— Почему Преждерожденный говорит, что управлять царством [легко], как повернуть ладонь [кверху]? — спросил царь. У [вас], Преждерожденного, жена и наложница, а [вы] не способны с ними справиться; сад в три *му*, а [вы] не способны его прополоть!

— Видел ли государь, как пасут овец? — спросил Ян Чжу. — Если со стадом в сотню голов послать пастушка [ростом] в пять *чи* с плетью через плечо, то [стадо пойдет] на восток, [когда он] захочет на восток; на запад, [когда он] захочет на запад. Пошлите Высочайшего вести на веревке одного барана, а следом за ним Ограждающего с плетью через плечо, и [баран] не двинется вперед. К тому же [я], ваш слуга, слышал о том, почему рыба, глотающая корабли, не заплывает в протоки; [почему] лебедь, взвизгивающийся ввысь, не садится на илистый пруд. Оттого, что возможности их велики. Почему звуки медного колокола и большого колокола не могут сопровождать крикливое действо? Оттого, что звуки у них возвышенные. Это говорит о том, что управляющий великим не управляет малым; одерживающий великие победы не одерживает малых.

Ян Чжу сказал:

— Кто помнит о деяниях далекой древности? ²⁴ [Они] исчезли. Деяния трех владык то ли были, то ли нет; деяния пяти предков [помнятся] то ли наяву, то ли во сне; деяний трех царей, явных ли, тайных ли, из мириада не знаем ни одного. Из происходящих событий — слышал ли о них, видел ли, — из тьмы не узнаешь и об одном; из событий, свершившихся на глазах, — хранятся ли в памяти, забываются ли, — из тысячи не запомнишь и одного. А сколько лет прошло с далекой древности до наших дней, нельзя и считать. Только от времен Готовящего Жертвенное Мясо — триста с лишним тысяч лет. Умные и глупые, красавцы и уроды, победители и побежденные, правдивые и лживые — все исчезли, [различен] лишь срок — медленнее или быстрее. Какова же радость жизни? Гордиться тем, что в какой-то миг тебя славят или поносят? Сжигать свой разум и утруждать свое тело ради посмертной славы на сотни лет? Разве от нее оживут иссохшие кости?

Ян Чжу сказал:

— Человек подобен небу и земле, его природа содержит пять стихий ²⁵. Человек — самый разумный из всех живых существ. Но

у человека когти и зубы²⁶ недостаточно [крепки] для самозащиты, кожа недостаточно [толста] для обороны, движется [он] недостаточно [быстро], чтобы избежать опасности. Не имеет ни шерсти, ни перьев, чтобы защититься от холода и жары. [Ему] приходится кормиться [другими] вещами. По своей природе полагается на разум, а не надеется на силу. Поэтому ценят ум — то, что сохраняет [человека]; силу же презирают — пренебрегают нападением на вещи. Хотя [своим] телом я не владею, но, поскольку рожден, не могу не хранить [его] в целости. Вещами я не обладаю, но, поскольку [они] существуют, не могу без них обходиться. Тело поистине — главное в жизни, вещи — также главное для его прокормления. Хотя [я] сохраняю в целости жизнь и тело, но не могу владеть этим телом; хотя не обхожусь без вещей, но не могу владеть этими вещами. Тот, кто завладевает этими вещами, тот, кто завладевает этими телами, тот в личных [целях] захватывает тела в Поднебесной, тот в личных [целях] захватывает вещи в Поднебесной. Только мудрый, только настоящий человек делает общими тела в Поднебесной, делает общими вещи²⁷ в Поднебесной. Вот такого и назову самым настоящим из настоящих людей.

Ян Чжу сказал:

— Живые люди не знают отдыха по четырем причинам. Первая — долголетие, вторая — слава, третья — ранги, четвертая — богатство. По этим четырем причинам страшатся душ предков, страшатся людей, страшатся властей, страшатся наказаний. Таких назову бегущими от человеческой [природы]. Убьют ли, оставят ли в живых — их судьба решается извне. [Тот же, кто] не идет против судьбы, разве станет жаждать долголетия? [Тот, кто] не кичится знатностью, разве станет жаждать славы? [Тот, кто] не стремится к власти, разве станет жаждать рангов? [Тот, кто] не алчет богатства, разве станет жаждать денег? Такого назову соответствующим человеческой [природе]. В Поднебесной [ему] нет соперников. Его судьба решается изнутри. Поэтому мудрость гласит:

«Служить не станут, свах не позовут.
Забудут половину всех страстей.
Кормить не станут, одевать не станут —
Не будет слуг, не будет государей».

Чжоуская пословица гласит: «Землепашца усадить, что убить!». По утрам уходить, к ночи возвращаться — [он] сам считает неизменным в человеческой природе; бобовую похлебку и коренья считает самыми вкусными [яствами]. Кожа и мясо у него толстые, грубые, мускулы и жилы — твердые, крепкие. [Если бы] однажды утром уложить [его] на нежные меха, среди шелковых занавесей, поднести ему лучшего зерна и мяса, орхидей и мандаринов, в сердце бы [ему закралась] досада, а тело [его охватило] бы беспокойство, внутренний жар вызвал бы болезнь. Поработали бы на земле

наравне с землепашцем шанский и луский цари, прошло бы не много времени, пока [они] не утомились. Поэтому в Поднебесной выше всего то, в чем находит покой человек полей, то, чем наслаждается человек полей! ²⁸

Некогда в царстве Сун жил землепашец. Одевался в очесы конопли, только чтобы зиму провести, а весной, принимаясь за работу, грел спину на солнце. Он не ведал, что в Поднебесной существуют просторные палаты, теплые покои, вата и шелка, [мех] лисиц и енота. И [как-то] сказал своей жене:

— Никто не знает, как греет спину солнце. Если доложу об этом нашему государю, получу большую награду.

— Некогда был человек, похожий на тебя,— рассказал ему сосед, [хозяин] большого дома. — [Он] пристрастился к крупным бобам, полюбил стебли конопли, сельдерей, водяную чечевицу и стал расхваливать эти кушанья перед богачами общины. Богачи общины взяли их, попробовали — во рту загорелось, животы заболели. Все стали над тем человеком смеяться, обижать его, и ему стало очень стыдно.

Ян Чжу сказал:

— Чего еще домогаться во внешнем тому человеку, который обладает богатым домом, прекрасными одеждами, лучшими яствами и красивыми женщинами? Если человек, обладая всем этим, еще чего-то во внешнем домогается, то характер у него ненасытный. Ненасытный характер [точит, как] моль ²⁹, [как силы] жара и холода. Верности [у такого] не хватит, чтобы покоить государя, но хватит, чтобы подвергнуть опасности свое тело; справедливости не хватит, чтобы приносить пользу другим, но хватит, чтобы повредить [собственной] жизни. [Если] служба высшему вызвана не верностью, то утрачивается слава верного; если польза другим вызвана не справедливостью, то исчезает и слава справедливого. Покой для государя и для подданных, польза другим и себе — таково учение древних.

Вскармливающий Медведя сказал:

— Те, кто отказываются от славы, не знают печали.

Лаоцзы сказал:

— Имя <слава> — гость сущности ³⁰, а множество [людей] пекутся о славе без конца. Славу поистине не захотят отбросить! Славу поистине не захотят назвать гостем! Того, кто ныне приобрел имя, почитают и прославляют; того, кто не составил имени, унижают и презирают. Почет и славословия приносят беспечность и наслаждения; унижение и презрение приносят страдания и муки. Страдания и муки попирают [человеческую] природу, беспечность и наслаждения соответствуют [человеческой] природе, и это уже связано с сущностью. Как можно отказаться от славы? Как можно ее

назвать гостем? Только из ненависти к тем, кто цепляется за славу и запутывает сущность. Те, кто цепляется за славу и запутывает сущность, ужаснутся опасности, гибели, но не найдут спасения. Разве дело лишь в [различии] между праздностью и наслаждениями [одних] и страданиями и муками [других]?!

Глава 8

О ПРЕДВИДЕНИИ

Учитель Лецзы учился у учителя Лесного с Чаши-горы, и учитель Лесной сказал:

— Если постигнешь, как держаться позади¹, можно будет говорить и о том, как сдерживать себя.

— Хочу услышать о том, как держаться позади, — ответил Лецзы.

— Обернись, взгляни на свою тень и поймешь.

Лецзы обернулся и стал наблюдать за тенью: тело сгибалось, и тень сгибалась; тело выпрямлялось, и тень выпрямлялась. Следовательно, изгибы и стройность исходили от тела, а не от тени. Сгибаться или выпрямляться — зависит от [других] вещей, не от меня. Вот это и называется: держись позади — встанешь впереди.

Страж Границы сказал Лецзы:

— Слова прекрасны, тогда и отклик прекрасен; слова безобразны, тогда и отклик безобразен. Тело длинное — тень длинная; тело короткое — тень короткая. Имя — отклик, [поступки] тела — тень. Поэтому и говорится:

«Будь осторожен в словах — с ними согласятся.
Будь осторожен в поступках — за ними последуют».

Поэтому-то мудрые люди наблюдали за выходящим, чтобы узнать входящего; наблюдали за прошлым, чтобы узнать будущее. В этом и заключается [естественный] закон предвидения. Мера — в себе самом, а подтверждение <опыт> — в других. Другие любят меня, и я их непременно люблю, другие ненавидят меня, и я их непременно ненавижу. Испытующий и Воинственный любили Поднебесную и стали царями, Разрывающий на Части и Бесчеловечный ненавидели Поднебесную и погибли. Вот это и есть подтверждение [на опыте]. Того, кто без учения хочет понять и меру и подтверждение, сравним с тем, кто выходит, но не через двери, идет, но не по дороге. Разве не трудно будет такому добиться полезного? Когда-то [я] познавал добродетель Священного Земледельца, Владеющего огнем, изучал предания об Ограждающем

и Молодом Драконе, [царствах] Шан и Чжоу, речи законодателей и мудрых [и понял]: не бывало, чтобы без этого учения [могли] определить [причины] существования и гибели, расцвета и упадка.

Янь Хой² спросил:

— Те, кто спрашивает об учении, домогаются богатства. Ныне же [я] обрел жемчужину, значит, разбогател. Какая же выгода от учения?

Учитель Лецзы ответил:

— Удачно [задал вопрос]! Ведь я тебе [об этом] еще не говорил. Разрывающий на Части и Бесчеловечный ценили только выгоду, презирали учение, поэтому и погибли. Человек, [который] не знает долга и только ест, подобен курице или собаке. Те, кто дерется и бодается, вырывая [друг у друга] пищу, и признает победителя вожаком, подобны хищным птицам и зверям. Тот, кто, уподобляясь курице или собаке, хищной птице или зверю, стремится обрести уважение людей, [ничего] не добьется. Если же не обретет уважения, [его] настигнут опасность и позор.

Лецзы учился стрелять³. Попав в цель, попросил [указаний] у Стража Границы. Страж Границы задал вопрос:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Не знаю.

— [Значит], еще не овладел [мастерством].

Лецзы ушел, упражнялся три года и снова [явился] с докладом.

Страж Границы спросил:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Знаю, — ответил Лецзы.

— [Теперь] овладел [мастерством]! Храни и не забывай! Поступай так, [изучая] не только стрельбу, но и себя самого и царство. Ибо мудрый человек познает не существование и гибель, а их причины.

Лецзы сказал:

— Полный красоты — горд, полный сил — необуздан, с ними нельзя говорить об учении. Поэтому [пока] не поседеют, [с ними] не стоит и говорить об учении, а еще менее — о его осуществлении. Необузданному люди не могут советовать. [Если же] люди не могут [ему] советовать, то [он] остается одиноким, без помощников. Умный полагается на людей, поэтому и в старости не дряхлеет, знания [у него] исчерпывающие и беспорядков не возникает. Трудность управления царством не в том, чтобы самому быть умным, а в том, чтобы находить умных.

Некий сунец⁴ за три года вырезал из нефрита для своего государя лист дерева *чу*, такой совершенный — в зубчиках и со стебельком, в жилках и волосках, такой сложный и блестящий, что его нельзя было отличить от настоящих листьев дерева *чу*, даже смешав с ними. Этого человека за его мастерство стало кормить царство Сун.

Услышав об этом, учитель Лецзы сказал:

— Если бы небо и земля, порождая вещи, создавали за три года один лист, то растений с листьями было бы очень мало. Поэтому мудрый человек полагается не на знание и мастерство, а на естественный процесс развития.

Учитель Лецзы попал в нужду и отощал от голода⁵. [Какой-то] гость поведал об этом чжэнскому царю Цзыяну.

— Разве государь, — спросил он, — не прослышет врагом мужей, если постигший учение муж — Ле Защита Разбойников, бедствует в вашем царстве?

Чжэнский Цзыян тотчас велел служителю одарить Лецзы просом.

Учитель вышел к посланцу, дважды поклонился, но [проса] не принял. Посланец удалился.

Лецзы вошел [в дом]. Жена посмотрела на него, стала бить себя в грудь и сказала:

— Слышала [я], что семья человека, постигшего учение, обретает покой и радость. Мы же отощали от голода. Царь дарит [вам], Пржедерожденному, зерна. Разве это не судьба? А [вы], Пржедерожденный, отказываетесь!

Учитель Лецзы улыбнулся и ответил:

— Царь шлет в подарок просо, а сам меня не видел, знает обо мне лишь с чужих слов. Так с чужих слов он обвинит меня и в преступлении. Вот почему я не принял [дара].

А народ и вправду восстал и прикончил Цзыяна.

У [некоего] Ши из Лу было два сына. Один любил науку, другой — военное дело. Любивший науку домогался применить свое искусство у царя Ци. Циский царь взял его в наставники к сыновьям.

Любивший военное дело отправился в Чу и домогался применить свое искусство у чуского царя. Царю он понравился и был назначен военачальником. Жалованье [сыновей] обогатило семью Ши, их ранги принесли знатность всей родне.

У соседа Ши, Мэна, также было двое сыновей. Занимались они тем же, но жили в крайней нужде и завидовали достоянию семьи Ши. [Мэн] пошел к [Ши] узнать, как [сумели они] быстро возвыситься.

Оба сына [Ши] рассказали Мэну все по правде.

Один из сыновей Мэна направился в Цинь, домогаясь применить свою науку у циньского царя.

— Ныне, когда цари всеми силами оспаривают первенство, должно заниматься лишь оружием и провиантом. Если же управлять моим царством с помощью милосердия и справедливости, это приведет его к гибели, — сказал циньский царь, а затем оскопил [пришельца] и прогнал.

Другой сын отправился в Вэй, домогаясь служить вэйскому царю своим военным искусством.

— Мое царство слабое, а должно держаться среди сильных. Стремясь к миру, я служу великим царствам и помогаю малым. Стоит опереться на военную силу, и [нас] встретит лишь гибель. Но если отпустить тебя невредимым, [ты] пойдешь в другое царство и беду мне принесешь немалую, — сказал вэйский царь и, отрубив [пришельцу] ногу, отправил [его] обратно в Лу.

Когда [оба сына] вернулись, Мэн с сыновьями стали бить себя в грудь и поносить Ши.

Ши же сказал:

— Каждый, кто удачно выберет время, преуспее! Каждый, кто упустит случай, пропадет!

Путь твоих [сыновей] был тот же, что и моих, плоды же — иные. Но просчет не в поступке, а в неудачном [выборе] времени. Ведь в мире не бывает законов, всегда правильных; нет дел, всегда неправильных. То, что годилось прежде, ныне, возможно, [следует] отбросить; то, что ныне отбросили, позже, возможно, пригодится. Для того, что пригодно, а что непригодно, нет неизменной истины. Нет [твердой] меры для того, как пользоваться удобным случаем, ловить момент, действовать по обстоятельствам. Это зависит от сообразительности. Если сообразительности недостаточно, так будь благородный муж таким же всезнающим, как Конфуций, таким же стратегом, как Тайгун, он окажется в тупике всюду, куда ни направится.

Гнев Мэна и его сыновей прошел. Они освободились от [чувства] обиды и сказали:

— Не повторяй! Мы все поняли.

Цзиньский царь Прекрасный⁶ выступил на соединение [с союзниками], чтобы напасть на Вэй. Царевич Чу поглядел на небо и рассмеялся.

— Отчего смеешься? — спросил царь.

— [Я], ваш слуга, смеюсь над соседом, — ответил царевич. — [Он] проводил жену к ее родителям, а по дороге заметил женщину, собиравшую [листья] шелковицы. [Она] ему понравилась, и он стал с ней заигрывать. Но тут обернулся и поглядел вслед своей жене: и ее кто-то манил. Над ним ваш слуга и смеется.

Царь понял намек, остановил войско и повел его обратно. Не успел он дойти [до дому], как напали на северную окраину [его царства].

Царство Цзинь страдало от [нападений] разбойников. А жил там Ци Юн⁷, который умел распознать разбойника по внешнему виду. [Он] узнавал, что за человек, приглядываясь [к выражению глаз] между бровями и ресницами. Цзиньский царь послал [его] опознавать разбойников, и [он] не пропустил ни одного из сотни. из тысячи.

В большой радости цзиньский царь сказал Чжао Вэньцзы⁸:

— Зачем [мне] много [людей]? Я отыскал одного [такого] человека, что всем разбойникам в царстве придет конец!

— [Если] мой государь устраивает слежку за разбойниками, то разбойники не переведутся, — ответил Вэньцзы. — А Ци Юн, конечно, умрет не своей смертью.

И тут вдруг разбойники собрались на совет и решили:

— Ци Юн, вот кто довел нас до крайности!

А затем все вместе его убили.

Услышав об этом, цзиньский царь пришел в ужас, тут же призвал Вэньцзы и сказал:

— Верно, [вышло] по-твоему. Ци Юн погиб. Как же захватить разбойников?

— Чжоуская пословица гласит: «Не высматривай рыбу в глубине, — накличешь беду; не считай, сколько людей скрывается, — накличешь гибель!». Ведь [если] государь желает, чтобы не было разбойников, лучше всего приближать умных и на них полагаться. Тогда верхи прозреют, а низы переменятся. Если народ обретет стыд и совесть, кто же пойдет в разбойники?

[Царь] взял в помощники Суй Хоя⁹, и шайки разбойников убежали в Цинь.

Возвращаясь из Вэй в Лу, Конфуций распряг коней и загляделся с моста на реку: струи спадают с высоты в тридцать *жэнь*, водоворот бурлит на девяносто *ли*. [Тут] не могут проплыть ни рыбы, ни морские черепахи, не могут жить ни речные черепахи, ни кайманы.

Какой-то человек собрался переходить [водопад] вброд. Конфуций послал учеников вдоль по берегу, чтобы остановить того человека и [ему] сказать:

— Подумай! Не трудна ли будет переправа? [Ведь] струи спадают с высоты в тридцать *жэнь*, водоворот бурлит на девяносто *ли*. [Тут] не могут проплыть ни рыбы, ни морские черепахи, не могут жить ни речные черепахи, ни кайманы.

[Но] человек не послушался, отправился вброд и вышел [на берег].

— Прекрасно, — сказал ему Конфуций и спросил: — Обладаешь ли секретом входить и выходить [из водопада]?

— Перед тем как войти, [проникаюсь] преданностью и доверием [к воде], — ответил пловец. — Когда же выхожу, опять-таки следую [за течением] с преданностью и доверием. С преданностью и доверием располагаю свое тело на волнах и не смею внести ничего личного. Вот поэтому-то [я] способен и вступить в водопад и из него выйти.

— Запомните это, вы, мои ученики! — сказал Конфуций. — Если действовать с преданностью, доверием, со всей искренностью, то можно сблизиться даже с водой, а тем более — с человеком.

— Можно ли говорить с людьми загадками? — спросил Бэйгун¹⁰ Конфуция, но тот промолчал.

— Если [загадку уподобить] камню, брошенному в реку, [то] что получится? — спросил Бэйгун.

— В царстве У¹¹ прекрасные водолазы, сумеют его выловить, — ответил Конфуций.

— А если [загадку уподобить] воде, налитой в воду?

— Смешали [воду из рек] Цзы и Шэн, но [повар] И Я¹² попробовал и их распознал.

— Значит, нельзя говорить загадками?

— Почему нельзя? Но только понимает ли [смысл] слов [сам] говорящий? Ведь понимающий [смысл] слов не станет говорить словами. У рыбака намокает [одежда], у охотника устают [ноги], но не для удовольствия. Ибо истинные слова — без слов, истинное деяние — недеяние¹³. Ведь то, о чем спорят люди поверхностные, столь незначительно!

Так ничего не добившись, Бэйгун погиб в бане.

Чжао Сянцзы послал Синьчжи Муцзы¹⁴ в поход против племени Фазан. Победив и захватив пленных [из городов] Цзожэнь и Чжунжэнь, [Синьчжи Муцзы] отправил с докладом скорохода.

Сидевший за трапезой Сянцзы опечалился, и [приближенные] слева и справа стали его спрашивать:

— Почему государь опечалился? Ведь за одно утро взяли два города, это так радостно!

— Половодье на реке — только на три дня. «Сильный ветер, проливной дождь — не на все утро»¹⁵. Солнце в зените лишь один миг. В роду Чжао до сих пор еще не бывало столь доблестных деяний. За одно утро взять два города! Уж не погибель ли нам грозит?

Услышав об этом, Конфуций сказал:

— Вот как благоденствует род Чжао! Ведь потому и процветает, что печалится. Погибают же оттого, что радуются. Здесь трудность не в том, чтобы победить, а в том, чтобы победу удержать.

Умный правитель удерживает победу, и поэтому его счастье переходит к последующим поколениям. [Царства] Ци и Чу, У и Юэ одерживали победы, но не постигли, как удержать победу, и в конце концов пришли к гибели. Только правитель, овладевший учением, способен удержать победу.

Силы у Конфуция хватило бы поднять засов ворот царства <столицы>, но [он] не захотел прославиться силой. Готовясь к обороне, Моцзы победил Гуншу Баня¹⁶, но [Моцзы] не захотел прославиться своим военным искусством. Поэтому тот, кто умеет удерживать победу, считает свою силу слабостью.

В одной из сунских семей¹⁷ три поколения подряд совершали милосердные и справедливые дела. И вдруг [у них] в доме без всякой причины черная корова отелилась белым теленком. Спросили об этом Конфуция.

— Это — счастливое предвестие, — ответил Конфуций и велел принести [теленка] в жертву высшему предку.

Прошел год, и отец того семейства беспричинно ослеп. А та корова снова отелилась белым теленком. Отец снова велел сыну спросить [об этом] Конфуция.

— Зачем опять спрашивать? — сказал сын. — Прошлый раз спрашивали, а [ты] потерял зрение.

— Бывает, что предсказание мудреца сначала не оправдывается, а позже оправдается, — ответил отец. — Пока дело еще не кончилось, спроси его снова.

— Это — счастливое предвестие, — сказал Конфуций и опять велел принести [теленка] в жертву.

Сын вернулся, передал совет, и отец ему сказал:

— Выполняй приказ Конфуция!

Прошел еще год. Сын также беспричинно ослеп. А затем чусцы напали на сунцев и окружили их город. Жителям пришлось обмениваться друг с другом сыновьями и [их] есть, раскалывать сухие кости и жечь в очаге¹⁸. Все молодые и сильные сражались на стенах, и погибло их больше половины. А те — отец с сыном — из-за болезни всего этого избежали. Когда же сняли осаду, прошла [у них] и болезнь.

В Сун жил бродячий фокусник, который домогался удивить своим искусством сунского царя Юаня¹⁹. Царь Юань призвал его и велел показать свое мастерство.

Привязав к ногам ходули вдвое длиннее своего тела, [фокусник] на них быстро ходил и бегал, жонглировал семью мечами, которые, чередуясь, летали, и пять из них всегда находились в воздухе.

Восхищенный царь Юань сразу же наградил [фокусника] золотом и шелком.

Услышал об этом другой бродячий фокусник — акробат, умев-

ший смешить до упаду, и стал также домогаться [приема] у царя Юаня.

Царь Юань разгневался и сказал:

— Недавно один фокусник домогался [встречи] со мной. Искусство его бесполезное, но он пришел удачно, когда у меня было хорошее настроение, поэтому [я] и наградил [его] золотом и шелком. А этот, верно, услышал и тоже явился ко мне в надежде получить награду.

[Фокусника] схватили и собирались казнить, [но] через месяц отпустили.

Циньский Мугун спросил Радующегося Мастерству²⁰:

— Нет ли в твоём роду кого-нибудь другого, чтобы послать на поиски коня? Ведь годы твои уже немалые!

— У сыновей [моих, вашего] слуги, способности небольшие. [Они] сумеют найти хорошего коня, [но] не сумеют найти чудесного коня. Ведь хорошего коня узнают по [его] стати, по костяку и мускулам. У чудесного же коня [все это] то ли угасло, то ли скрыто, то ли утрачено, то ли забылось. Такой конь мчится, не поднимая пыли, не оставляя следов.

Прошу принять того, кто [знает] коней не хуже вашего слуги. С ним вместе скованный, [я], ваш слуга, носил коромысла с хвостом и овощами. Это — Высящийся во Вселенной.

Мугун принял Высящегося во Вселенной и отправил на поиски коней.

Через три месяца [тот] вернулся и доложил:

— Отыскал. В Песчаных холмах.

— Какой конь? — спросил Мугун.

— Кобыла, каурая.

Послали за кобылой, а это оказался вороной жеребец.

Опечалился Мугун, призвал Радующегося Мастерству и сказал:

— [Вот] неудача! Тот, кого ты прислал для поисков коня, не способен разобраться даже в масти, не отличает кобылы от жеребца. Какой же это знаток коней!

— Вот чего достиг! Вот почему он в тысячу, в тьму раз превзошел и меня, и других, [которым] несть числа! — глубоко вздохнув, воскликнул Радующийся Мастерству. — То, что видит Высящийся, — мельчайшие семена природы. [Он] овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее. Видит то, что ему [нужно] видеть, не замечает того, чего ему [не нужно] видеть; наблюдает за тем, за чем [следует] наблюдать; опускает то, за чем не [следует] наблюдать. Конь, которого нашел Высящийся, будет действительно ценным конем.

Жеребца привели, и это оказался конь поистине единственный во всей Поднебесной!

Достойнейший, царь Чу²¹ спросил Чжань Хэ:

— Как управлять царством?

— Ваш слуга постиг, как управлять собой, но не постиг, как управлять царством, — ответил Чжань Хэ.

— Я обрел [право] приносить жертвы в храме предков, на алтаре Земли и Проса ²². Хочу научиться, как [его] сохранить.

— [Я], ваш слуга, никогда не слышал о смуте в царстве у того, кто умеет управлять собой; никогда не слышал также о порядке в царстве у того, кто не умеет управлять собой. Поэтому корень в самом себе, а о вершине отвечать не смею.

— Прекрасно! — воскликнул чуский царь.

Старейшина с Лисьего холма задал вопрос Суньшу Гордому ²³:

— Знаешь ли ты о трех людских печалях?

— О каких? — спросил Суньшу Гордый.

— О людской зависти к человеку высокого ранга, о государственной ненависти к человеку на высоком посту, о недовольстве теми, кто получает большое жалованье?

— Могу ли избежать этих трех печалей? — спросил Суньшу Гордый. — Чем выше мой ранг, тем скромнее желания; чем важнее мой пост, тем смиреннее мои думы; чем больше мое жалованье, тем щедрее мои раздачи.

Заболев, Суньшу Гордый перед смертью наказал своему сыну:

— Царь настоятельно хотел пожаловать мне владения, я же не принимал. Когда я умру, царь станет жаловать тебя. Ни в коем случае не бери выгодной земли. Вот есть Холм Усопших между Чу и Юэ. Земля там тощая, и слава о ней ходит недобрая. Чусцы [ее] опасаются из-за душ покойников, а юэсцы из-за предзнаменований. Только ее [и бери]. Ею можно владеть долго.

После смерти Суньшу Гордого царь действительно предлагал его сыну выгодные земли, но сын отказался, не взял и попросил Холм Усопших. Дали [сыну] Холм Усопших, и [его] поныне не утратил [род Суньшу Гордого].

Бык с Изъяном ²⁴, важный конфуцианец с Верхних земель, спустился в Ханьдань и в Песках встретил разбойников. [Они] отобрали у него все: одежду, поклажу, повозку, буйвола, — [и он] пошел пешком. Посмотрели на него [разбойники]: [он] весел, нисколько не печалится о потере. Разбойники догнали [его] и спросили, почему [он] весел?

— Благородный муж не станет причинять вред своему здоровью из-за средств к жизни, — ответил Бык с Изъяном.

— Ох, и умен же! Лучше его убить! — воскликнули разбойники и стали советовать. — Ведь [если] такой умник увидится с чжао-ским государем, скажет о нас, будет нам беда! — Все вместе догнали его и убили.

Услышал об этом один янец, собрал свой род и всех предостерег:

— Встретите разбойников, не поступайте, как Бык с Изъяном с Верхних земель.

И все согласились с его наставлением.

Вскоре его младший брат отправился в Цинь и, приближаясь к заставе, действительно повстречал разбойников. Помня наказ старшего брата, стал драться, но не осилил да еще побежал следом, униженно прося [вернуть] вещи.

— Мы великодушно оставили тебя в живых, а [ты] без конца гонишься за нами, наводишь на [наш] след, — разгневались разбойники. — Какое уж тут милосердие, раз мы разбойники! — И убили его, а также загубили четверых или пятерых близких ему людей.

Юй был лянским богачом. Дом [его] был полон гостей и изобилия: деньги и шелка не меряны, имущество и товары — не считаны. Восходя на высокую башню у дороги, [он] устраивал пиры — играла музыка, стучали кости.

[Под башней] прохаживались удальцы. На башне раздался смех — [какой-то] игрок, попав в красный нефрит, выиграл две рыбы. А тут в удальцов попала дохлая крыса²⁵, которую уронил пролетающий коршун, и они стали друг другу говорить:

— Юй давно уже наслаждается богатством и презирает других. Мы его не трогали, а [он нас] оскорбил, [кинув] дохлую крысу. [Если] не отомстим и за это, что же останется от нашей отваги? Позовем на помощь таких же, как мы, оскорбленных, поведем всех и наверняка уничтожим его семью, чтобы уравнять отношения между людьми.

Все согласились. Ночью в назначенный день, раздобыв оружие, вся ватага поднялась, напала на Юя и уничтожила [его] со всей семьей.

На востоке жил человек, которого прозвали Старейшим под Знаменем Осторожных²⁶. Стал он умирать от голода на дороге. Заметил [его] разбойник из Лисьих Отцов, по имени Цю, принялся кормить его кашей и поить вином.

Трижды глотнув, Старейший из Осторожных, открыл наконец глаза.

— Кто ты? — спросил он.

— Я — Цю, из Лисьих Отцов.

— Ох! Не разбойник ли ты? Зачем меня кормишь? Мой долг — не принимать от тебя пищи. — Старейший из Осторожных оперся руками о землю и попытался извергнуть пищу, [но] ничего не вышло. Закашлялся, упал и умер.

Человек из Лисьих Отцов был разбойником, но кормил не награбленным. Тот, кто боится есть, думая, что, съев украденное, сам станет вором, не понимает ни названия, ни сущности.

Опора Жестоких²⁷ служил у цзюйского царя Надменного. Считая, что [царь] его не ценит, [он ушел], поселился у моря, летом питался водяными каштанами [и зернами лотоса], зимой кормился желудями <знак неразборчив — Л. П.>. Когда же с царем Надменным случилась беда, Опора Жестоких задумал умереть за него и стал прощаться с друзьями.

— Ты же сам считал, что [царь] тебя не ценил, поэтому и ушел. Ныне же отправляешься, чтобы [за него] умереть. Значит, безразлично, ценят [тебя] или не ценят?

— Нет, — ответил Опора Жестоких. — Сам я считал, что [меня] не ценили, поэтому и ушел. Ныне умру, и это [докажет], что действительно не ценили. Я умру за него, чтобы посрамить тех будущих правителей, которые не [сумеют] ценить своих слуг. И проложу прямой путь: каждый будет умирать за того, кто его ценил, и не станет умирать за того, кто его не ценил.

Опору Жестоких можно назвать упорным до самозабвения.

Ян Чжу сказал:

— Тот, кто исходит из выгоды, достигает плодов; того, кто исходит из недовольства, настигают беды. Проявление внутри [себя] и отклик извне — это лишь чувства. Но именно поэтому умный осторожен в проявлениях.

У соседа Ян Чжу пропал баран²⁸. Чтобы его найти, сосед поднял на ноги общину, попросил и у Ян Чжу его мальчиков-рабов.

— Ох! Зачем так много людей для поисков одного барана? — спросил Ян Чжу.

— На дороге много развилок, — ответил сосед.

— Отыскали барана? — спросил Ян Чжу, когда [они] вернулись.

— [Нет]! Пропал!

— Почему же пропал?

— После [каждой] развилки на дорогах еще развилки. Мы не знали, по которой [баран] ушел, поэтому и вернулись.

От огорчения Ян Чжу изменился в лице и умолк надолго. За весь день ни разу не улыбнулся. Удивляясь, ученики попросили дозволить им задать вопрос:

— Почему [вы] перестали говорить и улыбаться? Ведь баран — скотина дешевая, да он и не принадлежал учителю.

Ян Чжу не ответил, и они [ничего] не поняли.

Ученик Мэнсунь Ян вышел и поведал обо всем Судье Столицы. На другой день Судья вместе с Мэнсунь Яном вошел [к учителю] и спросил:

— [Решите], кто из трех братьев прав, а кто неправ. Некогда они странствовали по Ци и Лу, учились у одного наставника. Постигнув учение о милосердии и долге, вернулись домой.

— Каково учение о милосердии и долге? — спросил их отец.

— Милосердие и долг велят мне беречь самого себя, а затем свою славу, — ответил старший.

— Милосердие и долг велят мне стремиться к славе, даже убивая самого себя, — ответил средний.

— Милосердие и долг велят мне сохранить и жизнь и славу, — ответил младший.

Все трое учились в одной школе, а понимание у каждого свое.

— А как вы решите, на чьей стороне истина [в следующей истории]? — спросил Ян Чжу. — Перевозчик, который живет на берегу реки, привык к воде, смело плавает и управляет лодкой. На переправе зарабатывает столько, что кормит сотню ртов. [И вот], захватив с собой провизию, к нему приходят учиться, но чуть ли не половина учеников тонет. Учились, собственно говоря, плавать, а не тонуть. Вот какой вред причинило многим то, что принесло одному такую огромную пользу!

Судья Столицы молча вышел, а Мэнсунь Ян стал его укорять:

— Зачем ты задал такой далекий [от темы] вопрос? Учитель ответил так же туманно. Я еще больше запутался.

— Увы! Ты вырос вблизи Преждерожденного, упражняясь в его учении, и так плохо его понимаешь! — ответил Судья. — [Если] баран пропал оттого, что на дороге много развилок, то философы теряют жизнь оттого, что наука многогранна. [Это] не означает, что учение в корне различно, что корень [у него] не один; но [это показывает], как далеко расходятся [его] ветви. Чтобы не погибнуть и обрести утраченное, необходимо возвращение к общему [корню], возвращение к единству.

Младший брат Ян Чжу по имени Бу отправился, надев белое платье. Пошел дождь. [Он] снял белое и сменил его на черное. [Когда же] вернулся домой, собака его не узнала и встретила лаем. Ян Бу рассердился и хотел прибить собаку.

— Не бей! — сказал ему Ян Чжу. — Разве ты сам не удивился бы, если бы собака ушла белой, а вернулась черной? Ты поступил бы так же, [как она].

Ян Чжу сказал:

— Творят добро не ради славы, а за добром следует слава. [Творят ради] славы, не ожидая наживы, а за славой следует нажива. [Творят ради] наживы, не ожидая тяжбы, а за наживой следует тяжба. Вот почему благородный муж должен остерегаться творить добро ²⁹.

В старину жил проповедник, учивший, как познать путь к бессмертию. Яньский царь послал за ним, [но] посланец не спешил, и тот проповедник умер. Яньский царь сильно разгневался и собрался было казнить посланца, когда любимый слуга подал царю совет:

— Люди более всего боятся смерти, более всего ценят жизнь. [Если] сам проповедник утратил жизнь, как мог бы он сделать бессмертным царя?

[Посланца] пощадили.

Цицзы также хотел научиться бессмертию и, услышав, что проповедник умер, стал бить себя в грудь от досады. Услышал об этом Богач и принялся над ним смеяться:

— Сам не знает, чему собрался учиться. Ведь тот, у кого хотели научиться бессмертию, умер. Чего же он огорчается!

— Богач говорит неправду! — сказал Хуцзы. — Бывает, что человек, обладающий средством, не способен его применить; бывает также, что способный применить средство им не обладает. Некий вэец прекрасно умел считать. Перед смертью [он] передал сыну свой секрет в виде притчи. Сын слова эти запомнил, а применить их не сумел. [Он] передал слова отца другому человеку, который у него спросил. И тот человек применил секрет не хуже, чем это делал покойный. Вот так [и с бессмертием]! Разве умерший не мог рассказать о том, как познать путь к бессмертию?

Народ Ханьдани в день Нового года подносил Цзяньцзы³⁰ горлиц. В большой радости Цзяньцзы щедро всех награждал.

— Зачем? — спросил гость.

— Проявляю милосердие — отпускаю [птиц] на волю в день Нового года.

— Всем известно желание царя отпускать [птиц] на волю, оттого и ловят горлиц, соревнуясь и убивая [при этом] тьму [птиц]. Если царь хочет оставить горлиц в живых, пусть лучше запретит их ловить. [Если же] отпускать на волю пойманных, спасенные из милосердия не восполнят числа убитых.

— Верно! — согласился Цзяньцзы.

Тянь, царь Ци, принес жертву и угощал при дворе тысячу гостей. [Когда] всем сидевшим в центре стали подносить гусей и рыбу, царь посмотрел на пирующих и, вздохнув, сказал:

— Как щедро Небо к народу! Для нас оно размножает злаки, плодит рыб и птиц.

Все гости, соглашаясь с ним, откликнулись, точно эхо. [Но] из второго ряда выступил двенадцатилетний сын Дубильщика. Он вышел вперед и сказал:

— Так ли говоришь, государь? Небо и земля порождают тьму существ так же, как и нас. Среди созданий нет ни благородных, ни презренных. Одни властвуют над другими только потому, что больше, сильнее и умнее их. Одни пожирают других, но не потому, что те рождены быть съеденными. Разве небо создает существа³¹ на потребу человеку? Нет, человек сам выбирает их себе в пищу. Комары и москиты, впиваясь в тело человека, сосут его кровь; тигры и волки его пожирают. Так неужели же небо породило человека для того, чтобы комары и москиты сосали его кровь, а тигры и волки его пожирали?!

В Ци жил нищий, который постоянно просил подаяния на городском базаре и так всем надоед, что никто ему больше не подавал. Тогда бедняга отправился на конюшню рода Тянь, стал подручным у коновала, после которого и доедал.

Жители предместья принялись над ним издеваться:

— Какой позор доедать после коновала!

Побирушка же отвечал:

— Нет на свете большего позора, чем нищенство. Если [я] не стыдился просить, что же [мне] стыдиться коновала³².

Некий сунец шел по дороге и подобрал брошенную [кем-то] бирку <с договором>. Вернувшись домой, [сунец] спрятал бирку, таясь пересчитал [на ней] зарубки и похвастался перед соседом:

— Меня ожидает богатство!

У одного человека засох платан³³, и старик-сосед ему сказал:
— Сухой платан — предвестник беды!

Тот человек поспешно срубил дерево, а старик-сосед попросил себе дерево на дрова.

Опечалился тот человек и сказал:

— Вот какой у меня сосед! Ну и хитер же! Ведь ему только и хотелось дров, потому и научил меня срубить дерево!

Пропал у одного человека топор³⁴. Подумал он на сына своего соседа и стал к нему приглядываться: ходит, как укравший топор, глядит, как укравший топор, говорит, как укравший топор, — [словом], каждый жест, каждое движение выдавали в нем вора.

Но вскоре тот человек стал вскапывать [землю] в долине и нашел свой топор. На другой же день снова посмотрел на сына своего соседа: ни жестом, ни движением не походил [он] на вора.

Бэйгун Шэном завладела мысль о мятеже. После приема [у царя] он стоял, опираясь на перевернутый посох. Острие посоха прокололо ему щеку, кровь стекала на землю, а он ничего не заметил.

Услышали об этом чжэнцы и стали говорить:

— [Если] забыл о своей щеке, способен забыть обо всем. Пойдет — наткнется на бревно, свалится в яму или ударится головой о дерево. Захвачен одной мыслью и больше ни на что не обращает внимания.

Когда-то одному цисцу очень хотелось золота³⁵. Утром пораньше одел он платье и шапку, отправился на базар, подошел прямо к меняле, схватил золото и кинулся прочь.

Поймав его, стражник спросил:

— Как мог ты украсть чужое золото? Ведь кругом были люди!

— Когда я брал, никого не заметил, видел лишь золото,— ответил цисец.

ЧЖУАНЦЗЫ &

Глава 1

СТРАНСТВИЯ В БЕСПРЕДЕЛЬНОМ

В Северном океане водится рыба, имя ей — Кит¹. Сколько тысяч *ли* он величиной — неведомо. [Этот Кит] превращается в птицу, имя ей — Феникс. Сколько тысяч *ли* длиной его спина — неведомо. В гневе [он] взмывает [к небесам], распростертые крылья его — точно нависшие тучи. Феникс делает круг над водой и перелетает на Южный океан. Южный океан — это Небесный водоем.

Повествуя о чудесах, Шутник из Ци² говорил:

— Когда Феникс перелетает на Южный океан, волны вздымаются на три тысячи *ли*. Обопрется о вихрь и взлетает на девяносто тысяч *ли*. Улетев, шесть лун³ отдыхает.

Дикие кони⁴ вздымают пыль <испарения>. Живые существа овевают друг друга дыханием. Лазурь неба — подлинный ли его цвет? Оно далеко и нет ему предела. Также и Феникс — глядит вниз и только.

При малой глубине воде не под силу поднять большой корабль. Налей воды в ямку на полу, и горчичное зернышко в ней окажется лодкой. Помести туда чашку, и она встанет на дно — здесь слишком мелко для большого корабля.

Если ветер слаб, ему не под силу поддержать огромные крылья. Чтобы подняться на девяносто тысяч *ли*, ветер должен дуть снизу, а тогда уже можно на него опереться. Когда над [Фениксом] только синее небо, его ничто не может остановить, и он устремляется на юг.

Цикада и Горлица, посмеиваясь над ним, щебетали:

— Мы быстро поднимаемся и взлетаем на вяз, на сандаловое дерево, а иногда не долетим и снова опускаемся на землю, вот и все. Для чего же взлетать на девяносто тысяч *ли* и отправляться на юг? [Другое дело] — летишь на зеленые поля, клюнешь три раза и возвращаешься сытым. Когда отправляешься за сотню *ли*, запасайся зерном на сутки. Когда отправляешься за тысячу *ли*, запасайся кормом на три месяца.

Как понять это Цикаде и Горлице! Малому знанию далеко до большого⁵. За короткую жизнь не узнать того, что за долгую. Как постичь, что это истина? Утреннему Чудесному грибу <однодневке> неведомо, что после ночи настанет рассвет, пятнистой цикаде неведомо, что бывают и весна и осень. Таковы [знания] краткой жизни. А на юге области Терновник растет дерево Душ Обителю Мрака. Пятьсот лет [для него] длится весна, пятьсот лет — осень. В далекой древности было дерево Отец. Восемь тысяч лет [для него] длилась весна, восемь тысяч лет — осень. А ныне Пэн Цзу прославился своим долголетием. Не печально ли, что все считают его единственным? Именно об этом и спрашивал Испытующий у Кожаного Щита.

На Крайнем Севере, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина-океан. Это — Небесный водоем. [В нем] водится рыба шириной в несколько тысяч *ли*, а сколько *ли* она длиною — неведомо. Имя ей — Кит. Водится там птица, имя ей — Феникс. Спина у него точно гора Великая, распростерты крылья — точно нависшие тучи. Оперевшись [о волны] и раскачавшись, он взвивается по спирали на [высоту] девяносто тысяч *ли* — туда, где нет ни облаков, ни воздуха, над ним — лишь небесная синь, а затем устремляется на юг, к Южному океану.

— И куда он стремится? — усмехнулась перепелка на болоте. — Я подпрыгну, взлечу, а через несколько *жэней* опущусь. Порхать между кустиками полыни — вот предел полета. Куда же он стремится?

Вот в этом и заключено различие между малым и великим! [Перепелке] и уподобляется тот, чьих знаний хватает для [какой-то] одной службы, кто связывает свою деятельность с [какой-то] одной областью, а свое достоинство — с [каким-то] одним правителем и способен управлять лишь одним царством.

А сунец — Муж Чести⁶ высмеял подобных людей. Всемирная слава его бы не воодушевила, всемирный позор ему бы не помешал. Он отделил внутреннее от внешнего, [установил] отличие славы от позора, и этим закончил. В мире немного найдется таких, как он, однако и он еще не утвердился.

Лецзы передвигался, управляя ветром, спокойно и искусно десять и еще пять дней, а затем возвратился. Он достиг высшего счастья, таких немного найдется. Хотя [он] мог обойтись без ходьбы, но все же [в передвижении] от чего-то зависел. А разве придется от чего-то зависеть, если оседлать сущность природы, управлять развитием [всех] шести явлений⁷, чтобы странствовать в беспредельном? Поэтому и говорится: «Для настоящего человека нет [собственного] „я“⁸, для прозорливого нет заслуг, для мудрого нет славы».

Высочайший, уступая Поднебесную Никого не Стесняющему, сказал:

— Я вижу свои недостатки и прошу [вас] принять Поднебесную. Разве не следует погасить факел, когда восходит солнце или луна? Ведь его свет все равно померкнет! Разве следует орошать поле во время дождей? Ведь труд [этот] будет напрасным! Зачем мне занимать трон, если вы взойдете на него и в Поднебесной воцарится порядок?

— Вы управляете Поднебесной, и в ней царит порядок, — ответил Никого не Стесняющий. — Мне заменить вас только ради имени? Ради того, чтобы стать гостем? Ведь имя относится к сущности, как гость к хозяину! Королек вьет гнездо в лесной чаще, но [занимает] лишь одну ветку. Крот пьет из реки, но лишь столько [воды], сколько вместится в желудке. Оставьте [это] и возвращайтесь, государь! Мне нечего делать с Поднебесной. Если повар не приготовил кушанья, Покойник⁹ и жрец не станут его заменять и подносить чаши с жертвенными яствами.

Цзянь У¹⁰ сказал Лянь Шу¹¹:

— Я внимал Встречающему Колесницы¹². [Он] велик и бесконечен, отправился и не вернулся. Я удивился его рассказу: [ему] нет предела, точно Млечному пути. [Он] так далек от мира и человеческих чувств.

— О чем же он рассказывал? — спросил Лянь Шу.

— Далеко-далеко на горе Охотниц-прорицательниц живут бессмертные. Кожа [у них] словно снег, красота подобна девичьей. [Они] вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Оседлав облака и воздух, управляя летящими драконами, странствуют за пределами четырех морей. Душевные силы у них сосредоточены, поэтому не бывает ни мора, ни болезней, урожай зерна [всегда] обилен. Я принял его за безумца и [ему] не поверил.

— Да, — заметил Лянь Шу. — Слепому не познать красоты орнамента, а глухому — звуков колокола и барабана¹³. Но разве слепыми и глухими бывают лишь телесно? Бывают [глухи и слепы] разумом, как ты, судя по твоим словам. [А] человек с подобными свойствами рассматривает в единстве весь хаос, [всю] тьму вещей. Разве стал бы [он] трудиться над управлением Поднебесной, даже если бы люди [его] просили спасти от смуты? Такому человеку ничто не может повредить, [он] не утонет даже [при потопе], когда вода поднимется до самого неба, не сгорит даже в великую засуху, когда расплавятся металлы и камни, обуглятся земля и горы. Из пыли и сора, оставшихся после него, можно сформовать таких, как Высочайший и Ограждающий. Разве согласится такой человек заниматься делами?!

Сунец приехал в [царство] Юэ торговать шляпами, а юэсцам шляпы не нужны¹⁴, ибо они стригут волосы и татуируют тело.

Высочайший правил народом Поднебесной и навел порядок [в стране] среди морей, [а затем] отправился навестить четырех учителей¹⁵ на далекой горе Охотниц-прорицательниц. Но на юге от реки Фыншуй в глубоком уединении [он] забыл про свою Поднебесную.

Творящий Благо¹⁶ сказал Чжуанцзы:

— Вэйский царь подарил мне семена большой тыквы-горлянки. Я посадил их и собрал тыквы, которые вмещают по пять *дань*¹⁷. Огромные, а что в них проку? Для воды и сои они оказались слишком хрупкими; разрубленные на ковши, они оказались слишком мелкими. Я решил, что они бесполезны¹⁸, и их порубил.

Чжуанцзы ответил:

— Вы, конечно, не сумели придумать, что делать с огромными [тыквами], как [тот] сунец, который обладал прекрасным снадобьем для рук, чтобы кожа на них не потрескалась. Пользуясь этим снадобьем, [в его семье] из поколения в поколение занимались промыванием шелковой пряжи. Об этом услышал чужеземец и предложил за рецепт сотню золотом. Собрав весь род на совет, сунец сказал:

— Из поколения в поколение мы промывали шелковую пряжу, но получали совсем немного денег. А сегодня за одно утро можем выручить сотню золотом. Давайте продадим ему [снадобье].

Чужеземец получил рецепт и поведал о нем царю У. Когда же юэсцы оказались в тяжелом положении, царь У сделал владельца рецепта полководцем. Тот вступил с юэсцами зимой в морское сражение, разбил их наголову, отнял у них землю и получил ее в награду.

Снадобье было все то же, а воспользовались им по-разному: один с его помощью лишь промывал пряжу, а другой сумел получить землю.

Ныне у вас были тыквы-горлянки, вмещавшие по пяти *даней*. Зачем было печалиться, что ковши из тыквы мелкие? Почему бы не связать [тыквы в] большой плот и не плавать по рекам и озерам? Ах, как вы не сообразительны!

Творящий Благо сказал:

— У меня есть большое дерево, которое называется Вонючий ясень. Его ствол распух от наростов и не поддается [работе с] отвесом. Его ветви такие изогнутые и скрюченные, что не поддаются [работе с] циркулем и наугольником. Стоит у дороги, а плотники [на него] не смотрят. Так и ваши слова велики, но бесполезны, никто их не принимает.

— Не замечали ли вы,— ответил Чжуанцзы,— как, прижавшись [к земле], лежит в засаде лиса или дикая кошка и подстерегает беззаботную жертву? [Но], прыгая то на восток, то на запад, то вверх, то вниз, [сами они] попадают в ловушки, умирают в сетях. А вот як — велик, словно обложившая небо туча, но при огром-

ной силе ему не схватить и мыши. Вас заботит, что большое дерево не приносит пользы? Но зачем так печалиться? Почему бы не пересадить его в бесплодную местность, в широкую степь? Около него будут блуждать в недеянии, под ним будут спать в скитаниях. [Дерево] не погибнет раньше времени ни от топора, ни от секиры. Не принося никому пользы, оно не принесет и вреда.

Глава 2

О РАВЕНСТВЕ ВЕЩЕЙ

Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья¹ сидел, облокотясь о стол, отрешась от всего, смотрел вверх и тихо дышал, словно отсутствовал. Странник Красоты Совершенной, стоявший в ожидании перед ним, спросил:

— Как же так? Неужели верно, что телом можно уподобиться сухому дереву, а сердцем — угасшему пеплу?² [Ведь] тот, кто сидит, облокотясь о стол, сейчас, уже не тот, кто сидел, облокотясь о стол, ранее!

— Как хорошо [ты] спросил, Странник! — сказал Владеющий Своими Чувствами. — Понял ли ты, что сегодня я отрешился от самого себя? [Когда] ты услышал свирель человека, не знал еще, что такое свирель земли; [когда] услышишь свирель земли, еще не будешь знать, что такое свирель вселенной.

— Дозвольте спросить, как это узнать? — продолжал Странник.

— Вздохнет земля и говорят, что [подул] ветер. Сейчас он стих. А заиграет — яростно завоюет сквозь тьму [земных] отверстий. Разве тебе не [случалось] слышать [подобные] голоса? Ущелья гор, массивы лесов, ямы от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов, подобны носу, рту, ушам; подобны перекладинам, оградкам, ступкам, подобны то стремительному потоку, то стоячей воде. Одни — бурлят, как поток, другие — свистят, как стрела, у одних — шумный выдох, у других — тихий вдох, [голоса] высокие, низкие, [звуки] протяжные, отрывистые. Одни запевают, другие подхватывают. Прохладный ветерок — малый хор, а вихрь — хор огромный. Утихнет буйный ветер, и все отверстия опустеют. Разве не слышал последних вздохов затихающего ветра?

— Свирель земли создается всеми ее отверстиями, [как] свирель человека³ — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель вселенной? — сказал Странник.

— [В ней] звучит тьма ладов и каждый сам по себе, — ответил Владеющий Своими Чувствами. — Все [вещи] звучат сами по себе⁴, разве кто-нибудь на них воздействует?!

[Обладающий] большими познаниями — щедр, [обладающий] малыми познаниями — любопытен. В значительной речи — сила

и огонь, в незначительной речи — пустословие. Во сне⁵ — воспринятое душой, наяву — воспринятое телом. В отношениях [людей друг с другом] и [в их] союзах ежедневно происходит борьба умов. [Здесь и] нерешительные, скрывающие, умалчивающие, при малых опасностях — осторожные, при больших опасностях — медлительные. Речи одних стремительны, точно полет стрелы, они решают, [что] истинно, [а что] — ложно. Другие молчат, точно принесся клятву в военном союзе, стоят на своем во имя победы. Речи третьих подобны осеннему и зимнему увяданию — с каждым днем [они] слабеют. Речи четвертых обращены к [уже] содеянному, их не ствлечь [от прошлого]. Выражения избитые, точно привязанные к старому руслу, [у таких] не оживить умирающее сердце. [Подобно] мелодиям, которые появляются из пустоты, грибам, образующимся из испарений, сменяют друг друга и днем и ночью радость и гнев, печаль и веселье, заботы и вздохи, изменчивость [чувств] и постоянство, беспечность и расточительность, любовь и распутство. Что их создает — неведомо. Не прекратить ли? Не кончить ли? [Но ведь] обретаем это и утром и вечером. Какая же причина [все] это порождает?

[Если бы] не было других⁶, не было бы и меня; [если бы] не было меня, некому было бы воспринимать — это уже близко [к объяснению причины], хотя и неизвестно, что к этому побуждает. Должен бы поистине быть руководитель, но о нем не найти свидетельств. [Если] способен действовать, то поверишь и не видя формы? Обладать ощущениями, не обладая формой?

Существует единое целое из сотни костей, девяти отверстий и шести внутренних органов⁷. Которые из них тебе ближе? Все ли они тебе нравятся? Отдаешь ли какой-либо [части тела] предпочтение? Все ли они — [твои] слуги и служанки? Достаточно ли слуг и служанок, чтобы управлять друг другом? Сменяют ли [они] один другого, как государь и слуги? Существует ли среди них поистине государь? Найдем [мы] его или не найдем, это не принесет ему ни пользы, ни ущерба.

Законченную форму [тела] до самой смерти нельзя губить. Ее действия в столкновениях с вещами либо в гармонии с ними истощают ее, точно коня в стремительном беге, которого ничто не может остановить. Как это печально! Как страшно всю жизнь трудиться, но не увидеть плодов своего труда; изнемогая, выполнять поручения и не знать, когда вернешься! Какая польза от того, что люди называют это бессмертием? Как скорбно, что тело, а вместе с ним и сердце превратится в прах!

Действительно ли столь неразумна жизнь человека? Только ли я неразумен? Есть ли среди людей и разумные? Ведь учат, следуя сложившимся взглядам, у кого же нет [такого] наставника? Вряд ли [они] углубляют знания. Есть и такие, которые сами выбирают [себе] взгляды, среди них — и глупцы. Человек с еще не созревшими взглядами, утверждающий, [что] истинно, [а что] ложно, уподобляется тому, кто, отправившись сегодня в Юэ, утверждает, что

пришел в Юэ вчера⁸. Это означает выдавать несуществующее за существующее. А как сделать несуществующее существующим, не знал даже священный Молодой Дракон, откуда же [знать] мне?

Речь⁹ — не [просто] дыхание. Говорящий произносит слова, но то, о чем он говорит, совершенно неопределенно. Действительно ли существует речь? Или никогда не было речи? Считают ее иной, чем чириканье птенца, но отличается она от чирикания или не отличается? Насколько же скрыт путь, если [могли] появиться истина и ложь, насколько же темны речи, если [могли] появиться правда и неправда! Путь повсюду, где же его нет! Речь существует, чего же она не способна [выразить]? Путь затемняют ничтожные учения. Речь затемняют цветистые [выражения]. Поэтому и пошли споры между конфуцианцами и моистами: одни утверждают то, что другие отрицают, и отрицают то, что другие утверждают. Чтобы это понять, лучше всего утверждать то, что они отрицают, и отрицать то, что они утверждают.

[Каждая] вещь — это «я», [но каждая] это и «не-я»¹⁰. Каждый не видит свое «не-я», но поймет это [лишь] познав себя [как «не-я»]. Поэтому и говорится: «не-я» появляется из «я», а «я» также — следствие «не-я». Учение гласит: «я» и «не-я» выявляются в сравнении друг с другом. И даже жизнь [возникает] тогда, когда [возникает] смерть, когда же [возникает] смерть, [возникает] и жизнь; когда [появляется] возможность, [появляется] и невозможность, когда [появляется] невозможность, [появляется] и возможность; правда [рождает] неправду, неправда [рождает] правду. Поэтому мудрый не следует за ними, исходящими из «я», а сообразуется с природой. «Я» — это также «не-я», «не-я» это также «я». У «я» свои правда и неправда, у «не-я» также свои правда и неправда. Действительно ли существует [различие между] «я» и «не-я»? Действительно ли не существует [различия между] «я» и «не-я»? [Пока] «я» и «не-я» не стали парой [противоположностей], их называют осью <сущностью> пути, сущность приобретает центр, который соответствует бесконечности. Поэтому и говорится: чтобы понять, лучше всего утверждать, что у правды — своя бесконечность, у неправды также своя бесконечность.

Сравнивая свойство со свойством¹¹, отрицают, [что это] свойство; но лучше отрицать, [что это] свойство, сравнивая свойство не со свойством. Сравнивая коня с конем, отрицают, [что это] конь; но лучше отрицать, [что это] конь, сравнивая коня не с конем. [Как] со свойством, [так и] со вселенной. [Как] с конем, [так и] с тьмой вещей. Возможное — возможно, невозможное — невозможно. Путь действует и создает; вещи называют и таковыми [являются]. Каковы же [они]? Таковы, какими являются. Не каковы [они]? Не таковы, какими не являются. В [каждой] вещи, конечно, есть то, чем она является; у [каждой] вещи, конечно, [свои] возможности. Нет вещи, лишенной того, чем она является; нет вещи, ли-

шенной возможностей. Путь же поэтому объединяет в единстве и балку и столб, и уродину и [красавицу] Си Ши¹² и великодушные и коварство, и странное и чудовищное. Разделение их создает, а создание разрушает. Каждую вещь, созданную либо разрушенную, снова объединяет единство. Но лишь постигший [путь] понимает, как объединяются [вещи] в единстве, видит [в них] общее и обычное, не используя [их] для [собственного] «я». В обычном их польза, в пользе — общее, в общем — самоудовлетворение, в самоудовлетворении — близость к концу. Пусть заканчивается [их собственное] «я», приходит к концу, не ведая об этом, и означает [единство] с путем.

Утруждать свою душу и разум ради единства, не понимая этого единства, называется [по притче] «Утром три». Почему же называется «Утром три»? [Вот отчего]. Обезьяний Царь, раздавая каштаны, спросил:

— [Хватит ли] утром по три, а вечером по четыре?

Тут все обезьяны разгневались.

— Тогда утром по четыре, а вечером по три? — спросил он.

И все обезьяны обрадовались.

Так, следуя за «я» обезьян, [кормивший их] сумел вызвать то гнев, то радость, оставив сущность и название неизменными.

Так мудрый объединяет [их] в правде и неправде и отдыхает в равновесии природы. Это и называется двумя рядами <удовлетворением и «я» и «не-я»>.

Некоторые древние в [своих] познаниях достигли предела. Каков же предел? Сперва считали, что вначале не было [отдельных] вещей, — это предел исчерпывающий, к нему нельзя ничего добавить. Затем считали, что [отдельные] вещи существовали¹³, но еще не знали, как они разграничивались. Далее считали, что разграничение было, но еще не знали, [что] существует истина и ложь. С появлением [понятия] об истине и лжи, [пониманию] пути был нанесен ущерб. С ущербом, нанесенным [пониманию] пути, образовалась любовь <пристрастие>. Был ли действительно нанесен ущерб [пониманию пути]? Образовалось ли действительно [пристрастие]? Не был действительно нанесен ущерб [пониманию пути]? Не образовалось действительно [пристрастие]? Был нанесен ущерб, образовалось пристрастие, и поэтому Чжао Прекрасный¹⁴ играл на *цине*. Не был нанесен ущерб, не образовалось [пристрастие], и поэтому Чжао оставил игру на *цине*.

[Когда] Чжао Прекрасный играл на *цине*, Наставник Куан отбивал такт, Творящий Благо [держал речь], опираясь о платан. Знания [этих] трех мастеров были близки [к совершенству], особенно прекрасны, поэтому [легенды] о них передавали до последних лет. Но, любя свое искусство, отличались этим от других; любя свое искусство, стремились с его помощью просветить других. Просвещали непросвещенных, а поэтому дошли в конце концов до

темного [суждения] о твердом и белом¹⁵. Их же ученики продолжали [эти] хитросплетения [лишь] внешне и до конца жизни не [добились] совершенства. Если таких можно назвать совершенными, то даже меня [можно считать] совершенным. Если таких нельзя назвать совершенными, то ни меня, ни другого нельзя [считать] совершенным. Чтобы поняли это, скажу: оттого-то мудрый и стремится осветить хаос с помощью не [собственного] «я», а обычного и общего.

Ныне придется здесь кое о чем сказать. Не знаю, будут ли эти слова однородны с [моим] «я» или не будут? [Но] однородное с [«я»], взятое вместе с неоднородным, становится однородным, а поэтому не будет отличаться от «не-я». Несмотря на все это, попробую высказаться:

— Существует начальное¹⁶, существует еще не начавшееся начальное, существует и никогда не начинавшееся безначальное. Существует бытие, существует небытие, существуют еще не начавшиеся бытие и небытие, существуют и никогда не начинавшие безначальные бытие и небытие. Вдруг [появляются] бытие и небытие, а еще не знают про бытие и небытие. Что же такое в действительности бытие? Что же такое небытие? Ныне я уже что-то сказал, но не знаю, сказанное мною в действительности существует [или] в действительности не существует?

Огромнейшее в Поднебесной — кончик осенней пушинки; мельчайшее — гора Великая. Нет жизни долговечнее, чем у того, кто умер младенцем; Пын Цзу же умер преждевременно. Вселенная родилась вместе с нами, тьма вещей с нами едина. Если все едино, то к чему еще слова? Если уже названо единым, к чему молчать? Единство вместе со словом — это два, два и один — это три. Если продолжать, так со счетом не справиться не только обычному человеку, но даже самому искусному математику. От небытия к бытию уже досчитали до трех, а если [считать] от бытия к бытию? Не станем [считать], остановимся на этом.

У пути никогда не было разграничения, а у слов никогда не было постоянного [смысла], поэтому и появилось разграничение. Дозвольте сказать о подобном разграничении: появилось левое, появилось и правое; появились правило и долг, разделение и различие; соперничество и борьба. Это называется восемь свойств. То, что находится за пределами шести стран света¹⁷, для мудрого существует, но [об этом он] не говорит; о том, что [находится] в пределах шести стран света, мудрый говорит, но суждения не высказывает. О поколениях [времен] «Весны и осени»¹⁸, о воле ранних государей мудрый высказывает суждение, но не спорит. Ибо в разделении есть и нераздельное, в споре есть и бесспорное. Спросим: «почему [это происходит]?» [Оттого, что] мудрый хранит это [в себе], а дюжинные об этом спорят, чтобы похвастаться друг перед другом. Поэтому и говорится: те, кто спорит, не видят [пути]. Ведь великий путь не [может быть] назван, великий спор не [может быть] высказан в словах, великое милосердие не милосердно, вели-

кая скромность не уступчива, великое мужество не [совершает] насилий. Путь, который проявился, не есть путь; слова, высказанные в споре, не убеждают; милосердие постоянное несовершенно; скромность безупречная встречает недоверие; мужество, сопровождаемое насилием, несовершенно. Эти пять круглы, но приближаются к квадрату. Поэтому тот, кто в познании [умеет] остановиться на [еще] непознанном, — совершенен; кто сумел познать спор без слов, путь, который нельзя назвать, называется [хранителем] сокровищ природы; тот, в кого вливают и не переполнится, из кого черпают и не вычерпают, кому истоки знания неведомы, называется хранителем просвещения.

В старину Высочайший обратился к Ограждающему:

— С тех пор как я встал лицом к югу ¹⁹, не могу успокоиться, — хочу пойти походом на Цзун, Гуй и Сюйао ²⁰. Почему это [происходит]?

— Почему же не можете успокоиться? Ведь эти три правителя живут словно среди бурьяна и полыни. Когда-то сразу появилось десять солнц ²¹, [они] осветили [всю] тьму вещей. А [ваша] добродетель светлее солнца!

Беззубый спросил у Наставника Юных:

— Знаете ли вы, в чем одинаковы [все] вещи?

— Как я могу это знать? — ответил Наставник Юных.

— Знаете ли, чего вы не знаете?

— Как я могу это знать?

— Тогда ни у кого нет знаний?

— Как я могу это знать? Хотя попытаюсь кое-что сказать. Как постичь, не является ли незнанием то, что я называю знанием? Как постичь, не является ли знанием то, что я называю незнанием?

Попытаюсь тебя спросить: чьи знания о жилье истинны? Угря или человека, который станет спать в сыром месте и [у него] заболит поясница, отнимется половина тела? Обезьяны или [человека, который] на дереве дрожит от страха? Чьи знания о пище истинны? Человека, который питается мясом травоядных и хлебоядных животных? Оленя, который ест траву? Сороконожки, которая лакомится змеей? Совы и вороны, которые предпочитают мышей? Чьи знания о красоте в Поднебесной истинны? Обезьяны-самца, который ищет себе обезьяну-самку; оленя, спаривающегося с оленихой; рыбы, плавающей с рыбой? [Ведь] Мао Цян и Цзи из Ли ²² красавицами считает [лишь] человек, а рыба, завидя их, уходит в глубину, птица — улетает ввысь, олень — убегает без оглядки. По моим наблюдениям понятия об истинном и неистинном, о справедливости и милосердии слишком перепутались. Как мне узнать различие между ними?

— [Если] вы не знаете, [в чем различие между] полезным и вредным, то знает ли его настоящий человек? — спросил Беззубый [Наставника Юных].

— Настоящий человек прозорлив, — ответил Наставник Юных. — Что для него полезное и вредное? [Ведь ему] не жарко, даже когда горят большие болота; не холодно, даже когда замерзают Река и Хань²³; не страшно, когда удары грома раскалывают горы, а буря вздымает морские валы. Управляя облаками и воздухом, оседлав солнце и луну, такой человек странствует за пределами четырех морей. Ни жизнь, ни смерть, [он] не [считает] для себя переменой.

Зоркий Взгляд спросил у Высокого Платана²⁴:

— Что вы думаете о том, что я слышал от учителя?²⁵ Я узнал, что мудрый не посвящает себя делам управления, не ищет выгоды, не избегает вреда. [Он] ничего не домогается, не привержен к пути. [Он] молчит, когда говорят, и говорит, когда молчат. [Он] странствует за пределами [мирской] пыли. В этом я увидел проявление сокровенного пути, а учитель [увидел в этом] безрассудные слова.

— Услышав [подобное], усомнился бы даже Желтый Предок, разве мог это понять Конфуций? Да и вы судите слишком быстро, — ответил Высокий Платан. — Завидя яйцо, уже ждете в полночь петушиного крика; завидя самострел, уже ищите жареного голубя. Я вам скажу бездумно, а вы также бездумно воспримете, [будто кто-то] рядом с солнцем и луной держит в руках вселенную. Сомкнув уста, мудрый не обращает внимания на хаос, почитает равно и раба и сановника. Дюжинные хлопочут, суетятся, а мудрый прост, [как] нежный росток. [Мудрый] соединяет вместе тьму лет, и единство образуется в [своей] чистоте. То же и со всей тьмой вещей, и в таком единстве [они] собираются. Как мне знать, не заблуждение ли любовь к жизни? Как мне знать, не подобен ли страх смерти чувству [человека], утратившего в детстве [отчий дом] и не знающего [радости] возвращения?

Вот Цзи из Ли, дочь стража границы в Ай. Как только ее захватили цзиньцы, она так рыдала, что [от слез] промокло платье. Но она раскаялась в том, что плакала, когда предстала перед царем, поделила с ним ложе, стала питаться [мясом] травоядных и хлебоядных. Как мне знать, не раскаивается ли мертвый в том, что цеплялся за жизнь? Тот, кто видел во сне, что пьет вино, наяву плачет: тот, кто во сне плакал, наяву едет на охоту. Когда спят, не сознают, что это сон; во сне даже отгадывают сны и, только пробудившись, понимают, что то был сон. Но бывает великое пробуждение, после которого сознают, что то был глубокий сон. А глупцы считают, что они бодрствуют и, вникая [во все], познают, кто царь, а кто пастух. Как [они] невежественны! [Вы оба], и Конфуций и ты, видите сны. Я, говорящий, что ты спишь, также сплю. Такие слова

называют невероятными, но если пройдет тьма поколений и найдется великий мудрец, который сумеет дать им объяснение, то покажется, что до встречи с ним прошли сутки.

Предположим, что мы с тобой вступили в спор. [Если] ты переспорил меня, а не я тебя, [значит ли это, что] ты действительно прав, а я неправ? [Если] я переспорил тебя, а не ты меня, [значит ли это, что] я действительно прав, а ты неправ? [Действительно ли] один из нас прав, а другой неправ? Оба мы правы или неправы? [Если] мы с тобой не можем понять друг друга, то и другие останутся во мраке неведения. Кого же мне послать их вразумить? Если пошлю согласного с тобой, то разве согласный с тобой сумеет их вразумить? Если пошлю согласного со мной, то разве согласный со мною сумеет их вразумить? Если пошлю несогласного ни с тобою, ни со мною, то разве несогласный ни с тобою, ни со мною сумеет их вразумить? Если пошлю согласного и с тобой, и со мной, то разве согласный и с тобой, и со мной сумеет их вразумить? Но в таком случае ни ты, ни я, ни другие не сможем понять друг друга. Кого же [еще нам] ждать?

Соответствуют ли изменения названий изменениям [вещей], или не соответствуют, объединим их в пределах природы и, предоставив им развиваться, доживем свой срок. Что означает «объединим их в пределах природы»? Означает [приведем к гармонии] истинное и неистинное, правду и ложь. Если истинное действительно истинно, то нечего спорить [о том, насколько] истинное отличается от неистинного. Если правда действительно правда, то также нечего спорить [о том, насколько] правда отличается от лжи. Забудем о времени, забудем о суждениях, найдем радость в бесконечном и поселимся в бесконечном!

Полутень спросила у Тени ²⁶:

— Почему [вы] так непостоянны? Раньше вы двигались, а теперь [почему-то] остановились, раньше вы сидели, а теперь [почему-то] встали?

— [Может быть], я так поступаю в зависимости [от чего-то]? — ответила Тень. — [А может быть] я так поступаю в зависимости [от чего-то], зависящего еще [от чего-то]? Завишу ли я от чешуи змеи, от крыла кузнечика? Как знать, почему это так? Как знать, почему это не так?

Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он — бабочка, весело порхающая бабочка. [Он] наслаждался от души и не сознавал, что он — Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что [он] — Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, [что он] — бабочка, или бабочке снится, [что она] — Чжоу. Это и называют превращением вещей, тогда как между мною, [Чжоу], и бабочкой непременно существует различие ²⁷.

ГЛАВНОЕ ДЛЯ ДОЛГОЛЕТИЯ

Наша жизнь ограничена, а знания неограниченны¹. Ограниченному следовать за неограниченным опасно. [Поняв это], совершенствовать знания опасно. Совершая добро, избегай славы, совершая зло, избегай наказания. Если взять за основу главное, можно сохранить [свое] тело, сберечь целостность жизни, можно поддержать родителей, можно дожить до предельного возраста.

Повар царя Прекрасномилостивого² принялся разделывать [тушу] быка. Каждый взмах руки и наклон плеча, каждый шаг ноги и сгибание колена сопровождалось треском отделяемой от кости кожи, стуком ножа. [Работа шла] в четком ритме, точно танец «В тутовой роще» или «Цзин шоу»³.

— Ах, как прекрасно! Как совершенно [твое] мастерство! — воскликнул Прекрасномилостивый.

Опустив нож, повар сказал:

— [Я, ваш] слуга, привержен пути более, чем [своему] мастерству! Когда [я, ваш] слуга, стал впервые разделывать быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я не смотрю [на него], а понимаю [его] разумом⁴, не воспринимаю [его] органами чувств, а действую лишь разумом. Следуя за естественными волокнами, режу сочленения, прохожу в полости, никогда не рублю то, что слишком твердо, — центральные жилы и связки, а тем более — большие кости.

Хороший повар режет, [а поэтому] меняет нож раз в год. Посредственный повар рубит, [а потому] меняет нож раз в месяц. Ножу [вашего] слуги ныне девятнадцать лет, [я] разделал им много тысяч бычьих туш, а лезвие у него словно только что заострено на точильном камне.

Между сочленениями есть щели, а острие ножа не имеет утолщения. Когда вводишь в щель тонкое лезвие, места, где погулять ножу, находится с избытком. Поэтому и через девятнадцать лет его лезвие словно только что заострено на точильном камне. Но, несмотря на это, каждый раз, подойдя к сложному сплетению, вижу, как трудно с ним справиться, страшусь и остерегаюсь, не отвожу глаз, веду нож медленно, едва шевеля. И вдруг так быстро заканчиваю разделку, точно рассыпаю ком земли. Подняв нож, я постою, оглянусь по сторонам, пройду в нерешительности и, удовлетворенный, оботру нож и спрячу.

— Отлично! — воскликнул Прекрасномилостивый. — Услышав рассказ повара, я понял, как достичь долголетия⁵.

Увидев Правого Наставника, Гунвэнь Высокая Колесница⁶ с удивлением спросил:

— Что [ты] за человек? Почему одноногий? ⁷ От природы или от [руки] человека?

— От природы, не от [руки] человека,— ответил Правый Наставник.— От рождения только одна [нога]. Но по внешнему виду уже можно понять, что это не от [рук] человеческих, а от природы.

Фазан на болоте клюнет [лишь] через десяток шагов, напьется [лишь] через сотню шагов, [но] не хочет, чтобы [его] кормили в клетке. И все же не ценит, что [он] — сам себе хозяин.

[Когда] умер Лаоцзы ⁸, явился оплакать его Цинь Свободный от Суеты ⁹, трижды возопил и вышел.

— Разве [вы] не были другом учителя? — спросил ученик.

— Был,— ответил Цинь Свободный от Суеты.

— И так [мало] плакали?

— Да. Сначала я думал, что там его ученики, а теперь понял, что нет. Когда я вошел попрощаться, там были старые, вопившие над ним, словно над родным сыном; были молодые, плакавшие над ним, словно над родной матерью. [Все] они собрались для того, чтобы говорить [там, где] не нужно слов, плакать [там, где] не нужно слез. Это означает бегство от природы, насилие над чувствами, забвение доставшегося [от природы]. В старину это называли карой за отступление от природы ¹⁰.

Когда наступило время, учитель родился; пришло время уйти, учитель покорился. К тому, кто спокойно следует за временем и обстоятельствами, нет доступа ни печали, ни радости. В старину это называли независимостью от природы.

Для рук, заготавливающих хворост, [наступает] предел. Но огонь продолжает разгораться, и есть ли ему предел — неведомо.

Глава 4

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Янь Юань явился к Конфуцию и попросил разрешения уйти.

— Куда? — спросил Конфуций.

— В Вэй,— ответил Янь Юань.

— Зачем?

— [Я], Хой, слышал, что вэйский царь, находясь в расцвете сил, вершит дела самовластно, бездумно расходует силу страны и не видит собственных ошибок. Он легко посылает людей на смерть, убитых в царстве — точно хвороста на болоте, народу не к кому обратиться. Ведь [я], Хой, слышал от [вас], учитель: «покинь то царство, где порядок, иди в то царство, где смута». Ведь больные стекаются к воротам лекаря. Мое желание — с помощью услышан-

ного [от вас, учитель], придумать для них [какой-то] выход. Может быть и удастся излечить это царство.

— Ах! — воскликнул Конфуций. — Боюсь, что там тебя казнят. Ведь учение не допускает [объединения] разнородного. Разнородное ведет ко множеству, множество — к беспорядку, беспорядок — к скорби, а от скорби нет спасения. Совершенный человек древности берег [учение] сначала в самом себе, а затем в других. [Пока] сберегаемое еще не утвердилось в [тебе] самом, разве можно идти действовать к деспоту? А понимаешь ли ты, от чего расточается добродетель, откуда появляются знания? Добродетель расточается [из-за] славы, знания появляются [из-за] соперничества. [Ради] славы друг друга вытесняют; знание же — орудие соперничества. Это — зло, и прибегать к этому нельзя. Даже обладая великой добродетелью и твердой верностью, [ты] еще не умеешь распознать характер человека; даже не споря из-за славы, [ты] еще не умеешь распознать намерения человека. [Если] станешь настойчиво выступать перед деспотом с прямой, точно линия отвеса, речью о милосердии и справедливости, то [твои] достоинства возненавидят и [тебя] назовут недобрым человеком. На недоброго человека люди и обрушивают беду. Боюсь, что тебя загубят.

Если же [царь Вэй] притворится, что любит добродетельных и ненавидит порочных, то как его излечить? Тебе останется лишь молчать, и государь воспользуется [своим] преимуществом, чтобы одержать победу в споре. Ослепит [твои] глаза и покорит [твое] лицо. Станешь подделываться к нему в речах, приспособливаться к нему в поведении, утверждаться в его мыслях? Ведь это то же, что спасать огнем от пожара, водой — от наводнения, значит, лишь увеличивать беду. [Стоит лишь] начать с уступок и не будет конца.

Боюсь, что с искренним советом [обратишься к тому, кто] тебе не поверит, и примешь смерть от руки деспота. Так в старину Разрывающий на Части казнил Гуаня Встреченного Драконом¹, а Бесчеловечный — царевича Щита. Встреченный Драконом и Щит совершенствовались, любили и жалели народ, ради низших противились высшим. За это правители их и погубили, ведь они [пали жертвой] доброго имени. Разве [ты] не слышал о том, как в старину Высочайший ходил походом на [племена] Ветви Терновника и Сюйао, а Молодой Дракон — на Владеющих домами². От селений остались развалины, людей же казнили. Бросая воинов в бой без конца, ненасытно стремясь к грабежу, все они домогались и славы и поживы. [Жажда] славы и поживы погубила и мудрых, где же [справиться] тебе! И все же попытайся рассказать мне, что ты задумал.

— Можно ли [действовать] со всей прямоотой, но скромно; прилагать все усилия, но остаться верным себе?

— Нет, нельзя! — ответил Конфуций. — Ведь [царь] полон энергии и щедро [ее] тратит. Настроение [у него] переменчивое, и обычно [ему] никто не перечит. Подавляя чувства других, он наслаждается собственным произволом. Одним словом, [ему] не

«Овладеть и обычной добродетелью, а тем более — высшей. [Он] не изменится и будет стоять на своем. [Даже если] внешне согласится, то внутренне не раскается. [Нет], так действовать нельзя!

— Тогда внутренне я буду прямым, а внешне — согбенным. Совершенное стану сравнивать с древним. Во внутренней прямоте явлюсь последователем природы. Тот, кто следует за природой, знает, что и Сын Неба и он сам — сыновья природы. Буду говорить свое, не заботясь, одобряют другие или нет. Про такого люди говорят — ребенок. Вот это и называю стать последователем природы. Быть согбенным внешне, значит стать последователем людей. Стоять на коленях, подняв <дощечку для записи>, сгибаться в поклонах — таков обряд слуги. Осмелюсь ли я не поступать так, как поступают все! [Если] делать то, что делают все, не сочтут порочным. Это и называю стать последователем людей. Сравнить совершенное с древним, значит стать последователем древних, хотя в таких словах поучение, по существу же порицание, [но] идущее от древних, не от меня. Таким образом, я не пострадаю, даже будучи прямым. Это и называю стать последователем древних. Можно ли так [действовать]?

— Нет, нельзя! — ответил Конфуций. — Слишком много замыслов. Пусть, обладая [собственным] мерилom, не заискивая, [останешься] твердым и избежешь осуждения. Все же, оставь это [дело]. Разве можно таким [способом] оказать [на царя] влияние, равносильное [его собственному] желанию учиться?

— Больше мне нечего предложить. Осмелюсь ли попросить совета? — спросил Янь Юань.

— Разве легко осуществить то [желание], которым [ты] обладаешь? Того, кто считает это легким, не одобрит Высокое Небо, — сказал Конфуций. — Постись и я тебе поведаю.

— Семья [у меня], Хоя, бедная, — заметил Янь Юань. — Уже несколько лун [я] не пил вина, не ел мяса и скромных овощей³. Можно ли считать, что постился?

— Таково воздержание перед принесением жертв, а не перед размышлением.

— Дозвольте спросить, что такое воздержание перед размышлением?

— Это [значит], — ответил Конфуций, — сосредоточить свою волю на одном, слушать не ушами, а сердцем, не сердцем, а душой. Когда перестанешь слышать ушами и откликаться сердцем, душа [очистится до] пустоты и будет готова [воспринимать] вещи. Только путь будет стекаться в пустоту⁴. [Достижение] пустоты и есть воздержание перед размышлением.

— Пока [я], Хой, не воспринял [этого] наставления, существовал [только] как [я], Хой. Лишь начал его применять, [меня], Хоя, не стало. Можно ли считать, [что я достиг] пустоты? — спросил Янь Юань.

— [Да], полностью — ответил учитель. — [Теперь] я тебе поведаю: ты можешь войти в клетку царя и в ней разгуливать, оставаясь

равнодушным к царской славе. Станет слушать — пой, не станет — умолкни. Без покровителей и без ненавистников, как бы вынужденно, поселись в том же доме. Это почти то, [что нужно]. Легко не ходить, [но] невозможно ходить, не оставляя следов. Действуя, как человек, легко лицемерить; [но] действуя, как природа, невозможно лицемерить. Ведь [все] слышаны, что летает тот, кто обладает крыльями; но слуханное [ли дело], чтобы летал тот, кто не обладает крыльями. Ведь [все] слышаны, что мудр тот, кто обладает знаниями; но слуханное [ли дело], чтобы был мудр тот, кто не обладает знаниями. Посмотри на то отверстие [в двери]. Через [его] пустоту в доме появляется свет. Остановится доброе знамение, остановись и ты. Если же не остановится, то, можно сказать, будешь мчаться, даже сидя [на месте]. Если слухом и зрением обратишься к внутреннему, а разумом [сердцем] — к внешнему, то придут к тебе не только люди, но даже души предков и боги. Таково [будет] влияние на [всю] тьму вещей. Это служило основой для Молодого Дракона и Ограждающего; того же до конца жизни придерживались Готовящий Жертвенное Мясо и Опирающийся о Стол⁵, тем более это необходимо [человеку], не состоящему на службе!

Царский сын Высокий⁶, готовясь ехать Послом в Ци, спросил Конфуция:

— Не посоветуете ли, как мне быть? Царь посылает [меня], Чжуляна, с весьма важным поручением. В Ци же, вероятно, примут с большим почетом, но [с делом] спешить не станут. Я тревожусь. Ведь и простого человека нельзя торопить, не то, что царя. Вы говорили [мне], Чжуляну, что без учения любое дело — и большое и малое — редко удастся благополучно завершить. Если дело не увенчается успехом, [меня] покарает человек; если же увенчается, [меня] настигнут [силы] жара и холода. Избежать беды в том и в другом случае способен лишь добродетельный.

Пищу я ем простую, не изысканную; в жару не ищу прохлады. Но вот сегодня утром я получил приказ, а к вечеру — пил ледяную воду, у меня поднялся жар. Еще не доехал до места, а уже страдаю от лихорадки. Если дела не завершу, покарают и люди. Обе эти [беды мне], слуге, не вынести.

— В Поднебесной существуют две великие заповеди, — ответил Конфуций. — Одну [дает] судьба, другую — долг. Судьбою дана сыну любовь к родителям, от нее не освободить сердца. Долг велит слуге служить государю. Государь всюду, куда бы [ты] ни пришел; нигде в Поднебесной [от него] не укроешься. Таковы эти великие заповеди. Вот почему совершенная сыновняя почтительность в том, чтобы служить родителям и покоить их в любых условиях; а полная преданность государю — в том, чтобы служить ему и покоить его при любых условиях. Служить всеми помыслами, не изменяясь, радость ли перед [тобой] или горе, и даже в безвыходном положе-

нии принимать [все] спокойно как судьбу — это высшая добродетель.

Бывает, конечно, что слуга или сын вынуждены, выполняя поручение, забыть о самом себе. У него не найдется досуга для наслаждения жизнью или для страха перед смертью. [Поэтому-то] вы и можете отправляться.

Дозвольте [мне] повторить то, что [я] когда-то слышал. С соседними [царствами:] следует поддерживать взаимную дружбу, основанную на верности [в делах]; далеким [царствам] следует [высказывать] преданность в речах. Речи должен кто-то передавать, а самое трудное на свете — передавать слова радости или гнева одной стороны другой стороне. В радости изливают друг другу слишком много приятных слов, в гневе обрушивают друг на друга слишком много злых слов. [Но] все чрезмерное безрассудно, безрассудное же не внушает доверия. Подозрения и губят того, кто передает речь⁷. Поэтому в «Образцовых речах»⁸ и говорится: «передавай неизменной сущность [дела], опускай лишние слова». [Соблюдай это правило] и, возможно, останешься цел.

[Помни], кроме того: искусные борцы начинают мериться силами открыто, а кончают тайным [приемом] — в напряженный [момент] прибегают ко многим хитростям; вино пьют согласно церемониям, соблюдая вначале порядок, кончают же беспорядком — большое возбуждение ведет к чрезмерным наслаждениям. И так во всем. Начинают с извинений, а кончают грубостями. Ничтожное вначале становится огромным к концу. В словах — и ветер и волны <буря>, в делах — победа или поражение. Ветер и волны вызвать нетрудно, но к опасности легко приводят и победа и поражение. Поэтому без [особых] оснований [и высказываются] гневные суждения, [полные] резких, пристрастных слов. Рычат, не выбирая выражений, словно дикие звери с kloкочущим дыханием в предсмертной агонии. И злоба растет. [Когда] злоба доходит до высшего предела, [с другой стороны] в ответ почему-то также непременно появляется негодование. [Если никто] не сознает, отчего [все] началось, то кто может знать, чем [все] кончится?! Поэтому в «Образцовых речах» и говорится: «не отклоняйся от порученного, не настаивай на решении, превысишь меру — [доведешь] до крайностей». [Ибо] отклоняться от порученного, настаивать на решении — опасно. Ведь благоприятное решение приходит не скоро, а неблагоприятного уже не исправить. Не следует ли быть осторожным?

[Для тебя же] лучше всего пользоваться каждой возможностью, чтобы отдохнуть сердцем и, вверяясь неизбежному, укреплять свои чувства. Как добиться ответа [от Ци]? Самое лучшее — ввериться судьбе, но это и самое трудное.

Янь Врата Бытия⁹, готовясь [занять пост] наставника наследника вэйского царя Чудотворного¹⁰, спросил у Цюй Боюя¹¹:

— Как мне поступить в данном случае? У здешнего человека

[царя] природная склонность к убийствам. [Если] его не удерживать, опасность будет грозить [всему] нашему царству; [если] же его удерживать, опасность будет грозить мне. Знаний у него хватает, чтобы понять чужие ошибки; но не хватает, чтобы понять собственные.

— Какой замечательный вопрос! — воскликнул Цюй Боюй. — Остерегайся его! Будь с ним осторожен! Будь точен в своем [поведении]! Лучше всего внешне [с ним] сближаться, а в сердце хранить гармонию. Однако и в том и в другом — опасность. Сближение не должно стать глубоким, а [внутренняя] гармония не должна стать явной. [Если] сблизись глубоко, упадешь и погибнешь; [если внутренняя] гармония будет явной, составит доброе имя и славу, то [она же] обернется бедой, злом. Станет он вести себя, как ребенок, [и ты] веди себя с ним, как ребенок; не станет соблюдать ранга, [и ты] с ним не соблюдай ранга; будет переходить все границы, [и ты] с ним переходи все границы. Достигнешь этого, сможешь с ним тесно сблизиться и освободить [его] от ошибок.

Видел ли ты, как [кузнечик] богомол в гневе топорщит крылья, преграждая дорогу повозке? Не сознавая, что ему ее не одолеть, он переоценивает свои силы. Остерегайся! Будь осторожен! [Если], кичась заслугами, станешь их переоценивать, совершишь ту же ошибку.

Знаешь ли ты, как [человек] кормит тигра? ¹² Не решится давать тигру живого зверя, [ибо] убивая его, [тигр] придет в ярость; не решится дать целую тушу, [ибо] разрывая ее, [тигр] придет в ярость. Своевременно кормит голодного, постигая, что приводит его в ярость. Тигр и человек принадлежат к различным видам. Человек потакает тигру, и тигр к нему ластится; перечит — и тигр его убивает.

Вот тот, кто холил лошадей, уносил навоз в корзинах, а мочу — в кувшинах. Но вот налетели комары и оводы, он внезапно хлопнул коня — [а тот], порвав удила, проломил [ему] голову и разбил грудь. Разве не нужна осторожность? Чрезмерная забота и любовь могут привести к гибели.

Плотник Кремень направлялся в Ци и на повороте дороги у алтаря Земли увидел Дуб в сотню обхватов, такой огромный, что за ним могли бы укрыться много тысяч быков <целый бык>, высотой же — с гору. В восьмидесяти локтях над землей возвышалась его крона с десятком таких толстых ветвей, что каждой хватило бы на лодку. Зеваки [толпились], точно на ярмарке. А плотник, не останавливаясь и не оборачиваясь, прошел мимо [дерева].

Ученики, вдоволь насмотревшись на Дуб, догнали [плотника] и спросили:

— Почему [вы], Пржеждерожденный, прошли мимо, не останавливаясь. и не захотели даже взглянуть? [Нам] еще не приходилось

видеть такого прекрасного материала с тех пор, как мы с топором и секирой последовали за [вами], учитель.

— Довольно! Замолчите! — ответил им плотник. — От него нет проку. Лодка, [сделанная] из него, — потонет, гроб или саркофаг — быстро сгниют, посуда — расколется. Сделаешь ворота или двери — [из них] будет сочиться сок, колонну — [ее] источат черви. Это дерево не строевое, ни на что не годное, оттого и живет долго.

[Когда] плотник Кремень вернулся [домой], во сне ему привиделся Дуб у алтаря.

— С какими [деревьями] ты хочешь меня сравнить? — спросил Дуб. — С теми, что идут на украшения? [Или] с плодоносящими? Вот боярышник и груша, апельсиновое дерево и памела. [Как только] плоды созреют, [их] обирают, а обирая, оскорбляют: большие ветви ломают, маленькие — обрывают. Из-за того что полезны, они страдают всю жизнь и гибнут преждевременно, не прожив отведенного природой срока. Это происходит со всеми с тех пор, как появился обычай сбивать плоды. Вот почему я давно уже стремился стать бесполезным, чуть не погиб, но теперь добился своего — и это принесло мне огромную пользу. Разве вырос бы я таким высоким, если бы мог для чего-нибудь пригодиться? К тому же мы оба: и ты и я — вещи. Разве может одна вещь судить о другой? Не тебе, смертному, бесполезному человеку, понять бесполезное дерево! ¹³

Очнувшись, плотник Кремень стал толковать свой сон, а ученики спросили:

— [Если Дуб] стремился не приносить пользы, почему же он вырос у алтаря?

— Не болтайте! Замолчите! — ответил плотник. — Он вырос [там] затем, чтобы невежды его не оскорбляли. Разве не срубили бы его, не будь здесь алтаря Земли? И все же он живет так долго по другой причине, чем все остальные. Не отделимся ли [мы от истины], меряя его обычной меркой?

Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья, гуляя на Шан-горе, увидел необыкновенно большое дерево: тысяча колесниц, запряженных четверкой коней, нашла бы приют под его тенью.

— Что за дерево! — воскликнул он. — Вот, должно быть, замечательный материал!

Он посмотрел вверх и увидел, что ветви дерева извилисты, корявы и не могут пойти на балки и перекладины; посмотрел вниз и увидел, что корни так разветвляются, что не могут служить ни для гроба, ни для саркофага. Лизнул лист — обжег и поранил себе язык; понюхал лист и на целых три дня обезумел, точно опьянел. И тогда Владеющий Своими Чувствами сказал:

— Поистине это дерево ни на что не годно, поэтому [оно] и выросло таким огромным. Ах! Ведь прозорливый человек не [показывает, чем он] полезен, так же как и это [дерево]!

[На земле] у рода Терновника в Сун хорошо принимаются орех, туя и шелковица. Вырастут они в одну-две пяди толщиной — их срубают, чтобы вытесать кол для [привязи] обезьян; вырастут в три-четыре пяди — их срубают, чтобы сделать балки в доме знатного; вырастут в семь-восемь пядей — их срубают, чтобы сколотить гроб для человека благородного или богатого купца. Вот такие деревья и умирают под топором и секирой прежде времени, не прожив отведенного им природой срока. Они гибнут потому, что полезны. [Будь они бесполезны], их бы освободили так же, как запрещают приносить в жертву Реке быка с белым лбом, поросенка с рылом кверху и человека, страдающего геморроем. В таких [признаках] колдуны и жрецы видят предвестие беды, прозорливые же люди находят в них предзнаменование великого счастья.

Подбородок Урода Шу¹⁴ касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос [на затылке] торчал прямо в небеса. Внутренности теснились в верхней части тела, бедренные кости походили на ребра. Склонясь над иглой или стиркой, он зарабатывал достаточно, чтобы набить брюхо; провеивая и очищая зерно, мог прокормить десять человек.

[Когда] призывали воинов, среди них [без опаски] толкался [этот] калека. [Когда] объявляли общую повинность, его, всегда больного, не назначали на работу. [Когда же] производилась раздача немощным, он получал три *чжуна* зерна и десять вязанок хвороста. [Если] способен прокормиться и дожить до предельного срока тот, у кого искалечено тело, то тем более тот, у кого искалечена добродетель!

[Когда] Конфуций направлялся в Чу, чуский безумец Встречающий Колесницы¹⁵ прошел мимо его ворот и пропел:

«О Феникс! О Феникс!
Прощай, добродетель!
Грядущее — в далях.
Прошедшее — где ты?
Есть путь в Поднебесной —
Мудрейших творенье.
Пути не обрящем —
Мудрейший в сторонке.
Ужасное время —
Спасайся от казни!
Пушинкою счастье —
Держи — улетает!
Но тяжести горя
Как скинуть — не знаю!

Оставь, о Мудрейший!
К чему добродетель!
Опасно! Опасно!
Оставь за чертою!
О страшные тернии!
Сгиньте с дороги!
Мой путь так извилист.
Мне ноги не раньте!»

Гора грабит сама себя деревьями. Масло сжигает само себя в светильнике. Корицу срубают оттого, что она съедобна. Лаковое дерево срубают оттого, что оно полезно. Все знают, как полезно быть полезным; но никто не знает, как полезно быть бесполезным.

Глава 5

ЗНАК ПОЛНОТЫ СВОЙСТВ¹

В Лу жил Ван Кляча², которому отрубили ногу за преступление. За ним следовало столько же учеников, сколько и за Конфуцием.

Чан Цзи³ спросил [о нем] у Конфуция:

— Что за человек Ван Кляча? [Хотя] у него отрублена нога, за ним следует, как и за [вами], учитель, половина [царства] Лу. [Он] не поучает стоя, не ведет бесед сидя, но приходят [к нему] опустошенными, а возвращаются исполненными [истины]. Не существует ли воистину «учение без слов»⁴, совершенствование разума без [внешней] формы?

— Он — мудрый человек, — ответил Конфуций. — [Я], Цю, еще не успел побывать [у него], но пойду учиться, тем более [следует это сделать] тем, кто хуже [меня], Цю. И почему только в Лу? Поднебесную [я], Цю, поведу у него учиться!

— Человеку [за преступление] отрубили ногу, а [величают его] Прездорожденным Ваном! Насколько же превосходит он обычных людей! Но как он этого добился? — спросил Чан Цзи.

— Как могуча жизнь, как могуча смерть, а [они] не в силах его изменить. Пусть обрушится небо, пусть опрокинется земля, и [это] не принесет ему утраты. [В его] знании нет пробелов, [оно] не меняется вместе с [изменением] вещей. Обозначая развитие вещей, [он] твердо придерживается их предка <сущности>

— Что это значит?

— [Когда] исходят из различий, видят [одну] печень [или] желчь, [одно царство] Чу [или] Юэ; [когда] исходят из уподобления <общего>⁵, видят тьму вещей в единстве. Так и поступает [Ван]. [Уходит] от знаний, которые приносят зрение и слух, странствует разумом в гармонии свойств. Видя общее в вещах,

не замечает того, что они теряют; утрата собственной ноги для него то же, что потеря [комка] земли.

— Он занимается самим собой. Благодаря своим познаниям обретает разум, а благодаря своему разуму обретает законы разума. Почему же собираются вокруг него другие?

— Люди смотрят на [свое] отражение не в текучей воде, а в стоячей⁶, [ибо] лишь неподвижное способно остановить [домогательства] всех [других. Из вещей,] получающих жизнь от земли⁷, только кедр и туя зеленеют и зимой и летом: [из людей], получающих жизнь от неба, правильным был только Ограждающий. [Он] сумел, к счастью, вести правильную жизнь и исправлять жизнь всех. Один герой, сохраняя изначальный характер и бесстрашную сущность, [способен] смело проложить путь сквозь [все] девять армий. Если на подобное способен тот, для кого самое важное — стремление к славе, на что же окажется способным тот, кто органами чувств воспринимает небо и землю, объемлет [всю] тьму вещей? Пребывая лишь временно в шести частях [своего] тела, [воспринимая] образы слухом и зрением, [он] объединяет познанное в едином знании, и [законы] разума не умирают. [Когда] такой человек выберет день, чтобы подняться ввысь <умереть>, люди последуют за ним. Разве согласится он заниматься делами?

Наставник Счастливым⁸, которому отрубили ногу в наказание [за преступление], учился вместе с чжэнским Цзычанем у Темнеющего Ока.

[Однажды] Цзычань сказал Счастливому:

— Когда я выхожу первым, ты задерживайся; когда же ты выходишь первым, я буду задерживаться.

На другой день они снова сидели на той же циновке в том же зале, и Цзычань повторил:

— Когда я выхожу первым, ты задерживайся; когда же ты выходишь первым, я буду задерживаться. Сейчас я пойду, задержишься ли ты? Кроме того, не считаешь ли себя равным [мне], облеченному властью? Видишь [меня], облеченного властью, а дороги не уступаешь!

— Поистине ли облеченный властью остается им и в доме учителя? — спросил Счастливый. — Ты любишь себя, облеченным властью, и [хочешь], чтобы [все] оставались позади. А я слышал, что к чистому зеркалу не пристанет ни пыль, ни грязь; если же пристаёт, значит зеркало нечистое. Тот, кто долго прожил вместе с человеком достойным, не совершает ошибок. Ты же выбрал великого, Прездорожденного, а сказал такое. Не ошибаешься ли?

— Такой, как ты, а еще споришь о добродетели с Высочайшим? — возразил Цзычань. — Подсчитай-ка свои достоинства! Не хватит ли тебе, чтобы раскаяться?

— Многие рассказывают о себе так, будто лишились [ноги] незаслуженно; редко кто признается, что лишился [ноги] заслуженно. Лишь достойные способны понять неизбежное и спокойно покориться своей судьбе. [А если кто-либо] бродит перед натянутым луком Охотника⁹ в центре [мишени] и в него [стрела] не попадет, это также судьба! Многие, сохранившие обе ноги, смеялись надомной, одноногим, и меня охватывал гнев. Только попав к Прежде-рожденному, [я] освободился от позора и вернулся [к обычному состоянию]. Прежде-рожденный незаметно очистил меня добротой. Уже девятнадцать лет странствую с учителем, не сознавая, что я — подвергшийся наказанию. Ныне мы с тобой изучаем внутреннюю жизнь, а ты выискиваешь [что-то] в моем внешнем. Не ошибаешься ли ты?

Цзычань от волнения изменился в лице и сказал:

— Тебе не придется больше так говорить.

В Лу жил изувеченный в наказание [за преступление] по прозвищу Беспалый с Дяди-горы¹⁰. Ступая на пятках, он пришел повидаться с Конфуцием, но тот сказал:

— Раньше ты был неосторожен и навлек на себя такую беду. Зачем же теперь [ко мне] пришел?

— Ведь я всего-навсего не разбирался в делах, вот и лишился пальцев на ногах — отнесся легкомысленно к собственному телу, — ответил Беспалый. — Ныне же я принес [вам], учитель, нечто более ценное, чем ноги, что стараюсь сохранить в целости. На [вас], учитель, я смотрел, как на небо и на землю. Ведь небо все покрывает, а земля все поддерживает. Разве ждал от [вас], учитель, такого приема?

— [Я], Цю, был невежлив, — извинился Конфуций. — Дозвольте рассказать [вам], чему [я] научился. Почему же вы не входите? [Но] Беспалый ушел.

— Старайтесь, ученики, — сказал Конфуций. — Если [даже] Беспалый, изувеченный в наказание, еще стремится к учению, чтобы возместить содеянное в прошлом зло, тем более [должен стремиться] тот, чья добродетель в целости.

Беспалый же поведал [обо всем] Лаоцзы:

— Конфуций еще не сумел стать настоящим человеком. Почему он без конца тебе подражает? Он стремится прославиться как [человек] удивительный и чудесный. [Ему] неизвестно, что для настоящего человека это лишь путы, [связывающие] по рукам и по ногам.

— Нельзя ли освободить его от этих пут? — спросил Лаоцзы. — Почему бы не показать ему прямо единство жизни и смерти, возможного и невозможного?

— Как его освободишь? Ведь [это] кара, [наложенная] на него природой.

Луский царь Айгун¹¹ спросил Конфуция:

— Что за человек безобразный вэец, которого звали Жалкий Горбун То?¹² Мужчины, которым приходилось с ним вместе жить, [так к нему] привязывались, что не могли уйти. Увидя его, девушки просили родителей: «Лучше отдайте ему в наложницы, чем другому в жены». [Их] не пугало, что [наложниц] у него было уже больше десятка. Никто не слыхал, чтобы он запевал — всегда лишь вторил. Он не стоял на престоле, не мог спасти от смерти; не получал жалованья, не мог насыщать голодных; своим же безобразием пугал всю Поднебесную. Он лишь вторил, никогда не запевая, [слава] его познаний не выходила за пределы округи, и все же к нему стремились и мужчины и женщины — он был, наверно, выдающимся человеком! [Я], единственный¹³, призвал его и увидел, что безобразием [он] воистину пугает всю Поднебесную. [Но] не прожил он у [меня], единственного, и одной луны, а [я], единственный, [уже] привязался к нему. Не прошло и года, а [я], единственный, стал ему доверять. В царстве не было [тогда] ведающего закланием жертвенного скота, и [я], единственный, [хотел] назначить его, а он опечалился. Позже согласился, но с такими колебаниями, будто отказывался. [Мне], единственному, стало досадно, но в конце концов [я] ему вручил должность. Вскоре, однако, [он] покинул [меня,] единственного, и ушел. [Я], единственный, горевал, точно об умершем, как будто никто другой не мог разделить со мной радости власти.

— Однажды,— начал Конфуций,— когда [я], Цю, ходил Послом в Чу, [я] заметил поросят, которые сосали свою уже мертвую мать. Но вскоре [они] взглянули на нее, бросили сосать и убежали, [ибо] не увидели [в ней] себя, не нашли [своего] подобия. В своей матери [они] любили не тело, а двигавшую им [жизнь].

— Погребая погибшего в бою, его провожают без опахала из перьев,— продолжал Конфуций.— [Ибо для таких знаков отличия] нет оснований, как [нет смысла] заботиться о туфлях тому, кому отрубили ногу в наказание. [Никто] в свите Сына Неба не срезает ногтей, не прокалывает [себе] ушей. Новобрачный не выходит из дома, свободен от службы. Этого достаточно [для них], сохранивших в целости [свое] тело, тем более же для тех, кто сохранил в целости добродетель! [Обратимся же] ныне к Жалкому Горбуну То. Ничего не говорил, а снискал доверие; не имел заслуг, а пользовался [общей] любовью; ему вручали власть и боялись лишь его отказа. Он должен был быть человеком целостных способностей, добродетель которого не [проявлялась] во [внешней] форме.

— Что означает «человек целостных способностей»? — спросил Айгун.

— Веление судьбы, развитие событий: рождение и смерть, жизнь и утрату, удачу и неудачу, богатство и бедность, добродетель и порок, хвалу и хулу, голод и жажду, холод и жару — он [воспринимает] как смену дня и ночи. [Ведь] знание не способно управлять их началом. Поэтому [он считает, что] не стоит из-за них

нарушать гармонию [внутри себя], нельзя допускать [их] к себе в сердце. Предоставляет им гармонично обращаться, а [сам] не утрачивает радости; предоставляет дню и ночи сменяться без конца, а [сам] подходит к другим [нежно, будто] весна. И тогда в сердце у каждого рождается [это] время года. Вот это и называется «целостными способностями».

— Что означает «добродетель, которая не [проявлялась] во [внешней] форме»?

— Вот пример: самое ровное — это поверхность воды в покое. [Подобно ей он все] хранит внутри, внешне [ничуть] не взволнуется. Совершенствование добродетели и есть воспитание [в себе] гармонии. [Его] добродетель не [проявляется] во [внешней] форме, [поэтому] его и не могут покинуть.

Передав об этом через несколько дней Миньцзы¹⁴, Айгун сказал:

— Раньше я считал высшим пониманием [долга] то, что, стоя лицом к югу, правлю Поднебесной, храню в народе порядок и печалюсь о смерти людей. Ныне же я услышал о настоящем человеке и боюсь, что подобным совершенством не обладаю: легковесно отношусь к самому себе и веду к гибели царство. Мы с Конфуцием не царь и слуга — [мы с ним] друзья по добродетели.

Безгубый¹⁵ калека с кривыми ногами подал [как-то] совет вэйскому царю Чудотворному и [так] понравился Чудотворному, что шеи у нормальных людей стали казаться тому слишком короткими.

Человек с Зобом, похожим на кувшин [как-то] подал совет цискому царю Хуаньгуну и так царю понравился, что шеи нормальных людей стали казаться тому слишком тонкими.

Так что преимущества в свойствах заставляют забыть о телесном. [Если] человек не забывает о том, что забывается, а забывает о том, что не забывается, то это — истинное забвение.

Поэтому у мудрого есть где странствовать. [Для него] знания — зло, клятвенные союзы — клей, добродетель — [средство] приобретения, [предметы] ремесла — товар. Мудрый не строит планов, зачем ему знания? Не рубит, зачем ему клей? Не утрачивает, зачем ему добродетель? Не торгует, зачем ему товар? [Вместо] всего этого [его] кормит природа. Природа кормит естественной пищей. Поскольку пищу он получает от природы, зачем ему людское? Тело у него человеческое, [но он] не знает человеческих страстей. Телом — человек, поэтому и живет среди людей, не страдая человеческими страстями, не принимая ни хвалы, ни хулы. В незначительном, в малом он — человек. Высокий, величественный, [он] в одиночестве совершенствуется в себе природное.

Творящий Благо спросил Чжуанцзы:

— Бывают ли люди без страстей?

— Бывают,— ответил Чжуанцзы.

— Как можно назвать человеком человека без страстей?

— Почему же не называть его человеком, [если] путь дал такой облик, а природа сформировала такое тело?

— Если называется человеком, как может он быть без страстей?

— Это не то, что я называю страстями. Я называю бесстрастным такого человека, который не губит свое тело внутри любовью и ненавистью; такого, который всегда следует естественному, и не добавляет к жизни [искусственного].

— [Если] не добавлять к жизни [искусственного],— возразил Творящий Благо,— как [поддерживать] существование тела?

— Путь дал [человеку] такой облик, природа сформировала такое тело,— повторил Чжуанцзы.— А ты относишься к своему разуму как к внешнему, напрасно расходуешь свой эфир: поешь, прилонясь к дереву; спишь, опираясь о столик. Природа избрала [для] тебя тело, а ты споришь о том, что такое твердое и белое.

Глава 6

ОСНОВНОЙ УЧИТЕЛЬ¹

Знание созданного природой и знание созданного человеком — [знание] истинное. Знание созданного природой дается природой. [Тот, кто обладает] знанием созданного человеком, с помощью познания познанного упражняется в познании непознанного. [Такой человек] не умирает преждевременно, доживает до естественного предельного возраста. Это знание наиболее полное. И все же в нем есть и пагубное. Ведь знание точное от [чего-то] зависит, а то, от чего оно зависит,— совершенно неопределенное. Как знать, называемое мною природным — это, быть может, человеческое, а называемое человеческим — это, быть может, природное? Только настоящий человек² обладает истинным знанием.

Кого же называют настоящим человеком? Настоящий человек древности не шел против малого, не хвалился подвигами, не [входил в число] мужей, [представляющих] замыслы. Поэтому ошибаясь, не раскаивался, а поступив правильно, не [впадал] в самодовольство. Такой человек [мог] подняться на вершину и не утрашиться, войти в воду и не промокнуть, вступить в огонь и не обжечься. Своим познанием [он, даже] умирая, мог восходить к пути. Настоящий человек древности спал без сновидений, просыпаясь, не печалился, вкушая пищу, не наслаждался. Дыхание у него было глубоким, исходило из пят, а у обычных людей идет из горла. У человека, побежденного [в споре], слова застревают в глотке, будто [его] тошнит,— чем сильнее страсти в человеке, тем меньше в нем [проявляется] естественное начало.

Настоящий человек древности не ведал любви к жизни, не ведал страха перед смертью. Входя [в жизнь], не радовался, уходя [из жизни], не противился, равнодушно приходил и равнодушно возвращался — и только. Не забывал о том, что было для него началом; не стремился к тому, что служило ему концом. Получая [что-либо], радовался, возвращая, об этом забывал. Это и называется не помогать разумом пути, не помогать природе искусственным. Такого и называют настоящим человеком.

У такого сердце — в покое, [выражение] лица — неизменно, лоб — высок и ясен. Прохлада [исходит от него], точно от осени; тепло, точно от весны. Радость и гнев [его естественны], как четыре времени года. [Он] общается с вещами, [как это] необходимо, но [никто] не знает его пределов. Поэтому мудрый способен поднять войско, покорить царство, не утратив [привязанности] людских сердец; распространить полезное на [всю] тьму вещей, но не из любви к людям. Ибо тот, кто упивается [своим] пониманием вещей, не мудр; обладающий личными привязанностями не милосерден; [тот, кто ожидает] удобного момента, не добродетелен; кто взвешивает полезное и вредное, тот — неблагородный муж; [кто] теряет себя, домогаясь славы, тот не муж; [тот, кто] жертвует собой, теряя истинное, тот не [способен] повелевать другими. Такие, как Ху Буцзе³ и Омраченный Свет⁴, Старший Ровный и Младший Ровный, Сидящий на Корточках, Помнящий о Других⁵ и Наставник Олень⁶, были слугами других, исполняли чужие желания, а не собственные. Настоящий человек древности был справедлив и беспристрастен; [ему] как будто [чего-то] не хватало, но не [требовалось] дополнительного; [он] любил одиночество, но [на нем] не настаивал; соблюдал чистоту, но без прикрас. Улыбался, словно от радости, но двигался лишь по принуждению. Собранное [в нем] вторгалось в нас, вместе с ним в нас укреплялись свойства. Строгостью был подобен времени, возвышенный, не терпел ограничений; отдаляющийся, будто с сомкнутыми устами; бессознательный, будто забывший о словах.

Наказания считали телом [управления], обряды — [его] крыльями, знания — [определением благоприятного] времени, добродетель — согласием [с другими]. Те, кто считал наказания телом [управления], были умеренны в казнях; те, кто считал обряды крыльями, действовали в согласии с миром; те, кто считал знания [определением благоприятного] времени, были вынуждены применять их в делах; те, кто считал добродетель согласием [с другими], говорили, что поднимаются на вершину вместе со [всеми], у кого есть ноги. Люди полагали, что [они] воистину труженики.

То, что они любили, было единым; то, что они не любили, было единым. В своем единстве [они были] едиными; в отсутствии единства [они были] едиными. В своем единстве [они] были последователями природного; в отсутствии единства [они] были последователями человеческого. [Тот, в ком] природное и человеческое не побеждают друг друга, и называется настоящим человеком.

Жизнь и смерть — от судьбы. Она так же постоянна, как природа в смене дня и ночи. То, что человек в этом не может воспринять, [относится] к свойствам [самих] вещей. Одни видят только Небо как [своего] отца и его любят, тем более [должны бы любить то], что выше неба. Другие видят только благородного мужа [царя], их превосходящего, и готовы за него умереть; тем более [должны бы это делать] ради того, что более истинно, [чем царь].

Когда источник высыхает, рыбы, поддерживая одна другую, собираются на мели, и [стараются] дать друг другу влагу дыханием и слюной. [Но] лучше [им] забыть друг о друге [в просторах] рек и озер. Вместо того чтобы восхвалять Высочайшего и порицать Разрывающего на Части, лучше предать забвению их обоих и идти по своему пути.

Огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть⁷.

[Если] спрятать лодку в бухте, а холм — в озере, скажут, что они в сохранности, но в полночь Силач унесет все на спине, а Невежда ничего не будет знать. В [каком бы] подходящем месте ни спрятать большое или малое, [оно] все же исчезнет. Вот если спрятать Поднебесную в Поднебесной, ей некуда будет исчезнуть, — таков общий закон для [всех] вещей.

Только отлили тело в форме человека, и уже ему радуются; но это тело еще испытает тьму изменений бесконечных, такое счастье разве можно измерить? Поэтому мудрый странствует там, где вещи не теряются, где все сохраняется. [Он] видит доброе и в ранней смерти и в старости, и в начале и в конце. [Если] другие ему подражают, то тем более [должны подражать] тому, от чего зависит [вся] тьма вещей, от чего зависит [все] развитие в целом.

Ведь путь обладает реальностью и достоверностью, [но у него] отсутствуют деяние и телесная форма. О нем можно рассказать, но [его] нельзя взять; можно постичь, но нельзя увидеть. В нем самом и его основа и его корень. [Он] существовал вечно, прежде неба и земли, с самой древности: [он] дал святость душам предков, дал святость богам⁸, породил небо и землю. [Он] выше зенита, а не высокий, ниже надира, а не низкий; [существовал] прежде неба и земли, а не древен; старше самой отдаленной древности, а не стар.

[Человек] из рода Кабаньей Шкуры⁹ обрел его и привел в порядок небо и землю. Готовящий Жертвенное Мясо обрел его и проник к матери воздуха. Ковш, Связующий Звезды¹⁰, обрел его

и никогда не ошибался. Солнце и луна обрели его и никогда не останавливались. Каньпэй¹¹ обрел его и взошел на гору Союз Старших Братьев. Фын И¹² обрел его и странствовал по великой Реке. Цзянь У обрел его и поселился на горе Великой. Желтый Предок обрел его и поднялся в облака. Вечно Недовольный¹³ обрел его и поселился в [Черном] дворце. Юй Цян обрел его и укрепился на Северном полюсе. Мать Западных Царей обрела его и уселась на Шаогуан-горе. Никто не знает, что было началом <пути>; никто не знает, что будет ему концом. Пэн Цзу обрел его [и прожил] от [времен] Ограждающего до Пяти царей¹⁴. Фу Юэ¹⁵ обрел его и стал помощником Удина, [сделав Удина] хозяином Поднебесной. [Фу Юэ] поднялся на восток Млечного пути и, оседлав Стрельца и Скорпиона, стал в ряду звезд.

Подсолнечник из Южного предместья¹⁶ спросил у Женщины Одинокой¹⁷:

— Почему у тебя в такой старости цвет лица, словно у ребенка?

— Я слушаю о пути,— ответила Одинокая.

— Могу ли изучить путь?

— Нет, не можешь! Ты не такой человек. Вот Бу-Опора Балки¹⁸. [У него] способности мудрого, но нет пути мудрого; у меня же есть путь мудрого, но нет способностей мудрого. Я хотела бы научить его, он поистине смог бы стать мудрым. Но и помимо него тому, кто обладает путем мудрого, легко передать путь обладающему способностями мудрого. Я бы лишь его удерживала и ему говорила, и через три дня [он] сумел бы [познать] отчужденность от Поднебесной. После того как [он] познал бы отчужденность от Поднебесной, я бы снова его удерживала, и через семь дней [он] сумел бы [познать] отчужденность от вещей. После того как познал бы отчужденность от вещей, я бы снова его удерживала, и через девять дней [он] сумел бы [познать] отчужденность от жизни. [Познав же] отчужденность от жизни, был бы способен стать ясным, как утро. Став ясным, как утро, сумел бы увидеть единое. Увидев же единое, сумел бы забыть о прошлом и настоящем. Забыв о прошлом и настоящем, сумел бы вступить [туда, где] нет ни жизни, ни смерти. [Ведь] то, что убивает жизнь, не умирает; то, что рождает жизнь, не рождается. Это то, что каждую вещь сопровождает, встречает, разрушает, создает. Имя этому — покой в столкновениях. Покой в столкновениях означает, что создание [происходит лишь] после столкновения¹⁹.

— От кого ты об этом слышала? — спросил Подсолнечник из Южного Предместья.

— Я слышала от сына Гадателя на Черепашьем Панцире²⁰, а сын Гадателя слышал от внука Повторяющего, а внук Повторяющего слышал от Ясного Взора, а Ясный Взор слышал от Шепчущего на Ухо, а Шепчущий на Ухо слышал от Неотложного Тру-

да, а Неотложный Труд слышал от Поющего, а Поющий слышал от Изначального Эфира, а Изначальный Эфир слышал от Пустоты, а Пустота слышала от Безначального.

Приносящий Жертвы, Носильщик²¹, Пахарь²² и Приходящий, беседуя, сказали друг другу:

— Мы подружались бы с тем, кто способен считать небытие — головой, жизнь — позвоночником, а смерть — хвостом; с тем, кто понимает, что рождение и смерть, существование и гибель составляют единое целое²³.

Все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись. [Ни у кого из них] в сердце не возникло возражений, и [они] стали друзьями.

Но вдруг Носильщик заболел, и Приносящий Жертвы отправился его навестить.

— Как величественно то, что творит вещи, — воскликнул больной, — то, что сделало меня таким согбенным!

На его горбу открылся нарыв. Внутренности [у него] теснились в верхней части тела, подбородок касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос [на затылке] торчал прямо в небеса. Эфир, [силы] жара и холода в нем пришли в смятение, но сердцем он был легок и беззаботен. Дотащившись до колодца и посмотрев на свое отражение, сказал:

— Как жаль! Таким горбуном создало меня то, что творит вещи!

— Тебе это не нравится?

— Нет, как может не нравиться? Допустим, моя левая рука превратилась бы в петуха²⁴, и тогда я должен был бы кричать в полночь. Допустим, моя правая рука превратилась бы в самострел, и тогда я должен был бы добывать птицу на жаркое. Допустим, что мой крестец превратился бы в колеса, а моя душа — в коня, и на мне стали бы ездить, разве сменили бы упряжку? Ведь для обретения [жизни] наступает [свое] время, а [ее] утрата следует [за ее ходом]. Если довольствоваться [своим] временем и во всем [за процессом] следовать, [к тебе] не будут иметь доступа ни горе; ни радость. Древние и называли это освобождением от уз. Тех, кто не способен себя развязать, связывают вещи. Но ведь вещам никогда не одолеть природу. Как же может мне это не понравиться?

Но вдруг заболел Приходящий. [Он] задыхался перед смертью, а жена и дети стояли кругом и его оплакивали.

Придя его навестить, Пахарь на них прикрикнул:

— Прочь с дороги! Не тревожьте [того, кто] превращается! — И, прислонившись к дверям, сказал умирающему: — Как величественно создание вещей! Что из тебя теперь получится? Куда тебя отправят? Превратишься ли в печень крысы? В плечо насекомого?

— Куда бы ни велели сыну идти отец и мать — на восток или запад, на юг или север, [он] лишь повинуется приказанию, — ответил Приходящий. — [Силы] жара и холода человеку больше, чем родители. [Если] они приблизят ко мне смерть, а я ослушаюсь, то окажусь строптивым. Разве их в чем-нибудь упрекнешь? Ведь огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть. [Если] ныне великий литейщик станет плавить металл, а металл забурлит и скажет: «Я должен стать [мечом] Мосе!», [то] великий литейщик, конечно, сочтет его плохим металлом. [Если] ныне тот, кто пребывал в форме человека, станет твердить: «[Хочу снова быть] человеком! [Хочу снова быть] человеком!», то творящее вещи, конечно, сочтет его плохим человеком. [Если] ныне примем небо и землю за огромный плавильный котел²⁵, а [процесс] создания за великого литейщика, то куда бы не могли [мы] отправиться? Завершил и засыпаю, [а затем] спокойно проснусь.

Учитель с Тутового Двора, Мэн Цзыфань и Цзы Циньчжан²⁶ подружились. Они сказали друг другу:

— Кто способен дружить без [мысли] о дружбе? Кто способен действовать совместно, без [мысли] действовать совместно? Кто способен подняться на небо, странствовать среди туманов, кружиться в беспредельном, забыв обо [всем] живом, [как бы] не имея конца?

[Тут] все трое посмотрели друг на друга и рассмеялись. [Ни у кого из них] в сердце не возникло возражений, и [они] стали друзьями.

Но вот Учитель с Тутового Двора умер. Еще до погребения Конфуций услышал об этом и послал Цзыгуна им помочь. [Цзыгун услышал, как] кто-то складывал песню, кто-то подыгрывал на *цине*, и вместе запели:

Ах! Придешь ли, Учитель с Тутового Двора.
Ах! Придешь ли, учитель!
Ты уже вернулся к своему истинному,
А мы все еще люди!

Поспешно войдя, Цзыгун сказал:

— Дозвольте спросить, по обряду ли [вы] так поете над усопшим?

— Что может такой понимать в обряде? — заметили [оба], переглянулись и усмехнулись.

Цзыгун вернулся, доложил Конфуцию и спросил:

— Что там за люди? Приготовлений [к похоронам] не совершали, отчужденные от формы, пели над усопшим и не изменились в лице. [Я] даже не знаю, как их назвать! Что там за люди?

— Они странствуют за пределами человеческого, — ответил Конфуций, — а [я], Цю, странствую в человеческом. Бесконечному и конечному друг с другом не сблизиться, и [я], Цю, поступил неразумно, послав с тобой [свое] соблезнование. К тому же они обращаются с тем, что творит вещи, как с себе подобным, и странствуют в едином эфире неба и земли. Для них жизнь — [какой-то] придаток, зоб; смерть — прорвавшийся чирей, освобождение от нараста. Разве такие люди могут понять, что такое смерть и что такое жизнь, что сначала, а что в конце? [Они] допускают, что тело состоит из различных вещей²⁷. Забывая о собственных глазах и ушах, о печени и желчи, [они твердят] все снова и снова о конце и начале, не зная границ. [Они] бессознательно блуждают за пределами пыли и праха, [странствуют] в беспредельном, в области недеяния. Разве станут они себя затруднять исполнением людских обрядов? Представать перед толпой зрителей, [говорить] для ушей [толпы слушателей]?

— Почему же тогда [вы], учитель, следуете обрядам? — спросил Цзыгун.

— На [мне], Цю, кара Небес! ²⁸ И все же я разделяю ее с тобой, — ответил Конфуций.

— Осмелюсь ли спросить про их учение?

— Рыба создана для воды, а человек — для пути, — ответил Конфуций. — Тот, кто создан для воды, кормится, плавая в пруду. Тот, кто создан для пути, утверждает [свою] жизнь в недеянии. Поэтому и говорят: «Рыбы забывают друг о друге в [просторах] рек и озер, люди забывают друг о друге в учении о пути».

— Осмелюсь ли узнать, [что за человек] тот, кто чуждается людей? — спросил Цзыгун.

— Тот, кто чуждается людей, равен природе, — ответил Конфуций. — Поэтому и говорится: «Человек ничтожный для природы — благородный муж [царь] для людей²⁹; благородный муж для людей — человек, ничтожный для природы».

Янь Юань сказал Конфуцию:

— Когда у Мэнсуня Талантливого ³⁰ умерла мать, он причитал, не проливая слез, сердцем не скорбел, не горевал при погребении. При таких трех упущениях в царстве Лу считали, что он прекрасно выполнил обряд. [Мне], Хою, кажется очень странным то, что [он] приобрел такую славу, не имея [на нее права] по существу.

— Этот, из рода Мэнсунь, все исчерпал! — сказал Конфуций. — [Он] продвинулся в познании. Пренебречь обрядом не сумел, но для себя [им] пренебрег. [Тот] из рода Мэнсунь не разбирает, почему [возникает] жизнь, почему [наступает] смерть; не разбирает, где начало, а где конец. Как будто, превращаясь в [другую] вещь, ожидает неведомых ему перемен. Ведь когда готов к изменениям, как узнать, что не изменишься? А когда не готов

к изменениям, как узнать, что уже изменился? Только мы с тобой еще не начали просыпаться от этого сна. Ведь тот [Мэнсунь], выражая страх во внешнем, не [отягощал] утратой своего сердца. Он ощущал не смерть, а [быстротечность] пристанища на [одно] утро. Только Мэнсунь и проснулся. Причитал потому, что другие причитали. К тому же, когда общаются с другими, [есть] собственное «я». Но как знать, «я» ли то, что мы называем «я»? Вот тебе приснится, что [ты] птица и взмываешь в небеса; приснится, что [ты] рыба и ныряешь в глубину. А теперь не знаешь, говоришь [об этом] наяву или во сне? Тому, кто встречает [превращение] безропотно, далеко до [того, кто встречает его] с улыбкой; [тому, кто] изображает [на лице] улыбку, далеко до [того, кто вверяет себя] движению. Тот, кто спокойно [вверяет себя] движению, проходит через изменение [в смерти] и вступает в пустоту, естественность, единое.

Сын Ласточки встретился с Никого не Стесняющим, и тот его спросил:

— Что посоветовал тебе Высочайший?

— Высочайший сказал, что мне следует, склонясь, подчиниться милосердию и справедливости и [тогда я] стану верно судить об истинном и ложном, — ответил Сын Ласточки.

— И зачем только ты пришел [ко мне]? — задал ему вопрос Никого Не Стесняющий. — Если Высочайший наложил на тебя клеймо своего милосердия и справедливости³¹, отрезал тебе нос [своим суждением] об истинном и ложном, разве сумеешь ты странствовать в области безграничного наслаждения, необузданной свободы и бесконечного развития?

— И несмотря на это, я хочу вступить за ее ограду, — ответил Сын Ласточки.

— Это невозможно! — воскликнул Никого не Стесняющий. — Незрячему незачем [толковать] о красоте глаз, бровей, лица; слепому не познать ни темное и желтое, ни красоты [орнамента] расшитых царских одежд.

— Но, — возразил Сын Ласточки, — ведь Пренебрегшая Украшениями утратила свою красоту, Схвативший Балку³² утратил свою силу, а Желтый Предок забыл о своих знаниях, — все они попали под молот на наковальне. Как знать, [быть может], то, что творит вещи, снимет с меня клеймо, восстановит мне нос, чтобы я снова, целый, смог последовать за [вами], Прездорожденный?

— Ах! Заранее этого не узнаешь! — воскликнул Никого не Стесняющий. — Я расскажу тебе [лишь] об основном. О, мой учитель! О, мой учитель! ³³ Крошишь [всю] тьму вещей, но не вершишь справедливости. Возращаешь тьму поколений, а не милосерден. [Ты] старше самой отдаленной древности, а не стар. Покрывая и поддерживая и небо и землю, отливаешь и высекаешь тьму форм, а не [проявляешь] мастерства. Вот в чем [я] и странствую.

Янь Юань сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— [Я], Хой, забыл о милосердии и справедливости.

— Хорошо, [но это] еще не все.

На другой день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— [Я], Хой, забыл о церемониях и о музыке.

— Хорошо, [но это] еще не все.

На следующий день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— [Я], Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

[Я], Хой, сижу и забываю [о себе самом].

— Что это значит, «сижу и забываю [о себе самом]»? — изменившись в лице, спросил Конфуций.

— Тело уходит, органы чувств отступают. Покинув тело и знания, [я] уподобляюсь всеохватывающему³⁴. Вот что означает «сижу и забываю [о себе самом]».

— Уподобился [всеохватывающему] — значит, освободился от страстей; изменился — значит, освободился от постоянного. Ты воистину, стал мудрым! Дозволь [мне], Цю, следовать за тобой.

Носильщик и Учитель с Тутового Двора³⁵ были друзьями. Однажды, когда дождь лил целых десять дней, Носильщик [сам себе] сказал:

— Как бы с Учителем с Тутового Двора не случилась беда!

[Он] захватил с собой еду и отправился кормить друга. У самых ворот [дома] Учителя [Носильщику слышался] то ли плач, то ли пение. За ударом [по струнам] *циня* последовали слова:

«О отец!
О мать!
О природа!
О люди!..»

Слабевший голос спешил допеть строфу.

— Почему пел ты такую песню? — войдя к нему, спросил Носильщик.

— Я искал того, — ответил Учитель, — кто довел меня до такой крайности, но не знаю — кто. Неужели отец и мать желали мне такой бедности? Небо ведь беспристрастно [все] покрывает, а земля беспристрастно [все] поддерживает. Неужели небо и земля были пристрастны ко мне, сделав меня бедным³⁶? Я искал, кто это сделал, но не мог [никого] найти. Значит, то, что довело меня до такой крайности, — судьба³⁷.

ДОСТОЙНЫЙ БЫТЬ ПРЕДКОМ И ЦАРЕМ

Четырежды обратившись к Наставнику Юных с вопросами¹ и четырежды [услышав] «не знаю», Беззубый подпрыгнул от радости, пошел и сообщил об этом Учителю в Тростниковом Плаще. Тот сказал:

— Теперь-то ты это понял? Ведь роду Владеющих Тигром² далеко до рода Великих³. [Человек] из рода Владеющих Тигром таил в себе милосердие, чтобы привлекать людей и завоевывать [сердца], но еще не начал делать [различие между] человеческим и нечеловеческим⁴. [Человек] из рода Великих спал спокойно, пробуждался довольный, мнил себя то конем, то буйволом. Знания его были достоверными, чувства — надежными, свойства — настоящими. Он даже не подошел к [различию между] человеческим и нечеловеческим.

Цзянь У встретился с Безумцем Встречающим Колесницы и тот его спросил:

— Что сказал тебе Начало Полудня?⁵

— [Он] мне сказал: «Когда сам правитель образцово выполняет правила и обряды, никто не осмелится [его] ослушаться и все преобразуются», — ответил Цзянь У.

— Это свойство ложное, — ответил Безумец. — [Применить] его к управлению Поднебесной все равно, что [пытаться] перейти вброд море⁶, проложить русло для Реки или заставить комаров перенести гору. Разве мудрец своими знаниями [способен] управлять внешним? [Если сам он], став образцом, начал действовать, то добьется воистину лишь того, чтобы выполнялись его дела. Ведь птица, спасаясь от стрелы, привязанной на бечеве, улетает ввысь; а мышь, [когда ее] выкуривают или выкапывают, роет нору глубоко под Священным холмом. Неужто [у правителя] знаний меньше, чем у этих тварей?

Корень Неба⁷, прогуливаясь на солнечном склоне [горы] Темно-красной, дошел до реки Заросшей Осокой. [Тут он] случайно встретился с Безымянным и обратился [к нему] с вопросом:

— Дозвольте спросить, [что нужно] сделать для Поднебесной?

— Иди прочь, невежда! — ответил Безымянный. — Что надоедаешь вопросами! Я готовился к общению с тем, что творит вещи, как с себе подобным, а пресытившись, собирался подняться на птице неведомых далей за пределы всех шести стран света, странствовать в царство небытия, пребывать в бескрайних просторах. К чему тревожишь мое сердце [вопросом об] управлении Поднебесной?

[Но Корень Неба] повторил вопрос, и Безымянный ответил:

— Наслаждайся сердцем в бесстрастии, соединишь с эфиром в равнодушии, предоставь каждого естественному [пути], не допускай ничего личного, и в Поднебесной воцарится порядок.

Ян Чжу встретился с Лаоцзы и спросил:

— Можно ли сопоставить с мудрым царем человека сообразительного и решительного, проницательного и дальновидного, который без усталости изучает путь?

— При сопоставлении с мудрым, — ответил Лаоцзы, — такой [человек выглядел бы] как суетливый мелкий слуга⁸, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь говорят: «красота тигра и барса — приманка для охотников»⁹; «обезьяну держат на привязи за ее ловкость, а собаку за умение загнать яка». Разве можно такого сопоставить с мудрым царем?

— Дозвольте спросить, как управлял мудрый царь? — задал вопрос Ян Чжу, изменившись в лице.

— Когда правил мудрый царь, успехи распространялись на всю Поднебесную, а не уподоблялись его личным; преобразования доходили до каждого, а народ не опирался [на царя]; никто не называл его имени, и каждый радовался по-своему. [Сам же царь] стоял в неизмеримом и странствовал в небытии¹⁰.

В Чжэн был Колдун по имени Цзи Сянь. Точно бог, узнавал [он], кто родится, а кто умрет, кто будет жить, а кто погибнет, кого ждет счастье, а кого беда, кого долголетие, кого ранняя смерть, и назначал [каждому] срок — год, луну, декаду, день. Завидев его, чжэнцы уступали дорогу.

Лецзы встретился с Колдуном и подпал под его чары. Вернувшись же, обо всем рассказал учителю с Чаши-[горы]:

— Ваше учение я считал высшим, а теперь познал более совершенное.

— Я открывал тебе внешнее, еще не дошел до сущности, — ответил учитель. — Как же тебе судить об учении? Если рядом с курами не будет петуха, откуда же возьмутся цыплята? Думая, что постиг учение и [можешь] состязаться с современниками, [ты] возгордился, поэтому он и прочел все на твоём лице. Приди-ка вместе [с ним] сюда, пусть на меня посмотрит.

Назавтра Лецзы явился к учителю вместе с Колдуном. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Увы! Твой учитель [скоро] умрет, не проживет и десяти дней. Я видел странное — пепел, залитый водой.

Лецзы вошел к учителю, зарыдал так, что слезами оросил одежду, и передал ему [слова Колдуна].

— В тот раз я показался ему поверхностью земли, — сказал учитель, — без побегов, без движения. Ему, видимо, почудилась

какая-то преграда в источнике моей жизненной энергии. Приди-ка снова [с ним] сюда.

Назавтра Лецзы снова явился с Колдуном. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Счастье, что твой учитель встретился со мной. [Ему] лучше, полностью появилась жизнь. Я заметил, что энергия проникает через преграду.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все].

— На этот раз я показался ему в виде неба и земли, [куда] нет доступа [таким понятиям, как] «имя» [или] «сущность». Но источник энергии исходил из пяток. Вот [ему] и почудилось, что мне лучше. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы снова явился с колдуном к учителю. [Когда они] вышли, [Колдун] сказал Лецзы:

— Твой учитель в тревоге. Трудно читать на его лице. Успокой [его], и [я] снова его навещу.

Лецзы вошел к учителю и передал ему [все]. Учитель молвил:

— На этот раз он узрел во мне великую пустоту без малейшего предзнаменования [чего-либо] и принял ее за признак равновесия жизненных сил. Существует всего девять названий глубин. [Я же] появился в трех: [в виде] глубины водоворота, стоячей воды, проточной воды. Приди-ка снова [с ним] сюда.

На другой день Лецзы вместе с Колдуном снова явился к учителю. Не успел Колдун занять [свое] место, как в растерянности пошел прочь.

— Догони его, — велел учитель.

Лецзы побежал, не смог его догнать, вернулся и сказал:

— Не догнал! [Он куда-то] исчез! Потерялся!

— Я показался ему зародышем, каким был еще до появления на свет, — сказал учитель. — Я предстал перед ним пустым, покорным, свернувшимся в клубок. [Он] не понял, кто [я], какой [я], видел то увядание, то стремительное течение. Вот и сбежал [от меня].

Тут Лецзы решил, что еще и не начинал учиться, вернулся [домой] и три года не показывался. Готовил пищу для своей жены, свиней кормил будто людей, в резьбе и полировке вернулся к безыскусственности. В [других] делах не принимал участия. Лишь телесно, словно ком земли возвышался он среди мирской суеты, замкнутый, целостный и поэтому [познал] истину до конца.

Не поступай в услужение к славе, не становись сокровищницей замыслов, не давай делам власти над собой, не покоряйся знанию.

Постигая [все] до предела, [будь] бесконечен; странствуя, не оставляй следов; исчерпывая дарованное природой, ничего не приобретаешь; будь пустым и только.

Настоящий человек пользуется своим сердцем <разумом>, словно зеркалом. Не следует [за вещами], не идет [им] навстречу,

[им] отвечает, но [их] не удерживает. Поэтому преодолевает вещи, но остается невредимым.

Владыкой Южного океана был Поспешный, владыкой Северного океана — Внезапный, владыкой Центра — Хаос. Поспешный и Внезапный часто встречались на земле Хаоса, который принимал их радушно, и они захотели его отблагодарить.

— Только у Хаоса нет семи отверстий, которые есть у каждого человека, чтобы видеть, слышать, есть и дышать, — сказали [они]. — Попробуем [их] ему проделать.

Каждый день делали по одному отверстию и на седьмой день Хаос умер¹¹.

Глава 8

ПЕРЕПОНКИ МЕЖДУ ПАЛЬЦАМИ НОГ

Перепонки между пальцами ног и шестой палец на руке даются от природы, но для [человеческих] свойств излишни. Опухоль и зуб вырастают на теле [человека], но для природного [они] излишни. Милосердие и справедливость во многих предписаниях распределяются между [всеми] пятью внутренними органами. Однако они не отвечают истине природных свойств. Как перепонки между пальцами ноги — добавочное бесполезное мясо, а шестой палец руки — добавочный бесполезный палец, так и многое внешнее [подобно] перепонкам и шестым пальцам для свойств [всех] пяти внутренних органов. Излишние милосердие и справедливость [вызывают] многие предписания, как слушать и смотреть.

Поэтому излишне острое зрение [ведет к] смешению [всех] пяти цветов, к изощренности в орнаменте, ослеплению темными и желтыми расшитыми царскими одеждами. Не так ли было с [Видящим] Паутину Издали? Излишне тонкий слух [ведет к] смешению пяти звуков, к изощренности в шести тонах, [пристрастию к музыкальным инструментам из] металла и камня, шелка и бамбука, колоколам и шести полутонам. Не так ли поступал Наставник Куан? Излишнее милосердие [ведет к] отказу от свойств, к скованности [человеческой] природы во имя славы, к тому, чтобы все в Поднебесной дули в свирели и били в барабаны, прославляя недосигаемый образец. Не так ли поступали Цзэн[цзы] и Хроист [Ю]?¹

Излишества в спорах [ведут к] нагромождению фраз, [будто] черепицы или узлов на веревке, к наслаждению тождеством и различием, твердостью и белизной, безудержными бесполезными словами ради минутной славы. Не так ли поступали Ян [Чжу]² и Мо [Ди]?

Все эти учения с перепонками и шестыми пальцами не составляют подлинной истины в Поднебесной. Подлинная истина в том, чтобы не терять природных свойств. Следовательно, при объединении уничтожаются перепонки, а при разделении — лишние пальцы. [Однако] длинное не должно считаться излишним, а короткое — недостаточным. Хотя лапки утки коротки, [но] попробуй их вытянуть — причинишь боль; хотя ноги у журавля длинны, [но] отруби их — причинишь горе. Если не отрезать то, что от природы длинно, не удлинять то, что от природы коротко, не нужно будет и устранять боль. Ах, сколь противны человеческой природе милосердие и справедливость! Сколько боли причиняет людям милосердие!

Тот, кому разрежут перепонку между пальцами, заплачет; тот, кому откусят лишний палец, закричит. У одного — излишек, у другого — недостаток, а боль у обоих одинаковая. Современные милосердные с засоренными глазами печалются о бедах мира, а немилосердные, насилуя природные свойства, алчут богатства и почестей. Ах, сколь противны человеческой природе милосердие и справедливость! Сколько шуму они вызвали в мире со времен трех династий! ³.

Тот, кто с помощью крюка и отвеса, циркуля и наугольника придает [вещам] надлежащую [форму], калечит их природу; тот, кто с помощью веревок и узлов, клея и лака укрепляет [вещи], вредит [их] свойствам. Тот, кто [заставляет людей] изгибаться в обрядах и танцах, оберегать милосердие и справедливость, чтобы внести успокоение в умы Поднебесной, лишает их постоянных [свойств] ⁴. У [всех вещей] Поднебесной есть постоянные [свойства]. К постоянному относится то, что скривилось без крюка, выпрямилось без отвеса, округлилось без циркуля, стало квадратным без наугольника; что соединилось без клея и лака, связалось без веревки и тесьмы. Так [все] в Поднебесной, увлекая один другого, рождаются и не знают, почему рождаются; одинаково обретают и не знают, почему обретают. Такой порядок был и в старину и в наше время, [он] не может быть нарушен. Как может связанный милосердием и справедливостью, точно клеем и лаком, веревкой и тесьмой, наслаждаться природными свойствами? [Они] вводят весь мир в заблуждение. Небольшое заблуждение изменяло направление; великое заблуждение изменяло [человеческую] природу. Откуда это известно? С тех пор как [Ограждающий] из рода Владеющих Тигром смутил Поднебесную своим призывом к милосердию и справедливости, каждый по принуждению поспешил следовать за милосердием и справедливостью. Не изменилась ли из-за [появления] милосердия и справедливости и человеческая природа?

Попытаемся [высказать] об этом суждение.

Со времен трех династий каждый [человек] в Поднебесной из-за вещей изменял [свою] природу. Ничтожные люди жертвовали жизнью ради наживы, мужи — ради славы, военачальники — ради

рода, мудрецы — ради царства. У этих людей различные занятия, различные прозвания, но, жертвуя собой, они причиняли своей природе одинаковый вред.

Так, Раб и Рабыня вместе пасли стадо и оба потеряли своих овец. Спросили Раба, что [он] делал? Оказалось, что читал дощечку с записью гадания. Спросили Рабыню, что [она] делала? Оказалось, что играла в кости. Занимались они различными делами, но оба одинаково потеряли овец. Так, Старший Ровный, жаждавший славы, умер у подножья горы Первого Солнца; разбойник Чжи⁵, жаждавший поживы, умер на вершине Восточного Кургана. Смерть их вызвана различными причинами, но оба они равно сократили свою жизнь и причинили вред своей природе. Почему же следует восхвалять Старшего Ровного и порицать Чжи?

Из тех, кто в Поднебесной жертвует собой, одни делают это ради милосердия и справедливости, тогда их обычно величают благородными мужами; другие — ради имущества и богатства, тогда их обычно прозывают ничтожными людьми. Жертвуют собой одинаково, почему же становятся благородными или ничтожными? Разбойник Чжи так же сократил свою жизнь и повредил своей природе, как и Старший Ровный, откуда же [появилось] между ними различие, как [различие] между ничтожным и благородным?

[Умение] подчинять свою природу милосердию и справедливости, даже [столь] совершенное, как у Цзэн [цзы] и Хрониста [Ю], я не называю сокровищем; [умение] подчинять свою природу [всем] пяти вкусам, даже [столь] совершенное, как у Юйэра⁶, я не называю сокровищем; тех, кто подчиняет свою природу [всем] пяти звукам даже [столь] совершенно, как Наставник Куан, я не называю чуткими; тех, кто подчиняет свою природу [всем] пяти цветам даже [столь] совершенно, как [Видящий] Паутину Издали, я не называю зоркими. Я называю сокровищем обладание не милосердием и справедливостью, а лишь своими свойствами. Я называю сокровищем не обладание милосердием и справедливостью, а лишь предоставление свободы своим природным чувствам. Я называю чутким не того, кто слышит других, а лишь того, кто слышит самого себя. Я называю зорким не того, кто видит других, а лишь того, кто видит самого себя. Ведь смотрит на других тот, кто не видит самого себя; овладевает другими тот, кто не владеет собой, [такой] завладевает тем, что принадлежит другим, а не тем, что обрел он сам; стремится к тому, что пригодно для другого, а не к тому, что пригодно для него самого. Ведь те, кто стремится к пригодному для другого, не стремятся к пригодному для них самих. Они одинаково порочны, пусть это даже Старший Ровный или разбойник Чжи! Мне стыдно перед природными свойствами, поэтому я не осмеливаюсь упражняться в милосердии и справедливости с первым и не решаюсь предаваться порокам и последним.

У КОНЯ КОПЫТА

У коня копыта, и [он] может ступать по инею и снегу. Шкура защищает [его] от ветра и холода. Он щиплет траву, пьет воду, встает на дыбы и скачет. Такова истинная природа коня. Ему не нужны ни высокие башни, ни огромные залы.

Но вот Радующийся Мастерству сказал:

— Я умею укрощать коней.

[И принялся] подстригать им гриву, подрезать копыта, стал их палить и клеймить, взнуздывать и стреноживать, запирает в конюшне и загоне. Из [каждого] десятка погибали два-три коня. [Он] стал укрощать их голодом и жаждой, пускал рысью и галопом, заставлял держать строй. Спереди [им] угрожали удила и шлея, сзади — кнут и хлыст. Коней же погибало более половины.

Гончар сказал:

— Я умею лепить из глины.

Круги [у него] соответствовали циркулю, а квадраты — наугольнику.

Плотник сказал:

— Я умею обрабатывать дерево.

Изгибы [у него] соответствовали крюку, а прямые [линии] — отвесу.

Разве [своей] природой глина и дерево стремятся соответствовать циркулю и наугольнику, крюку и отвесу? Но все же [мастеров] славили из поколения в поколение:

— Радующийся Мастерству умел укрощать коней! Гончар и Плотник умели обращаться с глиной и деревом!

Это — ошибка тех, кто правил Поднебесной.

Я думаю, что мастер, управляя Поднебесной, поступил бы иначе. Постоянное в природе людей то, что [они] ткут и одеваются, возделывают землю и питаются, — это и называется [их] общим свойством. [Некогда они] были едины, не делились на группы, [и это я] называю естественной свободой¹. Поэтому во времена, [когда] свойства были настоящими, ходили медленно и степенно, смотрели твердо и непреклонно. Тогда в горах еще не проложили дорог и тропинок, на озерах не было лодок и мостов; все создания жили вместе, и селения тянулись одно за другим. Птицы держались стаями, звери ходили стадами, травы росли со всей пышностью, а деревья — во всю свою длину. Поэтому можно было гулять, ведя на поводу птицу или зверя, вскарабкаться на дерево и заглянуть в гнездо сороки или вороны. Да, во времена, [когда] свойства были настоящими, [люди] жили рядом с птицами и зверями, [составляли один] род со всеми существами. Разве знали о [делении на] благородных и ничтожных? [Ни у кого] одинаково не было знаний, [никто] не нарушал своих свойств, [все] одинако-

во были свободны от страстей, и это [я] называю безыскусственностью. В безыскусственности народ обретал свою природу.

Когда же появились мудрецы, то [умение] ходить вокруг да около прихрамывая, стали принимать за милосердие; [умение] ходить на цыпочках — за справедливость, — и [все] в Поднебесной пришло в замешательство. Распушенность и излишества стали принимать за наслаждение; сложенные руки и согнутые колени стали принимать за обряды. И [все] в Поднебесной стали отделяться друг от друга.

Кто сумел бы, не повредив дерева, вырезать жертвенную чашу? Кто сумел бы, не повредив белого нефрита, выточить скипетр и булаву? Как [сумели бы] ввести милосердие и справедливость, не нарушив природных свойств? Как [сумели бы] ввести обряды и музыку, не отбросив естественных чувств? Кто [сумел бы] создать орнамент, не спутав [всех] пяти красок? Кто [заставил бы] пять звуков, не спутав их, отвечать шести трубочкам? В том, что ради сосудов искалечили дерево, вина мастеров; в том, что ради милосердия и справедливости нарушили природные свойства, вина мудрецов².

Пока кони жили на просторе, они щипали траву и пили воду. Радуюсь, сплетались шеями и ласкались, сердясь, поворачивались друг к другу задом и лягались. Только в этом и состояли их знания. Но когда на коней надели ярмо, украсили им морду [изображением] луны, они научились коситься и выгибать шею, упираться и брыкаться, ломать ярмо и рвать поводья. Поэтому в том, что кони приобрели [подобные] знания и научились разбойничьим повадкам, виноват Радующийся Мастерству.

Во времена рода Пламенных Помощников³ народ жил, не зная, что [ему] делать; ходил, не ведая куда. [Человек] набивал себе рот и радовался, похлопывал себя по животу и отправлялся гулять. В этом состояли все его способности. Но когда появились мудрецы, они [ввели] преклонения и поклоны, обряды и музыку для исправления формы [поведения] в Поднебесной; вывесили для [общей] радости милосердие и справедливость, чтобы внести успокоение в умы Поднебесной. И тут народ принялся ходить вокруг да около прихрамывая, и так пристрастился к знаниям и к соперничеству в погоне за наживой, что его нельзя было остановить. В этом также вина мудрецов.

Глава 10

ВЗЛАМЫВАЮТ СУНДУКИ

Чтобы уберечься от воров, которые взламывают сундуки, шарят по мешкам и вскрывают шкафы, нужно обвязывать [все] веревками, запирают на засовы и замки. Вот это умно, говорят обычно. Но приходит большой Вор, хватает весь сундук под мышку,

взваливает на спину шкаф, цепляет на коромысло мешки и убе-
гает, боясь лишь одного,— чтобы веревки и запоры [не оказались]
слабыми. Тогда те, которых прежде называли умными, оказывае-
тся, лишь собирали добро для большого Вора. Посмотрим, не соби-
рает ли добра для больших воров тот, кого обычно называют ум-
ным? Не охраняет ли крупных разбойников тот, кого называют
мудрецом? Как доказать, что это истина?

В старину в царстве Ци соседи из [разных] общин видели друг
друга, петухи там друг с другом перекликались, собаки отвечали
друг другу [лаем]¹. На пространстве] более двух тысяч квадрат-
ных *ли* расставляли сети, обрабатывали землю сохой и мотыгой.
В пределах четырех границ во всем брали пример с мудрецов —
при постройке храма предков, алтаря Земли и Проса, домов, при
разбивке на околотки, селения, округа и области.

Но вот однажды утром Тянь Чэнцзы убил цисского царя
и украл его царство. Только ли царство украл? [Нет!] Вместе
с царством украл и мудрые порядки. И хотя о Тянь Чэнцзы по-
шла слава как о воре и разбойнике, сам он наслаждался таким
же покоем, как Высочайший и Ограждающий. Малые царства не
смели его порицать, а большие — покарать. И так двенадцать по-
колений [его потомков] владели царством Ци.

Если он украл не только царство Ци, но и его порядки, [введен-
ные] умными и мудрецами, то не являются ли эти самые [умные
и мудрецы] хранителями воров и разбойников?²

Посмотрим, не собирают ли [добро] для больших воров те, ко-
го в мире величают самыми умными? Не охраняют ли разбойни-
ков те, кого величают самыми мудрыми? Как доказать, что это
истина?

[Вот] в старину обезглавили Встреченного Драконом, выреза-
ли сердце у Царевича Щита, выпотрошили Чан Хуна³, сгноили
в реке [тело] Цзысюя⁴. Все четверо — достойные люди, а не смог-
ли избежать казни.

Сообщник разбойника Чжи его спросил:

— Есть ли у разбойников свое учение?

— Разве можно выходить [на промысел] без учения? — отве-
тил Чжи. — Угадать по ложным [слухам], что в доме есть сокрови-
ща,— мудрость; войти [в него] первым — смелость; выйти послед-
ним — справедливость; пронюхать, возможен ли [грабеж],— зна-
ние; разделить [добычу] поровну — милосердие. Без этих пяти
[добродетелей] никто в Поднебесной не может стать крупным раз-
бойником. Отсюда видно, что если без учения мудрецов нельзя
стать добрым человеком, то без учения мудрецов нельзя стать
и разбойником⁵. Но добрых людей в Поднебесной мало, а недоб-
рых много. Поэтому польза, которую приносят Поднебесной муд-
рецы, невелика, а вред — велик. Поэтому и говорится: «Отрежут
губы — стынут зубы», «из-за плохого вина в Лу Ханьдань под-

вергся осаде»⁶, «когда рождается мудрец, появляется и великий разбойник».

Если мудрецов прогнать, а разбойников оставить в покое, в Поднебесной воцарится порядок. Ведь [если] высохнет поток, опустеет и долина; [если] сровнять с землей гору, заполнится и пропасть. Когда мудрецы перемрут, исчезнут и большие грабители, в Поднебесной наступит мир и больше не будет беды. Пока мудрецы не перемрут, не переведутся и великие разбойники. Управлять Поднебесной, уважая мудрецов, означает соблюдать выгоду разбойника Чжи.

Если сделают меры и гарнцы, чтобы мерить, украдут [и зерно] вместе с мерами и гарнцами; если сделают гири и безмены, чтобы взвешивать, то украдут [и взвешиваемое] вместе с гирями и безменами; если сделают верительные дщицы и царские печати, чтобы обеспечить доверие, то украдут [и царство] вместе с верительной дщицей и царской печатью; если создадут милосердие и справедливость для исправления [нравов], то украдут и [исправление нравов] вместе с милосердием и справедливостью. Как доказать, что это истина?

[Вот:] укравшего крючок — на плаху, укравшего трон — на царство⁷. У ворот правителей и хранится милосердие со справедливостью. Разве это не кража милосердия и справедливости, мудрости и знаний? Поэтому-то вслед за большими грабителями крадут царства, крадут милосердие и справедливость вместе со всей наживой от мер и гарнцев, гирь и безменов, верительных дщиц и царских печатей. [Этого] не остановить, даже награждая колесницей и шапкой сановника; [этого] не запретить даже страхом перед топором и секирой; этого не обуздать из уважения к поживе разбойника Чжи — такова вина мудрецов. Поэтому и говорится: «Рыбе нельзя покидать глубины, орудие наживы в стране нельзя показывать людям»⁸. Мудрецы и есть орудие наживы в стране, [им] и нельзя показываться людям. Поэтому [следует]: уничтожить мудрость и отбросить знания, тогда переведутся и большие разбойники; выбросить нефрит и расколоть жемчуг, тогда исчезнут и малые воры; сжечь верительные дщицы и разбить царские печати, тогда народ станет простым и безыскусственным; поломать меры и перебить безмены, тогда в народе прекратятся тяжбы; истребить все правила мудрецов в Поднебесной, тогда с народом можно будет рассуждать; перемешать [все] шесть трубок, сжечь свирели и гусли, заткнуть уши слепцу Куану, и все в Поднебесной обретут слух; уничтожить орнаменты, раскидать [все] пять красок, склеить веки [Видящему] Паутину Издали, и все в Поднебесной обретут зрение; истребить крюки и отвесы, выбросить циркули и наугольники, переломать пальцы Искусному Молоту⁹, и каждый в Поднебесной обретет мастерство. Поэтому и говорится: «Величайшее искусство похоже на неумение»¹⁰. [Следует] презреть поведение Цзэн [цзы] и Хрониста [Ю], зажать рот Ян [Чжу] и Мо [Ди], изгнать милосердие и справедливость, и свойства всех

в Поднебесной сравниваются с изначальными. [Если бы] каждый обрел зрение, в Поднебесной никого бы не ослепляли; [если бы] каждый обрел слух, в Поднебесной никого бы не оглушали; [если бы] каждый обрел знания, в Поднебесной не стало бы заблуждений; [если бы] каждый обрел свои свойства, в Поднебесной не стало бы порока. Такие как Цзэн [цзы] и Хронист [Ю], Ян [Чжу] и Мо [Ди], Наставник Куан, Искусный Молот и [Видящий] Паутину Издали выставляют свои достоинства напоказ, чтобы ослепить [всех] в Поднебесной. Подражать им нельзя.

Разве ты не знаешь о времени истинных свойств? В древности жили [люди] из родов Юнчэн¹¹, Огромных Дворов, Дяди Повелителя, Срединных, Равнины Каштанов, Разводящих Вороных Коней, Создателей Колесниц, Пламенных Помощников, Священной Чаши и Жаровни, Вызывающих Пламя, Готовящих Жертвенное Мясо, Священных Землепашцев. В те времена «народ запоминал, завязывая узелки на веревках»¹², наслаждался, жуя свою пищу, любовался своей одеждой, был счастлив своими обычаями, довольствовался своим жилищем. «Жители соседних царств видели друг друга, петухи друг с другом перекликались, собаки отвечали друг другу [лаем]. Люди доживали до глубокой старости, но не общались друг с другом». В те времена царил истинный порядок.

А теперь дошло до того, что люди, вытягивая шею и становясь ны цыпочки, [друг другу] сообщают:

— Там-то появился мудрец.

И, захватив с собой провизии, спешат к нему, покидая дома своих родителей, бросая дела государя. Следы [их] ведут через границы царств, колеи, проложенные [их] повозками, тянутся через тысячи *ли*. В этом — вина высших, пристрастившихся к знаниям. Когда высшие, не обладая учением, воистину пристрастятся к знаниям, [они] ввергают Поднебесную в великую смуту.

Как доказать, что это истина? [А вот, если] растут познания [насчет] луков и самострелов, силков, стрел на шнурке и [другого] оружия, то птицы в небе приходят в смятение; [если] растут знания [в области] крючков и приманок, сетей и бредней, сачков и бамбуковых кубарей, то рыбы в воде приходят в смятение; [если] растут знания [насчет] загонов, ловушек и тенет, то звери на болотах приходят в смятение. [Когда же] растет умение лукавить и изворачиваться, изводить и порочить, [устанавливать] тождество и различие, твердость и белизну, то нравы ввергаются в смятение софистикой. Поэтому в Поднебесной каждый раз возникает великая смута и вина за нее ложится на пристрастных к знаниям¹³.

Поэтому все в Поднебесной умеют стремиться к познанию неизвестного, но не умеют стремиться к познанию известного; все умеют осуждать то, что считается недобрым, но не умеют осуждать то, что считается добрым, — это и ведет к большой смуте. Поэтому-то наверху и затмевается свет солнца и луны, а внизу истощается сила гор и рек; уменьшаются дары четырех времен года. [Все вплоть до] слабых червяков и малых насекомых утрачи-

вают свою природу. Как ужасна в Поднебесной смута из-за страстия к знаниям! И так повелось со времен трех династий. Забыли простой, скромный народ и обрадовались хитрым, изворотливым краснобаям; оставили тишину и покой надеяния и обрадовались пустопорожнему многословию. Это-то пустопорожнее многословие и ввергло Поднебесную в смятение!

Глава 11

ПРЕДОСТАВИТЬ [КАЖДОГО] САМОМУ СЕБЕ

Слышали о том, что Поднебесную следует предоставить себе самой, но не слышали о том, что в Поднебесной следует наводить порядок. «Предоставить» — из опасения, чтобы не извратилась природа Поднебесной, «каждого самому себе» из опасения, чтобы не изменились [человеческие] свойства. [Если] природа Поднебесной не извратится, а [человеческие] свойства не изменятся, разве нужно будет наводить в ней порядок?

В старину Высочайший стал наводить порядок, чтобы Поднебесная возликовала, люди возрадовались своей природе, а [они] лишились покоя. Разрывающий на Части стал наводить порядок, чтобы Поднебесная опечалилась, люди оплакивали свою природу, и [они] лишились радости. Но ведь [жизнь] без покоя, без радости не свойство человека. Разве без [присущих человеку] свойств можно долго продержаться? [Нет!] Такого в Поднебесной не бывало.

При чрезмерной радости у человека расходуется с излишком [сила] жара, при чрезмерном гневе расходуется с избытком [сила] холода. При перерасходе и жара и холода перестают [правильно] чередоваться четыре времени года, нарушается гармония прохлады и тепла, а [эти нарушения] причиняют вред телу человека. Он перестает [различать], когда радоваться, когда сердиться, жизнь [его] лишается постоянства, мысли — удовлетворения, работа останавливается на полпути. Тут-то и возникают в Поднебесной заносчивость и немилость, превосходство и угнетение, а за ними появляются разбойник Чжи, Цзэн [цзы] и Хронист [Ю. Если] по всей Поднебесной награждать за доброе, [с этим] не справиться; [если] по всей Поднебесной наказывать за недоброе, [с этим] не справиться. Ибо Поднебесная велика, [на всех] не хватит наград и наказаний¹.

Со времен трех династий все шумят о наградах и наказаниях. Откуда же возьмется досуг, чтобы [найти] покой в природных свойствах? А кроме того, наслаждаясь острым зрением, предаются излишеству в цветах; наслаждаясь тонким слухом, предаются излишеству в звуках; наслаждаясь милосердием, нарушают [естественные] свойства; наслаждаясь справедливостью, нарушают законы природы; наслаждаясь обрядами, помогают извращениям; на-

слаждаясь музыкой, помогают разврату; наслаждаясь мудростью, помогают искусственности; наслаждаясь знаниями, помогают порокам. [Если бы все] в Поднебесной [находили] покой в природных свойствах, эти восемь [наслаждений] могли бы остаться, могли бы и исчезнуть. [Но когда] в Поднебесной не [находят] покоя в природных свойствах, из-за этих восьми [наслаждений] люди начинают [друг друга] резать на куски и скручивать [в клубок], толкать и отнимать и ввергать в смуту Поднебесную. [Если же] в Поднебесной начинают чтить наслаждения, тосковать о них, каким сильным становится [это] заблуждение! Разве [смогут] пройти мимо [наслаждений], от них отказаться? Ведь чтобы говорить о них — постытся, чтобы им предаться — преклоняют колени, чтобы изобразить их — играют и поют. Что же тут поделать?

Поэтому для благородного мужа, [если он] вынужден взойти на престол, лучше всего недеяние. Недеяние, а за ним — покой в природных свойствах. Ибо тому, кто ценит свою жизнь больше, чем царство, можно доверить Поднебесную; тому, кто любит свою жизнь больше царства, можно поручить Поднебесную. Если государь способен не рассеивать свое внутреннее, не обнаруживать зрения и слуха, возвышаться, [словно] Покойник, [то] взглянет [он, как] Дракон; погрузится в молчание, а голос [его загремит, словно] гром; движению [его] мысли подчинится природа. [Он предастся] безмятежности и недеянию, а [окажется] связанным со [все]й тьмой существ. Разве у такого найдется досуг, чтобы наводить порядок в Поднебесной?

Высоченный Боязливый² спросил Лаоцзы:

— [Если] не навести порядок в Поднебесной, как исправить людские сердца?

— Будь осторожен! — ответил ему Лаоцзы. — Не тревожь человеческого сердца! Стоит его низвергнуть — человек унижится, стоит возвысить — человек возгордится. Так он и превращается то в раба, то в убийцу. Сердце может быть нежным и слабым — и тогда ему не совладать с сильным и крепким; оно может быть твердым словно резец и гранить драгоценный камень. Оно то вспыхнет словно пламя, то станет холодным как лед. Оно меняется с удивительной быстротой, успевает дважды побывать за всеми четырьмя морями, пока презрительный взгляд сменится благосклонным.

В покое оно не дрогнет, точно пучина, в движении — устремится к небесам. Оно своевольное, гордое, его не обуздать. Вот каково человеческое сердце!

В старину Желтый Предок встревожил сердца милосердием и справедливостью. А Высочайший и Ограждающий, чтобы воспитать [всех] в Поднебесной, [так трудились, что у них] стерлись волоски на голенях³ и пушок на бедрах. [Они] надрывали [все] свои пять внутренних органов ради милосердия и справедливости, отда-

вали кровь и дыхание, чтобы установить законы и порядок, и все же не справились. И тогда Высочайший сослал [людей] с Лошадью на Шишаке на Почитаемую гору, переселил Трех Мяо на [гору] Треглавую, изгнал Ведающего Разливами⁴ в Обитель мрака. [Но и] этим не справился с Поднебесной.

Когда же пришло [время] царей трех [династий], Поднебесную объял ужас. Появились презираемые: Разрывающий на Части и разбойник Чжи; появились почитаемые: Цзэн [цзы] и Хронист [Ю], а еще появились конфуцианцы и моисты. И тогда стали подозревать друг друга и в радости и в гневе, обманывать друг друга и умные и глупые, порицать друг друга и добрые и недобрые, высмеивать друг друга и лживые и правдивые, и Поднебесная стала приходить в упадок. В свойствах появились различия, в [человеческой] природе наступило гниение и разложение. В Поднебесной пристрастились к знаниям, и в поисках [знаний] весь народ дошел до крайности. И тут пустили в ход топоры и пилы, стали казнить по [плотничьим] отвесу и правилу, приговаривать с долотом и шилом, ввергли Поднебесную в страшную смуту, и преступления стали тревожить людские сердца. Поэтому-то достойные и скрылись под утесами великих гор, а государи, владевшие тьмой колесниц, дрожали от страха в храмах предков.

Ныне же обезглавленные лежат друг на друге, закованные в шейные и ножные колодки толкаются друг о друга, приговоренные ожидают своей очереди у плахи. А между закованными в наручники и колодки стали появляться конфуцианцы и моисты, расхаживающие на цыпочках, размахивающие руками. О ужас! О позор! О бесстыдство! А нам и неведомо было, что их мудрость, их знания служат наручникам и колодкам; их милосердие, их справедливость служат долоту и ошейнику⁵. Как знать, не явились ли Цзэн [цзы] и Хронист [Ю] гремучей стрелой для Разрывающего на Части и разбойника Чжи? Поэтому-то и говорится: «Забудьте о мудрости, отбросьте знания, и Поднебесная обретет мир».

[Уже] девятнадцать лет стоял [на престоле] Желтый Предок как Сын Неба; [его] приказы выполнялись [по всей] Поднебесной. [Однажды он] услышал, что на вершине [горы] Единения Пустоты обитает Всеобъемлющий Совершенный⁶, и отправился с ним повидаться.

— Я слышал,— сказал Желтый Предок,— что [вы], мой учитель, постигли истинный путь. Дозвольте задать вопрос, [какова] его сущность? Я стремлюсь воспользоваться сущностью неба и земли, чтобы помочь [созреванию всех] пяти злаков для прокормления народа. А еще я стремлюсь направить [силы] жара и холода на благо всего живого.

— То, о чем ты хочешь спросить, это — сущность вещей; а то, как ты хочешь управлять, это — пагуба для вещей,— ответил Всеобъемлющий Совершенный.— С тех пор как ты правишь Поднебес-

ной, дождь идет прежде, чем пары превратятся в облака; листья и травы опадают, не успев пожелтеть; лучи солнца и луны все более угасают. В сердце твоём [склонность] к мелочам, [точно] у красноты. Разве достоин ты беседы об истинном пути?

Желтый Предок удалился, сложил с себя [управление] Поднебесной, построил себе отдельную хижину с циновкой из белого пырея. [Здесь он] провел в праздности три луны, а затем снова навестил учителя.

Всеобъемлющий Совершенный лежал головой к югу. Полный покорности, Желтый Предок подполз [к нему] на коленях, дважды поклонился до земли и спросил:

— Я слышал, что [вы], мой учитель, постигли истинный путь. Дозвольте задать вопрос, как управлять самим собой, как добиться долголетия?

Всеобъемлющий Совершенный поспешно поднялся и ответил:

— Вопрос [ты] задал прекрасный! Подойди, я поведаю тебе об истинном пути.

Мельчайшее истинного пути глубоко и темно, величайшее истинного пути сумрачно и безмолвно. Не смотри, не слушай, покойся, храня [свой] разум, и тело само собой выправится. Будь покоен, чист, не утруждай свое тело, не тревожь свое семя и проживешь долго. [Если] глазам нечего будет видеть, ушам нечего слышать, сердцу нечего познавать, твоя душа сохранит [твое] тело, и тело проживет долго. Чем больше будет у тебя знаний, тем [скорее] потерпишь поражение. Береги в себе внутреннее, замкнись от внешнего.

А тогда я с тобой поднимусь к великой ясности вплоть до истоков высшей [силы] жара; войду в ворота мрака, и [мы] достигнем истоков высшей [силы] холода. Небо ведает своим, земля — своим; у [каждой из сил] жара и холода — свое вместилище. Береги и храни самого себя, а вещи созреют сами по себе. Я храню [силы жара и холода] в единстве, чтобы удержать их в гармонии, поэтому тысячу двести лет соблюдаю себя, а тело мое [до сих пор] не одряхлело.

Желтый Предок дважды поклонился до земли и попросил:

— Расскажите о природе, Всеобъемлющий Совершенный.

— Подойди, я тебе поведаю,— ответил Всеобъемлющий Совершенный.— Она в своих вещах неисчерпаема, а все люди думают, что [она] конечна. Она в своих вещах неизмерима, а все люди думают, что [она] предельна. Из тех, кто обрел мой путь, лучшие стали предками, а худшие — царями. Из тех, кто утратил мой путь, лучшие увидели свет, а худшие обратились к земле. Ведь все, что ныне процветает, родилось из земли и вернется в землю. Поэтому я покину тебя и пройду во врата бесконечности, чтобы странствовать в беспредельных просторах. Я сольюсь с лучами солнца и луны, соединюсь в вечности с небом и землей. Когда я уйду, [даже] далекие от меня опечалятся. Все люди умрут и только я один буду существовать.

Поддерживаемый вихрем, Полководец Облаков⁷ странствовал на востоке и встретился с Безначальным Хаосом. Безначальный Хаос прогуливался, подпрыгивая по-птичьи и похлопывая себя по бедрам. Завидев его, Полководец Облаков в смущении остановился и почтительно спросил:

— Кто [вы], старец? Что, старец, делаете?

— Прогуливаюсь,— ответил ему Безначальный Хаос, продолжая похлопывать себя и прыгать.

— Я хочу задать вопрос,— сказал Полководец Облаков.

— Фу! — посмотрев [на него], воскликнул Безначальный Хаос.

— В эфире неба нет гармонии,— начал Полководец Облаков,— в эфире земли застой, в шести явлениях [природы] нет согласия, в смене времен года нет порядка. Что [мне] делать, [если] я собираюсь ныне привести в гармонию сущность шести явлений, чтобы прокормить все живое?

— Не знаю, не знаю,— ответил Безначальный Хаос, похлопывая себя, прыгая и покачивая головой.

Полководец Облаков не решился [снова] спросить.

Прошло три года. Странствуя на Востоке, Полководец Облаков миновал равнину Владеющих Жилищем. [Он] снова заметил Безначального Хаоса, в большой радости поспешил [к нему] и заговорил:

— [Вы] не забыли меня, [Равный] Небу? [Вы] не забыли меня, [Равный] Небу? — дважды поклонился до земли и хотел было задать ему вопрос, как Безначальный Хаос произнес:

— Что я могу знать? Парю, не ведая зачем. Несусь, не ведая куда. Странствующий утруждается, чтобы наблюдать, [как все идет] своим путем.

— Я сам также считаю, что несусь, [не ведая куда]. Но народ следует за мной повсюду, и я с ним ничего не могу поделать. Ныне же, подражая людям, хочу услышать [от вас хоть] одно слово.

И тут Безначальный Хаос заговорил:

— В том, что основа природы расшатывается, характер [всех] вещей извращается, изначальная природа остается незавершенной, стада разбегаются, птицы поют по ночам, засуха сжигает деревья и травы, беда настигает даже пресмыкающихся и насекомых,— вина тех, кто наводит порядки среди людей.

— Но что же мне делать? — спросил Полководец Облаков.

— Ах! [Все это один] вред! — воскликнул Безначальный Хаос,— возвращайся к себе потихонечку.

— С [вами, Равный] Небу, так трудно встретиться. Хотелось бы услышать [хотя бы еще] одно слово,— попросил Полководец Облаков.

— Ах! — ответил Безначальный Хаос.— Укрепляй свое сердце. [Если] только ты предашься недеянию, вещи будут сами собой развиваться. Оставь свое тело, свою форму, откажись от зрения, от слуха, забудь о людских порядках, о вещах, слейся в великом единении с самосущим эфиром. Освободи сердце и разум, стань по-

койным, будто неодушевленное [тело, и тогда] каждый из тьмы существ [станет] самим собой, каждый вернется к своему корню. Каждый вернется к своему корню неосознанно, смешиваясь в общем хаосе, и не оставит [его] до конца своей жизни. Если же осознают это, то его <корень> покинут. Не выпрашивай его названия, не испытывай его свойств, и [все] вещи будут сами собой рождаться.

— Теперь я обрел то, что искал,— сказал Полководец Облаков.— [Вы, Равный] Небу, ниспослали мне свои свойства, просветили меня безмолвием,— он дважды поклонился до земли, попросился и удалился.

Обычному человеку нравится, когда другие на него походят, и не нравится, когда другие от него отличаются. Любовь к себе подобным и нелюбовь к тем, кто отличается, происходят от желания выделиться из толпы. Но разве тот, кто стремится выделиться из толпы, [действительно] выдающийся? Для успокоения [он] следует за толпой, [но его] опыту далеко до того мастерства, [которым обладает] толпа. Желая стать правителем, собирает полезное у царей трех династий, но не замечает у них вредного. У такого [судьба] царства будет зависеть от случайности, и редко, лишь по счастливой случайности царство не погибает. Нет и одного [шанса] из десяти тысяч, что [такое] царство будет существовать. О гибели [такого] царства [говорит то, что] ни одно [дело там] не завершится, а десяток тысяч [дел] расстроится. Увы! Владеющие землями [этого] не ведают. Владеющему землями принадлежит огромная вещь. Владеющий огромной вещью не способен предоставить вещи [самим] вещам, а не [владеющий] вещью способен. Тот, кто понимает, как [предоставлять] вещи [самим] вещам, отвергает вещи. Разве [он] только управляет народом? [Нет!] Он вступает во [все] шесть стран света, выходит из них, странствует по [всем] девяти областям [земли]. В одиночестве отправляется, в одиночестве возвращается. Такой и называется единственным. Единственного человека поэтому и считают воистину ценным.

Учение великого человека подобно тени, отбрасываемой телом, эху, откликающемуся на голос. На [каждый] вопрос [он] отвечает, исчерпывая все свое сердце, соединяясь в пару со [всем] в Поднебесной. В покое беззвучен, в движении не ограничен. Ведет каждого, как тому хочется, и возвращает [каждого] к самому себе. Странствует, не оставляя следов, приходит и уходит без отклонений, безначально, как солнце. [Еще] скажем, [что] телом слит с великим единством. В великом единстве лишен собственного «я». Разве может лишенный собственного «я» владеть существующим <бытием>? Наблюдающие за бытием — [таковы] благородные мужи древности; наблюдающий за небытием — таков друг природы.

Незначительны, а нельзя не сообразоваться с их [природой] — [таковы] вещи. [Занимает] низкое положение, а нельзя [на него] не опираться — [таков] народ. Скрыты, а нельзя их не вершить — [таковы] дела. Грубы, а нельзя их не излагать — [таковы] обычаи. Далека, а нельзя от нее отделиться — [такова] справедливость⁸. Близко, но нельзя его не расширить — [таково] милосердие. Ограничивают [людей], но нельзя их не множить — [таковы] обряды. [Держится] середины, но [заслуживает] возвышения — [такова] добродетель. Един, но не способен не изменяться — [таков] путь. Священно, но не способно не действовать — [таково] Небо. Поэтому мудрецы созерцали Небо, но [ему] не помогали; совершенствовались в добродетелях, но [их] не отягощали; исходили из пути, но не вносили [в него] своих замыслов; соединялись с милосердием, но [на него] не полагались; следовали за справедливостью, но [ее] не множили; исполняли обряды и не уклонялись; принимали дела и не отказывались; подчинялись обычаям и не [поднимали] смуты; опирались на народ и [им] не пренебрегали; сообразовались с вещами и [их] не покидали. Вещи не достойны [того, чтобы ими] заниматься, но [ими] нельзя не заниматься. У тех, кто не понял Неба, нет чистоты добродетели. Те, кто не постиг пути, ни к чему не способны. Как жалок тот, кто не постиг пути! Что же такое путь? Есть путь Неба и есть путь человека. Бездеятельный и чтимый — таков путь Неба; деятельный и несущий тяготы — таков путь человека. Путь Неба — [путь] хозяина, путь человека — [путь] слуги. Нельзя не понять, как далеки они друг от друга.

Глава 12

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Небо и земля велики, но изменяются они равномерно. Вещей тьма, но порядок у них единый. Людей и рабов множество, но хозяин у них — царь. Царь исходит из свойств, а совершенствуется природой. Поэтому и говорится: «В далекой древности управляли Поднебесной недеянием, одними лишь природными свойствами». [Если] исходить из пути, то слова «царь Поднебесной» были правильными; [если], исходя из пути, рассматривать различия, то долг царя и [его] помощников был ясен; [если] исходить из пути, то [каждый] ведал [делом] по способности; [если] исходить из пути, то все вокруг соответствовало [всей] тьме вещей. Ибо общее для неба и земли — это свойства, а то, что действует во тьме вещей, — это путь <материя>. Высший правит людьми, [провозглашая] установления; способный обучается мастерству. Мастерство соответствует установлениям, установления соответствуют долгу, долг соответствует свойствам, свойства соответствуют пути, путь соответствует природе. Поэтому и говорится: «Те, кто в древности пас

[всех] в Поднебесной, не имели страстей, и в Поднебесной [царило] довольство. [Они предавались] недеянию, и [вся] тьма вещей развивалась¹. [Они хранили] покой пучины, и народ [сам по себе] утверждался. Записи гласят²: «[если] пронизаны единством, [вся] тьма установлений сполна выполняется. [Если] отказаться от страсти к приобретению, покорятся [даже] души предков и боги».

Учитель сказал:

— Ведь путь поддерживает и покрывает [всю] тьму вещей. Как он безбрежно велик! С его помощью благородный³ не может не очистить своего сердца. То, что действует недеянием, называется природой; то, что в речах обозначает недеяние, называется свойством; любовь к людям, полезное для вещей называется милосердием; уподобление различных [вещей] называется величием; поведение, [не знающее] границ и различий, называется великодушием; обладание тьмой различий называется богатством. Поэтому придерживаться свойств называется [держаться] основы; тот, чьи свойства завершены, называется установившимся; тот, кто следует пути, называется [обладающим] полнотой; тот, кто не меняет свою волю из-за вещей, называется совершенным. Как велик благородный, который постиг эти десять [положений] и объемлет все дела и мысли! [Как вода] в низину, к нему стекается [вся] тьма вещей. Такой человек [оставляет] золото скрытым в горах, а жемчуг — в глубинах; не обогащается ни товарами, ни имуществом; чуждается благородства и богатства; не радуется долголетию, не печалится ранней смерти; не прославляет благоденствия, не стыдится злополучия; не присваивает себе благ современников; не ищет для себя славы в управлении Поднебесной. Слава в том, чтобы постичь, что у [всей] тьмы вещей одно хранилище, что жизнь и смерть — одинаковые формы [в развитии].

Учитель сказал:

— О путь! Как он глубок! Как прозрачна его чистота! Без него не запоют ни металл, ни камень. Металл и камень [способны] звучать, но не тронешь их, не запоют. Так кто же способен определить [свойства всей] тьмы вещей?

Человек, обладающий царственными свойствами, ведет себя просто и стыдится заниматься делами; утвердившийся в корнях и истоках, [он] постигает сокровенное. Поэтому его свойства всеобъемлющи, а исходящее из его сердца воспринимается [всей] тьмой вещей. Ибо без пути формы не рождаются, без свойств жизнь не проявляется. Не обладает ли царственными свойствами тот, кто бережет тело, исчерпывает до конца жизнь, утверждает свойства, постигает путь. Тот, кто необъятен, появляется внезапно, движется неудержимо; за кем следует [вся] тьма вещей, тот называется [обладающим] царственными свойствами. Тот, кто смотрит

на изначальный мрак, слушает безмолвное, один видит рассвет в изначальном мраке, один различает гармонию в безмолвии. Поэтому, проникая все глубже и глубже, [он] способен [понимать] явление вещи; [размышляя] над сокровеннейшим, [он] способен [постичь] мельчайшие семена. Поэтому общаясь со [всей тьмой] вещей, [он] дает каждому искомое и достигает небытия. Всегда спешит уйти, но возвращается к себе. Великое [для него] — мало, длинное — коротко, далекое — близко.

Прогуливаясь к северу от Красных вод, Желтый Предок поднялся на вершину [горы] Союз Старших Братьев, а возвращаясь, загляделся на юг и потерял свою Черную Жемчужину⁴. [Он] послал Знание⁵ отыскать ее, но [оно] не нашло; послал [Видящего] Паутину Издали, и [тот] не нашел; послал Спорщика, и [тот] не нашел; послал Подобного Небытию, и Подобный Небытию ее отыскал.

— Как странно,— воскликнул Желтый Предок,— что отыскать ее сумел именно Подобный Небытию!

Учителя Высочайшего звали Никого не Стесняющим, учителя Никого не Стесняющего звали Беззубым, учителя Беззубого звали Наставником Юных, учителя Наставника Юных звали В Тростниковом Плаще.

Высочайший спросил у Никого не Стесняющего:

— Можно ли Беззубого [облечь властью] Равного Небу?⁶ Я попрошу его через Наставника Юных.

— Как [это] опасно! Поднебесной [будет грозить] беда! — ответил Никого не Стесняющий.— Ведь Беззубый превосходит всех остальных. [Он] человек прозорливый, с острым зрением и тонким слухом, скорый на ответы. Но при этом [хочет] обрести природное <естественное> с помощью человеческого <искусственного>; размышляет, как искоренить преступления, а не знает, отчего происходят преступления. Как такого [облечь властью] Равного Небу! Ведь он станет применять человеческое, а не природное. Притом [он] основывается на самом себе и отвергает других; притом чтит знания и [применяет их] быстро как огонь; притом [он] раб мелочей; притом связывает себя вещами; притом, оглядываясь по сторонам, [ожидает] подтверждения от других; притом, соглашается с требованием [каждого из] толпы; притом, изменяется вместе с вещами и никогда не бывает постоянным. Разве достоин [он власти] Равного Небу? И все же, [ведь у него] есть предки, есть род, [его] можно сделать отцом всех <рода, племени>, но нельзя сделать отцом отцов всех. [Он] возглавит смуту. [Поставь его] лицом к северу⁷ — навлечет беду, лицом к югу — породит разбой.

Высочайший любовался [царством] Цветущим⁸, и Страж Границы Цветущего сказал:

— Ах, мудрый человек! Разреши мне, мудрый человек, пожелать [тебе] долгой жизни!

— Отказываюсь! — ответил Высочайший.

— Пожелаю [тебе], мудрому человеку, богатства!

— Отказываюсь!

— Пожелаю [тебе], мудрому человеку, много сыновей!

— Отказываюсь!

— Долголетия, богатства, многих сыновей жаждет каждый. Почему же только ты один не жаждешь? — спросил Страж.

— Много сыновей — много тревог, — ответил Высочайший. — От богатства много хлопот, а от старости — поношение. С помощью этих трех [благ] не взрастить добродетели, поэтому и отказываюсь.

— Сначала я принял тебя за мудрого человека, — сказал Страж, — а теперь вижу, [ты] благородный муж. Природа породила тьму людей, им необходимо дать занятие. [Если иметь] много сыновей и каждому дать занятие, откуда возьмутся тревоги? [Если имеешь] богатство, пусть люди его поделят, какие же будут хлопоты? Ведь мудрый человек живет, [точно] перепел, питается, [словно] птенец, передвигается [подобно] птице, не оставляя следов <славы>. [Когда] в Поднебесной царит путь, [мудрый] процветает вместе со [всеми] вещами; [когда] в Поднебесной нет пути, [мудрый] в праздности укрепляет добродетель. [Если] за тысячу лет [ему] жить надоест, [он] улетает к бессмертным, оседлав белое облако. [Туда], в обитель предков, нет доступа трем бедам. [Но если] телу ничто не причинит вреда, откуда же возьмется поношение? — [И] Страж пошел прочь.

— Дозвольте спросить... — начал, следуя за ним, Высочайший.

— Изыди! — ответил [ему] Страж.

[Когда] Высочайший правил Поднебесной, [он] поставил Высокосовершенного⁹ правителем [одного из царств].

Высочайший передал [власть] Ограждающему, Ограждающий передал Молодому Дракону, [и тогда] Высокосовершенный отказался быть правителем и стал пахать. Молодой Дракон отправился с ним повидаться и застал [его] на поле обрабатывающим землю. Подойдя, Молодой Дракон занял место пониже и спросил:

— Некогда Высочайший правил Поднебесной и поставил [вас], мой учитель, правителем. Дозвольте спросить, по какой причине [вы], мой учитель, отказались быть правителем и стали обрабатывать землю, [когда] Высочайший передал [власть] Ограждающему, а Ограждающий — мне?

— Некогда, правя Поднебесной, Высочайший не награждал, а в народе [друг друга] поощряли; не наказывал, а в народе остерегались. Ныне ты награждаешь и наказываешь, и народ утратил человечность. С той поры пришла в упадок добродетель, с той поры распространились наказания¹⁰. С той поры пошла смута по-

следующих поколений. Уходи! Не мешай мне работать! — [Высоко-совершенный] принялся усиленно пахать и [более] не оглядывался.

В первоначале¹¹ было небытие, не было бытия, не было и названий. При появлении одного, у одного еще отсутствовала форма. Обретя [одно], вещь рождается, и это называется свойством. [Когда] в еще неоформившемся появляется разделение, но без отделения, это называется жизнью. [Начинается] движение, и рождается вещь; [когда] вещь завершена, рождается и [естественный ее] закон, называется это формой. Форма — [это] тело, хранящее дыхание [разум, душу]. У [каждой вещи] свой внешний вид, [свое] положение, и это называется природой [характером]. Природа, достигнув совершенства, возвращается к свойствам, свойства в высшем пределе [становятся] тождественными первоначалу, тождественные [первоначалу] становятся пустыми, а пустые — великими. [Это как бы] хор, поющий без слов, сомкнув губы. Объединяясь в таком хоре, сливаются с небом и землей. Их единение смутное, то ли глупое, то ли неосознанное, [но] это называется изначальным свойством, тождественным великому согласию [с путем].

Конфуций спросил Лаоцзы¹²:

— Можно ли назвать мудрым человека, который овладевает путем, будто подражая сильному: [делая] невозможное возможным, неистинное истинным; [или] софиста, который говорит, что отделить твердое и белое [ему] так же [легко], как [различить] светила на небе?

— Это суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь умение собаки загнать яка, ловкость обезьяны исходят из гор и лесов, — ответил Лаоцзы. — Я скажу тебе, Цю, о том, чего нельзя услышать, о чем нельзя рассказать. У многих есть голова и ноги, но нет ни сердца, ни слуха; но нет таких, кто, имея тело, существовал бы вместе с не имеющим ни тела, ни формы. Причины движения и покоя, смерти и рождения, уничтожения и появления не в самих [людях], [но] некоторые [из причин] управляются людьми. Того же, кто забывает обо [всех] вещах, забывает о природе, уподоблю забывшему самого себя. [Только] забывшего о самом себе и назову слившимся с природой.

Цзянлюй Уговаривающий¹³ увиделся с Цзи Уразумевшим и сказал:

— Лусский правитель просил [меня], Уговаривающего, разрешить ему воспринять [от меня] учение. [Я] отказывался, но безуспешно. Поведал [ему], но не знаю, попал ли в цель. Разрешите попытаться представить вас [царю]. Я же сказал лусскому царю:

«необходимо покорять почтительных и бережливых, выдвигать [преданных] общему и верных [царю], не льстивых и не корыстных. И тогда никто в народе не посмеет нарушать согласие».

Цзи Уразумевший рассмеялся и ответил:

— Вам, учитель, речами о добродетелях предков и [прежних] царей, не справиться с задачей так же, как [кузнечнику] богомолу, что в гневе топорщит крылья, преграждая дорогу повозке. Ведь таким образом царь сам только подвергся бы опасности: у него в башне много сокровищ; куда бы [он] ни отправился, по [его] следам бросается толпа.

Цзянлюй Уговаривающий задрожал от страха и сказал:

— [Мне], Уговаривающему, неясны [ваши] слова, учитель. И все же хочу, чтобы [вы], прежде рожденный, рассказали [мне] об этом главное.

Цзи Уразумевший ответил:

— Великий мудрец, правя Поднебесной, воодушевляет сердца людей, чтобы [они] завершали обучение, улучшали обычаи, отказывались от разбойничьих страстей. [Он] ведет всех своей единой волей, [но происходит это] подобно самодвижению природного характера [каждого], и причину этого народ не сознает¹⁴. Разве такой [человек], беспредельный и необъятный, в обучении народа [может считаться] младшим братом Высочайшего и Ограждающего, а не старшим их братом? [Он] стремится к тождеству с [изначальными] свойствами и к покою сердца.

Странствуя, Цзыгун дошел на юге до [царства] Чу и возвращался в Цзинь. Проходя севернее [реки] Хань, заметил Огородника, который копал канавки для грядок и поливал [их], лазая в колодец с большим глиняным кувшином. Хлопотал, расходуя много сил, а достигал малого. Цзыгун сказал:

— [Ведь] здесь есть машина, [которая] за один день поливает сотню грядок. Сил расходуется мало, а достигается многое. Не пожелает ли учитель [ее испытать]?

— Какая она? — подняв голову, спросил Огородник.

— Выдалбливают ее из деревянных досок, заднюю часть — потяжелее, переднюю — полегче. [Она] несет воду, [точно] накачивая, будто кипящий суп. Называется водочерпалкой.

Огородник от гнева изменился в лице и, усмехнувшись, ответил:

— Я не применяю [ее] не оттого, что не знаю, [я] стыжусь [ее применять]. От своего учителя я слышал: «У того, кто применяет машину, дела идут механически, у того, чьи дела идут механически, сердце становится механическим. «Тот, у кого в груди механическое сердце, утрачивает целостность чистой простоты. Кто утратил целостность чистой простоты, тот не утвердится в жизни разума. Того, кто не утвердился в жизни разума, не станет поддерживать путь».

Стыдясь и раскаяваясь, Цзыгун опустил голову и промолчал.

Через некоторое время Огородник спросил:

— Кто ты?

— Ученик Конфуция, — ответил Цзыгун.

— Не из тех ли многознающих, что подражают мудрым, чтобы в самодовольстве всех превзойти? [Не из тех ли], что бренчат в одиночестве [на струнах] и печально поют, чтобы купить себе славу на всю Поднебесную? [Если бы] ты забыл о своей священной душе и отказался от своей плоти, быть может, приблизился бы [к пути]. Но неспособный управлять собственным телом, как сумеешь [ты] навести порядок в Поднебесной? Уходи! Не мешай мне работать! — сказал Огородник.

Устыдившись, Цзыгун побледнел и, точно потерянный, не мог овладеть собой. [Лишь] пройдя тридцать *ли*, пришел в себя.

— Что это был за человек? — спросили [его] ученики. — Почему при встрече с ним [вы], учитель, изменились в лице, побледнели и целый день не могли прийти в себя?

— Раньше [я] считал, что в Поднебесной есть лишь один человек <Конфуций>, не знал, что есть еще и другой, — ответил Цзыгун. — Я слышал от учителя о пути мудрецов: [это] стремление осуществлять дела, приобретать заслуги, добиваться больших успехов малыми силами. У нынешнего же [учителя] иначе. У того, кто владеет учением, целостные свойства. При целостных свойствах — целостно тело. При целостном теле — целостен разум. В целостном же разуме и заключается путь мудрого. Вверяясь жизни, [он] действует вместе с народом, но куда идет — неведомо. Неизмерима и совершенна [его] простота! Учитель сердцем предал забвению заслуги и корысть, ловкость и хитрость. Такой человек не пойдет против своей воли, не поступит против своего желания. Обретая то, о чем говорит, гордый, [он] даже не оглянется, хотя бы [все] в Поднебесной его прославляли. Утратив то, о чем говорит, [он] даже не обратит внимания, хотя бы [все] в Поднебесной его порицали. Хвала или хула [всех] в Поднебесной ничего [ему] не прибавит, ничего [у него] не отнимет. Вот кто называется человеком с целостными свойствами. Я же причислю [себя] к тем, которых несет ветром по волнам.

Вернувшись в Лу, [Цзыгун] поведал обо всем Конфуцию, который сказал:

— Тот прикидывается, будто совершенствуется в учении рода Хаоса. Постигает из него [лишь] одно, но не понимает другого; управляет внутренним, но не управляет внешним. Ты, конечно, удивился [тому, что он] познал, как уйти в чистоту, в недеяние, вернуться к простоте, как хранить разум в телесной природе, страствуя среди мирского, обычного. Но разве достойно учение рода Хаоса ¹⁵, чтобы я и ты его познавали!

Изначальный Туман¹⁶ отправился на восток к Великой пучине и на берегу Восточного моря повстречался с Легким Ветерком. Легкий Ветерок спросил:

— Куда вы направляетесь?

— К великому океану.

— Зачем же?

— Хочу там побродить. Ведь великий океан — это то, что не наполняется, сколько бы в него ни вливалось, и не иссякает, сколько бы из него ни выливалось.

— Нет ли, у [вас], учитель, мыслей о народе с глазами впереди?¹⁷ Хотелось бы услышать о мудром правлении.

— При мудром правлении, — ответил Изначальный Туман, — начальники в раздачах не упускают необходимого каждому, выдвигают [людей], не упуская способностей каждого; видят все дела в целом и творят должное. Дела сами собой совершаются, слова сами собой произносятся, и Поднебесная развивается. [Один] взгляд, взмах руки — и со [всех] четырех сторон народ прибывает. Вот это и называется мудрым правлением.

— Хотелось бы услышать о добродетельном человеке.

— Человек, [обладающий изначальными] свойствами, в покое не [знает] тоски, в действиях не [знает] опасений. [Он] не следует [учению] об истине и лжи, о красоте и безобразии. [Когда все] среди четырех морей наслаждаются общими благами — считает [это своей] радостью; получают общие дары — считает [это своим] покоем. [Без него народ] огорчается, как младенец, потерявший мать; отчаивается, как пешеход, сбившийся с дороги. Вещей [у всех] в изобилии, а откуда, неведомо; еды и питья вдоволь, а от кого, неизвестно. Таков облик человека, которого называют [обладающим изначальными] свойствами.

— Хотелось бы услышать о человеке, [обладающем] разумом.

— Человек, [обладающий] высшим разумом, — ответил Изначальный Туман, — седлает луч¹⁸ и исчезает вместе [со своим] телом. Это называется — осветить безбрежное. Достигает предела жизни, исчерпывая до конца природу. Утратив [тяготы всей] тьмы дел, наслаждается [радостью] неба и земли, и [вся] тьма вещей возвращается к сущности. Это и называется слиться с изначальным эфиром.

Мын Отрицающий Душу¹⁹ и Чичжан Полный Размышлений наблюдали за войском царя Воинственного²⁰, и Чичжан Полный Размышлений сказал:

— [Воинственному] далеко до [Ограждающего] из рода Владеющих Тигром, [который] избежал подобной беды.

— Разве Ограждающий наводил порядок после смуты? [Ведь] он стал править, когда в Поднебесной царил порядок! — заметил Мын Отрицающий Душу.

— [Все] хотят, чтобы в Поднебесной царил порядок, — сказал Чичжан Полный Размышлений и спросил, — но по какой причине это доверили [Ограждающему] из рода Владеющих Тигром?

— [Ограждающий] из рода Владеющих Тигром врачевал болячки на голове, — ответил Мын Отрицающий Душу. — Лысым раздавал волосы, больных стремился вылечить. [Как] почтительный сын, пользовался снадобьями, чтобы укрепить [здоровье] милостивого отца, и тот совершенно исхудал. Мудрый человек этого бы постыдился. Во времена настоящего порядка добродетельных не превозносили, способными не распоряжались. Вышние походили на верхушку дерева, а народ — на вольного оленя. [Люди] были прямыми и честными и не ведали, что это справедливость; любили друг друга и не ведали, что это милосердие; были искренними и не знали, что это верность; [делали то, что] следует, и не ведали, что это доверие; работали и помогали друг другу и не ведали, что это благодеяние. Поэтому-то [они] ходили, не оставляя следов, вершили дела, но не рассказывали [о них] преданий²¹.

Почтительный сын, [который] не льстит своим родителям, верный слуга, [который] не льстит своему государю, — таковы совершенные слуга и сын. [Того, кто] поддакивает каждому слову родителей, [одобряет] каждый [их] поступок, в народе зовут негодным сыном. [Того, кто] поддакивает каждому слову государя, одобряет каждый [его] поступок, в народе зовут негодным слугой. И все же не знают, что такова необходимость. Ведь не зовут льстецом того, кто одобряет как истину [все], сказанное в народе, считает хорошим [все], названное [в народе]! Значит ли это, что к народу относятся с бóльшим почтением, чем к родителям, с бóльшим уважением, чем к государю? [Стоит] назвать кого-либо угодником, и сразу же бросят гневный взгляд; [стоит] назвать кого-либо льстецом, и сразу же бросят недовольный взгляд, а [между тем] на всю жизнь остаются угодниками, на всю жизнь остаются льстецами. Нанизывая сравнения, разукрашивая речи, собирают толпы [слушателей], и [никто] их ни в начале, ни в конце, ни главных, ни второстепенных не предаст всех вместе суду. В длинных разноцветных халатах принимают различные позы, чтобы пленить своих современников, но не называют себя угодниками и льстецами. Становясь учениками, вслед за наставником твердят об истинном и ложном, но не считают себя людьми дюжинными. [Таково] круглое невежество. Тот, кто понимает свое невежество, [уже] не совсем невежда; тот, кто понимает свое заблуждение, [уже] не заблуждается [столь] глубоко. От глубокого заблуждения не освободиться всю жизнь; круглому невежде не измениться до смерти. [Когда] один из троих потерял дорогу, [они] еще могут прийти к цели, [ибо] заблудившихся меньшинство. [Когда же] двое [из них] потеряли дорогу, путь [их] не приведет к цели, [ибо] победят заблудившиеся. Ныне же заблудились [все] в Поднебесной. Я и взываю, но не могу обрести отклика. Как это печально! Возвышенный голос не трогает слуха односельчан. [Заслыша] «Ломаем тополь», «Яркие цветы»²², [они] хохочут. По этой-то причине высокие речи не задерживаются в сердцах дюжинных людей. [Когда же] не звучат слова истины, верх берут пошлые речи. [Удары] по паре глиняных горш-

ков заглушат колокол, и не достигнешь цели. Ныне же оглушены [все] в Поднебесной. Я взываю, но не могу обрести отклика. Настаивать, зная, что не обретешь [отклика], еще одно заблуждение. Поэтому лучше их оставить и не продолжать поисков. Перестану искать, — кто же разделит [со мной] печаль?

У Прокаженного в полночь родился сын. [Он] поспешил взять огня и стал пристально всматриваться, боясь лишь, чтобы сын [не оказался] на него похожим.

От столетнего дерева отрубили [часть ствола], сделали жертвенный сосуд и украсили его черным и желтым орнаментом. Обрубок же бросили в канаву. Сравним жертвенный сосуд с обрубом в канаве и [увидим], сколь различны красота и уродство. Но и сосуд и обрубок равно утратили свою природу. По-разному осуществляют справедливость [разбойник] Чжи и Цзэн-[цзы] с Хронистом [Ю], однако [все] трое в равной мере утратили свою природу. Ведь для утраты [своей] природы существует пять [возможностей]. Первая — пять красок, которые расстраивают зрение, лишают глаза зоркости; вторая — пять тонов, которые расстраивают слух, его притупляют; третья — пять запахов, от которых ослабляется обоняние и закладывает нос; четвертая — пять пряностей, от которых теряются и извращаются вкусовые ощущения; пятая — смущающие сердца пристрастие и неприязнь, от которых [изначальная] природа разлетается, [словно пыль]. Все эти пять [возможностей] — враги жизни. А тут еще начали отделяться Ян [Чжу] и Мо [Ди], считая, что [именно] они обрели [истину]. Я же не называю это обретением [истины]. Разве можно назвать обретшим [истину] того, кто бедствует? Ведь тогда Сова или Голубка, очутившись в клетке, также могут считать это обретением? Тем более что пристрастие и неприязнь, звуки и краски [служат им], чтобы отгородиться от внутреннего; а кожаная шапка с перьями зимородка, памятная дщица и широкий пояс²³ ограничивают их во внешнем. Внутреннее отгорожено клеткой, а внешнее — рядами шнуров. Для тех, кто красуется в шнурах, да еще считает это обретением [истины], это такое же обретение, как для преступника — веревки на руках и тиски, сжимающие пальцы; а для тигров и барсов — мешки и загоны.

Глава 13

ПУТЬ ПРИРОДЫ

В пути природы [все] движется, ничто не застаивается, поэтому и возникает [вся] тьма вещей. В пути предков [все] движется, ничто не застаивается, поэтому [к ним] и обращаются [все] в Подне-

бесной. В пути мудрых [все] движется, ничто не застаивается, поэтому [все] среди морей [им] покоряются. Кто познал природу, постиг мудрость, [все] шесть явлений и четыре времени года, свойства предков и [древних] царей, тот [предоставляет все] самодвижению и, не проявляясь, всегда [сохраняет] покой.

Покой мудрого не означает, что покой — это добро, и оттого [он] покоен. [Вся] тьма вещей не заслуживает того, чтобы [из-за нее] тревожить сердце, поэтому [он] и покоен. [Когда] вода в покое, [в ней] виден ясно [каждый волосок] бороды, бровей. [Ее] уровень точен, и большой мастер берет [его] за образец. [Если] в покое вода чистая, то тем более [чист] разум. Сердце мудрого в покое — это зеркало неба и земли, зеркало [всей] тьмы вещей¹. Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, уединение, тишина, недеяние — это уровень неба и земли, высшее в природных свойствах. Поэтому предки, [древние] цари и мудрые мужи оставляли [деятельность]. Оставив [деятельность], очистившись до пустоты, [наполнялись] сущностью, а сущностью и [определяли] людские порядки. Пустота [влечет за собой] покой, покой — движение, движение — восприятие. Покой [влечет за собой] недеяние, недеяние — ответственность за [свое] дело. Недеяние [влечет за собой] удовлетворение, удовлетворение не оставляет места ни горю, ни печали, [а дает] долголетие. Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, уединение, тишина, недеяние — основа [всей] тьмы вещей. Те, кто понял это, становились лицом к югу — и государем стал Высочайший; те, кто понял это, становились лицом к северу — и советником стал Ограждающий. Встать с помощью [основы] над всеми — таково достоинство предка, [древнего] царя, Сына Неба. Остаться с ее помощью внизу — таков путь скрывающегося мудрого, не коронованного царя. Уединиться с ее помощью² и уйти странствовать — таков [путь] мужей на реках и морях, в горах и лесах. [Тот, кто] с ее помощью действует и успокаивает современников, приобретает великие заслуги, славное имя и объединяет Поднебесную. В покое становятся мудрецом, в движении — царем. [Того, кто] не действует, почитают; с тем, кто безыскусственен и прост, не сможет состязаться в красоте никто в Поднебесной. Ведь того, кто постиг свойства неба и земли, называем великим основателем, великим родоначальником. [Он] един с природой, а поэтому приводит к гармонии Поднебесную, [он] един с людьми. Быть в единстве с людьми — это наслаждение человеческое, быть в единстве с природой — это наслаждение естественное.

Чжуанцзы сказал:

— О мой учитель! О мой учитель! Крошишь [всю] тьму вещей, а не жесток; возвращаешь тьму поколений, а не милосерден. [Ты] старше самой отдаленной древности, а не стар. Покрывая и поддерживая и небо и землю, отливаешь и высекаешь тьму форм, а не тленен. Это и называется естественным наслаждением. Поэтому и говорится: «Для того, кто познал естественное наслаждение, жизнь — проявление природы, смерть — изменение вещи». В покое

у него те же свойства, что у [силы] холода; в движении у него такие же волны, как у [силы] жара³. Поэтому для того, кто познал естественное наслаждение, нет ни гнева небес, ни людского порицания, ни бремени вещей, ни кары душ предков. Поэтому и говорится: «В его движении — небо, в его покое — земля. Сердцем в едином утвердится и царствует в Поднебесной, души предков [ему] не вредят, [его] не утомляют». Сердцем в едином утвердится, и [ему] покорится [вся] тьма вещей. [Если] слова исходят из пустоты и покоя, достигают неба и земли, проникают во [всю] тьму вещей, это называется естественным наслаждением. Естественное наслаждение — это стремление мудрого, который пасет [всех] в Поднебесной.

Родоначальники свойств предков и [древних] царей — это небо и земля; хозяева их — свойства пути, постоянное в них — недеяние. При недеянии брали у Поднебесной и оставался избыток, при деянии давали Поднебесной и [все] не хватало. Поэтому-то древние и ценили недеяние. [Если] высшие [держались] недеяния и низшие [держались] недеяния, то низшие приобретали те же свойства, что и высшие. Когда низшие приобретали те же свойства, что и высшие, не [оставалось] слуг⁴. [Если] низшие [держались] деяния и высшие [держались] деяния, то высшие обретали тот же путь, что и низшие. Когда высшие обретали тот же путь, что и низшие, не [оставалось] хозяина. Высшим необходимо недеяние, и [они] берут у Поднебесной; низшим необходимо деяние и [они] дают Поднебесной — таков неизменный путь. Поэтому древние, царствуя в Поднебесной, не заботились [ни о чем], хотя и охватывали своими знаниями небо и землю; не говорили, хотя своим красноречием [могли] вылепить [всю] тьму вещей; не действовали, хотя были способны [совершить] все среди морей. Небо не рождает, а [вся] тьма вещей [сама] развивается; земля не выращивает, а [вся] тьма вещей [сама] вскармливается. Предки и [древние] цари [держались] недеяния, а [все] в Поднебесной завершалось. Поэтому и говорится: «Нет ничего священнее неба, нет ничего богаче земли, нет ничего величественнее предков и [древних] царей». Поэтому и говорится: «Предки и [древние] цари в свойствах равны небу и земле». Таково учение о том, как оседлать небо и землю, как погонять [всю] тьму вещей и применять массу людей.

Корень в высшем, верхушка в низшем; основное за хозяином, подробности за слугой. В движении трех армий и [воинов] пяти родов оружия⁵ — верхушки свойств. В наградах и карах, выгоде и ущербе, в приговоре к пяти наказаниям — верхушки обучения. В обрядах и законах, мерах и числах, телах и названиях, изучении и сравнении — верхушки управления. В звуках колокола и барабана, в красоте перьев и [бычьих] хвостов — верхушки радости. В плаче и причитаниях, траурных одеждах, пышных или скудных — верхушки горя. Таковы [все] пять верхушек, но чтобы за ними следовали, необходимо движение разума, необходимо движение сердца. Учение о верхушках было у древних, но [его] вовсе

не ставили на первое место. Благородный муж начинает, слуга [за ним] следует; отец начинает, сын [за ним] следует; старший брат начинает, младший — следует; старшие начинают, а младшие — следуют; мужчины начинают, а женщины — следуют; муж начинает, а жена — следует. Ведь в том, что впереди шествуют более почитаемые, а за ними — менее почитаемые, — порядок неба и земли. Поэтому мудрые [ему] и подражали. Священное и мудрое [в том, что] небо наверху, а земля внизу: порядок четырех времен года в том, что весна и лето сначала, а за ними осень и зима; развитие в том, что [вся] тьма вещей изменяется, приобретает форму, зарождаюсь и отделяясь, и умирает, отцветая и увядая. [Если] у самых священных — неба и земли — есть порядок высшего и низшего, первого и второго, то тем более [он должен быть] в пути людском. Порядок великого [людского] пути таков; в родовом храме почитают предков, при дворе — высших, в общине — старейших, в делах — добродетельных. Говорить о пути и отрицать его порядки — [означает] отрицать сам путь. [Если] отрицать путь, как же можно им пользоваться? По этой причине в древности те, кто постиг великий путь, начинали постижение с природы [неба], а затем переходили к природным свойствам; от природных свойств переходили к милосердию и справедливости; от милосердия и справедливости — к разделению по рангам и обязанностям; от разделения по рангам и обязанностям — к телам и названиям; от тел и названий — к назначению на должности по способностям; от назначения по способностям — к наблюдению и расследованию; от наблюдения и расследования — к одобрению и порицанию; от одобрения и порицания — к наградам и наказаниям; постигнув награды и наказания, отвели должное место умным и глупым, утвердили положение благородных и презренных. Милосердные, добродетельные и неумелые по [своей] сущности строго делились по способностям, строго отвечали названию. Так вот служили высшим, так вот пасли низших, так вот управляли вещами, так вот совершенствовали самих себя. Не прибегая ни к знаниям, ни к замыслам, непременно обращались к природе. Это и называлось поистине мирным правлением.

В древних преданиях говорится: «есть тела, есть и названия». Тела и названия⁶ были [еще] у древних, но их не ставили на первое место. [Когда] древние рассуждали о великом пути, то могли упомянуть о телах и названиях в [числе] пяти изменений, могли упомянуть и о наградах и наказаниях в [числе] девяти изменений. На первое место ставит тела и названия [тот, кто] не знает их основы; на первое место ставит награды и наказания [тот, кто] не знает, где их начало. Рассуждают, извращая путь, разглагольствуют, противореча пути, — такие могут [лишь] управляться людьми, но разве способны управлять людьми? Те, кто на первое место ставит тела и названия, награды и наказания, познали орудия управления, но им неведом путь управления. [Они] могут быть использованы Поднебесной, но недостойны использовать Поднебес-

ную. Таких называют софистами и педантами. У древних были обычаи и законы, меры и числа, тела и названия, изучение и сравнение. С их помощью низшие служили высшим, но не высшие пали низших.

В старину Ограждающий спросил Высочайшего:

— Какие старания прилагаешь [ты], небесный государь?

— Я не кичусь перед беспомощными, не бросаю бедных, — ответил Высочайший. — Оплакиваю умерших, радуюсь поворожденным, жалею женщин. Вот так и стараюсь.

— Прекрасно-то прекрасно, — сказал Ограждающий. — Но не величественно.

— А как нужно? — спросил Высочайший.

— [Как] покой, который приносят небесные свойства. С таким же постоянством, с которым светят солнце и луна, сменяют [друг друга] времена года, день и ночь, с которым движение облаков дает дождь.

— [Сколько] беспокойства! [Сколько] тревоги! — воскликнул Высочайший. — Ты в единстве с Небом, я же в единстве с людьми.

Ведь древние почитали великими небо и землю, восхищались Желтым Предком, Высочайшим и Ограждающим. Но разве в древности царившие в Поднебесной действовали? [Следовали] за небом и землей и только.

Конфуций отправился на запад, чтобы спрятать книги⁷ в чжоуском хранилище, а Цзылу [ему] сказал:

— [Я], Ю, слышал, среди летописцев в Чжоу был Лаоцзы, [но он] отказался от должности и вернулся к себе домой. Не отправиться ли [к нему] за помощью, [если вы], учитель, хотите спрятать книги?

— Прекрасно, — сказал Конфуций и отправился к Лаоцзы, но тот отказался [помочь], и [Конфуций] стал [его] убеждать, излагая [все] двенадцать основ⁸.

— Слишком пространно, — прервал его Лаоцзы и сказал, — хочу услышать самое важное.

— Самое важное — это милосердие и справедливость, — ответил Конфуций.

— Разрешите узнать, каков характер милосердного и справедливого? — спросил Лаоцзы.

— Хорошо, — ответил Конфуций. — Без милосердия нельзя стать благородным мужем; без справедливости нельзя даже родиться благородным мужем. Милосердие и справедливость — таков характер истинного человека. Как же может быть иначе?

— Разрешите спросить, — сказал Лаоцзы, — что [вы] называете милосердием и справедливостью?

— От души радоваться вместе со [всеми] вещами, любить всех без пристрастия. Таковы чувства милосердия и справедливости, — ответил Конфуций.

— О! Почти как в речах последышей. Любовь ко всем разве не нелепость? Беспристрастие — разве это не пристрастие? — сказал Лаоцзы. — [Если вы], учитель, не хотите, чтобы Поднебесная лишилась своих пастырей, вы [должны желать ей] постоянства [такого же], как у неба и земли. Ведь, конечно, будут светить солнце и луна, будет свой порядок у звезд и планет, будут стаи птиц и стада зверей, и деревья будут [расти] вверх. [Если бы вы], учитель, действовали, подражая [их] свойствам, следовали [их] путем, то уже [достигли бы] истинного. К чему же столь рьяно вещать о милосердии и справедливости, точно с барабанным боем отыскивать потерянного сына? Ах, [вы], учитель, вносите смуту в характер человека!

Муж [по прозвищу] Филигранщик⁹ увиделся с Лаоцзы и спросил:

— Я слышал, что [вы], учитель, мудрый человек, и поэтому пришел [с вами] повидаться. Меня не удержала и дальняя дорога. Прошел [мимо] сотни постоянных дворов, ноги покрылись мозолями, но не смел остановиться. Ныне же я увидел, что вы не мудрец: у мышиных нор остатки риса, бросать его как попало — не милосердно. У [вас] полно и сырого и вареного, а [вы] собираете и накапливаете без предела.

Лаоцзы с безразличным видом промолчал.

На другой день Филигранщик снова увиделся с Лаоцзы и сказал:

— Вчера я над вами насмехался. Почему же сегодня мое сердце искренне [от этого] отказывается?

— Я сам считал, что избавился [от тех, кто] ловко узнает проныцательных и мудрых, — ответил Лаоцзы. — [Если бы] вчера вы назвали меня Волон, [и я] назвался бы Волон; назвали бы меня Конем, [и я] назвался бы Конем. Если, встретив какую-то сущность, кто-то дает ей название, [то], не приняв названия, примешь от такого беду. Я покорился не оттого, что был покорен, а покорился, не изменившись.

Филигранщик пошел бочком, избегая [его] тени, вошел прямо в дом, не сняв обуви, и спросил:

— Как же [мне] совершенствоваться?

— Ведешь себя высокомерно, смотришь дерзко, — сказал Лаоцзы. — Лоб [у тебя] высокий и простой, а рычишь, словно тигр, вид неестественный. Стоишь, будто конь на привязи, умчался бы, а насильно себя удерживаешь. Кинешься — так стрелой, разбираешься — так в мелочах, познал [все] хитрости, а смотришь безмятежно. Никто не найдет [тебя] достойным доверия. На окраинах бывают такие, и имя им — воры.

Учитель¹⁰ сказал:

— Путь в огромном не исчерпывается, в мельчайшем не отсутствует. Поэтому-то [он] представлен полностью во [всей] тьме вещей. Обширный-обширный, [он] все в себе объемлет. Глубокий, он неизмерим. Тела же, их свойства, милосердие, справедливость — [лишь] верхушки разума. Кто кроме настоящего человека способен его определить? Разве мир, которым обладает настоящий человек, не велик? А ведь считает [мир] недостойным, чтобы возложить на себя его бремя. Настоящий человек не идет вместе с теми, кто борется за рукоять <власти в> Поднебесной. Изучая, [он] отвергает ложное. Не идет вместе с теми, кто гонится за выгодой. [Познает] до конца истинную [природу] вещей и способен соблюсти их основу. Поэтому относится к небу и земле [как] к внешнему, покидает [всю] тьму вещей и никогда ничем не отягощает разум. Проникая в путь, сливаясь с [его] свойствами, отвергая милосердие и справедливость, изгоняя церемонии и музыку, — так утверждает настоящий человек [свое] сердце.

Речи, которые в мире ценят, записывают. Записи — это лишь речи. В речах есть ценное. Ценится в речах мысль. [Но] мысль за чем-то следует, [а] то, за чем мысль следует, нельзя передать словами. Однако в мире, ценя речи, передают [их] записями. Пусть в мире их ценят, я все же [считаю, что они] этого не достойны¹¹. Ведь ценят их не за то, что в них ценного. Ибо [когда] смотрят, видны [лишь] форма и цвет; [когда] слушают, слышны [лишь] название и голос. Увы! Люди в мире считают форму и цвет, название и голос достаточными, чтобы постичь природу другого; а воистину формы и цвета, названия и голоса недостаточно, чтобы постичь природу другого. Разве в мире понимают, [что] «знающий не говорит, говорящий не знает»¹²?

Хуаньгун читал нараспев книгу в зале, а подле зала тесал колесо колесный мастер Маленький. Отложив молоток и долото, мастер вошел в зал и спросил:

— Осмелюсь ли задать вопрос: что за слова, [вы], государь, распеваете?

— Слова мудрецов, — ответил царь.

— Живы ли [те] мудрецы?

— Уже умерли.

— Значит государь повторяет лишь отголоски тленных душ древних людей?

— Как смеешь [ты], колесный мастер, рассуждать о книге, которую читаю [я], единственный? [Если] есть что сказать — говори, а нечего — так умрешь!

— [Я, ваш] слуга, отнесся к этому, как к своему делу, — ответил Маленький. — Если [я] работаю медленно, [мне] легко, но [ко-

лесо] получается непрочным. [Если] спешу, [мне] тяжело, а [колесо] не прилаживается. [Когда же] не спешу и не медлю, то овладеваю [мастерством] руками, и откликаюсь сердцем¹³. [Но] уста мои безмолвствуют — в этом есть [какой-то] секрет¹⁴. [Я, ваш] слуга, не могу в притче [передать его] сыну. Сын [мой, вашего] слуги, также не способен воспринять его от [меня, вашего] слуги. Оттого-то, проработав семь десятков лет, [я] все еще мастерю колеса. Тем менее способны передать [свое мастерство] древние люди. [Они] мертвы, и значит то, что повторяет государь, лишь отголоски тленных душ древних людей.

Глава 14

ВРАЩАЕТСЯ [ЛИ] НЕБО?

— Вращается ли небо? Покоится ли земля? Борются ли за [свое] место солнце и луна? Кто-нибудь это направил? Кто-нибудь эти связи установил? Кто-нибудь от безделья [их] толкнул и привел в движение? Значит ли это, что [их] принудила скрытая пружина? Значит ли это, что [они] не могут сами остановить свое движение? Облака ли порождают дождь? Дождь ли порождает облака? Кто-нибудь посылает эти обильные даяния? Кто-нибудь все это подталкивает, развлекаясь от безделья? Ветер, возникнув на севере, дует то на запад, то на восток, блуждает в вышине. Это чье-либо дыхание? Кто-нибудь от безделья приводит [его] в волнение? Дозвольте спросить: каковы [для этого] причины?¹

— Подойди! Я тебе поведаю, — ответил Колдун Всех Призывающий². — В природе существуют шесть полюсов и пять элементов. [Когда] предки и цари с ними считались, царил порядок; шли им наперекор, случалась беда. Когда появились из [реки] Ло девять [начертаний]³, порядок установился совершенный, свойства [обре-ли] полноту. [Предки], как зеркальное отражение, освещали [все] внизу на земле. [Все] в Поднебесной их поддерживали. Они-то и назывались высшими предками.

Дан, главный жрец, [ведавший] закланием жертвенного скота в Шан, спросил Чжуанцзы, что такое милосердие.

— Милосердны тигры и волки⁴, — ответил Чжуанцзы.

— Что это значит?

— Как же не милосердны, если волчица и волчата любят друг друга?

— Разрешите спросить о настоящем милосердии!

— Для настоящего милосердия не существует родственных чувств.

— [Я], Дан, слышал о том, что без родства нет и любви, без любви нет и сыновней почтительности. Ведь не может быть настоящего милосердия без почтительного отношения к родителям!

— [Нет], это не так, — ответил Чжуанцзы. — Настоящее милосердие высоко. О нем, конечно, не стоит и говорить [исходя из] сыновней почтительности. В [твоих же] словах сыновняя почтительность не преувеличена, а преуменьшена. Ведь отчего, подходя к Ин⁵ с юга, не замечают на севере [гору] Миншань? Оттого, что [она] далека от Ин. Поэтому и говорится: уважать родителей легче, чем их любить, любить родителей легче, чем их забыть, забыть родителей легче, чем заставить родителей забыть о тебе, заставить родителей забыть о тебе легче, чем [самому] забыть обо всем в Поднебесной, забыть обо всем в Поднебесной легче, чем заставить всех в Поднебесной о тебе забыть. Ведь [обладающий] свойствами забывает про Высочайшего и Ограждающего и предается надеянию. Блага [его] распространяются на тьму поколений, а Поднебесная [о нем] и не знает. Как можно только вздохнуть да твердить о милосердии, о сыновней почтительности? Ведь всем этим — почтительностью к родителям и старшим братьям, милосердием и справедливостью, преданностью и доверием, целомудрием и честностью — [люди] заставляют себя служить собственной добродетели, большего [все это] не стоит. Поэтому и говорится: «Настоящее благородство отвергает царские почести, настоящее богатство отвергает царскую сокровищницу, настоящие чаяния отвергают имя и славу». От всего этого путь не изменяется.

Совершенный от Северных Ворот⁶ сказал Желтому Предку:

— [Вы], владыка, исполняли мелодию «Восход солнца»⁷ на просторах у озера Дунтин. Я стал ее слушать и сначала испугался, затем предался бездействию, под конец пришел в смятение, взволнованный, молчал и [долго] не мог овладеть собой.

— Ты близок к истине, — ответил Желтый Предок. — Я сложил [эту] мелодию с помощью человеческого, настроил [цинь] с помощью природного, исполнил с помощью обрядов и долга, наполнил ее великой чистотой. [Ведь] настоящая мелодия сначала соответствует людским делам, согласуется с естественными законами, осуществляется с помощью пяти добродетелей, отвечает естественности; затем она приводит к гармонии четыре времени года, к великому единству — [всю] тьму⁸ вещей. Одно время года сменяется другим и соответственно рождается [вся] тьма вещей, то расцветая, то увядая, с постоянным распределением [дел] гражданских и военных⁹. [Эфир] прозрачный и [эфир] мутный [с помощью сил] жара и холода гармонически соединяются, в потоках света [слышится] их звучание. [Чтобы] насекомые очнулись от спячки. я пробуждаю их раскатами грома¹⁰. Конец без исхода, начало — без зачина. То смерть, то рождение, то упадок, то подъем — [эти

явления] постоянны и бесконечны, но каждый раз неожиданны. Поэтому ты и испугался.

Я снова заиграл мелодию, объединяющую [силы] жара и холода, озарил ее сиянием солнца и луны. Звуки то прерывистые, то протяжные, то нежные, то суровые, изменяются [все они] в единстве. В них постоянство, ибо нет главенствующего. В долине — [звуки] наполняют всю долину, в котловине — всю котловину. [Размах] мелодии определяется объемом вещи; преграды [все] щели — и сохранится [ее] сила. Она широка и свободна, название ее высокое и светлое. Поэтому души предков и боги будут держаться во мраке¹¹, а солнце и луна, планеты и звезды — продвигаться своим порядком. Я останавливался вместе с теми, у которых есть предел, двигался вместе с теми, которые бесконечны. Я размышлял о них, но не мог их постичь; смотрел на них, но не смог их увидеть; следовал за ними, но не мог их догнать. Бездумно стоял [я] на пути к четырем пустотам, опираясь на высокий платан, и пел. Зрение истощилось в стремлении все увидеть, силы истощились в стремлении все догнать. Я не сумел [всего] достичь, и тело наполнилось пустотой, успокоилось, поэтому-то и [ты] успокоился и предался бездействию.

Я снова заиграл, не ленись, соединив мелодию с естественной жизнью. [Звуки] следовали беспорядочно, бесформенные, будто в зарослях мелодии леса. Разливаясь широко, но не растягиваясь, сумрачная, смутная, [почти] беззвучная, [она] ниоткуда не исходила, задерживалась в глубокой тьме. Одни называли ее умиранием, другие — рождением; одни — плодом, другие — цветением. В движении, в течении [она] рассеивалась, перемещалась, не придерживаясь постоянного. В мире в ней сомневались, [предоставляя] мудрому [ее] изучать. Мудрый же постигал [ее] природу, а следовал естественности. Творческая сила природы еще не затрагивалась, а [все] пять органов чувств уже наготове. Это и называется естественной мелодией: слов нет, а сердце радуется. Поэтому род Владеющих Огнем¹² ее и [прославил] в гимне¹³.

Вслушайся — звука ее не услышишь.
Формы ее не увидишь, всмотревшись.
Небо заполнит, наполнит и землю,
Шесть полюсов обнимая собою.

Ты захотел ее услышать, но не воспринял, а поэтому и пришел в смятение. Мелодию [я] начал со страха, страх и вызывает наваждение. Затем я снова [заиграл] ленивее, [ты] предался бездействию, поэтому [все] и отступило. В заключение же [я] вызвал смятение. От смятения приходят к омрачению, от омрачения — к пути. Путем можно наполниться и с ним пребывать.

[Когда] Конфуций странствовал на Западе в Вэй, Янь Юань задал вопрос наставнику Золотому¹⁴:

— Что думаете [вы] о поступках учителя?

— [Твой] учитель зашел в тупик. Как жаль! — воскликнул наставник Золотой.

— Почему? — спросил Янь Юань.

— [Пока при обряде] соломенное чучело собаки¹⁵ еще не показывали, — ответил наставник Золотой, — ее укладывают в корзину, покрывают узорчатым платком, а Покойник и жрец, чтоб приблизиться к ней, соблюдают пост. А после обряда, когда это чучело выбросят, прохожие топчут ему голову и спину, солому же просто сжигают, готовя пищу. [Если кто-нибудь] снова подберет [чучело собаки], уложит в корзину, покроет узорчатым платком и, странствуя, будет под ней спать, ему приснится кошмар или [он] засорит себе глаза. Ныне же [твой] учитель опять подбирает залежалые чучела собак [времен] древних царей, сзывает учеников, [с ними] странствует и спит под чучелом. Поэтому-то на него свалили дерево в Сун, [он] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу — разве это не было кошмарным сном? [Он] был осажден между Чэнь и Цай, семь дней [оставался] без горячей пищи, на грани смерти — разве это не было засорением глаз? Ведь по воде лучше всего передвигаться в лодке, а по суше — в повозке. В лодке можно передвигаться по воде, но толкать лодку по суше¹⁶ не значит ли за всю жизнь не сделать ни шага? Разве древность не отличается от нашего времени, как вода от суши? Разве чжоуские порядки не отличаются от луских, как лодка от повозки? Применять ныне в Лу чжоуские порядки — не то же ли, что толкать лодку по суше? Утомительно и бесполезно, да и для здоровья вредно. Конфуций не ведает, что движение безгранично, что, соответствуя вещам [все развитие] бесконечно. Разве ты не видел [колодезного] журавля? Черпаешь [воду] — нагибается, отпустишь — поднимается. Ведь человек его нагибает, а не [он] нагибает человека. Поэтому его поклоны не могут обидеть людей. [Так же и] обряды и долг, законы и меры [времен] трех владык и пяти предков уважали не за то, [что] они были одинаковыми, а за то, что отвечали порядку. Поэтому сравнивать обряды и долг, законы и меры [времен] трех владык и пяти предков то же, что уподоблять [друг другу] резань и грушу, мандарин и помелон: [хотя] все они съедобны, но вкус у всех различный. Так же и обряды, долг, законы, меры изменяются в соответствии с временем. [Если же] ныне оденем обезьяну в платье Чжоу гуна¹⁷, она непременно станет кусать, грызть, тащить, рвать [платье] и не успокоится, пока [его с себя] не стащит. Изучая различия между древностью и современностью, [видим, что] они подобны различию между обезьяной и Чжоу гуном. В старину [красавица] Си Ши из-за боли в сердце хмурилась при всех в селении. На нее залюбовалась некая Уродина и, вернувшись к себе [домой], также стала хвататься за сердце и хмуриться при всех в своем селении. Однако богачи, завидя ее, запирали накрепко ворота и не показывались, а бедняки завидя ее, уходили прочь, уводя с собой жен и сыновей. Уродина поняла

[лишь], что хмуриться красиво, но не поняла, почему красиво. Жаль! И [твой] учитель оказался в [таком же] тупике!

Конфуций дожил до пятидесяти лет и одного года, а не слышал о пути. Тогда [он] отправился на юг, достиг Пэй, увиделся с Лаоцзы и тот [его] спросил:

— Ты пришел? Я слышал, что ты добродетельный с Севера. Ты также обрел путь?

— Еще не обрел, — ответил Конфуций.

— Как же ты его искал? — спросил Лаоцзы.

— Я искал его в мерах и числах, но за пять лет [так и] не обрел.

— Как же ты еще искал?

— Я искал его в [силах] жара и холода, но за десять лет и два года [так и] не обрел.

— Так, — сказал Лаоцзы. — Если бы путь можно было подносить [в дар], каждый поднес бы его своему государю; если бы путь можно было подавать, каждый подал бы его своим родителям; если бы о пути можно было поведать другим, каждый поведал бы о нем своим старшим и младшим братьям; если бы путь можно было вручать другим, каждый вручил бы его своим сыновьям и внукам. Но этого сделать нельзя по той причине, что [путь] не задержится [у того, у кого] внутри нет главного; не подойдет [тому, кто] внешне [ему] не пара. [Если путь] исходит изнутри, [то] не воспринимается извне, [от] мудрого человека не изойдет; [если] входит извне, [то] не станет главным внутри, и мудрый человек [его] не прячет.

Слава — общее достояние, много [от нее] забирать нельзя. Милосердие и справедливость — [это словно] постоянный двор древних государей, [там] можно разок переночевать, долго жить нельзя, многие встречные [будут] укорять. Настоящие люди древности проходили дорогой милосердия, останавливались на ночлег у справедливости, чтобы странствовать в беспредельной пустоте, кормиться от небольшого поля, обрабатывать незаложенный <не взятый взаймы> огород, [жить] на приволье, в недеянии. От небольшого [поля] легко прокормиться, с незаложенного <не взятого взаймы> [огорода] не отдавать <займа>¹⁸. Древние это называли странствиями в сборе истинного. Кто считает истинным богатство, не способен уступить жалованья; кто считает истинным славу, не способен уступить имени; кто любит власть, не способен отдать [ее] рукоять другому. [Тот, кто] держит [все] это в руках — дрожит; [кто] их отдает — страдает. Ни у кого [из них] нет зеркала, чтобы увидеть [себя]: тот, кто не прекращает, [становится] убийцей природного. Гнев и милость, взимание и возврат, советы и обучение, жизнь и казнь — эти восемь [действий] — орудия исправления. Но применять их способен лишь тот, кто следует за великими изменениями и ничему не препятствует. Поэтому и говорится: «Исправляет тот, кто [действует] правильно». Перед тем, чье сердце с этим не согласно, не откроются врата природы.

Конфуций встретился с Лаоцзы и заговорил о милосердии и справедливости.

— [Если], провеивая мякину, засоришь глаза, — сказал Лаоцзы, — то небо и земля, [все] четыре страны света поменяются местами. [Если] искусают комары и москиты, не заснешь всю ночь. [Но] нет смуты большей, чем печаль о милосердии и справедливости¹⁹ — [она] возмущает мое сердце. Если бы вы старались, чтобы Поднебесная не утратила своей простоты, вы бы двигались, подражая ветру, останавливались, возвращаясь к [природным] свойствам. К чему же столь рьяно, будто в поисках потерянного сына, бьете во [все] неподвижные и переносные барабаны? Ведь лебедь бел не оттого, что каждый день купается; а ворона черна не оттого, что каждый день чернится. Простота белого и черного не стоит того, чтобы о ней спорить; красота имени и славы не стоит того, чтобы ее увеличивать. Когда источник высыхает, рыбы, поддерживая одна другую, собираются на мели и [стараются] дать друг другу влагу дыханием, слюной. [Но] лучше [им] забыть друг о друге в [просторах] рек и озер.

Повидавшись с Лаоцзы, Конфуций вернулся [домой] и три дня молчал.

— С чем [вы], учитель, вернулись от Лаоцзы, — спросили ученики.

— Ныне в нем я увидел Дракона²⁰, — ответил Конфуций. — Дракон свернулся [в клубок], и образовалось тело, расправился, и образовался узор, взлетал на облаке, на эфире, кормился от [сил] жара и холода. Я разинул рот и не мог [его] закрыть. Как же мне подражать Лаоцзы!

— В таком случае, — спросил Цзыгун, — не обладает ли тот человек неподвижностью Покойника и внешностью Дракона, голосом грома и молчанием пучины, не действует ли подобно небу и земле? Не удостоюсь ли и [я], Сы, [его] увидеть? — и от имени Конфуция [Цзыгун] встретился с Лаоцзы.

Лаоцзы только что уселся на корточки в зале и слабым голосом промолвил:

— Годы мои уже на закате, и [я] ухожу. От чего вы [хотите] меня предостеречь?

— Почему только [вы], Пржеждерожденный, считаете, что три царя и пять предков не были мудрыми? — спросил Цзыгун. — Ведь [они] управляли Поднебесной по-разному, слава же им выпала одинаковая.

— Подойди поближе, юноша, — сказал Лаоцзы. — Почему ты считаешь, что [управляли] по-разному?

— Высочайший передал [власть] Ограждающему, Ограждающий — Молодому Дракону, — сказал Цзыгун. — Молодой Дракон применял силу физическую, а Испытующий — военную. Царь Прекрасный²¹ покорялся Бесчеловечному и не смел ему противиться. Царь Воинственный пошел против Бесчеловечного и не захотел [ему] покориться. Поэтому и говорю, что по-разному.

— Подойди поближе, юноша, — сказал Лаоцзы. — Я тебе поведаю, [как] управляли Поднебесной три владыки и пять предков. Желтый Предок, правя Поднебесной, привел сердца людей к единству. [Когда] родители умирали, [дети] их не оплакивали и народ [их] не порицал. При Высочайшем в сердцах людей Поднебесной [появились] родственные чувства. [Если] из-за смерти своих родителей люди придавали меньшее [значение] смерти чужих [родителей], народ их не порицал. При Ограждающем в сердцах людей Поднебесной [зародилось] соперничество. Женщины рожали после десяти лун беременности, дети пяти лун от роду могли говорить; еще не научившись [смеяться], начинали узнавать людей и тогда стали умирать малолетними. При Молодом Драконе сердца людей Поднебесной изменились. У людей появились страсти, а [для применения] оружия — обоснования: убийство разбойника не [стали считать] убийством. Разделили на роды людей и Поднебесную [для каждого из них свою]. Поэтому Поднебесную объял великий ужас. Поднялись конфуцианцы и моисты. От них пошли правила отношений между людьми, а ныне еще и [отношений] с женами. О чем еще говорить! Я поведаю тебе, как три владыки и пять предков наводили порядок в Поднебесной. Называется — навели порядок, а худшего беспорядка еще не бывало. Своими знаниями трое владык наверху нарушили свет солнца и луны, внизу — расстроили сущность гор и рек, в середине — уменьшили блага четырех времен года. Их знания были более ядовиты, чем хвост скорпиона, чем зверь *сяньгуй*²². Разве не должны они стыдиться? Ведь не сумев обрести покой в собственной природе, [они] сами еще считали себя мудрецами. Они — бесстыжие!

Цзыгун в замешательстве и смущении остался стоять [на месте].

Конфуций сказал Лаоцзы:

— [Я], Цю, считаю, что давно привел в порядок шесть основ: песни, предания, обряды, музыку, гадания, [хронику] «Весна и осень». Достаточно хорошо понял их причины, чтобы обвинить семьдесят двух царей, истолковать путь ранних государей, выявить следы [деяний] Чжоу [гуна] и Шао [гуна]. Но ни один царь ничего [этого] не применил. [Как] тяжело! [Как мне], учителю, трудно убеждать, [как] трудно разъяснять учение!

— К счастью, ты не встретился с царем, который управляет современным миром, — сказал Лаоцзы. — В шести основах — следы деяний ранних государей. Но разве в них [говорится о том], как следы проложены? Слова, сказанные тобою ныне, — также следы. Ведь следы остаются и от башмаков, но разве следы — это сами башмаки?

Ведь белые цапли зачинают, [когда] смотрят друг на друга, и зрачки [у них] неподвижны; насекомые зачинают, [когда] самец застрекочет сверху, а самка откликнется снизу²³; *лэй* [будучи] и самцом и самкой, [сам] от себя зачинает. [Природные] свойства

не изменить, жизнь не переменить, время не остановить, путь не преградить. Постигнешь [законы] пути, и все станет возможным, утратишь — ничего не добьешься.

Конфуций не показывался три луны, затем, снова увидевшись [с Лаоцзы], сказал:

— [Я], Цю, это давно постиг! Ворона и сорока высиживают яйца; рыбы зачинают, смазываясь слюной; оса реверплощется <в другое насекомое>²⁴, [когда] родится младший брат, старший брат заплачет²⁵. Ведь [я], Цю, не превращался вместе [с путем] в человека. [А если] не превращался в человека вместе [с путем], как же могу поучать [других]?

— Хорошо! [Ты], Цю, это постиг! — ответил Лаоцзы.

Глава 15

ПОЛНЫЕ СУРОВЫХ ДУМ

Полные суровых дум¹ и возвышенных дел покидают мир, отвергают [все] пошлое; рассуждая о высоком, возмущаются и порицают [других] — надменные и только. Так любят поступать мужи, [скрывающиеся] в горах и долинах, презирающие современников, высыхающие, словно дерево, или уходящие в пучину.

Произносят речи о милосердии и справедливости, о преданности и доверии, почтительности и скромности, о том, как отказываться от [власти] и передавать [престол], — совершенствуются сами, и только. Это любят мужи, успокаивающие мир, — те, кто обучает и поучает, странствующие ученики.

Произносят речи о великих подвигах, громкой славе, о церемониях между государем и советником, об исправлении [отношений] между высшими и низшими — [стараются] ради управления и только. Это любят мужи придворные, что благоговеют перед государем, укрепляют [свое] царство, захватывают [чужие царства] и добиваются [признания] заслуг.

[Находя] пристанище на болотах и озерах, поселяясь в безлюдных местах, удят рыбу, наслаждаются праздностью, предаются недеянию, и только. Это любят мужи на реках и морях, удалившиеся от мира, те, кто предается праздности.

Вдыхая <прохладу>, выдыхая <тепло>, [упражняют] дыхание, освобождаясь от старого, воспринимая новое, висят на деревьях, [точно в спячке] медведи, вытягиваются, [точно] птицы, — ради долгих лет жизни, и только. Это любят мужи, проводящие [в себе] путь, питающие [свое] тело, [добиваясь] долголетия Пэн Цзу.

Но все [самое] прекрасное последует за тем, кто [способен] стать возвышенным без суровых дум, совершенствоваться без милосердия и справедливости, править, не добиваясь заслуг и славы,

пребывать в праздности, не [удаляясь] к рекам и морям, живя долго, не проводя [в себе] пути, забывать обо всем и всем обладать, становиться безмятежным без предела. Таков путь неба и земли, таковы и свойства мудрого. Поэтому и говорится: «Безмятежность и безразличие, покой и уединение, пустота и надеяние — таково равновесие неба и земли, [такова] сущность природных свойств».

Поэтому и говорится: «Мудрый в покое». В покое, поэтому ровен и свободен. Ровный и свободный становится безмятежным и безразличным. К ровному, свободному, безмятежному и безразличному не вторгнутся ни горе, ни беда, его не захватят врасплох вредные пары. Поэтому свойства его целостны, а разум не страдает. Вот и говорится: «Жизнь мудрого человека — движение природы, смерть его — изменение вещи». В покое свойства [его] такие же, как у [силы] холода; в движении [у него] такие же волны, как у [силы] жара. [Он] не опередит другого ни ради счастья, ни из-за беды. Лишь восприняв, откликнется; лишь вынужденный шевельнется; лишь поневоле поднимется; отбросив знания и житейскую премудрость, следует естественным законам, поэтому [для него] нет ни стихийных бедствий, ни бремени вещей, ни людских укоров, ни кары душ предков. Он живет, будто плывет по течению; умирает, словно уходит отдыхать; не мыслит и не заботится, не предвидит и не рассчитывает; светлый, но не блестит; доверяет, не назначая срока. Он спит без сновидений, бодрствует без печали, его разум чист, его душа не устает. Пустой и отсутствующий, безмятежный и безразличный, [он] соединяется с природными свойствами. Поэтому и говорится: «Печаль и веселье [причиняют] зло свойствам, радость и гнев [ведут] к ошибкам в пути, любовь и ненависть [приносят] ущерб свойствам». Поэтому [иметь] сердце, свободное и от печали, и от веселья, — это высшее в свойствах; быть единым и неизменным, — это высшее в покое; не противиться — высшее в пустоте; не общаться с [другими] вещами — высшее в безразличии, не выражать недовольства — высшее в чистоте. Поэтому и говорится: «[Если] утруждать [свое] тело без отдыха, это [приведет к] износу; [если] расходовать свое семя без предела, это [приведет к] изнурению², изнурение [ведет] к истощению». Вода, — чистая, [если] нет примеси; ровная, [если] не движется; непроточная, стоячая [вода] не может [сохранить] чистоты. [Таков] образ природных свойств. Поэтому и говорится: «Простой и чистый, без примеси, неизменный в покое и единстве, безразличный, предающийся надеянию — в движение приводится природой». Таков путь, питающий разум. Ведь обладатель меча из Гань [или] Юэ³, не смея к нему прибегать, вложил его в ножны и спрятал. [Таково] высшее [в использовании] сокровища. Разум движется одновременно во [всех] четырех направлениях и ничем не ограничивается. Наверху — достигает неба, внизу — обвивается вокруг земли. [Но] для развития и питания [всей] тьмы вещей [его] нельзя считать образцом. Имя такого — равный предку. Чистейший и про-

стейший путь сохраняет лишь разум. Сохраняет и не утрачивает [человек], единый с разумом. Пронизанный единой сущностью соединяется с правилами природы. Простая поговорка гласит: «Толпа дорожит выгодой, честный муж дорожит именем, добродетельный ставит высоко волю, мудрый же ценит сущность». Поэтому про чистого скажу, что он ни с чем не смешивается; про простого скажу, что он не наносит урона своему разуму; того же, кто способен воплотить в [своем] теле чистоту и простоту, назову настоящим человеком.

Глава 16

ИСПРАВЛЯЮЩИЕ ХАРАКТЕР

Исправляющие характер¹ в стремлении вернуться к его началу [обращаются] к распространенным пошлым учениям. Погрязшие в страстях в стремлении обрести ясность характера [обращаются] к пошлым мыслям. Таких назову невеждами. Те, кто в древности приводил в порядок путь, накапливали знания посредством безмятежности. Знания рождались, но для действий не применялись. [Это] называется посредством знаний выращивать безмятежность. [Так] выращивали друг друга знания и безмятежность, и в гармонии с естественными законами появлялся их характер. Ведь свойства — это гармония, путь — естественные законы. Свойства вмещают в себе все, [в том числе и] милосердие; в пути все естественные законы, [в том числе и] справедливость. [Когда] понимают справедливость, вещи сближаются, [появляется] преданность. [Когда] с чистой сущностью обращаются к чувствам, [появляется] музыка. [Когда] доверие проявляется во внешнем облике и форме и следует за красотой, [появляются] обряды. [Когда] обряды и музыка распространяются повсюду, в Поднебесной начинается смута. [Если] тот, кто исправляет [других], невежествен в своих свойствах, [его] свойства не распространяются. [Если же] распространяются, то вещи непременно утратят свой [природный] характер.

Люди древности еще при хаосе вместе со [всеми] современниками обретали безмятежность и спокойствие. [Силы] жара и холода тогда соединялись в покое, души предков и боги не причиняли вреда, четыре времени года проявлялись умеренно, [вся] тьма вещей не страдала, ничто живое не умирало преждевременно. Хотя у людей и были знания, их нельзя было применить. Это и называлось высшим единством. В те времена не совершали деяний и постоянной была естественность. Когда же свойства стали ослабевать, в Поднебесной начали действовать Добывающий Огонь Трением² и Готовящий Жертвенное Мясо. [Люди] покорились, но утратили единство. Свойства упали ниже, и в Поднебесной начали действовать Священный Земледелец и Желтый Пре-

док. [Люди] успокоились, но стали непокорными. Свойства упали еще ниже, и в Поднебесной начали действовать [Высочайший] из [рода] Гончаров³ и [Ограждающий] из [рода] Владеющих Тигром. Тут расцвели управление, просвещение и [тому подобное]. Рассеяли простоту, загрязнили чистоту, ушли от пути ради добрых дел, воздвигли преграды для свойств ради действий, а затем отказались от [природного] характера и последовали за [своими] взглядами. Сердце [одного] узнавало сердце [другого], и знания стали недостаточными для успокоения Поднебесной. А затем к этому добавили еще внешнюю красоту⁴ и многознание. Внешняя красота уничтожила сущность, а многознание ослабило разум. И тогда в народе начались смуты и беспорядки, нельзя было вернуться к [природному] характеру и чувствам, вернуться к [их] началу. Отсюда видно, что мир потерял путь, а путь покинул мир. Мир и путь утратили друг друга. Как же могли владеющие путем поднять мир? Как же могли в мире поднять путь? Пути нечем было поднять мир, миру нечем было поднять путь. Даже если мудрый не уходил в горы и леса, его свойства оставались скрытыми. Причина отнюдь не в том, что [он] сам скрывался. Те, кого в древности называли отшельниками, отнюдь не прятались и не скрывались, отнюдь не замыкали свои уста и не молчали, отнюдь не скрывали свои знания и [их] не обнаруживали. Это великое заблуждение [учения] о времени и судьбе⁵. Когда [учение] о времени и судьбе широко распространилось в Поднебесной, те, кто [стремился] возвратиться к единству, исчезли бесследно. Это не [учение] о времени и судьбе, а великое бедствие для Поднебесной! Тогда, уйдя в глубину [естественности], ожидали, храня высшее спокойствие. Таков путь к самосохранению. В древности те, кто хранил [в себе] путь, не приукрашивали свои знания красноречием, не терзали [всех] в Поднебесной своими знаниями, не истощали [своих] свойств знаниями. Им оставалось лишь остерегаться, пребывая в своем жилище, и [стараться] вернуться к своему [природному] характеру. Путь, конечно, не действует по мелочам, свойства, конечно, не познаются по мелочам. Малые знания вредят свойствам, а малые дела вредят пути. Поэтому и говорится: «Исправляй самого себя, и только». Радость целостности — это обретение желаемого. [Но] обретением желаемого в древности называли не [пожалование] колесницы с высоким передком и парадной шапки⁶, а только ту радость, к которой нечего добавить. Ныне же обретением желаемого называют [пожалование] колесницы с высоким передком и парадной шапки. [Но] колесница с высоким передком и парадная шапка принадлежат телу, не природному характеру. [Такие] вещи появляются случайно, на [какое-то] время. Временные — их приходу не воспрепятствовать, их ухода не останавливать. Поэтому ради колесницы с высоким передком и парадной шапки нельзя давать волю [своим] желаниям, нельзя и прибегать к пошлости из-за нужды и стесненного положения. И в том, и в другом [случае] радость [должна быть] одинаковой. [Она] лишь

в отсутствии печали. Ныне же уход временного лишает [человека] радости. Отсюда видно, что даже радость его была бесплодной. Поэтому и говорится: «Те, кто теряет себя в вещах, утрачивают в пошлом [природный] характер». Таких назову людьми, [которые все] ставят вверх ногами.

Глава 17

С ОСЕННИМИ РАЗЛИВАМИ

С осенними разливами сотни потоков переполнили Реку. [Она] разлилась так широко, что с одного берега и даже с островка не отличишь на другом берегу буйвола от коня. И тут Дядя Реки¹ возрадовался, считая, что у него [теперь] вся красота Поднебесной.

[Он] по течению двинулся к востоку и достиг Северного Океана. Взглянул на восток и не увидел воде конца. Тут Дядя Реки повертел головой, глядя на водный простор, вздохнул и обратился к [Северному Океану] Жо²:

— Простая поговорка гласит: «О пути узнал одну частицу и мнит, что с ним никто уж не сравнится»,— это сказано обо мне. Я слышал к тому же, как мало ценили знания Конфуция, как презирали Старшего Ровного за [приверженность] долгу. Раньше я [этому] не верил, ныне же [убедился], узрев, как ты неисчерпаем. Не дойди я до твоих ворот, мне грозила бы опасность еще долго терпеть насмешки тех, кто изучает великий путь.

Северный Океан Жо сказал:

— С Лягушкой из колодца не толкуй о море³ — [ее] предел лишь скважина. С букашкой не толкуй о зиме — [она] знает лишь [свое] время года. С ограниченным человеком не толкуй о пути, [он] связан [тем, чему его] обучили. Ныне, покинув [свои] берега, ты любовался великим океаном и понял свое ничтожество, [значит], с тобой можно поговорить о великом законе. В Поднебесной нет большего водного [пространства], чем океан. В него устремляется тьма потоков — неведомо, когда остановятся,— а [он] не переполняется. Из него вытекает [пучина] Задние Ворота — неведомо, когда иссякнет, а [он] не осушается. [Океан] не меняется ни весной, ни осенью, не знает ни наводнений, ни засухи. Даже измерить нельзя, насколько он превосходит реки и потоки. Но все равно я никогда не считал себя огромным.

Сам [я] сравнивал себя с небом и землей, с [силами] жара и холода, от которых получал эфир, и рядом с небом и землей я [оказался] подобным камешку или деревцу на огромной горе. Увидев [себя] малым среди существующего, как мог [я] считать себя большим? Четыре моря в пространстве между небом и землей не походят ли на впадины от камней посреди большого болота?

А Срединные царства в центре [четырех] морей не походят ли на зернышко в большом амбаре? Называя вещи, говорили: их тьма, к человеку же относили одно [название]. Людей всего девять областей, но [куда бы ни] проникали корабли и повозки, среди тех, кто питается зерном, человек был лишь одной [частью].

В сравнении с тьмой вещей не подобен ли человек кончику волоска на конской шкуре? ⁴ Вот к чему сводится все [значение] деяний пяти предков, борьбы царей трех династий, забот милосердных и хлопот служилых мужей. Вот почему [лишь] хвастовством [можно] считать и славу Старшего Ровного, отказавшегося от престола, и многознание Конфуция, [толковавшего] обо всем в речах. Не так ли и ты недавно хвастался массой [своих] вод?

— В таком случае, — спросил Дядя Реки, — можно ли [считать] небо и землю [самым] большим, а кончик волоска [самым] малым?

— Нет! — ответил Северный Океан Жо. — Ведь время бесконечно ⁵, качества вещей безграничны ⁶, в [их] участи нет постоянства, ни в конце, ни в начале не бывает одного и того же. Поэтому-то [обладающие] глубокими познаниями наблюдают и за близким и за далеким; маленькое [для них] — не мало, большое — не велико; [так] узнают, что качества бесконечны. Доказательства ищут и в современности, и в древности; древними не тяготеют, [хотя они] и отдаленные; [современные] собирают, не становясь на цыпочки; [так] узнают, что время бесконечно. Изучают пустое и полное; обретя, не радуются; утратив, не печалются; [так] узнают, что в участи нет постоянства. Видя [жизнь как] ровную дорогу, не радуются при рождении и не считают бедой смерть; [так] узнают, что ни в конце, ни в начале не бывает одного и того же. Считают, что познанного человеком меньше, чем непознанного; что время его жизни не столь долгое, как время до его рождения. [Если] с помощью столь малого пытаются познать до конца столь крупное, то впадают в заблуждение и не могут удовлетвориться. Отсюда видно, достаточно ли познать кончик волоска, чтобы определить мельчайший зародыш, достаточно ли познать небо и землю, чтобы исчерпать величайшее пространство?!

— Верно ли говорят все те в мире, кто рассуждает: «Мельчайшая сущность не обладает формой, величайшее нельзя охватить»? — спросил повелитель Реки.

— Ведь [тот, кто], исходя из мельчайшего, взглянет на величайшее, — [его] не исчерпает, — ответил Северный Океан Жо, — [тот, кто], исходя из величайшего, взглянет на мельчайшее, [его] не разглядит. Ведь мельчайшее семя — это ничтожнейшее в малом; величайшее — это огромное в большом. Бывают случаи, когда различить [их] легко, ибо мелкие и крупные ограничиваются формой. Не обладающие формой не поддаются разделению для счета: то, что нельзя охватить, не исчерпаешь в цифровой оценке. Крупнейшие из вещей можно выразить в словах; мельчайшие из вещей можно постичь мыслью. То, что нельзя ни выразить в словах, ни постичь мыслью, не зависит от [величины] крупной или

мелкой. Поэтому-то большой человек не стремится причинить вреда людям, [но и] не проявляет излишней [своей] благосклонности и милосердия. Не действует ради выгоды [и] не презирает раба у ворот. Не сутяжничает из-за имущества и товаров, [но и] не кичится, уступая или [от них] отказываясь. В делах не прибегает к чужой [помощи, и] не кичится тем, что кормится [собственными] силами, не презирает жадных и алчных. В своих поступках отличается от [людей] пошлых [и] не кичится таким отличием. Следуя за толпой, не презирает говорунов и льстецов. Ранги и жалованье в мире не считает достойным поощрением; казни и позор не считает постыдными. Знает, что нельзя [точно] отделить правильное от неправильного, нельзя [точно] отличить малое от большого. [Я] слышал, что человек, [постигший] путь, остается неизвестным; что обладающий высшими свойствами [ничего] не обретает; что у великого человека нет самого себя — [таков] высший предел в ограничении [своей] доли.

— [Если не различать]: вещи ни по внешнему, ни по внутреннему, как же отделить благородных от презренных, как же отличить больших от малых? — спросил повелитель Реки.

— [Если] судить исходя из пути,— ответил Северный Океан Жо,— нет вещей благородных, нет презренных⁷. [Если] судить исходя из вещей, [то они] самих себя ценят, а других презирают. [Если] судить исходя из людских обычаев, [то] от самого [человека] не зависит, [быть ему] благородным или презренным. [Если] судить исходя из принятых различий и называть большими тех, кого считают большими, то [вся] тьма вещей окажется большой; [если] называть малыми тех, кого считают малыми, то [вся] тьма вещей окажется малой. [Так] узнаешь, что небо и земля — зернышко; [так] узнаешь, что кончик волоска — холм или гора. Так сравнивают по относительной величине. [Если] судить исходя из заслуг и называть заслуженными тех, у кого признают заслуги, то у [всей] тьмы вещей окажутся заслуги; [если] отрицать заслуги тех, у кого их отрицают, то у [всей тьмы] вещей [заслуг] не окажется. [Так], узнав, что Восток и Запад друг другу противоположны, но что ни тот ни другой отрицать нельзя, [можно] определить роль [каждого как] части. [Если] судить исходя из интересов [каждого] и одобрять тех, кого одобряют, то всю тьму вещей придется одобрить; [если] осуждать тех, кого осуждают, то всю тьму вещей придется осудить. [Так], узнав, что Высочайший и Разрывающий на Части каждый себя одобрял, но один другого порицал, [можно] увидеть, как властвовали [собственные] интересы. В старину Высочайший и Ограждающий уступили трон и остались предками, а Куай⁸ уступил трон и погиб. Испытующий и Воинственный боролись и стали царями, а Бэйгун боролся и погиб. Отсюда видно, что обычай — уступать [трон] или бороться [за него], поведение Высочайшего или Разрывающего на Части нельзя принимать за [нечто] постоянное, [они] бывали то благородными, то презренными. Балкой можно протаранить городскую стену, но

нельзя заткнуть нору — [таково] различие в орудиях. Рыжий Быстроногий и Рыжий Черногривый пробегали в день по тысячи *ли*, [но] мышей ловили бы хуже, чем дикая кошка, — [таково] различие в способностях. Сова и филин по ночам ловят блох, различают кончик волоска, а днем таращат глаза и не замечают даже гору, — [таково] различие в [природных] характерах. Поэтому и говорится: «Утверждать истинное и отрицать ложное, утверждать порядок и отрицать смуту — значит не понимать закона неба и земли, [природного] характера [всей] тьмы вещей». Ведь это то же самое, что утверждать небо и отрицать землю, утверждать [силу] холода и отрицать [силу] жара, — ясно, что это не годится. И все же [об этом] толкуют, не переставая, [если] не дураки, так лгуны. Предки и цари по-разному передавали власть; при трех династиях по-разному наследовали власть. Того, кто отличался от [своих] современников, кто шел против обычаев, называли узурпатором; того, кто не отличался от современников, кто следовал обычаям, называли поборником справедливости. Помолчал бы [ты], Дядя Реки! Откуда тебе знать, где ворота благородного, а где — презренного, где дома малых, а где — великих!

— Что же мне в таком случае делать, а чего не делать? — спросил Дядя Реки. — Принимать или отказываться? Добиваться или отступать? Как же мне, в конце концов, быть?

— Что такое благородный? Что такое презренный? [Если] судить исходя из пути, назову это [лишь] развитием противоположностей, — ответил Северный Океан Жо. — Не упрямясь в своих мыслях, [они] большое препятствие для пути. Что такое малые? Что такое великие? Это назову [лишь] благодарностью за дары <природы>. Не действуй всегда одинаково, разойдешься с путем. [Будь] суров подобно [такому] государю в царстве, который не знает личного пристрастия. [Будь] удовлетворен подобно богу Земли во время жертвоприношения — для него нет личного счастья. [Будь] широк подобно бесконечности всех четырех сторон, которой нет пределов. Охвати [всю] тьму вещей, [не вникая] кто кому помогает, кто кого поддерживает, — это назову беспристрастием. [Станешь относиться] ко [всей] тьме вещей беспристрастно, [разве окажутся] одна хуже, другая лучше? У пути нет ни конца, ни начала, у вещей есть смерть и рождение, их совершенство ненадежно; то пустые, то полные, не [навечно] обретают свою форму. Годы нельзя повторить, время нельзя остановить. Увядание и рост, полнота и пустота, конец и начало — вот почему называем великой справедливостью, судим о [естественном] законе тьмы вещей. Жизнь вещи подобна стремительному бегу, [она] развивается с каждым движением, изменяется с каждым моментом⁹. [Ты спрашиваешь], что тебе делать? Чего не делать? Ведь в будущем, конечно, сам по себе изменишься.

— Но что же тогда ценного в пути? — спросил Дядя Реки.

— Познавший путь, — ответил Северный Океан Жо, — непременно постигнет [естественный] закон; постигший [естественный]

закон непременно поймет, что такое власть; понявший, что такое власть, не станет вредить себе из-за вещей. [Человека] настоящих свойств огонь не обожжет, вода не утопит, ни холод, ни жар не причинят [ему] вреда, ни хищные птицы, ни дикие звери [его] не погубят. [Это] не значит, что они к нему [отнесутся] безразлично. [Это] значит, что [он] изучает опасное и безопасное, спокоен в счастье и в беде, осторожен, и приближаясь и удаляясь, и ничто [ему] не вредит. Поэтому и говорится: «Естественное — внутри, человеческое — вовне». Свойства зависят от природы; поняв, что в поведении естественное, а что человеческое, [обретешь] корень в природном и твердость в свойствах. [Чем] топтаться на месте, [то] вытягиваясь, [то] сжимаясь, [лучше] вернуться к самому важному и поговорить о высшем.

— Что такое естественное? Что такое человеческое? — спросил Дядя Реки.

— У буйвола и у коня по четыре ноги, — ответил Северный Океан Жо, — это называют естественным. Конь в узде, буйвол с продырявленным носом — это называю человеческим. Поэтому и говорится: «Не губи природного человеческим, не губи естественного искусственным, не жертвуй собой ради приобретения». Тщательно сохраняй [природное], не теряй [его] — это назову возвращением к своему истинному.

Одноногий¹⁰ позавидовал Сороконожке, Сороконожка позавидовала Змее, Змея позавидовала Ветру, Ветер, позавидовал Глазу, Глаз позавидовал Сердцу.

Одноногий сказал Сороконожке:

— Подпрыгивая на одной ноге, я передвигаюсь медленнее [тебя]. Как ты ныне [справляешься] со [своей] тьмой ножек?

— Не знаю почему, [но] я двигаюсь ныне с помощью естественного механизма, — ответила Сороконожка. — Разве ты не видел слюны? Когда плюют, [капельки] то крупные, точно жемчужины, то мелкие, точно туман, рассеиваясь, падают вниз. [Этих капель] нельзя и сосчитать.

Сороконожка сказала Змее:

— Я передвигаюсь на многих ногах. Почему же я не могу догнать тебя, у которой нет ног?

— [Мною] движет естественный механизм. Разве [его] можно изменить? И как бы я стала ходить ногами? — ответила Змея.

Змея сказала Ветру:

— Я передвигаюсь, шевеля своим позвоночником и ребрами, как будто у меня есть [ноги]. [У тебя] как будто нет [ног], как же ты ныне, бушуя, поднимаешься с Северного океана и, бушуя, влетаешь на Южный океан?

— Да, я бушуя поднимаюсь с Северного океана и влетаю на Южный океан, — ответил Ветер. — Но ткни меня пальцем, и меня одолеешь; наступи на меня, и меня одолеешь, а ведь лишь я спо-

способен ломать огромные деревья и сносить большие дома. Поэтому великие победы одерживает [лишь] тот, кого не победит тьма мелочей. Одерживать великие победы способен лишь мудрый.

[Когда] Конфуций странствовал по [местности] Куан ¹¹, сунцы окружили его в несколько рядов, но [он], не прекращая, пел и перебирал струны.

— Почему [вы], учитель, развлекаетесь? — войдя, спросил Цзылу.

— Подойди, я тебе поведаю, — ответил Конфуций. — Я давно уже опасался беды, но не [смог ее] избежать — [такова] судьба. Давно уже добивался удачи, но [ее] не достиг — [таково] время. При Высочайшем и Ограждающем в Поднебесной не было неудачников, и [благополучия] добивались не знаниями. При Разрывающем на Части и Бесчеловечном не было людей удачливых, и не из-за недостатка в знаниях. Таково соотношение времени и обстоятельств. Ведь мужество рыболова в том, чтобы не избегать на воде встречи с драконом. Мужество охотника в том, чтобы не уклоняться на суше от тигра и носорога. Мужество героя в том, чтобы встретить смерть, точно жизнь, скрестив сверкающие клинки. Мужество мудрого в том, чтобы бестрепетно встретить великое бедствие, сознавая, что беда зависит от судьбы, а удача — от времени ¹². Останься [здесь], Ю! Моя судьба предрешена!

Но вскоре вошел латник попрощаться и сказал:

— [Вас] приняли за Яна Тигра, поэтому и окружили. Ныне же снимаем [осаду]. — [Он] попросил разрешения проститься и ушел.

Гунсунь Лун сказал царевичу Моу ¹³:

— [Я], Лун, с юности изучал путь древних государей, [когда] вырос, понял поведение милосердного и справедливого. [Я] объединил тождество и различие, отделил твердость и белизну, [утвердил] истинное и неистинное, возможное и невозможное. [Я] утомился, [постигая] знания [всей] сотни школ, исчерпал мастерство в споре многих ораторов и счел, что достиг высшей проницательности. Ныне же услышал речи Чжуанцзы и удивился, [так] они неясны. В чем [я] отстал [от него] — в красноречии, в знаниях? Не пойму! Ныне я больше не раскрою рта. Дозвольте спросить, в чем его секрет?

Царевич Моу облокотился о столик, глубоко вздохнул, взглянул на небо и, улыбнувшись, заговорил:

— Разве ты не слышал, что сказала Лягушка из обмелевшего колодца Черепaxe из Восточного моря? «Почему бы, [вам], учитель, не зайти посмотреть, как я наслаждаюсь? [Я] выбираюсь наверх, прыгая по стенкам колодца, возвращаюсь, отдыхая в выбоинах стены, где выпал кирпич. Зайду в воду — доходит до подмышек, до подбородка; зайду в ил — утонет в нем и стопа и голень.

Никто кругом со мною не сравнится, ни червяки, ни головастики. К тому же то прыгать, то сидеть в разрушенном колодце, расправляться целой лужей — это высшее наслаждение!» Не [успела] еще Черепаха из Восточного моря ступить левой ногой, как правое колено уже застряло. Тут [она] потопталась и, пятась, стала рассказывать [Лягушке] о море: «Ведь так [оно] широко, что тысячи *ли* не хватит измерить его дали; так глубоко, что тысячи *жэней* не хватит достать до [дна]. Во времена Молодого Дракона за десять лет девять раз [случалось] наводнение, а воды [в море] не прибавилось; во времена Испытующего за восемь лет семь раз [случалась] засуха, а берега [его] не понизились. Много ли [пройдет] времени, мало ли, сколько бы ни влилось, сколько бы ни вылилось, [море] не переменится. Вот какое огромное наслаждение [жить] в Восточном море». Тут, само собою разумеется, Лягушка из обмелевшего колодца испугалась и задрожала, как потерянная.

Не уподобляешься ли Лягушке из обмелевшего колодца с [твоими знаниями], не[достаточными, чтобы] понять тончайшие речи учения, [со стремлением] каждый раз [показаться] острословом своего времени?

Да притом [тебе, — продолжал царевич, —] со знаниями, не[достаточными, чтобы] отграничить область истинного от неистинного, так же непосильно познать речи Чжуанцзы, как комару снести гору, а стоножке перегнуть реку. Чжуанцзы же в своем мастерстве попирает Желтые источники; взмывает к дальним небесам, [для него] нет ни юга, ни севера. Беспрепятственно проникая во [все] четыре стороны, погружается в неизмеримое, [для него] нет ни востока, ни запада. Начиная с изначального, возвращается ко всеобщему проникновению [эфира]. Ты же с трепетом просишь [рассказать о нем] для изучения, ищешь его, [чтоб отточить свое] красноречие. Не так же ли это мелко, как глядеть на небо через трубочку, как целиться шилом в землю? Уходи! Разве ты не слышал о том, как младшие сыновья из Шоулина¹⁴ учились ходьбе в Ханьдане? Еще не приобретя [в этом] царстве [нового] мастерства, утратили прежнюю [сноровку] в ходьбе, вернулись же ползком. [Если] ты теперь не уйдешь, забудешь прежнее [искусство], потеряешь свое ремесло.

Гунсунь Лун удалился так стремительно, что не успел ни остановить языка, ни закрыть разинутого рта.

[Когда] Чжуанцзы удил в реке Бушуй¹⁵, от чусского царя прибыли два знатных мужа и передали [ему слова царя]: «хочу обременить [вас службой] в [моем] царстве».

Не выпуская из рук удочку и не оборачиваясь, Чжуанцзы так [им] сказал:

— Слышал я, что в Чу есть Священная черепаха. Три тысячи лет как она мертва, и цари хранят [ее] в храме предков [завернутую] в покровах в ларце. Что лучше для черепахи: быть мертвой,

чтобы почитали и хранили ее панцирь, или быть живой и волочить хвост по земле?

— Лучше быть живой и волочить хвост по земле, — ответили знатные мужи.

— Вот и я хочу волочить хвост по земле ¹⁶. Уходите! — заключил Чжуанцзы.

Чжуанцзы отправился повидаться с Творящим Благо, который служил советником в Лян. И кто-то предупредил советника:

— Идет Чжуанцзы, [он] зарится на ваш [пост].

Творящий Благо перепугался. [Целых] три дня и три ночи обыскивал [он] страну.

Чжуанцзы явился к нему и спросил:

— Слышал ли ты про птенца, что водится на юге и зовется Юный Феникс? От Южного океана он летит к Северному, гнездится лишь на платане, питается лишь чистыми плодами, пьет лишь из сладкого источника. И вот [этот] Феникс пролетал над Совой, подобравшей дохлую крысу, а та, посмотрев на него снизу, угрожающе крикнула: «прочь!» Ныне и ты угрожающе кричишь: «прочь!» Уж не думаешь ли отпугнуть меня от царства Лян?

Прогуливаясь с Творящим Благо по мосту через Хао ¹⁷ Чжуанцзы сказал:

— Пескари привольно резвятся, в этом их радость! ¹⁸

— Ты же не рыба, — возразил Творящий Благо. — Откуда [тебе] знать в чем ее радость?

— Ты же не я, — возразил Чжуанцзы. — Откуда [тебе] знать, что я знаю, а чего не знаю?

— Я не ты, — продолжал спорить Творящий Благо, — и, конечно, не ведаю, что ты знаешь, а чего не знаешь. Но ты-то не рыба, и не можешь знать, в чем ее радость.

— Дозволь вернуться к началу, — сказал Чжуанцзы. — «Откуда [тебе] знать, в чем ее радость?» спросил ты, я ответил и ты узнал то, что знал я. Я же это узнал, гуляя над [рекой] Хао.

Глава 18

ВЫСШЕЕ СЧАСТЬЕ

Существует ли в Поднебесной высшее счастье? Существует ли возможность сохранить жизнь? Как же ныне действовать, на что опираться? Чего избегать, где задерживаться? Чего домогаться, от чего отказываться? Что любить, что ненавидеть?

Ведь в Поднебесной почитают богатство, знатность, долголетие, доблесть; любят покой, тонкие яства, изящные одежды, пре-

красные лица, мелодичные звуки, а ненавидят бедность, низкое положение, преждевременную смерть, ничтожество; страдают, когда не могут беззаботно предаваться покою, вкушать тонкие яства, облачаться в изящные одежды, любоваться красавицами, наслаждаться музыкой. Лишенные всего этого охвачены страхом, предаются печали. Как глупо! Ведь все это делается лишь для тела!

Ведь богачи, изнуряя себя чрезмерным трудом, собирают столько сокровищ, что не успевают ими воспользоваться, и [даже] телу они не нужны. Благородные проводят дни и даже ночи в размышлениях [о том, насколько они] доблестны. Как это чуждо [даже] телу!

Человек рождается вместе с горем, дожив до глубокой старости, тупеет. Как мучительно, не умирая, столь долго горевать. Насколько далеко от [его] тела то, что он делает.

[Все] в Поднебесной превозносят доблесть героев, пожертвовавших жизнью. Но я не знаю, воистину ли это доблесть, [если ее] недостаточно, чтобы сохранить [свою] жизнь? Если считать это доблестью, [ее] недостаточно, чтобы сохранить жизнь себе. А если не считать это доблестью, так [ее] достаточно, чтобы сохранить жизнь другим. Поэтому и говорится: «[Если] искренним советам не внимают, сиди покорно и не спорь». Ибо [У]Цзысуй стал спорить и погубил себя, а не спорил бы, не заслужил бы славы. Так существует ли в действительности доблесть?

Я не знаю, в том ли на самом деле счастье, что ныне в толпе делают и в чем [находят] счастье. Я наблюдаю за тем, что толпе нравится, за чем все бегут, вопреки опасности, точно боясь упустить. То, что все называют счастьем, для меня не счастье, хотя и не горе. Но существует ли на самом деле счастье? Я считаю настоящим счастьем надеяние¹, а толпа считает это великим мучением. Поэтому и говорится: «Высшее счастье в отсутствии счастья, высшая слава в отсутствии славы»². Хотя в Поднебесной нельзя определить, в чем истинное, а в чем неистинное, но в надеянии можно определить, что истинное, а что неистинное. Высшее наслаждение в сохранении жизни, но только надеяние приближает [это] к осуществлению. Дозвольте попытаться это объяснить.

Недеянием небо достигает чистоты, недеянием земля достигает покоя. При слиянии недеяния их обоих развивается [вся] тьма вещей. Неразлично, неуловимо [они] исходят из ничего; неразличимы, неуловимы, не обладают образом. [Вся] тьма вещей зарождается в недеянии. Поэтому и говорится: «Небо и земля бездействуют и все совершают»³. А кто из людей способен достичь недеяния?

У Чжуанцзы умерла жена и Творящий Благо [пришел] ее оплакивать. Чжуанцзы же сидел на корточках и пел, ударяя [в такт] по глиняному тазу.

Творящий Благо сказал:

— Мало того, что [вы] не оплакиваете умершую, [которая] прожила с [вами, своим] мужем до старости, и вырастила детей. Не слишком ли много [себе позволяете], предаваясь пению, отбивая такт о таз?

— Это не так,— ответил Чжуанцзы. — Могла ли меня не опечалить ее кончина? [Но затем] я задумался о том, что [было] вначале, [когда она] еще не родилась, не только не родилась, но еще не обладала телом, не только телом, но даже и эфиром. Слитая с неразличимым, неуловимым, [стала] развиваться и обрела эфир, эфир развился и обрела тело, тело развилось и обрела жизнь. Ныне же прошла через новое развитие — смерть. Все это сменяло друг друга, как времена года: весна и осень, лето и зима. И я понял, что плакать и причитать, когда она покоится в огромном доме, значит не понимать жизни. Поэтому и перестал.

Дядя Урод и Дядя Неразумный Одноногий <от рождения>⁴ осматривали холм — Обитель мертвых, где покоился Желтый Предок в пустынных местах на горе Союз Старших Братьев. И вдруг на левом локте [у Неразумного Одноногого] появилась опухоль⁵, и он задумался с удивлением, [будто] испугался.

— Страшишься ее? — спросил Урод.

— Нет, — ответил Неразумный Одноногий. — Чего мне страшиться? Ведь жизнь [нами лишь] одолжена. Взяли в долг и живем, живущие — прах. Жизнь и смерть, [что] день и ночь. Мы с тобой посетили [того, кто уже] прошел через изменение. Почему же мне страшиться изменения, когда оно меня коснулось?

Подходя к Чу, Чжуанцзы наткнулся на голый череп, побелевший, но еще сохранивший свою форму. [Чжуанцзы] ударил по черепу хлыстом и [обратился] к нему с вопросами:

— Довела ли [тебя] до этого, учитель, безрассудная жажда жизни или секира на плахе, когда служил побежденному царству? Довели ли тебя до этого дурные поступки, опозорившие отца и мать, жену и детей или муки голода и холода? Довела ли тебя до этого смерть, [после многих] лет жизни? — сказав это, Чжуанцзы лег спать, положив под голову череп.

В полночь Череп явился [ему] во сне и молвил:

— Ты болтал, будто софист. В твоих словах — бремя [мучений] живого человека. После смерти их нет. Хочешь ли выслушать мертвого?

— Да, — ответил Чжуанцзы.

— Для мертвого, — сказал череп, — нет ни царя наверху, ни слуг внизу, нет для него и смены времен года. Спокойно следует он за годовыми циклами неба и земли. Такого счастья нет даже у царя, обращенного лицом к югу.

Не поверив ему, Чжуанцзы спросил:

— А хочешь я велю Ведающему судьбами возродить тебя к жизни, отдать тебе плоть и кровь, вернуть отца и мать, жену и детей, соседей и друзей?

Череп взгляделся [в него], сурово нахмурился и ответил:

— Кто пожелает сменить царственное счастье на человеческие муки!

Янь Юань отправился на Восток, в Ци, и Конфуций опечалился.

Цзыгун сошел с циновки и задал вопрос:

— Осмелюсь ли [я], ничтожный ученик, спросить, почему [Вы], учитель, опечалились, когда Хой отправился на Восток, в Ци?

— Вопрос ты задал хорошо! — ответил Конфуций. — [Я], Цю, одобряю слова, когда-то сказанные Гуаньцзы: «В малый мешок не вместить [ничего] большого, с короткой веревкой не зачерпнуть [воды] в глубоком [колодце]». Да, это так. Телом [человек] следует за тем, что предназначено судьбой, ничего не добавишь, ничего не убавишь. Я опасаясь, что Хой заговорит с правителем Ци о пути Высочайшего, Ограждающего, Желтого Предка, станет повторять речи Добывающего Огонь Трением и Священного Земледельца. [В этих идеалах] царь будет искать себя, но не найдет. А не найдя, станет подозревать Хоя, а заподозрив, казнит. Разве ты не слышал [о том], как в старину в окрестностях [столицы] Лу опустилась морская птица⁶. Лусский правитель сам ее встретил и устроил для нее пиршество в храме предков. Чтобы усладить [ее] музыкой, исполнили девять [тактов мелодии «Великое] Цветение»; чтобы угостить, приготовили жертвенных животных⁷. Но у птицы рябило в глазах, [она] грустила, не решилась проглотить ни одного куска, не смогла выпить ни одной чарки и через три дня умерла.

Вот что значит кормить птицу тем, чем питаешься сам, а не тем, чем кормится птица. Ведь чтобы кормить птицу так, как она кормится сама, нужно [предоставить ей] гнездиться в глухом лесу, бродить по отмелям, плавать по рекам и озерам, кормиться угрями и мелкой рыбой, летать в косяке и опускаться, отдыхать на приволье. Ведь ей человеческая речь неприятна, что [ей] делать среди этого шума? [Если] исполнять «Восход солнца» и девять [тактов мелодии «Великое] Цветение» на берегах [озера] Дунтин, то птицы от них разлетятся, звери разбегутся, рыба уйдет в глубину. Только люди, заслышав их, окружают [певцов] и станут на них смотреть.

Рыба под водой живет, а человек под водой умирает. [Они] друг от друга отличаются, а поэтому любят и ненавидят не одно и то же. Поэтому-то прежде мудрые не считали одинаковыми ни способности, ни занятия. Названия [у них] отражали сущность, а

должное соответствовало [природе]. Поэтому и говорили, что [тогда] порядок был разумным, а счастье — прочным.

Лецзы, странствуя, решил закусить у дороги и заметил столетний череп. Отогнув полынь и указав на него, Лецзы сказал:

— Только мы с тобой и понимаем, что нет ни рождения, ни смерти. Обрел ли ты действительно печаль [смерти]? Обрел ли я действительно радость [жизни]?

Есть мельчайшие семена⁸. Попадая в воду, [они] соединяются в перепончатую ткань; на грани с сушей приобретают покров лягушки, раковину [моллюска]; на горах и холмах становятся подорожником. Подорожник, обрета удобрение от гнилого, становится [растением] воронья нога. Корни вороньей ноги превращаются в земляных и древесных червей, а листья — в бабочек, бабочки также изменяются и становятся насекомыми. Когда [насекомые] родятся у соляного поля <у очага>, то будто сбрасывают кожу и называются [насекомыми] *цюйдо*. *Цюйдо* через тысячу дней превращается в птицу, ее имя — *ганьюйгу*. Слюна *ганьюйгу* становится *сыми*, а *сыми* превращается в [насекомое] *илу* в пищевом уксусе, а от него — [насекомое] *хуанхуан* пищевого уксуса, а от него [насекомое] *цзюю*. [Насекомое] *моужуй* порождает вошь на тыквах. [Растение] *янси*, соединяясь со старым бамбуком, не дававшим ростков, порождает темную собаку, темная собака — барса, барс — лошадь, лошадь — человека. Человек же снова уходит в мельчайшие семена. [Вся] тьма вещей выходит из мельчайших семян и в них возвращается.

Глава 19

ПОНИМАЮЩИЙ [СУЩНОСТЬ] ЖИЗНИ

Понимающий сущность жизни не занимается бесполезным; понимающий сущность судьбы не занимается тем, к чему незачем прилагать знаний. Для поддержания тела, прежде всего необходимы вещи, но бывает, что тело не поддерживают, [хотя] вещей в избытке. Чтобы жить, следует прежде всего не расставаться с телом, но бывает, что теряют жизнь и не расставаясь с телом. От прихода жизни нельзя отказаться, ее ухода не остановить. Увы! Ведь в мире считают, что пропитания тела достаточно для поддержания жизни, хотя пропитания тела, разумеется, недостаточно для поддержания жизни. Почему же в мире считают это достаточным? И [почему] неизбежно все так поступают, хотя этого и недостаточно? Ведь тому, кто хочет избежать забот о теле, лучше всего уйти

от мира. Уйдя от мира, избавляешься от бремени. Избавившись от бремени, становишься прямым и ровным. Став прямым и ровным, вместе с другими обновишься. Обновившись же, станешь близок [пути]. Но стоит ли оставить дела? Стоит ли забыть о жизни? [Да]. Оставив дела, перестанешь утруждать свое тело; забыв о жизни, не утратишь сущности <семени>. Ведь сохранив целостным тело, восстановив сущность, сольешься в единое целое с природой. Ведь небо и земля — отец и мать [всей] тьмы вещей. [Когда они] объединяются — образуется тело, [когда] разделяются — образуется [новое] начало. Сохранение без утраты тела и сущности называется [сохранением] способности к движению. Сущность, и снова сущность, и возвращение, чтобы уподобиться природе.

Учитель Лецзы спросил Стража Границы:

— Настоящий человек идет под водой и не захлебывается, ступает по огню и не обжигается, идет над тьмой вещей и не трепещет. Дозвольте спросить, как этого добиться?

— Этого добиваются не знаниями и не ловкостью, не смелостью и не решительностью, а сохранением чистоты эфира,— ответил Страж Границы.— Сядь, я тебе [об этом] поведаю. Все, что обладает формой и наружным видом, звучанием и цветом,— это вещи. [Различие] только в свойствах! Как же могут одни вещи отдаляться от других! Разве этого достаточно для превосходства [одних над другими]? Но разве могут [другие] вещи остановить того, кто сумел понять и охватить до конца [процесс] создания вещей из бесформенного, [понять, что процесс] прекращается с прекращением изменений? Держась меры бесстрастия, скрываясь в не имеющем начала времени, тот, <кто обрел истину>, будет странствовать там, где начинается и кончается тьма вещей. [Он добивается] единства [своей] природы, чистоты своего эфира, полноты свойств, чтобы проникать в [процесс] создания вещей. Природа у того, кто так поступает, хранит свою целостность, в жизненной энергии нет недостатка. Разве проникнут в его [сердце] печали!

Ведь пьяный при падении с повозки, даже очень резком, не разобьется до смерти. Кости и сочленения [у него] такие же, как и у [других] людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. [Думы о] жизни и смерти, удивление и страх не нашли места в его груди, поэтому, сталкиваясь с предметом, [он] не сжимался от страха. Если человек обретает [подобную] целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы. Мудрый человек сливается с природой, поэтому ничто не может ему повредить.

Мститель не станет ломать [мечей] Мо[се] и Гань[цзян]¹. Подозрительный не станет гневаться на сброшенную ветром черепицу.

[Если] в Поднебесной [всего] будет поровну², не станет ни смуты—нападений и войн, ни казней—убийств, обезглавливания. Значит, путь развивает не человеческую, а естественную природу. С развитием природного рождаются свойства, с развитием человеческого появляются разбойники. [Если] не пресыщаться естественным, не пренебрегать человеческим, народ станет близок своей истинной [природе].

Направляясь в Чу, Конфуций вышел из леса и заметил Горбуна, который ловил цикад, будто [просто] их подбирал.

— Как ты искусен! — воскликнул Конфуций. — Обладаешь ли секретом?

— Да! У меня есть секрет, — ответил ловец цикад. — В пятую-шестую луну кладу на коконы [цикад] шарики. [Из тех, на которые] положу два [шарика] и [шарики] не упадут, теряю немногих; [из тех, на которые] положу три [шарика] и [шарики] не упадут, теряю одну из [каждых] десяти; [тех же, на которые] положу пять шариков и не упадут, [ловлю всех просто], будто подбираю. Я стою, словно старый пенёк, руки держу, словно сухие ветви. Как бы ни велика была вселенная, какая бы тьма тварей в ней ни существовала, мне ведомы лишь крылатые цикады. Почему бы мне их не ловить, [если] ничто [другое] не заставит меня шевельнуться, ни на что в мире я не сменяю крылышки цикады!

— Вот каковы речи того Горбуна! Воля его не рассеивается, а сгущается в душе! — воскликнул Конфуций, обернувшись к своим ученикам.

Янь Юань рассказал Конфуцию:

— Когда я переправлялся через пучину Глубина кубка, Перевозчик правил лодкой, как бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?» «Да, — ответил он. — У прекрасного пловца [к этому] особые способности, а если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза». Я спрашивал [еще], но [он] мне более не отвечал. Осмелюсь ли задать вопрос: «Что это означает?».

— «У прекрасного пловца [к этому] особые способности», — ответил Конфуций, — [означает, что он] забывает про воду; «а если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза» — для него пучина подобна суше, а опрокинутая лодка — скользящей назад повозке. Пусть перед ним опрокидывается и скользит тьма [вещей], это даже не привлечет его внимания; куда бы ни направился, все станет делать играючи.

Мастер игры [со ставкой] на черепицу станет волноваться при игре на [серебряную] застёжку и потеряет рассудок при игре на

золото. Искусство одно и то же, но стоит появиться ценному, и внимание перейдет на внешнее. Внимание же к внешнему всегда притупляет [внимание к] внутреннему.

Тянь Кайчжи встретился с чжоуским царем Величественным³ и царь спросил [его]:

— Что ты слышал от жреца Шэня, когда с ним прогуливался? Мне говорили, он изучает долголетие.

— Что [я], Кайчжи, мог слышать от учителя? [Ведь я] стоял с метлой, прислонясь к воротам,— ответил Тянь Кайчжи.

— Не уклоняйся, Тянь,— сказал царь.— Мне хочется об этом услышать.

— [Я] слышал от учителя,— заговорил Кайчжи,— что умеющий поддерживать жизнь подобен пастуху: смотрит за отстающими овцами и их подгоняет.

— Что это значит? — спросил чжоуский царь Величественный.

— Одиноким Барс⁴ жил в Лу на высокой горе, пил [лишь] воду, ни с кем не делил наживы. Прожил лет до семидесяти, а выглядел будто младенец. Но на беду повстречался с голодным тигром. Голодный тигр убил его и сожрал. Жил [там и] Чжан Смелый. На высоких воротах [у него] висели тонкие занавеси, и каждый к нему заходил. Прожил лет до сорока и умер от болезни — лихорадки. Одиноким Барс поддерживал свое внутреннее, а тигр съел его внешнее. Смелый поддерживал свое внешнее, а болезнь напала на его внутреннее. Оба они не подгоняли свое отстающее.

Конфуций сказал:

— Не уходить и не таиться, не выходить и не красоваться, выситься посередине, будто сухое дерево,— тот, кто усвоит эти три [условия], непременно достигнет высшей славы. Ведь перед опасной дорогой, где из десяти убивают одного, отцы и сыновья, старшие и младшие братья предостерегают друг друга и осмеливаются выходить только со многими воинами и слугами. Не есть ли это знание об опасности, которой подвергается человек? Но сколь заблуждается тот, кто не умеет предостеречь [людей], возлежащих на циновках во время еды и питья!

Жрец Сородич⁵ в парадной одежде и в шапке, войдя в хлев для жертвенных животных, спросил Кабана:

— Зачем ты страшишься смерти? Разве тебе не нравится, что три луны я стану тебя откармливать, десять дней буду поститься, три дня бодрствовать, а [уж потом], подостлав белый пырей, возложу твои лопатки и крестец на резную жертвенную подставку?

Заботившийся о Кабане сказал:

— Лучше кормиться отрубями и мякиной, да оставаться в хлеву!

Заботившийся о самом себе сказал:

— Хорошо бы жить почитаемым, обладателем колесницы с высоким передком и парадной шапки, а умереть — пусть похоронят в гробу на разукрашенной погребальной колеснице.

Заботившийся о себе предпочел то, от чего отказался Заботившийся о Кабане. Чем же он отличается от Кабана?

Гуань Чжун правил колесницей, [когда царь] Хуаньгун охотился на болоте и увидел духа. Царь дотронулся до руки Гуань Чжуна и спросил:

— Видел ли [ты] что-нибудь, Отец Чжун?

— [Я, Ваш] слуга, ничего не видел,— ответил Гуань Чжун.

Вернувшись, царь лишился сознания, заболел и несколько дней не выходил.

Среди цисских мужей был Хуанцзы Обвинитель Гордыни⁶, который сказал:

— Как мог дух повредить царю? Царь сам себе повредил! Ведь от гнева эфир рассеивается и не возвращается, поэтому [его] и не хватает. [Если], поднявшись, [эфир] не спускается, человек становится вспыльчивым; [если], опустившись, не поднимается, человек становится забывчивым; [если], не поднимаясь и не опускаясь, остается в середине, в сердце, [человек] заболевает.

— Но существуют ли тогда духи? — спросил царь.

— Существуют,— ответил Хуанцзы.— У озера есть Соломенный Башмак⁷, у очага — Высокая Прическа, в куче сора во дворе обитает Гром, в низине на северо-востоке на берегу реки прыгает Лягушка; в низине на северо-западе обитает Домовой; в реке есть Водяной; на холмах — Разноцветная Собака, в горах — Одноногий, в степях — Двуглавый Змей, на болотах — Извивающийся Змей.

— Разреши узнать, как выглядит Извивающийся Змей? — задал вопрос царь.

— Извивающийся Змей,— ответил Хуанцзы,— толщиной со ступицу, а длиной с оглоблю, одет в фиолетовое платье и пурпурную шапку. По природе он злой. Как слышит грохот колесницы, встает стоймя, охватив голову. Тот, кто его увидит, станет [царем] царей.

— Вот его-то [я], единственный, и увидел,— сказал царь и захотел. Тут [он] оправил на себе одежду и шапку и уселся рядом с Хуанцзы. День еще не кончился, а болезнь незаметно прошла.

Цзи Синцзы тренировал бойцового петуха для царя. Через десять дней [царь] спросил:

— Готов ли петух?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Бросается на [каждую] тень, откликается на [каждый] звук.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край.

Через десять дней [царь] снова задал [тот же] вопрос.

— Почти [готов]. Не встревожится, пусть даже услышит [другого] петуха. Взгляни на него — будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух — повернется и сбежит.

Конфуций любовался в Люйляне [водопадом]; струи спадают с высоты в три тысячи *жэней*, пена бурлит на сорок *ли*. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи — морские или речные. Заметив там пловца, [Конфуций] подумал, что тот с горя ищет смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы его вытащить. [Но тот] через несколько сот шагов вышел (из воды) с распущенными волосами, зашел и стал прогуливаться у дамбы.

Конфуций последовал [за ним] и [ему] сказал:

— Я принял тебя за душу утопленника, но взгляделся: ты — человек. Дозволь задать вопрос: владеешь ли секретом, [как] ходить по воде?

— Нет, — ответил пловец. — У меня нет секрета. От рождения — это у меня привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба. Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следую за течением воды, не навязывая [ей] ничего от себя. Вот почему я и хожу по воде.

— Что означает «от рождения — это привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба?» — спросил Конфуций.

— Я родился среди холмов и удовлетворен [жизнью] среди холмов — [такова] привычка; вырос на воде и удовлетворен [жизнью] на воде — [таков] характер; это происходит само по себе, и я не знаю почему — [такова] судьба.

Плотник Счастливый вырезал из дерева раму для колоколов. Любовавшиеся рамой поражались [его искусству], будто сделали ее духи или боги.

Увидел раму луский царь и спросил:

— Какой секрет помог тебе ее вырезать?

— Каким секретом могу обладать [я, Ваш] слуга, рабочий человек? И все же был один. [Я, Ваш] слуга, задумав вырезать раму для колоколов, не смел напрасно расходовать свой эфир и должен был поститься, чтобы обрести покой. Постился сердцем три дня и [уже] не смел думать о [получении мною], Счастливым,

награды — ранга и жалованья; постился пять дней и [уже] не смел думать о хвале или хуле, удаче или неудаче; постился семь дней и вдруг забыл о самом себе, своем теле, руках и ногах. И не стало [для меня] ни царского двора, ни того, что отвлекало и смущало, исчезло все внешнее. И тогда [я] отправился в горы, в леса, приглядываясь к природному характеру [деревьев]. И в лучшем по форме и сущности [дереве] передо мной предстала воочию рама [музыкального инструмента]⁸. Иначе пришлось бы [от замысла] отказаться. И тут [я] приложил руки, естественное [во мне] соединилось с естественным [в дереве], и [музыкальный] инструмент был создан сосредоточием жизненной силы. Вот он!

Просо из Восточной Степи представился Достойнейшему как колесничий⁹. [Он ездил] вперед и назад, точно по отвесу, [делал] повороты направо и налево, точно по циркулю. Достойнейший подумал, что в красоте линий [у него] нет погрешностей, и велел ему вернуться, проделав сотню поворотов.

Янь Врата Бытия, повстречавшись с колесницей, явился [к царю] и сказал:

— Просо скоро загонит коней.

Царь промолчал.

Но вскоре [колесничий] вернулся, действительно загнав [коней].

— Как ты это узнал? — спросил царь.

— Кони уже обессилели, а [он] все их понукал, — ответил Янь. — Поэтому [я] и сказал, что загонит.

Искусный Молот чертил круги [и квадраты] точнее, чем с циркулем и наугольником. Вещи изменялись, [как в природе], вместе [с движением его] пальцев, а [его] мысль на них не задерживалась. Поэтому его разум оставался целостным и не знал пут. [Он] забывал о [своих] ногах, [лишь бы] обувь впору; забывал о пояснице, [лишь бы] удобный пояс; в знаниях забывал об истинном и ложном, [лишь бы были] по-сердцу. Не изменялся внутренне, не следовал за внешним, сообразуясь с [каждым] случаем. Начал сообразовываться, и, всегда со всем сообразуясь, он забыл о сообразности [своего пристрастия] к сообразности.

Сунь Изгой¹⁰ — подошел к воротам учителя Бяня Счастливого¹¹ и, смущенно вздыхая, сказал:

— [Я], Изгой, жил в селении, и не случалось, [чтобы меня] называли ленивым; не случалось, чтобы в опасный момент [меня] называли трусливым. Но вот на полях не было урожая, а на службе царю [я] не встретил удачи. [Меня] изгнали из селения, из области. Но в чем [мое] преступление? О Небо! За что [мне] досталась судьба Изгоя!

— Разве ты не слышал о поведении настоящего человека? — сказал Бянь Счастливым. — [Он] забывает о своей смелости, забывает о зрении и слухе, бесцельно блуждает за пределами мирской пыли, в беспредельном, не занимаясь делами. Это называется действовать, но не настаивать; [быть] старшим, но не управлять. А ты ныне приукрашиваешь [свои] познания, чтобы удивить невежд; очищаешься сам, чтобы осветить грязь [других]; сверкаешь, будто поднимаешь солнце и луну. Ведь в сравнении со многими людьми: глухими, слепыми, хромыми, безвременно погибшими — ты обрел целостным свое тело; все [его] девять отверстий. Это уже счастье! Зачем же попусту ропщешь на небо? Уходи!

Сунь Изгой удалился, а Бянь вошел [в дом], сел, но вскоре взглянул на небо и вздохнул.

— Почему [Вы], Преподрожденный, вздыхаете? — спросили ученики.

— Недавно приходил Изгой, — ответил Бянь, — и я рассказал ему о свойствах настоящего человека. Боюсь, что напугал его, и [он] впадет в сомнения.

— Нет, — ответили ученики. — В чем [Ваша] вина? [Если] то, что сказал Изгой истинно, а то, что сказали [Вы], Преподрожденный, ложно, то ложное, конечно, не может вызвать сомнений в истинном. [Если же] то, что сказал Изгой ложно, а то, что сказали [Вы], Преподрожденный, истинно, то он, конечно, усомнится и вернется.

— Нет, — ответил Бянь. — Ведь в старину в окрестностях [столицы] Лу опустилась птица. Обрадовавшись ей, луский царь [велел] приготовить жертвенных животных, чтобы ее угостить; исполнить девять [тактов мелодии «Великое»] Цветение», чтобы усладить ее музыкой. Но птица начала грустить, [у нее] зарябило в глазах, [она] не могла ни пить, ни есть. Вот что значит кормить птицу тем, чем питаешься сам. Ведь чтобы кормить птицу так, как она кормится сама, нужно [предоставить ей] гнездиться в глухом лесу, плавать по рекам и озерам, кормиться на приволье, на отмели и только. Вот и ныне, как мог не испугаться Изгой, человек мало видевший, мало слышавший? Ведь рассказывать [ему] о свойствах настоящего человека то же самое, что мышей катать в повозке или перепелку веселить барабанной трелью и звоном колоколов.

Глава 20

ДЕРЕВО НА ГОРЕ

Бродя по [склону] горы, Чжуанцзы увидел огромное дерево с пышными ветвями и листвой. Лесоруб остановился около дерева, но [его] не выбрал.

— Почему [его не рубишь]? — спросил Чжуанцзы.

— Ни на что не годно,— ответил Лесоруб.

— Дерево негодное, а поэтому может дожить до своего естественного конца,— заметил Чжуанцзы, спустился с горы и остановился в доме старого друга.

От радости друг велел мальчишке-рабу зарезать гуся и сварить.

— Разрешите узнать,— спросил мальчишка,— какого из гусей резать: того, который может петь, или того, который не может?

— Режь того, который не может петь,— ответил хозяин.

На другой день ученики спросили Чжуанцзы:

— Дерево на горе, [которое вы видели] вчера, может дожить до своего естественного конца, так как [ни на что] не годно. А сегодня смерть грозит гусю хозяина, который [ни на что] негоден. Как бы [Вы], Пржеждерожденный эту [годность] определили [для себя]?

— [Я], Чжоу, поместился бы между годным и негодным. [Сказав] между годным и негодным, как будто определил, а [на самом деле] нет. Поэтому неизбежны и затруднения. Но [все] иначе, если парить и странствовать, оседлав природные свойства. [Подобно] то дракону, то змее, без славы и хулы, развиваться вместе со временем, не соглашаясь предаться [чему-либо] одному. То вверху, то внизу, с мерой [лишь] в гармонии парить и странствовать у предка [всей] тьмы вещей, как вещь [рядом] с вещью, а не как вещь для вещи. Откуда же тогда возмутся затруднения? Таковы были Желтый Предок и Священный Земледелец. Иначе обстоит [дело с теми, кто] говорит о [всей] тьме вещей, об отношениях между людьми: единое разделяют, созданное разрушают, честных унижают, почитаемых низвергают, деятельным [несут] неудачи, добродетельных [стремятся] перехитрить, бесполезных — обмануть. Разве тогда не обязательны [затруднения]? Увы! Запомните это, ученики! Вам [остается] лишь одно — область природных свойств!

[Удалец] с Юга от Рынка, Обязанный к Черной Работе,¹ увиделся с лусским царем. Царь Лу выглядел печальным и [Удалец] с Юга от Рынка спросил:

— Почему [Вы], государь, выглядите печальным?

— Я изучал путь прежних царей,— ответил царь Лу,— совершенствовался в делах предков-правителей, я почитал души предков, уважал добродетельных. Осуществлял это с любовью, беспрерывно и все же не [сумел] избежать беды. Вот и печалюсь.

— Плохие у [Вас], государь, средства, избавляющие от беды,— сказал [Удалец] с Юга от Рынка.— Ведь вот пушистая лисица и пятнистый барс живут на горах, в лесах, залегают в пещерах на отвесных скалах — [таков их] покой. Ночью охотятся, днем не выходят — [таков их] запрет. [Они] сдерживаются и прячутся; несмотря на голод и жажду, все же должны добывать себе пищу вдали [от людей] на реках и озерах,— [таков их] закон. И все же не [умеют] избежать беды — сетей и ловушек. В чем их вина? [В]

том, что] беду им приносит собственная шкура. Не представляет ли ныне царство Лу шкуру царя²? Мне хочется, чтобы государь содрал с себя [эту] шкуру, омыл сердце, отказался от страстей и [отправился] странствовать по безлюдным местам. На юге Юэ есть община, которая называется царством Утвердивших свойства³. Народ там прост и невежествен. Люди почти лишены корысти и страстей. Умеют трудиться, но не умеют прятать; дают, не требуя возврата, не ведают ни долга, ни обрядов; действуют бездумно, ступают свободно. При рождении они могут радоваться, при смерти их могут похоронить. Мне хотелось бы, чтобы [Вы], государь, покинули [свое] царство, отказались от пошлого и стали действовать, опираясь на путь.

— Разве сумею? — спросил царь. — Дорога туда далека и опасна, там и горы и реки, а у меня нет ни лодки, ни повозки.

— Не гордитесь телом, не тоскуйте о жилище, [пусть] станут [им для Вас] лодка и повозка, — ответил [Удалец] с Юга от Рынка.

— Дорога туда далека и неведома, там нет людей, — сказал царь. — Кто же станет моим соседом? У меня нет зерна, мне нечего будет есть, как же я туда доберусь?

— Сократите свои расходы, умерьте свои желания и удовлетворитесь, даже если не будет зерна, — ответил Удалец с Юга от Рынка. — Переходите, государь, реки, плавайте по морям, поглядите на них и не увидите берегов, чем дальше, тем меньше будете знать, где им конец. Все те, кто [Вас], государь, проводит до берега, вернутся. И только [Вы], государь, будете от [всего] этого далеки. Ибо тот, кто владеет людьми, обременен; тот, кем люди владеют, опечален. Поэтому-то Высочайший и не хотел ни владеть людьми, ни подчиняться людям. Мне хочется освободить [Вас], государь, от бремени, избавить [Вас], государь, от печали, чтобы [Вы] один вместе с путем странствовали в царстве Великой пустоты. [Когда] на переправе пустая лодка толкнет другую, не разгневается даже вспыльчивый. [Если же] в [толкнувшей] лодке окажется человек, то наберет воздуха и крикнет погромче. Крикнет раз, а [тот] не услышит, так крикнет в другой раз. [Снова] не услышит, так крикнет и в третий — тут уже непременно добавив словцо покрепче. Прежде не гневался, а теперь разгневается; прежде [думал, что] пустая, а теперь [узнал, что] занята. Но разве можно повредить тому, кто, сумев очиститься от самого себя, странствует по свету?!

Расточительный из Северного Дворца⁴ [по поручению] вэйского царя Чудотворного собирал пожертвования на колокола для алтаря за воротами [столицы] царства, и за три луны собрал на весь подбор <восемь колоколов> с высоким и низким [тоном]. Увидел его царский сын Завидующий Счастливец⁵ и спросил:

— Не нашел ли ты какого-нибудь секрета?

— Ничего не смел искать, — ответил Расточительный. — Был

поглощен лишь одним [—колоколами. Я], Расточительный, слышал, что в резьбе и полировке следует возвращаться к безыскусственности. [Держался] просто с теми, кто не имеет знаний; неопределенно с теми, кто медлил и сомневался. Всех без различия встречал, когда приходили, провожал, когда уходили; приходивших не прогонял, уходивших не задерживал. Дерзким потакал, с лукавыми соглашался, поэтому они сами отдавали все, [что могли]. И так собирал с утра до вечера, [никого] ни на волос не обижая. Тем более [должен так поступать] следующий за великим путем!

Конфуций, осажденный между Чэнь и Цай, семь дней оставался без горячей пищи, и к нему пришел выразить сочувствие Несущий Бремя Беспристрастия⁶.

— Ты чуть не погиб? — спросил [он Конфуция].

— Да! — ответил Конфуций.

— Боишься смерти?

— Да!

— Я попытаюсь рассказать о пути, [на котором] не бывает <страха> смерти,— сказал Несущий Бремя Беспристрастия.— На Восточном море есть птица, имя ей — Забывчивая⁷. Эта птица летает медленно, невысоко, будто немошная. Подтолкнут, поддержат — полетит, заставят — сядет, не смеет ни опередить, ни отстать; не решается первой пробовать пищу, подбирает непременно [лишь] остатки. Поэтому ее не гонят из стаи, никто вне [стаи] из людей не может [ее] погубить, и так [она] избегает беды. [Ведь] первым срубят дерево прямое, первым осушат колодец со сладкой водою. Ты же задумал — приукрашивать [свои] познания, чтобы удивить невежд; очищаться самому, чтобы осветить грязь [других]; сверкать, будто поднимаешь солнце и луну. Поэтому и не избежал [беды]. Когда-то я слышал, как человек высокосоввершенный сказал: «Восхваляющий самого себя лишается заслуг⁸; заслуги признанные идут к упадку; имя прославленное идет к закату». Тот, кто сумеет отказаться от признания, от славы и вернуться к людям, станет распространять учение и жить скрытно, [тот] обретет [природные] свойства и не назовет места своего жительства. Чистый и обыкновенный, похожий на лишенного разума, [он] не оставляет следов [деяний], отказывается от власти; не действует ради признания и славы, поэтому не порицает людей, и люди [его] также не порицают. О настоящем человеке [никто ничего] не слышит. Чему же ты обрадовался? — спросил Несущий Бремя Беспристрастия.

— Как хорошо! — ответил Конфуций.— Отказаться от своих друзей, оставить своих учеников, бежать на огромные болота⁹, одеваться в шкуры и грубые ткани, питаться желудями и каштанами. Войдешь к диким зверям и не потревожишь стада, приблизишься к птицам и не вспугнешь стаи. А если не испугаются птицы и звери, то еще менее — люди!

Конфуций спросил Учителя с Тутового Двора ¹⁰:

— Почему [я претерпел столько несчастий]? Меня дважды изгоняли из Лу, [на меня] свалили дерево в Сун, [я] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу, был осажден между Чэнь и Цай. [Пока] я переживал эти несчастия, родные и друзья все более [от меня] отдалялись, ученики и последователи все более разбегались.

— Разве ты не слышал о беглеце из Цзя ¹¹? — спросил Учитель с Тутового Двора. — [Тогда] Вернувшийся из Леса бросил свои нефритовые регалии ценой в тысячу золотых и бежал с младенцем-сыном на спине. Некто спросил: «Почему [взял сына], он дорого стоит?» [Вернувшийся из Леса ответил]: «Недорого». «Меньше хлопот?», — [спросил некто]. «Хлопот с младенцем много», — [ответил Вернувшийся из Леса]. «Почему же [Вы] бросили нефритовые регалии ценой в тысячу золотых и бежали с младенцем-сыном на спине?» «Одно связано с выгодой, а другое — с естественными узами», — ответил Вернувшийся из Леса.

Соединенные выгодой бросают друг друга в бедности, в бедствии, в несчастии, в смерти; соединенные естественными узами сближаются в бедности, в бедствии, в несчастии, в смерти. [Различие] между теми, кто сближается друг с другом, и теми, кто бросает друг друга, очень велико. К тому же связи государей пресны, как вода, связи малых людей сладки, как молодое вино. Государь и в близости пресен, малый люд и в разлуке сладок. Тот же, кто без причины сближается, без причины и расстается.

— Почтительно выслушал [ваше] повеление! — сказал Конфуций и пошел к себе медленно, будто кружа. Прекратил обучение, отказался от преданий, не допускал к себе учеников, и любовь их [к нему] усилилась.

На другой день Учитель с Тутового Двора [ему] сказал:

— Перед смертью Ограждающий наказал Молодому Дракону: «Остерегайся! В [телесной] форме лучше всего согласие, а в чувствах лучше всего естественность. В согласии не расстаются, в естественности не утомляются. Не расставаясь и не утомляясь, не станешь искать красоты в обхождении с [телесной] формой. Не станешь искать красоты в обхождении с [телесной] формой, — конечно, не [понадобится и] обхождение с вещами.

В заплатанной одежде из грубого холста, в сандалиях, подвязанных веревкой, Чжуанцзы проходил мимо царя Вэй.

— Как очутились [Вы], преждедрожженный, в столь стесненном положении? — спросил государь.

— Это не стесненное положение, а бедность, — ответил Чжуанцзы. — Убогая одежда, стоптанная обувь, это бедность, а не стесненное положение. Стеснен тот муж, который, обладая естественными свойствами, не может [их] проявить. Такого называют не получившим [признания] своего времени. Разве не приходилось [Вам],

государь, видеть, как прыгает обезьяна? Хватаясь за ветки кедров, катальп, перебираясь с дуба на камфарное дерево, она чувствует [себя] царицей, и даже Охотник с Невеждой не сумел бы ее выследить. Но стоит ей очутиться среди кудраний, терновника [и других] деревьев и кустов с колючками, [она] станет двигаться осторожно, озираясь по сторонам, вздрагивать и трепетать. Это не значит, что мускулы [у нее] ослабели, потеряли гибкость. Плохая опора не дает ей развернуться. А [кто] ныне не чувствует себя стесненным среди советников-смутьянов и заблуждающихся высших? Свидетельство тому — [царевич] Щит, которому вырезали сердце.

Конфуций, терпя бедствие между Чэнь и Цай, семь дней оставался без горячей пищи. Опираясь на высохший ствол левой [рукой], отбивая такт сухой веткой в правой [руке, он] пел песню рода Мчащихся Собак¹². Своим инструментом [он] не попадал в такт, а пением не попадал в тон, и все же его голос и жест своей уверенностью проникали в сердца людей. Янь Юань, почтительно сложив руки, обернулся и взглянул на него. Конфуций, боясь, что ученик [либо] переоценит свои силы и пойдет на безрассудство, [либо] переоценит свою любовь и себя погубит, сказал:

— Ведь [ты], Хой, не изведаль, как легко утратить природное, не изведаль, как трудно приобрести человеческое. [Таким испытаниям] не было начала и не будет конца, [ведь] человек и природа едины. Так кто же [из нас] теперь будет петь?

— Осмелюсь ли задать вопрос,— спросил Янь Юань,— [что означает] — «не изведаль, как легко утратить природное»?

— Голод и жажда, холод и жара, бедность, оковы и [все другие] несчастья,— это действие Неба и Земли, которое проявляется в движении вещей. [Легко утратить], ибо вместе с ним и все исчезает. Тот, кто служит [другому] человеку, не смеет от него уйти. Если слуга [человека] поступает так, то тем более [должен поступать так] слуга Неба!

— Что означает, «не изведаль, как трудно приобрести человеческое»?

— Вначале используются [все] четыре преимущества,— ответил Конфуций,— ранги вместе с жалованьем растут без конца. Но польза, приносимая вещами, [зависит] не от меня самого, моя судьба зависит и от внешнего. Государь не разбойничает, добродетельные люди не воруют, как же я стану брать? Поэтому и говорится: «нет птицы умнее ласточки». Увидев, что место [для гнезда] непригодное, больше [туда] не заглянет; уронив свою добычу, ее не подбирает и улетает. Она боится людей, [но] к ним [в дом] влетает, гнездится же в храме Земли и Проса¹³.

— Что означает, «[таким испытаниям] не было начала и не будет конца»?

— Тьма вещей изменяется, а кто кому [свое место] уступает —

неведомо. Как узнать, что [испытания] кончаются? Как узнать, что они начинаются? [Остается] лишь ожидать.

— Что означает «человек и природа едины»?

— Есть природное в человеке; есть природное в природе; [но] то, что в человеке не может быть природным,— это характер. Мудрый человек спокойно уходит телом и [на этом] кончается.

Зайдя за ограду, Чжуан Чжоу бродил по заброшенному кладбищу, когда с юга прилетела странная птица: крылья — три-четыре локтя размахом, глаза с вершок. [Пролетая, она] задела лоб Чжуана и села в каштановой роще.

— Что за птица! — удивился Чжуан Чжоу. — Крылья большие, а не улетает, глаза огромные, а не видит.

Подобрав полы, [он] поспешил [за ней], держа наготове самострел. [Но тут] заметил, как цикада, наслаждаясь тенью, забыла о самой себе; как кузнечик-богомол, незаметно подобравшись, на нее набросился, и, глядя на [добычу], забыл о самом себе; как затем схватила их обоих странная птица и, глядя на добычу, забыла о своем истинном [самосохранении].

— Ах! — воскликнул опечаленный Чжуан Чжоу. — Различные виды навлекают друг на друга [беду], вещи, конечно, друг друга губят.

[Он] бросил самострел, повернулся и пошел прочь, [но тут] за ним погнался Лесник и стал его бранить.

Вернувшись, Чжуан Чжоу три луны <три дня> не выходил из дома.

— Почему [Вы], учитель, так долго не выходили? — спросил ученик Лань Це.¹⁴

— Сохраняя [телесную] форму, я забыл о самом себе, — ответил Чжуан Чжоу. — [Так долго] наблюдал за мутной лужей, что заблудился в чистом источнике. А ведь я слышал от [своего] учителя¹⁵: «Пойдешь к тому пошлому и последуешь за тем пошлым». Ныне я бродил по заброшенному кладбищу и забыл о самом себе. Странная птица задела мой лоб [и] летала по каштановой роще, забыв об истинном. Лесник же в каштановой роще принял меня за браконьера. Вот почему я и не выходил из дому.

Придя в Сун, Янцзы заночевал на постоялом дворе. У хозяина постоялого двора были две наложницы: красивая и безобразная. Безобразную [хозяин] ценил, а красивой пренебрегал. На вопрос Янцзы, какая тому причина, этот человек ответил:

— Красавица сама [собою] любит, и я не понимаю, в чем ее красота. Безобразная сама себя принижает, и я не понимаю, в чем ее уродство.

— Запомните это, ученики, — сказал Янцзы. — Действуйте достойно, но гоните от себя самодовольство, и [вас] полюбят всюду, куда бы [вы] ни пришли.

ТЯНЬ ПОСТОЯННЫЙ

Тянь Постоянный¹, беседуя с вэйским [царем] Прекрасным, неоднократно упоминал Работающего у Ручья².

— Работающий у Ручья Ваш наставник? — спросил царь Прекрасный.

— Нет, — ответил Тянь. — [Он мой], Постоянного, односельчанин. [Я], Постоянный, потому его хвалю, что [он] не раз очень верно говорил об учении.

— Значит, у Вас нет наставника? — спросил Прекрасный.

— Есть, — ответил Постоянный.

— Кто же Ваш наставник?

— Учитель Кроткий из Восточного Предместья.

— Почему же [Вы], учитель, никогда о нем не упоминали? — спросил царь Прекрасный.

— Разве [я], Постоянный, достоин упоминать о нем? Ведь он — настоящий человек! Облик человека, а пустота — природы; следуя [за ней], хранит истинное. Чист [сам], но относится терпимо ко [всем другим] вещам. Тех, которые не обладают учением, он врачумляет снисходительно, так что человеческие намерения [у них] рассеиваются, — сказал Постоянный и ушел.

От удивления царь Прекрасный целый день не промолвил [ни слова. Затем] подозвал стоявших перед ним придворных и сказал:

— Ах, как далеко [нам до] благородного мужа с целостными свойствами! А прежде я считал совершенными речи мудрых и знающих, поведение милосердных и справедливых. [Когда же] услышал о наставнике Постоянного, тело мое освободилось, не хотелось двигаться, уста сомкнулись, и не хотелось говорить. Тот, у кого я [прежде] учился, просто глиняный болванчик! А ведь [царство] Вэй для меня поистине тяжелое бремя!

Дядя [из рода] Мягких [по прозванию] Белоснежный³ по дороге в Ци остановился на ночлег в Лу. Некоторые лусцы просили разрешения с ним повидаться, но Белоснежный сказал:

— Нет, я не хочу [с ними] встречаться! Я слышал, что благородные мужи в Срединных царствах постигли обряды и долг, но невежественны в познании человеческого сердца.

Побывав в Ци, на обратном пути [снова] остановился на ночлег в Лу. Те же люди снова просили разрешения с ним повидаться. Белоснежный сказал:

— Прежде просили о встрече со мной, ныне опять просят о встрече со мной. [Они], конечно, собираются поколебать [мою твердость].

[Он] вышел, принял гостей, а вернувшись [к себе], вздохнул. На другой день снова принял гостей, а вернувшись, снова вздохнул.

— Почему [Вы], возвращаясь после каждой встречи с гостями, вздыхаете? — спросил раб.

— Тебе я, конечно, поведаю, — ответил Белоснежный. — Жители Срединных царств постигли обряды и долг, но невежественны в познании человеческого сердца. Те, что недавно меня навещали, входили, точно по циркулю, выходили, точно по наугольнику⁴. [Обращались со мной] снисходительно, один — подобно дракону, другой — подобно тигру. Они советовали мне, будто сыновья, наставляли меня, будто отцы. Поэтому-то и вздыхаю.

Повидавшись с Белоснежным, Конфуций [ничего] не рассказав, и Цзылу [его] спросил:

— Почему [Вы], мой учитель, ничего не рассказываете о встрече? Ведь [Вы] так давно хотели повидаться с Белоснежным!

— [Я], твой учитель, увидел с первого взгляда, что [он] хранит в себе учение. В словах [это] объять невозможно! — ответил Конфуций.

Янь Юань сказал Конфуцию:

— [Когда Вы], учитель, идете, и [я] иду; [Вы], учитель, спешите, и [я] спешу; [Вы], учитель, бежите, и [я] бегу; [но когда Вы], учитель, мчитесь, не поднимая пыли, то [я], Хой, [лишь] вперяю [в Вас] взор и отстаю.

— Что значат [твои] слова, Хой? — спросил учитель.

— «[Когда Вы], учитель, идете, и [я] иду» — [означает]: [Вы] учитель, говорите, и [я] говорю; «[Вы], учитель, спешите, и [я] спешу» — [означает]: [Вы], учитель, спорите, и [я] спорю; «[Вы], учитель, бежите, и [я] бегу» — [означает]: [Вы], учитель, рассуждаете об учении, и [я] рассуждаю об учении. «Когда же мчитесь, не поднимая пыли, то [я], Хой, [лишь] вперяю [в Вас] взор и отстаю», — [означает]: [я] просто не понимаю, почему [Вам], учитель, доверяют, хотя молчите; всюду [Вас] поддерживают, хотя [ни с кем] не сближаетесь; народ [к Вам] стекается, хотя нет [у Вас] регалий.

— О! — воскликнул Конфуций. — Разве это не ясно? Ведь нет печали сильнее, чем о смерти сердца, даже [печаль] о смерти человека слабее. Солнце восходит на востоке, а заходит на западном полюсе, с его положением и сообразуется вся тьма вещей. Обладающие глазами и ногами, дождавшись его, вершат свои дела. Оно восходит — появляются, оно заходит — исчезают. Так и со всей тьмой вещей. В зависимости от этого — умирают, в зависимости от этого — рождаются. Однажды я воспринял свою завершенную [телесную] форму, и [она] остается неизменной в ожидании конца. Подражая вещам, двигаюсь без перерыва и днем и ночью, и когда она [форма] придет к концу, — не ведаю. Сама собой образовалась моя [телесная] форма, [и] даже знающий судьбы не опре-

делит ее будущее. [Я], Цю, таким образом с каждым днем [все далее] ухожу. Разве не горько утратить [нашу дружбу]: мою жизнь, проведенную с тобой рука об руку? Ты раскрыл почти [все, что] раскрыл я, и это уже исчерпал. Думая, что [еще] что-то осталось, ты ищешь [так же напрасно], как искал бы коня на опустевшей рыночной площади. [Как] я покори́л тебя, [ты] во многом забыл; [как] ты покори́л меня, [я] во многом забыл. И все же, разве стоит тебе скорбеть? Пусть забудется, [каким был] я прежде. От меня останется и незабываемое.

Конфуций увиделся с Лаоцзы. Тот только что вымылся и, распустив волосы, сушил [их], недвижимый, будто не человек. Конфуций подождал удобного момента и вскоре, когда [Лаоцзы] его заметил, сказал:

— Не ослеплен ли [я], Цю? Верить ли [глазам]? Только что [Вы], Прездорожденный, [своей телесной] формой походили на сухое дерево, будто оставили [все] вещи, покинули людей и возвысились, [как] единственный.

— Я странствовал сердцем в первоначале вещей,— ответил Лаоцзы.

— Что [это] означает? — спросил Конфуций.

— Сердце утомилось, не могу познавать, уста сомкнулись, не могу говорить. [Но] попытаюсь поведать тебе об этом сейчас. В крайнем пределе холод замораживает, в крайнем пределе жар сжигает. Холод уходит в небо, жар движется на землю⁵. Обе [силы], взаимно проникая друг друга, соединяются, и [все] вещи рождаются. Нечто создало [этот] порядок, но [никто] не видел [его телесной] формы. Уменьшение и увеличение, наполнение и опустошение, жар и холод, изменения солнца и луны,— каждый день что-то совершается, но результаты этого незаметны. В жизни существует зарождение, в смерти существует возвращение, начала и концы друг другу противоположны, но не имеют начала, и [когда] им придет конец — неведомо. Если это не так, то кто же [всему] этому явился предком [истокom]?

— Разрешите спросить, [что означает] такое странствие? — задал вопрос Конфуций.

— Обрести [такое] странствие — это самое прекрасное, высшее наслаждение. Того, кто обрел самое прекрасное, [кто] странствует в высшем наслаждении, назову настоящим человеком,— ответил Лаоцзы.

— Хотелось бы узнать, как странствовать? — спросил Конфуций.

— Травоядные животные не страдают от перемены пастбища. Существа, родившиеся в реке, не страдают от перемены воды. При малых изменениях не утрачивают своего главного, постоянного. Не допускай в свою грудь ни радости, ни гнева, ни печали, ни веселья. Ведь в Поднебесной [вся] тьма вещей существует в един-

стве. Обретишь это единство и [станешь со всеми] ровен, тогда руки и ноги и сотню частей тела сочтешь прахом, а к концу и началу, смерти и жизни отнесешься, как к смене дня и ночи. Ничто не приведет [тебя] в смятение, а меньше всего приобретение либо утрата, беда либо счастье. Отбросишь ранг, будто стряхнешь грязь, сознавая, что жизнь ценнее ранга. Ценность в себе самом и с изменениями не утрачивается. Притом тьме изменений никогда не наступит конца, и разве что-нибудь окажется достойным скорби? Это понимает тот, кто предался пути!

— Добродетелью [Вы], учитель, равны Небу и Земле,— сказал Конфуций.— Все же позаимствую [Ваши] истинные слова для совершенствования своего сердца. Разве мог этого избежать кто-нибудь из древних благородных мужей?

— Это не так,— ответил Лаоцзы.— Ведь бывает, что вода бьет ключом, но [она] не действует, [эта] способность естественная. [Таковы и] свойства настоящего человека. [Он] не совершенствуется, а вещи не могут [его] покинуть. Зачем совершенствоваться, [если свойства присущи ему] так же, как высота — небу, толщина — земле, свет — солнцу и луне.

Выйдя [от Лаоцзы], Конфуций поведал [обо всем] Янь Юаню и сказал:

— [Я], Цю, в познании пути подобен червяку в жбане с уксусом. Не поднял бы учитель крышку, и я не узнал бы о великой целостности неба и земли.

Чжуанцзы увиделся с луским [царем] Айгуном⁶, и тот [ему] сказал:

В Лу много конфуцианцев, [но] мало [Ваших] последователей, Преподенный.

— В Лу мало конфуцианцев,— возразил Чжуанцзы.

— Как [можно] говорить, что [их] мало? По всему царству [ходят люди] в конфуцианских одеждах,— возразил Айгун.

— [Я], Чжоу, слышал, будто конфуцианцы носят круглую шапку [в знак того, что] познали время небес; ходят в квадратной обуви [в знак того, что] познали форму земли⁷; подвешивают [к поясу] на разноцветном шнуре нефритовое наперстье для стрельбы [в знак того, что] решают дела немедленно. Благородные мужи, обладающие этим учением, вряд ли носят такую одежду; а те, кто носит, вряд ли знают это учение. [Вы], государь, конечно, думаете иначе. [Но] почему бы [Вам] не объявить по всему царству: «Те, что носят такую одежду, не зная этого учения, будут приговорены к смерти!»

И тут Айгун [велел] оглашать этот [указ] пять дней, и в Лу не посмели больше носить конфуцианскую одежду. Лишь один муж в конфуцианской одежде остановился перед царскими воротами. Царь сразу же его призвал, задал вопрос о государственных делах [и тот, отвечая], оказался неистощимым в тысяче вариантов и тьме оттенков.

— Во [всем] царстве Лу один конфуцианец,— сказал Чжуан-цзы.— Вот это можно назвать много!

Не давая места думам ни о ранге, ни о жалованье, Раб из Сотни Ли⁸ кормил буйволов, и буйволы жирели. Поэтому, забыв о том, что он — презренный раб, циньский [царь] Мугун вручил ему управление [царством].

[Ограждающий] из рода Владеющих Тигром не давал места думам ни о жизни, ни о смерти, поэтому оказался способным растрогать людей.

Сунский царь Юань задумал [отдать приказ] нарисовать карту. Принять [приказ] явилась толпа писцов. [Одни] стояли, сложив в приветствии руки, [другие], чуть ли не половина, оставшись за дверями, лизали кисти, растирали тушь. Один же писец с праздным видом, не спеша подошел последним. Принял [приказ], сложил в приветствии руки и, не останавливаясь, прошел в боковую комнату.

Царь послал за ним человека последить, и оказалось, что [тот писец] снял одежду и полуголый уселся, поджав под себя ноги.

— Вот это — настоящий художник! [Ему] и можно [поручить карту]! — воскликнул царь.

В [местности] Скрывающихся⁹ царь Прекрасный увидел мужа, удившего рыбу: рыбачил без крючка, удилица не держал. Другие рыбаки [сказали]: «Всегда [так] удит». Царь Прекрасный пожелал [его] возвысить и вручить ему [бразды] правления, но боясь недовольствия старших советников, отцов и братьев, решил покончить [с этой мыслью] и от нее отказаться. И все же в опасении, что народ лишится [защиты] Неба, на другое утро, собрав великих мужей, сказал:

— Ночью [я], единственный, увидел доброго человека с черным лицом и бородой, верхом на пегом коне с одним пурпурным копытом. [Он] провозгласил: «Вручите управление мужу из Скрывающихся. Народ, возможно, получит облегчение!»

— [То был] царь, [Ваш] предок! — взволнованно воскликнули все великие мужи.

— В таком случае погадаем об этом на [панцире] черепахи? — предложил царь Прекрасный.

— Зачем гадать! Приказ царя, [Вашего] предка, не кого-либо другого! — сказали все великие мужи, а затем отправились навстречу мужу из Скрывающихся и вручили ему [бразды] правления.

[Этот муж] не менял уставов и обычаев, не оглашал пристрастных указов, но, [когда] царь Прекрасный через три года понаблюдал, оказалось, что удальцы порвали со [своими] кликами и распустили [свои] шайки; что старшие должностные лица перестали блюсти [лишь собственную] добродетель; что через [все] четыре границы не смели больше вторгаться [соседи] со [своими] мерками для зерна. [Поскольку] удальцы порвали со [своими] кликами и распустили [свои] шайки, они стали уважать общее; [поскольку] старшие должностные лица перестали блюсти [лишь собственную] добродетель, они занялись общими делами; [поскольку] через [все] четыре границы не смели больше вторгаться со [своими] мерками для зерна, то правители перестали замышлять измену.

Тут царь Прекрасный признал [мужа из Скрывающихся] царским наставником и, став лицом к северу, [его] спросил:

— Нельзя ли распространить управление на всю Поднебесную?

Муж из Скрывающихся помрачнел и промолчал, [а затем] с безразличием отказался. Утром [он] отдавал приказания, [а] ночью исчез. И никогда [о нем] больше ничего не слышали.

Янь Юань спросил Конфуция:

— Разве даже царь Прекрасный не был [властен]? К чему [он] приписал все сну?

— Не говори! Помолчи! — ответил [ему] Конфуций. — Царь Прекрасный обладал всем. Но зачем [ему] были укоры? Он просто сообразовался с моментом.

Ле, Защита Разбойников, стрелял [на глазах] у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался [неподвижным], подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее Око. — А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню *жэней*?

И тут Темнеющее Око взошел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню *жэней*, отступил назад [до тех пор, пока его] ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком позывал к себе Ле, Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь холодным потом [с головы] до пят.

— У настоящего человека, — сказал Темнеющее Око, — душевное состояние не меняется, глядит ли [он] вверх в синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам, странствует ли ко [всем] восьми полюсам. Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом!

Цзянь У спросил Суньшу Гордого:

— Что Вы делаете со своим сердцем? Вы трижды были советником [чуского царя], но не кичились; трижды были смещены [с этого поста], но не печалились. Сначала я опасался за Вас, а ныне вижу — лицо [у Вас] веселое.

— Чем же я лучше других? — ответил Суньшу Гордый. — [Когда] этот пост [мне] дали, я не смог отказаться; [когда] его отняли, не смог удержать. Я считаю, что приобретения и утраты зависят не от меня, и [остается] лишь не печалиться. Чем же я лучше других? И притом не знаю, [ценность] в той службе или во мне [самом]? Если в ней, то не во мне; [если] во мне, то не в ней. Тут и колеблюсь, тут и оглядываюсь, откуда же найдется досуг, чтобы постичь, ценят [меня] люди или презирают?

Услышав об этом, Конфуций сказал:

— [Вот] настоящий человек древности! Знающие не могут [с ним] спорить; красивые не могут [вовлечь его] в распутство; воры не могут обокрасть. Ни Готовящий Жертвенное Мясо, ни Желтый Предок не могли бы завязать [с ним] дружбу. [Если] из-за рождения и смерти, [событий] столь великих, [он] не изменяется, то тем менее [изменится] из-за ранга и жалованья. [Когда] такой человек восходит на высокие горы, дух его не знает препятствий; опускается в глубокий источник и не промокает; попадает в низкое, ничтожное состояние, но не [чувствует] стеснения. [Обладая] изобилием, [подобно] небу и земле [делится] с другими и, чем больше отдает, тем большим владеет.

Царь Чу уселся рядом с царем Фань и вскоре [кто-то] из приближенных чуского царя сказал:

— [Царство] Фань¹⁰ трижды погибало.

— Гибели [царства] Фань, — ответил фаньский царь, — оказалось недостаточно, чтобы уничтожить мое существование. [Если же] гибели [царства] Фань оказалось недостаточно, чтобы уничтожить мое существование, то существования [царства] Чу оказалось недостаточно, чтобы сохранить [ваше] существование. Отсюда видно, что Фань еще не начало погибать, а Чу еще не начало существовать.

Глава 22

ЗНАНИЕ СТРАНСТВОВАЛО НА СЕВЕРЕ

Знание странствовало на Севере у истоков [реки] Темная вода, взошло на холм Незаметный и встретилось с Недеянием¹.

— Мне хочется тебя спросить, — сказало Знание Недеянию, — как размышлять, как думать, чтобы познать путь? Где находиться,

чему покориться, чтобы утвердиться в пути? За кем следовать, какой дорогой, чтобы обрести путь?

Ни на [один из] трех вопросов Недеяние не ответило. Не только не ответило, но и не знало, что ответить.

Ничего не добившись, Знание вернулось на южный [берег реки] Светлая вода, вошло на холм Конец Сомнений и, заметив Возвышающегося Безумца, задало ему те же вопросы.

— Ах! Я это знаю, сейчас тебе скажу,— ответил Возвышающийся Безумец, но тут же забыл, что хотел сказать.

Ничего не добившись, Знание вернулось во дворец предков, встретило Желтого Предка и задало [ему те же] вопросы.

— Не размышляй, не думай и начнешь познавать путь. Нигде не находишь, ничему не покоряешься и начнешь утверждаться в пути. Ни за кем не следуешь, ни по какой дороге [не ходи] и начнешь обретать путь,— ответил Желтый Предок.

— Мы с тобой это знаем,— сказало Знание.— [А] оба [встреченные мною прежде] не знали. Кто же из [них] прав?

— Один, по имени Недеяние, воистину прав; другой, Возвышающийся Безумец, ему подобен,— ответил Желтый Предок.— Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся, ибо «Знающий не говорит, говорящий не знает». Поэтому «мудрый и осуществляет учение безмолвно». Пути нельзя постичь <в словах>, свойств нельзя добиться <речами>. Милосердием можно действовать, справедливостью можно приносить ущерб, церемониями [можно] друг друга обманывать. Поэтому и говорится: «После утраты пути появляется добродетель, после утраты добродетели появляется милосердие, после утраты милосердия появляется справедливость, после утраты справедливости появляются церемонии. Церемонии — это украшение учения и начало смуты». Поэтому и говорится: «Тот, кто осуществляет путь, с каждым днем все больше утрачивает, утратив, снова утрачивает вплоть до того, когда достигает недеяния, недеянием же все совершает»². [Если] ныне, уже став вещью, [некто] захочет вернуться к своему корню, не будет ли [это ему] трудно? Это легко лишь великому человеку. [Ведь] жизнь следует за смертью, а смертью начинается жизнь. Разве кому-нибудь известен их порядок? Рождение человека — это скопление эфира. Соберется [эфир], образуется жизнь, рассеется — образуется смерть. Если смерть и жизнь следуют друг за другом, зачем же мне горевать? [Для всей] тьмы вещей это общее: и то, чем любят, как божественным чудом, и то, что ненавидят как разложение. Разложившееся снова превращается в божественное чудо, а божественное чудо снова разлагается³. Поэтому и говорится: «Единый эфир пронизывает [всю] вселенную», поэтому и мудрый ценит единое.

Знание сказало Желтому Предку:

— Я спросило у Недеяния, а Недеяние мне не ответило. [Это] не значило, что не ответило мне,— не знало, [что] мне ответить. Я спросило Возвышающегося Безумца, Возвышающийся Безумец хотел мне поведать, но не поведал. [Это] не значило, что не пове-

дал мне,—хотел, но забыл, о чем собирался сказать. Ныне я спросило у тебя, и ты это знал. Почему же [мы к ним] не приблизимся?

—Один воистину прав благодаря своему незнанию,—сказал Желтый Предок,—другой ему подобен благодаря своей забывчивости. Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся из-за своего знания.

Услышал об этом Возвышающийся Безумец и решил, что слова Желтого Предка — это [и есть] знание.

Небо и земля обладают великой красотой, но молчат; четыре времени года обладают ясным порядком, но [его] не обсуждают; [вся] тьма вещей обладает совершенными [естественными] законами, но [о них] не говорят. Постигнув красоту неба и земли, мудрый постигает [естественные] законы тьмы вещей. Поэтому настоящий человек [предается] недеянию, великий мудрец ничего не создает, [лишь] наблюдает за небом и землей. Ныне они, [небо и земля], священные вплоть до мельчайшей сущности, вместе с другими [вещами] проходят сотни изменений. Вещи сами умирают и рождаются, [сами] квадратные и круглые, где их истоки — неведомо, и все же [вся] тьма вещей существует с далекой древности. Наибольшее — единство шести стран света — не выходит из их, [неба и земли], пределов; наименьшее —осенняя пушинка, [но и] от нее зависит образование тела. Все в Поднебесной то погружается, то всплывает, не остается одним и тем же на всю жизнь. Жара и холод, четыре времени года, сменяя друг друга, соблюдают свой порядок. Смутно, то ли существуя, то ли нет, скользят чудесные, не оформляясь. [Вся] тьма вещей выращивается, но [этого] не сознает. Это и называется корнем, началом, и по нему можно наблюдать за природой.

Беззубый спросил [Учителя] в Тростниковом Плаще, [что такое] путь? [Учитель] в Тростниковом Плаще сказал: «Если выпрямишь свое тело, [сосредоточишь] на одном свой взор, то [к тебе] придет согласие с природой. [Если] соберешь свои знания, [сосредоточишь-ся] на одном мериле, то мудрость придет в [твое] жилище; свойства станут твоей красотой, и путь с тобою поселится. Ты будешь смотреть просто, словно новорожденный теленок, и не станешь искать всему этому причины».

Не успел [Учитель] договорить, как Беззубый заснул. В большой радости [Учитель] в Тростниковом Плаще пошел от него и запел:

«Телом подобен иссохшим ветвям,
Сердцем подобен угасшему пеплу,
Сущность познал до глубоких корней,
Время прошедшего сбросив навеки.

Темный, туманный, без чувств и без мыслей,
Не говори с ним
Ведь он — настоящий!»

Ограждающий спросил у [своих] помощников:

— Могу ли обрести путь и им владеть?

— Собственным телом не владеешь, как же можешь обрести путь и им владеть? — ответили ему.

— Если я не владею собственным телом, [то] кто им владеет?

— Это скопление формы во вселенной. Жизнью [своей] ты не владеешь, ибо она — соединение [частей] неба и земли. Своими качествами и жизнью ты не владеешь, ибо это — случайное скопление во вселенной; своими сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они — скопление сброшенной, [как у змеи] кожи во вселенной. Поэтому [ты] идешь, не зная куда, стоишь, не зная на чем, ешь, не зная почему. Во вселенной сильнее всего воздух и [сила] тепла. Как же можешь [ты] обрести их и ими владеть?

Конфуций обратился к Лаоцзы:

— Ныне, на досуге, дозвольте задать вопрос: [в чем] истинный путь?

— Строго воздерживайся и освобождай свое сердце, очисти до [белизны] снега свой разум, разбей свое знание. Ведь путь глубок, [его] трудно [выразить] в словах. Поведаю тебе о его очертаниях, — ответил Лаоцзы. — Светлое-светлое рождается из темного-темного; обладающий порядком <естественным законом> рождается из бесформенного. Духовное — из пути, телесное — из мельчайшего семени, а [все] вещи друг друга порождают с помощью [телесной] формы. Поэтому обладающие девятью отверстиями рождаются из чрева, обладающие восемью отверстиями — из яйца⁴. Их появление не оставляет следов, их исчезновение не имеет границ: нет ни ворот, ни жилищ, [а лишь] открытое со [всех] четырех сторон величайшее [пространство]. У того, кто это постиг, руки и ноги становятся крепкими, ум — пронизательным, слух — тонким, зрение — острым. [Он] мыслит без усилий, откликается [всем] вещам без ограничений. Небо не может не быть высоким, земля не может не быть широкой, солнце и луна не могут не двигаться, [вся] тьма вещей не может не расцветать — не таков ли [естественный] путь каждого? К тому же, мудрый определил, что многознающий вряд ли [обладает] знанием, а красноречивый вряд ли [обладает] прозорливостью⁵. [Определение] мудрого сохранится: ведь прибавляй к нему — не прибавишь, убавляй от него — не убавишь. Глубочайший, он подобен океану, величайший, он кончится, возвратившись к началу. Держаться вне [всей] тьмы вещей, вмещая их неистощимую способность к движению, — таково учение благородного мужа. Вместе со [всей] тьмой вещей исчерпывать способности и не исто-

щаться — таков этот путь. В Срединных царствах есть человек, который [не подвержен] ни [силе] жара, ни [силе] холода, обитает между небом и землей. Только временно [он] человек и скоро вернется к своему предку <первоначально>. [Если] наблюдать за ним с самого начала, с рождения, [увидим] вещь студенистую, [обладающую] голосом. Есть ли какое-либо различие между тем, проживет ли долго, умрет ли преждевременно? Ведь речь [идет всего лишь] о мгновенье! Стоит ли рассуждать о том, [кто был] идеальным, а [кто] порочным⁶ — Высочайший или Разрывающий на Части?

У плодов и ягод есть [свои] законы. С ними связаны людские порядки, хотя [последние] и сложны. Мудрый, встречаясь с ними, [их] не нарушает; проходя мимо них, [их] не сохраняет; согласуясь с ними, [им] отвечает — [таково его] свойство. Случайно на них откликаться — [таков его] путь. Вот что возвышало предков, вот что выдвигало царей.

Жизнь человека между небом и землей [также] мимолетна, как белый жеребенок, промелькнувший мимо щели <скользнувший по щели солнечный луч>⁷. Каждый появляется внезапно, стремительно, а исчезает плавно, в одиночестве. Развившись рождается, снова развившись, умирает. Живые существа печалются о смерти, род человеческий оплакивает умерших. Освобождаются [лишь] от своего природного чехла, сбрасывают с себя свой природный мешок — [одни] суеются, [другие] уклоняясь; душа разумная и душа телесная уходят⁸, за ними — и тело. Это и есть великое возвращение.

[Из] бесформенного рождается форма, форма рождает бесформенное — это известно каждому. [Этим] не интересуется [тот, кто] готов постичь [путь]. Это суждение, общее для многих. Тот, кто постиг, не обсуждает; [кто] обсуждает, — не постиг. [Даже обладающему] проницательным взором [путь] не встретится. Молчание выше красноречия. Путь нельзя услышать, и уши лучше заткнуть. Вот это и называется величайшим приобретением.

Учитель из Восточного Предместья спросил Чжуанцзы:

— Где находится так называемый путь?

— Повсюду, — ответил Чжуанцзы.

— Приведите пример, тогда лишь сумею [понять].

— В муравье.

— А еще ниже?

— В куколе.

— А еще ниже?

— В черепице.

— А самое низкое?

— В моче и кале.

Учитель из Восточного Предместья промолчал.

— [Ваши] вопросы, учитель, конечно, не были достойны сущности, — сказал Чжуанцзы. — [Чтобы] постичь путь, [Вы] спрашиваете, [словно] у надзирателя на рынке, как пинают свинью, <узнавая, насколько жирна>: чем ниже, тем яснее. Только Вам не обязательно приводить [пример] — нет вещи, которая бы [пути] избежала. Таков истинный путь, таковы же и слова о великом. [Есть] три слова: *чжоу*, *бянь*, *сянь*. Звучат [они] различно, а сущность одна, они обозначают одно <«повсюду»>. Попытаемся вместе странствовать по дворцу Нигде, и суждениям о единстве общего не будет конца и предела. Попытаемся вместе с Недеянием [стать] простыми и спокойными, бесстрастными и чистыми, гармоничными и праздными! Отвлеклась бы от всего моя мысль⁹, куда бы ни направилась, не знала бы предела, уходила бы, возвращалась и не знала бы, где остановиться. И я бы уходил и возвращался, не ведая, где она закончится, бродил бы по необъятным пространствам, вступил бы в [область] великого познания и не ведал бы, [как] его исчерпать. Вещество в вещах не отграничено от вещей, но вещи обладают пределом, так называемой границей вещи. Предел же беспредельного — это бесконечность конечного. [Мы] говорим о наполненном и пустом, об увядании и смерти. Для пути же наполненное не наполнено, пустое не пусто. Начало и конец для него не начало и конец; скопление и распад для него не скопление и не распад.

Нерешительный [по прозвищу] Сладость Лотоса и Священный Земледелец вместе учились у Старого Дракона Счастливого. [Как-то] днем Священный Земледелец затворил двери и, опершись о столик, задремал. А в полдень, распахнув двери, [к нему] вошел Нерешительный и сказал:

— Старый Дракон скончался!

Священный Земледелец со сна схватился за посох и вскочил, но вдруг отпустил посох и, улыбнувшись, сказал:

— [О] Небо! [Он] знал, как я невежествен, груб и распушен, поэтому бросил меня и умер. Увы! Учитель умер, не открыв мне [своих] безумных слов¹⁰.

Его речь услышал Закрывающий Курган¹¹, который высказал свое соболезнование и заметил:

— К воплотившему путь прибегают со всей Поднебесной благородные мужи. Ныне и тот, кто обрел лишь волосок осенней паутины, меньше чем одну из десяти тысяч долей [пути], понял, что умерший унес с собой свои безумные речи, а тем более [понимают это] те, что воплотили путь. Смотрят на него — бесформенный; слушают его — беззвучный. Люди, о нем рассуждающие, называют его — темный-темный. Но так судить о пути — значит отрицать путь.

Великая Чистота¹² спросила у Бесконечности:

— Знаешь ли ты, [что такое] путь?

— Я не знаю, — ответила Бесконечность.

[Великая Чистота] спросила о том же у Недеяния:

— Я знаю, — ответило Недеяние.

— [Если] ты знаешь путь, [то скажи] владеет ли [он] судьбами?

— Владеет.

— Какие же у него судьбы?

— Из тех, что я знаю, могут быть благородные, могут быть презренные, могут быть соединенные, могут быть разделенные. Вот судьбы пути, которые мне известны.

Об этих словах Великая Чистота спросила у Безначального:

— Кто же из них прав, а кто неправ? Бесконечность ли со своим незнанием, или Недеяние со своим знанием?

— Незнание глубже, а знание мельче, — ответило Безначальное. — Незнание внутреннее, а знание — внешнее.

И тут Великая Чистота со вздохом сказала:

— Тогда незнание — это знание? А знание — незнание? Но кто же познает знание незнания?

— Путь неслышим, — ответило Безначальное, — [если] слышим, [значит], не [путь]. Путь невидим: [если] видим, [значит], не [путь]. Путь не выразить в словах; [если] выражен, [значит], не [путь]. [Кто] познал формирующее формы бесформенное, [понимает, что] путь нельзя назвать.

— Те, кто спрашивают о пути, и отвечают о нем, не знают пути, — продолжило Безначальное. — Пусть даже спрашивающий о пути еще не слышал о нем. О пути нельзя спрашивать, на вопросы [о нем] нет ответа. Спрашивающий о том, о чем нельзя спросить, заходит в тупик. Отвечающий на то, на что нельзя ответить, не обладает внутренним [знанием]. Тот, кто, не обладая внутренним [знанием], ожидает вопросов, заводящих в тупик, во внешнем не наблюдает вселенную¹³, во внутреннем не знает первоначала. Вот почему таким не взойти на [гору] Союз Старших Братьев, не странствовать в великой пустоте.

Свет спросил у Небытия:

— [Вы], учитель, существуете или не существуете? — Но не получил ответа. Вгляделся пристально в его облик: темное, пустое. Целый день смотри на него — не увидишь, слушай его — не услышишь, трогай его — не дотронешься.

— Совершенство! — воскликнул Свет. — Кто мог бы [еще] достичь такого совершенства! Я способен быть [или] не быть, но не способен абсолютно не быть. А Небытие, как [оно] этого достигло?

Кующему крюки для поясов¹⁴ [на службе] у старшего военачальника было лет восемьдесят, а [мастерства он] ни на волос не утратил.

— Как ты искусен! Обладаешь ли учением? — спросил старший военачальник.

— [Я, Ваш] слуга, [им] обладаю и [его] храню, — ответил Кующий крюки. — [Мне, Вашему] слуге, было лет двадцать, [когда мне] понравилось ковать. Ни на что другое не смотрел, ничего, кроме крюков, не изучал. Поэтому, занимаюсь [своим делом] — будто ничем не занимаюсь и за долгий [срок] им овладел. Насколько же [сильнее] тот, кто ничем не занимается! Кто только из него не черпает!

Жань Цю¹⁵ спросил Конфуция:

— Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?

— Можно, — ответил Конфуций. — В древности [было] то же, что и ныне.

Потеряв [нить] разговора, Жань Цю ушел.

На другой день снова явился [к учителю] и сказал:

— Вчера я спросил: «Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?» Учитель ответил: «Можно. В древности [было] то же, что и ныне». Осмелюсь ли задать вопрос, почему вчера мне [это] было ясно, а сегодня — нет?

— Вчера было ясно, — ответил Конфуций, — [ибо ты] духовно заранее [подготовился] к восприятию [ответа]. Сегодня неясно, [ибо ты] ищешь [ответа] не для духовного. Нет ни древности, ни современности, нет ни начала, ни конца. А могли быть сыновья и внуки до того, как появились сыновья и внуки?

Жань Цю не [успел] ответить, как Конфуций продолжил:

— Постой! Не отвечай! Умирают не оттого, что рождаются живые; живут не оттого, что умирают мертвые. И смерть и жизнь от [чего-то] зависят; у них обеих есть единое общее. Разве было вещью то, что родилось прежде неба и земли? Вещество в вещах, это не вещь. Вещи не могли появиться прежде вещей. Совершенно так же были вещи, совершенно так же появлялись вещи — без конца. Подражая этому, и мудрец также всегда бесконечен в любви к людям.

Янь Юань спросил Конфуция:

— Дозвольте задать вопрос, почему учитель прежде говорил: «никого не провожать, никого не встречать»?

— Люди в древности, — ответил Конфуций, — изменялись внешне, но не изменялись внутренне. Ныне люди изменяются внутренне, но не изменяются внешне. Тот, кто один не изменяется, развивается вместе со [всеми] вещами. Спокойно [переносит] изменения, спокойно [переносит] и отсутствие изменений, спокойно [переносит] и согласованные взаимно [изменения] вместе с другими. Конечно, тех, кто вместе с ним, немного. [Так было] в парке рода Кабаньей Шкуры, на стрельбище у Желтого Предка, во дворце рода Владеющих Тигром, в домах Испытующего и Воинственного. Благо-

родные мужи, подобные учителям конфуцианцев и моистов, разбивали друг друга [в спорах] об истинном и ложном. Тем более [это свойственно] нынешним людям. Мудрый, находясь среди вещей, вещам не вредит. Тому, кто не приносит вреда другим, также не могут повредить. Только тот, кому ничто не вредит, может провожать и встречать других, и его могут провожать и встречать¹⁶.

Леса на горах, равнины, покрытые травой, приносят нам радость и наслаждение. [Но] не исчезнет наслаждение, как придет печаль. Приходу наслаждения и печали мы не способны помешать, их ухода [нам] не остановить. Увы! Ведь человек в мире — лишь постоянный двор для вещей. [Он] знает те [вещи], что встретил, не знает тех, что не встречал. Знает, что может то, на что способен, и не может того, на что не способен. Поэтому человеку не избежать незнания и неспособности. Разве не горько человеку стремиться отвратить неотвратимое! Истинные слова — без слов. Истинное деяние — недеяние. Сколь ничтожно познание общеизвестного!

Глава 23

ГЭНСАН ЧУ

Среди учеников Лаоцзы был Гэнсан Чу¹. Овладев во многом учением Лаоцзы, [он] поселился на Севере на горе Опасное Нагромождение. Прогнал тех рабов, которые блистали знаниями, отослал тех наложниц, которые кичились милосердием; остался с грубыми и некрасивыми, опирался лишь на старательных, хлопотливых. Прожил три года, и на горе Опасное Нагромождение собрали богатый урожай.

[Тут] жители горы стали друг другу говорить:

— Когда учитель Гэнсан только появился, мы испугались и его сторонились. Ныне у нас [запасов] — нечего и говорить — хватит на день, хватит и на год с избытком. Возможно, он мудрец? Почему бы нам не молиться ему, как Покойнику? [Не воздвигнуть] ему алтарь Земли и Проса?

Услышав об этом, Гэнсан Чу обернулся лицом к югу и [долго] не мог успокоиться. Ученики удивились, а Гэнсан Чу сказал:

— Почему [вы], ученики, удивляетесь? Ведь [когда] начинает действовать весенний эфир, растут [все] травы; установится осень, созревает [вся] тьма плодов. Разве весна и осень не должны быть такими? [Это] проявление естественного пути. Я слышал, что настоящий человек живет [подобно] Покойнику за круглой стеной, а народ безумствует, не зная, как к нему обратиться. Ныне малый люд на горе Опасное Нагромождение упрямятся, желая приносить мне жертвы среди [других] достойных. Разве я [способен]

стать для них образцом? Я [помню] слова Лаоцзы и не [могу] успокоиться.

— Нет! — сказали ученики. — В обычной канаве не повернуться огромной рыбе, не то что пескарю. За холмом [вышиной] в несколько шагов не спрятаться крупному зверю, он пригоден лишь для лисицы, оборотня. Ведь почитаемые и достойные поручали [дела] способным, а добрых заранее награждали. [Если] так [поступали] с древних времен Высочайший и Ограждающий, то тем более [так поступает] народ [на горе] Опасное Нагромождение. Послушайтесь его, учитель! — Подойдите, дети! — сказал Гэнсан Чу. — Ведь зверь величиной с повозку, в одиночку покинув гору, не избежит сетей и ловушек. Рыбу, глотающую суда, останься она после разлива на мели, замучают даже муравьи. Поэтому птицы и звери неустанно [ищут] большую высоту; рыбы, черепахи неустанно [ищут большую] глубину. И человек, чтобы сохранить свою [телесную] форму и жизнь, скрывается и неустанно [ищет большее] уединение. Разве Высочайший и Ограждающий заслуживают восхваления? Это от них [пошли] различия, [чтобы люди] стали опрометчиво ломать стены и сеять бурьян; причесываться, перебирая по волоску; варить рис, пересчитывая зернышки. По моему ничтожному мнению, этого недостаточно, чтобы помочь миру! [Начали] выдвигать добродетельных, и люди стали друг друга притеснять; возвысили знающих, и люди стали друг друга грабить. Тот, кто пересчитывает вещи, недостоин благодетельствовать народу. Народ стал жаждать выгоды, сыновья — поднимать руку на отцов, слуги — убивать своих хозяев, начали грабить среди бела дня, делать подкопы в полдень. Я говорю вам: корень великой смуты был взращен при Высочайшем и Ограждающем, ее вершина просуществует тысячу поколений и через тысячу поколений люди будут пожирать людей².

[Тут] Карлик Прославленный на Юге³ выпрямился и взволнованно спросил:

— Какое же учение [Вы] вручите вместе с этими словами такому старому, как [я], Карлик?

— Сохраняй в целости свою [телесную] форму, заботься о своей жизни, не допускай суеты в мыслях и думах и через три года сумеешь постичь эти слова, — ответил Гэнсан Чу.

— Глаза подобны по форме, — сказал Карлик, — я не понимаю, в чем между ними различие, а слепой себя не видит. Уши подобны по форме — я не понимаю, в чем между ними различие, а глухой себя не слышит. Сердца подобны по форме — я не понимаю, в чем между ними различие, а безумный себя не обретает. Тело телу также уподобляется, но их, возможно, разделяют вещи. Стремлюсь найти подобие, но не способен [его] обрести. Ныне [вы] сказали [мне], Карлику: «Сохраняй в целости свою [телесную] форму, заботься о своей жизни, не допускай суеты в мыслях и думах». [Я], Карлик, внимал учению напрягаясь, но [оно] достигло [лишь] ушей.

— Слова [мои] иссякли, — сказал Гэнсан Чу. — [Ведь] говорят,

что шмелю не изменить куколки, юэской курице не высидеть гусиного яйца — это по силам лишь наседке из Лу⁴. Курица подобна курице, свойства их во всем одинаковые. [Если] одна способна, а другая не способна, это, конечно, [означает], что способности бывают большие и малые. Ныне [оказалось], что мои способности малы — недостаточны, чтобы тебя развить. Почему бы тебе не отправиться на юг, повидаться с Лаоцзы?

Карлик взвалил на спину побольше провизии и за семь дней и семь ночей дошел до жилища Лаоцзы.

— Не от Чу ли ты пришел? — обратился [к нему] Лаоцзы.

— Да, — ответил Карлик.

— Почему ты привел с собой столько людей? — спросил Лаоцзы.

Карлик в испуге оглянулся.

— Ты не понял, о чем я спросил? — задал вопрос Лаоцзы.

Карлик потупился от стыда, [затем] поднял голову и вздохнул:

— Сейчас я забыл, что мне ответить, а поэтому забыл и свой вопрос.

— О чем [ты хотел] говорить? — спросил Лаоцзы.

— [Если у меня] не будет знаний, люди обзовут меня Карликом Простаком; [если] будут знания, [они] принесут беду мне самому. [Буду] милосердным, навлеку беду на себя, а немилосердным, напротив, принесу вред другим; буду справедливым, навлеку беду на себя; а несправедливым, напротив, погублю других. [По совету Гэнсан] Чу хотел бы [у Вас] спросить, как мне избежать этих трех бед?

— Сначала я понял твой взгляд, теперь и твои слова это подтвердили. Соблюдая правила приличия, точно сирота без отца и матери, ты берешься за шест, а измерить стремишься морские [глубины]. Как жалок ты, заблудший, в неведении. Стремясь вернуться к своей природе, [не знаешь], откуда начать.

Карлик попросил разрешения остаться в доме, призывал то, что [по учению] любил, отказывался от того, что [по учению] ненавидел, десять дней предавался скорби, а затем снова встретился с Лаоцзы. Лаоцзы сказал:

— Ты омылся, пар [идет, как] от вареного! Однако в тебе еще много ненависти. Ведь когда узы столь многочисленные, что [с ними] не справиться, идут извне, [следует для них] воздвигнуть преграду изнутри. Когда узы столь запутанные, что [с ними] не справиться, идут изнутри, [следует для них] воздвигнуть преграду вовне. Внешних и внутренних уз не выдержать [даже тому, кто владеет] природными свойствами, а тем более [тому, кто лишь] подражает пути.

Карлик сказал:

— [Когда] один человек в селении заболел, земляк спросил его, [что болит], и больной сумел рассказать о своей болезни. Такая болезнь еще не опасна. [Я же], Карлик, выслушал [Ваши

слова] о великом пути, будто принял снадобье, чтобы болезнь усилилась. [Мне], Карлику, хочется послушать хотя бы о главном для сохранения жизни.

— О главном для сохранения жизни? — повторил Лаоцзы. — Способен ли [ты] сохранять единое, [его] не теряя? Способен ли узнавать, [что впереди] — счастье или беда, не гадая ни на [панцире] черепахи, ни на стебле [пупавки]? Способен ли остановиться? Способен ли [со всем] покончить? Способен ли оставить всех людей и искать только самого себя? Способен ли парить? Способен ли стать безыскусственным? Способен ли стать младенцем? [Ведь] младенец⁵ целыми днями кричит и не хрипнет — это высшая гармония; целыми днями сжимает кулачки, но ничего не хватает — это общее в его свойствах; целыми днями смотрит, но не мигает — ни к чему внешнему не склоняется. Ходить, не ведая куда; останавливаться, не ведая зачем; сжиматься и разжиматься вместе со [всеми] вещами, [плыть с ними] на одной волне, — таково главное для сохранения жизни.

— Все это и есть свойства настоящего человека? — спросил Карлик.

— Нет, — ответил Лаоцзы. — Это лишь способности к тому, что называется «растопить снег и лед». Настоящий же человек кормится совместно [с другими] от земли, наслаждается природой. [Он] не станет суетиться вместе с другими из-за прибыли или убытка, [которые приносят] люди и вещи; не станет удивляться вместе с другими; не станет вместе с другими замышлять планы; не станет вместе с другими заниматься делами. Уходит, [словно] парит, возвращается безыскусственный. Вот это и есть главное для сохранения жизни.

— Так это и есть высшее?

— Еще нет. Я тебе, конечно, поведаю. [Я спросил], способен ли [ты] стать младенцем? [Ибо] младенец движется, не зная зачем; идет, не зная куда; телом подобен засохшей ветке, сердцем подобен угасшему пеплу. Вот к такому не придет несчастье, не явится и счастье. Что людские беды тому, для кого не существует ни горя, ни счастья!

Тот, чьи свойства в покое, испускает естественный свет. В том, от кого исходит естественный свет, люди видят его человеческое [начало]. Тот, кто совершенствовался, ныне обрел постоянство. К тому, кто обрел постоянство, стекаются люди, ему помогает природа. Того, к кому стекаются люди, называют человеком природы; того, кому помогает природа, называют сыном природы⁶.

Ученик учит [то, что] неспособен выучить. Деятель выполняет [то, что] неспособен выполнить. Оратор ораторствует [о том, о чем] неспособен ораторствовать. [Тот, кто] в знании отступает там, где

не способен [познать], [обладает] истинным знанием. Того, кто к этому не приближается, разбивает естественное равновесие.

Вещи запасаает, чтобы уберечь тело; прячется от непредвиденного, чтобы [сохранить] живым сердце; осторожен во внутреннем, чтобы постичь другие [вещи]. Если такого и настигнет тьма бед, то все они от природы, а не от человека: недостойны смутить установившегося, не могут [проникнуть] внутрь башни разума. В башне разума [кое-что] сохраняется, но сохраняется без знания, [сознательно] не может сохраняться. Если проявит [это] тот, кто не увидит искренности [проявляемого], то каждый раз проявит то, что не следует. Дело, входя [в сердце], [его] не оставляет и каждый раз приносит [ему новые] утраты.

Того, кто сотворил недоброе явно, удастся покарать людям; того, кто сотворил недоброе тайно, удастся покарать душам предков. Лишь тот, кто понимает людей, кто понимает души предков, способен действовать в одиночестве.

Тот, кто заключает договор внутренний, остается безымянным. Тот, кто заключает договор внешний, стремится к приобретению. От того, кто действует без имени, даже в обычном исходит свет. Тот, кто стремится к приобретению, лишь торгаш. Глядя, как он вытягивается на цыпочках, люди принимают его [за человека] выдающегося.

Вещи вторгаются к тому, кто вместе с вещами исчерпывается. Как же снизойдет до людей тот, кто к вещам безразличен, не способен до них снизойти? Тот, кто не снисходит до людей, не имеет близких. Тому, у кого нет близких, все чужие. Нет оружия более сильного, чем воля, даже [меч] Мосе уступает ей. Нет разбойников более [опасных], чем [силы] жара и холода⁷, от них не скрыться во всей вселенной. [Если] не ограбят [силы] жара и холода, это сделает [собственное] сердце.

Путь пронизывает [все] свои части при образовании и разрушении. От [этих] частей отвращает то, что, будучи частями, [они] стремятся стать целыми. От целого отвращает то, что стремятся к [еще большему] целому. Поэтому в ушедшем безвозвратно видят душу предка. [О тех, кто] ушел и обрел [прежнюю] сущность, говорят — обрел смерть. [Кто] погиб, оставив [телесную] сущность, того и принимают за одну из душ предков. [Это] определяется тем, что бесформенное уподобляют обладающему [телесной] формой.

Выходит, не обладая корнем; входит, не обладая отверстием; обладает сущностью, но не помещением [для нее]; обладает длительностью, но не имеет ни начала, ни конца. То, что проникает без отверстий, обладает сущностью; то, что обладает сущностью, но не помещением [для нее], — пространство. То, что обладает длительностью, но не имеет ни начала, ни конца, — время⁸. Обладает жизнью, обладает [и] смертью, обладает входящим, обладает [и] выходящим. То, что не проявляет формы ни при входе, ни при выходе, называется вратами природы. Врата природы — небытие. [Вся] тьма вещей выходит из небытия. Бытие не способно стать бытием с помощью бытия, [оно] должно выйти из небытия. Небытие же владеет единственным небытием — вот что скрывали мудрецы. В познаниях некоторых древних был достигнут [крайний] предел. Какой же предел? Одни считали, что вначале не было [отдельных] вещей, — это предел исчерпывающий, к нему нельзя ничего добавить. Другие считали, что [отдельные] вещи существовали, думали, что жизнь — [постепенная] утрата, а смерть — возвращение. Этим различие и исчерпывалось. Третьи говорили: «Сначала не было бытия, затем появилась жизнь, жизнь вскоре же [кончилась] смертью». Небытие считали головой, жизнь — туловищем, смерть — хвостом. Тому, кто познал сохранение единства в бытии и небытии, в смерти и жизни, я стану другом. Хотя сторонники этих трех [учений] друг от друга отличались, но единство [у них] отсутствовало [так же, как] у царских родов [в Чу]: Чжао и Цзин носили корону, а Цзя <Цюй>⁹ получал [селения] на кормление.

Жизнь [человека] — что сажа [под котлом]. Раскрывая [смысл], скажем: перемещение сущности¹⁰. Хотя это нельзя узнать, нельзя [выразить] в словах, попробуем разъяснить, [что такое] «перемещение сущности». Для жертвоприношения в конце года [у быка] желудок и копыта можно отделить, а можно и не отделять. Участники жертвоприношения обходят вокруг усыпальницы и храма предков, а затем движутся к отхожему месту. Вот это привожу [как пример] «перемещения сущности». Разрешите попытаться рассказать о «перемещении сущности». Здесь основа — жизнь, наставник — знание. Поэтому говорят об истинном и ложном, чтобы в результате приобрести название и сущность. Поэтому себя считают сущностью <хозяином>, заставляя других считать себя идеалом и даже умирать за [этот] идеал. Такие считают умными тех, кого берут [в услужение], глупцами тех, кого не берут, возвышение считают славой, а притеснение — позором. «Перемещение сущности» для нынешних людей подобно объединению Цикады с Горлицей¹¹. Если кому-нибудь отдавят ногу на рынке, то извинятся за неловкость; если старший брат [наступит на ногу младшему], то его пожалеет, а если отец — сыну, и так обойдется. Поэтому и говорится: «В настоящей вежливости не [разбирают, что за] человек; в настоящей справедливости не [отделяют своих от] чу-

жих; настоящие знания не [таят коварных] замыслов; в настоящем милосердии не [считаются с] родством; в настоящем доверии забывают о золоте [залога].

Удали то, что расстраивает волю; освободи сердце от неясности; удали то, что обременяет свойства; убери с пути все препятствия. Богатство и знатность, почет и величие, слава и выгода — эти шесть расстраивают волю; внешность и поза, красота и хитроумие, дыхание и чувства — эти шесть опутывают сердце; ненависть и любовь, радость и гнев, печаль и наслаждения — эти шесть обременяют свойства; согласие и отказ, займы и возврат, знания и способности — эти шесть преграждают путь. Когда эти четыре шестерки не волнуют грудь, [приходит] беспристрастие. Беспристрастие ведет к покою, покой — к ясности, ясность — к пустоте, пустота — к недеянию, [которое] все совершает.

Путь — уважение к свойствам; жизнь — проявление свойств; характер — сущность жизни; движение характера называем деянием; ложное деяние называем утратой [пути].

Знающий воспринимает [вещи]; знающий обдумывает. [Когда] знающий приближается к тому, чего не знает, [он] подобен косо-глазому.

Действие вынужденное называется свойством. Действие лишь во имя собственных [интересов] называется управлением. Названия друг другу противоположны, а соответственно [им] и сущность.

Охотник искусно попадал в мельчайшую [цель], но не искусно избегал людской славы. Мудрый искусен в естественном, но не искусен в людском. Лишь целостный человек способен быть [не только] искусным в естественном, но и добрым в человеческом. Только животное способно [оставаться] животным, только животное способно оставаться естественным. Если целостный человек ненавидит природу, то ненавидит человеческую природу, а тем более [негодует, когда приспособливают] для себя и небо и человека!

[Если] птица встречалась Охотнику, он непременно ее добывал, — это могущество. [Если же] всю Поднебесную вообразить клеткой, не ускользнула бы [ни одна] птица. По этой-то причине Испытующий приманил Найденного на Реке Инь, пообещав ему [ранг] Готовящего жертвенное мясо, циньский Мугун завлек Раба из Сотни Ли с помощью пяти бараньих шкур. Так вот завлекают в клетку лишь с помощью того, что [люди] любят, — не иначе.

Тот, у кого отрубили ногу [в наказание], презирает красоту, отрицает внешнюю славу. Скованные вместе ¹² [преступники], забыв и о жизни и о смерти, без страха поднимаются на высокую [гору]. Ведь тот, кто отвык обмениваться подарками, забыл людей. Оттого что забыл людей, считается человеком естественным. Уважают

его — не радуется, оскорбляют его — не гневается. Таким может быть лишь тот, кто подобен естественной гармонии.

[Если] обнаруживать гнев, но не гневаться, то окажется, что гнев исходит от негневающегося. [Если], исходя из деяния, предаваться недеянию, то окажется, что деяние исходит из недеяния. Хочешь покоя — стань невозмутимым; хочешь стать пронизательным, принимай [все] как по-сердцу. [Если] в действии стремишься к должному, основывайся на том, что тебя вынуждает. Быть вынужденным — таков путь мудрого.

Глава 24

СЮЙ ОТРИЦАЮЩИЙ ДУШУ

Сюй Отрицающий Душу¹ через Нюй Шана² встретился с вэйским [царем] Воинственным; обласкав его, Воинственный сказал: — Почему [Вы], Пржеждерожденный, согласились повидаться со [мною], единственным. Быть может, заболели от трудов в горных лесах?

— Я пришел утешить [Вас], государь, — сказал Сюй Отрицающий Душу. — Как может царь утешить меня? [Вас], государь, скоро переполнят страсти и вожделение, а длительная любовь и ненависть приведут к опасным болезням. [Если же, Вы], государь, совсем отбросите страсти и вожделение, забудете любовь и ненависть, [у Вас] заболят глаза и уши. Тогда мне придется соболезовать [Вам], государь. Зачем же [Вы], государь, соболезуете мне?

Воинственный презрительно промолчал, а Сюй Отрицающий Душу вскоре продолжил:

— Попробую рассказать [Вам], государь, как я распознаю собак. [Собака] низших свойств заботится лишь [об одном] — о сытости, таково же и свойство дикой кошки. [Собака] средних свойств смотрит [вверх], будто на солнце. [Собака] высших свойств, будто забыла о своем единственном, <самой себе>. Коней же я распознаю лучше, чем собак. Коней я распознаю [так]: [если мчится] прямо, точно по натянутому шнуру, делает поворот, точно по крюку, описывает квадрат, точно по наугольнику, описывает круг, точно по циркулю, это — царский конь, но [ему] далеко до коня Поднебесной. У коня Поднебесной дарование, совершенное от природы. [С виду он] будто [чего-то] страшится, будто [что-то] потерял, утратил свое единственное <тело>. Такой [конь] мчится, опережая всех, не поднимая пыли, не ведая, где остановится.

Царь Воинственный развеселился и рассмеялся. [Когда] Сюй Отрицающий Душу вышел, Нюй Шан спросил:

— Чем [Вы], Пржеджерожденный, развеселили моего государя? Мой государь еще никогда не обнажал зубов [в улыбке], о чем бы я ему ни рассказывал. Убеждал ли с помощью отдаленного — песен, преданий, обрядов, музыки; убеждал ли с помощью близкого — [записей] на металлических планках в шести чехлах⁵ о тех, кто вершил дела и добивался больших заслуг. Всего и не перечесть. Чем же [Вы], Пржеджерожденный, ныне развеселили моего государя, что он так обрадовался?

— Я лишь поведал ему о том, как я распознаю собак и коней, — ответил Сюй Отрицающий Душу.

— Только и всего? — удивился Нюй Шан.

— Разве не слышал ты про Изгнанника из Юэ? — сказал Сюй Отрицающий Душу. — Покинув царство, он уже через несколько дней радовался при виде знакомого; покинув царство, он уже через декаду или месяц радовался, при виде встречавшегося ему в [его] царстве; а спустя год радовался при виде [кого-то], похожего на человека. Чем дальше уходил от людей, тем сильнее была тоска по человеку. Скитаясь по пустыне, [по] тропкам, проложенным хорьками среди густой полыни, спотыкаясь, останавливаясь в безлюдье, [он] обрадовался бы, заслышав шаги человека, а тем более кашель родственника, брата рядом с собой. Ведь уже давно ни кашель, ни слова настоящего человека не доносились до слуха нашего государя!

Сюй Отрицающий Душу [снова] увиделся с царем Воинственным и [тот] сказал:

— [Вы], Пржеджерожденный, давно уже живете в горных лесах, питаетесь каштанами. Не пресытились ли луком и пореем, что пришли гостем ко мне, единственному? [Или] состарились и стремитесь ныне к мясу и вину? [Или] хотите приобщиться к счастью у [моего] алтаря Земли и Проса?

— [Я], Сюй Отрицающий Душу, родился презренным, в бедности и никогда не осмелился бы пить царские вина и есть царские яства. Скоро [мне] придется утешать [Вас], государь.

— Утешать [меня], единственного? Почему?

— Утешать, государь, и телесно и духовно.

— О чем говорите?

— Небо и земля одинаково вскармливают [всех], — ответил Сюй Отрицающий Душу. — Поднявшихся высоко нельзя считать лучшими, живущих внизу нельзя считать худшими. [Вы же], государь, — единственный властелин тьмы колесниц. Утруждая народ целого царства, услаждая слух и зрение, обоняние и уста, [Ваш] разум не может [этим] удовлетвориться. Ведь разум предан гармонии, [он] ненавидит распутство. Ведь от распутства — болезни. Поэтому Вас и утешаю. Зачем же [Вам], государь, болеть?

— Давно уже [я] хотел увидаться с [Вами], Пржеджерожденный, — ответил царь Воинственный. — Мне хочется любить народ и во имя справедливости покончить с войнами. Возможно ли это?

— Нельзя! — ответил Сюй Отрицающий Душу. — В любви [правителя] к народу — начало гибели народа. Прекратить войны во имя справедливости — означает создать предлог для [новых] войн. [Если Вы], государь, с этого начнете, [все] окажется безуспешно. [Такие] красивые [слова] каждый раз [оказываются] орудием зла. Хотя [Вы], государь, стремитесь к милосердию и справедливости, но приближаетесь к лицемерию. Форма, конечно, создает форму; а завершение, конечно, приносит заслуги; изменения же, конечно, вызовут войну извне. Не расставляйте, государь, ряды журавлей <воинов> на прекрасной дозорной башне; не помещайте пеших и колесничих во дворце Цзытань; не замышляйте измены ради приобретения, не побеждайте других ни хитростью, ни замыслами, ни оружием. Не ведаю, для кого хороша война? В чем победа? Убивать чужих воинов и жителей, захватывать чужие земли, чтобы выращивать свое личное <тело>, свой разум? [Если Вы], государь, с этим покончите, будете совершенствоваться в себе [чувство] верности, отвечая собственной природе, перестанете теснить [других], то люди уже избавятся от убийства, зачем же тогда [Вам], государь, кончать с войнами?

Желтый Предок поехал повидаться с Высоким Утесом⁴ на гору Терновая Чаша. Колесничим был Едва Прозревший, на пристяжной [тройки] — Блестящий Сказочник, впереди коней [бежали] Предполагающий и Друг Повторяющий, позади колесницы — Подобный Привратнику и Смехотвор. Доехав до равнины у города Сянчэна, семеро мудрецов⁵ заблудились. Узнать же дорогу было не у кого. Тут встретился им отрок-табунщик, и [они его] спросили:

— Знаешь ли ты гору Терновая Чаша?

— Да, — ответил отрок.

— Знаешь ли ты, где живет Высокий Утес?

— Да!

— Удивительно! — воскликнул Желтый Предок. — Ребенок, а знает не только, где гора Терновая Чаша, но и где живет Высокий Утес. Разрешить спросить, что делать с Поднебесной?

— Что делать с Поднебесной? — ответил отрок. — То же, что и здесь [с табуном], и только. Что еще [с ней] делать? С детства я бродил среди шести стран света и омрачилось мое зрение. Некий старец меня научил: «броди в степях у Сянчэна, подобно колеснице солнца». Ныне глазам стало лучше, и я снова пойду скитаться за пределами шести стран света. Что делать с Поднебесной? То же, что и здесь [с табуном], и только. Что мне [с ней] делать?

— Управление Поднебесной действительно не [Ваше] дело, мой учитель. И все же, разрешите спросить, что делать с Поднебесной?

Отрок отказался [отвечать, но] Желтый Предок повторил свой вопрос, и отрок сказал:

— Не так ли [следует] управлять Поднебесной, как пасти коней? Устранять [все], что вредит коням, и только.

Желтый Предок дважды поклонился [отроку], назвал его Небесным Наставником ⁶ и удалился.

Мужи знающие невеселы, [когда] нет событий для размышлений; ораторы невеселы, [когда] нет школы для речей; надзиратели невеселы, [когда] нет дел для розыска и допросов; все они ограничены [определенными] занятиями. Мужи, взывающие к современникам, процветают при дворе. Мужи среднего [состояния] славят начальников. Силачи гордятся трудностями. Мужи отваги воодушевляются опасностью. Вооруженные мужи в кожаных доспехах радуются битве. Мужи, иссохшие, [словно] дерево, [утешаются] былой известностью. Мужи законов укрепляют управление. Мужи [из] школы обычаев предаются почитанию внешности. Мужи милосердия и справедливости ценят общение [с другими]. Земледельцы, если нет дела по распашке целины, не сближаются. Купцы странствующие и оседлые, если нет [торговых] дел на площади и у колодца, не сближаются. [Когда] у всех людей есть занятие с утра до вечера, [они друг друга] поощряют. Сотни ремесленников, владеющих искусством [создавать] утварь и оружие, [друг друга] усиливают. [Если] деньги и имущество не накапливаются, алчный печалится. [Если] власть и сила не увеличиваются, тщеславный горюет. Приверженцы силы и управления радуются переменам. [Они] найдут себе применение, воспользовавшись [любым] случаем, не у дел не останутся. Все они гонятся [друг за другом], точно [времена] года, но не изменяются, как вещи. Дают полную волю своей [телесной] форме и характеру, погрязают во тьме вещей ⁷ и до конца жизни не возвращаются [к самим себе]. Увы!

Чжуанцзы спросил:

— [Если] называть прекрасным стрелком того, кто случайно попал в цель, то все в Поднебесной оказались бы [меткими], как Охотник. Возможно ли это?

— Возможно, — ответил Творящий Благо.

— [Если бы] в Поднебесной не было общей истины, и каждый утверждал бы свою истину, то все в Поднебесной были бы [непогрешимы, как] Высочайший. Возможно ли это? — спросил Чжуанцзы.

— Возможно, — ответил Творящий Благо.

— Конфуцианцы, моисты, сторонники Яна ⁸ и Бина ⁹ составляют четыре [школы], а вместе с [вашей], учитель, пять. У какой же [из школ] в действительности истина? А возможно, ею обла-

дает Лу Цзюй? ¹⁰ Его ученик сказал: «Я овладел [Вашим] учением, наставник. Я способен зимой без огня приготовить кушанье в треножнике, а летом сделать лед». Лу Цзюй ответил: «Это просто призыв жары с помощью жары, призыв холода с помощью холода, а не то, что я называю учением. Я покажу тебе свое учение». И тут [он] настроил [два инструмента] *шэ*, один положил в зале, другой — в боковой комнате. Тронул [тон] *гун* [одного инструмента], и откликнулся *гун* [другого], тронул [тон] *цзио* [одного инструмента], и откликнулся *цзио* [другого]. они прозвучали в унисон. Но можно ли изменить строй одной струны и без соответствия пяти тонам, чтобы, тронув ее, вызвать отклик всех двадцати пяти струн? Вот такой звук был бы государем <ведущим>. А такова ли твоя истина?

— Ныне конфуцианцы, моисты, сторонники Яна и Бина ведут со мной спор, уничтожая друг друга в речах, подавляя друг друга в славе, — сказал Творящий Благо. — Но меня еще [никто] не опроверг. Ну, каково?

— Цисец покалечил ногу сыну и, приказав [ему] стать привратником как [человеку] неполноценному, отослал к сунцу. Так бросают себе подобных, — сказал Чжуанц. — Чтобы уберечь колокола <жертвенные сосуды>, он обвязал их веревкой. А чтобы отыскать потерянного сына, не вышел даже за пределы царства. Чусец, остановившись [в чужом доме], обругал привратника; в полночь, в безлюдном месте стал драться с лодочником. Еще не отчалил от берега, а уже затеял ссору.

[Когда] Чжуанцзы провожал покойника, [процессия] прошла мимо могилы Творящего Благо. Оглянувшись, Чжуанцзы сказал сопровождающим:

— [Как-то] инец вымазал себе глиной кончик носа — [пятно было] с крылышко мухи — и велел плотнику Кремню его обтесать. Топор плотника летал, словно ветер — лишь выслушал [приказ] и стесал. Снял все пятнышко, не повредив носа, а инец даже не изменился в лице.

Услышав об этом, сунский царь Юань призвал плотника Кремня и сказал: «Попробуй стесать у [меня], единственного». Плотник же ответил: «Когда-то [я, Ваш] слуга, мог это сделать, но [человека] того материала уже давно нет». У меня также нет материала, с тех пор как умер учитель [Творящий Благо]. Мне не с кем спорить ¹¹, — [заключил Чжуанцзы].

Гуань Чжун заболел, и Хуаньгун задал ему вопрос:

— Можно ли говорить не таясь? [Ведь] болезнь у [Вас], Отец Чжун, серьезная. Кому доверить царство, если станет хуже?

— Кому бы хотел, государь? — спросил Гуань Чжун.

— Баошу Я, — ответил царь.

— Нельзя! — сказал Гуань Чжун. — Он — муж прекрасный, чистый и честный. Но всех остальных меряет по себе, а не себя по другим. И потом, раз услышав о чьей-либо ошибке, всю жизнь не забудет. Если доверить ему управление царством, так наверху — запутает правителя, а внизу — станет перечить народу. Пройдет немного времени, и он совершит проступок против государя.

— Кому же можно? — спросил царь.

— Не станет меня, так можно [доверить] Си Пэну, — ответил Гуань Чжун. — Он такой человек, что высшие [о нем] забудут, а низшие [ему] не изменят. Сам сожалеет, что не похож на Желтого Предка, но печалится о тех, кто хуже его. Тот, кто уделяет людям от [своей] добродетели, называется мудрецом; кто уделяет людям от [своих] богатств, называется умным. Тот, кто снисходит до людей мудростью, никогда не завоевывает людей; тот, кто спускается к людям умом, всегда завоевывает людей. В царстве он не все услышит, в семье он не все увидит. Не станет меня, так можно Си Пэну.

Плывя по Реке, усский царь поднялся на Обезьянью гору. Увидев его, стадо обезьян в испуге [все] побросало, разбежалось и укрылось в непроходимой чаще. Только одна обезьяна беспечно прыгала то туда, то сюда, [как бы] хвастаясь [своим] искусством перед царем. Царь в нее выстрелил, но она ловко поймала стрелу. Царь велел [своим] помощникам стрелять непрерывно, обезьяна же упорствовала до смерти.

Обернувшись, царь сказал своему другу, Красавцу Без Сомнений¹²:

— Эта обезьяна, пренебрегая мною, хвасталась своей ловкостью, надеялась на свою изворотливость, — и погибла. Ах! Пусть это [послужит тебе] предостережением! Не гордись перед людьми своей красотой!

Вернувшись [домой], Красавец Без Сомнений обратился к Дуну Платану¹³ за наставлениями, как избавиться от своей красоты, отказаться от наслаждений и знатности. Прошло три года, и люди царства стали его хвалить.

Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья сидел, облокотясь о стол. [Он] смотрел вверх и тихо дышал. Войдя к нему повидаться, [Странник] Красоты Совершенной сказал:

— [Вы], учитель, лучший из людей! [Вы], конечно, можете телом уподобиться иссохшим костям, а сердцем — угасшему пеплу.

— Прежде я жил в горной пещере, — заговорил Владеющий Своими Чувствами из Южного Предместья. — Однажды меня навестил Тянь Хэ¹⁴, и весь народ царства Ци трижды восславил его. Я, конечно, раньше достиг [славы], поэтому он обо мне и узнал.

Если бы у меня ее не было, как бы он обо мне узнал? Я должен был [свою славу] продать, а он — перепродать. Если бы я ее не продал, как бы он сумел перепродать? Ах! Я стал печалиться о тех, кто сам себя губит; я стал печалиться и о тех, кто печалится о других; я стал печалиться и о тех, кто печалится о чужих печалях. С тех пор и стал с каждым днем все больше [от этого] отдаляться.

Конфуций пришел в Чу, и чусский царь угощал его вином. Суньшу Гордый подал кубок, а [Удалец] с Юга от Рынка принял [кубок] и, совершив возлияние вина, сказал.

— Здесь заговорит древний человек!

— [Я], Цю, также слышал насчет учения без слов, никогда о нем не говорил, здесь же скажу, — промолвил Конфуций. — [Удалец] шутил, а спор двух домов прекратился¹⁵. Суньшу Гордый с веером из перьев в руках сладко спал, а жители Ин отложили оружие¹⁶. [Для таких случаев мне], Цю, хотелось бы обладать языком в три *чи*. У [них] обоих, можно сказать, [есть] путь, который нельзя назвать. Поэтому [их] свойства соединяются во едино с путем, и слова иссякают [там, где] знающий не способен познать, — [это] высшее. [Но даже] в единстве с путем свойства не могут быть одинаковыми. То, что знающий не способен познать, красноречивый не способен прославлять. Беда — от [таких] названий как конфуцианцы и моисты. Ибо [в том, что] море безотказно [принимает реки], текущие на восток — [его] высшее величие. Мудрый объемлет и небо и землю, благодетельствует [всем] в Поднебесной, а из какого он рода — неведомо. Поэтому живет, не имея ранга, умирает без посмертного имени. Богатств не накапливает, славы не утверждает. Вот такой и называется великим человеком. Не за звонкий лай собаку считают хорошей, не за красивые речи человека считают добродетельным, а тем более — великим. Ведь [когда кого-нибудь] считают великим, [этого] недостаточно, чтобы быть великим, а тем более — обладающим свойствами. Ведь нет ничего более целостного, чем небо и земля. Но разве [они] обладают целостностью оттого, что [сами] ее добиваются? Тот, кто познал великую целостность, ничего не добивается, ничего не теряет, ничего не оставляет. Из-за вещей не меняется, возвращается к самому себе и [становится] неисчерпаемым. Следует за древностью, не приукрашивая, — воистину великий человек!

У Владеющего Своими Чувствами¹⁷ было восемь сыновей. Выстроив всех их перед собой, [он] призвал Пропавшего Без вести Во Вселенной¹⁸ и сказал:

— Узнай по лицам моих сыновей, кто из них будет счастливым!

— Порог, — ответил физиономист, — [на его лице] счастливое предзнаменование.

— Какое же? — и тревожась, и радуясь, спросил Владеющий Своими Чувствами.

— До конца дней своих Порог будет делить пищу с царем, — ответил физиономист.

— Неужели моего сына постигнет такое бедствие? — спросил Владеющий Своими Чувствами и слезы потекли [у него] ручьем.

— Ведь для того, кто делит пищу с царем, милости распространяются на три рода¹⁹, а особенно — на отца и мать. Ныне же [вы], учитель, услышав об этом, проливаете слезы, противитесь счастью. Счастливое предзнаменование [принимаете] за несчастливое.

— Как же ты, Пропавший Без Вести, узнал о счастливом предзнаменовании для Порога? — спросил Владеющий Своими Чувствами.

— Все от вина и мяса — я ощутил [их] аромат, [их] вкус.

— Как же ты узнал, от кого они?

— Чудом узнал²⁰, вот как! Никогда я не был пастухом, а овца ягнилась в юго-западном углу [моего дома]. Никогда не любил охотиться, а перепелка вывела птенцов в юго-восточном углу.

— Я со своими сыновьями был странником, странствовал по вселенной. Вместе с ними стремился наслаждаться природой и кормиться от земли. Вместе с ними я не вершил никаких дел и не строил замыслов, вместе с ними я [ничему] не удивлялся и не ссорился ни с кем из-за вещей. Вместе с ними я восходил к совершенству неба и земли. Вместе с ними я предавался лишь при волю и не занимался тем, чего требовал долг, отказался от всех пошлых обычаев. А ныне и пришло возмездие. Но за каждым чудесным свидетельством кроются чудесные поступки. Беда близка! [Но] на мне и на моих сыновьях нет вины. Все идет от природы! Поэтому-то я и проливаю слезы.

Вскоре [отец] послал Порога в Янь, а в пути его захватили разбойники. Продать его целым было труднее, легче безногим²¹. Тут [ему] отрубили ногу и продали в Ци. Порог оказался на улице [привратником] главного сановника²² и до самой смерти питался мясом.

Беззубый встретился с Никого не Стесняющим и спросил:

— Куда вы направляетесь?

— Бегу от Высочайшего, — ответил тот.

— Почему же?

— Высочайший настолько предается милосердию, что над ним, я боюсь, станет смеяться вся Поднебесная. В будущих же поколениях люди станут пожирать людей. Ведь народ собрать не трудно. Любишь людей — [они] приближаются, приносишь им выгоду — приходят; хвалишь их — [друг друга] поощряют. Но коснись

того, что они не любят, — [все] разбегутся. Любовь и выгода рождаются от милосердия и справедливости. Тех, кто отбрасывает милосердие и справедливость, мало; тех, кто использует милосердие и справедливость, много. Но только поступки милосердных и справедливых не искренни, к тому же [они] заимствуют жадность у хищников. Поэтому, [если] один человек управляет и судит о пользе всей Поднебесной, то уподоблю его тому, чей взгляд ограничен. Ведь Высочайший знает, что добродетельные приносят пользу Поднебесной, но не ведает, как они губят Поднебесную. Это познают лишь те, кто [обходится] без добродетельных.

Есть Нежный Красавец²³, есть Предающийся Неге, есть Хватающий Согбенный. Этот самый Нежный Красавец учит [наизусть] речи одного прежде рожденного — нежно, красиво — и втайне сам собою любит, считая, что [этого] достаточно, и не ведая, что еще и не начал что-либо познавать. Вот такой называется Нежным Красавцем. Предающийся Неге подобен вше на [шкуре] свиньи. Выбирая [где] щетина пореже, вошь чувствует себя в обширном дворце, огромном парке. Покойными и удобными местечками она считает щели в копытах, складки кожи, промежутки между сосцами, бедрами. Не ведает, что однажды утром мясник взмахнет руками, подстелет травы, разведет огонь и спалит ее вместе со свиньей. Вот такой, кто [толчется] в одном мирке, то входя [в него], то выходя, и называется Предающимся Неге.

Хватающий Согбенный — это Ограждающий. Баранине ни к чему муравьи, но муравьям нравится запах баранины. Поступки Ограждающего пахли, [как] баранина, и народу он понравился. Трижды [он] переселялся²⁴, создавая города. Когда переселялся на пустыри в Дэн, [с ним] уже было десять раз по десять тысяч семей.

Услышав о добродетели Ограждающего, Высочайший выделил ему Отрочью землю²⁵ и сказал:

— Надеюсь, [земля] обретет благоденствия с его приходом.

Поднимая отрочью землю, Ограждающий [телом] постарел, разумом одряхлел, а все не мог найти покоя, вернуться [домой]. Вот и назывался Хватающим Согбенным.

Поэтому-то проницательный и не любит, чтобы [к нему] стекалась толпа. [Если] толпа стекается, [он с ней] не сближается, [если] не сближается, [для нее] бесполезен. Поэтому [он] не слишком [с нею] сближается, не слишком [от нее] отдаляется. Тот, кто хранит свойства и лелеет гармонию, чтобы следовать за Поднебесной, и называется настоящим человеком. [Он] отбрасывает смысл, подобный баранине; отбрасывает знания, подобные муравьиным, и обретает средство, подобное рыбьему²⁶.

Глазами всматривается в видимое, ушами вслушивается в слышимое, сердцем отвечает познаваемому — такой ровен, как отвес, а в изменениях следует пути.

Настоящий человек древности воспринимал [все] с помощью природного, не вносил в природу человеческого. [Таков был] настоящий человек древности.

Обрел это — родился, утратил это — умер. Обрел то — умер, утратил то — родился. Какое из лекарств станет владыкой <главным> ныне: воронья голова или *цзегэн*, куриная голова или *чжу-лин*? ²⁷ Разве [все это] можно перечислить?

Когда Гоуцзянь и три тысячи латников со щитами засели на Куйцзи-[горе], только [Вэнь] Чжун ²⁸ знал, как сохранить [царство] при поражении; только [Вэнь] Чжун не ведал, какая скорбь [уготована] ему самому. Поэтому и говорится: «И глаза совы бывают пригодны»; «И на ноге аиста есть коленце, отними — станет больно». Поэтому и говорится: «Ветер перелетит через Реку, и [воды] убавится; солнце перейдет через Реку, и [воды] убавится». Ветер вместе с солнцем сдерживают Реку, Река же считает, что ее никогда не затрагивают, [что она] от истоков [течет] вдаль. Поэтому вода держит землю, [это ее] рубеж; тень держит человека, [это его] рубеж; [одну] вещь держит [другая] вещь, [это для каждой вещи] рубеж. Поэтому, чем острее взор, тем опаснее; чем тоньше слух, тем опаснее; чем сильнее стремление сердца, тем опаснее; каждая способность, исходящая изнутри, опасна. [Когда] опасность созрела, [ее] не устранишь. Бедствия возрастают и стекаются тучами. Их предотвращение требует [больших] трудов, а результат — долгого ожидания. А человек — увы! — считает их [органы чувств] своим сокровищем. Поэтому-то без конца и губят царства, убивают жителей, и никто не умеет спросить: почему? Нога [человека], ступая по земле, занимает мало [места]. Пусть мало, но, опираясь на него, [идет] туда, где еще не ступала [нога человека], способен затем уйти далеко. Знания человека малы. Пусть малы, но, опираясь на них, [идет] к непознанному ²⁹ и познает затем то, что называется природой. Познает великое единство, познает великую [силу] тьмы, познает великое зрение, познает великое равновесие, познает великую безграничность, познает великое доверие, познает великое утверждение, [это познание] — высшее. Великим единством все объединяет, великой [силой] тьмы все расчленяет, великим зрением все созерцает, великим равновесием следует [природе] каждого, великой безграничностью [следует] форме каждого, великим доверием предоставляет каждого [своей сущности], великим утверждением держится [самоутверждения] каждого.

Во всем до конца — природа. Следуя [ей], обретают понимание. Тьма обладает стержнем, [от нее] начинаются и другие [вещи]. В ней их расчленение, [но] будто без расчленяющего; познание же этого будто не познание. [Тот, кто] не знает, впоследствии это познает. Вопросам об этом не может быть предела, но нельзя их

задавать и беспредельно. [Вещи] легки, неуловимы, [но] каждая обладает своей сущностью; ни в древности, ни ныне одна не заменяет другую, нельзя [никакую вещь] умалить. Почему же тогда не дать название [тому, что] обладает великим проявлением и доказательством? Почему же не спросить о сущности? К чему сомневаться? Чтобы разрешать сомнения³⁰ с помощью несомненного, возвращаясь снова к несомненному вплоть до великого несомненного.

Глава 25

ПОДРАЖАЮЩИЙ СВЕТУ

Подражающий Свету¹ странствовал в Чу. И Преданный Долгу² сказал о нем царю, но царь [его] еще не принял, а И Преданный Долгу уже вернулся [к себе домой].

Подражающий Свету увиделся с Ваном Решительным³ и сказал:

— Почему бы [Вам], учитель, не заговорить обо мне с государем?

— Мне далеко до Гуна Ушедшего от Смотров,— ответил Ван Решительный.

— А чем занимается Гун Ушедший от Смотров? — спросил Подражающий Свету.

— Зимой бьет острогой черепах в Реке, а летом отдыхает на горе, в тени, — ответил Ван Решительный.— Когда расспрашивают его прохожие, отвечает: «Это мое жилище». Ведь если не сумел [представить Вас царю] И Преданный Долгу, разве я [сумею]? Мне далеко до И Преданного Долгу. Ведь что за человек И Преданный Долгу! Свойств нет, а знаниями обладает. [Если], не опираясь на собственную волю, используете его чудесную способность к связям, [он], конечно, погрузит [Вас] во мрак богатства и знатности, поможет не [обрести] свойства, а [их] истощить. Ведь замерзающему [он] одолжит одежду весной, а умирающему от жажды [посулит], напротив, холодный ветер зимой. А что за человек царь Чу! С виду — величествен и суров, с провинившимися беспощаден, словно тигр. Кто сумеет склонить его, кроме льстецов, [поправших] истинные свойства! Поэтому мудрый в крайней нужде заставляет домашних забыть о бедности; будучи проницательным, заставляет царей и знатных забыть о рангах, о жалованье и стать скромными; среди вещей вместе с другими наслаждается; среди людей он одобряет тех, кто, сохраняя себя, проникает в вещи. Поэтому даже без слов [он] поит людей гармонией; рядом с людьми их улучшает; как должно отцу [поступать] с сыном, возвращает их в свое жилище. А отдыхая от своих благотворений, отдаляется от людских помыслов. Поэтому и говорю: «дождись Гуна Ушедшего от Смотров»!

Мудрый видит все связи между собой и другими в единстве, [сам] не ведая почему, — таков [его] характер. Отвечая колебаниям жизни, [он] считает своим учителем природу, люди же вслед называют его [учителем]. Печально, что не узнают и не делают [этого] постоянно, и вскоре приходит конец. Каким же образом? [А вот как]: красивому от рождения люди дают зеркало. Не поведали бы, и не узнал, что красивее других. То ли знал бы, то ли нет; то ли слышал бы, то ли нет; а радоваться мог бы до смерти без конца; люди любовались бы на него также без конца — таков характер. Мудрый же любит людей, и люди [так] называют его. Не назвали бы и не ведал бы, что любит людей. То ли ведал бы, то ли нет; то ли слышал бы, то ли нет, а его любовь к людям [длилась бы] до смерти без конца, и люди наслаждались бы ею также без конца — таков характер.

Родное царство, родная столица, взглянуть на них издали — какое счастье! Пусть это даже скопление холмов и курганов, заросших травами и деревьями, но девять из десяти вернувшихся все же будут счастливы, а особенно [когда] увидят уже виденное, услышат уже слышанное. [Это словно] башня в десять *жэней* высотой, которой любитесь весь народ.

[Муж] из рода Гадателей на Черепашьей Бороде⁴ обрел центр <ось>, чтобы следовать за образованием [вещей]. Вместе с вещами не знал ни конца, ни начала, ни краткого мига, ни дня. Изменяясь вместе с вещами, в одиночестве не изменялся. Почему же на этом не остановился? Ведь тот, кто учится у природы, не способен учиться у природы; кто вершит дела в соответствии с вещами, вместе с вещами гибнет. Каким же образом? Мудрый никогда [не стремится] обладать природным, никогда [не стремится] обладать человеческим, никогда [не стремится] обладать началом, никогда [не стремится] обладать вещами. Двигается вместе со своим временем и [никого] не заменяет; поступки его целостны, [он] не терпит поражений и объединяется с путем — вот как!

Испытующий узнал начальника дворцовой стражи и ведающего колесницами — Восходящего и Неуклонного⁵ — и сделал их своими наставниками. Следуя за наставниками, [он этим] не ограничился и обрел [способность] следовать за образованием [вещей]. А эту заслугу приписал своим должностным лицам. Таким способом [добился] выигрыша: обрел двух выдающихся. Конфуций же считал, что дело учителя «истощить все свои помыслы».

Юн Чэнцзы сказал:

— Без дня нет и года, без внутреннего нет и внешнего.

Юн, [царь] Вэй, заключил клятвенный союз с [царем] Моу из [рода] Тянь. Когда Моу нарушил договор, Юн в гневе хотел послать [человека] его заколоть. Узнав об этом, [полководец] Носорожья Голова пристыдил [царя]:

— [Вы], государь, властелин тьмы колесниц, собираетесь поручить месть одному человеку. [Я], Янь, прошу дать мне двести тысяч латников. Для [Вас], государь, я нападу на него, пленю его народ, угоню его буйволов и коней, так что внутренний жар этого царя скажется на его спине. Затем я захвачу его страну, и когда [он] в ужасе побежит, я ударю его в спину и перебую позвоночник.

Услышал об этом Цзицзы и пристыдил:

— Строили стену высотой в десять *жэней*. Теперь же, [когда] стена в десять *жэней* выстроена, снова сломать ее — тяжкий труд скованных вместе [преступников]. Ныне уже семь лет как не было войны. Это — опора государя. Янь — смутьян, [его] нельзя слушать.

Услышал об этом Хуацзы и [их] обругал:

— Призывающий напасть на Ци — смутьян. Призывающий не нападать — тоже смутьян. Тот, кто называет смутьянами [сторонников и противников] нападения, тоже смутьян.

— Что же делать? — спросил царь.

— Царь должен лишь стремиться найти путь, — ответил Хуацзы.

Услышав об этом, Творящий Благо представил [царю] Несущего Возвышенное⁶, и тот спросил:

— Знает ли царь так называемую улитку?

— Да, — ответил царь.

— На левом рожке улитки расположено царство, которое зовется родом Бодливых, на правом рожке улитки⁷ расположено царство, которое зовется родом Диких. [Они] все время воюют друг с другом за землю. Убитые падают десятками тысяч, преследуют разбитого врага десять дней и [еще] пять, а затем только возвращаются.

— Ах, пустая болтовня! — воскликнул царь.

— Разрешите [мне, Вашему] слуге, показать это [Вам], государь, наглядно. Подумайте, государь, о пространстве во всех четырех сторонах, в зените и надире. Есть ли [ему] предел⁸?

— Нет предела.

— Познав, как странствовать мыслью в беспредельном, обратитесь к известным царствам, [ведь они] вроде бы существуют, а вроде бы и не существуют?

— Да.

— Среди известных [царств] есть Вэй, в Вэй находится [столица] Лян, а в Лян — [Вы], государь. Есть ли различие между [Вами], государь, и родом Диких?

— Нет различия, ответил царь.

Гость ушел, а царь остался в смятении, точно в забытии. [Когда] гость удалился, подошел Творящий Благо и царь сказал:

— Гость — великий человек. Ему недостойно противостоять [ни один] мудрец.

— [Когда] играют на флейте,— сказал Творящий Благо,— слышится мелодия. [Когда же] дуют в кольцо эфеса, [слышится] лишь свист. Люди восхваляют Высочайшего с Ограждающим, а ведь Высочайший с Ограждающим перед Несущим Возвышенное уподобятся лишь свисту.

Конфуций пришел в Чу и остановился у [продавца] кашицы на Муравьином холме. Его соседи — муж с женой, слуги и служанки поднялись на высокое место <крышу>.

— Что делают эти люди? — спросил Цзылу.

— Это рабы мудрого,— ответил Конфуций.— Он похоронил себя в народе, скрылся среди полей. Голос его умолк, но воля его не иссякла. Хотя уста его говорят, но мыслей никогда не высказывают. Притом [он] противостоит всему своему поколению и брезгует с ним объединяться. [Он] — тот, кто «утопился на суше», из таких [как Удалец] с Юга от Рынка, Обязанный к Черной Работе.

Цзылу попросил разрешения пойти и позвать его, но Конфуций сказал:

— Оставь! Он знает [меня], Цю, лучше, чем [я] сам. Знает, что [я], Цю, пришел в Чу, и думает, что [я] стану добиваться приглашения царя Чу. Ведь он считает [меня] болтуном. Он постыдится слушать речи болтуна, а тем более с болтуном встречаться. Почему ты думаешь, что [он] еще там?

Цзылу пошел и взглянул — комната соседей [оказалась] пустой.

Страж границы Высокий Платан спросил у Цзылао⁹:

— Не должен ли государь, верша дела, пахать тщательно, а управляя народом, не разрывать ростков? Прежде, сёя, я пахал небрежно, и поле вознаграждало меня зерном также небрежно; полел, разрывая ростки, и вознаграждали меня также разорванные ростки. На следующий год я ввел другие порядки: пахал глубоко, как следует боронил, и зерно уродилось обильно. Весь год я ел досыта.

Услышав об этом, Чжуанцзы сказал:

— Многие нынешние люди относятся к своей [телесной] форме и к сердцу так, как говорил Страж границы. Ради всевозможных дел бегут от своей природы, покидают свой характер, уничтожают собственные чувства, губят свой разум. Вот у того, кто небрежно вспахивает свой характер, в характере и остаются корни зла — любви и ненависти. Осока и тростник, зарождаясь, сначала будто поддерживают мою [телесную] форму, [но] стремятся искоренить мой характер, а потом без разбора, отовсюду просачиваются и прорываются, [вызывая] язвы, нарывы, пылая внутренним жаром и исходя гноем. Вот оно что!

Кипарисовый Наугольник¹⁰, учась у Лаоцзы, сказал:

— Дозвольте странствовать по Поднебесной.

— Оставь,— ответил Лаоцзы.— Поднебесная [всюду] одинакова. [Кипарисовый Наугольник] повторил свою просьбу, и Лаоцзы спросил:

— Откуда же ты начнешь?

— Начну с Ци,— ответил Кипарисовый Наугольник.— Приду туда, увижу казненного¹¹, подниму его и поставлю, сниму [с себя] придворную одежду, прикрою его и стану оплакивать, взывая к Небу: «Сын [мой]! Сын [мой]! Поднебесную постигло великое бедствие, и ты первый пал его жертвой! Говорят: «Не становись разбойником! Не становись убийцей!». Но с тех пор, как возвели [в закон] славу и позор, появились и пороки; с тех пор, как стали копить товары и имущество, начались и тяжбы. Ныне возвели [в закон] то, что ожесточает людей; накопили то, из-за чего ведутся тяжбы; довели людей до крайности, лишив их покоя. Как же можно теперь предотвратить [злодеяния]! Древние государи за [все] блага воздавали [хвалу] народу, а во всех бедах [винили] себя; [все] истинное видели в народе, а заблуждения — в себе. Поэтому только один [царь] терял свое тело и, порицая сам себя, уходил [из жизни]. Ныне же [все] по-иному. Скроют происшедшее и [порицают] не ведающих [о нем] за глупость; поставят невыполнимую задачу и осудят за отсутствие смелости; возлагают тяжкие обязанности и наказывают за то, что с ними не справились; [пошлют] дальней дорогой и казнят за опоздание. Люди же, зная, что сил не хватит, заменяют их притворством. С каждым днем все больше лицемерия [у высших]. Как же могут не лицемерить и мужи, и народ? Ведь [если] не хватает силы, притворяются; не хватает знаний — обманывают; не хватает имущества — грабят. Но кого же [тогда] можно обвинять за кражу?

Цюй Боюй проповедовал шесть десятков лет¹², а в шестьдесят лет изменился. То, что в начале утверждал, под конец изгонял и отрицал. [Он] еще не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет то, что называет ныне истинным!

[Вся] тьма вещей живет, а корней не видно; появляется, а ворот не видно. Все люди почитают то, что познано знанием; а не ведают, что познание начинается лишь после того, как, опираясь на знания, познают непознанное. Разве не назовут [это] великим сомнением? Оставь, оставь! Ведь от этого никуда не скроешься! Это и есть так называемая истина? Да!

Конфуций спросил у великих хронистов — Большого Чехла, Дяди Всегда Ошибающегося и Кабаньей Шкуры¹³:

— Почему вэйский царь получил [посмертный титул Лин] Чудотворный?¹⁴ Ведь он пьянствовал, предавался наслаждениям,

не вникал в управление царством. Охотился с облавами, собаками, силками и привязными стрелами, но не вступал в союзы с другими правителями.

— Именно по этой причине, Лин [Предмет Одушевленный], — ответил Большой Чехол.

— У этого царя было три жены,—ответил Дядя Всегда Ошибающийся,—[он] с ними купался в [одной] ванне. [Когда же] по царским делам туда вошел Хронист Ю, [царь] схватил материю и распростер [будто] крылья. Столь беспутный, он стал таким почтительным при виде добродетельного. Поэтому и назван [посмертно] Лин [Сообразительный].

— [После] смерти царя гадание о захоронении на родовом кладбище оказалось несчастливым, гадание же о захоронении на Песчаных холмах — счастливым. [Когда] рыли, на глубине нескольких *жэней* нашли каменный саркофаг. Очистив, увидели надпись, которая гласила: «Нет доступа сыновьям. Царь Лин займет его и в нем поселится». Ведь царь уже давно стал Лином [покойником]. Разве достойны об этом знать те двое? — Так сказал Кабанья Шкура.

Малое Знание¹⁵ спросило у Справедливого Приводящего к Согласию:

— Что означают речи о селениях?¹⁶

— В селениях по обычаю объединяются десяток фамилий, сотня имен. Объединяются различные, считаясь подобными; рассеиваются подобные, считаясь различными. [Если] ныне назовешь сотню частей коня, конь не получится. [Если же] конь стоит перед [тобой], стоит со всей своей сотней частей, то назовешь его конем. Поэтому скапливаясь из низкого, холмы и горы становятся высокими; собирая воду, реки становятся широкими. Великий человек всех объединяет и [все] считает общим. Поэтому, [если мысли] приходят извне, [он] на своем не настаивает; [если] исходят от него и справедливы, [ему] не возражают. У [каждого из] четырех времен года особый эфир, но [ни одному] природа не оказывает предпочтения, поэтому год завершается. У [каждого из] пяти начальников особые обязанности, но [если] государь не пристрастен, то в царстве порядок. Великие люди не награждали ни за красоту, ни за храбрость, поэтому свойства были целостными. У [каждой из всей] тьмы вещей [свои] законы, но путь беспристрастен, поэтому не обладает именем. Не обладает именем, поэтому предается недеянию, предаваясь недеянию, все совершает. У времени есть конец и начало, у поколения много перемен, распространяются и беда и счастье. И даже в том, чему противятся, находят должное. Тот, кто стремится к своему особенному, ошибается в том, что пытается исправить. Уподобим это большому озеру, [которое] всей растительности отмеряет влагу; взглянем на высокую гору, на жертвенном алтаре которой вместе

и деревья, и камни. Вот что означают речи о селениях,— так ответил Справедливый Приводящий к Согласию.

— Достаточно ли этого, чтобы заслужить название «путь» — спросило Малое Знание.

— Нет,— ответил Справедливый Приводящий к Согласию.— Ныне, считая число вещей, не остановимся на десяти тысячах, а говорим условно «десять тысяч» [«тьма»]; называя, говорим самую большую цифру. И небо и земля по форме больше всего; [силы] холода и жары по [скоплению] эфира больше всего. Путь же — общий. Они так огромны, что, называя их так, говорим, так бывает. Но допустимо ли такое сравнение? Не так же ли далеко оно [от пути] в этом суждении, как сравнение с собакой или конем?

— Как возникает жизнь всей тьмы вещей внутри четырех стран света, в пределах шести единств? — спросило Малое Знание.

— Жара и холод друг друга освещают, друг друга губят, друг друга обуздывают,— ответил Справедливый Приводящий к Согласию.— Четыре времени года друг друга сменяют, друг друга порождают, друг друга убивают. И тут поднимаются и любовь, и ненависть, и домогательства, и отказ. И тут становится обычной краткая случка самца и самки. Покой и опасность друг друга сменяют, счастье и беда друг друга порождают, поспешность и медлительность друг друга теснят, сбор и рассеяние формируют [вещи]. Название и сущность подобного рода можно запомнить, мельчайшее можно удержать в памяти. [Вещи] последовательно друг на друга воздействуют по закону [каждой из них], поднимаясь и вращаясь, друг друга отсылают, за тупиком открывается поворот, за концом — начало. Таково то, чем обладают вещи, что исчерпывается в словах, что постигается знаниями, высшее в вещах на этом и кончается. Люди, которые наблюдают за путем, не следуют за тем, что кончается, не восходят к тому, что начинается, на этом суждения и прекращаются.

— Кто из двух прав в своей сущности — спросило Малое Знание, — а кто односторонен в своем суждении? Цзи Истинный¹⁷, говоря, «[путь] предается недеянию», или Продолжатель, говоря, «он возможно воздействует»?

— Петух кукарекает, собака лает — таково познанное человеком,— ответил Справедливый Приводящий к Согласию.— Но даже обладающий большими познаниями не смог бы рассказать в словах об их самоизменении, не смог бы [определить] и в мыслях, что они станут делать. [Если] их объяснять по отдельности, то мельчайшее не с чем сравнивать, а величайшее не охватить. [Мнения, что «путь» предается недеянию» или «возможно воздействует» — неизбежны в приложении к вещам, но в конце концов будут признаны ошибочными. «Возможно, воздействует» — значит, [обладает] сущностью; «[предается] недеянию» — значит [обладает] пустотой. Обладать названием, обладать сущностью — состояние вещи; без названия, без сущности — пустота [без] вещи.

Об этом] можно говорить, можно думать, но, [чем больше] слов, чем дальше [от пути]. Еще не родившимся не запретишь [родиться], умирающим не помешаешь [умереть]. Умирают и рождаются рядом, а закона [жизни и смерти] не разглядишь. В [мнениях] «возможно воздействует», «предается недеянию» сомнительно само допущение. [Когда] я смотрю на его основание, оно уходит в беспредельность; [когда] я ищу его вершину, не могу увидеть конца. Беспредельное, бесконечное — для него нет слов. При законах, общих с вещами, слова «возможно воздействует», «предается недеянию» — относятся к основанию, но от начала до конца связаны с вещами. Пути не может ни быть ни не быть. Название «путь» — лишь предположение. «Возможно, воздействует», «предается недеянию» — [эти мнения] связаны лишь с одной стороной вещей. Разве внимают им [люди] глубоких мыслей? [Если бы] слов было достаточно, то, проговорив целый день, сумели бы исчерпать путь. [Поскольку же] слов недостаточно, то, проговорив целый день, можно исчерпать [лишь] вещи. Путь — высшее для вещей, его не вместить ни в слова, ни в молчание. Ни в словах, ни в молчании высшее о нем не выразить.

Глава 26

ВЕЩИ ВНЕ [НАС]

Вещи вне [нас] не дают определить [их] необходимость [для нас]¹. Поэтому Встреченный Драконом был казнен, царевич Щит был зарезан, Сидящий на Короточках [притворился] безумным. Несущий Зло² умер, Разрывающий на Части и Бесчеловечный погибли. Каждый хозяин ждет преданности от своих слуг, но преданному вряд ли поверит. Поэтому [тело] У Цзысюя носилось по реке, а Чан Хун умер в Шу. Кровь его в тайнике через три года обратилась в лазоревый камень. Каждый отец ждет почтительности от сыновей, но почтительного вряд ли полюбит. Поэтому Сяо Цзи³ печалился, а Цзэнцзы скорбел. [Когда] дерево трут о дерево, [оно] загорается, [когда] металл противостоит огню, [он] плавится. [Когда силы] жара и холода действуют в беспорядке, небо и землю [охватывает] большое возмущение. Тут и раскаты и удары грома, в ливне вспыхивает огонь и сжигает даже огромную софору⁴. Горе [человека] еще сильнее. [Он] между двух опасностей, [ему] некуда бежать. В тревоге ничего не может совершить, сердце будто мечется между небом и землей, соболезнает, утешает в скорби, тонет в опасностях. [Когда же] польза и вред теснят друг друга, огонь разгорается еще сильнее и пожирает гармонию народа. Луне, конечно, не справиться с огнем⁵. Тут наступает крушение, и учению приходит конец.

Семья Чжуана Чжоу была бедна, и [он] отправился к лучнику — Смотрителю Реки взять в долг зерна.

— Я скоро получу деньги с общины и ссужу тебе триста серебром, ладно? — ответил Смотритель Реки.

Чжуан Чжоу с гневом взглянул [на него] и молвил:

— Вчера, когда [я], Чжоу, шел, посередине дороги [меня] окликнули. [Я], Чжоу, оглянулся, заметил в колее Пескаря и спросил: «Зачем ты здесь, Пескарь?» Он же ответил: «Я ведаю волнами в Восточном море. Не найдете ли [Вы], благородный муж воды, хоть мерки или несколько пригоршней, чтобы спасти мне жизнь»? [Я], Чжоу, ответил: «Я приведу тебе сюда воды Западной реки с юга от царей У и Юэ. Ладно?» Пескарь с гневом взглянул [на меня] и сказал: «Я утратил свою обычную [среду], у меня нет выхода. Достань я воды хоть мерку или несколько пригоршней, остался бы в живых. Чем говорить то, что сказали [Вы], благородный муж, лучше уж заранее искать меня в лавке с сушеной рыбой!»⁶.

Царский сын Жэнь изготовил огромный крючок и толстую черную лесу, наживил для приманки пятьдесят молодых быков, уселся на корточках с бамбуковым шестом на Куйцзи-горе и забросил удочку в Восточное море. Удил утро за утром, но за целый год не поймал [ни одной] рыбы. Наконец проглотила приманку гигантская рыба, нырнула и утащила огромный крючок на самое дно, затем помчалась, вздымая плавниками седые волны, точно горы, всколыхнула всю воду морскую, распугала [всех] на тысячу *ли* [вокруг] громом, точно исходящим от богов и душ предков.

Раздобыв такую рыбу, царевич Жэнь ее разрезал, высушил и накормил досыта всех с востока от реки Чжэ до севера от Цанъю. Об этом с восхищением передавали друг другу от поколения к поколению все рассказчики, даже самые ничтожные.

Ведь [если] с бамбуковой жердью и тонкой леской ходить к оросительной канаве, то выудишь лишь пескаря, а не гигантскую рыбу. Тем же, кто разукрашивает басни, домогаясь [награды] от начальства, далеко до больших достижений. Так вот и тому, кто не слышал предания о царевиче Жэне, далеко до участия в управлении миром.

Конфуцианцы занимаются песнями и обрядами, чтобы разрыть могилы. Конфуцианец-учитель с кургана спрашивает:

— Как идет работа? Уж [солнце] показалось на Востоке!

Конфуцианцы-ученики [снизу ему] отвечают:

— Еще не сняли нижнее и теплое платье [покойника], во рту есть жемчужины.

В песне не даром поется:

«Зеленая, зеленая пшеница
Покрыла склоны кургана.
При жизни не делал раздач,
Зачем же мертвому жемчужины во рту?»⁷.

Взялись конфуцианцы за волосы на висках [трупа], прижали подбородок, металлическим шилом прокололи щеки, потихоньку разнимали челюсти, чтобы не повредить жемчужин во рту.

Ученик Старого Чертополоха⁸ ходил за хворостом, встретил Конфуция и, вернувшись, рассказал [об этом учителю]:

— Из какого там рода человек — не знаю. Туловище [у него] длинное, а ноги короткие, сгорбленный, а уши позади. Выглядит так, будто управляет всем среди морей.

— Это Цю,— сказал Старый Чертополох.— Позови [его] сюда. [Когда] Конфуций пришел, [Старый Чертополох] сказал:

— Откажись, Цю, от своего тщеславия, от своего мудрого вида и станешь благородным мужем.

Сложив руки в приветствии, Конфуций отступил, [а затем] нахмурился и, изменившись в лице, спросил:

— Преуспеет ли [мое] дело?

— [Сам] не можешь вынести страданий одного поколения, а высокомерно навлекаешь беду на тьму поколений,— ответил Старый Чертополох.— Намеренно ли выдаешь себя за скудоумного? Не способен ли постичь общее? Совершать милости и упиваться радостью [облагодетельствованных, ведь это] позор на всю жизнь! Так преуспевают [лишь] люди дюжинные, завлекая друг друга славою, связывая друг друга корыстью. Чем хвалить Высочайшего и порицать Разрывающего на Части, лучше забыть о них обоих и пресечь то, чем они прославились. Повернешься, кому-то повредишь; шевельнешься, что-то извратишь. Ведь мудрый каждый раз добивается успеха, но, приступая к чему-либо, полон нерешительности. А как быть [с тобой]? Так до конца и останешься высокомерным?!

Сунский [царь] Юаньцзюнь в полночь увидел во сне, как человек с распущенными волосами заглянул к нему из-под крыши и сказал:

— Я — из пучины Перерезывающей дорогу. Я — посланец к Дяде Реки от [реки] Цинцзян. Меня поймал рыбак Провидец.

Юаньцзюнь проснулся и велел разгадать сон. Гадание гласило: «Это Священная черепаха»⁹.

— Есть ли среди рыбаков Провидец? — спросил царь.

— Есть,— ответили слева и справа.

— Повелеваю Провидцу явиться ко двору,— приказал царь.

На другой день Провидец явился, и государь спросил:

— Что поймал?

— В [мои], Провидца, сети попалась седая черепаха,— ответил тот,— круглая, на пять *чи*.

— Поднеси [мне] свою черепаху,— велел царь.

Когда черепаху доставили, царя охватили сомнения: то хотелось ее убить, то хотелось оставить в живых. Гадание же о ней гласило: «Убить черепаху для гадания — к счастью»! Тогда черепаху зарезали. Семьдесят два раза прижигали [ее панцирь] и все [записи на] бирках подтвердились.

— Священная черепаха сумела явиться во сне царю Юаню,— сказал Конфуций,— а не сумела избежать сетей Провидца. [Ее] знаний хватило на семьдесят два гадания — все [записи на] бирках подтвердились, а не хватило [знаний] избежать беды — не быть выпотрошенной. Так что и знания приносят трудности, и священному чего-то нехватает. Даже того, кто обладает высшим знанием, перехитрит тьма людей. Рыба не боится сетей, а боится розового пеликана. Откажись от малого знания, и проявится большое знание, откажись от доброты, и проявится естественная доброта.

Младенец, родившись, способен овладеть речью и без великого учителя, [ибо] живет вместе с говорящими.

Творящий Благо сказал Чжуанцзы:

— Ты говоришь о бесполезном.

— С тем, кто познал бесполезное, можно говорить и о полезном,— ответил Чжуанцзы.— Ведь земля и велика и широка, а человек ею пользуется [лишь] в размере своей стопы. А полезна ли еще человеку земля, когда рядом с его стопой роют [ему] могилу вплоть до Желтых источников?

— Бесполезна,— ответил Творящий Благо.

— В таком случае,— сказал Чжуанцзы,— становится ясной и польза бесполезного.

Чжуанцзы сказал:

— Может ли не странствовать человек, способный странствовать? Может ли странствовать человек, не способный странствовать? Ах! Скрыться, порвать с миром — не в этом назначение обладающего истинным знанием и полнотой свойств. [Ведь те] падают, но не возвращаются, мчатся сквозь огонь, но не оборачиваются. Пусть [люди] относятся друг к другу, как царь и слуга, но [лишь] временно. Сменится поколение — и не станут презирать один другого. Поэтому и говорится: «Настоящий человек не оставляет [следов своих] деяний». Уважение к древности и презрение к современности — [таков] обычай учеников, а тем более последователей рода Кабаньей Шкуры. Кого из них не увлекло течением, судя по сегод-

няшнему миру? Только настоящий человек способен странствовать среди современников, не отклоняясь, следовать за другими, не теряя самого себя, не изучать чужих учений, но, не чуждаясь, воспринимать [их] мысли.

Зрение проницательное создает прозорливость, слух острый создает понимание, обоняние тонкое создает чуткость, вкус тонкий создает сладость, сердце проницательное создает знания, знания проницательные создают свойства. Ни один из этих путей не хочет быть прегражденным, преграды вызывают спазмы, если и при спазмах помехи не прекращаются, начинают топтать ногами, а это приносит огромный вред. Вещи, которые обладают знаниями, зависят от дыхания¹⁰, [если] дыхание неглубокое, в этом не вина природы. Прodelанные природой [отверстия] не закрываются ни днем, ни ночью, и только люди их затыкают. В утробе важна пустота, в сердце — естественное движение. [Если] в доме тесно, свекровь со снохами всегда ссорится. [Если] в сердце нет естественного движения, [восприятия] шести отверстий друг друга теснят. Насколько хороши для человека большие леса и высокие горы — не выразить даже проницательному.

Добродетель, переливаясь через край, [переходит] в славу; слава, переливаясь через край, [переходит] в насилие. Замыслы возникают в крайности, знания появляются в спорах. Независимость появляется [у того, кто] упорно стоит на своем. Дело начальников будет успешным, [если] народ [признает его] должным. Весною в дождь и на солнце травы и деревья растут неудержимо, и тут пускают в ход серпы и мотыги. [Но] больше половины растений снова поднимаются, а почему — не ведают.

Тишиной можно помочь исцелить болезнь, массируя углы глаз, можно остановить старость, покоем можно вылечить испуг. Хотя подобное — дело лишь тружеников. Не испытав этого, предающиеся праздности не спрашивают [об этом]. О том, как мудрые предостерегали Поднебесную, проницательные не ведали и не спрашивали. О том, как достойные предостерегали своих современников, мудрые не ведали и не спрашивали. О том, как государи предостерегали свое царство, достойные не ведали и не спрашивали. О том, как малый люд соотносится с временем года, благородный муж не ведает и не спрашивает.

У стража Широких ворот¹¹ умер отец, и страж ухитрился так исхудать, что заслужил ранг «пример для служащих». [Тогда] его сородичи стали доводить [себя до такой] худобы, что половина из них умерла.

Высочайший отдавал Поднебесную Никого не Стесняющему, но Никого не Стесняющий от него сбежал. Испытующий отдавал Поднебесную Омраченному Свету, но Омраченный Свет на него рассердился. Услышал об этом Помнящий о Других, увел своих учеников и уселся на корточках у реки Пустота. Все правители его оплакивали три года, а Наставник Олень с горя бросился в реку.

Вершей пользуются при рыбной ловле. Наловив же рыбы, забывают про вершу. Ловушкой пользуются при ловле зайцев. Поймав же зайца, забывают про ловушку¹². Словами пользуются для выражения мысли. Обретя же мысль, забывают про слова. Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!

Глава 27

ПРИТЧИ

В девяти речах из десяти — притчи¹. В семи из десяти — речи [людей] почитаемых. Речи всегда новые, как [вино] из чарки, совпадают с естественным началом. Девять из десяти притч, которые обсуждаются, заимствованы извне. [Ведь] родной отец не становится сватом для собственного сына. Лучше, чтоб хвалил сына не отец, а другой [человек]. Не моя-де вина, вина чужая. [Если речи] тождественны моим, соглашаюсь; не тождественны моим, возражаю; тождественные моим [объявляю] истинными; не тождественные моим [объявляю] ложными. Семь из десяти — речи почитаемых, [слова] уже высказанные. Это [речи] стариков, по возрасту — предшественников. Но если престарелые лишь по возрасту не обладают знаниями основы <мирными> и утка <военными>, начала и конца, то они не предшественники. [Если] человек ни в чем не опередил других, у него нет человеческого пути. Такого, у которого нет человеческого пути, назовем прахом человека. Речи всегда новые, как [вино] из чарки, совпадают с естественным началом; поэтому и развиваю их беспредельно, используя до конца лет [своих]. [Пока] нет слов, есть согласие. Согласие со словами не согласуется; и слова с согласием не согласуются. Поэтому и говорится «без слов». Речь не нуждается в словах. Бывает, что [человек] говорит всю жизнь, а ничего не скажет. Бывает, что всю жизнь не говорит, а все скажет. Бывает, что [имеет] свое [мнение] о возможном и невозможном, свое [мнение] об истинном и неистинном. Почему истинно? Истинно оттого, что истинно. Почему неистинно? Неистинно оттого, что неистинно. Почему возможно? Возможно оттого, что возможно. Почему невозможно? Невозможно оттого,

что невозможно. В вещах, конечно, есть истинное, в вещах, конечно, есть возможное. Нет вещи без истинного, нет вещи без возможного. Но кто же способен овладеть этим надолго без речей, всегда новых, как [вино] из чарки, совпадающих с естественным началом? [Вся] тьма вещей делится на роды, вещи заменяют одна другую от начала до конца, будто по кругу [лишь] в различной [телесной] форме. Их закона не уловить. Это называется равновесием природы. Равновесие природы и есть естественное начало.

Чжуанцы сказал Творящему Благо:

— Конфуций проповедовал шесть десятков лет, а в шестьдесят лет изменился. То, что вначале [объявлял] истинным, под конец объявил ложным. [Он] еще не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет то, что называет ныне истинным?!

— Конфуций полон желания трудиться, [он] преклоняется перед знаниями,— сказал Творящий Благо.

— Конфуций от этого отказался, но о своем отказе еще не говорил,— сказал Чжуанцы.— Слова Конфуция гласят: «Ведь [человек] получает от великой основы свои способности, а затем и разум, чтобы родиться. [Когда] поет, должен соблюдать тон, [когда] говорит, должен соблюдать правила. [Если я] пекусь о пользе и справедливости, то любовью и ненавистью, истинным и ложным покоряю лишь людские уста; а чтобы покорить людские сердца, должен решиться им противостоять и [тогда] определить установления Поднебесной. Увы! Увы! Ведь мне этого не достичь».

Цзэнцзы дважды служил, и чувства [его] дважды менялись. [Он] сказал:

— Я служил при жизни родителей, [получал лишь] три *фу*, а сердце радовалось. Потом получал три тысячи *чжунов*², но не посылал [родителям], и сердце мое печалилось.

Ученики спросили у Конфуция:

— Можно ли такого, как Цзэнцзы, считать невиновным в корысти?

— Была корысть. Разве свободный от корысти предавался бы печали? Такой смотрел бы на три *фу* или три тысячи *чжунов*, как пташка на пролетающего перед ней комара.

Странник Красоты Совершенной сказал Владеющему Своими Чувствами из Восточного предместья:

— С тех пор как я слушаю ваши речи, за первый год стал безыскусственным; за второй год [научился] следовать [за другими]; за третий год — постигать [других]; за четвертый год — уподобляться [вещам]; за пятый приблизился; за шестой год [постиг] разумом сообщения [чувств]³; за седьмой год завершил [объединение]

с природой; за восьмой год забыл о смерти, забыл о жизни; за девятый год [постиг] великое мельчайшее.

При жизни действуют и умирают.

— Действительно ли это так? — [спросил] Советующий⁴. — [Тогда] для смерти есть причина, а для жизни, [силы] жара нет причины. Как же может [в одном] быть причина? Как же может [в другом] не быть причины? У неба есть число периодов, на земле есть [местности], занятые человеком. Где же мне ее искать? Не ведаю, где она кончается. Разве в таком случае для нее нет предопределения? Не ведаю, когда она начинается. Разве в таком случае для нее есть предопределение? [Если] есть отклики, разве [можно считать, что] нет душ предков? [Если] нет откликов, разве [можно считать, что] есть души предков?

Многие Полутени спросили у Тени:

— Почему раньше вы смотрели вниз, а теперь смотрите вверх; раньше собирали волосы в пучок, а теперь распустили; раньше сидели, а теперь встали; раньше двигались, а теперь остановились?

Тень ответила:

— Зачем спрашиваете о мелочах? [Просто] двигаюсь. Я этим обладаю, но почему, не ведаю. Я, быть может, подобна сброшенной змеиной коже, линовищу цикады, но, быть может, [им] и не подобна. В темноте и ночью я исчезаю, днем и при огне появляюсь. Не от них ли я завишу? А [они] еще от чего-то зависят? Они приходят, и я с ними прихожу, они уходят, и я с ними ухожу. Они [зависят от] сильного света, и я — от сильного света. [Если это] сильный свет, то зачем же [у меня] спрашивать?

Ян Цзыцзюй на юге достиг [местности] Пэй, [и когда] Лаоцзы, странствуя на запад, пришел в Цинь, встретил его на подступах — в Лян.

Посредине дороги Лаоцзы подъял взор к небу и вздохнул:

— Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же [вижу], что нельзя.

Ян Цзыцзюй промолчал. [Когда же] вошли в харчевню, [Ян Чжу] подал [Лаоцзы] воды для умывания и полоскания рта, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверьми, подполз к нему на коленях и заговорил:

— Недавно [мне], ученику, хотелось попросить у учителя [объяснения], но не осмелился, ибо учитель шел без отдыха. Ныне же есть свободное время, дозвоьте [мне] задать вопрос: в чем моя вина?

— У тебя самодовольный взгляд, хвастливый взгляд. С кем сумеешь жить вместе? [Ведь и] «чистейшая белизна кажется за-

пятнанной, совершенное достоинство кажется недостаточным!» — ответил Лаоцзы.

— Почтительно слушаюсь! — сказал Ян Цзыцзюй со всем уважением, изменившись в лице.

Прежде в харчевне [Ян Чжу] приветствовали жильцы, хозяин приносил [ему] циновку, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали [место] на циновке, гревшиеся давали [место] у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за [место] на циновке.

Глава 28

ПЕРЕДАЧА ПОДНЕБЕСНОЙ

Высочайший уступал Поднебесную Никого не Стесняющему, но тот [от нее] отказался. Тогда [Высочайший] предложил [ее] Цзычжоу Отцу Устоявшему¹. И Отец Устоявший молвил:

— Стать мне Сыном Неба? Это, пожалуй, возможно. Только хворь меня одолела, излечиться нужно, править Поднебесной [мне] недосуг. Не говоря уже о другом, хоть Поднебесная и важна, но не губить же за нее собственную жизнь.

Доверить Поднебесную можно лишь тому, кто не будет жаждать управлять Поднебесной.

Ограждающий уступал Поднебесную Цзычжоу Дяде Устоявшему. И Дядя Устоявший молвил:

— Хворь меня одолела, излечиться нужно, править Поднебесной [мне] недосуг. Поднебесная, конечно, предмет огромный, но жизнь свою на нее не променяю.

Вот этим-то и отличаются от обычных людей те, кто владеют путем.

Ограждающий уступал Поднебесную Умеющему Свернуться, а тот молвил:

— Я стою в центре пространства, в центре времени. Зимой одеваюсь в шкуры, летом — в тонкую ткань из травы. Весной пашу и сею, даю телу потрудиться, осенью собираю урожай, даю телу отдохнуть. С восходом начинаю трудиться, с заходом — отдыхать. Среди неба и земли [мне] привольно, в сердце, в мыслях — доволен собой. Что мне делать с Поднебесной? Увы! Плохо ты меня знаешь!

Отказавшись от [Поднебесной, он] тут же ушел, удалился далеко в горы, а куда — неведомо.

Ограждающий уступал Поднебесную своему другу, Земледельцу из Каменных дворов². И молвил Земледелец:

— [Я] от своего хозяйства устал, [ведь я] муж, отвечающий за сильных работников³. За твоими достоинствами, Ограждающий, [мне] не угнаться.

И тут они с женой взвалили [пожитки] на плечи, на голову, взяли за руки детей, ушли к морю и до конца жизни не вернулись.

Великий государь Отец Верный⁴ жил в Бинь, и на него напали Люди-Олени. [Отец Верный] поднес им шкуры и шелка — не приняли; поднес им собак и коней — не приняли; поднес им жемчуг и нефрит — не приняли. Люди-Олени требовали землю. [И тут] великий государь Отец Верный сказал:

— Слышал я, что нельзя губить народ из-за [земли, которая] служит ему для прокормления. Мне не вытерпеть, [когда] сосед старшего брата убивает младшего; [когда] сосед отца убивает сына. Все вы заставляете [меня остаться здесь] жить. Какая [для вас] разница служить мне или Людям-Оленям?

Тут [он] взял кнут, [оперся о] посох и пошел. Народ цепью последовал за ним. Затем [они] создали царство под горой Двуглавой. Вот великого государя Отца Верного можно назвать уважающим жизнь. Тот, кто способен уважать жизнь, даже будучи знатным и богатым, не станет губить себя из-за того, что служит [ему] для прокормления, даже будучи бедным и презренным, не станет навлекать на свое тело [опасность] ради выгоды. В нынешнем же мире тот, кто занимает высокий пост, обладает почетным рангом, ценит это, [боясь] потерять; а завидя выгоду, легкомысленно губит свое тело. Разве это не заблуждение?!

Жители Юэ убили [одного за другим] трех царей. Царский сын... <знак отождествлению не поддается>⁵ в страхе бежал в Красные пещеры. Юэсцы, оставшись без царя, долго его искали, не нашли, и [наконец] отправились за ним в Красные пещеры. Царский сын... не пожелал [к ним] выйти. [Тогда] юэсцы [подожгли] полынь, выкурили его [из пещеры] и возвели на царскую колесницу. Взявшись за вожжи, царский сын... взошел на колесницу, возвел очи к небу и, вздохнув, воскликнул:

— О! [сан] царя! О! [сан] царя! Отчего не миновал [ты] меня!

Не из ненависти к [сану] царя [говорил так] царский сын... а из страха перед [грозившей] ему бедой. Такой, как царский сын... можно сказать, не стал бы губить [свою] жизнь ради царства. Потому-то юэсцы и желали поставить его [своим] царем.

[Царства] Хань и Вэй спорили друг с другом из-за захваченной земли. Учитель Хуацзы встретился с [царем] Чжаоси⁶, который выглядел опечаленным и ему сказал:

— [Предположим], ныне перед [Вами], государь, высеченное на камне предание Поднебесной, которое гласит: «Возьмешь [спорную] землю левой рукой — правую потеряешь, возьмешь [спорную] землю правой рукой — левую потеряешь. Однако же, взяв [спорную] землю, овладеешь [всею] Поднебесной». Взяли бы [Вы] ее, государь?

— [Я], единственный, не взял бы,— ответил Чжаоси.

— Прекрасно,— сказал учитель Хуацзы.— Отсюда видно, что две руки важнее, чем [вся] Поднебесная, а тело важнее, чем обе руки. А ведь [царство] Хань намного меньше [всей] Поднебесной, оспариваемая же ныне [земля] намного меньше [царства] Хань. [Вам], государь, конечно, не следует подобной скорбью ранить тело и губить жизнь.

— Прекрасно! — воскликнул царь Чжаоси — Многие учили [меня], единственного, но таких речей [мне] еще не удавалось слушать. Можно сказать, что учитель Хуацзы познал [соотношение] важного и неважного.

Прослышав о том, что Янь Врата Бытия⁷ овладел путем, лусский царь не замедлил отправить [к нему] гонца с шелком [в дар]. Янь Врата Бытия жил в грязной деревеньке, одевался в холст из пеньки, сам кормил и поил буйвола. Янь Врата Бытия вышел к гонцу лусского царя и тот спросил:

— Это дом Яня Врата Бытия?

— Это дом Врата Бытия,— отвечал Янь.

Гонец поднес шелк, но Янь Врата Бытия молвил:

— Боюсь, что [Вы] не поняли приказа и это могут Вам поставить в вину. Не лучше ли проверить?

Гонец возвратился [к царю], проверил, и когда явился снова, уже не нашел Яня.

Подобные Яню искренне ненавидят богатство и знатность. Недаром говорят: «Истина пути в том, чтобы совершенствоваться самому, все остальное лишь сор — и [управление] царством, и управление Поднебесной». Вот почему мудрый считает бесполезными заслуги предков и [древних] царей, [они] не нужны ни для самосовершенствования, ни для сохранения жизни. Разве не прискорбно, что ныне многие цари, [погрязнув] в пошлости, жертвуют жизнью ради вещей! Мудрому же надлежит выяснить [причины], почему это происходит, почему так действуют. А ныне известен случай, когда жемчужиной суйского царя⁸ сбили из арбалета птичку на высоте в тысячу жэней. Не смешно ли, что [бесценное] сокровище использовали для достижения столь ничтожной [цели]? Так разве жизнь не важнее сокровища суйского царя?

Учитель Лецзы попал в нужду и отошал от голода. [Какой-то] гость поведал об этом чжэнскому царю Цзыяну.

— Разве государь,— спросил он,— не прослышет врагом мужей, если постигший учение муж — Ле Защита Разбойников, бедствует в вашем царстве?

Чжэнский Цзыян тотчас велел служителю одарить Лецзы просом.

Учитель вышел к посланцу, дважды поклонился, но [проса] не принял. Посланец удалился.

Лецзы вошел [в дом]. Жена посмотрела на него, стала бить себя в грудь и сказала:

— Слышала [я], что семья человека, постигшего учение, обретает покой и радость. Мы же отощали от голода. Царь дарит [вам], преждерожденному, зерно. Разве это не судьба? А [вы], преждерожденный, отказываетесь!

Учитель Лецзы улыбнулся и ответил:

— Царь шлет в подарок просо, а сам меня не видел, знает обо мне лишь с чужих слов. Так с чужих слов он обвинит меня и в преступлении. Вот почему я не принял [дара].

А народ и вправду восстал и прикончил Цзыяна.

[Когда] царь Чу Светлейший⁹, лишился своего царства, за ним последовал мясник, забивающий овец, Рассуждающий¹⁰. Вновь обретя царство, государь стал награждать всех, кто не покинул его [в беде]. [Очередь] дошла и до мясника.

— Великий государь лишился царства,— сказал Рассуждающий,— и [я] лишился скотобойни. [Ныне] Великий государь вновь обрел свое царство, и [я], Рассуждающий, вновь обрел [свою] скотобойню. Так, ко [мне, Вашему] слуге, вернулись и ранг, и жалованье. Какая же [мне] еще нужна награда?

— Заставить его [принять награду,— передал в] ответ государь.

— Не по [моей, Вашего] слуги, вине великий государь лишился царства,— сказал Рассуждающий,— поэтому [я] не смею принять казни. Не [моя] заслуга в том, что великий государь вновь обрел царство, поэтому не смею принять и награды.

— Привести его [ко мне], — велел царь.

— По законам царства Чу предстать перед [царем] можно лишь получив награду за важные заслуги. Ныне же у [меня, Вашего] слуги, нехватает знаний, чтобы сохранить царство; нехватает смелости, чтобы принять смерть [в бою] с разбойниками. После вторжения армии [царства] У в [столицу] Ин, [я], Рассуждающий, в страхе бежал от разбойников, а не последовал за [Вами] намеренно, великий государь. Ныне же [Вы], великий государь, желаете, чтобы я, Рассуждающий, предстал [перед Вами]. О [таком] нарушении закона и [клятвенного] договора¹¹ в Поднебесной [мне, Вашему] слуге, еще не приходилось и слышать.

Царь обратился к Конюшему Владеющему Своими Чувствами¹² со словами:

— Мясник Рассуждающий звания весьма презренного, а суждения имеет весьма высокие. Передай ему от моего имени, чтобы занял место среди Трех великих мужей¹³.

И велел мясник передать царю:

— Я знаю, насколько место среди Трех великих мужей почетнее моего прилавка на рынке. Мне также известно, во сколько раз жалованье в десять тысяч *чжунов* больше прибыли мясника. Но

если [я] посмею кормиться от [такого высокого] ранга и жалования, моего государя станут называть безумно расточительным. Лучше мне вернуться на рынок, забивать овец.

Так [мясник] и не принял [награды].

Юань Сянь жил в Лу за круглой оградой в доме, крытом соломой, проросшей травой. Поломанные двери из хвороста держались на тутовых ветках, окном служило горлышко [разбитого] кувшина. Заткнув окна сермягой, [он и жена] сидели выпрямившись и перебирали струны в своих комнатах, протекавших сверху и отсыревших снизу.

К Юань Сяню приехал в гости Цзыгун на запряженной рослыми конями колеснице с высоким передком, которая не смогла втиснуться в переулке. Цзыгуна, одетого в нижнее лиловое и верхнее белое платье, встретил у ворот Юань Сянь в шапке из бересты, в соломенных сандалиях, опираясь о посох из белой мари¹⁴.

— Ах! — воскликнул Цзыгун. — Не заболели ли [Вы] прежде-рожденный?

— Ныне [я], Сянь, не болен, а беден, — ответил Юань Сянь. — [Я], Сянь, слышал, что больным называют того, кто не способен осуществлять своего учения; а бедным того, кто не имеет богатства.

Цзыгун, пристыженный, остановился в нерешительности, а Юань Сянь, усмехаясь, сказал:

— Действовать в надежде на [похвалу] современников, сблизиться со всеми и заводить друзей, учиться [самому] для других, а поучать [других] для себя, прикрываясь милосердием и справедливостью, украшать колесницу и коней — вот то, чего [я], Сянь, не могу терпеть¹⁵.

Цзэнцзы жил в [царстве] Вэй, одевался в посконный халат без верхнего платья. Лицо [его] опухло, руки и ноги покрылись мозолями. По три дня не разводил огня, по десять лет не шил себе одежды. Поправит шапку — кисти оторвутся, возьмется за ворот — локти обнажатся, схватится за соломенные сандалии — задники оторвутся. [Но], шаркая сандалиями, [он] распевал шанские гимны, и голос его, подобный звону металла и камня, наполнял небо и землю. Сын Неба не обрел [в нем]¹⁶ слуги, правители не обрели друга, ибо воспитывающий волю забывает о [телесной] форме, воспитывающий [телесную] форму, забывает о выгоде, постигший же путь забывает о сердце.

Конфуций сказал Янь Юаню:

— Подойди, Хой! Семья [у тебя] бедная, состояние низкое. Почему не идешь служить?

— Не хочу служить,— ответил Янь Юань.— У [меня], Хоя, за городской стеной поле в пятьдесят *му*, [урожая] хватает на кашу, внутри городской стены поле в десять *му*, хватает и шелка и пеньки. Игрой на *цине* достаточно себя веселю; учения, **воспринятого** у [Вас], учитель, достаточно для наслаждения. [Я], Хой, не хочу служить.

Конфуций, изменившись в лице, печально сказал:

— Как прекрасны [твои] мысли, Хой! [Я], Цю, слышал, что умеющий довольствоваться [малым], не станет отягощать себя из-за выгоды; что не страшится утратить ее тот, кто способен удовлетвориться собой; что тот, кто совершенствует в себе внутреннее, не стыдится остаться без службы. Об этом [я] давно твердил, а нынче увидел это в [тебе], Хой. Это и есть [мое], Цю, приобретение.

Царевич Моу из Срединных гор спросил у Чжаньцзы:

— Как мне быть? Телом скитаюсь по рекам и морям, а сердцем пребываю у дворцовых ворот в Вэй.

— Цени жизнь,— ответил Чжаньцзы.— Кто ценит жизнь, презирает выгоду.

— Знаю это,— ответил царский сын Моу,— да еще не могу с собой совладать.

— Не можешь с собой совладать,— сказал Чжаньцзы,— тогда следуй <за своими страстями>. Разума не повредишь. Помешать следовать <за своими страстями> тому, кто не может с собой совладать,— значит нанести [ему] двойную рану. Человеку же с двойной раной, не [войти] в число долголетних.

Моу был сыном вэйского царя, [владевшего] тьмой колесниц. [Ему] было труднее скрыться в пещере на высокой скале, чем мужу в холщовой одежде¹⁷. Хотя [он] не достиг пути, но, можно сказать, имел о нем представление.

Терпя бедствие между Чэнь и Цай, Конфуций семь дней оставался без горячей пищи, [питался] похлебкой из лебеды, не заболтанной мукой. Выглядел очень изнуренным, но пел в комнате, [подыгрывая себе] на струнах.

Янь Юань собирал овощи, а Цзылу и Цзыгун заговорили между собой:

— Учителя дважды изгоняли из Лу, [он] заметал следы в Вэй, [на него] свалили дерево в Сун, [он] терпел бедствие в Шан и Чжоу, был осажден между Чэнь и Цай. Того, кто убьет учителя, не обвинят в преступлении; тот, кто оскорбит учителя, не нарушит запрета¹⁸. [А он] все еще продолжает петь и играть на *цине*. Может ли благородный муж быть настолько бесстыдным?

Ничего не возразив, Янь Юань вошел к Конфуцию и [обо всем ему] передал. Конфуций оттолкнул *цин*, глубоко вздохнул и сказал:

— [Оба они], Ю и Сы,— ничтожные люди! Позови их, я им объясню.

[Когда] Цзылу и Цзыгун вошли, Цзылу произнес:

— Вот это можно назвать безвыходным положением!

— Что это за слова? — ответил Конфуций.— Постичь учение, вот что называется удачей для благородного мужа. Зайти в тупик в учении, вот что называется безвыходным положением. [Если], храня учение о милосердии и справедливости, [я], Цю, ныне встретился с бедствиями смуты, о каком безвыходном положении может идти речь? Поэтому тот, кто исследует [свое] внутреннее, не зайдет в тупик в учении, не утратив своих добродетелей перед лицом опасности. Лишь когда настают холода и выпадает иней, мы узнаем красоту вечнозеленых сосен и кипарисов. Бедствие между Чэнь и Цай — да, для [меня], Цю, это счастье!

Конфуций снова взялся за *цин*, стал перебирать струны и петь. Цзылу поднял щит и с воинственным [видом] стал танцевать, а Цзыгун сказал:

— Насколько высоко небо, насколько низка земля — я не ведаю. А вот те, кто в древности обрел учение, радовались и в беде, радовались и при удаче. [Их] радость не зависела ни от беды, ни от удачи. Если есть учение и добродетель, тогда удача и неудача чередуются так же, как холод и жара, ветер и дождь. Поэтому Никого не Стесняющий радовался на южном берегу Ин, а Гун Бо был доволен собой на вершине [горы] Гун¹⁹.

Ограждающий уступал Поднебесную своему другу, Северянину не допускающему выбора²⁰, и тот сказал:

— Удивительный [Вы], государь, человек! Жили посреди орошаемого поля, а прогуливались в воротах Высочайшего. И это еще не все! Еще хотите осквернить и меня своими позорными поступками. Мне стыдно на вас смотреть!

И он бросился в пучину реки Цинлин.

Собираясь идти походом против Разрывающего на Части, Испытующий стал советоваться со Вспыльчивым Суем²¹. Вспыльчивый же сказал:

— Не мое дело.

— С кем же можно [посоветоваться]? — спросил Испытующий.

— Я не знаю,— ответил Вспыльчивый.

Тогда Испытующий стал советоваться с Омраченным Светом. Омраченный Свет сказал:

— Не мое дело.

— С кем же можно [посоветоваться]? — спросил Испытующий.

— Я не знаю,— ответил Омраченный Свет.

— А каков Найденный на реке Инь? — спросил Испытующий.

— Подвергнувшись насилию стерпит позор,— ответил Омраченный Свет.— О прочем не ведаю.

Тогда Испытующий, посоветовавшись с Найденным на реке Инь, пошел походом против Разрывающего на Части, и его победил.

[Тут он] стал уступать [Поднебесную] Вспыльчивому. Отказываясь, тот сказал:

— [Вы], правитель, перед походом против Разрывающего на Части, [просили] моего совета, хотели выдать меня за бунтовщика. Победив Разрывающего на Части, уступаете мне [Поднебесную], желая выдать меня за алчного. Я родился во времена смуты, но я не могу больше терпеть, когда человек без пути дважды оскверняет меня своими позорными поступками!

И тут Вспыльчивый бросился в воды [реки] Чжоу и утонул.

Испытующий стал тогда уступать [Поднебесную] Омраченному Свету и сказал:

— Этот [поход] советовал знающий, его выполнил воинственный, милосердный же станет заселять Поднебесную — таковое учение древних. Почему бы [Вам], мой учитель, не встать [на трон]?

Отказываясь, Омраченный Свет сказал:

— Свергнуть высшего — нарушить долг; убивать народ — нарушить милосердие. [Если] другой, рискуя, шел на преступление, мне пожинать его выгоду — значит стать бесчестным. Я слышал, что «нельзя принимать жалованье от того, кто нарушил свой долг; нельзя ступать на ту землю, где царствует [человек] без пути», а тем более [позволять] почитать себя! Я не могу больше этого терпеть!

И, взяв камень, Омраченный Свет погрузился в воды [реки] Лу.

В старину, [когда] возвысилось [царство] Чжоу²², в [царстве] Одиноким бамбук жили два мужа, [одного] звали Старший дядя Ровный, [другого] — Младший дядя Равный. Они сказали друг другу:

— Мы слышали, будто кто-то на Западе постиг учение, попробуем сходить [на него] поглядеть.

[Когда они] прибыли к южному склону [горы] Двуглавой, о них услышал царь Воинственный и послал Чжоу-гуна с ними повидаться, а также заключить клятвенный союз со словами: «Примите должность первого ранга, жалованье увеличу на два ранга. Заколем жертвенное животное и его закопаем»²³.

Поглядев друг на друга, оба мужа усмехнулись и сказали:

— Вот странно! Это не то, что мы называем учением. В старину, [когда] Священный Земледелец владел Поднебесной, [он] своевременно со всем уважением приносил жертвы, но не молил о счастье. И людям [он] был предан, полон доверия, все приводил

в порядок, но ничего не просил. Те, кому нравилось вместе [с ним] управлять, управляли; кому нравилось вместе [с ним] наводить порядок, наводили порядок. [Но он] не создавал себе славы с помощью чужих пороков; не возвышал себя низостью других; не обогащался, пользуясь удобным случаем. Ныне же чжоусцы, увидев смуту у иньцев, спешат взяться за управление. Против высших плетут заговоры, низших подкупают. Опираясь на оружие, поддерживают страх. Выдают за доверие клятву о союзе с заключением жертвенного животного. Превозносят [собственные] поступки, чтобы уговорить толпу. Убивают и карают ради выгоды. Это означает свергнуть смутьяна, чтобы заменить [его] деспотом. Мы слышали, что мужи древности во времена порядка не уклонялись от своих обязанностей, но не [держались за них] для того лишь, чтобы влачить существование во времена смуты. Ныне же Поднебесная во мраке, добродетель чжоусцев в упадке, и стать рядом с ними означает запачкаться самим. Лучше от этого уклониться и сохранить свое достоинство.

Оба брата пошли на север на гору Первого Солнца, где и умерли от голода.

Такие мужи, как Старший Ровный и Младший Равный, не станут опираться на богатство и знатность, добытые нечестным путем. [Столкнувшись с] жестокостью в поступках [при своем] высоком сознании долга, [они] наслаждались лишь своими стремлениями и не служили миру. Таков [был] нравственный долг этих двух мужей.

Глава 29

РАЗБОЙНИК ЧЖИ

У Конфуция был друг Цзи под Ивой¹, младшего брата которого звали Разбойник Чжи. За Разбойником Чжи следовало девять тысяч удальцов. [Они] бесчинствовали по [всей] Поднебесной, нападали на правителей и убивали их, прорывались через стены и двери, угоняли чужих буйволов и коней, уводили чужих жен и дочерей. В жадности забывали о [собственной] родне, не заботились о родителях и братьях, не приносили жертв предкам. В местностях, по которым [они] проходили, [жители] крупных царств оборонялись за стенами городов, [жители] малых царств укрывались за [стенами] селений. От разбойников страдал весь народ.

Обратившись к Цзи под Ивой, Конфуций сказал:

— Тот, кого называют отцом, должен уметь наставить своего сына; тот, кого называют старшим братом, должен уметь научить младшего. Если отец не способен наставить своего сына, а старший брат не способен научить младшего, то [они] не уважают родства между отцом и сыном, между старшим и младшим братом. Ныне

[Вы], Пржедерожденный, достойный муж среди современников, а [Ваш] младший брат, Разбойник Чжи,— пагуба всей Поднебесной, и [Вы] не способны [его] научить. [Я], ничтожный Цю, стыжусь за [Вас], Пржедерожденного. Разрешите отправиться к нему и вместо [Вас], Пржедерожденного его усовестить.

Цзи под Ивой ответил:

— [Вы], Пржедерожденный, говорите, что тот, кого называют отцом, должен уметь наставить своего сына; тот, кого называют старшим братом, должен уметь научить младшего. Но если сын не слушает наставлений отца, а младший брат не принимает поучений старшего? Что можно поделать даже при [таком] красноречии, [каким] ныне владеете [Вы], Пржедерожденный? Да ведь что за человек Чжи! Сердце — точно бьющий фонтаном источник, мысль — будто смерч, силы хватит, чтобы справиться с [любым] врагом, а красноречия — приукрасить [любое] злодеяние. Угодите ему — обрадуется, станете ему перечить — разгневается. [Ему] легко оскорбить другого словами. [Вы], Пржедерожденный, не должны [к нему] отправляться.

Конфуций не послушался и отправился к Разбойнику Чжи с Янь Юанем — возничим и Цзыгуном — помощником.

В это время Разбойник Чжи расположив на отдых свою ватагу на солнечном склоне горы Великой, резал человеческую печень² и кормил всех ужином.

Конфуций спустился с повозки, [пошел] вперед и, встретившись с Дозорным, произнес:

— [Я], лусец Кун Цю, прослышал о высокой справедливости военачальника.

[Он] двукратно почтительно поклонился Дозорному, и тот пошел с докладом.

Выслушав Дозорного, Разбойник Чжи сильно разгневался: глаза засверкали, словно звезды, волосы встали дыбом, подняв шапку, и он сказал:

— Не тот ли это Кун Цю, искусный лжец из царства Лу? Передай ему от меня: «Ты сеешь ложь, разносишь клевету, безрассудно восхваляешь [царей] Прекрасного и Воинственного; носишь шапку, разукрашенную ветками, словно дерево, опоясываешься шкурой с дохлого быка. [Ты] слишком много разглагольствуешь об ошибочном учении, не пашешь, а ешь; не ткешь, а одеваешься³. Слепая губами и молотя языком, [ты] по собственному произволу решаешь, где правда, а где ложь, чтобы вводить в заблуждение владык Поднебесной, чтобы мудрые мужи Поднебесной не занимались своим делом. В безрассудстве выдумал сыновнее почтение, братское повиновение и домогаешься удачи у правителей, у богатых и знатных. Преступления твои тяжкие. Скорее уходи, а не то я добавлю твою печень к нашей сегодняшней трапезе».

Конфуций снова [просил] доложить, сказав:

— [Я], Цю, удостоился благоволения [Вашего брата] Цзи под Ивой и хочу взглянуть [на землю] под [Вашими] ногами.

Дозорный снова доложил, и Разбойник Чжи [передал] в ответ:

— Пусть подойдет.

Конфуций поспешил войти. Он отступил, обходя циновку, и двукратно поклонился Разбойнику Чжи.

Разбойник Чжи пришел в ярость, глаза [у него] загорелись огнем. Широко шагнув, он схватился за рукоять меча и прорычал, словно кормящая тигрица:

— Подойди, Цю. Если [твои] слова придутся мне по душе — будешь жить, не придутся — умрешь!

— [Я], Цю, слышал, — заговорил Конфуций, — что в Поднебесной существуют три добродетели. [Если человек] вырастает высокий, не встречает равного себе красотой, [если], любясь на него, радуются и стар и мал, и благородный и презренный, [то он] обладает высшей добродетелью. [Если человек] своими познаниями объемлет небо и землю, способен красноречиво рассуждать обо всем, [то он] обладает средней добродетелью. [Если человек] отважен и решителен, собирает вокруг себя толпы и ведет воинов, [то он] обладает низшей добродетелью. Одной из этих добродетелей уже достаточно, чтобы встать лицом к югу и назвать себя единственным. Ныне [Вы], военачальник, обладаете всеми тремя одновременно. Рост восемь *чи* и два *цуня*, от глаз и лица исходит блеск, губы — чистая киноварь, зубы — ровный [перламутр] раковин, голос, словно медный колокол, а называетесь [Вы] — разбойник Чжи. [Мне], ничтожному Цю, стыдно за [Вас], военачальник. Если у [Вас], военачальник, есть желание выслушать [меня, своего) слугу, то [я, Ваш] слуга, прошу разрешения посетить послом на юге У и Юэ, на севере Ци и Лу, на востоке Сун и Вэй, на западе Цзинь и Чу. [Я их] склоню построить для [Вас], военачальник, стену [длиной] в несколько сот *ли*, основать город в сотни тысяч дворов и почитать [Вас], военачальник, как правителя. Вместе со [всею] Поднебесной [Вы] обновитесь, прекратятся сражения, отдохнут воины. Соберете своих братьев, будете их кормить и приносить жертвы предкам. Таким должно быть поведение мудрого и талантливому мужа, таково желание [всею] Поднебесной.

— Подойди, Цю, — в великом гневе ответил Разбойник Чжи. — Все, кого можно прельстить и соблазнить выгодой, глупы и невежественны. [Если] ныне [я] вырос высоким и красивым, и люди, любясь на меня радуются, так это достоинство, переданное мне отцом и матерью. Разве я [о нем] не знал бы, если бы [ты], Цю, меня не прославил? Да притом я слышал, что любитель превозносить человека в лицо не прочь поносить [его] за спиной. Ныне [ты], Цю, посулил мне собрать народ за большой стеной. Соблазняя меня выгодой, разложил приманку, как невежде. Но разве [царства] долговечны? Нет царства большего, чем Поднебесная. Высочайший и Ограждающий владели Поднебесной, но у [их] сынов и внуков не стало земли — даже, чтобы воткнуть шило.

Испытующий и Воинственный воцарились в Поднебесной, но род [их] был прерван и истреблен. Не был ли тому причиной [соблазн] большой выгоды Поднебесной?

А еще я слышал, что в старину людей было мало, птиц же и зверей — множество. Чтобы спастись от них, люди селились тогда в гнездах. Днем собирали желуди и каштаны, а по ночам ютились на деревьях. Поэтому их и называли «Род Владеющих гнездами»⁴. В древности люди не знали одежды. Летом запасали побольше хвороста, а зимой грелись у костра. Поэтому их и называли «Народ, Умеющий жить». Во времена Священного Земледельца процветали высшие свойства: человек спал спокойно, пробуждался довольный, знал свою мать, но не знал своего отца⁵, бродил вместе с оленями и лосями, пахал и кормился, ткал и одевался. Никто не хотел вредить другому. Однако Желтый Предок не сумел сохранить этих свойств — сражался с Красным Злодеем⁶ на равнине Чжолу, и кровь залила сотни *ли*. Высочайший и Ограждающий стали вершить дела и поставили много начальников. Испытующий изгнал своего государя, Воинственный убил Бесчеловечного. И с тех пор сильные помыкают слабыми, многочисленные угнетают малочисленных. Со времен Испытующего и Воинственного все стали приспешниками смутьянов.

А ныне ты насаждаешь путь Прекрасного и Воинственного, насаждаешь красноречие в Поднебесной, чтобы поучать потомков. В широком халате с узким поясом [ты] лицемерными речами и фальшивыми поступками, вводишь в заблуждение владык Поднебесной, домогаясь богатства и знатности. Нет большего разбойника, чем ты! Почему же в Поднебесной зовут разбойником меня, Чжи, а не тебя, Конфуций?

Своими сладкими речами ты уговорил Цзылу и заставил следовать за собой. Цзылу снял высокую шапку [храбреца], отвязал свой длинный меч и стал слушать твои поучения. Все в Поднебесной заговорили о том, что Конфуций-де способен остановить насилие и запретить злодеяние. А в конце концов, [когда] Цзылу захотел убить вэйского царя, да не сумел, тело его засолили [и выставили] на восточных воротах Вэй. Это ты виновен в его неудаче!

Не зовешь ли ты сам себя талантливым мужем, мудрецом? А [ведь] тебя дважды изгоняли из Лу, [ты] заметал следы [при бегстве] из Вэй, терпел бедствие в Ци, был осажден между Чэнь и Цай. Во всей Поднебесной тебе не нашлось места. Твое учение довело Цзылу до такой беды — [его] засолили! Разве стоит ценить твоё учение? [Оно] ничего не дает ни тебе самому, ни людям!

Никого в мире не возвышали так, как Желтого Предка. А он не сумел обрести целостных свойств: сражался на равнине Чжолу, и кровь залила сотни *ли*. Высочайший не был милостив к сыну. Ограждающий не был почитателен с отцом. Молодой Дракон наполовину иссох [телом]. Испытующий изгнал своего государя. Царь Воинственный пошел походом против Бесчеловечного. Царь Прекрасный был заключен в Юли. Этих шестерых мужей в мире

возвышали. [Если] же судить здраво, все они во имя выгоды вводили в заблуждение свою истинную [природу], насильствовали собственные чувства и характер. Их поведение было весьма постыдным.

Среди добродетельных мужей в мире называли Старшего Ровного и Младшего Ровного. А оба они отказались стать государями в [царстве] Одиноким бамбук, умерли от голода на горе Первого солнца, и тела их остались без погребения. Бао Цзяо⁷ приукрашивал [собственное] поведение и порицал современников, а умер, обхватив дерево. Наставник Олень, подав совет государю, не был выслушан, и, взяв камень, бросился в Реку, был съеден рыбами и черепахами. Цзе Цзытуй был самым преданным. [Он] отрезал [кусочек мяса] от своего бедра, чтобы накормить царя Прекрасного. [Когда же] Прекрасный от него отвернулся, Цзытуй в гневе ушел, и, обхватив дерево, сгорел. Вэй Шэн назначил встречу с девушкой под мостом, но она не пришла. Вода все прибывала, а [Вэй Шэн] не уходил и утонул, обхватив опору моста. Эти шестеро мужей, попав в сети славы, легкомысленно расстались с жизнью. [Смертью они] не отличались от пса, разорванного на куски, свиньи, унесенной течением, или нищего с его чашей для поданий. [Они] забыли об основном — о долголетьи.

Самыми верными слугами в мире называли царевича Щита и У Цзысюя. [Тело] Цзысюя утонуло в реке, у Щита вырезали сердце. Этих двух мужей в мире называли верными слугами, а в конце концов [над ними] смеялись [все] в Поднебесной. Ни один из тех, о ком говорилось ранее, включая Щита и [У] Цзысюя, не достоин уважения.

Чем же [ты], Цю, меня убедишь? Если делами загробными, то [их] я не могу знать; если делами людскими, то только теми, о которых я уже слышал. Теперь же я тебя наставляю с помощью человеческих чувств. Зрение [человека] влечет к красоте, слух — к музыке, уста — ко вкусному, воля — к полноте. Высший предел жизни сто лет⁸, средний предел — восемьдесят лет, низший предел — шестьдесят лет. А [если] исключить [время] болезней и страданий, смертей и утрат, горя и беды, так всего лишь четыре-пять дней за одну луну [человек] смеется, широко раскрыв рот. Небо и земля бесконечны, а для человека наступает время смерти. Ограниченное же во времени при сравнении с неограниченным подобно мгновенью, в которое скакун промелькнет мимо щели. Все те, кто не способен наслаждаться своими мыслями и желаниями, поддерживать жизнь многие годы, не понимают пути. Все, что [ты], Цю, говоришь, я отбрасываю. Побей скорее уходи, возвращайся к себе и больше об этом не заговаривай! [Ты] обманываешь и хитришь, фальшивишь и лицемеришь. Твое учение лживо. Разве [его] стоит обсуждать? [Оно] не может дать полноты истины.

Конфуций двукратно поклонился и поспешил удалиться. Вышел за ворота, поднялся на повозку, но трижды ронял вожжи. Глаза [ему] застилал туман, [он] ничего не видел, побледнел, словно

угасший пепел. Стоял, опершись о перекладину, повесив голову, и еле дышал.

На обратном [пути], у восточных ворот Лу, [они] встретили Цзи под Ивой, и тот сказал:

— Сейчас [Вы] в воротах, а несколько дней [Вас] не было видно. [Судя] по повозке и коням, [Вы] были в пути. Быть может, ездили повидаться с Чжи?

Конфуций возвел очи к небу и, вздохнув, ответил:

— Да.

— Не пошел ли Чжи против Вашей воли, как [я] предупреждал? — спросил Цзи под Ивой.

— Да, — ответил Конфуций. — Можно сказать, что [я], Цю, сделал себе прижигание, не будучи больным. Поспешил погладить тигра по голове, заплести [ему] усы и чуть было не попал к нему в пасть.

Цзычжан спросил [человека по прозвищу] Выгода Любой Ценой⁹:

— Почему [Вы] не стремитесь к [справедливости]? Без справедливости [Вам] не будут доверять, без доверия не получите службы, без службы не будет и выгоды. Справедливость — верное средство добиться славы и выгоды. А те мужи, что пренебрегают славой и выгодой, отвращаются от них в [своем] сердце, разве могут хоть один день обойтись в своих поступках без [справедливости]?

Выгода Любой Ценой ответил:

— Бесстыжий богатеет, болтливого прославляют. Доверие — верное средство добиться славы и выгоды. А те мужи, что пренебрегают славой и выгодой, отвращаются от них в [своем] сердце, не сохраняют ли в поступках свою природу?

— В старину Разрывающего на Части и Бесчеловечного чествовали как Сынов Неба, богатство их составляла [вся] Поднебесная, — сказал Цзычжан. — А ныне скажите стяжателю: «Ты действуешь подобно Разрывающему на Части и Бесчеловечному», и он устыдится, станет негодовать, — таких презирает даже мелкий люд. Конфуций и Мо Ди были бедны, как простолюдины. А ныне скажите жрецу, ведающему заклинанием жертвенных животных: «Вы действуете подобно Конфуцию и Мо Ди», и он побледнеет, смутится и скажет, что недостойн [такой похвалы]. Мужи [их] действительно чествуют. Так что облеченный властью Сына Неба не обязательно благороден, а бедняк, простолюдин не обязательно презрен. Деление на благородных и подлых в поступках — добрых или недобрых.

— Мелких воров — в темницы, крупных — в цари. У ворот царей и обретаются мужи, [ратующие] за справедливость. В старину Сяобо, царь Хуань, убил своего старшего брата и вошел к его жене, а Гуань Чжун стал [его] советником. Тяньчэн Цзычан убил

своего государя и украл [его] царство, а Конфуций принял [от него] в подарок шелк. В своих речах <Гуань Чжун и Конфуций> их осуждали, а в своих делах падали еще ниже, чем они. Разве это не противоречие? В их груди слова воевали с делами! Поэтому в преданиях и говорится: «Кто добрый? Кто недобрый? Победил — стал во главе, неудачник — остался в хвосте».

— [Если] вы не станете поступать [по обычаю], — сказал Цзычжан, — то не будет различия между родичами и чужими, не будет [сознания] долга у благородных и презренных, не будет порядка [в отношениях] между старшими и младшими. Как же тогда разбираться в пяти устоях и шести основах? ¹⁰

Выгода Любой Ценой ответил:

— Соблюдалось ли различие между родичами и чужими [когда] Высочайший убил своего старшего сына, а Ограждающий изгнал своего единоутробного младшего брата? Было ли [сознание] долга у благородных и презренных, [когда] Испытующий изгнал Разрывающего на Части, а Воинственный пошел походом на Бесчеловечного? Соблюдался ли порядок [в отношениях] между старшими и младшими, [когда] Ван Цзи ¹¹ взял власть, а Чжоугун убил своего старшего брата? Можно ли разобраться в пяти устоях и шести основах после конфуцианцев с их лицемерными речами и моистов с их всеобщей любовью? И притом ведь вы действуете воистину ради славы, а я действую воистину ради выгоды, а сущность славы и выгоды не согласуется с естественными законами, [ее] не найти в пути. [Попросим же] на днях рассудить нас с вами Свободного от Условностей ¹².

[Свободный от Условностей] сказал:

— Мелкий человек жертвует собой ради богатства, благородный муж — ради славы. То, от чего меняются их чувства, изменяется характер — различно, [но если бы] они бросили то, чем занимаются, и предались тому, чем не занимаются, стали бы одинаковыми. Поэтому и говорится: «Не будь мелким человеком, вернись к своему естественному началу; не будь благородным мужем, следуй естественным законам». И в кривом и в прямом увидишь высшее в природе. Наблюдая за всеми четырьмя сторонами, останавливайся вместе с временами года. И в истинном и в ложном держись середины круга. Совершенствуйся сам, думай и странствуй вместе с путем. Не предавайся [чему-либо] одному, не совершенствуйся в справедливости, и тогда оставишь свои деяния. Не гонись за богатством, не жертвуй собой ради совершенства, отбрось [все] и станешь естественным. У Щита вырезали сердце, у Цзысюя вырвали глаза, — до гибели [их довела] преданность. Прямой человек свидетельствовал против отца ¹³, Вэй Шэн утонул — до беды их довело доверие. Баоцзы стоял, [пока не] высох, Шэньцзы ¹⁴ не сумел оправдаться, — до беды их довела честность. Конфуций не виделся с матерью ¹⁵, Куан Чжан не встречался с отцом ¹⁶ — таковы изъяны справедливости. Все это передавалось из поколения в поколение, и считалось, что те мужи, которые [стреми-

лись] к правильным речам и соответствующим делам, попадали в беду и гибели.

Недовольный сказал Довольному¹⁷:

— Каждый человек в конце концов жаждет если не славы, так выгоды. Стоит человеку разбогатеть, и все к нему бегут, а придя, становятся ниже его и снизу его чествуют. Поэтому лезть низших и принимают за путь к долголетию, покою и наслаждениям. Ныне только вы один свободны от страстей. Разве [у вас] не хватает знаний? Или есть знания, но не хватает сил? Оттого и предаетесь поискам истины?

Довольный ответил:

— Ныне здесь есть человек, который считает, что мужи, родившиеся с ним в одно время и живущие с ним в одном селении, отрешились от пошлости и превзошли своих современников. [Но сам он] нисколько не думает постичь правильное [учение], чтобы обозревать древнее и современное, отделять истинное от ложного. Он изменяется вместе с дюжинными современниками, отказывается от самого важного, отбрасывает самое ценное, чтобы предаваться своим занятиям. Не далеко ли это от того, что сам он называет путем к долголетию, покою и наслаждениям? [Разве] жестокие страдания и безмятежный покой не отражаются на теле? [Разве] ужас испуга и радость веселья не отражаются на сердце? Он знает, что действует, но не знает, почему действует. Поэтому будь [он даже таким] почитаемым, как Сын Неба, владей он [таким] богатством, как Поднебесная, не сумел бы избежать беды.

— Богатство не бесполезно,— сказал Недовольный.— Предела красоты и власти не достичь ни настоящему человеку, ни добродетельному. [Он берет] отвагу и силу других, но не ради устрашения и насилия; принимает знания и советы других для изучения и понимания; прибегая к достоинствам других, становится добродетельным и добрым. Даже не владея царством, он величествен, как государь, как отец. Ведь, чтобы сердце наслаждалось музыкой, красотой, яствами, властью, человеку не нужно учиться; чтобы тело [наслаждалось] покоем, не нужно подражать образцам; чтобы любить и ненавидеть, [от чего-то] отказываться и [чего-то] домогаться, естественно, не требуется наставника,— такова человеческая природа. Кто же способен от этого отказаться, хотя бы [вся] Поднебесная его порицала?

— Поступки мудрого,— сказал Довольный,— вдохновляются народом, но не нарушают его мерила. Поэтому, имея достаток, не заводят тяжб, не действуют и [большого] не домогаются. [Когда же] нет достатка, то домогаются [большого], повсюду заводят тяжбы, но не считают себя жадными. [Те же, кто] обладает избытком и от него отказывается, бросает [управление] Поднебесной, но не считают себя бескорыстными. К бескорыстию или жадности не принуждают извне, напротив, их рассматривают как мерило. Облеченный властью Сына Неба не гордится перед другими своим

благородством. Его имущество — [вся] поднебесная, но [он] не пользуется своим богатством, чтобы посмеяться над другими. [Те же, кто] не принимает [поста] или [от него] отказывается, не ищут славы и похвал. Обдумав бедствия и неудачи, которыми он [грозит], находят [в нем] вред для своей природы. Высочайший и Ограждающий стали владыками, и воцарился мир. [Они] не облагодетельствовали Поднебесную, но и не загубили свою жизнь ради красоты. Умеющий Свернуться и Никого не Стесняющий могли стать владыками, но не приняли [поста]. Отказывались не лицемерно, [ибо] не [хотели] повредить себе делами. Оба они стремились к полезному для себя, отказываясь от вредного, а в Поднебесной [их] превознесли как добродетельных. Так могут обрести это название те, кто отнюдь не домогался славы и похвал.

— [Те, кто] во имя славы изнуряет свое тело, отказывается от наслаждений, ограничивает себя в пище, [лишь бы] поддержать жизнь, [обрекает себя] на длительные болезни и постоянную нужду вплоть до самой смерти,— сказал Недовольный.

— Счастье в умеренности, вред в излишествах,— сказал Довольный.— И так во всем, а особенно — в богатстве. А ныне богачи услаждают свой слух колоколами, барабанами, свирелями и флейтами; [они] объедаются [мясом] травоядных и хлебоядных животных, хмелеют от густого вина. Удовлетворяя свои прихоти, забывают о деле,— это ли не смута? Отягощенные изобилием, [они] будто взбираются на высоту с тяжелой ношей,— это ли не страдание? Жаждают богатства, а получают болезни; жаждут власти, а истощают свое тело. Пребывая в покое, [как бы] тонут [в пучине; когда] тело наливается соками, приходят в гнев,— это ли не болезнь? В погоне за богатством и наживой, набивают [все до отказа], ни о чем не желают слышать, ни [от чего] не хотят отступить; мчатся [все быстрее] не в силах остановиться,— это ли не позор? Богатство скапливается, его некуда девать; но [его] прижимают к груди и не могут [с ним] расстаться; сердце исполнено огорчений, но желания растут, [их] невозможно остановить,— это ли не горе? В собственном доме подозревают кражи, [в каждом] видят вора; выйдя из дома страшатся разбойников; дома [у них] окружены башнями и бойницами, за [стенами они] не осмеливаются ходить поодиночке,— это ли не страх?

Что может быть вреднее всех этих [пороков] в Поднебесной? А [об этом] все забывают, не пытаются разобраться и спохватываются лишь, когда придет беда. [И тогда], истощив [все свое] естество, [все] богатства, не вернут ни дня покоя. [Этого] не видят, ослепленные славой; не понимают — в погоне за выгодой. Так не заблуждение ли вся эта борьба, которая опутывает и тело, и мысли?!

ОТУЧИЛ ФЕХТОВАТЬ

Некогда царь Чжао Прекрасный¹ пристрастился к фехтованию. Фехтовальщики осаждали [его] ворота, и гостили у него по три тысячи человек и более. Днем и ночью перед дворцом происходили поединки. За год убивали и ранили больше сотни удальцов. Страсть же царя оставалась ненасытной.

Прошло три года. Царство [Чжао] стало приходить в упадок, [другие] цари начали строить против него козни. Сокрушаясь об этом, наследник Печальный собрал [всех придворных, чьи места] справа и слева, и спросил:

— Кто бы взялся отвратить царя от его страсти и положить конец [поединкам] фехтовальщиков? [Тому я] дал бы в награду тысячу золотом.

— [Это] под силу [только] Чжуанцзы,— ответили справа и слева.

Наследник отправил посланцев к Чжуанцзы, чтобы поднести [ему] тысячу золотом. Чжуанцзы золота не принял, [но] отправился вместе с посланцами и, представ перед наследником, спросил:

— Что повелит [мне] наследник, награждая [меня], Чжоу, тысячей золотом?

— Прослышав о [Вашей] проницательности и мудрости, учитель,— ответил наследник,— [я] почтительно поднес тысячу золотом на дары [Вашей] свите. Но разве осмелюсь [я] заговорить, [если Вы], учитель, [дар] отклонили!

— [Я] слышал,— сказал Чжуанцзы,— что [вы], наследник, хотите с [моей] помощью отвратить царя от [его] страсти. Предположим, что [я, Ваш] слуга, отговаривая высшего, государя, стану ему перечить, и для низшего, для [вас], наследник, не сумею уладить дело. Меня покарают смертью. К чему тогда [мне], Чжоу, золото? Предположим, что [я, Ваш] слуга, уговорю высшего, великого государя, улажу дело низшего, [Ваше] наследник. [Ведь тогда я] получу все, что бы ни пожелал в царстве Чжао!

— Верно! — молвил наследник.— Но наш государь допускает к себе только фехтовальщиков.

— Прекрасно,— ответил Чжуанцзы. — [Я] > отлично фехтую.

— Верно,— сказал наследник,— но у всех фехтовальщиков, которых принимает наш государь, волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, [чем спереди. У них] сердитый вид, а речь косноязычна. Такие-то царю и нравятся. [Если же] ныне [Вы], учитель предстанете перед государем в платье мыслителя, дело примет плохой оборот.

— Дозвольте [мне] приготовить себе костюм фехтовальщика,— попросил Чжуанцзы.

Через три дня, [Чжуанцзы] в костюме фехтовальщика встретился с наследником, и вместе [с ним] предстал перед царем.

Царь ожидал их, обнажив клинок.

Не спеша Чжуанцзы вошел в зал, а, глянув на царя, не поклонился.

— Если желаешь чему-нибудь меня обучить,— сказал государь,— покажи сначала [свое умение] наследнику.

— [Я, Ваш] слуга, слышал, что великому государю нравится фехтование, поэтому и предстал перед государем как фехтовальщик.

— Как ты управляешься с мечом? — спросил государь.

— Через [каждые] десять шагов, меч [в руке Вашего] слуги, разит одного человека, на тысяче *ли* не оставляет [в живых] ни одного путника.

— В Поднебесной [тебе] нет соперника! — воскликнул обрадованный царь.

— Хорошо бы [с кем-нибудь] помериться силами. Фехтуя [я], сделав ложный выпад, даю противнику [как будто] преимущество. [Но], нанося удар позже него, опережаю его в попадании.

— [Вы], учитель, [пока] отдохните! Ожидайте приказа в [своих] покоях. [Я] же велю устроить забаву и приглашу [Вас], учитель,— сказал царь.

Тут государь устроил состязание меченосцев, и за семь дней убитых и раненых оказалось более шестидесяти человек. Отобрав пять—шесть [победителей, царь] велел вручить [им] мечи возле дворца, а [сам] призвал Чжуанцзы и объявил:

— Сегодня испытаем, кто из мужей искуснее всех в фехтовании!

— Давно жду этого [дня],— ответил Чжуанцзы.

— Какова длина оружия, которым [Вы], учитель, будете сражаться? — спросил царь.

— Могу сражаться любым, который вручат [мне, Вашему] слуге,— ответил Чжуанцзы.— Но у [меня, Вашего] слуги, есть три меча. Буду драться [любым], только [по выбору] государя. Прежде чем испробовать, дозвольте [о них] рассказать.

— Готов выслушать [речь] о трех мечах,— согласился царь.

И Чжуанцзы [повел свой] рассказ:

— Первый меч — меч Сына Неба, второй — меч царский, третий — меч Удальца.

— Каков же меч Сына Неба? — спросил [его] царь.

— У меча Сына Неба лезвие от Ласточкиного Потока² до Каменной стены, острие — пик горы Преємства³ в [царстве] Ци, тупая сторона — от Цзинь до Вэй, чашка [эфеса] — Чжоу и Сун, рукоять — Хань и Вэй, в ножны вмещаются все варвары, все времена года; в перевязи — море Бохай, в портупее — гора Вечности. [С его помощью] обуздывают пять первоэлементов, определяют преступления и достоинства⁴, отделяют жар от холода, удерживают весну и лето⁵, вершат дела осенью и зимой⁶. Рубанешь этим мечем

прямо — никто перед [тобой] не устоит, взмахнешь вверх — никто вверху не удержится, вниз — никого внизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Вверху — рассечет плывущие облака, внизу перережет земные веси. Только пустишь меч в ход — наведешь порядок среди царей, и вся Поднебесная покорится. Таков меч Сына Неба!

— Каков же царский меч? — как в тумане, растерянно спросил царь Прекрасный.

— Лезвием царского меча служат мужи знающие и отважные; острием — мужи бескорыстные и честные; тупой стороной — мужи достойные и добрые, чашкой [эфеса] — мужи преданные и мудрые; рукоятью — мужи отваги и доблести. Рубанешь этим мечом прямо — никто перед [тобой] не устоит, взмахнешь вверх — никто вверху не удержится, вниз — никого внизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Наверху [он] уподобляется круглому Небу, чтобы послушны были [все] три [рода] светил, внизу уподобляется квадратной земле, чтобы послушны были времена года; в центре согласуется с желаниями народа, чтобы был покой во всех четырех сторонах. Только пустишь меч в ход — поразит словно удар грома, и каждый во [всех] четырех границах явится в одежде гостя⁸, чтобы повиноваться указам государя. Таков царский меч!

— Каков же меч удальца? — спросил царь.

— Меч удальца [для всех, у кого] волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, [чем спереди; у кого] сердитый вид, а речь косноязычна; [кто] вступает перед [Вами] в поединки, сверху — перерезает горло, перерубает шею, снизу рассекает печень и легкие. Таков меч удальца, что не отличается от драчливого петуха. Жизнь его может прерваться в любое утро. Для государственных дел [он] не годится. Ныне у [Вас], великий государь, пост Сына Неба, а пристрастились [Вы] к мечу удальца. [Мне, Вашему] ничтожному слуге, стыдно за [Вас], великий государь!

Царь повел [Чжуанцзы] за собой в зал, стольничий подавал кушанья, [но] все перемены царь трижды отсылал по кругу.

— Доклад о мечах закончен, — заметил Чжуанцзы. — Посидите в тишине, великий государь, успокойте [свое] дыхание.

После этого царь Прекрасный три месяца не покидал дворца, и все фехтовальщики, облачившись в траур, покончили с собой на своих местах.

Глава 31

РЫБОЛОВ¹

Прогуливаясь по роще Черный полог², Конфуций сел отдохнуть на возвышение [среди] абрикосов. Ученики заучивали предания, Конфуций пел, играя на цине. Не допел [песню] еще и до поло-

вины, как [некий] Рыболов, выйдя из лодки, [к ним] приблизился. Брови и борода — седые, волосы — распущенные, рукава свисали вниз. Поднявшись с берега на ровное место, [он] остановился, левой рукой оперся о колено, правой подпер щеку и стал слушать. [Когда же] песня закончилась, [он] подозвал Цзыгуна и Цзылу. Оба они подошли.

Указав на Конфуция, гость спросил:

— [Вот] тот, что за человек?

— Благородный муж из царства Лу,— ответил Цзылу.

— Из какого рода?

— Из рода Кунов.

— Чем занимается [человек] из рода Кунов?

Цзылу промолчал, а Цзыгун ответил:

— [Человек] из рода Кунов подчиняет свой характер преданности и доверию, вершит милосердие и справедливость, украшает обряды и музыку, отбирает правила отношений человека к человеку, чтобы были преданы властителю, высшему, чтобы улучшались отношения во всем народе, у низших. Все это принесет пользу Поднебесной. Вот чем занимается [человек] из рода Кунов.

— Владеет ли благородный муж землей? — спросил снова [гость].

— Нет,— ответил Цзыгун.

— Помогает правителю или царю?

— Нет.

Гость рассмеялся, повернулся и пошел, говоря:

— Милосерден-то милосерден, но, пожалуй, самого себя не освободит. Утруждает сердце, изнуряет тело, подвергает опасности истинное в самом себе. Увы! Как далеко отошел он от учения!

Цзыгун вернулся и доложил [обо всем] Конфуцию. Тот оттолкнул *цин*, поднялся и сказал:

— Не мудрец ли то был? — пошел вниз его искать и догнал на берегу озера. [Рыболов] как раз взялся за шест и выводил лодку, [когда], обернувшись, заметил Конфуция, возвратился к селению и остановился.

Конфуций с благоговением отступил, двукратно поклонился и подошел [поближе].

— Чего ты ищешь? — спросил Рыболов.

— Только что [Вы], Прездорожденный, не договорили и ушли,— сказал Конфуций.— [Я], Цю, [человек] негодный, еще не узнал, что [Вы] хотели сказать. [Я], ничтожный, ожидал [возможности Вам] покориться. К счастью, услышал, как [Вы] кашляли. Помогите [мне], Цю, поскорее!

— Ах! — воскликнул Рыболов.— Как сильна у тебя любовь к учению!

Конфуций двукратно поклонился и, поднимаясь, сказал:

— [Я], Цю, учусь с детства и поныне, до шестидесяти девяти лет. Но слышать об истинном учении [мне] не доводилось. Разве осмелюсь не очистить [для этого] сердца?

— Подобные по рсду следуют друг за другом, подобные по голосу откликаются друг другу,— сказал Рыболов.— Таков естественный закон. Разреши мне объяснить, чем обладаю я, и чем занимаешься ты. То, чем ты занимаешься, дела людские: Сына Неба, царей, великих мужей, простолюдинов. Если каждый, [принадлежащий к] этим четырем [званиям], на своем месте, то правление прекрасное; но нет смуты больше той, [когда] они не отвечают [своим] постам. [Если] должностные лица исполняют свои обязанности, а люди заботятся о своих делах, то нет никаких беспорядков. Поэтому заросшие травой поля, дом без кровли, недостаток пищи и одежды, не внесенные в срок налоги, раздоры между женой и наложницей, несогласие между старыми и малыми,— таковы заботы простолюдина; небрежность и лень народа и подчиненных, опасение не справиться с обязанностями, не выполнить порученных дел, оказаться небезупречным в поступках, утратить заслуги и доброе имя, потерять ранг и жалованье,— таковы заботы великого мужа; мятежи влиятельных родов, отсутствие при дворе верных слуг, искусных ремесленников, недостаток красоты в дарах [Сыну Неба, боязнь оказаться] ниже других весной и осенью <комментарий Чэн Сюаньина: при заключении союзов между правителями; Лу Дэмина: на приемах у Сына Неба>, непокорным Сыну Неба,— таковы заботы царя; отсутствие гармонии между [силами] жара и холода, несвоевременное [наступление] тепла и мороза, вред, причиняемый ими всем вещам; смуты царей, споры из-за заслуг в походах, самоуправные захваты друг у друга, [когда] калечат людей, истощение богатств, непорядок в обрядах и музыке, ухудшение отношений между людьми, распутство и беспорядки в народе,— таковы заботы Сына Неба и [его] советников. Ныне же ты, не облеченный властью ни царя, ни сановника, не обладающий рангом великого слуги или его должностного лица, по собственному произволу украшаешь обряды и музыку, отбираешь правила отношений между людьми, чтобы улучшить [отношения] во всем народе. Не слишком ли много на себя берешь? Да притом людям присущи восемь пороков, а [тем, кто] служит,— четыре зла, которые нельзя не изучить. Делать то, что не поручено, называется превышением власти; выдвигать то, что не удостаивают вниманием — болтливостью; говорить, [лишь] с оглядкой на [чужое] мнение — угодливостью; хвалить, не разбирая где правда, где ложь — лестью; со страстью судить о чужих недостатках — поношением; отделиться от родных, отколоться от друзей — бунтом, восхвалять лживого, чтобы нанести удар по ненавистному,— злонамеренностью; хладнокровно допускать и доброе и злое без разбора, чтобы воровски овладеть желаемым,— коварством. Из-за этих восьми пороков поднимают смуту вовне, среди других, губят самого себя внутри, благородные мужи лишаются друзей, мудрые цари — слуг. Четыре зла [следующие]: питать пристрастие к важным делам, к переменам и изменениям обычного, долговременного, чтобы присвоить себе заслуги и славу, называется злоупотреблением;

вершить дела лишь по собственному произволу, захватывать людей для собственных нужд — алчностью; не исправлять замеченных ошибок, усугублять их вопреки советам — высокомерием; не разбирая кто хорош, а кто плох, одобрять с тобой согласных, [не одобрять] с тобой несогласных, — самодурством. Таковы четыре зла. Сумел бы [ты] уничтожить эти восемь пороков, искоренить эти четыре зла, тогда и мог бы начать [свое] воспитание.

Конфуций опечалился, вздохнул, двукратно поклонился и, поднимаясь, сказал:

— [Меня], Цю, дважды изгоняли из Лу, [на меня] свалили дерево в Сун, [я] заметал следы [при бегстве] из Вэй, был осажден [между] Чэнь и Цай. Как же мог [я], Цю, четыре раза избежать позора, [если] не понимал, в чем [мои] ошибки?

Рыболов, огорченный, изменился в лице и сказал:

— Трудно, очень трудно тебя вразумить! [Вот] Боявшийся [своей] тени, [своих] следов от них уходил. Но как бы [он] ни спешил, тень от него не отставала, чем быстрее передвигал ноги, тем больше оставалось следов. Думая, что медлит, бежал без передышки [пока не] лишился сил и [не] умер. [Он] был также очень глуп: не ведал, что, останься [он] в темноте, и тень исчезнет, стой [он] на месте — и следов не будет. Ты почти не избежал того же во время своих размышлений о милосердии и справедливости, тождестве и различии, наблюдений за изменениями в движении и покое, за правилами вручения и получения, за упорядочением любви и ненависти, гармонией радости и гнева. [Начни] внимательно совершенствовать самого себя, тщательно хранить в себе истинное, возвращать другим все вещи, и не станет [у тебя] никаких тягот. Ныне же [ты] не достиг совершенства сам, а ищешь его у других. Разве это также не внешнее?

Опечаленный Конфуций спросил:

— Разрешите задать вопрос: что [Вы] называете истинным?

— Истинное — высшая искренность, высшее чистосердечие. Без искренности, без чистосердечия нельзя взволновать других. Поэтому плач по принуждению не вызывает печали даже в скорби; гнев по принуждению не внушает страха даже перед великим; любовь по принуждению³ не выражает согласия даже в улыбке. При истинной скорби не голосят, а печалются; при истинном гневе не кричат, а внушают страх; при истинной любви и без улыбок царит согласие. При истинном внутри волнение проявляется и во внешнем — вот чем ценно истинное. Применяя истинное в отношениях между людьми, служении родным, становятся почтительными детьми и милостивыми родителями; в служении государю становятся преданными и прямыми; когда пьют вино, становятся радостными и веселыми; на похоронах — скорбными и печальными. Главное в преданности и прямоте — подвиг, главное на пиру — веселье, главное на похоронах — печаль, главное в служении родителям — своевременность. В красоте подвигов нет единообразия, в служении родителям нужна своевременность, а в чем —

неважно. Вино пьют в радости, не выбирая чарок. В похоронах участвуют со скорбью, не спрашивая об обряде. Обряды созданы обычаями века, истинное же воспринято от природы, естественное нельзя изменить. Вначале мудрые уподоблялись природе, ценили истинное, не связывали себя обычаями. Глупые же, напротив, не способны уподобиться природе. [Они] печалились о людях, не умели ценить истинное, в [своих] хлопотах дошли до пошлости, поэтому-то [о них] и не стоит [говорить]. Как жаль, что ты давно уже погрузился в человеческое лицемерие и слишком поздно услышал о великом учении!

Конфуций снова дважды поклонился и, вставая, сказал:

— Ныне [я], Цю, удостоился встречи — счастья, подобного Небу! Не устыдитесь ли [Вы], Прездорожденный, [если] приближусь к Вам в одежде слуги, чтобы [Вы] лично обучали меня? Осмелюсь ли спросить, где [Ваше] жилище? Разрешите поскорее воспользоваться [Вашими] наставлениями и поскорее воспринять великое учение?

— Можно идти вместе с тем, с кем достигнешь тончайшей [сущности] пути, но нельзя идти вместе с тем, кому этот путь неизвестен, — ответил Рыболов. — Я об этом слышал и остерегусь, чтоб не совершить ошибки. Ты старайся сам. Я же ухожу, я ухожу. — И [он] заработал шестом, удаляясь, а в тростниках [за лодкой] длинной лентой протянулся [след].

Янь Юань вернулся к повозке, Цзылу отдал [ему] возжи, но Конфуций не обернулся. Он осмелился взойти [на повозку] лишь после того, как стихли удары шеста и улеглись волны.

[Стоя] рядом с повозкой, Цзылу спросил:

— Чем заслужил такое Рыболов? [Я], Ю, давно уже служу [Вам], но никогда еще не видел, чтобы [Вы], учитель, отнеслись к человеку с таким благоговением. Властители тысячи колесниц, тьмы колесниц в своих дворцах всегда принимали [Вас], учитель, как равного, [Вы] же, учитель, сохраняли на церемониях свой гордый вид. Ныне [Вам] противостоял Рыболов с шестом, а [Вы], учитель, сгорбленный, словно *цин*, гнули перед ним спину, с поклонами отвечая на каждое слово. Не чересчур ли это? Все [мы], ученики, удивляемся [Вам], учитель!

Конфуций упал на перекладину повозки и, вздохнув, ответил:

— Ах, трудно! Как трудно просветить [тебя], Ю! Давно уже [ты] погрузился в [изучение] обрядов и долга, а доныне не избавился от грубых мыслей. Подойди, я с тобой поговорю. Не уважить старшего при встрече, [значит допустить] ошибку в обряде; не почитать добродетельного при встрече, [значит] не проявить милосердия. [Даже если] это не настоящий человек, его нельзя презирать. Презирающий людей не искренен и не обретает свое истинное, а поэтому постоянно губит самого себя. Как жаль! Не быть милосердным — нет беды большей, а она в тебе, Ю. Ведь путь — источник [всей] тьмы вещей. Теряя его, все умирает, обретая его, все живет. Тот, кто в делах ему противодействует — терпит пора-

жение; тот, кто в делах с ним согласуется — добивается успеха. Поэтому мудрый почитает все, в чем присутствует путь. Нынешний же Рыболов, можно сказать, обладает путем. Посмел ли я его не почитать?!

Глава 32

ЛЕ ЗАЩИТА РАЗБОЙНИКОВ

Ле Защита Разбойников направился в Ци, [но] с полдороги вернулся и встретил Дядю Темнеющее Око.

— Почему возвратился? — спросил Темнеющее Око.

— Я испугался!

— Чего же испугался?

— Я ел в десяти харчевнях, и в пяти [мне] подавали раньше всех.

— Пусть так. Но чего же тебе пугаться?

— Чистота внутри еще не освободилась, а из тела просачивается [в виде] луча. Внешним воздействовать на сердца людей, чтобы они пренебрегали уважаемыми и старыми, — [значит] готовить себе беду. Ведь хозяин харчевни не имеет лишних доходов, продает лишь кашу да похлебку. Если так поступает тот, у кого прибыль скудная, а власть ничтожная, что же сделает властитель тьмы колесниц, который отдает все свои силы государству и все знания управлению? Поэтому-то я и испугался, что тот [царь] захочет поручить мне дела и [станет] ждать от меня заслуг.

— Прекрасное наблюдение! — воскликнул Темнеющее Око. — [Но если] ты останешься у себя, люди станут искать у тебя защиты.

Вскоре [Темнеющее Око] пришел [к Лецзы] и у дверей увидел множество туфель. Обернувшись лицом к северу <как подчиненный> Темнеющее Око оперся подбородком о посох, нахмурился, и, постояв немного, молча вышел. Принимавший гостей доложил об этом Лецзы. Лецзы босой с туфлями в руках побежал [за Темнеющим Оком] и, догнав у ворот, спросил:

— Поскольку [Вы], Прездорожденный, пришли, не дадите ли [мне] совета?

— [Все] кончено! Я же предупреждал, что люди станут [искать] у тебя защиты. Это действительно так. Способный привлечь других, чтобы [стекались] к тебе, ты оказался неспособным помешать искать у тебя [защиты]. К чему это? [Стоит] результату разойтись с предвидением, и непременно получится огорчение. [Оно] бессмысленно и поколеблет твои способности. Никто из последователей [этого] тебе не скажет. Вся их мелкая болтовня — яд для человека. Без пробуждения, без сознания разве [помогут] созреванию друг друга?

Искусный трудится, знающий печалится, неспособному же не к чему стремиться. Наевшись досыта, скитается в праздности, подобно отвязавшемуся в половодье челну, пустой движется по воле волн.

Чжэнец Педант¹ [учился] в местности рода Одетых в Меха², благоговейно повторяя [все] нараспев. [Через] три года стал конфуцианцем, и милости потекли [к нему] рекой на девять *ли*, благодеяния распространились на три рода. Младшему же брату [он] велел [стать] моистом. [Когда] пошли споры между конфуцианцами и моистами, отец Педанта помогал [Мо] Ди, и через десять лет Педант покончил с собой.

Отец увидел Педанта во сне, и [тот] сказал:

— Ведь это я велел Вашему [младшему] сыну [стать] моистом. Почему бы [Вам] не взглянуть на мою могилу и не убедиться, какие [над ней] могучие кипарисы?³

То, что творит вещи, воздает человеку, но воздает не самому человеку, а его природе. Один <Педант>, конечно, принудил другого <брата>, но, чтобы презирать своего отца, человек [должен] считать себя выше других. [С тех пор] как подрались цисцы, которые пили воду из [одного] колодца, стали говорить: «В нынешнем мире все — Педанты». По этой-то причине и пользуется незнанием тот, кто обладает достоинством, а тем более тот, кто обладает путем. В старину это называлось: «избежать кары природы».

Мудрый [обретает] покой в том, что дает покой; не [ищет] покоя в том, что не [дает] покоя. Дюжинный человек [ищет] покой в том, что не [дает] покоя; не [обретает] покоя в том, что [дает] покой.

Чжуанцзы сказал:

— Познать путь легко, не говорить [о нем] трудно. Познавать и не говорить — так достигнешь естественного. Познавать и говорить — так достигнешь человеческого. Древние люди обращались к естественному, а не к человеческому.

Чжу Легкомысленный был учеником Урода Полезного⁴, [учился] убивать драконов⁵. Разорил [свою] семью, [обладавшую] тысячей золотом, и за три года овладел мастерством. Однако своему искусству [он] не нашел применения.

Мудрый и необходимое не считает необходимостью, поэтому не обладает оружием. Дюжинный человек считает необходимостью и не необходимое, поэтому [обладает] многим [оружием]. Послушен

оружию, поэтому и пускает его в ход при [своих] домогательствах. [Но] тот, кто полагается на оружие, гибнет.

Мелкий человек в своих знаниях не выходит за пределы свертка с подарком и дощечки для письма. [Он] утруждает свой разум незначительными препятствиями, а хочет всемерно помогать пути и [всем] вещам и в великом единстве [с ними] очищать свое тело. Подобные ему, не зная первоначала, обременяя свое тело, блуждают во вселенной.

Другой же, настоящий человек, обращается разумом к безначальному и сладко дремлет в небытии. [Он подобен] воде, которая течет без формы и, просачиваясь, обнаруживается в великой чистоте.

Как печально! Ведь, обратив свои знания на кончик волоска, не познаешь великого покоя.

Жил среди сунцев Цао Торгаш⁶. Отправил его сунский царь Послом в Цинь и дал [ему] с собой несколько колесниц. А Торгаш сумел угодить [циньскому] царю, и колесниц у него стала сотня.

Вернувшись в Сун, [Торгаш] встретился с Чжуанцзы и стал над ним смеяться:

— [Вы] живете в самом закоулке нищей деревеньки, от нужды плетете сандалии. У [меня], Торгаша, конечно нет ни такой длинной иссохшей шеи, ни такого пожелтевшего лица. Зато стоило мне вразумить властителя тьмы колесниц, и [за мной] последовала их сотня.

— Уходи прочь! — ответил Чжуанцзы. — [Когда] циньский царь хворал, [он] звал лекарей. Тот [лекарь], что вскрыл чирей и удалил легкую опухоль, получил одну повозку; тот, что вылизал геморрой — пять повозок. Чем ниже способ лечения, тем выше награда⁷. Как же ты лечил его геморрой, что заслужил столько колесниц?

Луский царь Айгун спросил у Яня Врата Бытия:

— Будет ли лучше в царстве при Конфуции? Я считаю его даровитым деятелем.

— [Он] опасен! [Быть] беде! — ответил Янь Врата Бытия. — Конфуций разрисовывает даже фазаньи перья. Занимаясь лишь цветистыми речами, выдает побочное за главное. Терпеливо поучает народ, не зная [его] и [ему] не доверяя. Воспринимая [лишь свои] мысли, управляя [лишь своим] умом, разве достоин [он] стоять над народом? Считать его пригодным, кормить [его] можно лишь по ошибке. [Он] ныне велит народу уйти от сущности, учиться лицемерию — это не то, чему следует поучать народ. Лучше от этого отказаться, [а не то] трудно будет управлять, достанется забот и последующим поколениям.

Раздавать так, чтобы [о даяниях] не забывали, [это] не [похоже на] даяния природы. Купцов оседлых и странствующих не разделяют по рангам. Хотя дела их различны, [но] мудрые отнюдь не разделяют [их] по рангам.

[Орудия] внешних пыток — металл и дерево⁸. [Орудия] внутренних пыток — действия и ошибки. Малый люд, подвергшийся внешней пытке, допрашивают металл и дерево; подвергшихся внутренней пытке грызут [силы] жара и холода. Ведь избежать пытки и внешней, и внутренней способен лишь настоящий человек.

Конфуций сказал:

— Познать каждое человеческое сердце труднее, чем природу, оно опаснее, чем горы и реки. У природы есть сроки весны и осени, зимы и лета, утра и вечера. У человека же лицо непроницаемо, чувства [таятся] глубоко. Бывает с виду добрый, но алчный; бывает одаренный, похожий на никчемного; бывает нетерпеливый, но проницательный; бывает [внешне] решительный, а [внутренне] медлительный; бывает [внешне] нерешительный, а [внутренне] вспыльчивый; поэтому-то и случается, что стремятся во имя долга пожертвовать собой, будто охваченные жаждой, но и отступают от долга, будто опаленные жаром. Поэтому-то государь посылает человека далеко, чтобы проверить его преданность; посылает близко, чтобы проверить его почтительность; дает сложные поручения, чтобы проверить его способности; задает вопросы внезапно, чтобы проверить его сообразительность; назначает кратчайший срок [исполнения], чтобы проверить, [насколько можно] ему доверять; вверяет ему богатство, чтобы посмотреть, [насколько] он милосерден; сообщает ему об опасности, чтобы посмотреть, [насколько] он верен долгу; поит его допьяна, чтобы посмотреть, [куда] он склонится; сажает его в смешанные <вместе с женщинами> ряды, чтобы посмотреть, [насколько] он целомудрен. В этих девяти испытаниях и обнаруживают человека негодного.

Покойный Отец Правильный⁹ при первом указе [о возведении в ранг] пригибался, при втором указе горбился, при третьем указе клонился до земли и уползал вдоль стены. Кто посмел бы не счесть [его] за образец! А есть и такие мужи: при первом указе [становятся] надменными, при втором — красуются на колеснице, при третьем — [начинают] звать всех старших по имени. Кого же из них уподобишь Высочайшему и Никого не Стесняющему?

Нет разбойника хуже того [человека], чьи достоинства искусственные, чье сердце обладает [выражением, как] ресницы. [Если

выраженное] его ресницами сопоставить с [его] внутренним, то рассмотрение [его] внутреннего нанесет [ему] поражение.

Злых свойств — пять. Основное — считать главными [собственные] достоинства. Что это означает? Это означает — превозносить собственные достоинства и порицать тех, кто поступает по-иному.

Бедствия вызывают восемь крайностей, успех приносят три необходимости, тело вмещает шесть внутренних органов. Красота, [длинная] борода, высокий рост, крепкое телосложение, цветущий вид, величие, смелость и решительность — это восемь крайностей. При превосходстве над другими [они] служат причиной бедствий. Покорность, уступчивость, опасение [оказаться] хуже других — эти три необходимости приносят успех. Сообразительность проникает во внешнее, смелые поступки [вызывают] большие обиды; милосердие и справедливость [вызывают] многие укоры. Кто проник в [сущность] жизни — велик; кто проник в знания — незначителен; постигший большую жизнь <природу> следует [за главным]; постигший малую жизнь <отдельного человека, свою собственную> следует за случайным.

Некто [удостоился] приема у сунского царя, был пожалован десятью колесницами и стал хвастаться своими десятью колесницами перед Чжуанцзы. Чжуанцзы же сказал:

— У Реки жила бедная семья, которая кормилась тем, что плела [вещи] из полыни. [И вот] юноша из этой семьи нырнул в пучину и достал жемчужину [ценой] в тысячу золотом.

— Разбей ее камнем! — велел ему отец. — Ведь жемчужина в тысячу золотом хранится под челюстью у Черного Дракона в Девятой Пучине. Ты достал ее лишь потому, что он спал. А проснется Черный Дракон и [сожрет] тебя без остатка!

Ныне [омут] в царстве Сун поглубже Девятой Пучины, а сунский царь страшнее Черного Дракона. Ты раздобыл колесницы лишь потому, что он спал. А проснется сунский царь и сотрет тебя в порошок!

Некто звал Чжуанцзы [к себе] на службу. Чжуанцзы так ответил его посланцу:

— Видели вы жертвенного быка? [Как] наряжают [его] в узорчатые ткани, [как] кормят травой и бобами! Но вот его поведут, и [он] вступит в храм предков. Сможет ли он [снова] стать вольным теленком, как бы [ему этого] не хотелось?!

Чжуанцзы лежал при смерти¹⁰, и ученики собирались устроить ему пышные похороны. Но Чжуанцзы воспротивился:

— К чему все это? Я считаю землю своим гробом, небо — саркофагом, солнце и луну — нефритовыми кружками, планеты и звезды — мелким жемчугом, а [всю] тьму существ — своими провожатыми. Разве мои похороны не будут совершенными?

— Мы боимся, — ответили ученики, — что [Вас], учитель, склюют вороны и коршуны.

— На земле, — сказал Чжуанцзы, — [я] пойду на пищу воронам и коршунам, под землей — муравьям. Отнимите у одних, отдадите другим. За что же муравьям такое предпочтение?!

[Если] выравнивать с помощью неровного, то и ровное станет неровным. [Если] доказывать с помощью недоказанного, то и доказанное станет недоказанным.

Знающий действует [на других] только своими знаниями. Прозорливость подтверждается [естественными законами]. Ведь давно уже [известно] что знающему далеко до прозорливого. Но разве не печально, что глупцы, опираясь лишь на виденное ими самими, несут [это] людям? Их успехи только во внешнем.

Глава 38

КАК УПРАВЛЯТЬ ПОДНЕБЕСНОЙ

Учений как управлять Поднебесной много, но ни одно из них нельзя применить, оттого что они деятельны. Где же в действительности так называемое учение древних? Отвечу — «повсюду». На вопросы — «Откуда появляется прозорливый? Откуда появляется умный?» — [отвечу]: «Источник рождения мудрого, формирования государя — один».

Не отделяющегося от рода называют естественным человеком, не отделяющегося от тончайшего семени называют прозорливым человеком, не отделяющегося от истинного называют настоящим человеком. Того, кто [своим] родом считает природу, корнем — основные свойства, воротами — путь, началом же — развитие, называют мудрым человеком. А тот, кто считает милосердие наградой, справедливость — правилом, обряды — поведением, музыку — гармонией, от кого пахнет благими делами и милосердием, называется благородным мужем.

Те, кто разделяет с помощью устоев, берут за образец имена <славу>, считают обучение свидетельством, а сопоставление — решением, они считают [всего лишь] до четырех. Так вот [все] сто должностных лиц общаются друг с другом по старшинству. Обыч-

ным [они] считают дела, главным — пищу и одежду; естественным законом народа — размножение, собирание и накопление для прокормления всех — старых и малых, сирых и вдовых. Разве этого не было в изобилии у людей древности? Равные прозорливому по разуму, будучи безыскусственными, [как] природа, возвращали тьму существ, гармонировали со [всей] Поднебесной, и [ее] даяния распространялись на [все] сто семейств. Понимая исходные числа, соединяли [их] и с конечным мерилom. Шесть стран света, четыре времени года, малое и великое, грубое и тонкое — движение, которое существует повсюду. [Все это] они понимали и неоднократно повторяли. Есть еще много хронистов, передающих старые устои от поколения к поколению. Те [устои, что содержатся] в песнях и преданиях, обрядах и музыке, способны понимать многие из мужей в Цзоу и Лу¹ — Пржеджерожденных в широких поясах с табличками. [Они] используют песни, предания, обряды, чтобы говорить о стремлениях, о событиях, о поведении; [они] используют музыку, гадательные знаки, хронику «Весна и осень», чтобы говорить о гармонии, о жаре и холоде, о разделении по именам <знатности>. Сколько-то их рассеялось по [всей] Поднебесной, [они] утвердились в Срединных царствах. В учениях ста школ их иногда хвалят и о них говорят.

[С тех пор как] в Поднебесной началась великая смута, утратилась ясность достойных и мудрых, не стало единства в [понимании] пути и основных свойств, многие пришли к пристрастности во имя самовосхваления. Так, уши, глаза, нос, рот — каждый [из этих органов] что-то воспринимает, но [они] не способны общаться друг с другом. То же и во всех искусствах, в ста школах, — у каждой есть какие-то достоинства, которые иногда следует использовать. Но крайне пристрастные мужи, не обладающие ни проницательностью, ни кругозором, берутся судить о красоте природы, объяснять законы тьмы вещей, целостность древних людей. [У них] не хватает способностей для того, чтобы охватить красоту природы, оценить проницательных и умных. По этой-то причине путь внутренний — мудрых и внешний — царей становился скрытым и неясным, приходил в застой и не проявлялся. Каждый в Поднебесной принимал то, что ему нравилось за собственное учение. Как печально! Ведь [все] сто школ уходили, но не возвращались и, конечно, не объединялись. Учащиеся же последующих поколений, к несчастью, не увидели безыскусственности природы, высшей сущности древних, и тогда в учении Поднебесной произошел раскол.

В учение древних входили такие [положения]: чтобы быть готовыми к неожиданным бедствиям, исправлять [все] по плотничьему правилу и [с помощью] туши, не [приучать] молодое поколение к роскоши, к расточительству, к блеску в числах и установлениях. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Мо Ди и Цинь Гули, но стали проводить их чрезмерно строго. Назвав это бережливостью, они провозгласили отказ от музыки, [чтобы] живые пе-

рестали петь, мертвых перестали одевать. Моцзы [учил] всеобщей любви и пользе, а также отрицанию войны. Не допуская гнева, его учение требовало любви к обучению, привлечения сторонников; но не было тождественным [учению] ранних государей и разрушало обряды и музыку древних. При Желтом Предке была песня «Восход солнца», при Высочайшем — «Великое уложение», при Ограждающем — «Великое цветение», при Молодом Драконе — «Великое лето», при Испытующем — «Великий разлив», при царе Прекрасном — «Согласие в каре», царь Воинственный с Чжоугунгом создали «Воителя»³. В древнем похоронном обряде был ритуал для благородных и для презренных, были ранги для высших и низших: гроб внутренний и саркофаг для Сына Неба — семикратной толщины, для правителей царств — пятикратной, для великих мужей — троекратной, для мужей — двойной толщины. Ныне только один Моцзы [учит], чтобы живые перестали петь, мертвых перестали одевать, чтобы, как правило, стали делать гробы из дриандры толщиной в три цуня, без саркофага. Учить этому людей [значит], пожалуй, их не любить, действовать так самому — [значит], конечно, не любить самого себя. Учение Моцзы еще не потерпело поражения, но разве достойно [человеческой] природы осуждать пение, когда поют, осуждать плач, когда плачут; осуждать радость, когда радуются. Жизнь Моцзы прошла в тяжелом труде, похороны его были бедными, учение его очень жестокое. [Оно] велит людям печалиться, горевать, его трудно осуществить и, боюсь, нельзя считать учением мудрого. [Оно] противоречит сердцам Поднебесной и для Поднебесной невыносимо. Хотя сам Моцзы мог его выполнять, но что было делать с Поднебесной? [Оно] отделилось от [всей] Поднебесной и далеко ушло от [учения древних] государей.

Восхваляя свое учение, Моцзы говорил:

— В старину Молодой Дракон преградил [путь] потоку, проложил русла рек и потоков, открыл [дороги] во [все] девять областей и ко [всем] четырем [странам] варваров. На трехстах знаменитых горах <реках>³, трех тысячах притоках, малых же речках без числа Молодой Дракон сам брал в руки мешки и лопату, смешивал [воды для стока] в девять рек Поднебесной. [У него] стерлись волосы на икрах и пушок на голеньях⁴. Умывал [его] проливной дождь, причесывал быстрый ветер. [Он] учредил тьму царств. Молодой Дракон был великий мудрец, а так утруждал себя ради Поднебесной.

Поэтому моисты следующих поколений одевались большей частью в шкуры и платье из грубого сукна, носили деревянные сандалии или плетеные из соломы, не отдыхали ни днем, ни ночью и считали высшим [благom] тяжкий труд. [Они] говорили: «[Тот, кто] на это не способен, отрицает путь Молодого Дракона и недостойн называться моистом».

Ученики Сянли Циня — слуги пяти правителей. Южные моисты, такие как Гу Ху, Цзи Чи, Дэнлинцзы⁵, все распевали основу

[учения] Мо⁶, но каждый по-своему обманывал вдвойне, называли же друг друга отдельной [ветвью] моистов. Они поносили друг друга в спорах о том, что такое «твердость» и «белизна»⁷, что такое «тождество» и «различие»⁸, отвечали друг другу речами о различии между единичным и парным⁹.

Наиболее выдающийся считался мудрецом, и все стремились сделать его Покойником <главой> в надежде на преемство в следующем поколении. Это не прекратилось и поныне.

Замыслы Мо Ди и Цинь Гули были истинными, а поступки — ложными. [Они] повели к тому, что моисты последующих поколений лишь состязались друг с другом, изнуряя себя в труде [до тех пор, пока] не стирались волоски на икрах и пушок на голеньях. В смуте [они] первые, в управлении — последние. Несмотря на это, [сам] Моцзы воистину лучший из [людей] Поднебесной, и [другого] такого не найти. Пусть иссох, как сухое дерево, [от него] нельзя отказаться, [он] действительно талантливый муж.

В учение древних входили такие [положения]: не отягощать себя обычаями, не приукрашиваться перед другими, не относиться нечестно к людям, не приносить вреда народу, желать Поднебесной мира и покоя, чтобы оживить жизнь народа, чтобы [все] ограничивались питанием, достаточным и для себя и для других, и этим очистили сердце. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Сун Цзянь и Инь Вэнь¹⁰. Отличительным знаком они выбрали для себя шапку [в форме] Хуа-горы¹¹. Воспринимая [всю] тьму вещей, начинали со снисходительности к отличавшимся [от них], говорили о терпимости и называли это движением сердца. [Пытались] гармонией соединить в радости и привести в согласие [всех] среди морей. Стремилась [к этому] и просили принять эту идею как главную. Встречаясь с оскорблениями, но не считая [их] позором, [они стремились] спасти народ от борьбы, запретить нападения, отложить оружие, спасти [своих] современников от войн. С этим обходили [они] всю Поднебесную, убеждая высших и поучая низших. Хотя в Поднебесной [их учения] не принимали, они непрестанно на нем настаивали, поэтому [о них] говорили: «Настойчиво [добиваются] встреч, хотя [всем] сверху донизу надоели». Несмотря на это, они добивались для людей слишком многого, для себя же делали слишком мало. Говорили: «Стремимся и просим твердо установить питание в пять *шэн* [зерна, этого] достаточно. Преподанные, пожалуй, не будут сыты; а ученики, даже голодные, не забудут о [заботе] Поднебесной». Днем и ночью без отдыха твердили: «Должны же мы обрести возможность жить! Необходимо гордиться мужами, спасающими [свое] поколение!». Говорили: «Государь не должен сурово взыскивать, не должен присваивать себе чужого, считать ниже себя по уму тех, кого признают бесполезными для Поднебесной». В большом и малом, грубом и тонком их учение ограничивалось тем, что во внешнем [они требовали] запретить нападения, отложить оружие, а во внутреннем — умерить желания и страсти.

В учение древних входили такие [положения]: быть справедливым и беспристрастным, ровным и бескорыстным, решительным, но без предвзятости; следовать за другими, но без измены; не оглядываться с опаской, не хитрить со знаниями; отправляться вместе со всеми, никому не отдавая предпочтения. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Пэн Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао¹². Главным [они] признали равенство [всей] тьмы вещей. Говорили: «Небо способно покрывать их [сверху], но не способно поддерживать их снизу; земля способна поддерживать их снизу, но не способна покрывать их сверху¹³. Великий путь способен их вмещать, но не способен их различать». [Они] знали, что для [каждой из] тьмы вещей есть возможное, есть и невозможное, поэтому говорили: «При выборе нет всеобщего, обучение не [каждого] достигает, [лишь] путь [объемлет все] без остатка». По этой причине Шэнь Дао отбросил знания, отказался от самого себя и действовал лишь по принуждению. [Он] считал естественным законом: очищение от вещей и равнодушие. Говорил: «Знание — это незнание, даже незначительные знания приближают к опасности». Стыдил безнравственных, не служил, но высмеивал [тех, кто] почитал достойных в Поднебесной; свободный, необузданный, [он] не действовал, но порицал великих мудрецов Поднебесной. То молотком, то рукой [он] сглаживал шероховатости и вместе с другими приспособлялся [к обстоятельствам]. Отбрасывал и истинное и ложное, лишь бы избежать [затруднений]. Не изучал ни [людских] знаний, ни забот, не ведал ни прошедшего, ни будущего и лишь величественно возвышался. Действовал, лишь когда толкали; шел, лишь когда тащили; крутился, подобно вихрю, кружился, подобно перышку¹⁴, вращался подобно жернову. Почему же [он] оставался целостным, не встречая порицания, не делая ошибок ни в движении, ни в покое, никогда не совершая преступлений? Потому что [подобно] вещи, не обладающей знаниями, не ведал беды самоутверждения, не отягощал себя применением знаний, не отходил от естественных законов ни в движении, ни в покое; поэтому-то за всю жизнь так и не прославился. Поэтому говорил: «Высшее лишь в том, чтобы уподобиться вещи, не обладающей знаниями, не использовать ни достойных, ни мудрых. Ведь [любой] ком земли не утратит пути». Удальцы между собой его высмеивали: «Не достойно ли удивления учение Шэнь Дао? [В нем] поведение не живого человека, а мертвого!» Таково же и [учение] Тянь Пяня. [Он] удостоился перенять у Пын Мэна [учение] без поучений. Наставляя, Пын Мэн говорил: «Даосы древности пришли лишь к тому [выводу], что нет ни истинного, ни неистинного». [Его наставления подобны] шуму встречного ветра, как же можно [о них] говорить? [Он] всегда противоречит людям, но не встречает внимания и неизбежно сглаживает шероховатости. То, что он называет учением, не [настоящее] учение; в истине, о которой [он] говорит, неизбежно [есть] ложь. Пын Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао не знали учения, хотя, в общем о нем и слышали.

В учение древних входили такие [положения]: считать основой мельчайшее [семя], а вещью — крупное; считать накопление недостатком, жить безмятежно, в одиночестве, с ясным разумом. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Страж Границы и Лаоцзы. [Они] построили учение на постоянстве бытия и небытия с главным — великим единством. [Учили] во внешнем — быть терпеливым, мягким, уступчивым, в сущности <во внутреннем> — пустым [чистым], не разрушать [ни одной из] тьмы вещей.

Страж Границы сказал: «[Телесные] формы и вещи сами показываются [тому, кто] на самом себе не останавливается. Его движения подобны [течению] воды, его покой подобен зеркалу, его ответ подобен эху. Туманный, будто отсутствует; тихий, будто прозрачен, уподобляясь [вещам], гармоничен, приобретая [вещи], несет урон. Никогда не опережая других, всегда следует за другими».

Лаоцзы сказал: «[Кто] сознавая свою мужественность, соблюдает женственность, становится для Поднебесной [главным] руслом. [Кто], сознавая свою чистоту, соблюдает стыдливость, становится для Поднебесной долиной. Все предпочитают быть первыми, лишь он предпочитает быть последним». [И еще] сказал: «[Он] принимает на себя унижение Поднебесной. Все предпочитают полноту, только он предпочитает пустоту; не накапливает, поэтому обладает избытком. Обладая избытком, высится одинокий. В поведении нетороплив и потерь не несет, [держится] надежды и высмеивает ловкость [других]. Все домогаются счастья, и лишь он [видит] целостность несовершенного» [И еще] сказал: «Лишь бы избежать беды. Считать глубокое корнем, умеренность правилом». [И еще] сказал: «Твердое ломается, острое тупится. [Он] всегда великодушен к вещам, ничего не отнимает у других. Вот что можно назвать высшим совершенством»¹⁵. Да! Воистину настоящими людьми среди древних были великие Страж Границы и Лаоцзы!

В учение древних входили такие [положения]: о туманном, обширном, не обладающем [телесной] формой; об изменениях, о развитии, не обладающих постоянством. Объединяются ли жизнь и смерть с небом и землей? Уходят ли душа и разум? Почему же? Неясно! Куда же? Туманно! [Всю] тьму вещей [оно] охватывает сетью, нечего [и говорить], что все к нему возвращается. Услышав такие наставления, обрадовался Чжуан Чжоу. В безрассудных речах, в небылицах, в выражениях, бесконечных и беспредельных, всегда необузданный, но не пристрастный, [он] рассматривал учение не с одной единственной точки зрения. Считая, что Поднебесная погрязла в пороках, не мог говорить прямо. С помощью речей, [как вина] из чарки, развивал [мысли] беспредельно, с помощью речей почитаемых подтверждал истинность, с помощью притч расширял [замысел]. В одиночестве общался разумом со вселенной, но не отделял себя в гордости от [всей] тьмы вещей, не отвергал [чужой] истины или не истины, чтобы найти себе место среди пошлости современников. Хотя записи его [речей] — редкая драгоценность, и,

[внимая им], все время отбивают такт, [они] не приносят вреда. Хотя выражения у него неровные, странные, но внимания заслуживают. Полнота сущности у него неисчерпаема. Наверху он странствует вместе с тем, что создает вещи, а внизу дружит с теми, для кого ни жизнь, ни смерть не составляют ни начала, ни конца. [В понимании] основы он необъятен и открывает новое — глубоко, огромно, необузданно. [В отношении] основы <дао> он, можно сказать, многое привел в порядок и достиг высшей проницательности. Несмотря на то что следовал развитию и освобождался от вещей, его учение безгранично и не отклонилось от своих истоков. [Оно] глубоко, непостижимо, неисчерпаемо.

Творящий Благо очень разносторонен. Записей речей¹⁶ у него пять повозок. Его учение противоречиво. Его слова не попадают в цель. Перечисляя значение вещей, сказал: «У самой большой нет внешнего, назовем ее великим единством; у самой малой нет внутреннего, назовем ее малым единством. Не обладающее толщиной¹⁷ нельзя нагромоздить, а заполняет [оно] тысячи *ли*. Небо вместе с землей — низкое, горы вместе с болотами — ровные. Солнце в зените — в то же время на закате; рождение вещи — в то же время [ее] смерть. Тождество в большом отличается от тождества в малом, это назовем малым тождеством и [малым] различием. [Вся] тьма вещей и тождественна и различна, это назовем большим тождеством и [большим] различием. Южная сторона и предельна и беспредельна. Направился в Юэ сегодня, а пришел [в Юэ] вчера. Соединенные кольца можно разнять. Я знаю, [где] центр Поднебесной: к северу от Янь, к югу от Юэ. [Тот, кто] любовью охватывает [всю] тьму вещей, [составляет] единое целое с природой».

Таковыми изречениями¹⁸ Творящий Благо привлек в Поднебесной общее внимание и стал известным оратором. Ораторы Поднебесной стали ими наслаждаться. Вместе с Творящим Благо ораторы отвечали друг другу подобными [софизмами]: «В яйце есть перья»; «у курицы три ноги»; «[город] Ин владеет Поднебесной»; «пес мог стать бараном»; «у лошади есть яйцо»; «у лягушки есть хвост»; «огонь не горячий»; «у горы есть рот»; «колесо не давит на землю»; «глаза не видят»; «свойства беспредельны, вещи неисчерпаемы»; «черепашка длиннее змеи»; «наугольник не квадратный»; «циркуль не может быть круглым»; «паз не окружает клина»; «тень летящей птицы не движется»; «в полете стрелы с наконечником есть мгновенье, [когда она] не движется и не покоится»; «кобель не пес»; «гнедой конь и вороной бык [вместе составляют] три»; «белый пес черен», «у жеребенка-сироты никогда не было матери». «Если ежедневно делить пополам палку [длиною] в один *чи*, не закончить и через тьму поколений». [Подобных софизмов] не исчерпать и за целую жизнь. Хуань Туань¹⁹ и Гунсунь Лун²⁰ — последователи софистов. [Они] приукрашивали сердца людей, из-

меняли их мысли. Были способны победить уста, но не способны покорить сердца. [Таков] замкнутый круг софистов. С помощью таких знаний Творящий Благо ежедневно спорил с другими и вызывал особое удивление у софистов Поднебесной. Такова была его основа.

Однако сам Творящий Благо считал свою болтовню наивысшим достоинством ²¹ и говорил: «Разве во вселенной [найдется] мне равный!» Творящий Благо остался сильнейшим, а учения от него не осталось.

Жил на юге чуждак, которого звали Хуан Связанный ²². [Он] спросил: «Почему небо не падает, земля не проваливается? Каковы причины [появления] ветра, дождя и грома?» Творящий Благо [ему] отвечал, не отказываясь, давал ответ без размышлений. Изложил все учение о тьме вещей, говорил без передышки, все длиннее, без конца и, будто этого было мало, все добавлял и добавлял, лишь бы [вызвать] удивление. [Он] считал главным опровергать других, желая приобрести славу победителя. Вот по этой-то причине и не подходил для народа. [Он был] слаб во [внутренних] свойствах, силен во [внешних] вещах, [шел] окольными путями. Если оценить способности Творящего Благо с точки зрения пути природы, то [они] уподобятся лишь труду комара или москита. Мог ли он принести вещам пользу? [Он] мог еще пригодиться для [какого-нибудь] одного [дела, но] разве приближался [к тому, чтобы] еще больше ценить путь? [Нет!] Творящий Благо не был способен на нем успокоиться. [Он] растрачивал себя без усталости на [всю] тьму вещей и в конце концов заслужил славу прекрасного оратора. Как жаль, что Творящий Благо при таком большом таланте ничего не создал. Увы! В погоне за [всею] тьмой вещей не вернулся [к учению], своим голосом будил лишь эхо, состязался в беге [лишь] с собственной тенью.

КОММЕНТАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Учение Лаоцзы и Конфуция интересовало Л. Н. Толстого всю жизнь. С 1880 г. эти имена часто встречаются в его письмах к В. Г. Черткову, В. В. Стасову (см. Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений*, т. 25, М., 1937, стр. 883—885). Перу Л. Н. Толстого принадлежат статьи: «Книги Конфуцы», «Великое учение», «„Книга пути и истины“, написанная китайским мудрецом Лаоцы», объединенные общим заглавием «Китайская мудрость»; перевод трактата «Великая наука»; «Письмо к китайцу»; «О сущности учения Лао-тзе» в брошюре «Изречения китайского мудреца Лао-тзе, избранные Л. Н. Толстым»; «Изложение китайского учения» в книге П. А. Буланже, *Жизнь и учение Конфуция*; под редакцией Л. Н. Толстого вышли: «Конфуций. Жизнь его и учение»; «Ми-ти, китайский философ. Учение о всеобщей любви»; «Лао-си Тао-те кинг». Об отношении Л. Толстого к китайской философии см. также главу «Толстой и Китай» в книге А. Шифмана «Лев Толстой и Восток» (М., 1960, стр. 46—172).

² Н. И. Конрад, «Сунь-цзы», трактат о военном искусстве, М., 1950; Н. И. Конрад, «У-цзы», трактат о военном искусстве, М., 1958; А. А. Петров, Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель, М., 1954; Ян Хин-шун, Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение, 1950; В. М. Штейн, Гуаньцзы, М., 1959; Ю. К. Шуцкий (под ред. Н. И. Конрада) Китайская классическая «Книга перемен», М., 1960.

³ Ян Юн-го, История древнекитайской идеологии, М., 1957; (далее — Ян Юн-го). Го Можо, Философы древнего Китая, М., 1961, (далее — Го Можо) и др.

⁴ В. М. Алексеев, Китайская литература, — в сб. «Литература Востока», вып. 2, 1920, стр. 28—29.

⁵ См. Лу Синь, Сочинения, т. IX, Шанхай, 1948, стр. 151.

⁶ Г. Поспелов, О природе искусства, М., 1960, стр. 152.

⁷ Цифры в скобках в тексте обозначают страницы перевода «Лецзы» и «Чжуанцзы» в настоящем издании.

⁸ Эту песню конфуцианцы в свод «Шицзин» («Книга песен») не включили, а комментаторы ее отнесли к более поздним или поддельным. За ними пошли и некоторые синологи. R. Wilhelm относит ее к числу поздних [см. R. Wilhelm, «*Dschuang Dsi*»; Jena, 1923, S. 244 (далее — Wilhelm, *Dschuang Dsi*)]; Legge в комментарии отмечает ироничность, «насмешку», содержащуюся в песне, но в тексте обходит вопрос, заменяя точное «конфуцианец» на неопределенное «*literati*», — J. Legge, *The Sacred Books of the East*, vol. XL, The Texts of Taoism, Oxford, 1891, p. 134 (далее — J. Legge)].

⁹ Ср. перевод П. С. Попова «Изречения Конфуция, учеников его и других лиц» (СПб., 1910, стр. 103). Данный и другие древние памятники цитируются по серийному изданию «Чжу цзы цзи чэн» (Пекин, 1956). Римской цифрой (после главы, цзюани) обозначается том, арабской — страница.

¹⁰ «Дао дэ цзин», § 60, — здесь и в дальнейшем с небольшой нашей правкой цитируется перевод Ян Хиншуна из приложения к монографии «Древнекитайский философ Лаоцзы и его учение» (далее — Ян Хиншун). См. также развитие этого тезиса у Ван Чуна, гл. О смерти, «Лунь хэн», VII, 205—206.

¹¹ См. «История философии», т. 1, М., 1957, стр. 78.

¹² Ян Хиншун, стр. 50.

¹³ Трудность формулирования первых абстрактных понятий заключалась в том, что формирование философской терминологии шло только за счет собственных ресурсов при совмещении конкретных понятий с отвлеченными. По типу расширения значения слова дао — «путь» до «пути вселенной» создавались и другие основные термины (например, *дэ*, *ци*, *инь* и *ян*). Новое же значение слова выделялось с помощью таких, например, разъяснений: «Путь... не есть обычный путь...» («Дао дэ цзин», § 1).

¹⁴ См. ниже о критике текста «Лецзы» Гао Сысунем, А. Грэемом и др. [Чжан Синьчэн, *Вэй шу тун као*, т. II, Шанхай, 1958, стр. 820 (далее — Чжан Синьчэн); A. Graham, *The Book of Lieh-tzu*, London, 1960, p. 9—10 (далее — Graham)].

¹⁵ См. J. Legge, vol. XXXIX, p. 247—250; H. A. Giles, *Chuang Tzŭ Mystic, Moralist and Social Reformer*, Shanghai, 1926, p. 80—82 (далее — H. Giles); R. Wilhelm, *Dschuang Dsi*, pp. 50—51; Ju-lan Fung, *Chuang Tzŭ* Shanghai, 1933, pp. 121—122 (далее — Ju-lan Fung).

¹⁶ Такое представление многих синологов о Чжуанцзы объясняется в основном влиянием книги Г. Джайльса, хотя уже в предисловии к ней доказывается близость Чжуанцзы и Гераклита (см. Giles, pp. XX—XXII, XXIV—XXV). Но если автор предисловия — почетный каноник А. Моог считал Гераклита идеалистом, то советские ученые в его характеристике исходят из ленинской оценки греческого мыслителя (см. В. И. Ленин, *Философские тетради*, 1947, стр. 294).

¹⁷ «Дао следует естественности» (см.: Ян Хиншун, стр. 54, и сл.; А. А. Петров, *Ван Чун*, 1954, стр. 41).

¹⁸ См.: J. Legge, vol. XXXIX, p. 85; H. Giles, pp. 82, 120; R. Wilhelm, *Liä Dsi*, Jena, 1911, S. 2, 114 (далее — Wilhelm Liä Dsi); J. Needham, *Science and civilization in China*, vol. 1, Cambridge, 1954, pp. 153—154 (далее — Needham), а также соответствующие места в китайских комментариях и статьи в толковых словарях.

¹⁹ «В седьмой луне» *ян* встречается в значении «жар», «солнце»; *инь* — «ледник»; в других народных песнях *инь* — «луна» (см. «Хрестоматия по истории древнего Востока», под ред. В. В. Струве, М., 1963, стр. 426—427; «Шицзин», М., 1958, I, XV, 1). Слово *ян* входит также в название осеннего и весеннего праздников, причем с последним связаны такие элементы обряда «вызывания плодородия», как «избиение коровы», «весенние встречи» [см. Г. Г. Стратанович, *О ранних верованиях древних китайцев* (Тотемизм), — «Краткие сообщения Института народов Азии», АН СССР, 1963, № 61, стр. 64 сл.].

²⁰ Комплекс этих значений заметил и Ю. К. Шуцкий: «Они (Свет и Тьма. — Л. П.) в свою очередь связаны с представлениями солнца и луны, огня и воды...», но отнес его к более позднему времени — с I в. до н. э., к «теоретическому обоснованию алхимии...» (Ю. К. Шуцкий *Китайская классическая «Книга перемен»*, стр. 156, 143).

²¹ Данный случай Дж. Легге отмечает, как «особое применение *инь* и *ян*» (J. Legge, vol. XXXIX, p. 211), поскольку содержание абзаца противоречит его трактовке этих терминов лишь как «Тьма» и «Свет».

²² «Крайний предел» для каждой из сил входит также в обозначение солнцеворота — зимнего и летнего, еще раз подтверждая, что понятие *инь* связывалось с холодом, а *ян* — с жарой.

²³ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20, стр. 369.

²⁴ Сыма Цянь (II—I вв. до н. э.) — в своих «Исторических записках» называет Чжуанцзы современником Вэйского Хойвана и Циского Вэйвана (годы правления 370—335 и 378—343 гг. до н. э.) и говорит о «его книге в сто с лишним тысяч иероглифов». В «Библиографии к «Истории династии Хань» (I в. н. э.) подсчитываются уже не знаки, а главы и сообщается о «Чжуанцзы» из «пятидесяти двух пянь». Следовательно, разделение памятника на главы произошло на рубеже нашей эры. Композицию памятника с разделением на главы (*пянь*) и части («внутренние», «внешние», «сборные») приписывают обычно Сян Сю (III в.) и Го Сяну (III—IV вв.). В «Библиографии к „Истории династии Суй“» (VI—VII) говорится о 20 *цзюанях* (см. Чжан Синьчэн, т. II, стр. 833—834). Из-

менение объема связано с появлением нового материала: связки дощечек (пянь) заменили свитки шелка или бумаги (цзюань). Рукопись, видимо, подвергалась и другим изменениям, которые не всегда возможно установить. Издания «Чжуанцзы», как и «Лецзы», известны с самого начала XI в. (см. К. К. Флуг, *История китайской печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв.*, 1959, стр. 264. Далее — К. К. Флуг). В них «Чжуанцзы» подразделяется на восемь цзюаней и на тридцать три пянь (1—7 называются «внутренними», 8—22 — «внешними», 23—33 — «сборными»).

С подобным изданием из-за отсутствия рукописей и вынужден работать исследователь в наши дни. Это современная книга, которая делится на части, главы и сопровождается комментариями к фрагментам, фразам и отдельным иероглифам. Комментарии отпечатаны мелким шрифтом внутри самого текста. Изучение толкований комментаторов на протяжении многих веков позволяет выявить разногласия между ними и тенденцию к фальсификации памятников. Разногласия обнаруживаются даже в трактовке сказочных образов. Так, *рыбу-гунь* Цуй Чжуань (IV—V вв.) и лянский Цзяньвэньди (VI в.) считают китом, Лу Дэмин (VII в.) — какой-то другой огромной рыбой; Го Цинфань (XIX в.), следуя за Фан Ичжи (XVII в.), — «рыбкой маленькой, которую Чжуанцзы изобразил гигантской» («Чжуанцзы цзиши», гл. 1, III, 2). Споры велись также вокруг оформления памятников — отдельных глав, их названий и пр.,

²⁵ Лю Сян (I в. до н. э.) — первый редактор записей «Лецзы» — в своем предисловии к памятнику писал: «[Я] отредактировал и исключил повторения... определив сочинение в восьми главах (пянь)». Эти данные подтверждаются и в «Библиографии к „Истории династии Хань“» (см. Чжан Синьчэн, т. II, стр. 818—819).

²⁶ См. там же, стр. 819—820, 822.

²⁷ См. Ю. К. Шуцкий, *Основные проблемы истории текста «Лецзы»*, — «Записки Коллегии Востоковедов», т. III, вып. 2, (1928), стр. 279, 284.

²⁸ См. А. Петров, *Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая*, — «Советское востоковедение», 1940, № 1, стр. 176, 191.

²⁹ См. J. Needham, vol. 11, Cambridge, 1956, p. 31.

³⁰ См. И. Бичурин, *Описание религии ученых*, Пекин, 1906.

³¹ Ф. Энгельс, *Крестьянская война в Германии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 7, стр. 360.

³² Появление даосской религии соединяется с именем первого ее патриарха Чжан Даолина (род. в 34 г. н. э.) См. В. П. Васильев, *Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм*, СПб., 1873, стр. 99 (далее — В. П. Васильев).

³³ Ф. Энгельс, *Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 21, стр. 314.

³⁴ В. П. Васильев, стр. 73.

³⁵ См. «Мэнцзы», гл. 3 (2), I, 269—272 (ср. П. С. Попов, *Китайский философ Мэн-цзы*, СПб., 1904, стр. 115—117).

³⁶ См. В. М. Алексеев, *Китайская классическая проза*, 1958, стр. 79.

³⁷ См. Л. Д. Позднеева, *Цзи Кан «О долголетию»*, — в сб. «Древний мир», 1962, стр. 432.

³⁸ См. Юн Чжаоцзу, *Даты жизни Ли Чжи*, Пекин, 1957, стр. 110.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 7, стр. 360.

⁴⁰ См. статьи «Отчуждение», «О полном курсе начального обучения», — Лу Синь, *Собрание сочинений*, т. 2, М., 1955.

⁴¹ А. И. Герцен, *Избранные философские произведения*, т. I, М., 1946, стр. 96.

⁴² «Истинно-канонические книги» (чжэнь цзин) — термин, применявшийся к священному своду даосской религии.

⁴³ Лу Синь. *Мое «землячество» и моя «клика»*, — Лу Синь, *Сочинения*, т. III, стр. 108, 88. См. также Л. Позднеева, *Лу Синь. Жизнь и творчество*, М., 1959, стр. 158.

⁴⁴ См. А. Петров, *Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая*, стр. 192—194.

⁴⁵ См. Чжан Синьчэн, т. II, стр. 820.

⁴⁶ Там же, стр. 834.

⁴⁷ А. А. Петров, *Очерк философии Китая*, — в сб. «Китай», М. — Л., 1940,

стр. 264—265. О такой «смеси» см. Пу Сунлин, Сочинения (1640—1715), Шанхай, 1962, т. I, стр. 54.

⁴⁸ Основанием для такого вывода послужили всего шесть (!) случаев, когда язык «Лецзы» отличается от языка других древних памятников (см. Ян Боцзюнь, *Пример определения даты создания древних книг с точки зрения истории китайского языка*, — «Синь цзяньшэ», 1956, № 7).

⁴⁹ Гао Сысунь в XI—XII (?) вв. впервые «обнаружил» Будду в словах Конфуция о Лаоцзы: «Есть мудрец среди людей Запада» («Лецзы», стр. 76). См. Чжан Синьчэн, т. II, стр. 820. Ян Боцзюнь же ввел в свое издание и Гао Сысуня и комментарий Лян Чжанцзюя (XVIII—XIX вв.) для этого фрагмента («Слова почитания Будды, по-видимому, начинаются отсюда») и для другого фрагмента (стр. 47—48) — о Линь Лэе («Учение о переселении душ, по-видимому, начинается отсюда»). См. Ян Боцзюнь, *Лецзы цзи ши*, Шанхай, 1958, стр. 186—187, 76, 15 (далее — Ян Боцзюнь). Он перепечатал и подборку языковых переключек «Лецзы» с переводами на английский язык буддийских сутр из статьи Чэнь Даня, опубликованной в 1924 г. (см. там же, стр. 208—215). Чтобы переставить этот вопрос с головы на ноги, достаточно указать, что буддизму, как и другим мировым религиям, пришлось сначала освоить новую языковую среду: словарь при переводе буддийских канонов (IV—VI вв.) в первую очередь заимствовался из даосских памятников (см. например, В. П. Васильев, стр. 76: о названии даосов — *дао жэнь*, которое «давалось сначала и буддистам»; «Чжуанцзы», гл. 27, примечание 3. к термину «сообщение чувств» — *лю жу*, перешедшему от даосов к буддистам). Буддизму пришлось прибегнуть и к заимствованиям из местных религиозных культов. Это было, писал В. М. Алексеев, типичное для Китая «смешение буддийского культа с даосским и просто народным...» (см. В. М. Алексеев, *В старом Китае*, 1958, стр. 62; см. там же о буддийской иконографии, стр. 63, 94, 95, 185).

⁵⁰ За этим идеалистическим толкованием названия первой главы, впервые введенным в VIII в. (см. Ян Боцзюнь, стр. 1), следуют многие, в том числе буржуазные синологи-переводчики: Р. Вильгельм «Откровения невидимого мира» («*Offenbarungen der Unsichtbaren Welt*», — см. Wilhelm, *Liä Dsi*, S. 1) и А. Грэм «Дары небес» («*Heaven's Gifts*», — см. Graham, p. 14). Споры о философском понимании термина *тянь* все еще продолжаются (см. сообщение о дискуссии на кафедре истории китайской философии в Пекинском университете, — «Гуанмин жибао», 18.VII.1962 г.).

⁵¹ См. Graham, p. 1. В целом ряде случаев А. Грэм также связывает «Лецзы» с появлением в Китае буддизма (см. там же, стр. 8, 15, 59, 60), пройдя мимо трудов своих предшественников А. Уайли и Д. Бодде, на конкретных примерах доказавших отсутствие в «Лецзы» следов влияния буддизма (см.: А. Waley, *Three ways of thought in Ancient China*, London, 1946; Derk Bodde, *Lieh-Tzu and the doves. A problem of dating*, — «Asia Major», № 5 (VII), 1—2, London, 1959), а также мимо доказательств Вильгельма об аутентичности этого памятника (Wilhelm, *Liä Dsi*, S. X, XVII).

⁵² Гуань Фын, *Чжуанцзы нэйпянь ицзе хэ пипань*, Пекин, 1961. Введение, стр. 6 (далее — Гуань Фын).

⁵³ Гу Цзеган, *Гу ши бянь*, т. I, Пекин, 1936, стр. 284—286. (далее — Гу Цзе-ган).

⁵⁴ Су Дунпо, Сочинения, цз. 32, Шанхай, 1936, т. I, стр. 391—392.

⁵⁵ Wilhelm, *Dschuang Dsi*, S. XXIII.

⁵⁶ J. Legge, vol. XXXIX, p. 10.

⁵⁷ Сыма Цянь, *Исторические записки. Жизнеописание... Чжуанцзы...*, изд. «Бона», т. I, стр. 731.

⁵⁸ В. М. Алексеев, *В старом Китае*, стр. 302.

⁵⁹ См. Чжан Синьчэн, т. II, стр. 853—854. В критике трактовки Чжуанцзы как конфуцианца в своей рецензии на книгу James R. Ware «The sayings of Chuang Chou» (New York, 1963) к этим взглядам присоединяется и D. Leslie (см.: «The journal of the American Oriental Society», 1964, vol. 84, № 1, p. 62).

⁶⁰ См. Гуань Фын, *Предисловие*, стр. 1.

⁶¹ Witold Jablonsky, *Czuang Tsy*, Warszawa, 1953, p. 8. О том, что критика

В. Яблоньского не устарела, говорит основанная на конфуцианской традиции антология «A source book in chinese philosophy» (trsl. and compiled by Wing Tsitchan, Princeton University Press, 1963, p. IX).

⁶² См.: «Троецарствие» (М., 1954); «Речные заводы» (М., 1955).

⁶³ А. Петров, *Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая*, стр. 194.

⁶⁴ К. Маркс, *Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество»*, — «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. IX, стр. 45.

⁶⁵ Там же, стр. 2.

⁶⁶ См. В. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднеева, Д. Г. Редер, *Литература Древнего Востока*, 1962, стр. 421. Подобный же процесс прослеживается при записи таких религиозных сводов, как Библия, Авеста и др. См. там же, стр. 17.

⁶⁷ Эти памятники изучаются до сих пор как произведения, основанные на едином замысле и авторской записи, несмотря на свидетельства об устной передаче в «Мэнцзы», «Чжуанцзы» и комментарии к последнему VIII в. Чэн Сюаньина («Древние книги сначала передавались устно, а затем были записаны на бамбуке и шелке»), несмотря на признание Чжан Сюэчэном (XVIII в.), а также нашими современниками (Хоу Вайлу и др.) памятников середины I тыс. до н. э. «записями речей».

⁶⁸ Ввиду отсутствия точной фонетической реконструкции, слова повсюду передаются нами только в современном чтении: *тянь ди гэн* («Дао дэ цзин», § 6) *тянь ди чжи гэн* («Лецзы», 43); *Линь го сян ван, цзи цюань чжи шэн сян вэнь* («Дао дэ цзин», § 80) *Линь и сян ван, цзи гоу чжи инь сян вэнь* («Чжуанцзы», 178).

При сохранении значения в первом случае добавляется грамматическая частица (*чжи*), во втором — слова заменяются синонимами (*цюань* — *гоу* и др.). Роль подобных расхождений критиками текстов обычно преувеличивается. Так, сведя лингвистический анализ лишь к графике, сопоставляя памятники, отличные по эпохе, диалекту, направлению, не считаясь с возможностью ошибок переписчиков, Ян Боцзюнь утверждает: «...Несмотря на все усилия, с которыми подделыватели древних книг подражали языку древних... из-под их кисти неожиданно прорывался язык их собственной эпохи» («Синь цзяньшэ», 1956, № 7, стр. 38). Также спорно мнение Чжан Синьчэна, считающего подлинными лишь те фрагменты в «Чжуанцзы», в которых автор «называл себя Чжуаном Чжоу» (Чжан Синьчэн, т. II, стр. 855). Описка в одном иероглифе могла превращать Чжуана Чжоу в Чжуанцзы и наоборот так же, как могли изменяться знаки одного-двух предлогов, союзов и трех глаголов в шести примерах Ян Боцзюня. Для памятников устного творчества, бытовавших *не менее тринадцати веков в рукописи*, такие моменты не могут быть решающими.

⁶⁹ В одинаковых мифических и сказочных местностях: Бездонная (Великая) Пучина — Гуйсюй (85), Дахэ и Вэйлюй (136, 193, 214); Гора Охотниц-прорицательниц — Ле Гуи (53) и Мао Гуи (137) и др.

⁷⁰ В «Лецзы» — Ян Чжу (63, 106 и др.), в «Чжуанцзы» — чаще Янцы, Ян Цзыцзюй (в одном и том же фрагменте: 238, 284—285 и др.), с различными фамильными знаками: в «Лецзы» — «тополь», в «Чжуанцзы» — «солнце» (с ключами № 75 и № 170 при общей фонетической части *ян*). Поскольку ключи добавлялись к иероглифу позже, они, видимо, восходили к различным традициям. По отношению к Ян Чжу — «еретику» могла иметь место сознательная маскировка, но те же наблюдения подтверждаются другими именами: Хуцюцзы Линь в «Лецзы» сокращается в Хуцюцзы, Хуцзы (43, 60 и др.); в том же фрагменте в «Чжуанцзы» он — только Хуцзы (171); Бо Хуньюжэнь («Лецзы» 43) — Бо Хуньюжэнь («Чжуанцзы» 157 и др.). В «Чжуанцзы» Моу Гуан пишется и как У Гуан (162, 291, 292).

⁷¹ См. Цзи Кан. Сочинения, сост. и ред. Лу Синь, Шанхай, 1956.

⁷² См. Л. Д. Позднеева, *К проблеме источниковедческого анализа древне-китайских философских трактатов. Ораторское искусство и памятники древнего Китая*; рец. на А. Graham, *The Book of Lieh-Tzu...*, — «Вестник древней истории», 1958, № 3; 1959, № 3; 1961, № 4.

⁷³ См. также А. Иванов, *Материалы по китайской философии. «Хань Фэйцзы»*, пер., СПб., 1912, стр. 144; ср. Ван Чун («Лунь хэн», VII, 178), у которого имя Лецзы заменено на имя Конфуций.

⁷⁴ Семнадцать фрагментов, общих для «Лецзы» и «Чжуанцзы», насчитал еще Гао Сысунь. См. Чжан Синьчэн, т. II, стр. 820.

⁷⁵ Те же факты см. в «Изречениях» Конфуция (гл. 9, 15, 17, I, 176, 331, 365).

⁷⁶ Желтый Предок (Хуанди) правил, согласно традиции, с 2698 по 2598 гг. до н. э. Один из древнейших мифических героев Китая; возможно, как Предок Желтой Земли. Он связан с тотемом медведя (происходил из «рода Владеющих медведем» — Ю Сюнши) и в даосской традиции считается родоначальником китайцев. Впоследствии его стали считать основоположником даосской философии, которая называется учением Хуана (Хуанди) и Лао (Лаоцзы) или Лао и Чжуан-на (Чжуанцзы). С него начинается история Китая у Сыма Цяня, а также пантеон даосской религии (см. «Каталог гор и морей» — «Шань хай цзин»).

⁷⁷ Сравнив указанные выше речи (168, 197), Го Можо заключал: «Отсюда видно, что диалог И Эр-цзы и Сюй Ю является, конечно, вымыслом» (Го Можо, стр. 282). См. также подборку комментария Гао Сысуна и Ма Сюйлуна в «Лецзы», изданном Ян Боцзюнем (стр. 198—203). Сопоставив общие места в «Лецзы» и «Чжуанцзы», А. Грэм писал: «Эти темные фразы... очевидно, представляют собой критические замечания, принадлежащие другой руке» (А. Graham, p. 18), хотя уже Р. Вильгельм заметил: «...Значительно проще принять, что это место выбросил Чжуанцзы, чем допустить, что здесь — чья-то приписка». Он считал, что редакция фрагментов принадлежала Чжуанцзы (вернее, школе Чжуанцзы.— Л. П.): «...Стилистические шероховатости в них всюду сглажены, повествование стало более связным» (R. Wilhelm, *Liä Dsi*, S. XVI, 115, 119 sq.). Правда, Вильгельм не подтвердил своих выводов, переводя типические места произвольно: «Лецзы» ввел варианты из «Чжуанцзы» (см. *ibid.*, S. 21, 22 sq.), в «Чжуанцзы» почти все пропустил (см. «*Dschuang Dsi*», S. 21, 59 sq.), так же как и повторения в самом «Чжуанцзы» (например, дал лишь второй фрагмент с диалогом Полутени и Тени, перенеся его из гл. 27 в гл. 2).

Общие места свойственны и другим памятникам того времени. Так, в «Изречениях» одна и та же фраза — «Почтительным сыном можно назвать того, кто три года [после смерти отца] не меняет отцовских порядков» — то включает изречение Конфуция, то дается отдельно (гл. 1 и 4, I, 15 и 74); оборот «искусные речи, вкрадчивое выражение лица» дается и от имени Конфуция и как повторение слов Цзо Цюмина — (гл. 1 и 5, I, 5 и 108) (Подробнее об этом см. В. П. Васильев, *Примечания на второй выпуск Китайской хрестоматии*, СПб., 1883, 1 сл.).

В «Мэнцзы» характеристика потопа повторяется в ответе Чэнь Сяну и Гун Дуцзы — Гл. 3 (1 и 2), I, 219 и 263; характеристику голода Мэнцзы дает сам и от имени Гун Минъи — гл. 1 (I) и 3 (2), I, 37 и 269. Однако здесь повторения не служили комментаторам доказательством «подделки» или «вымысла» — конфуцианцы оставались «вне подозрений».

⁷⁸ См. А. Петров, *Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая*, стр. 196, 198.

⁷⁹ А. Грэм, процитировав притчу без заключительной фразы, приходит к выводу: «Здесь нет намека на то, что размышлением можно постичь иллюзии: жизнь — это сон, который продолжается вплоть до смерти — окончательного пробуждения» (А. Graham, p. 59).

⁸⁰ Здесь А. Грэм увидел отмену «границы между иллюзией и реальностью» (А. Graham, p. 59), снова оттого, что пропустил заключение, в котором иллюзии сна объясняются реальностью жизни (171).

⁸¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 21, стр. 282.

⁸² Формулировка, выработанная на основе изучения русской литературы. См. Д. С. Лихачев, *Культура Руси*, 1962, стр. 58. Уже резкое отличие стиля речей философов даосской школы от конфуцианской делает неправомочными оценки памятников одной школы (в области лексики, грамматики, а особенно датировки) с позиций другой — «непогрешимой» конфуцианской. Коренные мировоззренческие же различия требуют изучения и стиля каждой из школ в отдельности при сопоставлении с другими преимущественно в полемических разделах, раскрывающих столкновение взглядов, а вместе с этим и различие в стилях. Стилистическое своеобразие «записей речей» — памятников школы особенно интересно с точки зрения переходного этапа к выделению в дальнейшем стиля индивидуального творчества, основанного на едином замысле и авторской записи.

⁸³ Г. Поспелов, *О природе искусства*, стр. 151.

⁸⁴ См. «Литература Древнего Востока», стр. 350 и сл.

⁸⁵ Например, пословицы: «Землепашца усадить, что убить» — у Ян Чжу (116); «Укрывшего крючок — на плаху, укравшего трон — на царство» — у Чжуанцзы (179); дидактическая и трудовая песни — у Лецзы (47, 94—95); песни безумца и грабителей могил — у Чжуанцзы (155—156, 279); предания о Желтом Предке — у Лецзы, Ян Чжу, Чжуанцзы (43, 46, 104, 183—184, 262—263).

⁸⁶ К. Маркс, Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, стр. 736.

⁸⁷ Этого не понял А. Грэм, поставивший под сомнение авторство и содержание фрагмента: «...Не вполне ясно, понимал ли он (Лецзы.— Л. П.) эволюцию как исторический процесс, в ходе которого порождались виды, или же как возможность, реализуемую в тех случаях, когда встречается должная последовательность нормальных и ненормальных изменений». Указав же, что данная идея стала «чрезвычайно плодотворной, когда она появилась независимо и совершенно на другой почве в Европе» (А. Graham, p. 22), английский синолог, на наш взгляд, проявил антиисторизм. Ведь для появления этой идеи в Европе понадобилась не только «другая почва», но и длительный процесс развития науки — от древнегреческих атомистов до Дарвина. Догадка же Лецзы не менее гениальна, чем Демокрита, у которого первые люди «произросли из земли на подобие червей» (см. А. О. Маковельский, *Древнегреческие атомисты*, Баку, 1946, стр. 102).

⁸⁸ Одно из изречений здесь — «Жизнь вещи подобна стремительному бегу, [она] развивается с каждым движением, изменяется с каждым моментом» (217) — близко к упоминавшейся В. И. Лениным знаменитой формуле Гераклита — «Нельзя войти дважды в одну и ту же реку» (В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 291).

⁸⁹ Царь Прекрасный (Вэнь ван) — имя-титул, как и прозвание по месту рождения (сунец), по профессии (повар, пастушок), зачастую — единственная характеристика героя, поэтому перевод их весьма желателен. Задача эта, конечно, трудная, ибо не всегда удается найти яркий и лаконичный русский эквивалент прозвища. Первым попытку перевести прозвища сделал Р. Вильгельм в «Лецзы» и «Чжуанцзы», но у синологов это еще не стало правилом. Поэтому, как мы уже имели случай отметить, «оригинал предстает перед русским читателем в значительно обедненном виде» (Л. Д. Позднеева, *Лу Синь. Жизнь и творчество*, М., 1959, стр. 213—214). Критика же недавних публикаций требует положить конец привычке давать не перевод, а «транскрипцию китайского текста» (Аг. Гатов, *Храбрость пяти наказаний*, — сб. «Мастерство перевода», 1963, стр. 330). Без перевода имени в древних текстах нельзя даже понять, какой герой положительный, а какой — отрицательный. Ведь для китайцев Цзе — Разрывающий на Части и Чжоу — Бесчеловечный звучат так же, как Канн и Ирод для христиан. Прозвища несут и полемическую нагрузку.

⁹⁰ Некоторые положения Чжуанцзы в традиции считаются критикой Ян Чжу, но единственный конкретный пример разногласий — «пять красок» (179, 196), т. е. признание Ян Чжу необходимости наслаждений — «естественных желаний» (107). В одном из остальных выступлений Чжуанцзы упоминается школа Ян Чжу, возможно, как синоним даосов в целом (263); в другом, упрекая Ян Чжу и Мо Ди за то, что они «начали отделяться» (196), Чжуанцзы тем самым признает прежнюю свою с ними общность; дважды Ян Чжу в речах Чжуанцзы достается без всяких оснований, ибо погоню за славой (173, 180) Ян Чжу отрицал со страстью не меньшей, чем Чжуанцзы (106—107). Из-за отсутствия рукописей трудно судить, оказались ли фамилии «Ян» и «Мо» рядом в пылу полемики или вследствие описки, но ясно, что подобной «критике» Ян Чжу (всего лишь в пяти случаях!) комментаторами придается преувеличенное значение.

⁹¹ Моцзы (Мо, Мо Ди) — ок. V в. до н. э., основатель учения моистов, запись которого сохранилась в памятнике «Моцзы» («Моцзин»).

⁹² Этот оборот — как «анафема», известен из «Мэнцзы», хотя встречался и ранее, например в осуждении Высочайшего его учителем, а также учеником

Лаоцзы (267, 254). Анализ этого примера необычайно сложен: для понимания немногих строк текста необходимо освоить материал, составляющий его подтекст,— всю полемику в целом с обязательным привлечением показаний обеих сторон. Привычка многих исследователей давать слово только конфуцианцам, лишая права голоса даосов как «еретиков», привела к искажению взглядов Ян Чжу, трактовке его речей лишь в свете «Мэнцзы» и комментариев к нему (см.: J. Legge, *The works of Mencius*, book III, pt II book IV, pt I; П. С. Попов, *Китайский философ Мэн-цзы*, стр. 115, 238 и другие переводы). Так осталась скрытой сущность «ереси» Ян Чжу: развенчание «праведных царей» конфуцианского «золотого века». Соединение же в комментариях «волоска» с Драконом — «праведником» моистов — обнаруживает непоследовательность Мэнцзы, которой как будто и в дальнейшем никто не заметил: анафеме предан Ян Чжу за отрицание «волоска», заодно с Мо Ди, почитавшим «волосок» как символ самоотверженного труда.

⁹³ Так же как и Дэн Си, автор «законов на бамбуке» (см. «Лецзы», гл. 6, прим. 21), Шао Чжэнмао был казнен за защиту «управления на основании записанных законов» Конфуцием сразу после его вступления на пост Карающего разбойников (см. Ян Юнго, М., 1957, стр. 100—101).

⁹⁴ Г. Поспелов, *О природе искусства*, стр. 152.

⁹⁵ Для подобных изысканий показателен комментарий к рассказу Чжуанцзы о царском сыне, который убежал от своих будущих подданных, успевших перед тем убить трех царей (286). Этот сюжет — иллюстрация к тезису о героях, которые «не станут затевать драку ради трона». Хотя иероглиф, обозначающий имя царевича, расшифровке не поддавался, толкователи пытались и здесь определить «исторические рамки», отыскав царевича под другими именами. Одни, ссылаясь на «Хуайнаньцзы» (цз. 1, VII, 7), называют его Скрывшимся (И); другие, ссылаясь на «Исторические записки» и «Бамбуковые летописи», — сыном Скрывшегося Недеспотичным (Учжуань). С последними соглашается и комментатор «Весны и осени Люя» (цз. 2, VI, 14). При этом упускается из виду возможность описки даже в одном знаке — в имени царя или в названии царства. Случайная же описка в именах (Прекрасный, Воинственный и др.), встречававшихся в хрониках любого царства, могла повести к расхождениям в датировке на многие века. Такие расхождения приводили к «сомнениям», а значит, и к отрицанию подлинности отдельного фрагмента и даже всего памятника (см. Чжан Синьчэн, т. II, стр. 820—821). По существу же, если хронология в записях речей могла нарушаться для главных персонажей (как в эпизоде с Разбойником), то еще меньше ее соблюдали для лиц эпизодических, какими были цари. В сюжетах притч, привлеченных лишь для иллюстрации философских положений, следовало бы и вовсе отказаться от таких поисков.

⁹⁶ Рыболов — безымянный старец, встречающийся в «Чжуанцзы» с Конфуцием (ум. в 479 г.), отождествляется с сановником Вэнь Чжуном (скитавшимся после 473 г.), а также с Рыболовом, с которым беседовал Цюй Юань (ок. 340—278). Сопоставление этих дат уже доказывает «точность» подобных домыслов о фольклорном старце, устами которого глаголет народная мудрость у Чжуанцзы и Цюй Юаня (см. «Отец-рыбак» в кн. В. М. Алексеев, *Китайская классическая проза*). Даты здесь и ниже приводятся по Юн Мэньюань, *Хронология истории Китая*, Пекин, 1956.

⁹⁷ См. Гуань Фын, стр. 141.

⁹⁸ Не обратив внимания на притчу о колесничем, А. Грэм использует другие эпизоды о том, как рыболов или стрелок «постигают свое искусство», а поэтому добавляет к «искусству» — «непередаваемое». Проведя параллель между физической тренировкой и «духовной» (т. е. постижением дао), А. Грэм утверждает, что «определить в словах» учение даосских классиков «так же невозможно, как и пловцу описать, почему он держится на воде» (А. Graham, pp. 4—5). Так пропуск важнейшей притчи превращает Лецзы в трактовке Грэма в идеалиста.

⁹⁹ Толкуя эту притчу, ставшую общим местом, Гуань Фын сосредоточивается на расхождениях в деталях (имена поваров, количество бычьих туш) в «Гуаньцзы», «Весне и осени Люя», «Хуайнаньцзы», у Цзя И в «Чжи ань цэ». Обнаружив же у «одного Чжуанцзы» нож «без утолщения», Гуань Фын назы-

вает его «нож без толщины» и заключает, что это «сверхъестественное понятие... которое может существовать лишь в идее». Так «доказывается» «субъективный идеализм» Чжуанцзы и «поистине огромная ошибка» тех, кто видит в этой притче «признание объективных законов материального мира» (Гуань Фын, стр. 157—160).

¹⁰⁰ Данное положение Чжуанцзы лучше всего опровергает представление о нем, как о «релятивисте», начало которому положил как будто А. Моог (см. Н. А. Giles, p. XIX). Разрабатывая зачастую с полемическими целями понятие относительности, Чжуанцзы отнюдь не отрицал абсолютной истины.

¹⁰¹ Непонимание этого тезиса даосов, полемического отрицания «знаний» конфуцианцев приводит к извращению их взглядов. Так Легге приписывал даосам «противодействие росту знаний» (J. Legge, vol. XXXIX, p. 29); а Фэн Юлань находил у них «аргументы для отрицания цивилизации и интеллектуальных знаний...» (Ju-lan Fung, p. 31). Против таких выводов говорит уже огромный для того времени естественнонаучный материал в даосских памятниках (например, притчи о лекаре Бянь Цяо, «механическом артисте», 90—91, 93—94 и др.). Для правильного понимания этого вопроса очень важны замечания Дж. Нидхэма о конфуцианцах, «чей вклад в науку был почти целиком отрицательным» и о даосах, «чьи размышления о природе и проникновении в природу... лежат в основе всей науки Китая», хотя автор, к сожалению, снижает значение собственных выводов, стремясь доказать, что и в Китае мистицизм, который он находит у даосов, показал себя наиболее благоприятным для прогресса науки (см. J. Needham, vol. II, pp. 1, 12, 35).

¹⁰² Ср. положения даосов с фрагментом Демокрита: «...Видение есть восприятие отражения видимых [тел]. Ибо отражение есть образ, появляющийся в зрачке, а равно во всех прочих прозрачных [телах], которые обладают свойством сохранять в себе отражение...» (см. «Материалисты древней Греции», под ред. М. А. Дыникова, М., 1956, стр. 88).

¹⁰³ Возможно, что речь идет о «водяном» зеркале, так как в иероглифах, обозначавших «зеркало» (*цзянь*, *цзинь*), слились два предмета: бронзовый сосуд с водой, в которой видели свое отражение, и бронзовое зеркало, служившее зажигательным прибором (см. Г. Г. Стратанович, *Китайские бронзовые зеркала*, — Восточно-азиатский этнографический сборник, II, М., 1961, стр. 68).

¹⁰⁴ См. В. П. Васильев, стр. 94—97.

¹⁰⁵ «Красота подобна сущности, сущность подобна красоте. Ведь тигр и барс с облезшей шкурой подобны барану и псу с облезшей шкурой», — утверждал ученик Конфуция Цзыгун, категорически отвергая сомнения собеседника: «Зачем благородному красота? У него сущность и только!» («Изречения», гл. 12, I, 267).

¹⁰⁶ Ранний эстетический идеал лучше всего изучен в трудах об античности (см.: В. Ф. Асмус, *Искусство и действительность в эстетике Аристотеля*; А. А. Тахо-Годи, *Некоторые вопросы эстетики Лукиана*), но представлен и в других работах (см.: П. С. Трофимов, *Об эстетических идеях древнего Египта*; О. В. Пыжова, *Об эстетическом идеале Калидасы*, — в сб. «Из истории эстетической мысли древности и средневековья», М., 1961, стр. 10, 85, 185, 233—234).

¹⁰⁷ «Наказаний за преступления» было пять: клеймение, отрезание носа, ноги, осклопление и смерть. Замена их выкупом известна с X в. до н. э.: примерно от двух килограммов меди вместо клеймения, до ста восьмидесяти — вместо смертной казни. О последней суммы, видимо огромной, говорилось: «Внести выкуп за смерть — страшная беда» («Хрестоматия по истории Древнего Востока», стр. 437—440).

¹⁰⁸ Яньцзы (Янь Ин, Янь Пинчжун) — советник при трех царях в Ци (между 581 и 490 гг. до н. э.), которого относят к моистам (его речь против похоронной обрядности (см. стр. 109,); иногда же он выступает как даос (см. стр. 48—49). Его речи записаны в памятнике «Весна и осень Яньцзы» («Яньцзы чуньцю» IV); о нем упоминается и у Конфуция (см. «Изречения», гл. 5, т. I, 101). Указанные здесь речи см. «Чуньцю» с комментарием «Цзо чжуань», в изд. «У цзин, Сы шу», Шанхай, 1936, т. 3, стр. 418.

¹⁰⁹ См. А. Петров, *Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая*, стр. 176—181.

¹¹⁰ Уйти в зятья — совр. *цзя* — «№ 5734 (иероглифы здесь и ниже даются по: И. М. Ошанин, *Китайско-русский словарь*, М., 1959) в древности — без де-

терминатива, здесь принят в значении «переселиться в дом жены», поскольку родной дом Лецзы остался в царстве Чжэн.

¹¹¹ См. В. А. Кривцов, *Эстетические взгляды Ван Чуна*, — в сб. «Из истории эстетической мысли древности и средневековья», стр. 214, 218 сл.

¹¹² См. «Хрестоматия по истории Древнего Востока», 1963, стр. 502, 503.

¹¹³ «Оседлав ветер» — «суй фын дун си» и «чэн фын эр гуй» («Лецзы», 53, 54), «юй фын эр син» («Чжуанцзы», 136).

¹¹⁴ «Каталог гор и морей» («Шань хай цзин»), цз. 6, 7.

¹¹⁵ См. Graham, p. 1.

¹¹⁶ «Теоретическим пределом этой способности становится абсолютное могущество или скорее абсолютная свобода... Лецзы, едущий верхом на ветре, это образ не мастерства, а свободного, беспрепятственного движения» (Graham, p. 33).

¹¹⁷ М. Горький, *О литературе*, 1953, стр. 693.

¹¹⁸ Отсутствие имени Лецзы у Сыма Цяня (так же как и в «Чжуанцзы», гл. 33) служит главным предлогом для объявления Лецзы лицом не историческим (см. Чжан Синьчэн, т. II, стр. 820), хотя гл. 32 «Чжуанцзы» названа «Ле Защита Разбойников»; встречается это имя и в письменных памятниках («Весна и осень Люя», «Хуайнаньцзы», «Хань Фэйцзы»). Следует отметить, что имя Ян Чжу, отсутствующее также у Сыма Цяня и в «Чжуанцзы» (гл. 33), сомнений не вызывает, ибо о нем говорит конфуцианский «авторитет» — Мэнцзы. Все это объясняется тем, что биографии строятся на основе показаний представителей других школ, большей частью конфуцианской (см. Го Можо, стр. 227, 233).

¹¹⁹ Легенду о Диогене см. Плутарх, *Сравнительные жизнеописания*, М., 1963, т. II, стр. 404.

¹²⁰ Тот факт, что роль вымысла у Чжуанцзы, как правило, преувеличивалась, доказывается уже большой зависимостью философа от его предшественников и народного творчества. Переход к вымыслу является результатом длительного развития (см. Д. С. Лихачев, *Человек в литературе древней Руси*, М., 1958), и достижение его в древности не могло быть по силам даже такому крупному мыслителю и художнику, как Чжуанцзы.

¹²¹ См. В. Б. Никитина и др., *Литература Древнего Востока*, стр. 389—407.

¹²² См. Цао Чжи, *Семь печалей*, пер. Л. Черкаского, М., 1962, стр. 110, 131, 118.

¹²³ Тао Юань-мин, *Лирика*, пер. Л. Эйшлина, М., 1964, стр. 138.

¹²⁴ См. «Три танских поэта», М., 1960, предисловие Н. И. Конрада, стр. 17.

¹²⁵ См. там же, пер. А. И. Гитовича, стр. 114.

¹²⁶ См. Л. Позднеева, *К вопросу об общественно-политических и философских взглядах поэта Юань Чжэня*, — в «Сб. статей по истории стран Дальнего Востока», М., 1952, стр. 116, 119.

¹²⁷ См. Н. И. Конрад, *Начало китайского гуманизма*, — «Советское востоковедение», 1957, № 3, стр. 76.

¹²⁸ Пу Сунлин, *Новеллы*, пер. П. Устина, А. Файнгара, М., 1961, стр. 56.

¹²⁹ «Удивительные истории нашего времени и древности», пер. В. А. Вельгуса и И. З. Циперович, М., 1962, т. I, стр. 313; т. II, стр. 363.

¹³⁰ См. У Цзинцзы, *Неофициальная история конфуцианцев*, пер. Д. Воскресенского, М., 1959, стр. 23—36.

¹³¹ См. Ли Жу-чжэнь, *Цветы в зеркале*, пер. В. А. Вельгуса и др., М., 1959.

¹³² См. Сыма Цянь, *Исторические записки*, стр. 731, 646, 730.

¹³³ См. Бань Гу (I в. н. э.), *Предисловие к «Историческим запискам»*, там же, стр. 1.

¹³⁴ Противоречивые сведения замечательно были обыграны Лу Синем в 20—30 гг. XX в.; см. Лу Синь, *Сатирические сказки*, М., 1964.

¹³⁵ Л. В. Симоновская, Г. Б. Эренбург, М. Ф. Юрьев, *Очерки истории Китая*, М., 1956, стр. 27.

¹³⁶ См. «Исторические записки», — цз. 24, 27, 96, 105, т. I, стр. 381, 418, 948, 990.

¹³⁷ См. Л. Д. Позднеева, *Цзи Кан «О долголетию»*, стр. 438.

¹³⁸ См. Лю Цзунъюань, *Надпись у нового зала сановника нашего Вэя в Юнчжоу*, пер. В. М. Алексеева,— в кн. «Китайская классическая проза», стр. 257—258.

¹³⁹ См. Ван Вэй, *Тайны живописи*, пер. В. М. Алексеева,— в журн. «Восток», № 3 (1923), стр. 31.

¹⁴⁰ См. Ю. В. Бунаков, *Книгопечатание и книгоиздательское дело в Китае*,— в сб. «Китай», 1940, стр. 390.

¹⁴¹ См. К. К. Флуг, стр. 84, 86.

¹⁴² Там же, стр. 99, 142—143.

¹⁴³ Такое толкование приобрели следующие изречения из конфуцианских канонов: «У северных инородцев [даже] при правителях хуже, чем в Китае [даже] без правителей» («Изречения» Конфуция, гл. 3, I, 45); «Я слышал, что Ся (Китай — Л. П.) воспитывал варваров, но не слыхивал, чтобы варвары его воспитывали»; «Ныне с юга [явился] варвар с птичьей речью, отрицающий учение [наших] древних государей. И ты учишься у него, изменив своему учителю!» («Мэнцзы», гл. 3 (I), 1, 230 и 232—233).

¹⁴⁴ «...Чжан Цянь ходил послом в Дася (Бактрию.— Л. П.) и дошел до истоков реки [Хуанхэ], но разве обнаружил он... гору Куньлунь, за которой поочередно скрываются солнце и луна... Поэтому-то я и не смею повторять те чудеса, о которых говорится... в «Каталоге гор и морей»,— «Исторические записки», цз. 123, т. I, стр. 1146. См. также «Хрестоматия по истории Древнего Востока», стр. 502.

¹⁴⁵ См. У Чэнъэнь (XVI в.). *Путешествие на Запад*, пер. А. Рогачева и В. Колоколова, М., 1959, тт. I—IV.

¹⁴⁶ См. В. Б. Никитина и др., *Литература Древнего Востока*, стр. 401—403.

¹⁴⁷ Развитие тезиса Лецзы (80—81) о чиновнике, как «слуге народа», который «не должен заставлять служить себе народ». См. Лю Хэдун (Цзунъюань), *Провожая Се Цуньи, вводное слово*. Сочинения, Шанхай, 1935, цз. 23, стр. 263. См. также Н. И. Конрад, *Начало китайского гуманизма*.

¹⁴⁸ «Обратить монахов в мирян, сжечь их книги, отдать храмы и монастыри под жилища...» Хань Чанли (Юй). «Юань дао», Сочинения, Шанхай, 1935, цз. 11, т. 2, стр. 58. См. также Н. И. Конрад, *Начало китайского гуманизма*.

¹⁴⁹ Ли Чжи, «О детском сердце». Цит. по кн. У Цзэ, *Отступник от конфуцианства Ли Чжо-у*, Шанхай, 1949, стр. 92—93.

¹⁵⁰ Цит. по книге У Цзэ. Там же, стр. 77—79.

¹⁵¹ Там же, стр. 71.

¹⁵² Там же, стр. 61, 67.

¹⁵³ Там же, стр. 144, 145.

¹⁵⁴ Там же, стр. 125—126.

¹⁵⁵ См. В. С. Манухин, *Роман «Цзинь, Пин, Мэй» и борьба с биографическим направлением в китайской критике*,— «Филологические науки» (в серии НДВШ), 1961, № 2, стр. 124—128.

ЯН ЧЖУ ЛЕЦЗЫ

ГЛАВА I

¹ Ср. Предисловие, прим. 50.

² Такое обозначение Лецзы показывает, что записи речей принадлежали не ему самому, а кому-то из учеников или последователей его школы.

³ Лецзы, или Ле Защита Разбойников (Юйкоу),— по-видимому, ученик ученика Лаоцзы. См. гл. I, прим. 10, 11. Предисловие, стр. 6, 32—34.

⁴ В квадратные скобки здесь и ниже заключены добавления от переводчика, связанные с лаконизмом древнего текста и требованиями русского языка; в угловые скобки — варианты перевода, текста и отдельных знаков в особо сложных случаях.

⁵ Чжэн — родина Лецзы, одно из многих царств Китая до объединения страны в III в. до н. э., находилось на территории современной провинции Хэнань.

⁶ См. Предисловие, прим. 110.

⁷ Вэй — (№ 3028) одно из древних царств Китая, находившееся на территории современных провинций Хэнань и Хэбэй.

⁸ Преждерожденный (*сяньшэн*) — в древности почтительное обращение к старшему, позже приобрело значение «учитель», «господин».

⁹ «[Мне], ученику» — в древности вместо употребления местоимений собеседники чаще называли себя и обращались друг к другу по имени или званию.

¹⁰ Учитель Лесной с Чаши-горы (Хуцюцзы Линь, или Хуцзы) — учитель Лецзы, родом из того же царства Чжэн. Фамилия его, по-видимому, Шан, так как далее он называется еще Старым Шаном (Лао Шан). В «Чжуанцзы» (171 — 172), о нем говорится также, как об учителе Лецзы; в «Весне и осени Люя» (цз. 15, VI, 167) — как об учителе Цзычаня (Гунсунь Цяо). Зафиксированные в «Исторических записках» (цз. 42) даты жизни Цзычаня (начало его деятельности как сановника царства Чжэн — 554 г. и смерть — 496 г.) дают возможность определить и время жизни Хуцюцзы, современника Цзычаня.

¹¹ Дядя Темнеющее Око (Бо Хуньюмужэнь), или Дядя Высокий (Бо Гаоцзы), — также ученик Хуцюцзы, учитель и друг Лецзы. В «Чжуанцзы» (157—158) имеется вариант имени — Бо Хуньужэнь, он — также учитель, т. е. современник Цзычаня. Эти данные позволяют уточнить и время жизни самого Лецзы (примерно конец VI в. — начало V в. до н. э.) и поставить под сомнение традиционные даты (V в. — начало IV в. до н. э.).

¹² Фрагмент посвящен философскому понятию материи и ее формам, как конечному и бесконечному в их противоположности и взаимосвязи.

¹³ Жар и холод (*ян* и *инь*) — основные силы в древней китайской космогонии, которые обозначали энергию тепла. См. Предисловие, стр. 9—10.

¹⁴ Фрагмент посвящен философской категории «путь» — *дао*, лежащий в основе учения даосизма и давшей ему название. См. Предисловие, стр. 8—9.

¹⁵ К преданиям о Желтом Предке (см. Предисловие, прим. 76) здесь отнесено изречение Лаоцзы («Дао дэ цзин», § 6). Неточности в указании источника, как и в цитировании, объясняются устной передачей произведений в ту эпоху.

¹⁶ Философскому термину «вещи» соответствует китайское слово *у*, означающее предметы неодушевленные и одушевленные.

¹⁷ «Сами» — прием повторения, необходимый для того, чтобы подчеркнуть тезис о саморазвитии всех существ, направленный против идеалистического учения о сознательной воле небес, см. также «Чжуанцзы», стр. 247.

¹⁸ Тяньди, — небо и земля, вместе взятые, у даосов чаще всего обозначали вселенную или природу.

¹⁹ Фрагмент посвящен космогонии Лецзы, разработанной более подробно и конкретно, чем у Лаоцзы (вар. см. «Чжуанцзы», 191).

²⁰ Воздух, эфир (*ци*) Лецзы (а за ним Чжуанцзы и Ван Чун — I в. н. э.), как и древнегреческий философ Анаксимен, принимал за первовещество, отождествляя таким образом материю в целом и отдельный ее вид.

²¹ «Дао дэ цзин», § 14.

²² Ср. «Дао дэ цзин», § 42: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рождает три, а три — все существа. Все существа носят в себе *инь* и *ян*, наполнены *ци* и образуют гармонию».

²³ Семь, девять — числа, означавшие «множество», возможно, имеют нечто общее с символикой чисел в «И цзине». См. Ю. К. Шуцкий, *Китайская классическая «Книга перемен»*, стр. 22.

²⁴ «...семена» (*цзин*, а также *цзи* в двух вариантах знаков: № 7038, 7044). Ср. стр. 45—46, 125, «Чжуанцзы», 189, 225, «Дао дэ цзин», § 21: «В нем (*дао*. — Л. П.) заключены семена». Мельчайшие семена, из которых формируются жи-

вые существа, растения и пр. «вещи» и на которые они снова распадаются,— это, возможно, древняя догадка о существовании атомов.

²⁵ «И у неба есть недостатки» — этот атеистический тезис Лецзы разделяется и другими философами (Пэн Мыном, Тянь Пянем, Шэнь Дао). См. «Чжуанцзы», 318.

²⁶ Фрагмент посвящен противоположности и взаимосвязи между сущностью (материей) и ее многообразными формами, а также между субъективным (чувственным, человеческим) восприятием и объективной действительностью.

²⁷ Недеяние, как полагают комментаторы,— «высшая [форма] небытия, поэтому способно служить основой для тьмы изменений». Ср. «Дао дэ цзин», § 2: «...Бытие и небытие порождают друг друга... длинное и короткое взаимно оформляются...»; § 37: «Дао всегда в недеянии, но нет ничего, чего бы оно не делало». Категория, по-видимому, подобная «пустоте» у древнегреческих атомистов. В социально-этическом учении даосов под недеянием подразумевалась жизнь человека в соответствии с законами природы в противовес деяниям правителей осуществлявшимся вопреки этим законам, см. «Чжуанцзы», 259.

²⁸ Фрагмент, близкий к притче, посвящен проблеме жизни и смерти как форме движения материи. Позже он вошел в «Чжуанцзы» (225) в более лаконичном варианте: Лецзы беседует не с учеником, а с черепом.

²⁹ Бо Фын, по-видимому, также ремесленник, появляется и в другом фрагменте (80—81), но уже в окружении своих учеников.

³⁰ В этом фрагменте излагается догадка Лецзы о единстве органического мира и его многообразии, о возникновении растений и животных и их развитии от простейших организмов к сложным, включая человека. Соединяя процесс самозарождения с влагой и гниением, Лецзы, а за ним Чжуанцзы (225) в какой-то мере перекликаются с Демокритом и другими древнегреческими философами. См. А. О. Маковельский, *Древнегреческие атомисты*, Баку, 1946, стр. 101.

³¹ Чунь — этот термин обозначает как класс насекомых, так и отряд пресмыкающихся, хотя для последних встречается и особое название э (65).

³² «цюйдо...» — это и другие названия, данные в транскрипции, не поддаются отождествлению с современными.

³³ «...блуждающие огоньки» — народное поверье.

³⁴ Страна Дум (Сы) — страна сказочная.

³⁵ Царь Просо (Хоу Цзи) — основатель земледелия, герой одного из мифов, сохранившихся в гимне «Рождение народа» (см. «Хрестоматия по истории Древнего Востока», стр. 429).

³⁶ Найденный на реке Инь (И Инь) — легендарный советник основателя так называемой династии Шан-Инь, по традиции, относится к XVIII в. до н. э. (см. «Чжуанцзы», 259).

³⁷ В этом фрагменте у Лецзы нет границы между предметами одушевленными и неодушевленными, однако ниже (46) он выделяет существа, «обладающие кровью» (сюэ ци). Этот термин см. также у Ван Чуна («Лунь хэн», VII, 203).

³⁸ Абзац посвящен отличию явления от сущности, а также проблеме конечного и бесконечного, в частности — материалистическому объяснению смерти.

³⁹ «Закон природы» — *ли* в отличие от *дао*, всеобщего закона развития мира, обозначал, видимо, закон развития отдельных вещей.

⁴⁰ Из того факта, что Лецзы отрицал бессмертие, можно заключить, что поиски возможности бессмертия велись и в то время.

⁴¹ Жизненная сила (ниже — энергия, душа) — *цзиншэнь*, по Лаоцзы, Лецзы и Чжуанцзы (223, 249) состояла, как и плоть, из материи, лишь иного свойства.

⁴² Свойства (*дэ*) — атрибуты (см. Ян Хиншун, стр. 63 и сл.).

⁴³ Лецзы говорит о возрастных особенностях человека с естественнонаучных позиций. Ср. Конфуций о том же с точки зрения морали («Изречения», гл. 16, I, 359).

⁴⁴ Гора Великая (Тайшань) — одна из священных гор Китая, на территории современной провинции Шаньдун, другое название — Гора Преемства (Дайшань, 70).

⁴⁵ Конфуций (Кунцзы, Кун Цю, Цю, Чжунни) — VI—V вв. до н. э. Poleмике с идеалистическим социально-этическим учением Конфуция, воспринятым

позже господствовавшей в Китае религией, посвящен данный фрагмент, как и многие нижеследующие.

⁴⁶ Юн Открывший сроки (Цицзи) — приверженец даосизма, о нем см. также «Хуайнаньцзы», цз. 11, VII, 184—185.

⁴⁷ Чэн — город в Лу, одном из древнекитайских царств, находившемся на территории современной провинции Шаньдун.

⁴⁸ Цинь — струнный музыкальный инструмент.

⁴⁹ Подобный Лесу (Линь Лэй) — приверженец даосизма, см. также «Хуайнаньцзы», цз. 11, VII, 184—185.

⁵⁰ Цыгун (Дуаньму Сы) — ученик Конфуция, см. «Изречения», 1, I, 14.

⁵¹ Четверостишие заимствовано, по-видимому, из народных песен того времени, хотя в своде песен («Ши цзин») оно отсутствует.

⁵² «...не поборолся» — один из тезисов даосов, направленных против конфуцианского идеала («благородного мужа»), обязанного добиваться «славы», т. е. почестей и богатства (см. «Изречения», гл. 15, I, 342).

⁵³ Этот фрагмент позже стали толковать в буддийском духе (см. Предисловие, прим. 49).

⁵⁴ «Покой смерти» — даосский тезис, который провозглашается устами противника даосизма (один из полемических приемов).

⁵⁵ «Для достойных» (жэнь) — очень сложный термин, обычный перевод которого — «гуманный» — не отвечает его содержанию. Здесь для даосов принимается значение «достойный», для конфуцианцев — «милосердный».

⁵⁶ «Вся родня» (лю цинь) — шесть степеней родства — термин, который в узком смысле обозначает родственников в пределах одной семьи и в широком — большую семью и свойственников.

⁵⁷ «Милосердие» и «справедливость» (жэнь, и) — эти термины часто служат синонимом конфуцианского учения. Ср. «Дао дэ цзин», § 38.

⁵⁸ Вскармливающий Медведя (Юй Сюн, Юйцзы), по преданию, — наставник чжоуского царя Прекрасного (Вэньвана, XII, в. до н. э.), автор «книги» в 22 главы. Его устами в данном фрагменте передаются догадки даосов о сохранении вещества (см. также стр. 258) и о переходе количества в качество.

⁵⁹ Притча Лецзы об этом цисце осталась жить в Китае и доныне в виде поговорки «опасения цисца», означающей беспочвенный страх.

⁶⁰ Материалистическое понимание неба, как и общего строения мира, ясно выраженное Лецзы, не позволяет думать, что он верил в миф о починке небосвода Нюйва. Поэтому критика данного мифа у Ван Чуна («Лунь хэн», — VII, 105), развивавшего учение Лецзы о *ци*, направлена не против Лецзы.

⁶¹ Высокий Тростник (Чан Луцзы), как и Подобный Лесу, — персонаж с прозвищем в даосском стиле (настолько познал природу, что стал ей подобен). О нем см. также Сыма Цянь (*Исторические записки*, цз. 74, т. I, стр. 813). Его объяснения носят атеистический характер, ибо небу, горам, рекам тогда приносились жертвы, а радуга и другие явления считались знамениями небес. Высказывается также одна из догадок даосов о множественности миров, которая встречается и в дальнейшем (как догадка о макро- и микрокосме).

⁶² Ограждающий (Шунь) — мифический правитель Китая, позже обожествлявшийся конфуцианской религией. 2285—2258 гг. — традиционные даты его соправления с Высочайшим (Яо), до 2208 г. до н. э. он правил самостоятельно.

⁶³ Фрагмент, повторенный почти дословно в «Чжуанцзы», 248, отражает даосское отрицание любой собственности, включая и верховную, царскую, а также власть отца над сыном, т. е. одного из основных тезисов конфуцианства.

⁶⁴ Царство Ци — одно из древнекитайских царств, находилось на территории современной провинции Шаньдун.

⁶⁵ Царство Сун — одно из древнекитайских царств, находилось на территории современной провинции Хэнань.

⁶⁶ За воровство наказывали осуждением в рабство (*цзанхо* на диалекте — *цзин* и *хуай*) с конфискацией всего имущества.

⁶⁷ «Преждерожденный из Восточного Предместья» (Дунго сяньшэн) — прозвание по месту жительства. Заключение фрагмента, как и вся притча о Бедняке и Богаче, представляет собой иллюстрацию к высказанному ранее положению — отрицанию собственности вообще.

¹ Страна Всеобщее Процветание (Хуасюйши) — одна из даосских утопий (ср. также стр. 53, 88—89, 137, 234). Хотя в тексте сказано, что такой страны нет, переводчики и комментаторы связывают ее название с родиной мифического Фуси или с именем его матери (Wilhelm, Liä Dsi, S. 117; Graham, p. 35). Эту «страну» для «реконструкции» мифа о Фуси использует также Юань Кэ, привлекая по сходству «святых Маогушэ», хотя Чжуанцзы лишь повторил общее место из «Лецзы»; см. прим. 6. [См. Юань Кэ, *Мифы древнего Китая*, М., 1965, стр. 52, 329 (далее Юань Кэ)].

² Яньчжоу... Тайчжоу — местности на крайнем западе и северо-западе Китая.

³ Срединные царства (или Срединное царство) — название китайских древних царств, которые, как считалось, находились среди «четырех морей» (одно из них на Западе — Зыбучие пески, т. е. пустыня).

⁴ Небесный Старец (Тянь Лао), Пастырь Силач (Ли Му), Мыслитель с Горы Великой (Тайшань Цзи) — помощники Желтого Предка. Прозвища говорят об опыте, силе и разуме.

⁵ Во фрагменте конкретно-чувственное восприятие (чувства) противопоставляется рациональному познанию; плоды последнего, по воззрениям ранних даосов, не могут быть выражены конкретными понятиями.

⁶ «Гора Охотниц-прорицательниц» (Гуи шань) — одна из даосских утопий. Данный фрагмент (вариант см. «Чжуанцзы», 137) — одно из свидетельств, что в ораторском искусстве сохранились свойственные фольклору общие места с присущими им противоречиями (например, на горе «зерном не питаются», но в перечисленные блага входит и «урожай зерна...»).

⁷ Атеистический тезис Лаоцзы («Души предков не творят чудес», «Дао дэ цзин» § 60), который здесь развивает Лецзы (см. также «Чжуанцзы», 198).

⁸ См. Предисловие, стр. 33—34. «Чжуанцзы», 136, 318.

⁹ Три года, затем пять, семь и девять лет — здесь и ниже (78, 283, 284) не только прием перечисления, но, по-видимому, и сроки испытания учеников в древнем Китае. В данном фрагменте философ наставляет ученика Иня (Иньшэнь, Чжанцзай), как отказываться от конкретно-чувственного восприятия (дословно от органов чувств) для перехода к рациональному мышлению, т. е. преодолевать в себе субъективное, человеческое, чтобы познать объективный мир и овладеть его законами (вплоть до полета на ветре).

¹⁰ Страж Границы (Гуань Инь, Гуань Лин, Инь Си) — ученик Лаоцзы. Ему, как говорит легенда, и оставил Лаоцзы «Дао дэ цзин» в собственной записи перед уходом на Запад.

¹¹ Вариант фрагмента см. «Чжуанцзы», 226.

¹² Жэнь — древняя мера длины, около 7—8 чи.

¹³ Желтые источники — царство мертвых.

¹⁴ В Китае существовало представление о восьми странах света: восток, запад, север и юг, а затем северо-восток, северо-запад, юго-восток и юго-запад.

¹⁵ Этот фрагмент см. также «Чжуанцзы», 244.

¹⁶ В Китае чины и звания делились на правые — младшие, и левые — старшие. Содержание притчи о Фане Процветающем (Цзыхуа) и Кае с Шан-горы (Шан Цюкае) — иллюстрация к высказанному ранее положению о возможности неосознанного слияния с природой. Заключение же притчи по существу не даосское. Устами Конфуция «чудеса» объявляются принадлежностью слепой веры.

¹⁷ Цзинь — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шаньси.

¹⁸ Цзай Во (Юй) — ученик Конфуция, см. «Изречения», гл. 3, I, 64.

¹⁹ Жердочка для Птиц (Лян Ян) — отнесен к правлению Сюаньвана в царстве Чжоу (827—782 гг. до н. э.). Этот раб — герой одной из тех притч, в которых раскрывается «секрет» мастерства в даосском его понимании: познание законов объективного мира и умение ими пользоваться для покорения природы и других существ. Второй герой притчи — Садовод с Мао-горы (Маоцю Юань) — земледелец. Вариант фрагмента см. «Чжуанцзы», 153.

²⁰ Янь Юань (Хой) — любимый ученик Конфуция, о нем см. «Чжуанцзы», 289—290; «Изречения», гл. 2, I, 28—29. Вариант фрагмента см. «Чжуанцзы», 227.

²¹ Притча о мастерстве Перевозчика сходна с приведенной выше, но содержит критику взглядов Конфуция, который якобы сам признает недостатки своего учения, а именно — отсутствие глубоких знаний («Забавлялся тем, что лежит на поверхности, но никогда не доходил до сущности»).

²² Вариант фрагмента см. «Чжуанцзы», 227—228, «Весна и осень Люя», цз. 13, VI, 129; «Хуайнаньцзы», цз. 17, VII, 290.

²³ В Люйляне (водопад) — одно из общих мест, см. также «Лецзы», 122—123 (с иными выводами) и «Чжуанцзы» (первый вариант, сокращенный, 230).

²⁴ Трактовка понятия «судьбы» здесь коренным образом расходится с конфуцианской, считающей судьбу «волей (приказом) Неба», а «трепет» перед ней — одним из качеств «благородного мужа» («Изречения», гл. 16, I, 359). Заключение данной притчи таково: как «характер», так и «судьба» — необходимость, определяемая условиями жизни. Не умея объяснить подобные явления («не зная почему»), люди и дали им особое название — «судьба». Подробнее о даосском детерминизме у Ян Чжу, см. гл. 6 «Сила и Судьба», 97—106.

²⁵ Данная притча (вариант см. «Чжуанцзы», 227) о мастерстве человека с физическими недостатками имеет особое значение: герой, человек угнетенный, противопоставляется «благородному», в конфуцианской концепции — обязательно обладавшему прекрасной внешностью (см. Предисловие, прим. 105).

²⁶ В заключение притчи пересказываются положения Лаоцзы (ср. «Дао дэ цзин», § 2, 43). Вариант притчи о любителе чаек см. «Весна и осень Люя», цз. 18, VI, 221—222.

²⁷ Чжао Сянцзы — правитель царства Чжао с 457 по 425 г. до н. э.

²⁸ Прекрасный (Вэнь хоу) — царь Вэй (№ 7646) (424—387 гг. до н. э.).

²⁹ Цзыся (Бу Шан) — учитель вэйского царя Вэньхоу — был учеником Конфуция (см. «Изречения», гл. 1, I, 11), но здесь дает объяснения в даосском духе.

³⁰ Данная притча о Колдуне (Шэньу, Цзи Сянь) с некоторыми изменениями повторяется и в «Чжуанцзы» (171—172) — как обличение колдовского (магического) применения даосского познания природы в упрощенном, поверхностном толковании.

³¹ Такой же взгляд на искусство см. «Чжуанцзы», стр. 235.

³² Данный аргумент — одно из свидетельств об отказе даосов служить власть имущим (вариант фрагмента см. «Чжуанцзы», 309).

³³ Ян Чжу (Янцзы — № 4494, вариант № 4490, Ян Цзыцзюй) — VI—V вв. до н. э., ученик Лаоцзы, подробнее см. Предисловие, стр. 31—32, «Лецзы», гл. 7, прим. I. Вариант данного фрагмента см. «Чжуанцзы», 284—285.

³⁴ Лаоцзы (Лао Дань, Старый Дань, Ли Эр) — VI в. до н. э., основоположник даосской школы — древнего стихийного материализма и наивной диалектики.

³⁵ Почти точная цитата из Лаоцзы, см. «Дао дэ цзин», § 41.

³⁶ Вариант притчи о двух наложницах (без вывода в последнем абзаце) см. «Чжуанцзы», 238.

³⁷ Ср. «Дао дэ цзин», § 78. Заключение фрагмента — развитие утопии Лаоцзы о государе, стоящем ниже своих подданных.

³⁸ Данный фрагмент (без упоминания о Вскармливающем Медведя) и до половины речи Лаоцзы см. «Хуайнаньцзы», (цз. 1, VII, 8—9).

³⁹ Ср. «Дао дэ цзин», § 76.

⁴⁰ Готовящий Жертвенное Мясо (Паоси или Фуси) и Нюйва (Нюйгуа) — древнейшие герои китайских мифов. Несмотря на позднейшую трактовку как «правителей», в их изображении сохранилось туловище змеи.

⁴¹ Священный Земледелец (Шэньнун) — мифический изобретатель земледелия.

⁴² Великие Вожди (Сяхоуши) — род Молодого Дракона (Юя). Перевод имени, основанный на гипотезе Гу Цзегана (т. I, стр. 120), не означает нашего согласия с самой гипотезой, отрицающей один из самых значительных образов китайской мифологии — великого покорителя потопа (традиционные даты: покорения потопа — 2286—2278, соправления с Ограждающим (Шунем) — 2224—2208, самостоятельного правления — до 2198 гг. до н. э.).

⁴³ Ся Разрывающий на Части (Цзе, традиционные даты его правления 1818—1767 гг. до н. э.) — посмертный титул последнего правителя мифической династии Ся. Цзе и следующие за ним в тексте три персонажа считаются людьми порочными, отрицательными героями истории.

⁴⁴ Инь Бесчеловечный (Чжоу, традиционные даты правления 1154—1122 гг. до н. э.) — посмертный титул последнего правителя династии Шан-Инь.

⁴⁵ Хуань — царь, правивший в Лу с 712 по 695 г. до н. э.

⁴⁶ Му — царь, правивший в Чу с 625 по 614 г. до н. э.

⁴⁷ Предок Огня (Янь ди) — один из мифических предков китайцев, вариант его имени, возможно, Владеющий Огнем (Ю Янь) (ср. «Чжуанцзы» гл. 9, прим. 3, гл. 10, прим. 11, гл. 14, прим. 12, гл. 16, прим. 2). Пример отождествления Яньди с другими богами на основании более поздних источников см. Юань Кэ, стр. 72—78, 341—344.

⁴⁸ Высочайший (Яо) — мифический правитель, позже обожествлявшийся конфуцианской религией. Традиционные даты его правления — 2357—2258 гг. до н. э.

⁴⁹ Куй — музыкант, Орфей китайской мифологии.

⁵⁰ «Великое Цветение» («Да Шао») — мелодия, созданная Куем в правление Ограждающего (см. также «Чжуанцзы», 3106).

⁵¹ В данном фрагменте как часть даосской утопии излагается представление о постепенном развитии человека от естественного, «животного» состояния, которое противопоставляется конфуцианской легенде о «золотом веке» древности — правлении «праведных» царей (см. также Ян Чжу, 107—108, 115; «Чжуанцзы», 176—177, 296).

⁵² Вариант той же притчи, известной под названием «Утром три», см. «Чжуанцзы», 142. Ее значение: от перестановки мест слагаемых сумма не меняется.

⁵³ Цзи Синцзы (Цзи Сяоцзы) — дрессировавший бойцовых петухов при Сюане, царе Чжоу в 827—782 гг. до н. э.; см. также «Чжуанцзы», 229—230.

⁵⁴ Хой Ан, умелый оратор, софист. Вариант данного фрагмента см. «Весна и осень Люя» (цз. 15, VI, 170—171); «Хуайнаньцзы» (цз. 12, VII, 192—193).

⁵⁵ Канван — в хронологии сунских царей отсутствует.

ГЛАВА 3

¹ Му — царь в Чжоу (1001—947 гг. до н. э.). Его путешествия — см. «Жизнеописание Сына Неба Му» («Му тяньцзы чжуань») — были овеяны легендами, а сам Му и восьмерка его коней стали сказочными персонажами. В книге Юань Кэ имена коней по «Лецзы» оставлены без перевода, переведены же более поздние их варианты (IV—VI вв. н. э.). См. Юань Кэ, стр. 304, 436—437.

² Чжэн и Вэй — царства, девушки в которых считались самыми красивыми, а песни — самыми нежными, — были осуждены как «развратные» конфуцианцами (см. «Изречения», гл. 15, 17, I, 339, 379, «Сюньцзы», II, 254); поэтому упоминание о них признавалось ересью.

³ Названия песен, которые в «Шицзине» отсутствуют.

⁴ Страна Огромных Охотников (Цзюйсоу) — сказочная страна.

⁵ Гора Союз Старших Братьев (Куньлунь) — мифическая обитель предков и богов: за этой горой скрываются поочередно солнце и луна.

⁶ Красные воды (Чишуй) — сказочная река.

⁷ Мать Западных царей (Сиванму) — божество, возглавляющее пантеон на горе Союз Старших Братьев.

⁸ Озеро Белого нефрита — сказочное озеро.

⁹ Старый Чэнцзы (Лао Чэнцзы), — как видно из данного фрагмента, ученик Инь Вэня, даос, обратившийся к магии.

¹⁰ Инь Вэнь — представитель одной из ветвей даосизма (См. также стр. 317). Носящий его имя памятник см. «Чжу цзы цзи чэн», т. VI.

¹¹ Содержание термина «Пять предков» не всегда одинаковое. Судя по встречающимся у Лецзы именам, это — Желтый Предок, Священный Земледелец, Нюйва, Готовящий Жертвенное Мясо и, возможно, Высочайший.

¹² Три царя — родоначальники трех племен (традиционных династий): Молодой Дракон (Юй) — племени Ся, Испытующий (Тан) — племени Шан-Инь, Прекрасный (Вэньван) — племени Чжоу.

¹³ Если в начале фрагмента Лецзы как будто допускает возможность магического воздействия на природу (лишь как исключение для «священных» предков), то далее излагает материалистическое понимание сновидений. Комментарий также добавляет: «Главное здесь — понимание, что сон не отличается от яви», т. е. обуславливается явью.

¹⁴ Здесь делается попытка обосновать причинность развития явлений.

¹⁵ Ср. «Чжуанцзы»: «Тот, кто видел во сне, что пьет вино, — наяву плачет...» (145). «Во сне — воспринятое душой, наяву — воспринятое телом» (140).

¹⁶ Ср. «Хуайнаньцзы» цз. 2, VII, 21.

¹⁷ «Дремучие Дебри» (Гуман), «Горное племя» (Фуло) — страны сказочные, в отличие от страны реальной — Срединных царств Китая.

¹⁸ Река без определения обозначается *хэ* или *цзян*. Первая, как правило, Хуанхэ, вторая — Янцзыцзян.

¹⁹ Гора Преємства (Дайшань) — другое, видимо, более древнее название горы Великой (Тайшань) — места захоронения царей (предков) и принесения новым царем первой жертвы Небу.

²⁰ Царство Чжоу — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шэньси.

²¹ Ср. с тезисами Ян Чжу (107) и с монологом разбойника Чжи (297).

²² Хуацзы (Цзы Хуацзы) — последователь Ян Чжу (см. Ян Юнго, стр. 233; «Чжуанцзы», 286—287). В данном фрагменте он полемически противопоставляется конфуцианцу, привязывающему человека к мелочам бытия.

²³ Метод лечения, по-видимому предшествовавший иглотерапии.

²⁴ В этом фрагменте продолжается тема предшествующего, а в заключение устами Лаоцзы конфуцианцы («благородные мужи из Лу», см. прим. 25) объявляются безумными.

²⁵ Царство Лу — родина Конфуция, одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шаньдун.

²⁶ Фрагмент посвящен проблеме относительности: чувство, испытанное впервые (даже ложно), сильнее, чем при его повторении (даже истинном).

²⁷ Янь — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Хэбэй.

²⁸ Чу — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современных провинций Хунань и Хубэй.

ГЛАВА 4

¹ В данном фрагменте, как и в некоторых следующих ниже, применяется полемический прием: устами противника — Конфуция, доказывается ложность его учения и истинность учения даосов. Сторонниками даосов выводятся и некоторые ученики Конфуция, чаще всего Янь Юань.

² На подобных высказываниях основывается легенда о том, что Конфуций сочинил или собрал и отредактировал общенародное наследие — своды песен, преданий, обрядов. Ср. «Изречения» (гл. 7, I, 144): «То, о чем учитель (Кунцзы. — Л. П.) прекрасно говорил, [это] песни, предания, соблюдение обрядов. Обо всем этом [он] прекрасно говорил...»

³ Шусунь — представитель аристократического рода, родич луских царей (дословно: внук дяди). В данном фрагменте — споре о мудрецах — вскрывается основное различие между учением Конфуция (о конкретно-чувственном восприятии и связи его с формой) и Лаоцзы (об обобщении эмпирических наблюдений с помощью рационального мышления).

⁴ Кан Цанцзы (Гэнсанцзы) — ученик Лаоцзы. У Сыма Цяня в «Исторических записках» (цз. 61) — Кан Санцзы; обычно его именуют Гэнсан Чу; см. «Чжуанцзы», 253—255.

⁵ Семь отверстий, по китайским преданиям, в сердце мудреца.

⁶ Трое владык (*сань хуан*) — в древности вариант «пяти предков», см. гл. 3, прим. 11. Позже выводились в качестве более абстрактных владык — Неба, Земли и Человека.

⁷ Содержание этого абзаца и указание на Запад (куда ушел Лаоцзы) говорит о признании Конфуцием Лаоцзы единственным в Китае мудрецом. Позже этот фрагмент стали толковать в буддийском духе, см. Предисловие, прим. 49.

⁸ Оценки, которые Конфуций дает здесь своим ученикам и самому себе, ср. «Изречения» (гл. 11, I, 238) и «Мэнцзы» (гл. 2, I, 126—127).

⁹ Цзылу (Чжун Ю) — ученик Конфуция (см. «Изречения», гл. 2, I, 33).

¹⁰ Цзычжан (Чжуаньсунь Ши) — ученик Конфуция (см. «Изречения», гл. 2, I, 34).

¹¹ Учитель Южного Предместья (Наньгонцзы) — прозвание даоса по месту его жительства. По характеристике, данной ему Лецзы, — это человек, полностью овладевший даосским учением.

¹² Вариант данного фрагмента с другой концовкой см. стр. 53—54.

¹³ Оценки значения странствий здесь ср. с разработкой той же темы у Лаоцзы («Дао дэ цзин», § 47).

¹⁴ Вэнь Чжи — знаменитый лекарь древности. Датировка его жизни (по времени излечения одного из царей Ци) колеблется между 815 г. до н.э. (начало правления царя Вэня) и 343 г. до н.э. (конец правления царя Вэя), см. «Весна и осень Люя», цз, 11, VI, 107.

¹⁵ Жунь и Мань — западные и южные соседи китайцев.

¹⁶ Различное отношение Ян Чжу к смерти своих друзей служит иллюстрацией к началу фрагмента: естественная смерть от старости (Цзи Ляна) не должна вызывать скорби, горевать следует лишь о преждевременно умерших (о Суй У).

¹⁷ В ряде изречений здесь развивается учение Лаоцзы о единстве противоположностей, как о переходе одной противоположности в другую (ср. «Дао дэ цзин»: «...человек при рождении нежен и слаб, а после смерти тверд и крепок», § 76, 2, 36 и др.; ср. «Чжуанцзы»: «покой в столкновениях... создание... после столкновения», 164).

¹⁸ В данном фрагменте развивается представление о правящих как о слугах народа. Комментарий же противопоставляет талантливых, «участвующих в управлении» — мудрым, «скрывающимся», даосам.

¹⁹ Дэн Си — подробнее о нем см. гл. 6, прим. 21.

²⁰ Гунъи Бо и другие, названные здесь, — люди неизвестные. Эпизод отнесен ко времени Сюаньвана, царя Чжоу (827—782 гг. до н.э.).

²¹ Царевич Моу по комментарию — сын вэйского царя Прекрасного, который правил в 424—387 гг. до н.э. Ср. «Чжуанцзы», 219—220, 290.

²² Вэй — (№ 7646), позже Лян, одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шаньси.

²³ Гунсунь Лун — логик-софист, жил между 320 и 250 гг. до н.э., поэтому его имя или весь фрагмент представляется более поздним добавлением к речам Лецзы (см. также стр. 219—220, 320—321).

²⁴ Чжао — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современных провинций Шаньси и Хэбэй.

²⁵ Хань Тань — логик-софист.

²⁶ Кун Чуань — внук Конфуция, ученик Гунсунь Луна.

²⁷ Невежда (Пэн Мэн) — ученик мифического Охотника (см. также стр. 237).

²⁸ Хун Чао — стрелок, ученик Невежды.

²⁹ «Лук, зовущийся Вороньим...»: описание лучшего лука, с помощью которого было сбито девять солнц-ворон, и стрел древности.

³⁰ О данных и других софизмах см. «Чжуанцзы», стр. 320, гл. 33, прим. 17—18.

³¹ «Древняя песня» — одна из тех песен, которые в своде «Шицзин» отсутствуют.

³² Фрагмент свидетельствует о передаче власти одного вождя другому, а также об одобрении народом деятельности вождя.

³³ Здесь, возможно, впервые появляется зародыш теории отражения, которая развивается даосской школой (см. Предисловие, стр. 29, прим. 102, 103).

¹ Кожаный Щит [из рода] Великих (Ся Гэ, в «Чжуанцзы» — Ся Цзи) — (миф.) наставник иньского вождя Испытующего (Тана). Данный фрагмент (см. также «Чжуанцзы», стр. 136) в форме развернутого диалога посвящен проблеме относительности времени и пространства, а также догадке даосов о макро- и микрокосме.

² Ин, область, находившаяся на территории современных провинций Хэбэй, Ляонин, а также Кореи.

³ Бинь — царство, находившееся на территории современной провинции Шэньси.

⁴ «Четыре моря» — см. гл. 2, прим. 3.

⁵ «Недостатки» неба и земли, т. е. объектов культа, — одно из проявлений даосского атеизма. Представление о материальности мира здесь подкрепляется мифологическими сюжетами. Повторяющий же эти сюжеты Ван Чун (VII, 105) ссылается на «конфуцианские книги».

⁶ «Женщина из рода Нюйва» — мать-прародительница, создательница мира, земли и человека в китайской мифологии.

⁷ «Человек из рода Ведающих Разливами» (Гунгун) — один из героев мифа о борьбе за власть предков-богов.

⁸ «Вечно Недовольный» (Чжуань Сюй) — один из героев того же мифа, царствовал, согласно традиции, в 2514—2437 гг. до н. э.

⁹ Гора Щербатая (Бучжоу) — (миф.) опора неба на северо-западе Китая.

¹⁰ Небесный столп — опорой неба в китайской мифологии считалось несколько гор, здесь — гора Щербатая.

¹¹ Гуйсуй — см. Предисловие, прим. 69.

¹² Небесная река — Млечный путь.

¹³ Колесница Преемства (Дайюй), Круглая Вершина (Юаньцзяо), Квадратная Чаша (Фанху), Обитель Красавиц (Инчжоу), Приют Презревших Блага (Пэнлай) — (миф.) пять гор-островов, на которых жили бессмертные.

¹⁴ Обезьяна-силач (Юйцян) — по древнему «Каталогу гор и морей» («Шаньхай цзин») — это дух Северного полюса с человеческой головой и птичьим туловищем.

¹⁵ Царство Драконовых Дядей (Лунбо) — сказочное царство великанов.

¹⁶ Чжан — мера длины, около трех метров.

¹⁷ Страна Пигмеев (Цзяояо) — сказочная страна.

¹⁸ Чи, цунь — меры длины, соответственно около 30 и около 3 см.

¹⁹ Сутяги (Чжэн) — сказочная страна.

²⁰ Терновник, область — раннее название царства Чу.

²¹ Дерево Душ обители мрака, дерево Отец — священные деревья.

²² Кит (Гунь), Феникс (Пэн) — сказочные рыба и птица, о них см. также «Чжуанцзы», 135—136.

²³ Бо И — (миф.) помощник Молодого Дракона в борьбе с потопом.

²⁴ Ицзянь — (миф.) — по комментарию, он, возможно, древний естествоиспытатель.

²⁵ [Видящий] Паутину Издали (Ли Чжу), или [Видящий] Резьбу Издали (Ли Лоу), Цзыюй — (миф.) первый жил при Желтом Предке и обладал исключительной зоркостью: был способен разглядеть кончик волоска на расстоянии в сто шагов; второй, видимо, также зоркий человек, о нем ничего не известно.

²⁶ Чи Юй и Наставник (Ши) Куан: о первом ничего не известно. Ши Куан — легендарный музыкант, был слепцом с исключительным слухом. Своей игрой он был способен вызывать облака и ветер. Его отождествляли с другим лицом, жившим при Пине — царе в Цзинь (558—533 гг. до н. э.).

²⁷ Юн Чэнцзы — (миф.) создатель календаря и астрономических инструментов, помощник Желтого Предка.

²⁸ Сосна-гора (Суншань) — одна из священных гор Китая на территории современной провинции Хэнань. Сосна — тотемное дерево племени Великих Вождей (Ся).

²⁹ Эти примеры доказывают зависимость растений и животных от климата (см. также «Хуайнаньцзы», цз. 1, VII, 6).

³⁰ Притча о «Простаке с Северной горы» и доныне популярна в Китае.

³¹ Отец Цветущего (Куа фу) — (миф.) герой, известный своей погоней за солнцем. Имя Куа фу связывают со священной Дэнской рощей, которая выросла на месте его гибели.

³² «Угловая долина» — (миф.) одна из местностей, через которые проходит солнце, об остальных см. «Хуайнаньцзы», цз. 3, VII, 44—45.

³³ Царство Крайний Север — утопическое, в которое попадает мифический герой Молодой Дракон (Юй), но не во сне, как Желтый Предок (см. выше), а наяву, как царь Му. Описание этой утопии ср. «Дао дэ цзин», § 80.

³⁴ Гуань Чжун (Отец Чжун, Гуаньцзы, Гуань Иу) — древний экономист, известный политический деятель при Хуане, царе в Ци (685—643 гг. до н. э.). Речи Гуань Чжуна и его школы записаны в «Речах царств», «Гуаньцзы» и других памятниках. Подробнее о нем и других героях фрагмента см. стр. 99—101.

³⁵ Юэ — одно из древнекитайских царств, находившееся в прибрежной части современной провинции Чжэцзян.

³⁶ Рассказы о похоронах и прочих обычаях этой и других стран (людей Огня, Ицью) полемически направлены против обрядности, которую отстаивали конфуцианцы, отвергавшие необходимость изучения других народов (см. Предисловие, прим. 143).

³⁷ Цинь — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современных провинций Ганьсу и Шэньси.

³⁸ В этом фрагменте отражены представления древних китайцев о перспективе и теплоизлучении, а также подчеркнуто невежество Конфуция в этих вопросах. В борьбе против «многознания» даосы (см. также стр. 105, 213) переключаются с Демокритом.

³⁹ Данный фрагмент ср. «Моцзы», гл. 43, IV, 227.

⁴⁰ Чжань Хэ (Чжаньцзы) — последователь Ян Чжу (см. Ян Юнго, стр. 233; а также «Лецзы», стр. 125—126, «Чжуанцзы», стр. 290, «Весна и осень Люя», цз. 17, VI, 214; цз. 21, VI, 281; «Хуайнаньцзы», цз. 1, VII, 4; цз. 6, VII, 90).

⁴¹ Пу Цзюйцзы — легендарный стрелок, ср. «Хуайнаньцзы» (цз. 6, VII, стр. 90).

⁴² Бянь Цяо (или Цинь Юэжэнь) — легендарный врач родом из царства Чжэн. Сыма Цянь в «Жизнеописании Бянь Цяо» («Исторические записки», цз. 105), относит даты его жизни ко времени Светлейшего (Чжао), царя в Цинь (532—527 гг. до н. э.).

⁴³ Фрагмент посвящен взаимосвязи элементов человеческого тела (см. также притчу о «механическом артисте», стр. 93).

⁴⁴ Ху Ба (Гу? Ба) — легендарный музыкант. В этом и следующих фрагментах излагаются эстетические взгляды даосов. В музыке и других искусствах они видели подражание природе на основе познания ее законов, а поэтому утверждали возможность воздействия искусства на природу и человека в том числе (см. также стр. 139, 204—205, 230—231; «Чжуанцзы», гл. 2, прим. 3, гл. 19, прим. 8).

⁴⁵ Наставник Вэнь (Ши Вэнь) — музыкант из царства Чжэн (ср. «Весна и осень Люя», цз. 17, VI, 202).

⁴⁶ Наставник Сян (Ши Сян) — легендарный музыкант.

⁴⁷ Здесь в поэтической форме изложен развитый в системе *люй* принцип восходящих квинт с соответствием их временам года (осень — фа, весна — до, зима — соль, лето — ре).

⁴⁸ Цзоу Янь — музыкант при Светлейшем (Чжао), царе в Янь (586—574 гг. до н. э.), который мог своей игрой на флейте превратить холодную погоду в теплую.

⁴⁹ Се Тань и Цинь Цин — легендарные певцы из царства Цинь, см. «Хуайнаньцзы», цз. 13, VII, 217.

⁵⁰ Э из Хань — легендарная певица. Хань — одно из древних царств Китая, находившееся на территории современной провинции Шэньси, см. «Хуайнаньцзы», цз. 13, VII, 217.

⁵¹ Ворота Согласия (Юнмынь) — название ворот в столице царства Ци.

⁵² Фрагмент о музыканте и тонком ценителе музыки, видимо, исходный; ср. «Весна и осень Люя», цз. 9, VI, 92—93; цз. 16, VI, 140; ср. также средневековую новеллу «О том, как Юй Боя, лютню разбив, простился с „понявшим звук“», пер. Б. А. Васильева («Восток», 1924, № 4); В. А. Вельгуса («Удивительные истории нашего времени и древности», т. II).

⁵³ В притче о мастере Сутулом (Яньши) говорится о возможности подражания природе даже в создании сложнейших организмов (механический артист). Прославление мастерства простого человека с физическим недостатком — антиконфуцианский тезис.

⁵⁴ Иллюстрация к древнему пониманию взаимосвязи органов чувств с внутренними органами человека.

⁵⁵ Гуншу Бань (Бань Шу, Гуншуцзы) — ученик Мо Ди, плотник, изобретатель военного снаряжения.

⁵⁶ Создателем летающей птицы здесь и в «Хань Фэйцзы» (цз. 32, V, 199) называется Моцзы, а в «Моцзы» (гл. 49, IV, 292) — Гуншу Бань, который создал сороку. Известия эти, судя по названиям птиц, различные, кроме того, коршун продержался в воздухе один день, а сорока — три дня.

⁵⁷ Дунмыи Цзя — ученик Гуншу Баня.

⁵⁸ Цинь Гули (Циньцзы) — ученик Моцзы.

⁵⁹ Гань Ин (Фэй) Стремительный Вэй, Цзи Чан — легендарные стрелки. Во фрагменте раскрывается процесс овладения мастерством и соперничество между учеником и учителем.

⁶⁰ Отец Цзао (Цзао Фу) и великий Боб (Тай Доу) — легендарные колесничие. В процессе овладения мастерством в этой притче раскрывается теория познания Лецзы — от чувственного познания к рациональному, а от последнего снова к чувственному (см. также «Чжуанцзы», 147, 203).

⁶¹ Древняя трудовая песня, созданная, по-видимому, ремесленниками. В свод древних песен «Ши цзин» не вошла, очевидно, вследствие классового отбора.

⁶² Вэй Черное Яйцо (Хэй Луань), Цю Ясный (Бинчжан), Верный (Лайдань) — сказочные герои. Притча о них — иллюстрация к даосской идее: и слабый способен сокрушить сильного.

⁶³ Советчик Шэнь (То), Великий Совершенный Кун Чжоу) — герои сказочного характера.

⁶⁴ Сказочный образ мечей был, видимо, связан с открытием железа, породившим легенды об оружии, его создателях, источниках, в которых мечи закалялись, и т. п. См., например, основанную на старинных легендах сказку Лу Синя «Меч» (Лу Синь, *Сатирические сказки*, М., Гослитиздат, 1964).

⁶⁵ В огне отмывали холст из асбеста. Считая, что асбест стал известен в Китае лишь в первых веках н. э., некоторые исследователи приходят к выводу, что данный фрагмент — позднейшая вставка; но при этом забывают, что и появление оружия из железа (известного уже с VI в. до н. э.), изображенного здесь как диковинка, пришлось бы также отнести к более позднему времени.

⁶⁶ Значение имени Хуанцзы — «сын императора» — используется для отождествления героя с Цао Пи (III в. н. э.), а тем самым и для доказательства позднего происхождения памятника (см. Ян Боцзюнь, *Лецзы цзиши*, стр. 119; А. Graham, p. 117), тогда как для такого же имени, встречающегося в беседе между царем Ци (VI в. до н. э.) и Гуань Чжуном в «Чжуанцзы», Сыма Бяо (III—IV вв.) дает комментарий «фамилия» и не ставит при этом под сомнение ни памятника, ни фрагмента (см. «Чжуанцзы», стр. 229, гл. 19, III, 118).

⁶⁷ Сяо Шу — аристократ из Лу, см. «Цзочжуань», правление Чжуангуна — 12 год, «Весна и осень» — 23 год (683 и 672 гг. до н. э.).

ГЛАВА 6

¹ Главы шестая и седьмая представляют собой «Книгу Ян Чжу» (см. Предисловие, стр. 10).

² В противоположность идеалистическому индетерминизму Ян Чжу трактует судьбу не как «появление Неба», а как естественную необходимость — определенное следствие, к которому неизбежно ведет цепь причин.

³ Пын Цзу известен лишь своим долголетием.

⁴ Три милосердных — Вэйцзы, сводный брат Бесчеловечного и его дяди; Сидящий на Корточках (Цзицзы) и царевич Щит (Бигань). Первый бежал из царства, второй был превращен в раба, а третий — казнен. (См. «Изречения», гл. 18, I, 366; «Чжуанцзы», стр. 149, 277).

⁵ Цзи Чжа (Цзицзы) — младший сын Шоумэна, царя У (585—561 гг. до н. э.). Он отказался от трона, хотя царь хотел сделать его как самого мудрого своим наследником.

⁶ Тянь Хэн захватил Ци, убив царя, и царствовал с 379 по 343 г. до н. э.; см. также стр. 130—131, 178, 265—266.

⁷ Старший дядя Ровный (Бо и) Младший дядя Равный (Шу ци) (ок. XII в. до н. э.) — братья, отказавшиеся от престола в своем царстве Одинокый Бамбук (Гучжу), находившемся на территории современной провинции Хэбэй. Они умерли от голода в знак протеста против похода Воинственного, царя Чжоу, на старшего — Иньского царя.

⁸ Цзиши — аристократический род узурпаторов в Лу (см. «Изречения», гл. 3 и 18, I, 41 и 388).

⁹ Цзи под Ивой (Люся Цзи, Чжань Цзи, Чжань Цинь) — известный своей прямоотой судья в царстве Лу, которого трижды изгоняли (см. «Чжуанцзы», стр. 293—294, 298).

¹⁰ Диалог Обитателя Северного дома (Бэйгунцзы) и Живущего у Западных ворот (Симыньцзы) иллюстрирует предшествующий фрагмент: одинаковое происхождение, занятия и свойства людей могут привести к прямо противоположным результатам.

¹¹ Баошу Я — царедворец, современник и друг Гуань Чжуна (см. также стр. 109).

¹² Царевич Цзю — второй сын Сяна, царя, правившего в Ци с 697 по 686 г. до н. э.

¹³ Царевич Сяобо — младший брат Цзю, царствовал в Ци под именем Хуаня с 685 по 643 г. до н. э.

¹⁴ Шао Ху — наставник царевича Цзю, современник Гуань Чжуна.

¹⁵ Цзюй — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Шаньдун.

¹⁶ Царский внук Учжи, объявленный наследником, убил царя Сяна, взошел на трон, но был убит восставшим народом.

¹⁷ Гегемон — глава союза царств.

¹⁸ Гао и Го — аристократические роды в Ци.

¹⁹ В тюрьму Гуань Чжуна заключили по его же просьбе, ибо по обычаю он, как Шао Ху, должен был покончить с собой.

²⁰ Этот эпизод см. также «Чжуанцзы», 264—265; «Весна и осень Люя», цз. 1, VI, 8—9.

²¹ Дэн Си (см. также стр. 80—81), уроженец Восточного квартала (Дунли) в царстве Цзинь, известен как создатель законов, записанных на бамбуковых планках. Близость воззрений Дэн Си к взглядам Ян Чжу раскрывается в выводах Дэн Си по поводу спора Цзычаня с братьями (см. стр. 110—111). Сам факт казни Дэн Си правящей верхушкой в Чжэн бесспорен, однако имя виновника расправы ставится под сомнение. Некоторые комментаторы на основании данных «Цзо чжуань», комментария к летописи «Весна и осень» (в котором отражены интересы царств Лу и Цзинь), а также комментария Лю Сяна к «Сюньцзы» (гл. 3, II, 24) доказывают, что Дэн Си был убит Сычуанем в 500 г. до н. э., через два десятилетия после смерти Цзычаня (523 г.). Думается, что следовало бы придать большее значение противоположным свидетельствам: Лецзы, как чжэнца и современника Дэн Си; «Весны и осени Люя», цз. 18, VI, 224—225; «Хуайнаньцзы», цз. 13, VII, 229; тексту «Сюньцзы», гл. 28, II, 342; «Исторических записок» (цз. 42). В «Исторических записках» убийство царевича и сановника Цзысы (Сычуаня) отмечалось в 563 г. — значительно раньше смерти Цзычаня (в 496 г. до н. э.).

²² Цзычань (Гунсунь Цяо, см. также прим. 21, гл. 1, прим. 10, 11) — царский сын и высший сановник в Чжэн (с 554 г. до н. э.), характеристика которого

в даосских памятниках противоположна конфуцианской (см. «Изречения», гл. 5, I, 100—101). В связи с вопросом о казни Дэн Си в датировке смерти Цзычаня выявились расхождения: «Цзочжуань» относит ее к 20-му году правления Светлейшего (Чжао), царя в Лу, т. е. к 523 г., «Исторические записки», (цз. 427) — к 5-му году правления Шэна, царя в Чжэн, т. е. к 496 г.

²³ В данном фрагменте представлена попытка выразить противоречие между возможностью и действительностью.

²⁴ Эта песня в «Книге песен» («Шицзин») отсутствует.

²⁵ Прозвища лекарей говорят о том, что это персонажи аллегорические.

²⁶ Речь Лаоцзы — точная цитата из «Дао дэ цзина», § 73.

²⁷ Ян Бу — младший брат Ян Чжу.

²⁸ Определение судьбы здесь ср. «Лецзы», стр. 59, «Чжуанцзы», стр. 230.

²⁹ Противоречивые прозвища в этом фрагменте указывают на какую-либо черту характера — то субъективное, что мешает взаимопониманию людей. Эти персонажи Ян Чжу, вместе со встречающимися у Лецзы героями животного эпоса, свидетельствуют о появлении у даосов новых образов, которые исследователи относят обычно лишь к «вымыслу» Чжуанцзы (см., например, стр. 268).

³⁰ Цзингун — царь в Ци (Лян, видимо, описка. — Л. П.), правивший с 547 по 490 г. до н. э. (ср. «Весна и осень Яньцзы», цз. 1, IV, 24—25).

³¹ Цзюй с Лян-горы (Лянцю Цзюй), Хронист Кун (Ши Кун) — царедворцы в Ци.

³² Тайгун (Люй Шан, Отец Шан, Цзян Тайгун, Тайгун Ван) — основатель царского рода в Ци, легендарный стратег чжоуских царей Прекрасного и Военственного (ок. XII в. до н. э.).

³³ Хуаньгун — см. гл. 5, прим. 34, гл. 6, прим. 13.

³⁴ Достоянейший (Чжуангун) — царь в Ци с 553 по 548 г. до н. э.

³⁵ Чудотворный (Лингун) — царь в Ци, правивший с 581 по 554 г. до н. э.

³⁶ Понимание судьбы здесь дополняется ее связью с профессией героя.

ГЛАВА 7

¹ Ян Чжу (см. также Предисловие, стр. 31—32, гл. 2, прим. 32) — ученик Лаоцзы, был выдающимся представителем даосской школы, создал в ней свое направление. В развитом им этическом учении о гармонии человека с природой Ян Чжу с такой силой обрушивался на конфуцианские авторитеты и устои (как, например, на необходимость служить, добиваться почестей и т. п.), что имя его для господствующего класса (начиная с Мэнцзы — IV—III вв. до н. э. — и на протяжении многих веков) было символом вольнодумства и ереси (см. А. Петров, *Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая*, стр. 175, 211).

² Мэн (Сунь Ян) — ученик Ян Чжу.

³ Никого не Стесняющий (Сюй Ю) отказался принять трон от Высочайшего, Умеющий Свернуться (Шань Цзюань) — от Ограждающего (миф.). Олицетворяя даосский тезис — отказ от власти, эти герои противопоставлялись «праведным государям», которых обожествляла конфуцианская школа. В обычае же «уступать» (передавать) Поднебесную сохранилось предание о выборности вождей (см. также «Чжуанцзы», стр. 137, 285, 291—292).

⁴ Учение Ян Чжу о наслаждении в пересказе раба и разбойника Чжи см. «Лецзы», 71, «Чжуанцзы», стр. 297.

⁵ Фрагмент посвящен отрицанию бессмертия души (см. также «Чжуанцзы», стр. 222—223, 246; Ван Чун, гл. «О смерти», «Лунь хэн», VII, 202—206).

⁶ Пример перехода явления в свою противоположность: добродетель, становясь чрезмерной, приносит зло.

⁷ Юань Сянь (Цзысы) — ученик Конфуция (см. также «Изречения», гл. 6, I, 115).

⁸ В этой пословице Ян Чжу видит протест против роскошных погребений мертвых и требование внимания к живым.

⁹ Усматривая здесь описку, Р. Вильгельм, вместо Янь Пинчжуна вводит Баошу (Wilhelm, *Liā Dsi*, S. 79, 145). Однако содержание ответа по поводу похорон обнаруживает в герое моиста или даоса, сторонника учений, с которыми связывают как раз Янь Пинчжуна (см. Предисловие, прим. 108).

¹⁰ Хуанцзы — современник Гуань Чжуна.

¹¹ В конфликте с Гунсунем Зореваном (Чао) и Гунсунем Полуношником (Му) Цзычань (Гунсунь Цяо) развенчивается как конфуцианец: он не сумел убедить даже своих братьев. Победа в споре остается за братьями Цзычаня и Дэн Си, которые доказывают правильность взглядов Ян Чжу.

¹² Дуаньму Шу — по комментарию А. Грахата, потомок ученика Конфуция Цзыгуна, хотя поведение героя говорит о нем как о последователе Ян Чжу.

¹³ Ци — здесь, видимо, описка, так как речь идет о царстве Вэй.

¹⁴ Ученик Дуаньгань (Дуаньгань Шэн, Му) — философ даосского направления, о его отказе от жалованья, от службы вэйскому царю Прекрасному (Вэньхоу, 428—387 гг. до н. э.), см. «Весна и осень Люя», цз. 15, VI, 167; «Хуайнаньцзы», цз. 14 и 20, VII, 334 и 360.

¹⁵ «Высокосовершенный» (Бочэн Цзыгао) — ср. «Чжуанцзы», 190—191; «Хуайнаньцзы», цз. 13, VII, 215; «Весна и осень Люя», цз. 20, VI, 257—258; в данном и в следующем фрагменте зафиксирован знаменитый «отказ» пожертвовать волоском во имя помощи Поднебесной, за который Ян Чжу был предан анафеме (см. Предисловие, стр. 23—24, прим. 92), ср. «Чжуанцзы», 287.

¹⁶ В этой речи Ян Чжу развенчивает конфуцианских «праведных царей», обличает их в нарушении собственных моральных устоев.

¹⁷ Чжоу (гун) — младший брат Воинственного (ок. XII в. до н. э.) и регент при юном племяннике — Чэнване. Обожеествлявшийся конфуцианской традицией, он служил объектом критики даосов (см. прим. 20, а также «Чжуанцзы», стр. 292—293).

¹⁸ Шан Цзюнь — сын Ограждающего (Шуня).

¹⁹ Кит (Гунь) — (миф.) герой-богоборец. Чтобы возвести дамбы на пути потопа, он украл у богов «саморастущую землю»; изгнанный Ограждающим, он три года лежал на горе, пока сам не родил сына — Молодого Дракона, будущего покорителя стихии. Кит же превратился в медведя (вар. — черепаху).

²⁰ Шаогун — брат Воинственного, оклеветавший Чжоугуна в стремлении отнять престол у племянника. Это вызвало мятеж других братьев, с которыми и расправился Чжоугун.

²¹ Перечисление злоключений Конфуция (ср. «Изречения», гл. 9, 11, 15, 17, I, 176, 331, 365—366, см. также «Чжуанцзы», стр. 206, 219, 296) стало общим местом у даосов.

²² Шан, Чэнь, Цай — древнекитайские царства, находившиеся на территории современных провинций Шэньси (Шан), и Хэнань (Чэнь и Цай).

²³ Ян Тигр (Ху) — приближенный одного из аристократических родов в Лу, который поднял мятеж в этом царстве в конце VI в. до н. э.

²⁴ В этом фрагменте отражен взгляд Ян Чжу на процесс развития человечества, а также отрицание им достоверных преданий (антиконфуцианский тезис).

²⁵ Из пяти стихий — вода, огонь, дерево, металл, земля, по Ян Чжу, состояла не только природа, но и человек.

²⁶ Некоторые из этих положений Ян Чжу о человеке — существе наиболее разумном, но физически защищенном от опасностей меньше, чем другие живые существа, см. «Весна и осень Люя», цз. 20, VI, 255.

²⁷ В этом фрагменте отрицается собственность одного человека и доказывается необходимость общей собственности.

²⁸ В этом фрагменте Ян Чжу славит труд земледельца и его радости.

²⁹ Ср. с «незнанием довольства» как «величайшей из бед», «Дао дэ цзин», § 46. Признававший необходимость естественных наслаждений, в отличие от других даосов, Ян Чжу солидаризировался с ними в обличении алчности, властолюбия и других пороков.

³⁰ Антиконфуцианский тезис даосов (см. также «Чжуанцзы», 137, ср. «Изречения», гл. 13, I, 283).

¹ Пересказ положения Лаоцзы о государе, настоящем человеке (см. «Дао дэ цзин», § 7).

² Янь Хой — ученик Лецзы. Его имя и имя Янь Хоя (Юаня), ученика Конфуция, пишутся различными иероглифами (№ 6330 и 5607, 8285 и 1850).

³ В данном фрагменте говорится о важности изучения причин явления, а не отдельных фактов (см. также «Весна и осень Люя», цз. 9, VI, 90).

⁴ Вариант данного фрагмента см. «Хуайнаньцзы» (цз. 20, VII, 348), «Хань Фэйцзы» (цз. 7, V, 121—122), «Лунь Хэн» (VII, 178).

⁵ Данный фрагмент, свидетельствующий о том, что Лецзы был врагом правящих, см. также «Чжуанцзы», 287—288, «Весна и осень Люя», цз. 16, VI, 183. Основываясь на позднем комментарии Гао Ю (II—III вв. н. э.) к «Весне и осени Люя» (см. цз. 14, VI, 145), Ян Боцзюнь («Лецзы цзи ши», стр. 155—156), А. Graham (р. 162) и др. считают Цзыяна министром. Отказ Лецзы они объясняют боязнью погибнуть вместе с ним в случае царской немилости, вопреки данным источников, говорящих о Цзыяне, как о царе, убитом народом (см. также «Хань Фэйцзы», цз. 17, V, 309; «Хуайнаньцзы», цз. 13, VII, 217; «Исторические записки», цз. 12).

⁶ Прекрасный (Вэньгун) — царь в Цзинь, правивший с 637 по 629 г. до н.э.

⁷ Ци Юн — физиономист, мастер опознавать разбойников.

⁸ Чжао Вэньцзы — советник Дао, царя в Цзинь, правившего с 573 по 559 г. до н.э.

⁹ Суйхой — сановник в Цзинь.

¹⁰ Бэйгун (Бэйгун Шэн) — внук Пинвана, царя в Чу с 528 по 516 г. до н.э., погиб, пытаясь отомстить чжэнцам за своего отца. О нем см. также стр. 132; «Чжуанцзы», гл. 24, прим. 15; «Весна и осень Люя», цз. 18, VI, стр. 222—223; «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 189—191; речь Яньцзы, обвинявшего Конфуция в поддержке мятежа Бэйгуна см. «Инвектива против конфуцианцев», — «Моцзы», гл. 39, IV, 184.

¹¹ Царство У — одно из древнекитайских царств, находившихся на территории современных провинций Чжэцзян и Цзянсу.

¹² И Я — прославившийся своим тонким вкусом повар Хуаня, царя в Ци.

¹³ Советуя Бэйгуну молчать, Конфуций прибегает к тезису Лаоцзы (ср. «Дао дэ цзин», § 43).

¹⁴ Синьчжи Муцзы — полководец в царстве Чжао при царе Сянцзы. Данный фрагмент см. также «Весна и осень Люя», цз. 15, VI, 161—162; «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 192.

¹⁵ Почти точная цитата из Лаоцзы (см. «Дао дэ цзин», § 23).

¹⁶ См. «Моцзы», гл. 13, IV, 295.

¹⁷ Данный фрагмент, но без имени Конфуция, см. также «Хуайнаньцзы», цз. 18, VII, 310.

¹⁸ В «Исторических записках» Сыма Цяня (цз. 48) в тех же выражениях передается сообщение о голоде у сунцев в 597 г. до н.э., осажденных в течение пяти месяцев.

¹⁹ Юань — царь в Сун с 531 до 517 г. до н.э.

²⁰ Радующийся Мастерству (Болэ) — легендарный знаток коней (при Му, царе в Цинь с 659 по 621 г. до н.э.) вместе с другим — Высящимся во Вселенной (Цзюфан Гао), — по данным памятника и комментария, — был рабом. Второго знатока коней пытаются отождествить с Пропавшим без Вести во Вселенной (Цзюфан Янь) в «Чжуанцзы» (стр. 266—267), несмотря на различие в их характерах. Данный фрагмент см. также в «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 198.

²¹ Достоянейший (Чжуан) — царь в Чу с 613 по 591 г. до н.э. Данный фрагмент см. также «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 195—196.

²² «...Приносить жертвы в храме предков, на алтаре Земли и Проса» — право царя. Учреждение такого храма и алтаря означало основание царства, уничтожение храма и алтаря — гибель царства. Следовательно, царское начало здесь совпадало с храмовым (ср. «Чжуанцзы», 253; «Хуайнаньцзы», цз. 18, VII, 229, 308, 320).

²³ Суньшу Гордый (Ао) — советник того же чуского царя. Начало эпизода см. также «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 201; заключительную его часть (начиная с болезни Ао) см. там же, цз. 18, VII, 306; «Весна и осень Люя», цз. 10, VI, 101.

²⁴ Вариант фрагмента о Быке с Изъяном (Ню Цюэ) см. также «Весна и осень Люя» (цз. 14, VI, 156), «Хуайнаньцзы» (цз. 18, VII, 321).

²⁵ Данный эпизод см. также «Хуайнаньцзы», цз. 18, VII, 328. Его значение: случайный повод может привести к взрыву давно назревавшего недовольства.

²⁶ Фрагмент о «Старейшем под знаменем Осторожных» (Юань Цзинму) см. также «Весна и осень Люя», цз. 12, VI, 118.

²⁷ Фрагмент об «Опоре жестоких» (Чжу Лишу) ср. «Весна и осень Люя», цз. 20, VI, 256—257, где комментатор дает вместо прозвища — фамилию, а вместо Надменного (Аогун) — называет царя Мугуна. Варианты взяты из книги Ян Боцзюня (стр. 168—169), со ссылками на сунское издание (X—XIII вв.).

²⁸ Эта притча, бытующая в Китае и поныне, а также ряд последующих иллюстрирует противоречие между субъективным и объективным и их единство.

²⁹ Изучая причины и следствия поступков, Ян Чжу соединяет противоположности: добро — слава — выгода — тяжба, и доказывает, что одна неизбежно обращается в другую. Сходное положение см. «Дао дэ цзин», § 27, «Чжуанцзы», стр. 281.

³⁰ [Чжао] Цзяньцзы — правил в Чжао с 517 по 458 г. до н. э. В данном фрагменте дается еще пример перехода одной противоположности в другую: милосердие обращается в убийство.

³¹ Спор между идеалистом, признающим Небо — творца, и материалистом, отрицающим волю Небес и сословное деление общества, доказывающим стихийность процессов природы, интересен также образами самих спорящих: идеалист — царь; материалист, за которым остается последнее слово, — юный ремесленник.

³² Коновал — профессия, презиравшаяся в древнем Китае, по-видимому, не менее, чем нищенство.

³³ Эту направленную против суеверий притчу, бытующую в Китае и поныне, см. также «Весна и осень Люя», цз. 16, VI, 195.

³⁴ Эта притча (см. «Весна и осень Люя», цз. 13, VI, 128—129), живет и поныне.

³⁵ См. также «Весна и осень Люя», цз. 16, VI, 195.

ЧЖУАНЦЗЫ

ГЛАВА I

¹ О разногласиях в толковании этого сказочного образа см. Предисловие, прим. 24.

² Сыма Бяо (III—IV вв.) считает Ци Се фамилией и именем, лянский Цзяньвэньди — названием книги.

³ В Китае до 1911 г. был принят лунный календарь.

⁴ Сыма и Чэнь Сюаньин говорят о жарких парах на болоте весной, движение которых уподобляется «диким коням».

⁵ Здесь рациональное познание противопоставляется конкретно-чувственному в гиперболическом контрасте образов: гигантской птицы (Феникса), взирающей на мир с огромной высоты, и малых существ (Цикады и Горлицы), почти не способных оторваться от земли.

⁶ Сунца Мужа Чести (Юнцзы) отождествляли с философом Сун Цзянем, см. гл. 33, стр. 317. (Wilhelm, *Dschuang Dsi*, S. XVIII). Ср. «Хань Фэйцзы», цз. 50, V, 357.

⁷ Шесть явлений — жар и холод, ветер и дождь, пасмурная погода и ясная.

⁸ Для познания природы (т. е. объективного мира) даосские философы требовали отказа от собственного «я» (т. е. всего субъективного).

⁹ Покойник (Ши) — внук или другой родственник, одетый в костюм умершего, исполнял его роль на похоронах, во время жертвоприношений, при провозглашении преемника умершего и в других обрядах. Покойник был первым и ведущим артистом в раннем действе — зачатке театрального зрелища.

¹⁰ Этот герой выступает и как человек (стр. 170, 245) — современник Суньшу Гордого (VII—VI вв. до н. э.), и как дух горы (стр. 164).

¹¹ Лянь Шу — известен лишь по данному фрагменту.

¹² Лу Дэмин и Чэн Сюаньин пытаются отождествить Встречающего Колесницы (Цзеюй) с отшельником Лу Туном, отказавшимся служить чускому царю. В других эпизодах (см. стр. 155—156, 170; «Изречения», гл. 18, I, 390), он похож на юродивого, называется Чуским безумцем и выступает с темными, пророческими речами. Трактовку безумия у даосов см. стр. 73—74, 245—247.

¹³ Здесь явно выражено признание Чжуанцзы необходимости чувственного познания (см. также стр. 168, 268, 283).

¹⁴ Не изучая чужих обычаев, нельзя даже торговать: сунец из Срединных царств Китая, где мужчины носили длинные волосы, перевязывая их шнурком, сворачивая и закрепляя шляпой, не знал, что коротковолосым юэсцам такая сложная прическа была чуждой.

¹⁵ Учитель Высочайшего — Никого не Стесняющий (Сюй Ю), учитель Сюй Ю — Беззубый (Не Цюэ), учитель Беззубого — Наставник Юных (Ван Ни) и учитель Ван Ни — В Тростниковом Плаще (Пи И или Пу И), см. стр. 189.

¹⁶ Творящий Благо (Хойцзы, Хой Ши) — IV в. до н. э., принадлежал к школе логиков-софистов (*минцзя*), постоянный участник споров с Чжуанцзы, см. также стр. 320—321.

¹⁷ *Дань* — мера объема, около 100 л.

¹⁸ Фрагмент о субъективном понимании полезного, см. также стр. 232—233, 280.

ГЛАВА 2

¹ Владеющий Своими Чувствами, Странник Красоты Совершенной см. также стр. 154, 265, 283. Несмотря на некоторое расхождение в именах (Наньго Цзыци — Наньбо Цзыци, Яньчэн Цзыю — Яньчэнцзы) комментарий устанавливает, что это одни и те же герои.

² Варианты см. стр. 59, 256, 265—266. Даосское образное обозначение отказа от всего субъективного для познания объекта — природы, ее законов, в данном случае причины возникновения ветра (ср. с одой Сун Юя «Ветер», — В. М. Алексеев, *Китайская классическая проза*).

³ Устройство музыкального инструмента объясняется как подражание ветру, явлению природы (см. также стр. 230—231, гл. 19, прим. 8).

⁴ В утверждении саморазвития всех вещей содержится отрицание «воли Неба».

⁵ См. Предисловие, стр. 20—21.

⁶ Здесь заметна попытка выразить единство объективного и субъективного — субъективное осознается лишь в сопоставлении с объективным.

⁷ Размышляя над строением человеческого тела, Чжуанцзы отказывается определить, что в нем второстепенное (слуги), что главное (государь), и, наконец, отрицает бессмертие (душа превращается в прах вместе с телом).

⁸ Одно из положений Хойцзы, с которым полемизирует Чжуанцзы (см. также стр. 320—321).

⁹ Чжуанцзы признает возможность выразить речью все многообразие объективного мира, но отрицает роль красноречия, которое затемняет содержание.

¹⁰ Дословно «этот» и «тот» — местоимения, которые по-русски не ассоциируются с данной проблемой — относительности объективного и субъективного

и возможности познания противоположностей лишь в единстве (например, «я» в сравнении с «не я», смерти — с жизнью и т. д.).

¹¹ Чжуанцзы полемизирует с положениями моистов («белый конь — не конь» и др.).

¹² Си Ши — ставшее нарицательным имя знаменитой красавицы (начало V в. до н. э.). Подаренная юэским царем царю У, она сыграла немалую роль в разгроме последнего.

¹³ Признание постепенного познания мира (повторение этих положений см. стр. 258).

¹⁴ Чжао Прекрасный (Вэнь) — легендарный музыкант. Чэн Сюаньин поясняет, что Чжао бросил играть на *цине*, убедившись в своем пристрастном отношении то к одному, то к другому тону, что было несовместимо с целостностью *дао*.

¹⁵ Положения моистов, с которыми полемизирует Чжуанцзы (см. также стр. 161, 317).

¹⁶ Вариант космогонии Лецзы (ср. стр. 143).

¹⁷ Шесть стран света — восток, запад, юг и север вместе с зенитом и надиром.

¹⁸ Возможно, здесь подразумевается эпоха, охватываемая хроникой Лу (723—481 гг. до н. э.) или других царств, которые также назывались «Весна и осень».

¹⁹ «Встал лицом к югу» — взошел на трон, стал царем.

²⁰ Цзун, Гуй и Сюйяо — племена, которые позже завоевал Высочайший (см. также стр. 149).

²¹ Здесь дается вариант мифа о десяти солнцах, ср. «Хуайнаньцзы»: «Во времена Высочайшего сразу взошли десять солнц, спалили [все] злаки, иссушили [все] растения... Охотник по приказу Высочайшего... поразил [девять] из десяти солнц...» («Хуайнаньцзы», цз. 8, VII, 117—118).

²² Первая — наложница царя Юэ (начало V в. до н. э.), вторая — наложница царя Цзинь (VII в. до н. э.), имена их стали нарицательными. Значение фрагмента: иллюстрация к положению об относительности субъективного восприятия действительности (см. также пригчу о морской птице в Лу, стр. 224, 232).

²³ «Река и Хань» — реки Хуанхэ и Ханьшуй.

²⁴ Комментарий говорит о первом герое как об ученике Конфуция, но прозвище в даосском стиле (Зоркий, как у птицы, взгляд, Цюй Цяоцзы) свидетельствует о его переходе к даосам; прозвание второго — Высокий Платан (Чан Уцзы) обычно для даосов: настолько познал природу, что стал ей подобен (см. также стр. 273).

²⁵ Здесь речь идет о Конфуции.

²⁶ Данный фрагмент в более пространным варианте см. стр. 284. В нем — попытка поставить проблему всеобщей зависимости явлений объективного мира. Поскольку причина движения тени солнечных часов была известна, причудливые объяснения ее (зависимость от «чешуи змеи...»), вызывались, видимо, полемическими целями.

²⁷ Данный фрагмент без заключительной фразы используется для доказательства «мистицизма» Чжуанцзы, см. Предисловие, стр. 20—21, прим. 79.

ГЛАВА 3

¹ Признание возможности познания объективной истины, которое не позволяет относить Чжуанцзы к релятивистам, как это делают некоторые ученые (см. также стр. 269—270, 274, Предисловие, стр. 26, прим. 100).

² Прекрасномилостивый (Вэньхой) — комментаторы отождествляют его с царем Милостивым (Хойваном), который правил в Лян с 370 по 335 г. до н. э.

³ Сведений о содержании упоминаемых произведений, не вошедших в «Книгу песен», не сохранилось.

⁴ Здесь представлена попытка Чжуанцзы объяснить процесс познания как переход от чувственных наблюдений к рациональному обобщению (ср. «Лецзы», стр. 94—95, гл. 5, прим. 60; Предисловие, стр. 26, прим. 99).

⁵ Средство для достижения долголетия, по признанию царя.— познание законов объективного мира (здесь — анатомии) и умение ими пользоваться для покорения природы, других существ, а также самого себя. Герой притчи — повар, простой человек, умелец.

⁶ Правый Наставник (Ю Ши), Гунвэнь Высокая Колесница (Сянь) — персонажи с прозвищем, образованным от ранга или присвоенных ему регалий.

⁷ В древнем Китае преступника, которому отрубали ногу, обращали в раба. Говоря о «внешнем виде», одноногий, по мнению комментаторов, указывает на целостность духовную (собственное достоинство), которой свободный, даже калека, отличался от порабощенного.

⁸ Во фрагменте опровергается известная легенда о том, что Лаоцзы ушел на запад и больше не возвратился.

⁹ Цинь Свободный от Суеты (И) — прозвание и взгляды героя указывают на его принадлежность к даосам.

¹⁰ Инвектива против Конфуция и конфуцианцев, см. также стр. 148, 158, 310.

ГЛАВА 4

¹ Гуань Встреченный Драконом (Лунфын) — (миф.) советник Разрывающего на Части.

² Ветви Терновника (Цунчжи), Владеющие домами (Юху) — названия племен, завоеванных китайцами.

³ Скоромными в Китае считаются пряности: лук, чеснок, порей, рута, полевой тмин (Палладий Кафаров и П. С. Попов, *Китайско-русский словарь*, т. II, Пекин, 1888, стр. 149).

⁴ Полемический прием: положения даосов вкладываются в уста их противника — Конфуция (ср. «Лецзы», стр. 75).

⁵ Опирающийся о Стол (Цзи Цюй) — по комментарию, правитель, предшественник Готовящего Жертвенное Мясо.

⁶ Царский сын Высокий (Гунцзы Гао, или Шэ Чжулян) — этот персонаж встречается и в «Изречениях», где выступает с вопросом другого характера (ср. «Изречения», гл. 7, I, 145).

⁷ Свидетельство об отсутствии принципа неприкосновенности послов, что отличает международные обычаи, вырабатывавшиеся в древнем Китае, от древнейших представлений о «праве гостеприимства» в Греции и Риме — будущего дипломатического иммунитета (см. «История дипломатии», т. I, М., 1959, стр. 32, 61).

⁸ По толковому словарю — это речи «древних царей», представленные в «Книге песен», «Книге преданий» и других конфуцианских сводах (см. «Цы хай», т. I, разд. сы, стр. 48), с которыми, однако, расходятся цитируемые здесь наставления. Это был, видимо, устный свод. От него, как сообщает комментарий, заимствовал название своего труда Ян Сюн (I в. до н. э. — I в. н. э.). Фрагмент свидетельствует о том, что послы отправлялись не с грамотами, а с речами (ср. Д. С. Лихачев, *Возникновение русской литературы*, М., 1952, стр. 97—98), а также объясняет причины расхождений в записях одной и той же речи в различных царствах (см. Л. Д. Позднеева, *Ораторское искусство и памятники древнего Китая*, «Вестник древней истории», 1959, № 3, стр. 25—26).

⁹ Янь Врата Бытия (Хэ) — уроженец царства Лу, о нем см. также стр. 231, 287, 311.

¹⁰ Чудотворный (Лингун) — царь Вэй, правил с 534 по 493 г. до н. э.

¹¹ Цюй Боюй — уроженец царства Вэй (о нем см. также стр. 274; «Изречения», гл. 14, 15, I, 319, 335).

¹² Ср. «Лецзы», 57—58. Рассказы об укрощении тигра, об уходе за конем — иллюстрации к диалогу о воспитании наследника, кроме его обличения, подчер-

кивают и принадлежность человека к животному миру, который необходимо изучать, чтобы подчинить человеку.

¹³ Притча о Плотнике и Дубе и следующие за ней фрагменты посвящены проблеме относительности субъективного понимания полезного (см. также стр. 232—233). Заключает раздел атеистический вывод: вредное для богов оказывается полезным для человека.

¹⁴ Здесь относительность полезного и бесполезного связана с особым героем, человеком с физическими недостатками; о значении этого образа см. Предисловие, стр. 30—31, прим. 105—107.

¹⁵ Вариант см. «Изречения», гл. 18, I, 390, где «Песня безумца» дается в сокращенном виде. В «Книге песен» она отсутствует.

ГЛАВА 5

¹ «Знак полноты свойств» (дэ) — этот термин в конфуцианской школе трактовался как «добродетель», в даосской — как «постоянные свойства» вещей, их атрибуты, качества (см. Ян Хин шун, стр. 634 и сл.).

² Ван Кляча (Тай) — признание этого изувеченного героя более мудрым, чем сам Конфуций, — полемический прием даосов.

³ Точные сведения о Чан Цзи отсутствуют.

⁴ Характеристика, обозначавшая учение Лаоцзы и даосской школы в целом. См. «Дао дэ цзин», § 43.

⁵ Попытка определить единичное и всеобщее как ступени в познании: конкретно-чувственном, низшем и рациональном, высшем.

⁶ Догадку о познании как «отражении» см. Предисловие, стр. 29, прим. 102, 103.

⁷ Чэн Сюаньин видит здесь классификацию: растений, у которых голова внизу; животных, у которых голова сбоку; человека, у которого голова наверху.

⁸ Наставник Счастливый (Шэньту Цзя) — сторонник даосизма родом из Чжэн. Этот искалеченный герой выходит победителем в споре с Цзычанем (полемический прием).

⁹ Охотник (И) — (миф.) легендарный стрелок, см. гл. 2, прим. 21.

¹⁰ Беспалый (Учжи) — герой, изуродованный физически, ставится выше Конфуция и по уму и по моральному облику (полемический прием).

¹¹ Царь Айгун — правил в Лу с 495 по 467 г. до н. э.

¹² Жалкий Горбун (Айтай) То — герой, который, вопреки своему уродству, оказывается настоящим человеком.

¹³ Единственный — местоимение, обозначающее царя.

¹⁴ Миньцзы (Минь Цзыцян) — ученик Конфуция (см. также «Изречения», гл. 11, I, 238).

¹⁵ Ум, доказывают эти герои и Чжуанцзы, важнее внешности и способен заставить забыть об уродстве.

ГЛАВА 6

¹ «Учитель — это тот, кому подражают... учителем здесь считается дао» — этот комментарий Го Сяна (умер в 312 г.) подтверждается текстом дважды (см. стр. 168, 197). В ряде фрагментов в главе представлена попытка сформулировать дао как природу, материю в ее противоречии с человеческим субъективным, т. е. как объективную действительность, и утвердить ее познаваемость.

² «Настоящий человек» — чжэнь жэнь, термин, возникший для обозначения даосского философа; приобрел позже значение «святой», «бессмертный».

³ Ху Буцзе — по комментарию Чэн Сюаньина не принял трона, предложенного ему Высочайшим, бросился в реку и утонул.

⁴ Омраченный Свет (У Гуан, или Моу Гуан) — отказался от трона, предложенного ему Испытующим, и, обняв камень, утопился в реке Лу (см. стр. 291—292).

⁵ Помнящий о Других (Цзи То) — скрылся вместе со своими учениками из опасения, что после отказа Омраченного Света, Испытующий предложит ему престол (см. стр. 282).

⁶ Наставник Олень (Шэньту Ди) — утопился от горя, думая, что Цзи То погиб (см. стр. 282).

⁷ Жизнь и смерть рассматриваются Чжуанцзы как звенья одного и того же процесса — движения «огромной массы» (материи). Ср. с образом «огромный плавильный котел» (стр. 166).

⁸ В этом изречении Чжуанцзы сближается с утверждением Анаксимена (VI в. до н. э.) о том, что сами боги возникли из материального первоначала — воздуха (см. «История философии», т. I, стр. 78).

⁹ «[Человек] из рода Кабаньей Шкуры (Сивэй или Чжувэй)» — комментаторы, как обычно, называют его древним царем, предком, но, судя по значению слов, это название племени, уничтоженного, согласно традиции, в 1879 г. до н. э.

¹⁰ Ковш, Связующий Звезды (Вэйдоу) — Большая Медведица. Древние китайские астрономы считали, что от нее зависят все звезды.

¹¹ Каньпэй — по Чэн Сюаньшуну, получеловек, полуживотное, который обрел дао и стал божеством.

¹² Фын И — человек, который овладел силами жара и холода и стал богом реки Хуанхэ.

¹³ Вечно Недовольный (Чжуаньшюй) — комментатор называет его предком из рода Высокого Солнца (Гао Ян), который стал богом Севера. Дворец у него Черный — цвета Севера (см. «Лецзы», гл. 5, прим. 6).

¹⁴ Пять царей (У бо) — или пять гегемонов (У ба). Ни один из приводимых комментаторами вариантов «пятерки» не приводит к возрасту Пэн Цзу — восьмистам лет.

¹⁵ Фу Юэ (миф.) стал помощником иньского царя Удина, согласно традиции, в 1322 г. до н. э.

¹⁶ Подсолнечник из Южного Предместья (Наньбо Цзыкуй) — комментаторы отождествляют его с Владеющим Своими Чувствами из Южного Предместья (Наньбо Цзыци), см. гл. 2, прим. 1.

¹⁷ Женщина Одинокая (Нюй Юй), — судя по ее речи, она знаток даосского учения.

¹⁸ Бу Опора Балки (Лянъи) — о нем ничего не известно.

¹⁹ Так Чжуанцзы формулирует противоречие и единство покоя и движения, в результате которых и возникают вещи.

²⁰ Первое в этой традиции имя-прозвище (см. также стр. 203, гл. 14, прим. 2) подтверждает предположение о том, что даосское учение происходит от оракулов (см. Чжан Сюэчэн, *Вэнь ши тун и. Историко-филологическое толкование*, Пекин, 1956, стр. 17). Именно из среды гадателей, повседневно наблюдавших за явлениями природы, могли появиться люди, пытавшиеся перейти к первым научным, философским выводам из изучения объективной действительности. Остальные имена-прозвища представляются обозначением каких-то звеньев познания, на что указывает и комментарий. Но несмотря на то что ко второму имени — внуку Повторяющего, дан комментарий Чэн Сюаньшун: «Древние предания сначала передавались устно, а затем были записаны на бамбуке и шелке»; несмотря на то что передача представлена в тексте *устной* (всюду глагол «слушать» — *вэнь*), синологи трактуют Фумо как «написанное» и дают неверный перевод, например, «I got it from books» (Herbert A. Giles, p. 80); «I learned it from writing» (Yu-lan Fung, p. 120).

²¹ Носильщик (Цзыюй) — часть данного фрагмента с заменой Цзыюя на Цзыци (см. «Хуайнаньцзы», цз. 7, VII, 106—107).

²² Пахарь (Цзыли) — собеседники здесь люди простые, один из них калека, но все они показаны настоящими мыслителями (ср. с диалогами на стр. 166—167, 169).

²³ Еще один образ, иллюстрирующий единство процесса жизни и смерти.

²⁴ Это, как и следующие предположения, своей нарочитой нелепостью под-

черкивают мысль Чжуанцзы о стихийности процесса создания вещей. Они направлены против конфуцианского учения о «воле Небес», а также лишают оснований сближение древнего даосизма с буддизмом, с его догматом о переселении душ как воздаянии за жизнь предшествующую.

²⁵ Этот образ творящей природы вместе с другими — «литейщик» металла, «огромная масса» (см. также стр. 163), которая снабжает телом, со всей полнотой выражает материалистическое миропонимание Чжуанцзы, а поэтому лишает оснований идеалистическую трактовку памятника и перевод «создание вещей», или «то, что творит вещи» (*цзао у, цзао у чжэ*) как Бог, Создатель — «he creator» (J. Legge, vol. XXXIX, I, pp. 247—250; «God» H. Giles, pp. 80—82); «Der Schöpfer» (R. Wilhelm, *Dschuang Dsi*, p. 50—51); «The Maker of things» (Yulan Fung, pp. 121—122). Следует отметить появление критики на перевод Тао как «God» в рецензии D. Leslie на книгу James R. Ware «The Sayings of Chuang Chou» (New York 1963. — см. «The journal of the American Oriental Society» 1964, vol. 84, № 1, p. 62).

²⁶ Учитель с Тутового Двора (Цзы Санху). Мэн Цзыфань, Цзы Циньчжан — имя первого (см. также стр. 169, 236) говорит о том, что он принадлежит к беднейшим слоям населения, к которым относились дворы, выращивавшие туты; имена двух остальных расшифровать не удалось. Следует присоединиться к Дж. Легге, который критикует попытку отождествить этих трех героев-даосов с Цзы Санбоцзы, Мэн Чжифанем и Лао, встречающимися в «Изречениях» (гл. 6, 9). См. J. Legge, vol. XXXIX, p. 250, № 1.

²⁷ Комментарии перечисляют такие элементы, как земля, ветер (воздух?), вода, огонь или вода, огонь, металл, дерево. Почему здесь пропущены металл или земля и представлены четыре элемента вместо пяти по «Ян Чжу» (см. гл. 7, стр. 115, прим. 24), не ясно.

²⁸ Ср. гл. 3, стр. 148, прим. 10. Признание Конфуцием несостоятельности своего учения, осуждения его Небом — полемический прием Чжуанцзы.

²⁹ По даосской концепции «благородный муж (царь)... человек ничтожный».

³⁰ Мэнсунь Талантливый (Цай) — фамилия Мэнсунь принадлежала одному из трех самых знатных родов в Лу (см. «Изречения», комм. к гл. 3, I, 43).

³¹ Образно: конфуцианское учение закрывает путь к познанию истины так же, как наказание отрезает путь к свободе, а слепота — к восприятию внешнего мира.

³² Пренебрегшая Украшениями (У Чжуан), Схвативший Балку (Цзюй Лян) — эти герои, как и Сын Ласточки (Иэрцзы), больше нигде не встречаются.

³³ «О мой учитель!» — см. гл. 6, прим. 1. Вариант этой речи в устах самого Чжуанцзы, см. стр. 197.

³⁴ Всеохватывающий (*датун*) — одно из определений *дао*.

³⁵ Учитель с Тутового Двора (Цзы Сан) — идентичен Цзы Санху, см. гл. 6, прим. 26.

³⁶ Здесь, видимо, представлена социологическая догадка о равенстве всех «вещей».

³⁷ Понимание судьбы здесь у Чжуанцзы ср. стр. 59, 103, 230, гл. 6, прим. 2.

ГЛАВА 7

¹ См. диалог тех же героев (стр. 144—145), в котором четырежды повторяется: «Как я могу это знать?».

² Из рода Владеющих Тигром (Ю Юй) — род Ограждающего (Шуня).

³ Из рода Великих (Тай) — комментарий отождествляет его с родом Готовящего Жертвенное Мясо (Фуси), но его характеристика («спал спокойно, пробуждался довольный») относится ко всем людям во времена другого мифического героя — Священного Земледельца (см. 296), где более развернуто представлена та же даосская утопия.

⁴ Речь идет о различиях между субъективным и объективным, искусственным и естественным.

⁵ Начало Полудня (Жичжун Ши) — персонаж, по-видимому, аллегорический, хотя по комментарию он — учитель Цзянь У.

⁶ Образное отрицание возможности преобразования мира с помощью конфуцианских «правил и обрядов».

⁷ Корень Неба (Тянь Гэн) — название звезды, которое Чжуанцзы делает именем своего героя для отрицания воли Неба, предопределяющей все, что совершается на земле: Корень Неба сам не знает, что делать с Поднебесной. Другой герой — Безымянный, по-видимому, олицетворяет саму материю (*дао*) и ее законы. Названия горы Темнокрасной (Янь) и реки Заросшей Осокой (Ляо) на карте отсутствуют.

⁸ То же начало см. ответ Лаоцзы Конфуцию (стр. 191).

⁹ В этой поговорке выражен антиконфуцианский тезис (см. Предисловие, прим. 105, 106).

¹⁰ Даосская концепция государя, являющаяся, по существу его отрицанием.

¹¹ Эта притча иллюстрирует одно из основных даосских положений: действия, в которых исходят из человеческого (субъективного) взгляда на природу, нарушают естественный закон вещей и приводят их к гибели.

ГЛАВА 8

¹ Цзэнцзы (Цзэн Шэнь) — ученик Конфуция; Хронист (Ю) — заслуживший похвалу Конфуция (см. «Изречения», гл. I, 15, I, 5, 335). Отрицание положительных героев конфуцианской школы и ее тезисов о «милосердии», «справедливости» здесь достигается уподоблением их излишним «перепонкам», «зобу» и т. п.

² Одно из немногих выступлений Чжуанцзы против Ян Чжу, см. Предисловие, прим. 90.

³ Так называемые династии Ся, Шан-Инь, Чжоу — традиционное обозначение времени от последних веков III тысячелетия до первых веков I тысячелетия до н. э.

⁴ Пример доказательства по аналогии: «обряды» и «музыка» используются конфуцианцами, чтобы калечить природу человека, как крюк, циркуль и прочий инструмент используется плотником для того, чтобы калечить природу вещей.

⁵ Подробнее о Разбойнике Чжи см. стр. 178—180, 293—298.

⁶ Юйэр — тонким вкусом, способностью различать смешанную из различных рек воду сближается с легендарным поваром царя Ци — И Я, но относится ко времени мифического Желтого Предка (см. также «Хуайнаньцзы», цз. 13, VII, 228).

ГЛАВА 9

¹ В данном абзаце Чжуанцзы развивает даосскую утопию о «естественной свободе» людей на заре человеческого общества, противопоставляя ее конфуцианскому «золотому веку» совершенномудрых царей. Ср. также с речью Разбойника (296), Ян Чжу (107—108) и Лецзы (64—65, 88).

² Обвиняя конфуцианцев в том, что они уродуют свободного человека, Чжуанцзы уподобляет усмирению людей укрощению коней и другим действиям, которые нарушают природные свойства «вещей».

³ Род Пламенных Помощников (Хэсюй) — это имя отождествляется с именем Предка Огня, хотя последнего идентифицируют со Священным Земледельцем, которого Чжуанцзы упоминает рядом с теми же Пламенными Помощниками (см. стр. 180). Другое же отождествление: Хэсюй — Хуасюй (*хэ* и *хуа* означают красный цвет), как и содержание фрагмента, позволяет заключить, что речь здесь идет о такой же утопии, которую изобразил Лецзы в Стране Всеобщего Процветания (52).

¹ Ср. с утопией Лаоцзы: «Соседние государства смотрели бы друг на друга издали, слушали бы друг у друга кукареку петухов и лай собак...» («Дао дэ цзин», § 80).

² «Хранителями воров и разбойников» по Чжуанцзы оказываются конфуцианцы. Данный фрагмент см. «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 202.

³ Чан Хун — сановник при царе Чудотворном (Линване) в Чжоу с 571 по 545 г. до н. э. (см. также стр. 227; «Весна и осень Люя», цз. 18, VI, стр. 223 — 224; «Ханьфэйцзы», цз. 1, V, 15).

⁴ (У) Цзысуй (У Юань) — советник в царстве У, покончивший с собой по приказу царя Фучая (495—473 г. до н. э.), тело его затем было брошено в реку.

⁵ Конфуцианцы и разбойники, по Чжуанцзы, обуславливают появление друг друга.

⁶ Поговорка сложилась после одного из съездов царей, когда виночерпий умышленно поднес чусскому царю-гегемону плохое вино из Лу вместо хорошего из Чжао, что привело к осаде столицы Чжао — Ханьдани.

⁷ Развивая тезисы Лаоцзы (ср. «Дао дэ цзин», § 3, 19), Чжуанцзы объявляет объектом наживы все, начиная от мер объема, веса и кончая царскими печатями, и, чтобы прекратить воровство и «тяжбы», требует «переломать меры и перебить безмены».

⁸ Цитата из Лаоцзы («Дао дэ цзин», § 36).

⁹ Искусный Молот (Гун Чуй) — (миф.) умелец, изобретатель стрел при Ограждающем.

¹⁰ Цитата из Лаоцзы («Дао дэ цзин», § 45).

¹¹ Двенадцать следующих ниже имен комментариев называет «древними государями», так как позже, при систематизации мифов, часть их в какой-то мере вошла в пантеон (государь-предки). Из них Создатели Колесниц (Сяньюань) считаются идентичными с родом Желтого Предка; Вызывающих Пламя (Чжу Юн) иногда отождествляют с родом Нюйва; род Равнины Каштанов (Ли Лу) — видимо, чжоусцы, у которых каштан — тотемное дерево; Разводящие Вороных Лошадей — видимо, чусцы, в герб царства которых входила лошадь.

¹² Цитата из Лаоцзы («Дао дэ цзин», § 80).

¹³ Как видно из перечисленного выше, Чжуанцзы осуждал не знания вообще, а лишь те, за которые ратовали конфуцианцы, софисты и другие противники даосов.

ГЛАВА 11

¹ Награды и наказания — тезисы так называемых законников (легистов, фацзя), которые опровергает Чжуанцзы.

² Высоченный Боязливый (Цуй Цюй) — персонаж аллегорический.

³ Фрагмент фиксирует высказывание Лаоцзы о напрасном труде правителей — Высочайшего и Ограждающего. Эта насмешка над идеалом конфуцианцев, а также моистов (Молодым Драконом) позже наиболее резко была высказана Ян Чжу (см. Предисловие, стр. 23—24, прим. 92, «Лецзы», 112—113, гл. 7, прим. 16).

⁴ Иную версию, в которой расправу над [людьми] С Лошадью на Шишаке, над Ведающим Разливами (Гунгуном) и Тремя Мяо вершит не Высочайший, а Ограждающий, см. «Канон Шуня» в «Книге преданий» («Шу цзин», ч. II).

⁵ Наиболее сильная у даосов инвектива против конфуцианцев и моистов: они объявляются не только помощниками царей, но и прямыми пособниками палачей.

⁶ Всеобъемлющий Совершенный (Гуан Чэнцзы) — герой, в котором, по-видимому, персонифицировано учение о материи или даже сама материя — дао. Позже вместе с Лаоцзы и Стражем Границы был введен в пантеон даосской религии.

⁷ Полководец Облаков (Юнь цзян), Безначальный Хаос (Хунмэн) — относятся к тем героям Чжуанцзы, в которых олицетворяются явления природы.

⁸ Здесь утверждаются необходимость конфуцианских моральных норм и коренное отличие человека как слуги Небес от всего остального мира, т. е. положения, противоречащие взглядам Чжуанцзы. Это отмечали комментаторы для всего фрагмента, хотя он был уже в списке Го Сяна.

ГЛАВА 12

¹ Здесь выражена даосская концепция «недеяния» для правителя: отказ от нарушения естественного процесса развития, действия лишь в соответствии с этим процессом (ср. «Дао дэ цзин», § 57).

² Комментаторы считают, что это записи речей Лаоцзы.

³ Благородный (цзюньцзы) — этому идеалу конфуцианской школы — аристократу, здесь даются характеристики, свойственные идеалам даосской школы («чуждается благородства и богатства...»).

⁴ Аллегорическое обозначение дао. (Эту притчу ср. «Хуайнаньцзы», цз. 18, VII, 318).

⁵ Знание (Чжи), Спорщик (Чигоу), Подобный Небытию (Сян Ван) — герои, в которых олицетворяется процесс познания. Смысл последнего: чтобы познать материю, следует ей уподобиться.

⁶ Равный Небу — титул вана, ритуального главы Поднебесной.

⁷ «Лицом к северу» — место, занимаемое царским советником, так же как место царя — «лицом к югу».

⁸ Царство Цветущее (Хуа) — возможно, намек на страну-утопию Лецзы (см. стр. 52), поскольку иероглиф (хуа) совпадает.

⁹ Высокосовершенный (Бочэн Цзыгао) — у Чжуанцзы, как и у Ян Чжу, противопоставляется Молодому Дракону (см. стр. 112—113).

¹⁰ Введение наказаний (средства порабощения одноплеменных) как причина бедствий народа, — одна из социологических догадок даосов.

¹¹ Некоторые положения Чжуанцзы в данном фрагменте основываются на космогонии Лецзы (стр. 44).

¹² Один из фрагментов, в которых Конфуций выступает как ученик Лаоцзы (см. также стр. 207, 208, 209—210, 241—242).

¹³ Цзянлюй Уговаривающий (Мянь), Цзи Уразумевший (Чэ) — герои с аллегорическими прозвищами.

¹⁴ Развитие даосской концепции правителя, который остается неизвестным (ср. «Дао дэ цзин», § 3, 37, 66).

¹⁵ Открытое выступление Конфуция против даосизма, названного «учением рода Хаоса» (Хуньдунь), видимо за космогонию Лецзы. Добавление к хаосу слова «род» (ши) показывает возможность последующего обожествления категорий этой материалистической космогонии.

¹⁶ Изначальный Туман (Чжун Ман), Легкий Ветерок (Юань Фын) — аллегорические персонажи, в которых явления местные (Ветерок) противопоставляются космическим (Изначальному Туману).

¹⁷ «Народ с глазами впереди» — род человеческий в противоположность зверям и птицам, у которых глаза расположены по сторонам головы (см. гл. 5, прим. 7).

¹⁸ Ср. с Лецзы, который «оседлал ветер» (53—54, 136, 137). Образы, с помощью которых передается абстрагирование от конкретно-чувственных знаний для рационального познания вселенной, дают возможность и мистического толкования этого процесса.

¹⁹ Мын Отрицающий Душу (Угуй), Чичжан Полный Размышлений (Маньцзи) — персонажи аллегорические.

²⁰ Речь идет, видимо, о битве, во время которой Воинственный, чжоусский царь, сверг так называемую династию Шан-Инь (XII в. до н. э.).

²¹ Тезисы, направленные против Конфуция (ср. Ян Чжу, стр. 115), который искал «следы» деяний древних царей, собирая о них предания (см. стр. 206—207, 209—210) как образец для потомков.

²² «Ломаем тополь», «Яркие цветы» — народные песни, в «Книге песен» отсутствуют.

²³ Знаки отличия придворных, которые даосы приравнивают к клеткам и узам (антиконфуцианский тезис).

Г Л А В А 13

¹ В уподоблении познающего в покое — зеркальной поверхности воды, возможно, проявилось дальнейшее развитие взгляда на познание природы как ее отражение.

² Своеобразное отшельничество даосов, которое означало отнюдь не аскетизм, а отказ от службы, официальной жизни для углубленного изучения природы и ее законов.

³ Это и ряд других положений фрагмента см. также стр. 211.

⁴ Один из тезисов даосской утопии (ср. «Лецзы», 88).

⁵ Из трех армий состязало войско крупного царства; пять родов оружия — лук и четыре вида копий.

⁶ Здесь ведется полемика со школой логиков-софистов (*минцзя*), положения которых разделялись и конфуцианцами (см. тезис «исправления имен» в «Изречениях», гл. 12, I, 271).

⁷ «Книги» — здесь, возможно, предания. Сыма добавляет: «написанные им (т. е. Конфуцием) книги»; Яо Най находит в этом позднейшую вставку: «Это речь ханьца (не ранее II в. до н. э. — Л. П.). Считали, будто мудрец предвидел сожжение книг при Цинях (213 г. до н. э. — Л. П.), поэтому, как говорится, и „спрятал их в знаменитой горе”». Обычай прятать записи в стенах домов, в могилах, по данным раскопок, был, видимо, столь же распространенным, как и уничтожение записей задолго до Циней. См. «Мэнцзы», гл. 5 (2), I, 339.

⁸ «Основа» стала обозначать «книгу» значительно позже (со II в. до н. э.), но забывшие об этом комментаторы стремились подогнать известные им памятники конфуцианского канона под число «двенадцать», например: «шесть основ — это песни, предания, обряды, музыка, гадания, хроника, добавить к ним шесть „утков” (см. стр. 209, 315), составят вместе двенадцать основ»; или «гадания в двух частях, к ним десять крыльев» (см. Ю. К. Щуцкий, *Китайская классическая «Книга перемен»*, стр. 6); или «правление двенадцати царей» в хронике.

⁹ Муж (Ши) Филигранщик (Чэнци) — несмотря на комментарий, гласящий, что Ши — фамилия, а Чэнци — имя, мы переводим имя как прозвище, определяющее основную черту характера героя.

¹⁰ По Чэн Сюаньину, так здесь назван Лаоцзы, у которого якобы учился Чжуанцзы.

¹¹ В этом и следующем фрагменте говорится, что записи уже существовали, но выражается недоверие к ним, ибо они еще меньше, чем речи, были способны выразить мысли — отразить многообразие объективного мира во всей его полноте и сложности.

¹² Цитата из Лаоцзы («Дао дэ цзин», § 56).

¹³ Еще одна формулировка даосской теории познания — от чувственного к рациональному (овладение мастерством колесника); ср. стр. 94—95, 147.

¹⁴ «Секрет» обозначался тем же словом, что и «учение», «мастерство» (*шу*), видимо, оттого, что не каждый мог его воспринять и не каждому следовало его открывать. Этот обычай продолжал жить в средние века как тайна цехового ремесла. Им же, возможно, объясняется и утрата записей, которые представляли монополию школы (позже — цеха), «секрет» мастерства.

¹ В самой постановке вопросов здесь содержится попытка обосновать причинность всеобщего движения: «кто-то» как причина отрицается повторением иронического «от безделья»; взаимозависимость явлений намечается в сопоставлении облаков и дождя.

² Колдун Всех Призывающий (У Сяньчжао) — комментаторы пытаются отнести этого героя к историческим, называя его «министром династии Инь» (II тыс. до н. э.), хотя и указывают на несоответствие в имени.

³ Миф о начале письменности — чудесном явлении черепахи с письменами — относится ко времени Молодого Дракона.

⁴ Выступление Чжуанцзы против конфуцианского понимания милосердия, отцовской и сыновней любви.

⁵ Ин — столица царства Чу.

⁶ Совершенный ст Северных Ворот (Бэймынь Чэн) — встречается лишь в данном фрагменте.

⁷ «Восход Солнца» (Сяньчи) — жертвенный гимн, созданный согласно легенде Желтым Предком; слова его не сохранились. Перевод здесь основывается на связи гимна с весенней жертвенной обрядностью и с озером (миф.), над которым восходило солнце (см. также стр. 316, гл. 33, прим. 2).

⁸ Текст до сих пор начиная со слов «Ведь настоящая» комментаторы считают вставкой, сделанной Го Сяном.

⁹ В древнем Китае весна считалась временем для гражданских дел, а осень — для военных (включая охоту).

¹⁰ См. «Лецзы», гл. 5, прим. 44.

¹¹ Атеистическое понимание воздействия музыки здесь противопоставляется религиозному, конфуцианскому, по которому музыка служит в первую очередь «для призыва богов и душ предков» («Обряды Чжоу», Чжоули, с комм. Чжэн Сюаня, Шанхай, 1937, цз. 6, стр. 145).

¹² Род Владеющих Огнем (Ю Бяо) — иероглиф бяо, состоящий из трех знаков «огня», комментаторы по традиции приравнивают к иероглифу янь, состоящему из двух знаков «огня», идентифицируя его с родом Яньши — Владеющих Огнем, хотя это, видимо, другой род.

¹³ Данный гимн в «Книгу песен» не вошел.

¹⁴ Наставник Золотой (Ши Цзинь) — по-видимому, музыкант, встречается лишь в данном фрагменте.

¹⁵ Ср. «Дао дэ цзин», § 5; чучело собаки, в которое стреляли, отгоняя нечистую силу, а также при принесении жертв Небу и молении о дожде (см. П. Кафаров и П. С. Попов, *Китайско-русский словарь*, т. I, стр. 101).

¹⁶ В этом и других образах Чжуанцзы насмехается над Конфуцием, отрицавшим развитие и пытавшимся много веков спустя заставить людей жить по дедовским обрядам и устоям («древних царей»).

¹⁷ Насмешка над обожествлявшимся конфуцианцами «мудрым советником» — Чжоугуном.

¹⁸ В отрицании богатства у Лаоцзы здесь можно увидеть и минимум собственности, который давал человеку независимость в ту эпоху.

¹⁹ В учении Конфуция Лаоцзы видит причину таких же бедствий для людей, как для рыб, очутившихся на мели.

²⁰ После этой встречи Конфуций отзывается о Лаоцзы с преувеличенной похвалой (см. также стр. 241—242), но сомневается в том, что сумеет ему подражать.

²¹ Царь Прекрасный (Вэнь ван) — отец Воинственного, основателя чжоуского царства. Прекрасный обожествлялся конфуцианской традицией (см. «Лецзы» гл. 1, прим. 58, гл. 3, прим. 12).

²² Сяньгуй — знаки, с современными не отождествляются. Комментаторы сообщают, что сяньгуй — какое-то животное, сведения о котором отсутствуют.

²³ Лэй — животное, с современным знаком не отождествляется.

²⁴ Это представление о размножении ос в науке древнего Китая возникло из знакомства со способностью осы заготавливать запасы пищи, парализуя других

насекомых уколом жала (см. Лу Синь, *Болтовня в конце весны*, — Лу Синь, *Сочинения*, т. 1, Пекин, 1956, стр. 304—305). Упомянув осу, Конфуций проговорился о своем намерении использовать учение Лаоцзы в собственных целях.

²⁵ В такой иносказательной форме объявил Конфуций войну своему учителю Лаоцзы: ученик, как «младший брат», готов вытеснить «старшего». Свидетельство о вероломстве Конфуция сохранилось именно в этой фразе, начиная с Чжуанцзы и до учителя Лу Синя — одного из «отцов» революции 1911 г. Чжан Тайянь и самого Лу Синя. Этот эпизод встречи основателей антагонистических школ — конфуцианского идеализма и даосского материализма — весьма убедительно объяснил Чжан Тайянь. Все поездки к Лаоцзы были лишь «хитростью» Конфуция. В его речи скрывался намек: «Я завладею твоей славой, а [ты] ничего не сумеешь поделать». Засилье Конфуция и его учеников («стоило сказать слово утром, чтобы к вечеру слетела голова») заставило Лаоцзы уйти на запад, где не было конфуцианцев. «Появись его книга раньше, Лаоцзы не избежал бы казни», — эту мысль Чжан Тайянь подкреплял фактом расправы Конфуция с другим своим соперником — Шао Чжэнмао (см. Лу Синь, *Сочинения*, т. 2, Пекин, стр. 475—476). Именно такую вольнодумную традицию отразил в своей сказке «За пограничную заставу» Лу Синь (см. Лу Синь, *Сатирические сказки*, М., 1964).

ГЛАВА 15

¹ В данном фрагменте отразилось многообразие философских школ и различные оттенки внутри этих школ (см. подробнее стр. 314—321).

² Даосский тезис, направленный против порока, приобретает большое значение в средние века в медицине (ср. также стр. 184, 260).

³ Гань комментаторы отождествляют с У, ибо два приморских царства — У и Юэ — славились качеством своих мечей. Здесь — одно из свидетельств о даосах, как о противниках войны (см. также стр. 261—262, 272—273, 302—304).

ГЛАВА 16

¹ Под характером (*син*) Чжуанцзы понимает свойства каждого существа от природы. Говоря об «исправляющих», Чжуанцзы отвергает представления конфуцианцев и о врожденном добре (зафиксированном у Конфуция и Мэнцзы), и о врожденном зле (зафиксированном у «Сюньцзы»), а также об исправлении характера с помощью конфуцианского обучения.

² Добывающий Огонь Трением (Суйжэнь) — позже Зажигающий Огонь Зеркалом. Этот мифический герой, возможно, имеет какое-то отношение к родам, также связанным с огнем (см. стр. 177, 180, 205).

³ Род Гончаров (Тан) — перевод основывается на полном наименовании рода Высочайшего (Тао Тан ши), которое здесь опущено, так же как рода Ограждающего (Юй вместо Ю Юй ши).

⁴ Иероглиф *вэнь* («внешняя красота») начал применяться для обозначения «литературы», «изящной словесности», видимо, только со средних веков.

⁵ Подразумевается конфуцианское, подробнее см. стр. 219, гл. 17, прим. 12.

⁶ Регалии, которые жаловались сановникам.

ГЛАВА 17

¹ Дядя Реки (Хэ бо) — бог реки Хуанхэ. О человеке, который им якобы стал, см. гл. 6, прим. 12.

² Жо — по комментарию, имя бога океана, в тексте же о боге ничего нет; Жо здесь — имя Северного Океана (Бэй Хай Жо), тогда как ранее выступал владыка того же океана с именем Внезапный (Ху) (см. стр. 173).

³ Выражение, которое вошло в поговорку (см. притчу на стр. 219). В этом диалоге относительность познания соединяется с относительностью пространства, а также отчасти с макро- и микрокосмом (ср. стр. 84—86).

⁴ Человек, по Чжуанцзы, величина бесконечно малая в беспредельном пространстве и времени.

⁵ Речь идет об отличии объективного времени, как ранее — пространства, постигаемого разумом, от чувственно воспринимаемого времени.

⁶ Речь идет о конкретном разнообразии и развитии чувственно воспринимаемых вещей.

⁷ Исходя из биологического понимания человека, Чжуанцзы отрицает деление людей на знать и простонародье (см. также стр. 261, «Лецзы», гл. 8, прим. 31).

⁸ Куай — царствовал в Янь с 320 до 312 г. до н. э. Подражая Высочайшему и Ограждающему, Куай уступил трон сыну своего советника и на третий год в царстве поднялась смута.

⁹ Это изречение Чжуанцзы наиболее близко к отмечавшейся В. И. Лениным знаменитой формуле Гераклита «...нельзя войти дважды в одну и ту же реку...» (В. И. Ленин, *Философские тетради*, — стр. 291).

¹⁰ Одноногий (Куй) — насекомое с одной ногой. Названные в начале фрагмента Глаз и Сердце в дискуссию не вступают. Они, возможно, отнесены к заключающему беседу «мудрому».

¹¹ Об окружении Конфуция в местности Куан, но с другим содержанием, см. «Изречения» (гл. 9, 11, I, 176, 250). Комментарии говорят, что Куан находилось в царстве Вэй, поэтому название жителей — сунцы — здесь описка.

¹² Учение о судьбе и времени — об эпохе, как причине удачи или неудачи того или иного деятеля, его учения, опровергается здесь с помощью эпизода из жизни Конфуция: его собственная оценка эпизода оказывается ложной.

¹³ Царевич Моу («Лецзы», 81—83, гл. 4, прим. 21) отстаивал учение Гунсунь Луна, здесь же опровергает своего прежнего учителя, доказывая правоту Чжуанцзы.

¹⁴ Шоулин — город в царстве Янь.

¹⁵ Бушуй (Бухэ) — приток Хуанхэ.

¹⁶ Одна из формулировок отказа Чжуанцзы служить власть имущим (см. также стр. 221, 313).

¹⁷ Хао — приток Хуайхэ.

¹⁸ В споре с Творящим Благо (Хойцзы) Чжуанцзы доказывает познаваемость объективной действительности.

ГЛАВА 18

¹ Счастье (или наслаждение) — в недеянии, понимаемом как деятельность разума в познании природы.

² Некоторые исследователи видят здесь цитату из «Дао дэ цзина» (§ 39) и считают неверной общепринятую фразу «чжи шу юй у юй» (см. J. Legge, vol. XI, p. 3).

³ Ту же характеристику, но отнесенную к дао см. «Дао дэ цзин», § 37.

⁴ Комментарий Ли И дает значения этих имен: Чжили — как Забывший о теле, Хуацзе — как Забывший о разуме, упуская из виду, что сходные герои уже появлялись ранее (Урог Шу, стр. 155, Одноногий, стр. 148). Лишь имя последнего — Хуа — дает основание для нового значения — Неразумный.

⁵ Чэн Сюаньин говорит об опухолях у обоих героев, однако текст для этого не дает оснований — о своей опухоли говорит лишь один.

⁶ Эту притчу см. также стр. 232, «Го юй» («Речи царств») Шанхай, 1958, стр. 55—56.

⁷ Жертвенных животных — быка, барана и свинью.

⁸ См. «Лецзы», 45—46, гл. 1, прим. 30, 31, 32. J. Legge в своем примечании («In no Buddhist treatise is the transrotation of births more fully, and I must add, absurdly stated», J. Legge, vol. XL, p. 10, note 1) смешивает догадку наивных материалистов с переселением душ буддизма, т. е. утверждением бессмертия души.

ГЛАВА 19

¹ Мо[се] и Гань[цзян] — пара легендарных мечей, носящих имена их создателей — оружейника (Гань Цзян) и его жены (Мо Се), вариант — один меч, см. стр. 116.

² Одна из черт даосской утопии.

³ Чжоуский царь Величественный (Вэйгун) — по комментарию Цуя, — сын царя Хуаня, который правил в Чжоу с 719 по 697 г. до н. э. О Величественном, Тянь Кайчи и жреце (Чжу) Шэне других известий не сохранилось.

⁴ Одинокый Барс (Шань Бао); Чжан Смелый (И) — рассказ о них ср. «Хуайнаныцзы», цз. 18, VII, 325.

⁵ Жрец Сородич (Чжу Цзунжэнь) — персонаж аллегорический.

⁶ Хуанцзы Обвинитель Гордыни (Гаоао) — персонаж аллегорический.

⁷ Соломенный Башмак (Люй), Высокая Прическа (Цзи), Гром (Лэйтин), Лягушка (Валун), Домовой (Иян), Водяной (Вансян), Разноцветная Собака (Шэнь), Одноногий (Куй), Двуглавый Змей (Фанхуан). Извивающийся Змей (Вэйшэ) — несмотря на явно иронический подбор названий духов и их жилищ (например, бога Грома — в мусорной куче во дворе) и льстящую царю разгадку виденного им духа, комментаторы тщательно описывают каждое из упоминаемых «божеств», хотя некоторые, возможно, перешли в их число от Чжуанцзы.

⁸ В этом фрагменте представлено развитие взгляда на искусство как на подражание природе: образ музыкального инструмента оказывается заложенным уже в дереве; обнаружить его и «приложить руки» — такова задача мастера.

⁹ Рассказ о колесничем, видимо, общее место. Здесь он отнесен к царю Достойнейшему (Чжуангуну), в «Сюньцзы» (цз. 20, II, 358—359) — к царю Дингуну; остальные герои здесь Янь Врата Бытия (Хэ) и Просо из Восточной Степи (Дунье Цзи); в «Сюньцзы»: Янь Юань и Би из того же рода — из Восточной Степи.

¹⁰ Сунь Изгой (Сю) — персонаж аллегорический.

¹¹ Бянь Счастливый (Цинцзы) — сторонник даосской школы, которая раскрывается здесь еще одной своей стороной: стремлением привлечь отверженного.

ГЛАВА 20

¹ Удалец с Юга от Рынка Обязанный к Черной работе (Шинань Иляо) — о нем см. также стр. 266, 273. Поступки и речи во всех источниках характеризуют его как даоса, а также как удалца (см. комментарий к «Хуайнаныцзы», цз. 9, VII, 129), «...мог противостоять пяти сотням человек» («Цзочжуань», 17-й год правления царя Айгуна — 479 г. до н. э.).

² Здесь субъективные намерения царя (добрые) противопоставляются объективным условиям (злу) — его царству, за которым охотятся, как за красивой шкурой зверя.

³ Царство Утвердивших Свойства (Цзянь Дэ) — одно из аллегорических названий для даосской утопии.

⁴ Расточительный из Северного Дворца (Бэйгун Шэ) — его жизнь отнесена ко времени царя Чудотворного (534—493 гг. до н. э.).

⁵ Царский сын Завидующий Счастливцу (Ванцзы Цинцзи) — комментаторы, сомневаясь, чтобы сын чжоусского царя (вана) мог служить в другом царстве, отождествляют его с царским внуком Цзя (Вансунь Цзя).

⁶ Несущий Бремя Беспристрастия (Дагун Жэнь) — возможность перевода имени этого героя как аллегорического прозвища подтверждают комментаторы, говоря, что в то время не было сановника (*дагун*, или *тайгун* — название ранга) по имени Жэнь.

⁷ Забывчивая (Идай) — имя птицы аллегорическое.

⁸ Эту часть цитаты см. «Дао дэ цзин», § 22 и 24. Человеком большого совершенства здесь, следовательно, называется Лаоцзы.

⁹ На болотах жили Лецзы и его ученики (см. стр. 43, 80); о болотах как прибежище восставших рабов см. Ян Юн-го, стр. 82.

¹⁰ «Учитель С Тутового Двора (Цзы Санху)» — содержание его монолога позволяет согласиться с комментарием, отождествляющим это лицо с Учителем С Тутового Двора (см. стр. 166, гл. 6, прим. 26), хотя здесь иероглиф *ху* другой и означает птицу (*Eophona personata*).

¹¹ «Цзя» ряд комментаторов считает названием царства, только Сыма Бяо говорит, что Вернувшийся из Леса (Линь Хой) был беглецом из царства Инь.

¹² Песня эта неизвестна. Иероглиф рода *бянь* состоит из трех знаков «собака», но, несмотря на это, комментаторы отождествляют его с иероглифом, состоящим из трех знаков «огонь», т. е. родом Владеющих Огнем (см. гл. 14, прим. 12).

¹³ Возможно, что этот храм давал убежище, тогда «остается» (*цунь*) означает «пользоваться [правом убежища]».

¹⁴ Лань Це — ученик Чжуанцзы.

¹⁵ Комментаторы считают, что своим учителем Чжуанцзы называет Лаоцзы, но приведенные здесь слова в «Дао дэ цзине» отсутствуют.

ГЛАВА 21

¹ Тянь Постоянный (Цзыфан), его другое имя Не Допускающий Выбора (Уцзэ, см. стр. 291), — наставник вэйского царя Прекрасного (Вэня), правившего с 424 по 387 г. до н. э. О нем см. также «Хуайнаньцзы», цз. 18, VII, 325—326.

² Работающий у ручья (Цигун), Учитель Кроткий из Восточного Предместья (Дунго Шуньцзы) — известное о них восходит к данному фрагменту.

³ Дядя (из рода) Мягких (по прозвищу) Белоснежный (Вэньбо Сюэцзы) — даос с юга (по комментарию из Чу), поскольку противопоставляет себя не только лусцам, но и всем жителям Срединных царств.

⁴ Здесь о конфуцианцах сказано иронически, позже понятия «циркуль» (*гуй*) и «наугольник» (*цзюй*) слились и стали метафорически обозначать «благопристойное поведение».

⁵ См. Предисловие, стр. 9—10, прим. 18—22.

⁶ Айгун правил в Лу с 495 по 467 г. до н. э. Считая, что Чжуанцзы жил на сотню с лишним лет позже, Чэн Сюаньин относит данный фрагмент к числу вымышленных, а Дж. Легге отрицает его подлинность (см. J. Legge, vol. XL, p. 49). Эти авторы не учитывают, что при устной передаче в произведениях ораторов, как и в народной песне, одно имя могло случайно и намеренно заменяться другим.

⁷ Своей одежде конфуцианцы придавали символическое значение: небо в древнем Китае считалось круглым, а земля — квадратной.

⁸ Раб из Сотни Ли (Боли — название места, Си — раб) — мудрый советник Мугуна, правившего в Цинь с 659 по 621 г. до н. э. По представленному здесь варианту Боли Си был «из презренных»; по другим вариантам он побывал в сановниках в царстве Юй, находившемся на территории современной провинции Шаньси, а после его поражения, был куплен за пять бараньих шкур [см. «Речи Цинь», — «Речи борющихся царств» («Чжань го цэ»), Шанхай, 1958, стр. 66].

⁹ Значение местности, в которой «скрывались» (Цан — тот же иероглиф означал и раба), подтверждает Сыма Бяо, говоря, что Царь Прекрасный «пере-

одевался», т. е. посещал это место инкогнито. Попытки отождествить «удильщика» со стратегом царя Прекрасного — Тайгуном лишены оснований, ибо Тайгун стал родоначальником царей в Ци, а «удильщик» ушел в неизвестность.

¹⁰ [Царство] Фань — одно из древнекитайских царств, находившееся на территории современной провинции Хэнань.

ГЛАВА 22

¹ Недеяние — *Увэй вэй*; значение последнего *вэй* неясно. Недеяние — только *Увэй*, см. стр. 251. J. Legge (vol. XL, p. 57) переводит «Dumb Inaction» («Немое Недеяние»); R. Wilhelm («Dschuang Dsi», S. 161) — «schweigenden Nichtstun», видимо решив, что под «не действовать» подразумевается и «не говорить». Но «немое» лишнее и по тексту, ибо Недеяние не отвечает не оттого, что немое, а оттого, что «не знает». По Чэн Сюаньину (*вэй чжи Увэй*) его можно понять, как «называемое Недеянием» (см. наш перевод в речи Предка). В именах героев и названиях местностей — Недеяние, Возвышающийся Безумец, Темная (Изначальная) Вода, Конец Сомнений — также олицетворяется процесс познания, как и в Знании и других героях (см. стр. 189). Характеристика Безумца, как и Подобного Небытию (т. е. самой материи), позволяет говорить о философском понимании безумия как мудрости, и воплощении ее в образе такого юродивого, как чуский безумец Встречающий Колесницы.

² См. «Дао дэ цзин», § 2, 38, 48.

³ Атеистическая характеристика жизни и смерти, причем термин для последней «разложившееся» (*чоуфу*) употребляется тот же, что и у Ян Чжу (108).

⁴ Установление различий в развитии плода, как и в числе отверстий — девяти (глаза, уши, ноздри, рот, мочевого канал, анус) или восьми — говорит о начале биологической классификации у даосов (см. также стр. 45, 46, 194).

⁵ Ср. «Дао дэ цзин», § 81.

⁶ Вывод Лаоцзы ср. с оценкой человека с точки зрения вечности у Ян Чжу (стр. 115).

⁷ «Жизнь... так же мимолетна, как... белый жеребенок» <вар. «скользнувший по щели солнечный луч»> этот двойной смысл объясняется тем, что *бай цзюй* в мифе означал коня (коней?) в колеснице солнца (см. стр. 262, 297).

⁸ Душа разумная (*хунь*), душа телесная (*по*) — первая, по даосской концепции, — от эфира неба, вторая — от эфира земли; после смерти первая, легкая, рассеивается в небе, вторая, тяжелая, соединяется с землей (см. стр. 46).

⁹ Здесь *ляо* (по комментарию *сюйцзи*) представляет собой, видимо, попытку создания термина для отвлеченного мышления, абстракции.

¹⁰ По комментарию синоним «слов истины».

¹¹ Закрывающий Курган (Янь Ган) — как и другие герои фрагмента — Нерешительный-Сладость Лотоса (Э Хэгань) и Старый Дракон Счастливый (Лао Лун Цзи), судя по прозваниям, — даосы.

¹² Великая Чистота (Тайцин), Бесконечность (Уцюн), Недеяние (Увэй), Безначальный (Уши), как и герои следующего фрагмента, — Свет (Гуанъяо), Небытие (Ую), — представляют собой олицетворение категорий даосской космогонии.

¹³ Вселенная обозначается здесь сочетанием слов *юй* — «пространство», и *чжоу* — «время» (см. также стр. 258).

¹⁴ Один из характерных для даосов героев — народных умельцев.

¹⁵ Жань Цю (Жань Ю) — ученик Конфуция, см. «Изречения» гл. 3, I, 46.

ГЛАВА 23

¹ Гэнсан Чу — см. «Лецзы», гл. 4, прим. 4.

² Прием инвективы, здесь — против конфуцианских героев (см. также стр. 267, Предисловие, стр. 24, прим. 92).

³ Карлик Прославленный на Юге (Наньюн Чу) — персонаж, по-видимому, аллегорический, выведен как ученик Гэнсан Чу.

⁴ В Юэ куры были мелкие, в Лу — крупные.

⁵ Ср. характеристики младенца здесь и в «Дао дэ цзине», § 55.

⁶ «Сын природы» (*тянь цзы*) противопоставляется Сыну Неба как государю. Здесь проявляется различие в понимании слова *тянь*: в даосской школе оно в основном означало «природу», в идеалистической же, конфуцианской, — «Небо» как верховное божество.

⁷ Сравнение сил природы с разбойниками см. также «Инь Фу цзин» (в собрании «Хань Вэй цуншу», т. 13).

⁸ «Пространство... время...» — объясняемые здесь порознь *юй*, *чжоу* слитно обозначали «вселенную» (см. гл. 22, прим. 13).

⁹ Чжао... Цзин... Цзя [Цюй] — аристократические роды в царстве Чу. Комментаторы считают Цзя опиской, ибо по комментарию Ван И к «Чусским одам» третьим являлся род Цюй (Цюй Ю ня).

¹⁰ Возможно, — термин для догадки даосов о законе сохранения вещества (ср. «Лецзы», гл. 1, прим. 58).

¹¹ См. притчу, стр. 135—136.

¹² «Скованные вместе...» (*суйми*) — см. также стр. 272. Осужденные в рабство этой категории вместе с другой (тех, у кого отрубили ногу) объявляются здесь людьми наиболее совершенными, близкими к природе. Чэи Сюаньин приводит в доказательство и поговорку: «Бережет себя тот, кого ценят в тысячу золотом, раб же жизни своей не жалеет».

ГЛАВА 24

¹ Сюй Отрицающий Душу (Угуй) — даос, который жил в уединении.

² Нюй Шан — жрец, который ведал закланием жертвенного с³ота при Военственном (Ухоу), царе в Вэй с 386 до 371 г. до н. э.

³ «Металлические планки в шести чехлах» («Лю тао») — по одним данным, не сохранившийся памятник военной мысли в шести главах, который приписывается Цзян Тайгуну; по другим, тайные гадания, пророчества.

⁴ Высокий Утес (Да Вэй) — олицетворение познания, путь к которому полон препятствий. Одно из них — гора Терновая Чаша (Цзюйцы).

⁵ «Семеро мудрецов» — в противоположность отроку-табунщику — вместе с Желтым Предком представлены иронически его спутники с разнообразными прозвищами: Едва Прозревший (Фанмин), Блестящий Сказочник (Чаньюй), Предполагающий (Чжан Жо), Друг Повторяющий (Сипын), Подобный Привратнику (Кунь Хунь), Смехотвор (Хуацзи).

⁶ Обращение «небесный наставник» («Тянь ши») было принято с I в. н. э. как титулование патриарха даосской религии.

⁷ В этом фрагменте дана оценка различных представителей общества (школ, сословий) с точки зрения их удаленности от даосского идеала (мужи, ораторы, надзиратели...) или приближения к нему (земледельцы, купцы, ремесленники).

⁸ Ян Чжу.

⁹ Бин — прозвание софиста Гунсунь Луна.

¹⁰ Лу Цзюй, судя по содержанию фрагмента, открыл явление резонанса.

¹¹ В сожалении по поводу смерти Творящего Благо обнаруживается мнение Чжуанцзы о необходимости споров с достойным противником для развития собственного учения, умения его доказывать, иными словами о том, что в спорах рождается истина.

¹² Красавец Без Сомнений (Янь Буи) — персонаж с аллегорическим прозвищем.

¹³ Дун Платан (У), — судя по прозвищу, сторонник даосизма.

¹⁴ Тянь Хэ, отождествляется с царем Ци (см. «Лецзы», гл. 6, прим. 6).

¹⁵ Вследствие отказа [Удальца] с Юга от Рынка принять участие в мятеже Бэйгун Шэна (см. «Лецзы», гл. 8, прим. 10).

¹⁶ Вследствие того что враги, заподозрив какую-то хитрость, прекратили наступление. Комментаторы считают фрагмент приписанным на том основании, что все три героя жили в различное время.

¹⁷ Владеющий Своими Чувствами (Цзыци). Комментаторы называют его конюшим (*сыма*) в Чу, хотя содержание монолога позволяет отождествить его с другим одноименным героем из Южного Предместья (см. гл. 2, прим. 1).

¹⁸ Пропавший без Вести во Вселенной (Цзюфан Янь) — известный физиономист, см. «Лецзы», гл. 8, прим. 20, «Хуайнаньцзы», цз. 12, VII, 198.

¹⁹ Род отца, матери и жены.

²⁰ По оригиналу трудно точно установить, где конец речи одного героя и начало речи другого.

²¹ Продажа свободных в рабство, видимо, воспрещалась, поэтому для продажи их калечили как осужденных.

²² Ввиду отсутствия известий о человеке с таким именем, мнения комментаторов расходятся: его считают богачем, инспектором улицы, богатым купцом или мясником.

²³ Нежный Красавец, Предающийся Неге, Хватающий Согбенный (ср. Плут, Обидчивый и др. у Ян Чжу, стр. 104) — прозвища, указывающие на черту характера. Эти имена вместе с другими доказывают богатство образов у даосов, а особенно у более позднего — Чжуанцзы.

²⁴ Ср. «Мэнцзы», гл. 5(1), I, 380.

²⁵ Отрочья земля — (метаф.) земля без растительности, будто отрок, еще не доросший до обряда надевания шапки — инициации.

²⁶ См. притчу о рыбах на мели (стр. 163, 167, 208).

²⁷ Воронья голова, *цзегэн*, куриная голова, *чжулин* — яд аконит, *platycodon grandiflorum*, *eugale ferox*, гриб-нарост на дереве.

²⁸ [Вэнь] Чжун — искусный дипломат, который спас царство Юэ от поражения в 494 г. до н. э. и помог царю Гоуцзяню подготовиться к реваншу в 473 г. Но после победы над усцами Гоуцзянь решил казнить Вэнь Чжуна, и тот, переименовав имя, был вынужден скрыться.

²⁹ Данный и следующий фрагменты содержат признание Чжуанцзы возможности познания объективной истины (см. также стр. 274).

³⁰ В данном фрагменте Чжуанцзы представляет познание как процесс бесконечного разрешения сомнений (см. также стр. 274).

ГЛАВА 25

¹ Подражающий Свету (Цзэян) — Пын Ян, по прозвищу Цзэян, персонаж близкий к даосскому учению.

² [И] Преданный Долгу (Цзе) — истый придворный с конфуцианским прозвищем.

³ Ван Решительный (Го), Гун Ушедший от Смотров (Юэсю) — сторонники даосизма, осуждающие и придворных и самого царя Чу.

⁴ [Муж] из рода Гадателей на Черепашьей Бороде (Жань Сянши) — данный персонаж в позднем источнике («Лу ши», X—XII вв.) относится к деятелям эпохи сотворения мира; судя же по пословице — «что борода у черепахи, рога у зайца», черепашья борода служила предзнаменованием войны. Решить, каково отношение к этому персонажу — ироническое или положительное, не позволяет текст, записанный очень туманно.

⁵ Восходящий (Дэн) и Неуклонный (Хэн) — относя героев, как правило, к лицам историческим, некоторые видят в Дэн Хэне одного человека, тогда как Чэн Сюаньин и Го понимают, что два чина должны сопровождаться и двумя именами. Мы пытаемся решить вопрос, как обычно, расшифровывая прозвища.

⁶ Несущий Возвышенное (Дай Цзиньжэнь) — встречается лишь в данном фрагменте.

⁷ От этой притчи пошла поговорка — «битва на рожках улитки», как осуждение войн.

⁸ Для изображения относительности пространства далее применяется фольклорный прием ступенчатого сужения образов.

⁹ Цзылао (Цинь Чжан, Цзыкай) — ученик Конфуция (см. также «Изречения», гл. 9, I, 178).

¹⁰ Кипарисовый Наугольник (Бо Цзюй) — ученик Лаоцзы.

¹¹ В этом плаче-инвективе причиной возрастающего числа тяжб и осужденных называется погоня за славой (властью) и богатством.

¹² Почти о таком же отказе Конфуция от своего учения — дела всей жизни см. стр. 283.

¹³ Великие хронисты: Большой Чехол (Да Тао), Дядя Всегда Ошибающийся (Бо Чанцян), Кабанья Шкура (Сивэй) — комментатор говорит лишь об именах хронистов, по-видимому, они — герои с аллегорическим прозвищем.

¹⁴ «Лин». Кроме посмертного титула — «Чудотворный» — это слово имеет ряд других значений и служит здесь для игры слов: у первого хрониста это просто одушевленный предмет, у второго — человек сообразительный, у третьего — покойник.

¹⁵ Малое знание (Шаочжи), Справедливый Приводящий к Согласию (Дагун Дяо) — имена аллегорические.

¹⁶ Селения (*цю, ли*) — здесь явно подразумевается лишь единица общежития вне зависимости от названия. Однако в комментариях с оговоркой, что в древности, как и теперь, повсюду были свои местные особенности, даются разнообразные объяснения, например, *ли*: четыре колодца (*цзин*) составляли один *и*, четыре *и* — одно *цю*; пять семей составляли соседей (*лин*), пятеро соседей — одно *ли* (*или*); в древности десять семей составляли *цю*, двадцать — *ли*.

¹⁷ Цзи Истинный (Чжэнь)... Продолжатель (Цзецзы) — комментатор сообщает, что оба они посещали Академию Цзися в царстве Ци, однако сведения об этом сохранились лишь в отношении Цзецзы (см. Сыма Цянь, *Исторические записки*, цз. 46, 74, I, стр. 640, 811—812).

ГЛАВА 26

¹ В данном фрагменте рассматриваются необходимость и случайность, возможность и действительность.

² Несущий Зло (Улай) — по комментарию, лстивый слуга Бесчеловечного.

³ Сяо Цзи — сын иньского царя. Преследуемый мачехой, он умер от горя.

⁴ Софора (*хуай*) — *Sophora japonica*. У древних китайцев, видимо, священное дерево, ибо от него произошли такие термины, как названия судилища (*мян хуай, тин сун хуай*), высшие чины (*сан хуай*) и др.

⁵ «Луне, конечно, не справиться с огнем» — по представлениям древних китайцев, луна была концентрацией водного эфира.

⁶ Это заключение притчи вошло в поговорку, как отказ от своевременной помощи в беде.

⁷ Эту народную песню, как и многие другие, конфуцианцы в «Книгу песен» не включили (факт, который служит доказательством классового отбора при составлении свода). Чэн Сюаньин говорит: «Эта песня — из „забытых“, давно снята. При похоронах аристократам вкладывали в рот много жемчуга, за что их и обличала песня. „Зеленая, зеленая“. Тянь Хэн использовал „милосердие и справедливость“, чтобы украсть царство Ци. Конфуцианцы же распевали песни и славил обряды, чтобы грабить могилы. Отсюда видно, что на деяния мудрецов не стоит опираться». Су Юй же опровергает комментарий Чэн Сюаньина, обвиняя учение Чжуанцзы в том, что оно «ведет людей пожирать людей», из-за него де и Тянь Хэн «украл [царство] Ци».

⁸ Старый Чертополох (Лао Лайцзы) — представлен в различных версиях. В назидательных «Портретах 24 почтительных сынов и дочерей» («Эр ши сы сяо ту») он — почтительный сын в конфуцианском духе. Здесь, по тексту и по комментарию, он выступает философом даосской школы.

⁹ Этот рассказ см. также у Сыма Цяня («Исторические записки», цз. 128, I, стр. 1172).

¹⁰ В некоторых положениях (о правильном и неправильном образе жизни) Чжуанцзы из области философии переходит в область медицины (см. также ниже, фрагмент «Тишиной можно...»).

¹¹ Широкие ворота (Яньмын) — ворота в столице царства Сун.

¹² «...Забывают про ловушку» — эти выражения вошли в пословицу, как осуждение неблагодарности в ряду таких, как «Зайца загнали и собаку сварили».

ГЛАВА 27

¹ В первом фрагменте главы Чжуанцзы анализирует некоторые основные приемы ораторского искусства, подсчитывая, что притчи в речах занимают до девяноста процентов, а заимствования — до семидесяти. Как всегда, полемически высказывается он о речах «почитаемых», относя их во многом к «праху», и отстаивает право на беспредельное развитие мысли — «речи всегда новые, как [вино] из чарки» (см. также стр. 319).

² «Фу... чжун...» — меры объема (жалованье выдавалось в зерне).

³ Чэн Сюаньин говорит о постижении закономерностей вещей. Этот даосский термин, видимо, был использован для перевода буддийского понятия «шесть сообщений чувств» (*лю жу*): «цвета, звуки, запахи, вкус, поверхности и отвлеченные представления», возникающие благодаря «зрению, слуху, обонянию, вкусу, осязанию и мысли» (П. Кафаров и П. С. Попов, *Китайско-русский словарь*, т. 1, стр. 220; толковый словарь «Цы хай», т. II, раздел *цзы*, стр. 334).

⁴ Советующий (Цюаньгун) — перевод прозвища дается по комментарию Сюаня.

ГЛАВА 28

¹ Цзычжоу Отец Устоявший (Чжифу), Дядя Устоявший (Чжибо) — комментаторы считают, что Цзы — фамилия, Чжоу — имя, в прозвище же отождествляют «отца» (*фу*) и «дядю» (*бо*), принимая их за одного человека, хотя традиционные даты правления Высочайшего и Ограждающего (2357—2258 и 2257—2208) говорят о расстоянии в пятьдесят-сотню лет. См. также «Весна и осень Люя» (цз. 2, VI, 14).

² Земледелец из Каменных дворов (Шихучжи Нун) — комментаторы пытаются отождествить знак *ху* — «двор» со знаком *хоу* — «титул». Но здесь, как и в случае с Санху, прозвище дается, видимо, по профессии.

³ «Муж, отвечающий за сильных работников» («бао ли чжи ши») — значение не вполне ясно, возможно, что он нечто вроде старосты (*бао*).

⁴ Великий государь Отец Верный (Даван Дань фу) — один из основных предков племени Чжоу (ср. «Книга песен» — «Тыквы возрастают одна за другой на плетях», III, 1, 3).

⁵ О комментарии к этому имени — знаку, не поддающемуся отождествлению, см. Предисловие, прим. 95.

⁶ Чжаоси — возможно Чжаохоу, царь в Хань с 358 по 333 г. до н. э.

⁷ Фрагмент об отказе Яня Врата Бытия (Хэ) служить царю см. также «Весна и осень Люя» (цз. 2, VI, 14—15).

⁸ Жемчужина суйского царя была, согласно легенде, поднесена царю в благодарность за спасение Священной змеей из богатой жемчугом реки Бу, на которой стояло царство Суй, находившееся на территории современной провинции Хубэй.

⁹ Светлейший (Чжао), царь Чу в 515—489 гг. до н. э.

¹⁰ Мясник, забивающий овец, Рассуждающий (Шо) — в данном фрагменте раскрывается умение простого человека защитить себя и от царского гнева и от царских милостей.

¹¹ Комментарий говорит о «договоре соблюдать закон, принимаемом вместе с народом».

¹² Конюший Владеющий Своими Чувствами (Сыма Цзыци) — судя по чину и службе у царя, это лицо не может отождествляться с встречавшимся ранее героем с тем же прозванием.

¹³ Три великих мужа (дословно: три знамени, *цзин*). Комментарии отождествляют *цзин* с *гуй* — нефритовым скипетром, знаком различия великих мужей (*гун*), а отсюда и самими мужами. Речь идет, видимо, о тех родах, которые иногда стояли даже выше царей, например в Лу — Мэнсунь: Шусунь, Цзисунь (см. гл. 23, прим. 9, «Изречения», гл. 3, I, 43).

¹⁴ Белая марь — *Chenopodium album*.

¹⁵ Во фрагменте дана отповедь одного ученика Конфуция (Юань Сяня) другому (Цзыгуну) с даосских позиций.

¹⁶ Даосом здесь выведен еще один ученик Конфуция — Цзэнцзы. Но тот факт, что именно его чаще всех и сильнее всех бранил Чжуанцзы, заставляет думать об описке: здесь возможно было другое имя.

¹⁷ Простолюдин, или человек, отказавшийся от службы, от аристократического звания.

¹⁸ Данные формулировки позволяют предположить существование в древнем Китае обычая объявлять кого-нибудь вне закона.

¹⁹ На южном берегу Ин скитался Никого не Стесняющий; на горе Гун — Гун Бо, который был регентом во время междоусобия — после изгнания Ливана (841 г.) и до воцарения Сюаньвана (827 г. до н. э.), когда четырнадцать лет длилась страшная засуха. «Возвысили его — не радовался, сняли его — не огорчался» (см. комментарии к «Бамбуковым летописям», годы правления Ливана).

²⁰ Северянин не Допускающий Выбора (Бэйжэнь Уцзэ) — несмотря на одинаковое с Тянь Цзыфаном прозвище (ср. стр. 239), не может быть с ним отождествлен, ибо отнесен к значительно более раннему времени.

²¹ Вспыльчивый (Бянь) Суй — персонаж, по-видимому, аллегорический.

²² Вариант данного фрагмента см. «Весна и осень Люя» (цз. 20, VI, 119—120).

²³ На этом предложении Ровный и Равный основывают следующую далее инвективу, обвиняя царя Воинственного и Чжоу гуна в целом ряде преступлений: в привлечении сторонников путем подкупа; в несвоевременном принесении жертвы ради клятвы с союзниками, которым они не доверяют, и, наконец, в главном — заговоре против старшего, иньского царя.

Г Л А В А 29

¹ Цзи Под Ивой — см. Предисловие, стр. 24. Родство с Чжи Чжуанцзы придает ему для антитезы: разбойник судье — родной брат.

² Народное поверье: печень врага придает победителю смелость и отвагу.

³ Одно из главных обвинений против власть имущих — в паразитизме, которое Разбойник добавляет к обычным у даосов в своей развернутой инвективе против Конфуция.

⁴ «Род, Владеющих гнездами» (Ючао) — впоследствии это название стали относить к одному человеку — предку.

⁵ Пересказывая устами Разбойника даосское понимание развития человеческого общества, Чжуанцзы добавляет к нему и новые черты (например, предание о матриархате).

⁶ Красный Злодей (Чи Ю) — миф о нем представлен в вариантах: от чудовища до первого изобретателя металлического оружия и первого «бунтовщика».

⁷ Бао Цзяо (Баоцзы), Цзе Цзытуй, Вэй Шэн — устами Разбойника Чжуанцзы осуждает всех этих героев, которые покончили с собой.

⁸ Здесь Разбойник пересказывает тезисы Ян Чжу (ср. стр. 107).

⁹ Выгода Любой Ценой (Мань Гоудэ) — характеристика данного персонажа дана в прозвище, подтверждаемом его речью.

¹⁰ Термины, обозначавшие отношения в семье и обществе. Комментаторы указывают на расхождения в их трактовке в различных памятниках.

¹¹ Ван Цзи — отец царя Прекрасного был младшим сыном и когда ему был передан престол, его старшие братья были вынуждены бежать. В этом, как и других героях фрагмента Чжуанцзы обличает конфуцианцев: они возводят в число «праведных царей» нарушителей утверждаемых ими же обычаев.

¹² Свободный от Условностей (Уюэ) — беспристрастный судья, философ даосской школы.

¹³ По Конфуцию, сын и отец обязаны покрывать друг друга (см. «Изречения», гл. 13, I, 291).

¹⁴ Шэньцзы (Шэньшэн) — наследник цзиньского царя Сяньгуна (правил с 677 по 652 г. до н. э.), покончил с собой, не сумев оправдаться от обвинения в покушении на жизнь своего отца, на самом деле подстроенного царской наложницей (мачехой).

¹⁵ Чэн Сюаньин сообщает, что Конфуций не остался со своей матерью перед ее кончиной, приняв, вопреки обычаю, приглашение на службу.

¹⁶ Куан Чжан (Куанцзы) не встречался с отцом — герой, безуспешно пытавшийся наставить своего отца упреками. См. «Мэнцзы», гл. 4 (2), I, 352—354.

¹⁷ Довольный (Чжихэ) — дословно «познавший гармонию» — как противоположность другому герою Недовольному (Унзу). Диалог направлен против стяжательства — погони за богатством и славой (властью) с точки зрения Ян Чжу.

ГЛАВА 30

¹ Царь Чжао Прекрасный (Вэнь ван) — некоторые комментаторы, а за ними и синологи (см. J. Legge, vol. XXXIX, p. 186) отождествляют этого царя с Милостиво прекрасным (Хой вэнь ваном), правившим в Чжао с 298 по 266 г. до н. э., за современника которого и принимают Чжуанцзы. Такая датировка производится вопреки данным Сыма Цяня, а также вопреки тому, что этот эпизод отнесен в «Чжуанцзы» к прошлому («когда-то» — *си*), что упоминание о нем, как и о наследнике Печальном (Куэ), отсутствует в «Исторических записках» Сыма Цяня и, наконец, что с 265 г. правил сын Хойвана, но не Куй, а Дань. Главная же цель Чжуанцзы — не составление хроники, а обличение непрестанных войн между царями. Единственная черта характера, интересовавшая здесь философа, — увлечение фехтованием как порок, общий для царей. Поскольку же имя Прекрасный встречалось почти во всех царствах, начиная с XII в. до н. э., то Чжуанцзы мог назвать именно Чжао, где такого еще не было (для одного знака — царства, нетрудно также допустить и возможность описки).

² От Ласточкина Потока (Яньци) до Каменной стены (Шичэн) — название местностей в древнем царстве Янь, недалеко от современного Пекина. В ряде географических названий Чжуанцзы мастерски рисует всю Поднебесную как мечту царя-гегемона, т. е. главы союза царей.

³ Гора Преемства (Дайшань)... гора Вечности (Чаншань) — две из пяти священных гор древнего Китая, восточная и северная.

⁴ Меч во время суда в древности, по-видимому, играл важную роль. Свидетельства об этом сохранились также в таких терминах, как «речи меча», «пять мечей» — синоним «пяти [всех] наказаний».

⁵ Удерживают весну и лето — комментатор говорит о задержании этих времен года, от которых зависит плодородие, что помогает расшифровать некоторые весенние (новогодние) обряды.

⁶ Вершат дела осенью и зимой — комментарий говорит об этих временах года как суровых, которые следует пресекать; но возможно, что «дела» здесь означают охоту и войну, для которых отводились эти сезоны.

⁷ [Все] три [рода] светил — первые два: солнце и луна, к «третьему» же относились звезды и планеты.

⁸ В одежде гостя (*бинь*) — свидетельства о видах одежды и их значении сохранились в одной из речей X в. до н. э.: «В одеждах *дянь* являлись на жертвоприношения каждый день; в одеждах *хоу* — раз в месяц, в одеждах

бинь — к жертвам времен года, в одеждах *яо* — к годовым жертвам, в одеждах *хуан* — к [кончине] вана». («Хрестоматия по истории Древнего Востока», М., стр. 452). Во всех этих одеждах (кроме *хуан*), являлись близкие и далекие родичи, ибо общие жертвоприношения (ежедневные — отцу, ежемесячные — деду, времен года — родоначальникам, годовые — небу и земле) свидетельствовали о кровнородственной связи.

ГЛАВА 31

¹ Рыболов — см. Предисловие, прим. 96.

² Черный полог (Цзывэй) — роща вблизи столицы царства Лу, в которой, по преданию, Конфуций занимался со своими учениками.

³ Выступление против конфуцианской регламентации похоронных, брачных и других обрядов.

ГЛАВА 32

¹ Педант (Хуань) — персонаж аллегорический.

² Род Одетых в Меха (Цюши) — по комментарию, меховая одежда была принята у конфуцианцев.

³ Могильные деревья, по представлениям древних китайцев, могли свидетельствовать о правоте похороненного под ними человека.

⁴ Чжу Легкомысленный (Пинмань), Урод Полезный (Чжили И) — персонажи аллегорические. Перевод «чжили» как прозвища ранее основан на комментарии: «человек [у которого] тело не целое» (см. стр. 155); но здесь тот же Сыма пишет: «Чжу Пинмань и Чжили И — имена и фамилии людей».

⁵ Об атеистическом значении фрагмента говорит комментатор Сюань: «Драконов не было...».

⁶ Цао Торгаш (Шан) — персонаж аллегорический.

⁷ Данный фрагмент — одно из ярких выступлений Чжуанцзы против власть имущих и тех, кто им служит.

⁸ Под металлом подразумевались такие орудия пытки, как нож, пила, топор, секира; под деревом — палки и батоги, колодки ножные и ручные.

⁹ Покойный Отец Правильный (Чжэн Каофу) — по комментарию, предок Конфуция в десятом колене. Хвала в его честь, хотя и похожая на пародию, оказалась в данном памятнике, конечно, случайно.

¹⁰ Яркое атеистическое выступление Чжуанцзы против бессмертия души, которое утверждалось культом предков с его пышной похоронной обрядностью и магическим значением могилы.

ГЛАВА 33

¹ «Мужи в Цзоу и Лу»: Цзоу (родина Мэнцзы, находилась на территории современной провинции Шаньдун) и Лу (родина Конфуция) — царства, в которых господствовало конфуцианство.

² Перечисленные выше названия (*Сяньчи, Да Чжан, Да Шао, Да Ся, Да Ху, Би Юн*) в основном соответствуют названиям танцев, которым «обучал юношей» Ведающий музыкой при Весеннем начальнике (см. «Обряды Чжоу», цз. 6, стр. 145—147). Сами произведения, за исключением «Воителя», не вошли в свод «Книга песен» и не сохранились, поэтому перевод названий — без знакомства с содержанием, лишь приблизительный. Они были синкретичными, как все древнее искусство, поэтому придавать им этическое содержание, как это делают

комментарии и толковые словари, нет оснований. С помощью древнейших пластов в значении слов в этих названиях можно раскрыть заклинания (солнца, лета, воды), фиксацию раннего обычного права и одного из событий — победы чжоусцев над иньцами.

³ Вариант «реках» — более вероятен по контексту, а также по совпадению с памятником «Весна и осень Люя», цз. 13, VI, 126.

⁴ «Стерлись волоски на икрах и пушок на голеньях» — о полемическом значении данной характеристики см. Предисловие, стр. 23—24, прим. 92.

⁵ О последователях Мо-цзы не сложилось единого мнения: Гу Ху и Цзи Чи упоминаются лишь здесь; Дэнлин именуется также Сянлин; в «Ханьфэйцзы» (цз. 19, V, 351) называются три школы: Сянли, Сянфу (или Бофу) и Дэнлина. Подробнее см. Ян Хин-шун, *Теория познания моистов*, — «Вопросы философии», 1956, № 1, стр. 130.

⁶ «Основу» (цзин) здесь нельзя перевести как «книгу» или «канон», ибо он тогда еще не был записан, в известный же ныне памятник «Моцзы» вошли и высказывания его последователей.

⁷ В этой формуле моистов выражались свойства вещей.

⁸ Основные категории логики, разрабатывавшиеся моистами.

⁹ Так, по-видимому, выражалось соотношение единичного и всеобщего, видового и родового в логике моистов.

¹⁰ Сун Цзянь и Инь Вэнь считаются сторонниками школы логиков-софистов (минцзя). Их деятельность соединяется с академией в царстве Ци — Цзися.

¹¹ По комментариям, — ровная, плоская шапка, как священная Хуа-гора.

¹² Пэн Мэн, Тянь Пянь, Шэнь Дао, по комментарию Чэн Сюаньина — отшельники из Ци, деятельность которых связана с академией Цзися.

¹³ О данном атеистическом тезисе см. также «Лецзы», гл. 1, прим. 25.

¹⁴ В характеристиках Шэнь Дао и Лецзы, возможно, есть нечто общее (см. Предисловие, стр. 33—34, «Лецзы», гл. 2, прим. 8).

¹⁵ В данной речи цитируются отдельные положения из «Дао дэ цзина» (§ 28, 22 и др.).

¹⁶ Записи речей Хойцзы не сохранились.

¹⁷ Речь идет, видимо, о мельчайших семенах. «Небо... низкое, горы... ровные» — взятые в сумме с «землей», с «болотами»; «Солнце в зените... в закате» — в зависимости от места, занимаемого наблюдателем; «Рождение вещи... ее смерть» — каждая новая форма материи является рождением и смертью ее предшествующей формы; «Направился сегодня... а пришел... вчера» — мысль предшествовала действию; «Соединенные кольца можно разнять» — мысленно; «Я знаю, [где] центр Поднебесной...» — за центр можно принять любой пункт: и к северу от северного царства Янь, и к югу от южного царства Юэ; «[Тот, кто] любовью охватывает [всю] тьму вещей, [составляет] единое целое с природой» — для такого небо с землей не слишком велики, собственное «я» не слишком мало.

¹⁸ «Такими изречениями...» — из цитат в «Чжуанцзы» видно, что Творящий Благо, в общем, разделял материалистическое понимание природы и сближался с даосской школой в своем интересе к объективному миру, к диалектике. Однако уже диалог «радость рыбы» (стр. 221) показывал, что Творящий Благо приходил к релятивистским выводам, доводил диалектику до абсурда.

¹⁹ «Подобных [софизмов]» — в «Чжуанцзы» критиковался Творящий Благо, а особенно его последователи софисты за игру в понятия, за субъективное их толкование. К этим софизмам комментаторы дают следующие пояснения: «В яйце есть перья — иначе их не было бы и у птицы; Третья нога у курицы — способность или желание ходить; Город Ин — столица Чу, здесь намек на самовозвеличение чуского царя; Названия «пес» и «баран» даны людьми, поэтому могли бы поменяться местами; Яйцом у лошади можно назвать утробу, в которой вынашивается жеребенок; Хвост у лягушки (т. е. головастика) пропадает с первым ударом грома и сразу появляются лапки; «Огонь не горячий», ибо люди едят приготовленную на огне пищу; Рот у горы — ущелье, передающее эхо; Если бы колесо давило на землю, то не могло бы вращаться; «Глаза не видят», иначе они видели бы самих себя; «Вещи неисчерпаемы» — вариант см. «Лецзы», 82; комментаторы видят здесь описку; «Черепаша длиннее змеи» —

здесь обыгрывается относительность пространства; «Наугольник...» — по Сюаню, существуют квадраты и без наугольника, круги и без циркуля; по Сыма: сам наугольник не квадратный, сам циркуль не круглый; «Паз не окружает...», по Сюаню: «Клин сам входит в паз»; «Тень летящей птицы не движется» — она изменяется; Движение и покой стрелы зависят от человека; «Кобель не пес» — здесь обыгрываются сущность и название: если название различно, значит и сущность различна; «Гнедой конь», «вороной бык» — отличий в цветах два, третье отличие — в телесной форме; «Белый пес черен» — цвета белый и черный обозначены человеком, поэтому белое могло стать черным; «У жеребенка-сироты никогда не было матери» — понятие «сирота» снимает понятие «мать»; «Если ежедневно делить пополам палку...» — если предмет поддается делению, то деление его на два возможно до бесконечности.

²⁰ Хуань Туань относится к логикам-софистам.

²¹ Высшим благом сам Творящий Благо считал объяснение народу естественных законов, отмечает комментатор Чэн Сюаньин после ответа философа на вопрос о причинах возникновения ветра, дождя, грома и других явлений природы. В этом Творящий Благо, видимо, был близок к древним софистам Греции — учителям «мудрости», которые стояли на стороне рабовладельческой демократии и ставили своей задачей широкое распространение знаний и обучение красноречию.

²² «Чудак... Хуан Связанный» (Ляо) — персонаж аллегорический.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Айгун 159, 160, 242, 311, 355, 366
Александр Македонский 34
Алексеев В. М. 5, 14, 325, 327, 328, 332, 335, 352

Анаксимен 8, 336, 356
Аристотель 12
Асмус В. Ф. 333

Бань Гу 334

Баошу Я. 99, 100, 101, 109, 264, 347, 349

Бин — см. Гунсунь Лун

Бичурин Н. Я. 5, 327

Бо Фын 45, 80, 337

Бо Цзюйи 38

Бодде Д. 328, 346

Боккаччо 39

Бофу — см. Сянфу

Будда 13, 328.

Буланже П. А. 325

Бунаков Ю. В. 335

Бэйгун Шэн (Бэйгун) 123, 132, 216, 350, 368

Бянь Цяо (Цинь Юэжэнь) 90, 91, 333, 345

Ван Аньши 12

Ван Вэй 37, 335

Ван И 368

Ван Чун 33, 326, 336, 337, 338, 344, 348

Васильев Б. А. 346

Васильев В. П. 5, 11, 327, 330, 333, 338

Ведающий Музыкой Цзыюй (Юэчжэн Цзыюй) 82, 83

Величественный (Вэйгун) 228, 365.

Вельгус В. А. 334, 346

Вильгельм Р. 14, 328, 330, 331, 349

Воинственный (Ухоу) царь Вэй (№ 7646) 260, 261, 368

Воскресенский Д. Н. 334

Вэйван 326, 343

Вэнь Чжун 269, 332, 369

Гао 100, 347

Гао Сысунь 12, 13, 326, 328, 330

Гао Ю 350

Гатов Аг. 331

Георгиевский С. М. 5

Гераклит 15, 326, 331, 364

Герцен А. И. 327

Гитович А. 334

Го 100, 347

Го Можо 325, 330, 334

Го Сян 327, 355, 360, 362, 369

Го Цинфань 327

Горький М. 33, 334

Гоуцзянь 269, 369

Грэм А. 13, 326, 328, 330, 331, 332

Гу Ху 316 375

Гу Цзеган 13, 328, 340

Гуань Фын 13, 14, 328, 329, 332, 333

Гуань Чжун (Гуань Иу, Гуаньцзы, Отец Чжун) 89, 99, 100, 101, 106, 107, 109, 224, 229, 264, 265, 298, 299, 345, 346, 347, 349

Гун Бо 291, 372

Гун Дуцзы 330

Гун Минъи 330

Гунсунь Лун 82, 83, 219, 220, 263, 264, 320, 343, 364, 368

Гуншу Бань (Баньшу, Гуншуцзы) 93, 124, 346

Гэнсан Чу (Гэнсанцзы, Кан Санцзы, Кан Цанцзы) 31, 76, 253, 254, 255, 342, 367

Дань 373

Дао, царь Цзинь 350

* Все указатели составлены А. В. Зайцевой.

Дарвин Ч. 331
Демокрит 15, 331, 333, 337, 345
Джайльс Г. 326
Дингун 365
Диоген 34, 334
Достойнейший (Чжуангун), царь Лу, 231, 346, 365
Достойнейший (Чжуангун), царь Ци, 105, 348
Достойнейший (Чжуанван), царь Чу, 125, 126, 350, 351
Дочь Стража Границы в Ай (Ай фын-жэньчжи цзы) — см. Цзи из Ли.
Дуаньму Шу 111, 112, 349
Дунмэн Цзя 93, 346
Дынник М. А. 333
Дэн Си 80, 81, 101, 110, 111, 332, 343, 347, 349
Дэнлинцзы 316, 375
Дядя Высокий (Бо Гаоцзы) — см. Дядя Темнеющее Око
Дядя Темнеющее Око (Бо Хуньмоу-жэнь, Бо Хуньжэнь) 29, 43, 53, 55, 62, 77, 157, 244, 309, 329, 336

Жань Ю (Жань Цю) 252, 367

Иванов А. 5, 330
Инъ Вэнь 69, 317, 341, 375

Канван 66, 67, 341
Карающий Разбойников (Сы коу) — см. Конфуций
Колоколов В. С. 335
Конрад Н. И. 5, 325, 334, 335
Конфуций (Кун Цю, Цю, Кунцзы, Чжунни) 7, 10, 11, 13, 14, 17, 18, 19, 24, 27, 30, 33, 36, 39, 42, 47, 48, 57, 59, 66, 67, 73—77, 89, 90, 97, 113, 114, 121, 122, 123, 124, 145, 148, 149, 150, 151, 155, 156, 158, 159, 160, 166, 167, 169, 191, 193, 200, 201, 205, 209, 210, 214, 215, 219, 224, 227, 228, 230, 235, 236, 237, 240, 241, 242, 244, 245, 248, 252, 266, 271, 273, 274, 279, 280, 283, 289, 290, 291, 293, 294, 295, 296—299, 305, 307, 308, 311, 312, 325, 328, 330, 332, 333, 337—340, 342, 343, 345, 348, 349, 350, 353, 354, 355, 357, 358, 360—364, 367, 369, 370, 372, 373, 374

Кривцов В. А. 334
Куай, царь Янь, 216, 364
Куан Чжан (Куанцзы) 299, 373
Кун Жун 11
Кун Чуань 82, 343
Куна Род — см. Конфуций

Лань Це 238, 366

Лао 357

Лаоцзы (Лао Дань, Старый Дань, Ли Эр) 6—9, 13, 16, 17, 19, 20—24, 28, 29, 30, 36, 63, 64, 69, 73, 76, 103, 113, 117, 148, 158, 171, 182, 191, 200, 201, 207—210, 241, 242, 248, 253—256, 274, 284, 319, 325, 328, 330, 332, 335, 336, 339, 340, 342, 343, 348, 350, 354, 355, 358—363, 366, 370

Ле Защита Разбойников (Ле Юй-коу) — см. Лецзы.

Легге Дж. 14, 326, 333

Ленин В. И. 326, 331, 364

Лсонтьев А. Л. 5

Лецзы 5—10, 12, 13, 15, 16—23, 26—36, 38, 41, 43, 44, 45, 49, 50, 53, 54, 55, 60, 61, 62, 69, 70, 77, 78, 79, 118, 119, 120, 136, 171, 172, 225, 226, 244, 287, 288, 309, 330, 331, 332, 334, 335—339, 341, 342, 343, 346, 347, 350, 353, 358, 360, 366, 375

Ли Бо 35, 38

Ли Жучжэнь 36, 39, 334

Ли И 364

Ли Чжи (Ли Чжо-у) 11, 39, 335

Ливан 372

Лихачев Д. С. 330, 334, 354

Лу Дэмин 306, 327, 352

Лу Синь 5, 12, 36, 325, 327, 329, 334, 346, 363

Лу Цзюй 264, 368

Лу Чжунсюань 13

Лю Сян 10, 327, 347

Лю Цзунъюань (Лю Хэдун) 13, 37, 335

Люй Ань 11

Лян Чжанцзюй 328

Лянгун — см. Цзингун

Лянский Цзяньвэньди (Цзяньвэнь) 327, 351

Ма Сюйлунь 330

Маковельский А. О. 331, 337

Манухин В. С. 335

Мао Цян 25, 144

Маркс К. 15, 326, 327, 329, 330, 331

Милостивый (Хойван), царь Лян, 353

Милостивопрекрасный (Хойвэнь) царь Чжао 373

Миньцзы (Минь Цзыцян) 160, 355

Морган Л. 329

Моу, царевич из Вэй (№ 7646) 81, 82, 83, 219, 220, 290, 343, 364

Моу, царь Ци из рода Тянь 272

Моцзы (Мо, Мо Ди) 23, 24, 31, 66, 67, 93, 113, 124, 173, 179, 180, 196, 298, 310, 315, 316, 317, 331, 332, 345, 346, 375

Му, царь Чжоу, 67, 68, 69, 88, 93, 97, 341, 345
 Му, царь Чу, 64, 341
 Мугун, царь Цзюй, 351
 Мугун, царь Цинь, 125, 243, 259, 350, 366
 Мэн Чжифань 357
 Мэнсунь 372
 Мэнсунь Талантливый (Мэнсунь Цай) 167, 168, 357
 Мэнсунь Ян (Мэн) 106, 112, 113, 128, 129, 348
 Мэнцзы 11, 13, 23, 24, 31, 32, 330, 332, 334, 348, 363, 374

 Надменный (Аогун) 129, 351
 Не допускающий выбора (Уцзэ) 366
 Недеспотичный (Учжуань) 332
 Нидхэм Дж. 333
 Никитина В. Б. 329, 334, 335

 Ошанин И. М. 333

 Паевская Е. В. 329
 Палладий Кафаров 354, 362, 371
 Петров А. А. 5, 9, 10, 12, 14, 20, 325—330, 333, 348
 Пин, царь Цзинь, 344
 Пин, царь Чу, 350
 Плутарх 334
 Позднеева Л. Д. 327, 329, 331, 334, 354
 Попов П. С. 5, 325, 327, 332, 354, 362, 371
 Поспелов Г. 325, 331, 332
 Прекрасный (Вэньхоу) царь Вэй (№ 7646) 60, 239, 340, 343, 349 366
 Прекрасный (Вэньгун), царь Цзинь, 121, 350
 Прекрасный (Вэньгун), царь Ци, 343.
 Премудрый Первоучитель — см. Конфуций
 Продолжатель (Цзецзы) 276, 370
 Пу Сунлин 36, 328, 334
 Пыжова О. В. 333
 Пэн Мэн 318, 337, 375

 Редер Д. Г. 329
 Рогачев А. П. 335

 Светлейший (Чжао), царь Лу, 347—348
 Светлейший (Чжао), царь Цзинь, 345
 Светлейший (Чжао), царь Чу, 288, 371
 Светлейший (Чжао), царь Янь, 345
 Си Пэн 89, 101, 265
 Си Ши 142, 206, 353

Симоновская Л. В. 334
 Синьчжи Муцзы 123, 350
 Скрывшийся (И) 332.
 Старый Чэнцзы (Лао Чэнцзы) 69, 341
 Старый Шан (Лао Шан, Шан) — см. Учитель Лесной с Чаши-горы
 Стасов. В. В. 325
 Страж Границы (Гуаньинь, Гуаньлин, Иньси) 29, 55, 89, 103, 113, 118, 119, 226, 319, 339, 359
 Стратанович Г. Г. 326, 333
 Струве В. В. 326
 Су Дунпо 13, 14, 37, 328
 Су Юй 370
 Суй У 80, 343
 Сун Лянь 10
 Сун Цзянь 317, 351, 375
 Сун Юй 35, 352
 Суньшу Гордый. (Суньшу Ао) 126, 245, 266, 351, 352
 Сыма Бяо 346, 351, 361, 366, 374, 376
 Сыма Сянжу 35, 38
 Сыма Цянь 10, 11, 14, 25, 33, 36, 37, 38, 326, 328, 330, 334, 338, 342, 345 370, 373
 Сычуань (Цзысы) 347
 Сюань Ин 371, 374, 376
 Сюаньван 57, 66, 81, 339, 343, 372
 Сян, царь Ци, 347
 Сян Сю 16, 32, 327
 Сянли Цинь (Сянли) 316, 375
 Сянлин — см. Дэнлинцзы
 Сянфу 375
 Сяньгун 373
 Сяо Цзи 277, 370
 Сяо Шу 97, 346

 Тао Юаньмин 35, 36, 38, 334
 Тахо-Годи А. А. 333.
 Творящий Благо (Хойцзы, Хойши) 138, 142, 160, 161, 221, 222, 223, 263, 264, 272, 273, 280, 283, 320, 321, 352, 364, 368, 375, 376.
 Толстой Л. Н. 5, 325
 Трофимов П. С. 333
 Тянь, царь Ци (Тянь Хэ, Тянь Хэн, Тянь Чэнцзы, Тяньчэн Цзычан) 97, 107, 130, 131, 265, 347, 368, 370
 Тянь Постоянный (Тянь Цзыфан, Уцзэ) 239, 366, 372
 Тянь Пянь 318, 337, 375

 У Цзинцзы 36, 39, 334
 У Цзысуй (У Юань) 178, 222, 277, 297, 359
 У Цзэ 335
 У Чжи 99, 347
 У Чэнъэнь 335
 Уайли А. 328

[Удалец] с Юга от Рынка, Обязанный
к Черной Работе (Шинань Иляо)
233, 234, 266, 273, 365, 36

Устин П. М. 334

Ученик Дуаньгань (Дуаньгань Му,
Дуаньгань Шэн) 112, 349

Ученик Инь (Инь Шэн, Чжан Цзай)
53, 54, 339

Учитель Лесной с Чаши-горы (Хуц-
зы, Хуцюцзы, Хуцюцзы Линь) 43,
53, 60, 61, 77, 78, 79, 118, 171,
172, 329, 336.

Учитель Хуацзы (Цзы Хуацзы, Хуац-
зы) 72, 73, 272, 286, 287, 342

Файнгар А. 334

Фан Ичжи 327

Флуг К. К. 327, 335

Форке А. 32

Фучай, царь У, 359

Фэн Юлань 333.

Хань Тань 82, 343.

Хань Юй (Хань Чанли) 35, 335

Хой Ан 66, 67, 341

Хойван, царь Вэй, 326

Хоу Вайлу 329

Хронист Кун (Ши Кун) 105, 348

Хронист Ю (Ши Ю) 173, 175, 179,
180, 181, 183, 196, 275, 358

Хуанцзы 97, 109, 346, 349

Хуань, царь Лу, 64, 341

Хуань, царь Ци, 89, 99, 100, 101, 105,
160, 202, 229, 264, 265, 298, 345,
347, 348, 350

Хуань, царь Чжоу, 365

Хуань Туань 320, 376

Цао Пи 346

Цао Чжи 35, 334

Царевич Сяобо — см. Хуань, царь Ци.

Царевич Цзю 99, 347

Царевич Чу 121

Царский сын Высокий (Гунцзы Гао,
Шэ Чжулян, Чжулян) 151, 354

Царь, Возвестивший Просвещение —
см. Конфуций

Цзай Во (Юй) 57, 339

Цзи из Ли 25, 144, 145, 353

Цзи Истинный (Цзи Чжэнь) 276, 370

Цзи Кан 11, 16, 37, 327, 329, 334

Цзи Лян 80, 102, 343

Цзи Под Ивой (Люся Цзи, Люся
Хой, Чжань Цинь) 24, 97, 108, 293,
294, 298, 347, 372

Цзи Чжа (Цзицзы) 97, 347

Цзи Чи 316, 375

Цзин, аристократический род в Чу,
258, 369

Цзингун 105, 106, 348

Цзисунь, аристократический род в
Лу, 372

Цзиши (Цзи), аристократический род
в Лу, 18, 97, 114, 347, 372

Цзо Цюмин 330

Цзоу Янь 92, 345

Цзы Санбоцзы 357

Цзыгун (Дуаньму Сы, Сы) 47, 48, 73,
74, 75, 108, 111, 166, 167, 192,
193, 208, 209, 224, 289, 290, 291,
294, 305, 333, 338, 349, 372

Цзылао (Цзыкай, Цинь Чжан) 273,
369

Цзылу (Чжун Ю, Ю) 77, 200, 219,
240, 273, 290, 291, 296, 305, 308,
343

Цзыся (Бу Шан, Шан) 60, 77, 340

Цзычань (Гунсунь Цяо) 101, 109,
110, 111, 157, 158, 336, 347, 349,
355

Цзычжан (Чжуинсунь Ши) 77, 298,
299, 343

Цзэнцзы (Цзэн Шэнь) 173, 175, 179,
180, 181, 183, 196, 277, 283, 289,
358, 372

Цзыян, царь Чжэн, 33, 120, 287, 288,
350

Цзюй с Лян-горы (Лян Цюцзюй)
105, 348

Цзя, аристократический род в Чу,
258, 368

Цзя И 35, 332

Цинь, династия, 361

Цинь Гули (Циньцзы) 93, 112, 113,
315, 317, 346

Циперович И. З. 334

Цуй Чжуань 327, 365

Цюй 258, 368

Цюй Боюй 152, 153, 274, 354, 370

Цюй Юань 332, 368

Чан Хун 178, 277, 359

Чан Цзи 156, 355

Черкасский Л. 334

Чертков В. Г. 325

Чжан Даолин 327

Чжан Синьчэн 14, 326, 327, 328, 329,
330, 332, 334

Чжан Сюэчэн 329, 356

Чжан Тайянь 363

Чжан Цзай — см. ученик Инь

Чжан Цянь 335

Чжан Чжань 13

Чжань Хэ (Чжаньцзы) 90, 125, 126,
290, 345

Чжао (№ 1365), аристократический
род в Чу, 258, 368

Чжао (№ 5956), царский род, 123.

Чжао Вэньцзы 122, 350

Чжао Прекрасный (Чжао Вэнь) 142, 353
Чжао Сянцзы 60, 123, 340, 350
Чжао Цзяньцзы (Цзяньцзы) 130, 351
Чжаоси 286, 371
Чжаохоу 371
Чжо Вэньцзюнь 38
Чжу Си 12, 37.
Чжуанцзы (Чжуан Чжоу) 5—10, 12—31, 33—38, 138, 146, 160, 161, 197, 203, 204, 219—224, 232, 233, 236, 238, 242, 243, 249, 250, 263, 264, 273, 278, 280, 283, 302, 303, 304, 310, 311, 313, 314, 319, 326, 328—339, 348, 352, 353—366, 368—374
Чжэн Сюань 362
Чжэн Хэ 37
Чудотворный (Лингун) царь Вэй (№ 3028) 152, 160, 234, 274, 275, 353, 365, 370
Чудотворный (Лингун) царь Ци 105, 348
Чудотворный, царь Чжоу (Линван) 359.
Чэн Сюаньин (Чэн Юаньин) 306, 329, 351, 352, 353, 355, 356, 361, 364, 366—371, 373, 375, 376
Чэнь Дань 328
Чэнь Сян 330

Шао Ху 90, 100, 347
Шао Чжэнмао 332, 363
Шифман А. 325
Шоумэн 347
Штейн В. М. 5, 325
Шусунь 75, 342, 372
Шэн 348
Шэнь Дао 318, 337, 375
Шэнь Цзи 93
Шэньцзы (Шэньшэн) 299, 373
Шуцкий Ю. К. 5, 20, 325, 326, 327, 336, 361

Эзоп 17
Эйдлин Л. З. 334
Энгельс Ф. 10, 11, 326, 327, 329, 330, 331
Эренбург Г. Б. 334

Юань, царь Сун, 124, 125, 243, 264, 279, 280, 350
Юань Кэ, 339, 341
Юань Сянь (Цзысы) 108, 289, 348, 372
Юань Чжэнь 35, 39, 334
Юн, царь Вэй (№ 7646), 272

Юн Мэньюань 332
Юн Чжаоцзу 327
Юрьев М. Ф. 334

Яблоньский В. 14, 329
Ян Боцзюнь 13, 328, 329, 330, 346, 350, 351
Ян Бу 103, 129, 348
Ян Сюн 354
Ян Тигр (Ян Ху) 18, 114, 219, 349.
Ян Хиншун 5, 9, 325, 326, 355, 375.
Ян Чжу (Янцзы, Ян Цзыцзюй) 5—24, 27—33, 35, 36, 39, 63, 102, 103, 106, 107, 108, 112, 113, 115, 116, 117, 128, 129, 171, 173, 179, 180, 196, 263, 264, 284, 285, 329, 332, 334, 340—343, 345—349, 351, 357—361, 367, 369, 372, 373
Ян Юнго 325, 332, 342, 345, 366
Янь Врата Бытия (Янь Хэ) 152, 231, 287, 311, 354, 365, 371
Ян Хой (№ 6330, 5607) 119, 350
Янь Юань (Хой, Янь Хой №№ 8285, 1850) 58, 73, 74, 75, 77, 80, 97, 148, 150, 167, 169, 205, 206, 224, 227, 237, 240, 242, 244, 252, 289, 290, 294, 308, 340, 342, 350, 365
Яньцзы (Янь Ин, Янь Пинчжун) 31, 48, 105, 109, 238, 333, 349, 350
Яо Най 361

Bodde Derk 328, 346

Giles H. A. 326, 333, 356, 357
Graham A. 326, 328—332, 334, 339, 346, 349, 350

Jablonsky W. 329
Ju-lan Fung 326, 333, 356, 357

Legge J. 325, 326, 328, 332, 333, 357, 364—367, 373
Leslie D. 329, 357

Moog Aubrey 326, 333

Needham J. 326, 327, 333

Waley A. 328
Ware J. R. 328, 357
Wilhelm R. 325, 326, 328, 330, 339, 349, 351, 357, 367
Wing Tsichan 329

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРСОНАЖЕЙ *

Артист механический (кукла, Чанч-жэ...цзяу) 93, 333, 345, 346.

Бабочка (Худе) 20, 35, 146, 353

Бао Цзяо (Баоцзы) 297, 299, 372

Беглец из Цзя 236, 366

Бедняк из Рода Откликающихся (Сяньшичжи Дапинь) 31, 50, 51, 338

Безгубый Калека с Кривыми Ногами (Ушэнь иньци) 160, 355

Беззубый (Нецюэ) 144, 145, 170, 189, 247, 267, 352

Безначальное (Уши) 251, 367

Безначальный (Иши) 165, 356

Безначальный Хаос (Хунмэн) 185, 360

Безобразная (У, Учжэ) 63, 238

Безумец Возвышающийся (Куан Цзюэ) 246, 247, 367

Безумный (Миван) 73, 74, 342

Безымянный (Уминжэнь) 28, 170, 171, 358

Белая Жертва (Боси) 68, 341

Бесконечность (Уцюн) 251, 367

Беспалый (Учжи) 30, 31, 158, 355

Бессмертные (Сяньшэн) 85, 137

Бесчеловечный (Инь Чжоу, Чжоу) 64, 108, 113, 114, 118, 119, 149, 208, 219, 277, 296, 298, 299, 331, 341, 346, 370

Би из Восточной Степи (Би Дунъе) 365

Благородные Мужа из Лу (Лучжи цзюньцзы) 73, 74, 239, 242, 250, 253, 306, 342

Благородный муж (Цзюньцзы) 126, 129, 167, 182, 188, 190, 239, 278, 281, 290, 291, 305, 314, 340, 357, 360

Блестящий Сказочник (Чанъюй) 262, 368

Бо И 86, 344

Бо Яо 68

Бог реки Хуанхэ (Хэ Бо) 22, 356, 363

Бог Севера (Бэйфанчжи Ди) 356

Бог Северного Океана, Жо (Бэйхай Жо) 22, 214—218, 363

Богач (Фужэнь, Фуцзы) 127, 130, 338

Богач из Рода Владеющих (Гошичжи Дафу) 50, 51

Богачи Общины (Сян хао) 117

Богомол (Танлан) 159, 192, 238

Бодливых Род (Чу) 272

Больших Муравьев Род (Куанши) 87

Большой Чехол (Да Тао) 274, 275, 370

Боявшийся Своей Тени, Своих Следов (Вэй ин э цзи) 307

Брат Педанта 310

Бу Опора Балки (Бу Лянъи) 164, 356

Бык (Ню) 34

Бык Жертвенный (Синю) 313

Бык с Изъяном (Ню Цюэ) 126, 127, 351

Быстроногий Вороной (Даоли) 68, 341

Бэнь Жун 68

Бянь Счастливый (Бянь Цинцзы) 231, 232, 365

В Тростниковом Плаще (Пу и) — см. Учитель в Тростниковом Плаще

Ван Кляча (Ван Тай) 30, 31, 156, 355

Ван Решительный (Ван Го) 270, 369

Ван Се 37

Ван Цзи 299, 373

Вансунь Цзя 365

* В указатель включены имена всех персонажей памятника, в том числе мифических, легендарных и т. д.

Вдова из Рода Столичных (Цзинчэншичжи Шуанци) 87
 Ведающий Закланием Жертвенного Скота (Цзай) 159
 Ведающий Разливами (Тунгун) 85, 183, 359
 Ведающий Судьбами (Сы мин) 224
 Ведающих Разливами Род (Гунгунши) 85, 344
 Великан (Да жэнь) 85
 Великая Чистота (Тай Цин) 251, 367
 Великие Вожди (Сяхоуши) — см. Молодой Дракон
 Великий Боб (Тай Доу) 94, 346
 Великий Литейщик (Да Е) 8, 166, 357
 Великий Совершенный (Кун Чжоу) 96, 346
 Великих Род (Тай) 170, 344, 357
 Вернувшийся из Леса (Линь хой) 236, 366
 Верный, сын Ясного (Лайдань), 95, 96, 97, 346
 Верящий в Судьбу (Синьминчжэ) 104
 Ветви Терновника (Цунчжи) 149, 354
 Ветер (Фын) 29, 218
 Вечно Недовольный (Чжуаньсюй) 85, 164, 344, 356
 [Видящий] Паутину Издали (Ли Чжу) 86, 173, 175, 179, 180, 189, 344
 [Видящий] Резьбу Издали (Ли Лоу) — см. [Видящий] Паутину Издали
 Владевший [Силой] Превращений (Юхуажэнь) 67, 68
 Владеющий Огнем (Ю янь) 118, 341, 362, 366
 Владеющий Своими Чувствами (Цзыци) 266, 267, 369
 Владеющий Своими Чувствами Из Восточного Предместья (Дунго Цзыцы) 283
 Владеющий Своими Чувствами Из Южного Предместья (**Наньбо** Цзыци, Наньго Цзыци) 139, 154, 265, 352, 356
 Владеющих Гнездами Род (Ю Чао ши) 296, 372
 Владеющих Домами Род (Юху) 149, 354
 Владеющих Медведем Род (Ю Сюнжи) 330
 Владеющих Огнем Род (Ю Бяо ши) 205, 362, 366
 Владеющих Тигром Род (Ю Юйши) 170, 174, 194, 195, 213, 243, 253, 357
 Владыка (Ди) 87
 Владыка Северного Океана, Внезапный (Бэйхайчжи ди Ху), 173, 363

Владыка Центра, Хаос (Чжунъянчжи Ди, Хуньтунь), 29, 173
 Владыка Южного Океана, Поспешный (Наньхайчжи Ди, Шу), 173
 Внук Повторяющего (Лосунчжи сунь) 164, 356
 Водяной (Вансян) 229, 365
 Воинственный (У ван) 114, 118, 194, 208, 216, 253, 292, 294, 295, 296, 299, 316, 332, 348, 349, 360, 362, 372
 Вол (Ню) 201
 Вор (Дао) 177, 178
 Восемь Коней (Ба цзюнь) 68, 341
 Восходящий (Дэн) 271, 369
 Вошь на Свинье (Чжу ши) 268
 Врач (И) 72
 Всеобъемлющий Совершенный (Гуан Чэнцзы) 29, 183, 184, 359
 Всеохватывающий (Датун) 169, 357
 Вскармливающий Медведя (Юй Сюн, Юйцзы) 49, 64, 103, 117, 338, 340
 Вспыльчивый (Бефу) 104, 348
 Вспыльчивый Суй (Бянь Суй) 291, 292, 372
 Встречающий Колесницы (Цзеюй) — см. Чусский Безумец, Встречающий Колесницы
 Встреченный Драконом (Гуань Лунфын) 149, 178, 277, 354
 Выгода Любой Ценой (Мань Гоудэ) 298, 299, 372
 Вызывающих Пламя Род (Чжу Юн) 180, 359
 Высокая прическа (Цзи) 229, 365
 Высокий Платан (Чан Уцзы) 28, 145, 353
 Высокий Тростник (Чан Луцзы) 50, 338
 Высокий Утес (Да Вэй) 262, 368
 Высокого Солнца Род (Гао Ян) 356
 Высокосовершенный (Бочэн Цзыгао) 112, 190, 191, 349, 360
 Высочайший (Яо) 23, 27, 65, 83, 97, 107, 108, 115, 137, 138, 144, 149, 157, 163, 168, 178, 181, 182, 183, 189, 190, 192, 197, 200, 204, 208, 209, 213, 216, 219, 224, 234, 249, 254, 263, 267, 268, 273, 279, 282, 285, 291, 295, 296, 299, 301, 312, 316, 331, 338, 341, 348, 352, 353, 355, 359, 363, 364, 371
 Высоченный Боязливый (Цуй Цюй) 182, 359
 Высящийся во Вселенной (Цзюфан Гао) 28, 125, 350
 Вэец [№ 3028] 130, 159
 Вэй Черное Яйцо (Хэй Луань) 95, 96, 97, 345
 Вэй Шэн 297, 299, 372

Вэйский царь [№ 7646] 48, 122, 208, 369

Вэйский царь [№ 3028] 185, 225, 226, 336

Вэйцзы 346

Вэнь Чжи 72, 343

Гадатель (Ши) 72

Гань Ин 94, 346

Гань [Цзян], меч, 226, 365

Гань [Цзян], оружейник, 226, 365

Гигантские черепахи (Цзюй ао) 85

Главный сановник (Цюй гун) 267, 369

Глаз (Му) 218, 364

Глупцы (Юйчжэ) 140

Глухой (Лунчжэ) 137

Говорун (Цяонин) 104, 348

Голубка (Сюэцзю) 196

Гонец (Шичжэ) 287

Гончар (Таочжэ) 176

Гончаров Род (Тао Тан) 213, 363

Горбун (Цзюйлоучжэ) — см. Ловец Цикад

Горлица (Цзю) 21, 130, 135, 136, 258, 351, 368

Гость (Кэ) 120, 130, 201, 272, 287, 304, 373

Государь (Цзюнь) 140, 352

Готовящий Жертвенное Мясо (Паоси, Фуси) 64, 85, 115, 151, 163, 180, 212, 245, 259, 339, 340, 341, 354, 357

Грабители могил (Фа чжун) 331

Гром (Лэйтин) 229, 365

Гуань, Встреченный Драконом (Гуань Лунфын) — см. Встреченный Драконом

Гуй 144, 353

Гунвэнь Высокая Колесница (Гунвэнь Сянь) 147, 354

Гун, Ушедший от Смотров (Гун Юэсю), 270, 369

Гун Ху 90, 91

Гуны Бо 81, 343

Дан, жрец (Шан тайцзай Дан), 203, 204

Даньюань 46

Два сына Мэна (Мэнши ю эр цзы) 120, 121

Два сына Ши (Шиши ю эр цзы) 120

Дедал 33

Дерево Душ Обители Мрака (Минлин) 86, 136, 344

Дерево на Горе (Шань му) 232, 233

Дерево Необыкновенно Большое (Да му юи) 154, 155

Дерево Отец (Да чунь) 86, 136, 344

Дети Приходящего 165

Диких Род (Мань) 272

Добывающий Огонь Зеркалом (Суйжэнь) 363

Добывающий Огонь Трением (Суйжэнь) 212, 224, 363

Довольный (Чжи Хэ) 300, 301, 373

Дозорный (Ечжэ) 294, 295

Докучный (Чжуйвэй) 104, 348

Домовой (И Ян) 229, 365

Домоправитель (Сянши) 106

Достойнейший (Чжуангун) 231, 365

Дракон (Лун) 182, 219, 310, 374

Дракон Черный в Девятой Пучине (Цзючунъюаньчжи Лилун) 34, 313

Драконы Дяди (Лун бо) 85

Дровосек (Синьчжэ) 20, 71, 92

Друг Повторяющий (Сипын) 262, 368

Дуб У Алтаря Земли (Лишэ шу) 153, 355

Дун Платан (Дун У) 265, 368

Дух Северного Полюса (Юйцян) — см. Обезьяна-силач

Дядя, Всегда Ошибающийся (Бо Чанцян), 274, 275, 370

Дядя Дракона (Лун шу) 79

Дядя [из рода] Мягких, [по прозвищу] Белоснежный (Вэньбо Сюэцзы), 239, 240, 366

Дядя Неразумный Одноногий (Хуацзе) 223, 364

Дяди Повелителя Род (Бо Хуан) 180

Дядя Реки (Хэ Бо) 22, 214—218, 279, 363

Дядя Урод (Чжили Шу) 223, 364

Едва Прозревший (Фан мин) 262, 368

Жалкий Горбун То (Айтай То) 159, 355

Желтый Предок (Хуанди) 19, 23, 27, 43, 46, 52, 53, 64, 69, 72, 86, 101, 104, 145, 164, 168, 182, 183, 184, 189, 200, 204, 209, 212, 223, 224, 233, 245, 246, 247, 252, 262, 263, 265, 296, 316, 330, 331, 336, 339, 341, 344, 345, 358, 359, 362, 368

Жена Вэя Черное Яйцо 96

Жена Приходящего 165

Жена Простака 87

Жена прохожего 72

Жена Соседа 121

Женщина Одинокая (Нюй Юй) 164, 356

Женщина, Собиравшая Шелковицу (Сан Фу), 121

Жердочка для Птиц (Лян Ян) 57, 339

Жеребенок Белый (Бай Цзюй) 249, 367

Жители Горы Опасное Нагромождение 325
 Живущий У Западных Ворот (Симэньцзы) 98, 99, 347
 Жрец (Чжу) 206, 298
 Жрец из Шан (Шан Тайцзай) 76, 77
 Жрец Сородич (Чжу Цзунжэнь) 228, 365
 Жрец Шэнь (Чжу Шэнь) 228, 365
 Жэнь, царский сын, 278

Заботившийся о Кабане (Вэйчжи моу) 228
 Заботившийся о Самом Себе (Цзывэймоу) 229
 Забывший о Разуме (Хуацзе) 364
 Забывший о Теле (Чжили) 364
 Завидующий Счастливцу (Ванцзы Цинцзы) 234, 365
 Заика (Цзяньцзы) 104, 348
 Закрывающий Курган (Янь Ган) 250, 367
 Захватчик (Чэньюань) 104, 348
 Зеваки (Гуаньчжэ) 153
 Зеленое ухо (Лу эр) 68, 341
 Земледелец (Нун) 106, 263, 339, 368
 Земледелец из Каменных Дворов (Шихучжи Нун) 285, 371
 Землепашец (Тяньфу) 6, 116, 117, 349
 Земли Бог (Шэ) 217, 350.
 Змей Двуглавый (Фанхуан) 229, 365
 Змей Извивающийся (Вэйшэ) 229, 365
 Змея (Шэ) 218
 Знание (Чжи) 29, 30, 189, 245, 246, 360, 367
 Знатные мужи (Дайфу) 220, 221
 Зореван (Гунсунь Чао) 110, 349
 Зоркий Взгляд (Цюй Цяоцзы) 145, 353

И Я 123, 350, 358
 Игрок (Луши) 102, 127, 348
 Изгнанник из Юэ (Юэчжи можэнь) 261
 Изгой (Сунь Сю) — см. Сунь Изгой
 Изначальный Туман (Чжунь Ман) 193, 194, 360
 Изначальный Эфир (Сюаньмин) 165
 Икар 33
 Инец 264
 Инспектор улиц (Цюйгун) 369
 Инь [№ 4242], богач (Иньши дачжичань), 71
 Инь [№ 6285], династия, 362
 Иньский царь 96, 347, 370, 372
 Иньцы 293, 375
 Ирод 331
 Искренний (Цинлу) 104, 348
 Искусный Молот (Гун Чуй) 179, 180, 231, 359

Испытующий (Тан) 84, 85, 118, 136, 208, 216, 220, 253, 259, 271, 282, 291, 292, 296, 299, 316, 341, 344, 356
 Ицзянь 86, 344

Кабан (Чжи) 34, 228, 229
 Кабаньей Шкуры Род (Сивэйши Чжувэй) 163, 252, 280, 356
 Кабанья Шкура (Сивэй) 274, 275, 370
 Каин 331
 Кай с Шан-горы (Шанцю Кай) 18, 55, 56, 57, 339
 Кань Пэй 164, 356
 Карлик, Прославленный на Юге (Наньюн Чу), 254, 355, 256, 367
 Карлик Простак (Чжу Юй) — см. Карлик, Прославленный на Юге
 Кипарисовый Наугольник (Бо Цзюй) 274, 370
 Кит (Гунь) 21, 86, 113, 135, 136, 327, 344, 349
 Коварный (Сяоя) 104, 348
 Кожаный Щит [из рода] Великих (Ся Цзи, Ся Гэ) 84, 88, 136, 344
 Колдун (Цзи-сянь) 18, 19, 60, 61, 171, 172, 340
 Колдун, Всех Призывающий (У Сяньчжао) 203, 362
 Колдуны (У) 155
 Колесничий (Вэйюй) 6, 18, 26, 95, 231, 262, 332, 346, 365
 Колесный Мастер Маленький (Пянь) 202, 361
 Коновал (Ман) 191, 351
 Конфуцианец-учитель (Да жу) 278, 370
 Конфуцианцы-ученики (Сяо жу) 278, 279, 370
 Конь, Кони (Ма) 176, 177, 260, 261, 275, 358
 Конюший, Владеющий Своими Чувствами (Сыма Цзыци), 288, 372
 Корень Неба (Тянь Гэн) 170, 171, 358
 Красавец (Мэй, Мэйчжэ) 271
 Красавец Без Сомнений (Янь Буи) 265, 368
 Красавица (Мэй, Мэйчжэ) 63, 142, 206, 238
 Красноречивый (Бянь) 248
 Красный Злодей (Чию) 296, 372
Куй, музыкант 65, 341
 Купцы (Гу, Шан) 263, 312, 368, 369
 Кующий Крюки для Поясов (Чуйгоучжэ), 251, 252, 367

Латник (Цзячжэ) 219
 Легкий Ветерок (Юань Фын) 193, 194, 360

Лекарь (И) 102, 311, 333, 348
Лесник (Юйжэнь) 238
Лесоруб (Фамучжэ) 232, 233
Лицемер (Мяньтин) 104, 348
Ловец Цикад (Чэн тяо) 6, 30, 59, 165, 227, 340
Лодочник (Чжоужэнь) 264
Лу Тун 352
Лусец 294
Лусец Ши 120
Лусский правитель 191, 224
Лусский царь 76, 117, 191, 233, 234, 287, 342
Лусцы 239, 366
Лучник (Хоу) 278
Любитель чаек (Хао оуняочжэ) 60, 340
Лягушка (Валун) 22, 229, 365
Лягушка из Колодца (Цзинва) 22, 214, 219, 220, 364
Лянский царь 115
Лянь Шу 137, 352

Малое Знание (Шао Чжи) 275, 276, 370
Мальчики (Сяоэр, Тунъэр) 27, 83, 89, 90
Мальчишки-рабы (Шуцзы) 128, 233
Мастер (Азартной) Игры (Чжучжэ цяо) 58, 227
Мастер Сутулый (Яньши) 93, 94, 346
Мать Западных Царей (Си ван му) 69, 114, 341
Медлительный (Чаньсюань) 104, 348
Меняла (Юйизиньчжэ) 132
Меч, Закаленный Ночью (Сяолянь), 96, 346
Меч (Мосе) 166, 226, 257, 365
Меч, Приявший Тень (Чэн инь) 96, 346
Меч Удальца (Шужэнь цзянь) 303, 304
Мечь Сына Неба (Тяньцзы цзянь) 303, 304
Меч, Таящий Свет (Ханьгуан), 96, 346
Меч Царский (Чжухоу цзянь) 303, 304
Меченосцы (Цзяньши) 303
Младенец (Эрцзы) 256, 368
Младший Дядя Равный (Шуци) 97, 107, 162, 292, 293, 297, 347, 372
Многознающий (Дочжи) 90, 105, 248, 345
Моисты 23, 183, 209, 263, 316, 317, 332, 353, 359, 375
Молодой Дракон (Юй) 23, 24, 64, 86, 87, 88, 112, 113, 119, 141, 149, 151, 190, 208, 209, 220, 236, 296, 316, 332, 340, 341, 344, 345, 349, 360, 362.

Мосе, жена оружейника, 226, 257, 365
Мститель (Фучоучжэ) 226
Муж в Холщевой Одежде (Буичжи ши) 290, 372
Муж из Рода Гадателей на Черепашьей Бороде (Жань Сянши) 271, 369
Муж из Скрывающихся (Цан Чжанжэнь) 243, 244, 366
Муж, Отвечающий за Сильных Работников (Баолицзы ши) 285, 371
Мужи (Ши) 263, 368
Мужи в Цзоу и Лу (Цзоу Лучжи ши) 315, 374
Мчащихся Собак Род (Бянь ши) 237, 366
Мын, Отрицающий Душу (Мын Угуй), 194, 195, 360
Мыслитель с Горы Великой (Тайшань Цзи) 52, 339
Мэн 120, 121
Мэн Цзыфань 166, 357
Мясник (Тучжэ) 268, 369

Надзиратели (Чаши) 250, 263, 368
(Найденный) На Реке Инь (И Инь) 46, 259, 291, 292, 337
Наложница Безобразная 63, 238, 340
Наложница Красивая 63, 238, 340
Наследник царя (Тайцзы) 152
Наставник Вэнь (Ши Вэнь) 91, 345
Наставник Золотой (Ши Цзинь) 205, 206, 362
Наставник Куан (Ши Куан) 86, 92, 142, 173, 179, 180, 344
Наставник Мужей (Шиши) 72
Наставник Наследника (Фу) 152
Наставник Олень (Шэньту Ди) 162, 282, 297, 356
Наставник с Шан-горы (Шанцюцзы) 181
Наставник Счастливый (Шэньту Цзя) 157, 355
Наставник Сян (Ши Сян) 91, 92, 345
Наставник Юных (Ван Ни) 18, 144, 145, 170, 189, 352
Настоящий Человек (Чжижэнь, Чжэньжэнь) 29, 161, 162, 172, 202, 207, 212, 226, 232, 235, 239, 242, 244, 245, 247, 256, 269, 280, 281, 314, 319, 355
Начало Полудня (Жичжун Ши) 170, 358
Небесный Наставник (Тянь ши) 263, 368
Небесный Старец (Тянь Лао) 52, 339
Небытие (Ую) 29, 30, 251, 367
Невежда (Пэн Мэн) 82, 163, 237, 343
Недеяние (Увэй) 29, 30, 245, 246, 251, 367

Недовольный (Уцзу) 300, 301, 373
 Нежный красавец (Нуаньшучжэ) 268, 369
 Некто (Хо) 236, 303
 Неотесанный (Иочжо) 104, 348
 Неотложный Труд (Сюйи) 164
 Нерешительный Сладость Лотоса (Э. Хэгань) 250, 367
 Несущий Бремя Беспристрастия (Дагун Жэнь) 235, 366
 Несущий Возвышенное (Дай Цзиньжэнь) 272, 369.
 Несущий Зло (Улай) 277, 370
 Неуклонный (Хэн) 271, 369
 Никого не Стесняющий (Сюй Ю) 19, 107, 137, 168, 189, 267, 282, 285, 291, 301, 312, 330, 348, 352, 372
 Нищий (Циэр) 131, 351
 Носильщик (Цзыюй) 30, 165, 169, 356
 Носорожья Голова (Янь Сишоу) 272
 Нью Шан 260, 261, 368
 Ньюва (Нью Гуа) 22, 33, 64, 85, 338, 340, 341, 344
 Ньюва, род. 85, 344, 359

 Обвинитель Гордыни (Хуанцзы Гао-ао) 229, 365
 Обезьяна (Юань) 206, 237, 265
 Обезьяна-силач (Юй Цян) 85, 164, 344
 Обезьяний царь (Цзюйгун) 65, 66, 142, 341
 Обезьяны (Чжунцзюй) 65, 66, 142, 265
 Обидчивый (Чжань чжи) 104, 348, 369
 Обитатель Северного Дома (Бэй Гунцзы) 98, 99, 347
 Обманщик (Цзяо ши) 102, 348
 Огородник (Вэйпучжэ) 192, 193
 Ограждающий (Шунь) 23, 27, 50, 83, 97, 107, 108, 113, 114, 115, 118, 137, 144, 151, 157, 174, 178, 182, 190, 192, 194, 195, 197, 200, 204, 208, 209, 213, 216, 219, 224, 236, 243, 248, 254, 268, 273, 285, 291, 295, 296, 299, 301, 316, 338, 340, 341, 348, 349, 357, 359, 363, 364, 371
 Огромные Охотники (Цзюй Соу) 68, 341
 Огромный Буланный (Цюй хуан) 68, 341
 Огромных Дворов Род (Да Тин) 180
 Одетых в Меха Род (Цюши) 310, 374
 Одинокый Барс (Шань Бао) 228, 365
 Одиночка (Чжили) 104, 348
 Одноногий, человек (Куй) 148, 354, 364
 Одноногий, насекомое (Куй) 228, 229, 364, 365

Одушевленный предмет (Лин) 275, 370
 Олени-люди (Дижэнь) 286
 Омраченный Свет (Моу Гуан, У Гуан) 162, 282, 291, 292, 329, 356
 Опирающийся о Стол (Цзи Цюй) 151, 354
 Опора Жестоких (Чжу Лишу) 128, 351
 Ораторы (Бяньши) 256, 263, 320, 321, 368
 Орфей 341
 Оса (Сияо) 210, 362, 363
 Отец Безумного 73
 Отец Верный, Великий Государь (Даван Дяньфу), 286, 371
 Отец и сын (Фу цзы) 124
 Отец Педанта 310
 Отец Цветущего (Куа фу) 87, 345
 Отец Цзао (Цзао фу) 68, 94, 346
 Отец Шан (Люй Шан) — см. Тайгун [Цзян].
 Отрок-табунщик (Мума тунцзы) 27, 262, 263, 368
 Отчаянный (Юнгань) 104, 348
 Отшельники (Иньши) 213
 Охотник (И, Хоу И) 158, 219, 237, 259, 263, 343, 353, 355

 Пан 73
 Пастух (муян) 28, 228
 Пастушок (Учи тунцзы) 115, 331
 Пастырь Силач (Ли Му) 52, 339
 Пахарь (Цзыли) 165, 356
 Педант-чжэнец (Чжэнец Хуань) 310, 374
 Перевозчик (Цзиньжэнь) 58, 129, 227, 340
 Перепелка (Янь) 136
 Пескарь (Фуюй) 278
 Петух бойцовый (Доу цзи) 34, 66, 229, 330
 Печальный (Куй) 302, 303, 373
 Писцы (Чжунши) 243
 Пламенных Помощников Род (Хэ-суй) 177, 180, 358
 Пловец (Ючжэ) 58, 59, 123, 228, 230, 332
 Плотник (Цзяньжэнь) 176, 358
 Плотник Кремень (Цзянь Ши) 153, 264, 355
 Плотник Счастливый (Цин) 29, 230, 365
 Плут (Мочи) 104, 348, 369
 Побирушка (Циэр) 131
 Повар (Паодин) 6, 26, 27, 137, 147, 331, 332, 354
 Поддакивающий Каждому (Юйши) 103, 348
 Подлиза (Пяньпи) 104, 348

Поднебесной царь (Тяньсячжи цзюнь) 187
 Подобный Привратнику (Кунь Хунь) 262, 368
 Подобный Лесу (Линь Лэй) 28, 47, 48, 328, 338
 Подобный Небытию (Сянван) 28, 189, 360, 367
 Подражающий Свету (Пын Цзэян, Пын Ян) 270, 369
 Подручный Коновала (Маи цзюи) 131
 Подсолнечник из Южного Предмесья (Наньбо Цзыкуй) 164, 356
 Покойник (Лин) 275, 370
 Покойник (Ши) 137, 182, 206, 208, 253, 317, 352
 Покойный Отец Правильный (Чжэн Каофу) 312, 374
 Полководец Облаков (Юньцзян) 185, 186, 360
 Полуночник (Гунсунь Му) 110, 349
 Полутени (Чжунванлян) 284, 330
 Полутень (Ванлян) 29, 146, 353
 Помнящий о Других (Цзи То) 162, 289, 356
 Помошник царя (Госян) 72, 359
 Попутчик (Тунсинчжэ) 74
 Порог (Кунь) 267
 Посланец (Шичжэ) 120, 130, 279, 287, 302
 Посол (Шичжэ) 34, 151, 159, 311, 354
 Постояльцы (Шэчжэ) 63, 92, 285
 Поющий (Уао) 165
 Правый Наставник (Юши) 147, 148, 354
 Превосходящий Колесо (Юйлунь) 68, 341
 Преданный Долгу (И Цзе) 270, 369
 Предающийся Неге (Жусюйчжэ) 268, 369
 Предок Огня (Янь Ди) 64, 341, 358
 Предполагающий (Чжан Жо) 262, 368
 Преждерожденный из Восточного Предмесья (Дунго сяньшэн) 51, 98, 99, 338
 Прекрасномилостивый (Вэньхой) царь 117, 353
 Прекрасный, царь (Вэнь ван), 331, 332, 373
 Прекрасный, царь Чжоу (Вэньван), 23, 103, 208, 243, 244, 294, 296, 297, 316, 338, 341, 348, 362, 366, 367, 373
 Прекрасный, царь Чжао (Вэнь ван), 302, 303, 304, 373
 Пренебрегшая Украшениями (У Чжуан) 168, 357
 Привратник (Хунь) 264, 267

Приносящий Жертвы (Цзысы) 165
 Приходящий (Цзылай) 165, 166
 Провидец (Юй Це) 279, 280
 Прокаженный (Личжижэнь) 196
 Пропавший Без Вести во Вселенной (Цзюфан Янь) 266, 267, 350, 369
 Проповедник Пути Бессмертия (Янь шэншу) 130
 Просо, царь (Хоу цзи), 22, 46, 337, 350
 Просо из Восточной Степи (Дунъе Цзи) 281, 365
 Простак (Юйчжи, Юйчун) 104, 348
 Простак с Северной Горы (Бэйшань. Юйгун) 86, 87, 345
 Прохожий (Панжэнь) 72, 206
 Птица Забывчивая (Идай) 235, 366
 Птица Морская (Хайняо) 224, 232, 353, 364
 Птица Странная (Ицяо) 238
 Пу Цзюйцзы 90, 345
 Пустота (Цаньяо) 165
 Пьяный (Цзуйчжэ) 54, 226
 Пэн Цзу 97, 136, 143, 164, 210, 346, 356
 Пять гегемонов (У бо) 356
 Пять предков (У ди) 69, 76, 115, 206, 208, 209, 215, 341, 342
 Пять царей (У бо) 164, 356

 Раб (Лижэнь, Цан) 20, 71, 80, 175, 240, 339, 350, 354, 368
 Раб из Сотни Ли (Боли Си) 243, 259, 366
 Раб Старый (Лао ифу) 20, 71
 Рабы (И) 31, 80, 253, 273
 Работающий у Ручья (Цигун) 239, 366
 Рабыня (Гу) 175
 Равнины Каштанов род (Ли Лу) 180, 359
 Равный Небу (Пэй Тянь) 186, 189, 360
 Равный Предку (Тун Ди) 211
 Радующийся Мастерству (Болэ) 125, 176, 177, 350
 Разбойник (Дао) 6, 17, 19, 23, 36, 179, 312
 Разбойник Цю из Лисьих Отцов (Ху Фу) 127, 128
 Разбойник Чжи (Дао Чжи) 14, 24, 33, 36, 175, 178, 179, 181, 183, 196, 293—296, 298, 332, 348, 358, 372
 Разбойники (Цюньдао) 122, 126, 127, 178, 227, 257, 267, 288, 359, 368
 Разводящих Вороных Лошадей род (Ли Чу) 180, 359
 Разрывающий на Части (Ся Цзе, Цзе) 64, 108, 113, 114, 118, 119, 149, 163, 181, 183, 216, 219, 249,

277, 279, 291, 292, 298, 299, 331, 354
 Рассуждающий Мясник, Забивающий Овец (Туян Шо) 288, 289, 371
 Расточительный из Северного Дворца (Бэйгун Шэ) 234, 235, 365
 Ремесленник (Гун) 106, 263, 348, 368
 Робкий (Цей) 104, 348
 Рыбаки (Дяочжэ) 243
 Рыболов (Юйфу) 14, 25, 219, 304, 305, 332, 374
 Рыбы на Мели (Юй... чу юй лу) 163, 167, 208, 362, 369
 Рыжий Быстроногий (Чицзы) 68, 217, 341
 Рыжий Черногривый (Хуалю) 68, 217, 341

 С лошадью на Шишаке (Хуань Доу) 183, 359
 Садовод с Мао-горы (Маоцю Юань) 51, 339
 Самовластный (Цзычжуань) 104, 348
 Свет (Гуанъяо) 29, 251, 367
 Свободный от Условностей (У Юэ) 299, 373
 Священная Змея 371
 Священная Черепаха (Шэнь гуй) 220, 279, 280
 Священной Чаши и Жаровни Род (Цзунлу) 180
 Священный Земледелец (Шэньнун) 64, 85, 118, 212, 224, 233, 250, 292, 296, 340, 341, 357, 358
 Священных Земледельцев Род (Шэньнун ши) 180
 Сговорчивый (Дооу) 104, 348
 Се Тань 92, 345
 Северный Океан Жо (Бэйхай Жо) 22, 214—218
 Северянин, не Допускающий Выбора (Бэйжэнь Уцзэ) 291, 372
 Семеро мудрецов (Ци шэн) 262, 368
 Сердце (Синь) 218, 364
 Сидящий на Корточках (Цзицзы) 162, 277, 346
 Сила (Ли) 10, 97
 Силач (Юличжэ) 163
 Скованные вместе (Сюйми) 259, 272, 368
 Слепец Куан (Гу Куан) — см. Наставник Куан.
 Слепой (Гу) 137, 168, 352
 Слуга (Сюйи, Фуи) 171, 191, 308
 Слуга любимый (Синь Чэнь) 130
 Слуги (Чэнь) 140, 195, 198, 352
 Служанки (Це) 140, 273, 352
 Смехотвор (Хуаньцзи) 262, 368
 Смотритель Реки (Цзянь Хэ) 278
 Собака (Гоу) 260, 261

Собака Разноцветная (Шэнь) 229, 365
 Сова (Сяо, Чи) 196, 217, 221
 Советчик Шэнь (Шэнь То) 96, 346
 Совершенный от Северных Ворот Бэймэнь Чэн) 204, 362
 Советующий (Цюаньгун) 284, 371
 Создателей Колесниц Род (Сянь-юань) 190, 359
 Соломенный Башмак (Люй) 229, 365
 Сообразительный (Лин) 275, 370
 Соратник разбойника Чжи (Дао Чжичжи ту) 179
 Сороконожка (Сянь) 208
 Сосед (Линьчжижэнь) 117, 121
 Сосед Ян Чжу (Ян Чжучжи линь-жэнь) 128
 Софист (Бяньши) 191, 200, 228, 320, 321, 341, 343, 352, 359, 361, 368, 375, 376
 Спорщик (Чигоу) 189, 360
 Справедливый Приводящий к Согла-
 сию (Да гун Дяо) 275, 276, 370
 Срединных Род (Чжунъян) 180
 Старейший под Знаменем Осторож-
 ных (Юань Цзинму) 127, 351
 Старейшина с Лисьего Холма (Хуцю Чжанжэнь) 126
 Старик-сосед (Линьфу) 131
 Старший военачальник (Да ма) 251, 252
 Старший Дядя Ровный (Бои) 97, 107, 108, 162, 175, 214, 215, 292, 293, 297, 347, 372
 Старший Муж (Дай фу) 83
 Старый Дракон Счастливый (Лао Лунцзи) 250, 367
 Старый Чертополох (Лао Лайцзы) 279, 370
 Стольничий (Цзайжэнь) 304
 Страж Границы Высокий Платан (Чан У фынжэнь) 273
 Страж Границы Цветущего (Хуафын-жэнь) 189, 190
 Страж Широких Ворот (Яньмэнь) 281
 Стражник (Ли) 132
 Странник Красоты Совершенной (Янь-чэнцзы Ю) 139, 265, 283, 352
 Стрелок (Шэчжэ) 18, 263, 332, 346
 Стремительный Вэй (Фэй Вэй) 94, 346
 Судьба (Мин) 10, 97, 98
 Судья (Шиши) 21, 24, 72, 372
 Судья Столицы (Синь дуцзы) 128, 129
 Суй У 80
 Суй Хой 122, 350
 Суйский царь 287, 371
 Сун Цзянь 317, 351, 375

Сунец 120, 131, 137, 138, 264, 311, 331, 352
Сунец, Муж Чести (Сун Юнцзы), 136, 351
Сунский царь 311, 313
Сунцы 73, 124, 219, 311, 350, 364
Сунь Изгой (Сунь Сю) 231, 232, 365
Сутяги (Чжэн) 86, 344
Схвативший Балку (Цзюй Лян) 168, 357
Сын Вдовы (Шуанци цзы) 87
Сын Вэя Черное Яйцо 96, 97
Сын вэйца 130
Сын Гадателя на Черепашьем Панцире (Фумо) 163, 356
Сын гор (Шаньцзы) 68, 341
Сын Дубильщика (Баошичжи цзы) 130, 351
Сын Ласточки (Иэрцзы) 168, 330, 357
Сын Литейщика (Лянъечжи цзы) 95
Сын Лучника (Лянгунчжи цзы) 95
Сын Неба (Тяньцзы) 182, 197, 285, 289, 298, 300, 303, 304, 306, 316, 368
Сын Природы (Тяньцзы) 256, 368
Сын Соседа (Линьжэньчжи цзы) 131
Сыновья Цзи Ляна 102
Сюй, Отрицающий Душу (Сюй Угуй), 260, 261, 262, 368
Сюйао 144, 149, 353
Ся 341, 358
Сяо Цзи 277, 370
Сяо Шу 97, 346

Тай Бин 68
Тайгун [Цзян] (Люй Шан, Тайгун Ван) 105, 121, 348, 367, 368
Танци Гун 81
Теленок вольный (Гуду) 313
Тень (Ин) 29, 146, 284, 330, 353
Терновника Род (Цзиньши) 155
Торгаш (Гужэнь) 257
Торговец (Шан) 106
Три брата (Куньди сань жэнь) 129
Три великих мужа (Саньцзинчжи вэй) 288, 372
Три владыки (Сань хуан) 76, 115, 206, 209, 342
Три династии (Сань дай) 174, 181, 183, 186, 215, 217, 358
Три меча (Сань цзянь) 96, 303, 304, 346
Три милосердных (Сань жэнь) 97, 346
Три мяо (Сань Мяо) 185, 359
Три царя (Сань ван) 69, 76, 115, 286, 341
Тянь Кайчжи 228, 365

У от Восточных Ворот (Дуньмэнь У) 106

Удальцы (Сякэ) 55, 57, 127, 244, 293, 302, 318, 365
Удин 164, 356
Улитка (Гуа) 272, 369
Умеющий Жить Народ (Чжишэюч-жиминь) 296
Умеющий Свернуться (Шань Цзюань) 107, 285, 301, 348
Умник с Излучины Реки (Хэцюй Чжисоу, Чжисоу) 87
Урод Полезный (Чжили И) 310, 374
Урод Шу (Чжили Шу) 30, 155, 355, 364
Уродина (Чоужэнь) 149, 206
Усский царь 265, 278
Усцы 369
Участники Жертвоприношения (Гуаньшичжэ) 258
Ученик Лу Цзюя 264
Ученик Циня, Свободного от Суеты, 148
Ученики Бо Фына 80
Ученики Бяня Счастливого 232
Ученики Гэнсан Чу 253, 254
Ученики Дэн Си 80, 81
Ученики Конфуция 58, 158, 208, 227, 235, 236, 283, 305, 342, 343
Ученики Лаоцзы 18, 253
Ученики Лецзы 18, 32, 43, 77, 78, 366
Ученики Перевозчика 129
Ученики Плотника 153, 154
Ученики Старого Чертополоха 279
Ученики Сянли Циня 316
Ученики Цзыгуна 193
Ученики Чжуанцзы 6, 233, 314
Ученики Ян Чжу 18, 128, 238
Учитель в Тростниковом Плаще (Пу Ицзы) 170, 189, 247, 352
Учитель из Восточного Предместья (Дун гоцзы) 249, 250
Учитель Кроткий из Восточного Предместья (Дунго Шуньцзы) 239, 366
Учитель с Тутового Двора (Санху, Цзы Санху, Цзы сан) 166, 169, 236, 357, 366
Учитель Южного Предместья (Нань-гоцзы) 77, 78, 343

Фань Процветающий (Фань Цзыхуа) 55, 56, 57, 339
Фаньский царь 245
Фаталист (Синьминчжэ) 104
Фаэтон 33
Феникс (Пэн) 21, 86, 135, 136, 155, 344, 351
Феникс Юный (Юаньчу) 221
Фехтовальщики (Цзяньши) 302, 303, 304
Физиономист (Сян) 267, 369

Филигранщик (Ши Чэнци) 201, 361
Фокусник (Ланьцзы, Нэн Яньсичжэ)
124, 125
Фу Юэ 164, 356
Фын И 164, 356

Ханец 361
[Хань] Э 92, 345
Хаос (Хуньдунь) 29, 173
Хаоса Род (Хуньдуньши) 193, 360
Хватающий Согбенный (Цзюаньлоу-
чжэ) 268, 369
Хозяин (Дачжичань) 20, 71, 198
Хозяин Большого Дома (Личжи фу-
ши) 117
Хозяин Змей (Цаошэчжи Шэн) 87
Хозяин постоянного двора (Шэгун)
63, 238
Хозяин харчевни (Нилюй жэнь, Ни-
люй сяоцзы) 62, 63, 285, 309
Хозяйка постоянного двора (Шэгун ци)
63, 285
Хронисты Великие (Да Ши) 274, 315,
370
Ху Ба 91, 345
Ху Буцзе 162, 355
Хуан Связанный (Хуан Ляо) 321, 376
Хуанцзы 97, 346
Художник (Хуачжэ) 243
Хулитель (Линсуй) 104, 348
Хун Чао 82, 343
Хуцзы 130
Хэшэн 55

Цао Торгаш (Цао Шан) 311, 374
Царевич Шит (Бигань) 149, 178, 237,
277, 297, 299, 346
Царский сын... в Юэ 286, 332, 371
Царский сын Жэнь 278
Царь Вэй [№ 7646] 34, 236
Царь Лу 76, 117
Царь У 138, 347, 353
Царь Фань 245
Царь Цзинь 353
Царь Ци 106, 107, 343, 346, 358, 367,
368
Царь Чу 245, 270, 273
Царь Юэ 353
Царь Просо (Хоу цзи) 22, 46, 337
Цзе Цзытуй 297, 372
Цзи Синцзы (Цзи Сяоцзы) 66, 229,
341
Цзи Уразумевший (Цзи Чэ) 191, 192,
360
Цзи Чан 94, 346
Цзиньский царь 55, 122
Цзиньцы 145
Цзицзы 272
Цзун 144, 353

Цзы Циньчжан 166, 357
Цзыбо 55
Цзычжоу Дядя Устоявший (Цзы-
чжоу Чжибо) 285, 371
Цзычжоу Отец Устоявший (Цзы-
чжоу Чжифу) 285, 371
Цзыюй 86, 344
Цзянлюй Уговаривающий (Цзянлюй
Мянь) 191, 192, 360
Цзянь У 137, 164, 170, 245, 358
Ци, правитель, 224
Ци Ин 90, 91
Ци Юн 122, 350
Цикада (Тяо) 21, 135, 136, 238, 258,
351
Цикада Пятнистая (Хойгу) 136
Цинец 73
Цинь, Свободный от Суэты (Цинь И),
148, 354
Цинь Цин 92, 345
Циньский царь, 121, 311
Цисец 8, 49, 50, 192, 264, 338
Цисский царь 105, 120, 178
Цисцы 310
Цицзы 130
Цю Ясный (Цю Бинчжан) 95, 346

[Человек, который] кормит тигра
(Янхучжэ), 57, 58, 153, 354, 355
[Человек, который] холит лошадей
(Аймачжэ), 153, 354, 355
Человек с Зобом, Похожим на Кув-
шин (Вэньан даин), 30, 160, 355
Червяк в Жбане с Уксусом (Сицзи)
242
Череп (Дулоу) 19, 45, 223, 224, 225,
337
Черепаха (Бе) 34, 219, 220
Черепаха из Восточного Моря (Дун-
хайчжи Бе) 22, 219, 220
Четыре Учителя (Сыцзы) 138, 352
Чжан Смелый (Чжан И) 228, 365
Чжань Хэ 90, 125, 126, 345
Чжаосский государь 126
Чжоу, племя, династия 341, 358, 371
Чжоу гун 23, 113, 114, 206, 209, 292,
299, 316, 349, 362, 372
Чжоуский царь 360
Чжоусцы 293, 359
Чжу Легкомысленный (Чжу Пин-
мань) 310, 374
Чжун Цыци 92, 93
Чжэнец 71, 347
Чжэнский царь 72
Чжэнцы 60, 134, 350
Чи Юй 86, 344
Чичжан, Полный Размышлений (Чи-
чжан Маньцзы), 194, 360
Чудак (Ижэнь) 321, 376
Чудотворный (Лин) 274, 275, 370

Чужеземец (Кэ) 133
Чусец 77, 264
Чуский Безумец, Встречающий Колес-
ницы (Чукуан цзеюй), 137, 155,
170, 352, 355, 367
Чусский царь 90, 120, 220, 245, 266,
270, 352, 359, 375
Чусцы 124, 126, 359
Чэн ван 114, 349
Чэньский Полководец 75

Шаман (У) 72
Шан Цзюнь 113, 349
Шан-Инь 337, 341, 358, 360
Шанский царь 117
Шао гун 114, 209, 349
Шепчущий на Ухо (Несюй) 164
Широких Ворот Страж (Яньмэнь)
281, 371
Шутник из Ци (Ци Се) 135, 351
Шэнь Бо 68

Юй, лянский богач (Юйши Лянчжи
фужэнь) 127
Юй Боя (Боя) 36, 92, 93, 346
Юйэр 175, 358
Юн, Открывший Сроки (Юн Цицзи),
47, 338
Юн Чэнцзы 86, 271, 344
Юноша из Бедной Семьи 313
Юнчэн 180
Юэский царь 215, 278, 353
Юэцы 126, 137, 138, 286, 352

Ян 73
Янец 74, 127
Янь Носорожья Голова (Янь Сишоу)
272
Яньский царь 130
Ясный Взор (Чжан Мин) 164
Ясень Вонючий (Шу) 138

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Ай 145
Аравия 37
Африка 37
- Бактрия (Дася) 335
Баньцюань 64
Бездонная Пучина (Гуйсюй) 85, 329, 344
Белого Нефрита Озеро (Яочи) 69, 341
Бинь 84, 285, 344
Бодливых царство (Чуши) 272
Болота [царства] Чжэн (Чжэн пу) 32, 43, 80
Большие болота (Да цзэ) 87, 235
Бохай 85, 87, 303
Бушуй 220, 364, 371
Бык-гора (Нюшань) 105
- Ванъу 86, 87
Великанов страна 36
Великая гора (Тайшань) 47, 52, 92, 136, 143, 164, 294, 337, 342
Великая Пучина (Да хэ) 193, 329, 344
Верхние земли (Шанди) 126, 127
Вечности Гора (Чаншань) 303, 373
Вздымающаяся к Небу Башня (Чун-тяньчжи тай) 67
Владеющих Жилищем Равнина (Ю Сун) 185
Водопад в Люйляне (Люйлян сюань-шуй) 19, 27, 58, 59, 123, 230, 340
Ворота Согласия (Юнмэнь) 92, 345
Восточное море (Дун хай) 193, 219, 220, 235, 278
- Восточный Квартал (Дунли) 80, 347
Восточный Курган (Дунлин) 175
Всеобщее Процветание (Хуасюйши) 22, 52, 53, 339, 358
Вэй (№ 3028), царство, 16, 18, 32, 43, 45, 47, 52, 67, 82, 96, 108, 111, 114, 121, 122, 148, 205, 206, 236, 290, 295, 296, 307, 336, 341, 349, 364
Вэй №(7646), царство, 81, 106, 272, 286, 289, 290, 303, 340, 343
Вэйхэ 87
Вэнь 86
- Гань 211, 363
Ганьсу 345
Глубина Кубка (Шаншэньчжи юань) 58, 227
Горное Племя (Фуло) 71, 342
Греция 354, 376
Грома Болото (Лэйцзэ) 113
Гун-гора 291, 372
- Двуглавая Гора (Цишань) 286, 292
Девятая Пучина (Цзючунчжи юань) 313
Деревя Чжэ [Кан] Страна (Чжэму-чжи го, Канмучжи го) 89
Диких Царство (Маньши) 272
Драконовых Дядей Царство (Лун-бо) 85, 344
Дремучие Дебри (Гуман) 70, 342
Дум (Сы) страна, 46, 337
Дунтин 204, 224
Дэн 268
Дэнская роща (Дэн линь) 87, 345
Дядя-гора (Шушань) 158

* В указатель включены современные географические названия, а также встречающиеся в переводе памятника названия царств, местностей, гор, городов, рек и т. п.

Европа 331
Единение Пустоты (Кунтун) 183

Желтая Река (Хуанхэ) 70, 335, 342,
353, 364
Желтые Источники (Хуанцюань) 55,
220, 244, 280, 339
Жун 79, 343

Задние Ворота (Воцзяо, Вэйлюй) 214
Западная Река (Сицзян) 278
Заросшая Осокой Река (Ляошуй)
170, 358
Земли-бога Храм (Шэ) 126, 178, 237,
350, 366
Зыбучие Пески (Люша) 339

Избыток Влаги (Цзыжун) 88
Излучина Река (Хэцуй) 87
Ин [№ 1473], область, 84, 344
Ин [№ 8295], река, 291, 372
Ин [№ 2159], столица Чу, 204, 266,
288, 320, 362, 375
Индия 37
Инь 366
Италия 39
Ицуй 89, 345

Каменная стена (Шичэн) 303, 373
Квадратная Чаша-гора (Фанху) 85,
344
Китай 5, 6, 11—14, 21, 25, 34, 36, 38,
39
Ковш, Связующий Звезды (Вэйдоу,
Большая Медведица), 163, 356
Колесница Преемства Гора (Дай юй)
85, 344
Конец Сомнений (Хуцюэчжи цю) 246,
367
Корея 344
Крайний Восток (Дун цзи) 71
Крайний Запад (Си цзи) 67, 70
Крайний Север (Бэй цзи, Чжунбэй)
22, 88, 136, 345
Красные Воды (Чишуй) 68, 189, 341
Красные Пещеры (Дань сюэ) 286
Круглая Вершина (Юаньцзяо) 85,
344
Крылатых Людей Страна (Юйминь
го) 33
Крыло-гора (Юйшань) 113
Куан 219, 364
Кувшин-гора (Хулин) 88
Куйцзи-гора 269, 278

Ласточкин Поток (Яньци) 303, 373
Ло 203
Лу [№ 1622], царство, 30, 72, 73, 74.

75, 80, 90, 99, 106, 108, 120, 121,
122, 129, 156, 158, 167, 178, 193, 206,
224, 228, 232, 234, 236, 239, 242,
243, 255, 289, 290, 294, 295, 296,
298, 306, 307, 315, 342, 346, 347,
348, 349, 354, 357, 359, 368, 372,
374

Лу [№ 668], река, 292, 356
Людей Огня Страна (Яньжэньчжи
го) 89, 345
Лян, столица Вэй, [№ 7646] 272
Лян, царство, 63, 221, 284, 343
Ляокоу 89
Ляонин 344

Мань 79, 343
Миншань 204
Минь 80
Млечный Путь (Тянь Хань) 164, 344
Муравьиный Холм (Ицю) 273

Небесная Река (Тяньхань) 85, 344
Небесный Водоем (Тяньчи) 86, 135,
136
Небесный Столп (Тяньчжу) 85, 344
Незаметный Холм (Иньфэньчжи цю)
245
Нигде, дворец, 250

Обезьяна-гора (Цзюйчжишань) 265
Обитель Красавиц Гора (Инчжоу) 85,
344
Обитель Мертвых (Минбочжи цю)
223
Обитель Мрака (Юду) 183
Огромных Охотников Страна (Цзюй
соу) 68, 341
Одетых в Меха Местность (Цюши-
чжи ди) 310
Одинокий Бамбук (Гучжу) 107, 292,
297, 347
Океанская река (Хай хэ) 53
Опасное Нагромождение (Вэйлэй)
253, 254
Охотниц-прорицательниц Гора (Гуи-
шань, Ле Гуи, Мао Гуи) 22, 53,
137, 138, 329, 339

Пекин 373
Первого Солнца Гора (Шоуян) 97,
107, 175, 293, 297
Перерезывающая Дорогу Пучина
(Цзайлу) 279
Пески (Оуша) 126
Песчаные Холмы (Шацю) 125, 275
Пещера-гора (Кундун) 86
Пигмеев Страна (Цзяояо) 36, 85,
344

Поднебесная (Тянься) 19, 23, 31, 48, 52, 53, 63, 66, 73, 74, 81, 83, 90, 94, 100, 106, 107, 111, 113, 116, 117, 118, 125, 137, 138, 143, 151, 155, 156, 159, 160, 163, 164, 170, 171, 173—184, 186—190, 192—204, 208, 209, 212, 213, 214, 221, 222, 224, 241, 244, 247, 250, 259, 260, 262, 263, 266, 267, 268, 274, 281, 282, 283, 285, 286, 287, 288, 291—298, 300, 301, 303, 304, 305, 314—321, 348, 349, 358, 360, 373, 375

Посредников Рода Страна (Цзеши-чжи го) 165

Почитаемая Гора (Чуншань) 183

Преемства-гора (Дайшань) 70, 303, 337, 342, 373

Приют Презревших Блага (Пэнлай) 85, 344

Проса Храм (Цзи) 126, 178, 237, 253, 261, 262, 350, 366

Пустота Великая (Дамочжи го) 234

Пустота-река (Куанышуй) 282

Пучина-океан (Минхай) 86, 136

Пэй 63, 207, 284

Река (Хэ) 70, 113, 145, 155, 164, 170, 214, 297, 313, 342, 353

Река (Цзян) 265, 269, 270, 342

Река (Чуань) 164

Рим 354

Светлая Вода (Байшуй) 246

Священный Фонтан (Шэн пэн) 88

Священный Холм (Шэн цю) 170

Север Крайний (Цюнфачжи бэй) 136

Северное море (Бэй хай) 88

Северные Страны (Бэй го) 89

Северный океан (Бэй мин) 29, 135, 214, 218, 221

Северный полюс (Бэй цзи) 164, 344

Север Севера (Бэйчжи бэй) 86

Скорпион, созвездие (Вэй), 164

Скрывающихся Местность (Цан) 243, 366

Сосна-гора (Суншань) 86, 344

Союз Старших Братьев (Куньлунь) 68, 69, 93, 164, 189, 229, 251, 335, 341

Срединное небо (Чжунтянь) 67

Срединное царство (Чжунчжоу)—см. Срединные царства

Срединные Горы (Чжуншань) 60, 81, 290

Срединные царства (Чжун го, Чжуньян-чжи го) 52, 70, 84, 85, 88, 89, 93, 215, 239, 240, 248, 315, 339, 342, 352

Стрелец, созвездие (Цзи), 164

Суй, царство, 371

Сун 16, 50, 63, 65, 72, 114, 117, 120, 124, 155, 206, 236, 238, 290, 295, 303, 307, 311, 338, 371

Сутяги Страна (Чжэн) 86, 344

Сянчэн 262

Тайхан 86, 87

Тайчжоу 52, 339

Темная Вода (Юань шуй) 245, 367

Темнокрасная Гора (Яньшань) 170, 358

Терновая Чаща-гора (Цзюйцы) 262, 368

Терновник (Цзин) 86, 136, 344

Треглавая Гора (Саньвэй) 183

Три [рода] светил (Сань гуан) 304

У, царство, 86, 97, 123, 124, 278, 288, 295, 350, 363

Угловая Долина (Юйгу) 87, 345

Удивительных рук Царство (Цигун) 33

Усопших Холм (Циньцю) 126

Утвердивших Свойства Царство (Цзянь дэ) 234, 365

Фань 245, 367

Фыншуй река 138

Хань, [№ 2580] царство, 92, 286, 287, 303, 345

Хань (Ханьшуй), [№ 5261] река, 87, 145, 192, 353

Ханьдань 126, 130, 178, 220, 359

Хао-река 221, 364

Хуа-гора (Хуашань) 317, 375

Хуай-река 86, 364

Хубэй 342, 371

Хунань 342

Хэбэй 336, 342, 343, 344, 347

Хэнань 336, 338, 344, 349, 367

Цай 18, 97, 114, 206, 235, 236, 237, 290, 291, 296, 307, 349

Цаньфу 278

Цветущее царство (Хуа) 189, 360

Цзи, река, 86

Цзинь 55, 74, 122, 192, 295, 303, 339, 347, 350

Цзичжоу 86, 87

Цзожэнь 123

Цзоу 315, 374

Цзы-река 80, 123

Цзытань, дворец, 262

Цзюй 99, 347

Цзя 236, 366

Цзянсу 350

Ци, царство, 60, 62, 67, 80, 89, 92, 99, 106, 107, 111, 120, 124, 129, 130, 131, 135, 151, 152, 153, 178,

224, 239, 265, 267, 272, 274, 295,
296, 303, 309, 333, 338, 345, 347,
348, 349, 367, 370, 375
Цинлин, река, 291
Цинцзян река, 279
Цинь, царство, 63, 89, 121, 122, 127,
284, 311, 345
Цичжоу 86
Циюань 34

Черный Дворец (Сюань гун) 164, 356
Черный Полог (Цзывэй), роща, 305
374
Чжао, царство, 82, 90, 302, 340, 343,
359, 373
Чжолу, равнина, 296
Чжоу [№ 3989], река, 292
Чжоу [№ 3882], царство, 18, 71, 114,
119, 200, 206, 236, 290, 292, 303,
339, 342, 362
Чжунжэнь 123
Чжэ-река 278
Чжэн, царство, 16, 32, 43, 60, 67, 109,
110, 111, 171, 334, 336, 341, 345,
347, 348, 355
Чжэцзян 345, 350
Чистейшая Столица Пурпурной Звез-
ды (Цинду Цзывэй) 68
Чу, царство, 59, 74, 86, 89, 111, 120,
126, 155, 156, 159, 192, 220, 223,
227, 245, 258, 266, 270, 273, 288,
295, 342, 344, 362, 366, 368, 369
Чэн, город, 47, 338
Чэнь, царство, 18, 73, 97, 114, 206,
235, 236, 237, 290, 291, 296, 307,
349

Шан 18, 114, 119, 203, 206, 236, 290,
349
Шан-гора 154
Шаньдун 337, 338, 342, 347
Шаньси 339, 343, 345, 366
Шаогуан-гора 164
Широкие Ворота (Янь мэнь), 281,
371
Шо 87
Шоулин 220, 364
Шу 277
Шэн-река 123
Шэньси 342, 344, 345

Щербатая Гора (Бучжоу) 85, 344

Юг от Реки (Хэян) 86
Южная Гора (Чжуннань) 67
Южные Страны (Нань го) 89
Южный океан (Нань минь) 29, 135,
136, 218, 221
Юг Крайнего Запада (Сицзичжи
наньюй) 70
Юй, царство 366
Юйчжоу 87
Юли 296
Юн 87
Юэ 89, 124, 126, 137, 140, 141, 156,
211, 234, 261, 286, 295, 320, 345,
363, 368, 375

Янли 72
Янцзыцзян 342
Янь, гора 93
Янь, царство, 74, 267, 320, 342, 364,
373, 375
Яньчжоу 52, 339

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Авеста 329
 Алексеев В. М., *В старом Китае* 328
 Алексеев В. М., *Китайская классическая проза* 327, 332, 335, 352
 Алексеев В. М., *Китайская литература* 325
 Асмус В. Ф., *Искусство и действительность в эстетике Аристотеля* 333
- «Бамбуковые летописи» («Чжу шу цзи нянь») 332, 372
 Бань Гу, *Исторические записки, Предисловие* (Ши цзи, Сюй) 334
 Библия 329
 Бичурин Н. Я., *Описание «религии ученых»* 327
 Боккаччо, *Фьяметта* 39
 Буланже П. А., *Жизнь и учение Конфуция* 325
 Бунаков Ю. В., *Книгопечатание и книгоиздательское дело в Китае* 335
- «В седьмой луне» («Ци юэ») 326
 «В тутовой роще» («Сан линьчжи у») 147
 Ван Вэй, *Тайны живописи* (пер. В. М. Алексеева) 335
 Ван Чун, *Лунь хэн* 18, 326, 330, 337, 338, 344, 348, 350
 Ван Чун, *О смерти* (Лунь сы) 326, 348
 Васильев В. П., *Примечания на «Второй выпуск китайской хрестоматии»* 330
 Васильев В. П., *Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм* 327, 328, 333
- «Великая наука» (пер. Л. Н. Толстого) 325
 «Великий разлив» («Да ху») 316, 374
 «Великое лето» («Да ся») 316, 374
 «Великое уложение» («Да чжао») 316, 374
 «Великое цветение» («Да шао», «Шао») 65, 67, 224, 232, 316, 341, 374
 «Весна и осень» («Чунь цю») 143, 209, 315, 333, 346, 347, 353
 «Весна и осень Люя» («Люйши чунь цю») 18, 332, 334, 336, 340, 341, 343, 345—351, 359, 371, 372, 375
 «Весна и осень Яньцзы» («Яньцзы чунь цю») 333, 348
 «Воитель» («У») 316, 374
 «Восход солнца» («Сянь чи») 204, 224, 316, 362, 374
- Гатов, Аг., *Храбрость пяти наказаний* 331
 Герцен А. И., *Письма об изучении природы* 327
 Го Можо, *Философы древнего Китая*, 330, 334
 Горький М., *О литературе* 334
 Гу Цзеган, *Гу ши бянь* 328, 340
 Гуань Фын, *Чжуанцзы нэйпянь и цзе хэ пипань* 328, 329, 332, 333
 «Гуаньцзы» 332, 345
- «Дао дэ цзин» 8, 9, 16, 17, 19, 20, 22, 36, 325, 326, 329, 336—340, 343, 345, 348—351, 355, 359—362, 364, 367, 375
 Дынник М. А., *Материалисты древней Греции* 333

* В «Библиографический указатель» включены все произведения: книги, статьи, упоминаемые в предисловии и примечаниях. Выходные данные даются при первом упоминании в тексте.

«Жизнеописание Сына Неба Му»
(«Му тяньцзы чжуань») 341.

«Зеленая, зеленая» («Цинцинчжи») 279, 370.

Иванов А., *Материалы по китайской философии. Хань Фэйцзы* 330

«Изречения китайского мудреца Лао-тэе», избранные Л. Н. Толстым 325

«Изречения» Конфуция («Лунь юй») 7, 325, 330, 333, 335, 337—343, 347, 348, 349, 352, 354, 355, 357, 358, 361, 364, 367, 372, 373.

«Изречения Конфуция, учеников его и других лиц» (пер. П. С. Попова) 325

«Инвектива против конфуцианцев» («Фэй жу») 350

«Иньфу цзин» 368

«История династии Суй», «Библиография» («Суй шу», «Цзинцзе чжи») 327

«История династии Хань», «Библиография» («Хань шу», «Ивэнь чжи») 326, 327

«История дипломатии» 354

«История философии» 326, 356

«Канон Шуня» («Шунь дянь») 359

«Каталог гор и морей» («Шань хай цзин») 330, 334, 335, 344

«Китайский философ Мэч-цзы» (пер. П. С. Попова) 327, 332

«Книга перемен» («И цзин») — см. «Китайская классическая „Книга перемен“».

«Книга песен» («Шицзин») 15, 325, 338, 341, 343, 346, 348, 361, 362, 370, 371, 374

«Книга преданий» («Шу цзин») 15, 354, 359

«Книга Ян Чжу» 346

Конрад Н. И., *Начало китайского гуманизма* 334, 335

Конрад Н. И., *Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве* 325

Конрад Н. И., *Три танских поэта*, Предисловие 334

Конрад Н. И., *У-цзы. Трактат о военном искусстве* 325

«Конфуций. Жизнь его и учение», под ред. Толстого Л. Н. 325

Кривцов В. А., *Эстетические взгляды Ван Чуна* 334

«Лао-си Тао-те кинг» под ред. Толстого Л. Н. 325

Ленин В. И., *Философские тетради* 326, 331, 364.

«Лецзы» 5, 6, 8, 10, 12—16, 18—22, 28, 35, 36, 38, 325—332, 334, 340, 341, 345, 348, 354, 356, 359, 361, 362, 364, 365, 367, 368, 369, 375

Ли Жучжэнь, *Цветы в зеркале* (пер. В. А. Вельгуса и др.) 36, 39, 334

Ли Чжи (Ли Чжо-у), *О детском сердце* (*Тун синь шо*) 39, 335

Лихачев Д. С., *Возникновение русской литературы* 354

Лихачев Д. С., *Культура Руси* 330.

Лихачев Д. С., *Человек в литературе древней Руси* 334

«Ломаем тополь» («Чжэ ян») 195, 361

Лу Синь, *Болтовня в конце весны* (*Чунь мо сянь тань*) 363

Лу Синь, *За пограничную заставу* (пер. Н. Т. Федоренко) 363

Лу Синь, *Меч* (пер. Л. Д. Позднеевой) 346

Лу Синь, *Мое «землячество» и моя «клика»* (*Водэ «цзи» хэ «си»*), 327

Лу Синь, *О «Полном курсе начального обучения»* (пер. Л. Д. Позднеевой) 327

Лу Синь, *Отчуждение* (пер. Л. Д. Позднеевой) 327

Лу Синь, *Очерк истории китайской повествовательной прозы* (*Чжун-го сяошо шилляо*) 5, 325

Лу Синь, *Сатирические сказки*, 334. «Лу ши» 369

Лю Сян, *Лецзы. Предисловие* (*Лецзы, Сюй*) 10, 327

Лю Цзунъюань, *Надпись у нового зала сановника нашего Вэя в Юнчжоу* (пер. В. М. Алексеева) 335.

Лю Цзунъюань (Лю Хэдун), *О «Лецзы»* (*Бянь «Лецзы»*) 10, 327

Лю Цзунъюань, *Провожая Се Цуньни, Вводное слово* (пер. Н. И. Конрада) 335

Маковельский А. О., *Древнегреческие атомисты* 331, 337

Манухин В. С., *Роман «Цзинь, Пин, Мэй» и борьба с биографическим направлением в китайской критике* 335

Маркс К., *Введение* (*Из экономических рукописей 1857—1858 годов*) 331

Маркс К., *Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество»* 329

«Металлические планки в шести чехах» («Лю тао») 261, 368
 «Ми-ти, китайский философ». «Учение о всеобщей любви», под ред. Л. Н. Толстого 325
 «Моцзы» («Мо цзин») 331, 345, 346, 350, 375
 «Мчащихся собак рода песня» («Бяньшичжи фын») 237, 366
 «Мэнцзы» 23, 24, 31, 327, 329—332, 335, 343, 361, 369, 373

Никитина В. Б., Паевская Е. В., Позднеева Л. Д., Редер Д. Г., *Литература древнего Востока* 329, 331, 334, 335

«О том, как Юй Боя, лютию разбив, простился с понявшим звук», пер. Б. А. Васильева) 346
 «Образцовые речи» («Фа янь») 152, 354
 «Обряды Чжоу» («Чжоу ли») 362, 374
 Ошанин И. М., *Китайско-русский словарь* 333

Палладий Кафаров и Попов П. С., *Китайско-русский словарь* 354, 362, 371

«Песня безумца» 355

Петров А. А., *Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель* 325, 326

Петров А. А., *Очерк философии Китая* 328

Петров А. А., *Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая* 327, 330, 333, 348

Плутарх, *Сравнительные жизнеописания* 334

Позднеева Л. Д., *К вопросу об общественно-политических взглядах поэта Юань Чжэня* 334

Позднеева Л. Д., *К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов* 329

Позднеева Л. Д., *Лу Синь. Жизнь и творчество* 327, 331

Позднеева Л. Д., *Ораторское искусство и памятники древнего Китая* 329, 354

Позднеева Л. Д., *A. Graham. The Book of Lieh-tzu* (рец.) 329

Позднеева Л. Д., *Цзи Кан «О долголетию»* 327, 334

«Портреты двадцати четырех почтительных сынов и дочерей» («Эр-шисы сяо ту») 370

Поспелов Г., *О природе искусства* 325, 331, 332

«Принимаем облака» («Чэн юнь») 67, 341.

Пу Сунлин, *Новеллы* (пер. П. М. Устина, А. А. Файнгара) 35, 334

Пу Сунлин, *Сочинения*, 328

Пыжова О. В., *Об эстетическом идеале Калидасы* 333

«Пятикнижие» («У цзин») 11, 15

«Речи борющихся царств» («Чжаньго цэ») 366

«Речи царств» («Го юй») 345, 364

«Речи Цинь» («Цинь») 366

«Речные заводи» 14, 329

«Рождение народа» («Шэн минь») 337

«Сила и судьба» («Ли Мин») 10, 97, 340, 346

Симоновская Л. В., Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф., *Очерки истории Китая* 334

«Согласие в каре» («Би юн») 316, 374

Стратанович Г. Г., *Китайские бронзовые зеркала* 333

Стратанович Г. Г., *О ранних верованиях древних китайцев* 326

Су Дунпо, *Надпись на стеле в храме Чжуанцзы (Чжуанцзы цытан цзи и шоу)* 13, 328

Сыма Цянь, *Жизнеописание Бянь Цяо... (Бянь Цяо...)* 334, 345

Сыма Цянь, *Жизнеописание Конфуция (Кунцзы)* 334

Сыма Цянь, *Жизнеописания Лаоцзы, Чжуанцзы... (Лаоцзы, Чжуанцзы...)* 10, 326, 328, 334, 342

Сыма Цянь, *Жизнеописания Мэнцзы, Сюнь Цина (Мэнцзы, Сюнь Цин)* 338, 370.

Сыма Цянь, *Жизнеописание Тянь Цзиньчжун Ваня* 370

Сыма Цянь, *Жизнеописание Чжан Цана... (Чжан Цан...)* 334

Сыма Цянь, *Исторические записки (Ши цзи)* 14, 326, 328, 330, 332, 334, 335, 336, 342, 345, 347, 348, 350, 370, 373

Сыма Цянь, *Об астрономах* 334

Сыма Цянь, *О музыке* 334

Сыма Цянь, *Хроника [царства] Чжэн* 336, 347, 348, 350

«Сюньцзы» 341, 347, 363, 365

Сян Сю, *Опровергаю «Учение о долголетию» (Да нань «Ян шэн лунь»)* 16

- Тао Юаньмин, *Лирика* (пер. Л. З. Эй-
длина) 334
- Тао Юаньмин, *Персиковый источник*
(пер. Л. З. Эйдлина) 36
- Тахо-Годи А. А., *Некоторые вопросы*
эстетики Лукиана 333
- Толстой Л. Н., *Великое учение* 325
- Толстой Л. Н., *Изложение китайско-*
го учения 325
- Толстой Л. Н., *Книга пути и истины,*
написанная китайским мудрецом
Лаоцы 325
- Толстой Л. Н., *Книги Конфуцы* 325.
- Толстой Л. Н., *О сущности учения*
Лао-тзе 325
- Толстой Л. Н., *Письмо к китайцу* 325.
- «Три танских поэта» (пер. А. И. Ги-
товича) 334
- «Троецарствие» 14, 329
- Трофимов П. С., *Об эстетических*
идеях древнего Египта 333.
- «Тыквы возрастают» 371
- «У цзин, Сы шу» 333
- У Цзинцзы, *Неофициальная история*
конфуцианцев (пер. Д. Н. Вос-
кресенского) 36, 39, 334
- У Цзэ, *Отступник от конфуцианства*
Ли Чжо-у (Жуцзяо паньту Ли
Чжо-у) 335
- У Чэнъэнь, *Путешествие на Запад*
(пер. В. С. Колоколова, А. П.
Рогачева) 335
- «Утренняя роса» («Чжэнь лу») 67
341.
- «Утром три» («Чао сань») 142, 341
- Флуг К. К., *История китайской печат-*
ной книги сунской эпохи (X—
XIII вв.) 327, 335
- «Хань Вэй цуншу» 368
- «Хань Фэйцзы» 15, 18, 330, 334, 346,
350, 351, 359, 375
- Хань Юй (Хань Чанли), *Юань дао*
(пер. Конрада Н. И.) 35, 335
- «Хрестоматия по истории Древнего
Востока», под ред. Струве В. В.
326, 333, 334, 337, 374
- «Хуайнаньцзы» 18, 332, 334, 338, 340,
341, 342, 345, 347, 349, 350, 351,
353, 358, 359, 360, 365, 369
- Цао Чжи, *Семь печалей* (пер. Л. Е.
Черкасского) 334
- Цзи Кан, *О долголети* (*Ян шэн*
лунь) 16, 36, 329
- Цзи Кан, *Опровергаю любовь к уче-*
нию от природы (Нань цзыжань
хао сюэ лунь) 16, 329
- «Цзин Шоу» 147, 353
- «Цзинь, Пин, Мэй» 39, 335
- «Цзо чжуань» 333, 346, 347, 365
- Цзя И, *Ода к сове*, 35
- Цзя И, *Чжи ань цэ* 332
- «Цы хай» 354, 371
- Цюй Юань, *Отец-рыбак* (пер. В. М.
Алексеева) 332
- Чжан Синьчэн, *Вэй шу тун као* 326..
330, 332, 334
- Чжан Сюэчэн, *Историко-филологиче-*
ское толкование (Вэнь ши тун и)
356
- «Чжу цзы цзи чэн» 325, 341
- «Чжуанцзы» 5, 6, 9, 10, 12—16, 18,
19, 22, 24, 28, 32, 35, 36, 325—
332, 334, 336—351, 375
- «Чжуанцзы постигает великое дао»,
(пер. В. А. Вельгуса) 35, 334
- «Чжуанцы цзи ши» 329
- «Чуские оды» («Чу цы») 368
- «Шанские гимны» («Шан сун») 289
- «Шесть драгоценных нефритов»
(«Лю юн») 67, 341
- Шифман А., *Толстой и Китай* 325.
- Штейн В. М., *Гуаньцзы* 325
- Шуцкий Ю. К., *Китайская классиче-*
ская «Книга перемен», под ред.
Н. И. Конрада 325, 326, 336, 361
- Шуцкий Ю. К., *Основные проблемы*
текста «Лецзы» 327
- Энгельс Ф., *Диалектика природы* 326
- Энгельс Ф., *Крестьянская война в*
Германии 327
- Энгельс Ф., *Людвиг Фейербах и ко-*
нец классической немецкой фи-
лософии 327, 330
- Юань Кэ, *Мифы древнего Китая*
(пер. под ред. Б. Л. Рифтина)
339, 341
- Юань Чжэнь, *Повесть об Ин-ин* 38
- «Юй Боя, скорбя о друге, разбивает
лютню» (пер. В. А. Вельгуса)
35, 346
- Юн Мэнъюань, *Хронология истории*
Китая (Чжунго лиши цзи нянь)
332
- Юн Чжаоцзу, *Даты жизни Ли Чжи*
(*Ли Чжи няньпу*) 327
- Ян Боцзюнь, *Лецзы цзиши* 328, 329..
330, 346, 350, 351

- Ян Боцзюнь, *Пример определения даты создания древних книг с точки зрения истории китайского языка* (Цун ханьюй шидэ цзиоду лай цзяньдин чжунго гу цзи сец-зо няньдайдэ игэ шили) 328
- Ян Сюн, *Образцовые речи* 354
- Ян Хиншун, *Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение* 325, 326, 355
- Ян Хиншун, *Теория познания моистов* 375
- «Ян Чжу» 10, 106, 346
- Ян Юнго, *История древнекитайской идеологии* 325, 332, 342, 345, 366
- «Яркие цветы» («Хуан хуа») 195, 361
- Bodde Derk, *Lieh-Tzu and the Doves. A problem of dating* 328
- Giles H. A., *Chuang Tzu. Mystik, Moralist and Social Reformer* 326, 333, 356, 357
- Graham A., *The Book of Lieh-tzu* 326, 328—332, 334, 339, 346, 349, 350
- Jablonsky W., *Czuang Tsy* 329
- Ju-lan Fung, *Chuang Tzu* 326, 333, 356, 357
- Legge J., *The Sacred Book of the East. The Texts of Taoism* 325, 326, 328, 333, 357, 364—367, 373
- Legge J., *The Works of Mencius* 332
- Leslie D., *The Sayings of Chuang Chou, by James R. Ware* 329, 357
- Moor Aubrey, *Note on the Philosophy of Chuang Tzu*, 326, 333
- Needham J., *Science and Civilisation in China* 326, 327, 333
- Waley A., *Three Ways of Thought in Ancient China* 328
- Ware J. R., *The Sayings of Chuang Chou* 328, 329, 357
- Wilhelm R., *Dschuang 'Dsi* 325, 326, 328, 330, 351, 357, 367
- Wilhelm R., *Liä Dsi* 326, 328, 330, 339, 349
- Wing Tsichan, *A source Book in Chinese Philosophy* 329

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Ян Чжу. Лецзы	
Глава 1. Власть природы	43
Глава 2. Желтый предок	52
Глава 3. Чжоуский царь Му	67
Глава 4. Конфуций	74
Глава 5. Вопросы Испытующего	84
Глава 6. Сила и Судьба	97
Глава 7. Ян Чжу	106
Глава 8. О предвидении	118
Чжуанцзы	
Глава 1. Странствия в беспредельном	135
Глава 2. О равенстве вещей	139
Глава 3. Главное для долголетия	147
Глава 4. Среди людей	148
Глава 5. Знак полноты свойств	156
Глава 6. Основной учитель	161
Глава 7. Достойный быть предком и царем	170
Глава 8. Перепонки между пальцами ног	173
Глава 9. У коня копыта	176
Глава 10. Взламывают сундуки	177
Глава 11. Предоставить [каждого] самому себе	181
Глава 12. Небо и земля	187
Глава 13. Путь природы	196
Глава 14. Вращается [ли] небо?	203
Глава 15. Полные суровых дум	210
Глава 16. Исправляющие характер	212
Глава 17. С осенними разливами	214
Глава 18. Высшее счастье	221
Глава 19. Понимающий [сущность] жизни	225
Глава 20. Дерево на горе	232
Глава 21. Тянь Постоянный	239
Глава 22. Знание странствовало на Севере	245
Глава 23. Гэнсан Чу	253
Глава 24. Сюй Отрицающий Душу	260
Глава 25. Подражающий свету	270
Глава 26. Вещи вне [нас]	277
Глава 27. Притчи	282
Глава 28. Передача Поднебесной	285
Глава 29. Разбойник Чжи	293
Глава 30. Огучил фехтовать	302
Глава 31. Рыболоз	304
Глава 32. Ле Защита Разбойников	309
Глава 33. Как управлять Поднебесной	314
Комментарии	
Предисловие	325
Ян Чжу. Лецзы	335
Чжуанцзы	351
Указатели	
Указатель имен	379
Указатель персонажей	384
Указатель географических названий	395
Библиографический указатель	399

23

1 р. 90 к.

АТЕИСТЫ, МАТЕРИАЛИСТЫ, ДИАЛЕКТИКИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ